279

В 37

Вестник Европы.

1907 г.

т. 5,

октябрь.

17970.

ТВЕРСКАЯ БИБЛІОТЕКА

ЦЕРКОВЬ, ПАПСТВО
И
ГОСУДАРСТВО
въ IV-мъ вѣкѣ

17270

I.

Четвертый вѣкъ нашей эры былъ величайшей эпохой въ жизни христіанской церкви. Послѣ трехсотъ лѣтъ гоненій и мученическихъ подвиговъ она побѣдила угнетавшія ее враждебныя силы—языческихъ боговъ, которые въ ея глазахъ были нечестивыми демонами,—и языческихъ императоровъ съ ихъ жестокими проконсулами и звѣрскими палачами. Разрозненныя и разсѣянныя на далекихъ пространствахъ, общины слились въ одну могущественную церковь и въ пестромъ составѣ римской имперіи не было націи, которая не принимала бы участія въ тріумфальномъ шествіи церкви на Голгоѳу. Но это торжество не напоминало кровавыхъ „тріумфовъ" языческой эпохи. Оно совершалось не во славу императора или консула, украшеннаго отличіями Юпитера,—а во славу „единаго Бога", которому церковь приписывала свое торжество. „Jam resurgit unius Dei triumphus!" побѣдоносно восклицаетъ архіепископъ Миланскій Амвросій. Описывая это торжество, онъ въ мѣткой и краснорѣчивой антитезѣ противополагаетъ его тріумфамъ языческой поры, какъ побѣду духа свободы и морали—дикому насилію: „Не со связанными за спиной руками видимъ мы народы въ этомъ шествіи, не декораціи, изображающія разрушенные города, не статуи, похищенныя изъ

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

покоренныхъ муниципій, не плѣнныхъ царей съ согбенной выей, —но ликующіе народы, влекомые не на казнь, а къ вѣчной жизни, царей, свободно и добровольно преклоняющихъ колѣна; города, охотно сдавшіеся, и виды преобразованныхъ къ лучшему муниципій (in melius reformatas)".

Это было по истинѣ торжество духа. Побѣдитель не только сокрушилъ своихъ противниковъ, но претворилъ въ себѣ ихъ духовныя силы и заставилъ ихъ служить своимъ высшимъ цѣлямъ. Христіанство, столь долго гнушавшееся вмѣстѣ съ язычествомъ и его образованія, его философіи, литературы и искусства, воспользовалось ими, чтобы создать величественное зданіе богословской догматики и роскошныя базилики для богослуженія. Подобнымъ образомъ церковь заставила служить себѣ и римское государство. Императоръ сталъ *сыномъ* церкви; подъ его охраною церковь объединилась въ могущественной организаціи, подъ его покровительствомъ завладѣла богатствами языческихъ храмовъ, обезпечила привилегіями духовенство, проникла въ область свѣтскаго суда.

Но это внѣшнее торжество церкви не ослабило ея; духъ, создавшій ея силу, продолжалъ въ ней дѣйствовать; объ этомъ свидѣтельствовали церковныя празднества, въ то время захватывавшія гораздо глубже, чѣмъ теперь, религіозную жизнь всей общины. „Наступаетъ Пасхальный день,—восклицаетъ Амвросій, —и во всемъ мірѣ совершаются крещенія, облекаются покрываломъ святыя дѣвы". О силѣ этого духа не менѣе свидѣтельствовали длинные ряды каявшихся „на народѣ" грѣшниковъ, которые своимъ покаяніемъ краснорѣчиво говорили и о строгой нравственной дисциплинѣ церкви, и о ея всепрощеніи. Духъ подвижничества въ церкви особенно поддерживали празднества въ память мучениковъ. Ихъ подвиги были еще у всѣхъ на свѣжей памяти; почти не было мѣстечка въ обширной имперіи, которое бы не могло гордиться тѣмъ, что и его граждане запечатлѣли своею кровью истину христіанской вѣры. Память о нихъ, память объ испытанныхъ ими страданіяхъ, поддерживала въ церкви прежній высокій идеализмъ, хотя онъ и принялъ другія формы. Въ первые вѣка христіанства этотъ идеализмъ проявлялся въ горячей вѣрѣ въ скорое наступленіе царства Божьяго и въ напряженномъ ожиданіи его; теперь это нетерпѣливое ожиданіе улеглось; церковь начала устраиваться на землѣ, но вѣра въ близость царства Божьяго не исчезла. По справедливому замѣчанію историка церкви, никогда не бывало у людей такой способности возноситься чувствами надъ видимымъ міромъ, такого живого стремленія про-

никнуть мыслью въ невидимое царство, — и въ то же время такой искренней увѣренности въ своемъ торжествѣ на землѣ. Но идеализмъ этой эпохи проявлялся и въ другомъ направленіи, —въ отрицаніи всего земного и мірского. Во время борьбы съ язычествомъ эта потребность могла находить удовлетвореніе въ предѣлахъ христіанскихъ общинъ, которыя среди окружающаго ихъ язычества, утопавшаго въ соблазнахъ грѣховнаго міра, сами являлись его отрицаніемъ; съ тѣхъ поръ какъ христіанство вступило въ этотъ міръ и въ союзѣ съ государствомъ стало имъ завладѣвать, аскетическое стремленіе, избѣгая всякаго соприкосновенія съ этимъ міромъ, стало порывать связь и съ христіанскимъ обществомъ, и создало монашество.

Въ этотъ великій вѣкъ церкви жилъ величайшій сынъ ея, Августинъ. Онъ былъ великъ потому, что глубже пережилъ въ себѣ и шире охватилъ современныя ему проблемы въ жизни церкви, что онъ стоялъ на вершинѣ этой знаменательной эпохи и можетъ быть признанъ самымъ зрѣлымъ ея плодомъ; онъ былъ великъ еще и потому, *что* онъ сдѣлалъ для величія и прославленія церкви. Мы не будемъ здѣсь касаться ни его борьбы съ врагами церкви, ни его просвѣтительнаго вліянія на нее, ни его заслугъ передъ нею въ области догматики,—но мы разумѣемъ *догму* изъ *догмъ* [1]), установленіе Августиномъ самаго понятія о церкви. Своимъ опредѣленіемъ этого понятія Августинъ, по выраженію Г. Шмидта, внесъ *самосознаніе* въ церковь. У предшествовавшихъ Августину отцовъ церкви [2]), говоритъ этотъ ученый, можно встрѣтить отдѣльныя размышленія о церкви, особенно у Тертулліана и Кипріана, но лишь Августинъ подвергъ этотъ вопросъ такому многостороннему обсужденію, что, начиная съ него, можетъ идти рѣчь о догмѣ по отношенію къ церкви.

Шмидтъ замѣчаетъ, что самосознаніе въ церкви могло пробудиться лишь тогда, когда ей пришлось формулировать ея отношеніе не только къ ересямъ, но и къ схизмѣ. Этотъ моментъ наступилъ лишь при Августинѣ, который, оторвавшись отъ ереси манихейства, велъ борьбу и съ самой могущественной схизмой древней церкви—съ донатизмомъ.

Переходя къ понятію о церкви у Августина, мы ставимъ въ сторонѣ тѣ опредѣленія ея, которыя имѣютъ спеціально бого-

---

[1]) Выраженіе Бауэра: „die Lehre von der Kirche—das Dogma aller Dogmen“— въ „Исторіи церкви отъ IV до VI вѣка“.

[2]) См. H. Schmidt. Des Augustinus Lehre von der Kirche въ „Jahrbücher für deutsche Theologie“. VI т. 1856. О заслугахъ этого ученаго, впервые разработавшаго этотъ вопросъ, см. у Рейтера.

БИБЛИО... ПЕТРА АЛЕКСЕЕВА

словскій смыслъ, и сосредоточимся на томъ, которое получило наибольшую извѣстность и оказало наибольшее вліяніе на самую судьбу церкви.

Евангеліе было благою вѣстью о царствѣ Божіемъ, и вмѣстѣ съ Евангеліемъ распространялось среди христіанъ и это представленіе о Божіемъ царствѣ. „Царство Божіе" являлось имъ, какъ нѣчто *грядущее*, имѣющее скоро наступить, но еще не совершившееся. Они ежедневно молились въ „Отче нашъ" о наступленіи царства Божьяго. Они полагали, что царство небесное водворится съ пришествіемъ Христа на землю, съ нетерпѣніемъ ожидали этого пришествія, полагая, что оно скоро наступитъ. При такомъ положеніи дѣла они были далеки отъ мысли смѣшивать настоящее съ будущимъ и усматривать въ современной имъ церкви какое-либо проявленіе царства небеснаго.

Но годы шли, церковь росла и крѣпла, и ожиданіе предстоящей реализаціи царства небеснаго утратило для большинства христіанъ свой *острый* характеръ. Когда же церковь пережила эпоху страданій, восторжествовала надъ язычествомъ, подчинила себѣ римское государство, — тогда явилась возможность, вмѣсто прежняго противопоставленія церкви и царства небеснаго, сближать эти два понятія, сопоставлять ихъ (координировать), наконецъ отождествлять ихъ въ формулѣ: *церковь есть царство небесное.*—Когда же появилась эта формула, и кто первый ее выставилъ?—Одинъ изъ лучшихъ знатоковъ Августина, посвятившій этому вопросу особое изслѣдованіе, пришелъ къ заключенію, что формула: „церковь есть царство небесное"—принадлежитъ Августину [1]).

Допуская, что задолго до Августина христіанская догматика проявляла наклонность къ сближенію понятій церкви и „царства небеснаго", и указавъ, что однако еще Кипріанъ Карѳагенскій былъ далекъ отъ этого, Рейтеръ приходитъ къ заключенію, что отождествленіе ихъ „впервые было сдѣлано Августиномъ".

Приписывая Августину главную роль въ данномъ вопросѣ, Рейтеръ особенно ссылается на слова Августина: „церковь уже теперь есть царство небесное". Онъ находитъ неправдоподобнымъ, чтобы Августинъ сталъ такъ выражаться, еслибы хотѣлъ этимъ высказать уже извѣстную до него мысль. Очевидно, эти слова должны установить нѣчто *новое*, дать такое опредѣленіе церкви, которое еще не было въ ходу. А на этомъ основаніи Рейтеръ считаетъ себя въ правѣ заявить, что формула, отожде-

---

[1]) Reuter. Augustinische Studien. № III, p. 106.

ствляющая церковь съ Божьимъ царствомъ, установлена лишь Августиномъ [1]).

Это заключеніе Рейтера не для всѣхъ убѣдительно. Гарнакъ, напримѣръ, и послѣ появленія въ свѣтъ изслѣдованія Рейтера утверждаетъ противное въ своей „Исторіи христіанскихъ догмъ", не приводя, впрочемъ, доказательствъ. На самомъ дѣлѣ нельзя допустить, чтобы до Августина никто не примѣнялъ къ церкви названія царства небеснаго, или Божьяго. Это противорѣчило бы свидѣтельству самого Августина. Въ одномъ изъ своихъ сочиненій Августинъ проводитъ мысль, что церковь на землѣ не безъ грѣха, однако *называется* царствомъ небеснымъ, а въ томъ самомъ сочиненіи „О царствѣ Божіемъ", откуда взята вышеприведенная формула отождествленія церкви съ царствомъ небеснымъ, Августинъ говоритъ: еслибы *святые* не управляли церковью такъ или иначе вмѣстѣ съ Христомъ *уже теперь*, то не говорили бы уже теперь о церкви, что она царство небесное [2]).

Не сталъ бы, конечно, Августинъ такъ выражаться: „церковь *называютъ*", и „о церкви *говорятъ*, что она царство небесное", если бы только онъ самъ, или онъ первый вздумалъ такъ ее величать или о ней такъ говорить. Тѣмъ не менѣе, должно сказать, что Августинъ является въ этомъ дѣлѣ великимъ новаторомъ, что *ему*,—хотя и въ иномъ смыслѣ, чѣмъ высказывается Рейтеръ, — принадлежитъ формула, что церковь *есть* царство Божіе. Если до него кто-нибудь и называлъ такъ церковь, то это отождествленіе не имѣло вовсе того значенія, которое *онъ* ему придалъ. Дѣло въ томъ, что Августинъ преобразилъ самое представленіе о царствѣ Божіемъ; онъ, можно сказать, *создалъ* то понятіе о царствѣ Божіемъ, съ которымъ онъ сопоставлялъ церковь. Въ этомъ смыслѣ, конечно, нужно сказать, что никто до него не отождествлялъ церкви съ Божьимъ царствомъ, и отнести къ исторической роли Августина тѣсную связь, установившуюся между этими двумя понятіями.

Царство Божіе до Августина противополагалось церкви, какъ грядущее благо, изображаемое въ неясныхъ очертаніяхъ. Царство Божіе, какъ его понималъ Августинъ, охватывало вмѣстѣ съ будущимъ все прошлое и настоящее. Оно существуетъ для него изъ начала, предшествуетъ сотворенію міра; оно есть вѣчная борьба со зломъ и ложью демоновъ, вѣчное торжество Божьей правды и праведности. Оно пребываетъ на небѣ, но часть его

---

[1]) Erst er ist—wie man vermuthen darf—der Producent der Formel gewesen.

[2]) Non etiam nunc diceretur ecclesia regnum coelorum.

нынѣ скитается на землѣ. Эта часть и есть церковь. Церковь такимъ образомъ становится неотъемлемою частью мірозданія. Она—дѣло божественнаго провидѣнія, она предвѣщена пророками, къ ней относится предсказаніе, что „славою ея наполнится весь міръ", и предсказаніе это уже исполнилось, „такъ какъ ежедневно весь міръ склоняется къ имени Христа" [1]). Она осуществлена очеловѣченіемъ Христа, странствованіемъ апостоловъ, страданіями мучениковъ, подвигами святыхъ; она поддерживается непрерывной преемственностью епископовъ отъ апостольскихъ престоловъ.

„Будучи такимъ образомъ результатомъ всей предшествующей міровой исторіи, церковь становится основаніемъ, на которомъ зиждется все спасеніе человѣка; она есть единственный путь къ спасенію".—„Она одна побуждаетъ глупца устремиться къ мудрости".

Августинъ испыталъ это на самомъ себѣ. Выбиваясь изъ путъ призрачной мудрости манихеянъ, Августинъ нашелъ спасеніе въ вѣрѣ въ авторитетъ церкви. Эта вѣра дала ему Евангеліе и возвратила ему Христа [2]).—Въ борьбѣ съ донатистской смутой, которая ставила моральный принципъ выше авторитета церкви, Августинъ почерпалъ свою силу въ представленіи о провиденціальномъ и міровомъ назначеніи церкви. Поэтому въ своихъ проповѣдяхъ и сочиненіяхъ Августинъ не упускаетъ случая прославлять и возвеличивать церковь. Церковь прославляется имъ не только какъ учрежденіе Христово: онъ возвышаетъ ее какъ бы до одного уровня съ ея божественнымъ Основателемъ: у Августина постоянно встрѣчается извѣстное аллегорическое обозначеніе церкви — какъ тѣла Христова [3]), или какъ невѣсты (sponsa) Христовой. Согласно съ этимъ Августинъ высоко прославляетъ авторитетъ церкви, вытекающій изъ ея мистическаго единенія съ ея главой. Она есть „столпъ и основаніе истины". „То, чему вѣритъ вся церковь, даже если оно не можетъ быть постигнуто разумомъ и не можетъ быть выражено рѣчью, должно быть принято, какъ истина".

Даже истина Св. Писанія держится авторитетомъ и постановленіями вселенской церкви [4]).

---

[1]) In Christianem nomen totus quotidie vertitur mundus. Schmidt. L. c.

[2]) Ego vero evangelio non crederem, nisi me catholicae ecclesiae non commoveret auctoritas. Contra ep. Man. C. 8.

[3]) Наприм., въ объясненіи 29 пс. (En. 52): „Псаломъ сей поется во славу тѣла Его, т.-е. церкви, во славу единства (т.-е. церкви), глава котораго на небѣ.

[4]) Scripturarum tenetur veritas cum hoc fit quod universae Ecclesiae placuit.

Этотъ авторитетъ непоколебимъ, ибо церкви присущъ духъ Божій: „Еслибы Господь не жилъ въ церкви, всякое и самое тщательное размышленіе впало бы въ заблужденіе; про эту церковь сказано: священный храмъ Божій—это вы (Кор. III, 17). Поэтому церковь никогда не будетъ введена въ соблазнъ дьяволомъ. Поэтому то, что̀ въ ней будетъ рѣшено (judicatum), не можетъ быть отмѣнено".—Но этотъ авторитетъ имѣетъ не одинъ теоретическій характеръ; съ нимъ связана власть благодѣтельная для человѣка: „Церкви предоставлены ключи отъ царства небеснаго. Эта власть „отпускать грѣхи" служитъ новымъ основаніемъ для ея прославленія. Внѣ церкви нѣтъ спасенія. „Грѣхи не прощаются внѣ церкви". Церковь же въ состояніи отпустить всякіе грѣхи: не будемъ слушать тѣхъ, кто отрицаетъ, что церковь Божія можетъ простить всѣ грѣхи. Церковь (pax ecclesiae) отпускаетъ грѣхи, а кто чуждъ мира церкви, тотъ одержимъ грѣхомъ".

Внѣ лона церкви не только царствуетъ грѣхъ, но не имѣетъ значенія и добродѣтель, даже тускнѣетъ блескъ христіанскаго подвига. „Добрыя дѣла,—говоритъ Августинъ,—внѣ церкви безполезны". Внѣ церкви ничья молитва о вѣчномъ спасеніи не будетъ услышана. Внѣ церкви можно всѣмъ обладать, кромѣ вѣчнаго спасенія, кромѣ любви. Донатистамъ, которые гордились фанатизмомъ мученичества и сами себя обрекали на ничѣмъ не вызванную мученическую смерть, Августинъ объявляетъ, что мученичество имѣетъ цѣну только въ предѣлахъ церкви, а не у нихъ; онъ идетъ еще далѣе, утверждая что внѣ церкви не приноситъ никакой пользы (nihil prodest) ни дѣвственность, ни мученичество, ни отпущеніе грѣховъ, ни милостыня, ни молитва".

При такихъ условіяхъ церковь представляетъ какъ бы спеціальное царство Христа. Такъ мы читаемъ у Августина: „Въ иномъ смыслѣ мы говоримъ о царствѣ Христа въ силу его божественнаго всемогущества, на основаніи котораго ему вся тварь подчинена; и въ *иномъ смыслѣ* церковь называется его царствіемъ въ силу вѣры ей присущей; „ибо царство Его тамъ, гдѣ Онъ царствуетъ въ силу вѣры".

II.

Но какъ ни важно для исторіи, не только церковной, но и всеобщей, отмѣтить знаменательный фактъ подведенія Августиномъ церкви подъ понятіе царства Божьяго,—не менѣе существенно

выяснить, какую именно церковь разумѣлъ при этомъ Августинъ. Если церковь есть царство Божіе, то всѣ ли причисляющіе себя къ церкви состоятъ гражданами этого царства? Въ прежнее время, когда церковь чуждалась языческаго общества и государства, такой вопросъ былъ бы излишнимъ. Принадлежность къ церкви служила залогомъ спасенія. Но иначе обстояло дѣло теперь. Два фактора въ особенности побуждали Августина обратить вниманіе на этотъ вопросъ: донатизмъ и ученіе о благодати. Донатисты видѣли главный признакъ церкви въ святости *всѣхъ* ея членовъ. Съ этой точки зрѣнія они отвергали православное духовенство Африки, признавая его членовъ ставленниками традиторовъ и, отрицая поэтому силу произведеннаго имъ крещенія, считали только себя истинно-православными. Вооружаясь противъ ихъ притязаній и доказывая, что ихъ церковь полна нечестивыхъ грабителей и убійцъ, Августинъ долженъ былъ искать другихъ признаковъ истинной церкви. Онъ долженъ былъ пожертвовать принципомъ, что признакомъ истинной церкви является праведность всѣхъ ея членовъ, — другими словами, онъ долженъ былъ допустить, что въ составѣ православной церкви есть праведники и нечестивые. Съ другой стороны, цѣльность понятія о церкви нарушалась у Августина понятіемъ о благодати. По ученію Августина человѣкъ удостоивался благодати не по своимъ заслугамъ, а по промыслу Божьему, т.-е. по предназначенію къ ней. Поэтому видимый составъ церкви заключалъ въ себѣ какъ предназначенныхъ, такъ и непредназначенныхъ къ спасенію. Первые составляли истинное ядро церкви, общину *святыхъ*, communio sanctorum; видимая церковь представляла лишь внѣшнюю оболочку этого ядра, и только эта внутренняя церковь была частью Божьяго царства. Вѣра въ спасеніе черезъ благодать была основана у Августина на лично пережитомъ убѣжденіи; она укоренилась у него еще глубже вслѣдствіе полемики съ пелагіанцами. Такимъ образомъ обѣ могущественныя партіи, въ борьбѣ съ которыми протекла его жизнь, повліяли на его представленіе о церкви въ одномъ и томъ же направленіи, препятствуя отождествленію видимой церкви, церкви *настоящаго* съ Божьимъ царствомъ.

Вотъ почему у Августина прославленіе церкви такъ часто чередуется съ сѣтованіемъ на ея составъ; вотъ почему Августинъ такъ часто *противополагаетъ* современной церкви, церкви земной —церковь будущаго, церковь небесную, царство Божіе. Церковь земная страдаетъ не только отъ еретиковъ, открыто отъ нея отпадающихъ и „тѣлесно съ нею разлученныхъ“, но и отъ не-

честивыхъ (mali), отпавшихъ отъ нея втайнѣ и въ духовномъ отношеніи. У Августина не переводятся жалобы на то, что въ лонѣ церкви такъ *много* этихъ дурныхъ людей. Онъ заявляетъ, что мы обладаемъ безчисленными свидѣтельствами „о смѣшеніи злыхъ и добрыхъ, одинаково участвующихъ въ таинствѣ причащенія". — Онъ говоритъ о „ложныхъ" христіанахъ въ церкви и о томъ, что въ ней два рода людей: тѣ, въ которыхъ царствуетъ истинная любовь, и другіе, въ которыхъ преобладаетъ притворство; поэтому не всѣ, состоящіе въ церкви, царствуютъ съ Христомъ. Такое положеніе дѣла будетъ и впредь продолжаться. Ибо „пока у церкви будутъ рождаться сыновья, въ ихъ числѣ будутъ и добрые и злые". И сравнительно съ числомъ дурныхъ— праведныхъ немного (justi pauci). Говоря словами притчи, Августинъ замѣчаетъ, что есть плевела, отдѣленныя отъ церкви, но есть и плевела, которыя въ ней пребываютъ. А въ другомъ мѣстѣ онъ заявляетъ, что еще большой вопросъ, кто хуже, плевела ли, отдѣленныя отъ церкви или находящіяся внутри ея? Поэтому Августинъ называетъ церковь „лиліей, окруженной терніемъ". — „Внѣ церкви, говоритъ онъ, совершается кое-что достойное имени Христа, не противное церкви; внутри же церкви совершается дьяволомъ (ex parte diaboli) противное церкви". И въ пастырскомъ негодованіи Августинъ восклицаетъ: „Тѣ, кто дурно живетъ въ церкви, превращаютъ Божью обитель въ пещеру разбойниковъ". О неправедныхъ (mali) упоминается у Августина въ цѣломъ рядѣ другихъ свидѣтельствъ. То онъ ихъ отчисляетъ отъ церкви: въ церкви много такихъ, которые къ ней не принадлежатъ; „къ церкви не принадлежатъ не только схизматики, но и нечестивые (perversi)". То онъ говоритъ, что церковь терпитъ, выноситъ у себя дурныхъ: „церковь терпитъ дурныхъ въ общеніи таинствъ";—или: „дурные, даже явные, терпятся церковью ради единенія". — Онъ и самъ взываетъ къ терпимости по отношенію къ нечестивымъ, пребывающимъ въ церкви. Въ толкованіи на 25-й псаломъ онъ говоритъ: „тотъ, кто преуспѣваетъ въ церкви, долженъ претерпѣвать въ ней дурныхъ — онъ, правда, ихъ не знаетъ, но многіе дурные ропщутъ противъ присутствія дурныхъ, подобно тому, какъ здоровый человѣкъ скорѣе сноситъ общество двухъ больныхъ, чѣмъ выносятъ другъ друга двое больныхъ. И потому вотъ что я вмѣняю вамъ въ обязанность, братья: церковь нашего вѣка представляетъ собою гумно; часто я это говорилъ, часто повторяю. На этомъ гумнѣ есть пшеница и плевела. Но пусть никто не настаиваетъ на удаленіи плевелъ до наступленія дня провѣванія ихъ. Пусть никто до

этого дня не покинетъ гумна подъ предлогомъ, что не хочетъ терпѣть грѣшниковъ".

Въ виду такой значительной примѣси дурныхъ элементовъ въ составѣ церкви она является въ глазахъ Августина учрежденіемъ *смѣшаннаго* достоинства. Много разъ у Августина проводится мысль, что добрые и злые перемѣшаны въ церкви по лицу всего земного круга. Вслѣдствіе этого Августинъ называетъ церковь также хромающей (clauda) и подкрашенной. Таковымъ смѣшаннымъ учрежденіемъ церковь останется до конца вѣка; „ибо только тогда произойдетъ отдѣленіе отъ тѣла церкви нечестивыхъ". Или, какъ говоритъ Августинъ въ другомъ мѣстѣ, „очищенною отъ всякаго смѣшенія съ дурными людьми церковь сдѣлается лишь по прошествіи этого бреннаго вѣка". А въ положительной формѣ Августинъ выражаетъ ту же мысль, говоря: „Церковь *тогда* будетъ заключать въ себѣ только однихъ праведниковъ (non nisi bonos)".

Противополагая церковь *вѣка сего* церкви въ будущемъ, Августинъ признаетъ современную ему церковь лишь подготовительною ступенью къ другой, лучшей и высшей по достоинству церкви. Истолковывая, въ бесѣдѣ на псал. 9-й, слова: „Господь обитаетъ въ Сіонѣ", Августинъ объясняетъ, что Сіонъ значитъ мысленное созерцаніе и обозначаетъ образъ церкви, какою мы знаемъ ее нынѣ. Іерусалимъ же обозначаетъ церковь, какою она станетъ въ будущемъ, а именно общиною святыхъ, уже наслаждающихся ангельскимъ житіемъ, ибо слово Іерусалимъ объясняется „узрѣніемъ мира".—Мысленное созерцаніе предшествуетъ видѣнію, такъ и *эта* церковь предшествуетъ той, которая обѣщана, т.-е. общинѣ безсмертной и вѣчной. Противополагая настоящее будущему, Августинъ восклицаетъ: „Церковь, нынѣ смертная, въ грядущемъ вѣкѣ будетъ безсмертна".

Это свойство церкви не должно быть, впрочемъ, поводомъ къ упрекамъ ей, ибо оно обусловливается ея земнымъ существованіемъ. Будучи по своему началу небеснаго происхожденія, церковь *скитается* на землѣ, какъ на чужбинѣ, совершаетъ свое земное странствованіе (peregrinatio). Поэтому, упоминая о дурныхъ людяхъ, Августинъ напоминаетъ, что присутствіе ихъ въ церкви не должно служить основаніемъ къ тому, чтобы хулить церковь — Ecclesia non est vituperanda. Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ: „Смѣшеніе съ дурными не смущаетъ церкви; они не пятнаютъ ее—non maculant".

Но, выражаясь такъ, Августинъ далекъ отъ мысли, чтобы можно было къ современной церкви примѣнять слова апостола,

„что она безъ пятна и морщины“ (Ефес. V. 27). Онъ, напротивъ прямо утверждаетъ, что церковь *здѣсь* не безъ пятна и морщины. Онъ спрашиваетъ, какимъ образомъ могли бы принадлежать къ церкви безъ пятна и порока сторонники дьявола? Къ такому протесту Августина особенно побуждало утвержденіе Пелагія, что церковь безъ пятна. Августинъ укоряетъ пелагіанцевъ, что по ихъ ученію церковь уже въ настоящее время состоитъ изъ однихъ праведниковъ. Вопреки этому Августинъ утверждаетъ, что слова апостола слѣдуетъ понимать не въ томъ смыслѣ, какъ будто церковь уже теперь безъ пятна, но что она готовится быть таковой. Ибо къ той церкви, которая безъ пятна и порока, не можетъ принадлежать тотъ, кто причастенъ къ сонму святыхъ лишь плотью. Перенося на самую церковь грѣховность ея членовъ, Августинъ заявляетъ, что и „церковь не безъ грѣха“. — Указывая на то, что слова молитвы Господней: „и остави намъ долги наши“, произносятся всей церковью, Августинъ заключаетъ: „И такъ, на ней пятна и морщины“.— Онъ, правда, прибавляетъ, что „покаяніемъ пятна смываются, а исповѣдью морщины сглаживаются“, но это не въ ущербъ его общей мысли, что лишь въ будущемъ вѣкѣ церковь достигнетъ незапятнанной чистоты. „Безъ пятна и морщинъ — торжественно заявляетъ Августинъ — церковь будетъ лишь послѣ воскресенія изъ мертвыхъ“. Современное ея положеніе онъ характеризуетъ въ другомъ мѣстѣ словами: „Здѣсь всѣ усилія клонятся лишь къ тому (hic agitur), чтобы она на небѣ была безъ пятна и морщинъ“.

И для того, чтобы не было никакого сомнѣнія въ его оцѣнкѣ современной церкви, Августинъ въ концѣ своей жизни въ „Поправкахъ“ къ своимъ сочиненіямъ заявляетъ, что „вездѣ, гдѣ онъ въ этихъ книгахъ упоминалъ о церкви безъ пятенъ и морщинъ, подъ этимъ слѣдуетъ разумѣть не церковь, какъ она есть, а какою она готовится быть“.

Это несовершенство церкви вѣка сего, обусловленное ея составомъ съ большою примѣсью негодныхъ членовъ, побуждаетъ Августина представлять себѣ *надъ* конкретной церковью, или въ лонѣ ея, другую церковь, очищенную отъ этой примѣси и состоящую только изъ святыхъ праведниковъ (sancti) [1]). Такъ является представленіе о церкви, какъ объ „общинѣ святыхъ“ (congre-

[1]) См. объ этомъ у Гарнака. Dogmengeschichte, III (3 изд.), p. 138. „Hier giebt es nicht wenige Ausführungen Augustins, die den Gedanken nahe legen eine in der sichtbaren Kirche „in occulto“ vorhandene unsichtbare sei die wahre Kirche“. (De bapt. V. 38).

gatio sanctorum), о церкви внутренней въ противоположность къ церкви внѣшней. Эта невидимая церковь и есть настоящая церковь. „Церковь, эта единственная голубица, состоитъ (perficetur) изъ однихъ святыхъ“.—„Церковь, — говоритъ Августинъ въ другомъ мѣстѣ,—состоитъ изъ *святыхъ*, которымъ будетъ принадлежать царство небесное“.— Конечно, Августинъ, какъ апологетъ видимой церкви, всю свою жизнь посвящавшій ея защитѣ отъ еретиковъ и лжетолкователей, не могъ въ ущербъ ей углубляться въ представленіе, что настоящую церковь составляютъ лишь одни святые, но это представленіе и не могло оставаться безъ вліянія на его оцѣнку конкретной церкви. Приближаясь къ идеѣ „Божьяго царства“, представленіе объ „общинѣ святыхъ“ раздвигало разстояніе между царствомъ небеснымъ и конкретной церковью. Оно низводило послѣднюю на степень земной церкви, противополагая ее церкви небесной. Въ этомъ смыслѣ говоритъ Августинъ: „Эта земная церковь послѣ воскресенія должна быть собрана на небесахъ“. Такимъ образомъ Августинъ явственно различаетъ *двѣ* поры въ жизни церкви,—пору несовершенства, земного странствованія, настоящаго вѣка, — и пору грядущую. Въ виду различія состава церкви характеръ ея, въ ту или другую пору, представляетъ полную противоположность. Признавая церковь въ будущемъ вѣкѣ *безсмертною*, Августинъ называетъ въ противоположность ей церковь сего вѣка *смертной* (mortalis). А такъ какъ церковь въ порѣ небесной жизни совпадаетъ съ царствомъ небеснымъ, отождествляется съ царствомъ Божіимъ, то земная церковь не можетъ быть отождествляема съ царствомъ небеснымъ и называться имъ.

Къ такому выводу приводитъ еще другой рядъ мыслей, высказанныхъ Августиномъ по поводу состава церкви. Она состоитъ не только изъ добрыхъ и злыхъ: въ ней скрывается еще другой контрастъ. Какъ бы ни была важна въ глазахъ Августина роль церкви въ спасеніи людей, онъ признавалъ еще *иной*, такъ сказать, высшій источникъ спасенія — Божью благодать. Благодать эта не обусловливалась ни усиліями или заслугами лицъ, ея добивавшихся, ни вспомогательными дѣйствіями церкви, но она вытекала изъ воли Божіей. Такимъ образомъ, тѣ люди, которые удостоились благодати, являлись *избранниками* Божіими — electi, а такъ какъ воля, избравшая ихъ, существовала искони, то ихъ можно было считать и называть *предназначенными* къ спасенію — praedestinati.

Понятіе Августина о предназначеніи къ благодати вносило существенный контроверсъ въ ученіе церкви о спасеніи, кон-

троверсъ, котораго церковь не разрѣшила и оставила открытымъ. У насъ нѣтъ основанія входить въ данномъ случаѣ въ изложеніе и обсужденіе самаго контроверса, поскольку онъ выходитъ изъ рамокъ разсматриваемаго нами вопроса. Укажемъ только на его неизбѣжность. Онъ обусловливался не только исторіей христіанской догматики — еще до возникновенія спора между Августиномъ и Пелагіемъ,—но и личной эволюціей Августина. Его обращеніе въ христіанство совершилось подъ обаяніемъ авторитета церкви, но затѣмъ онъ пережилъ внутри себя, въ борьбѣ съ собою и съ своимъ прошлымъ то, что онъ разумѣлъ подъ благодатью (gratia) Божіей, и такимъ образомъ то, что не совпадало въ догматикѣ — авторитетъ церкви и предназначеніе Божіе — то уживалось въ личной жизни Августина, какъ продуктъ этой жизни.

Подъ вліяніемъ понятія о предназначеніи появляется у Августина еще новое представленіе о составѣ и характерѣ церкви. Избранники, предназначенные благодатью къ спасенію, или *святые*, составляютъ среди прочей массы членовъ церкви особый разрядъ людей, „никому изъ остальныхъ неизвѣстный, но Богу извѣстный". Они—какъ бы привилегированные члены церкви, обезпеченные въ своей принадлежности къ ней: ибо, какъ говоритъ Августинъ, они никоимъ образомъ не могутъ быть вырваны изъ лона церкви. Кругъ церкви въ прежнемъ значеніи смѣшаннаго тѣла (corpus permixtum)—пересѣкается такимъ образомъ другимъ кругомъ общины избранныхъ, болѣе узкимъ, но въ то же время нѣкоторыми частями выступающимъ изъ прежняго церковнаго круга. Церковь, какъ община избранныхъ, съуживается, ибо не только нечестивые (mali), или притворные христіане, не принадлежатъ къ кругу избранныхъ, но и среди добрыхъ (boni) далеко не всѣ входятъ въ ихъ число. Но съ другой стороны кругъ церкви, какъ общины избранныхъ, расширяется: церковь, говоритъ Августинъ, еще до пришествія Христа существовала въ лицѣ святыхъ праведниковъ. Къ такимъ святымъ Августинъ причисляетъ не только патріарховъ, но и другихъ праведниковъ, жившихъ до Рождества Христова; точно также онъ допускаетъ, что и въ настоящее время Господь можетъ имѣть избранниковъ среди необратившихся еще язычниковъ, среди схизматиковъ, еретиковъ и даже среди — въ данное время—еще нечестивыхъ. „Многіе, стоящіе внѣ церкви,—говоритъ Августинъ,—и называющіеся еретиками, лучше многихъ праведныхъ католиковъ, по предвѣдѣнію Божьему". „Въ церкви,—

говоритъ онъ,— есть ложные христіане, а среди нечестивыхъ (impios) есть сыны церкви".

У Августина встрѣчаются мѣста, гдѣ онъ прямо отождествляетъ церковь съ сонмомъ избранниковъ Божіихъ. „Эта совокупность праведниковъ, которые призваны по промыслу (Божьему)— и есть церковь. Изъ этого числа нѣкоторые и теперь еще коснѣютъ въ ересяхъ и языческихъ суевѣріяхъ, и однако и тамъ ихъ знаетъ Господь, какъ своихъ; ибо при несказанномъ предвѣдѣніи Божіемъ многіе, кажущіеся стоящими внѣ, стоятъ внутри (обители Божіей), а многіе, кажущіеся стоящими внутри,— внѣ ея".

Возможно ли согласить эти различныя опредѣленія состава и характера церкви — вопросъ спорный [1]). Но не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что отождествленіе церкви съ сонмомъ избранниковъ Божіихъ не допускаетъ отождествленія конкретной церкви, въ ея смѣшанномъ составѣ, съ царствомъ небеснымъ, въ составъ котораго войдутъ только призванные къ нему. Однако на ряду съ указанными мѣстами, гдѣ Августинъ проводитъ рѣзкое различіе между земною церковью и церковью будущаго, или гдѣ онъ прямо противополагаетъ земной церкви „царство Божіе", встрѣчаются другія, гдѣ онъ какъ будто забываетъ о всякомъ различіи между ними и просто называетъ церковь царствомъ Божіимъ. Такія мѣста встрѣчаются въ сочиненіи „De civitate Dei", и ихъ появленіе здѣсь очень понятно. Въ этомъ изложеніи исторіи Божьяго царства съ сотворенія міра церковь является составною частью ея и потому можетъ быть называема царствомъ Божіимъ, какъ часть вмѣсто цѣлаго (pars pro toto).

Такъ, разсказывая о томъ, какъ Ной благословлялъ своихъ старшихъ сыновей, и усматривая въ этомъ пророчество по отношенію къ „Христу и его церкви", Августинъ называетъ церковь „царствомъ Божіимъ" (ad ecclessiam, quae civitas Dei est). Здѣсь эпитетъ царство *Божіе* выражаетъ собою не какое-либо догматическое опредѣленіе церкви, а чувство почтенія автора къ этому учрежденію. Еще яснѣе проявляется такая точка зрѣнія Августина въ другомъ мѣстѣ, гдѣ Августинъ, приводя пророчество Анны, матери Самуила, объясняетъ, что оно относится къ „религіи христіанской, къ царству Божію, царемъ котораго и основателемъ былъ Христосъ".—Изъ этихъ послѣд-

---

[1]) Гарнакъ, напр., заключаетъ: „Somit sprengt der Gedanke der Praedestination jeden Kirchenbegriff". Dogm. Gesch., III, 154.

нихъ словъ видно, что Августинъ употребляетъ здѣсь понятіе „царства Божія“ не въ общепринятомъ у него смыслѣ, который положенъ въ основаніе сочиненія „De civitate Dei“, а въ болѣе узкомъ, называя церковь царствомъ Божіимъ, такъ какъ она основана Христомъ.

III.

Но въ этомъ же сочиненіи „О царствѣ Божіемъ“ есть глава, гдѣ Августинъ не просто величаетъ церковь царствомъ Божіимъ, а прямо утверждаетъ и доказываетъ, что церковь „уже теперь есть царство Божіе“ — „jam nunc est civitas Dei“. Эти слова находятся, повидимому, въ полномъ противорѣчіи съ тѣмъ, что Августинъ утверждалъ въ другихъ мѣстахъ объ отношеніи церкви и царства небеснаго. Августинъ здѣсь какъ будто забываетъ, что онъ всегда противополагалъ современную ему церковь, въ ея смѣшанномъ составѣ (corpus permixtum), въ ея земномъ скитаніи — грядущей церкви и Божьему царству. Притомъ слова: „церковь уже теперь“ — такъ категоричны и опредѣленны, что не допускаютъ, повидимому, никакого сомнѣнія въ намѣреніи автора подчеркнуть свою мысль о тождествѣ видимой церкви и царства небеснаго. Поэтому приведенная формула заслуживаетъ особеннаго вниманія: отъ ея истолкованія зависитъ въ значительной степени установленіе взгляда Августина на отношенія церкви къ Божьему царству.

Въ настоящее время правильное пониманіе этого мѣста не представляетъ особенныхъ затрудненій. Оно подверглось такому тщательному критическому обсужденію, которое ничего не оставляетъ желать. Въ основаніе своей критики Рейтеръ совершенно правильно положилъ тѣ соображенія, которыя постоянно надо имѣть въ виду при изученіи Августина: сильное вліяніе полемики на мысль и языкъ Августина, а съ другой стороны — уступки, которыя его побуждали дѣлать затрудненія, встрѣчаемыя имъ со стороны текстовъ Св. Писанія. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ полемикой Августина противъ *хиліастовъ* и ихъ мечтаній о тысячелѣтнемъ царствѣ.

Эсхатологія, т. е. толки и сужденія о послѣднихъ дняхъ, играла большую роль въ жизни древне-христіанскихъ общинъ. Христіане долго жили въ ожиданіи непосредственно предстоящаго пришествія Христа и лишь постепенно установилось среди нихъ болѣе спокойное настроеніе. Однако еще и во времена

Августина не смолкали толки о скоромъ пришествіи Христа и не прекращались попытки высчитать время, остававшееся до наступленія конца міра. Апокалипсисъ Іоанна поддерживалъ въ христіанскомъ обществѣ тревогу, вызываемую мыслью о катастрофѣ міра и о страшномъ судѣ, и въ то же время давалъ богатую пищу для догадокъ и фантастическихъ бредней.

Противъ этихъ догадокъ и направилъ свои усилія Августинъ, доказывая несостоятельность всѣхъ хронологическихъ подсчетовъ конца міра, и ссылаясь на опредѣленное свидѣтельство Св. Писанія, что объ этомъ никто ничего не знаетъ. Но особенно затруднительный пунктъ представляло въ эсхатологіи ожидаемое „тысячелѣтнее царство" Христово, которое должно было предшествовать появленію Антихриста. Этому вопросу Августинъ и посвятилъ нѣсколько главъ двадцатой книги своего сочиненія „О царствѣ Божіемъ".

Толки о тысячелѣтнемъ царствѣ имѣли исходнымъ пунктомъ видѣніе, изложенное въ 20-й главѣ Апокалипсиса: „И увидалъ я ангела, сходящаго съ неба, который имѣлъ ключъ отъ бездны и большую цѣпь въ рукѣ своей. Онъ взялъ дракона, змія древняго, который есть дьяволъ и сатана, и сковалъ его на тысячу лѣтъ, и низвергъ его въ бездну, и заключилъ его, и положилъ надъ нимъ печать, дабы не прельщалъ уже народъ... и увидѣлъ я престолы и сидящихъ на нихъ, которымъ дано было судить, и души обезглавленныхъ за свидѣтельство Іисуса и за слово Божіе. Они ожили и царствовали съ Христомъ тысячу лѣтъ. Прочіе же изъ умершихъ не ожили, доколѣ не окончится тысяча лѣтъ. Это первое воскресеніе".

Хиліасты выводили отсюда, что мученики и другіе праведники воскреснутъ на тысячу лѣтъ раньше другихъ людей, чтобы царствовать съ Христомъ, причемъ представляли себѣ это царствованіе въ весьма матеріальныхъ краскахъ. Августинъ признается, что и онъ сначала такъ понималъ *первое воскресеніе*, но что его образумили „нелѣпыя басни" и плотскія представленія хиліастовъ о наслажденіяхъ тысячелѣтняго царства. И поднявшись до духовнаго пониманія указаннаго текста, онъ далъ ему совершенно новый смыслъ. Средствомъ для этого послужилъ ему обычный у тогдашнихъ богослововъ аллегорическій методъ истолкованія. Но оригинальность его объясненія заключалась въ томъ, что если обыкновенно истолковывались аллегорически факты *прошлаго*,—въ данномъ случаѣ этому истолкованію подверглись факты грядущіе, еще имѣвшіе случиться.

И, такъ Августинъ усматриваетъ въ видѣніи о *первомъ воскре-*

сеніи и о начавшемся съ него тысячелѣтнемъ царствѣ Христовомъ *аллегорію*. Но что же она обозначаетъ? Она относится къ фактамъ, частью уже совершившимся, частью совершающимся.

Тысячелѣтнее царство Христа, по объясненію Августина, уже наступило, дьяволъ уже низвергнутъ въ бездну и уже скованъ. Его власть надъ народами сломана, многіе изъ нихъ уже вошли въ лоно церкви, другіе войдутъ въ нее. Поэтому „церковь уже теперь есть царство Христа"—или, какъ выражается Августинъ въ другомъ мѣстѣ пространнѣе: „церковь уже нынѣ есть царство Христа и царство небесное". Праведники уже теперь царствуютъ съ Христомъ, ибо,—прибавляетъ Августинъ,—„еслибы этого не было, то не называлась бы уже теперь церковь царствомъ небеснымъ".

Но кто же эти праведники, царствующіе съ Христомъ? Это тѣ, къ которымъ относятся слова о *первомъ* воскресеніи. Это первое воскресеніе, въ отличіе отъ второго, общаго воскресенія изъ мертвыхъ,—есть въ глазахъ Августина *духовное* воскресеніе. Второе воскресеніе, говоритъ онъ, относится къ плоти, первое —къ духу. Это первое воскресеніе при *жизни* своей должны испытать на себѣ всѣ, кто не хочетъ быть осужденъ при *второмъ* воскресеніи. Съ помощью этого объясненія, заявленіе о томъ, что церковь уже теперь есть царство Христа и царство небесное— получаетъ особенный смыслъ. Принимая здѣсь все въ духовномъ смыслѣ, и низверженіе дьявола, и воскресеніе, и самое царствованіе праведныхъ съ Христомъ, Августинъ разумѣетъ и церковь духовно. Это не видимая церковь, а сонмъ святыхъ и праведныхъ, communio sanctorum. *Объ ней можно сказать уже нынѣ*: „церковь есть царство Христа, есть царство небесное".

Но этому объясненію, повидимому, мѣшаетъ слѣдующее затрудненіе. Въ *видѣніи*, о которомъ идетъ рѣчь, упоминается о судьяхъ и о судѣ:—„и увидѣлъ я престолы и сидящихъ на нихъ, которымъ дано было судить". Желая убѣдить своихъ читателей, что видѣніе относится не къ страшному суду и не къ тысячелѣтнему царству, Августинъ долженъ былъ и эту часть видѣнія отнести къ настоящему. Такъ онъ и поступаетъ. Не слѣдуетъ думать,—замѣчаетъ онъ,—что здѣсь идетъ рѣчь о послѣднемъ судѣ, а слѣдуетъ разумѣть престолы начальниковъ (епископовъ) и самихъ начальниковъ, которыми церковь нынѣ управляется". Но если отнести эти слова—какъ предлагаетъ здѣсь Августинъ—къ епископамъ, управлявшимъ церковью въ его время, то не будетъ ли это противорѣчить утвержденію, что церковь, „которая уже нынѣ есть царство небесное", есть сонмъ праведниковъ?—Вѣдь та цер-

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

17270

ковь, которая управляется епископами, есть церковь конкретная, видимая; а если это такъ, то надо будетъ отнести къ земной церкви эпитетъ царства Христова, царства небеснаго!

Однако ничто не уполномочиваетъ насъ къ такому выводу. Напротивъ, мы видимъ, что все вниманіе Августина въ этой части его разсужденій обращено на то, чтобы лишить видѣніе о первомъ воскресеніи эсхатологическаго характера и доказать, что оно относится къ современной церкви. Дьяволъ уже побѣжденъ, языки уже обращаются ко Христу, Христосъ уже *приходитъ*, *духовное* воскресеніе уже совершается; при такой точкѣ зрѣнія слова Апокалипсиса о *престолахъ и сидящихъ на нихъ* очень кстати для Августина, предоставляя ему возможность прибавить къ своему отождествленію перваго воскресенія съ церковью еще одну реальную черту: престолы и сидящіе на нихъ уже осуществились въ наличной церковной организаціи. Но упоминаніе объ этой организаціи не нарушаетъ духовнаго облика церкви, которую разумѣетъ Августинъ. Епископы могутъ лично принадлежать къ числу праведниковъ или нѣтъ; лишь въ первомъ случаѣ они будутъ входить въ составъ той церкви, которая уже теперь есть царство небесное. Не епископская организація обращаетъ церковь въ царство небесное, а лишь та часть епископской организаціи, которая осуществила въ своихъ членахъ пророческое видѣніе о первомъ воскресеніи, т.-е. воскресла духовно,— есть „уже теперь царство небесное“.

Что именно такъ нужно понимать въ данномъ случаѣ мысль Августина, слѣдуетъ и изъ другихъ мѣстъ разбираемой главы. Когда онъ говоритъ, что и до общаго воскресенья „души благочестивыхъ праведниковъ не отрѣшаются (separantur) отъ церкви“ и прибавляетъ: „которая уже и теперь есть царство Христа“, то очевидно, что это относится къ церкви не конкретной, а къ церкви какъ сонму праведныхъ. А что еще важнѣе,—именно эту церковь, которую онъ величаетъ царствомъ небеснымъ, Августинъ отличаетъ отъ настоящаго царства небеснаго, о которомъ говорится въ Евангеліи. „Уже теперь,—говоритъ Августинъ,—церковь есть царство Христа и царство небесное. Ибо уже *теперь* управляютъ съ нимъ святые его, хотя и *иначе*, чѣмъ *тогда* будутъ управлять“. Еще яснѣе подтверждается эта мысль въ другомъ мѣстѣ, гдѣ Августинъ противополагаетъ церковь тому царству, въ которомъ Христосъ въ концѣ вѣковъ скажетъ: „пріидите, благословенные Отца моего, унаслѣдуйте царство, уготованное вамъ отъ созданія міра“. И лишь послѣ этой оговорки Августинъ заявляетъ: „если бы какимъ-нибудь инымъ способомъ,

но совершенно различнымъ, не царствовали съ нимъ уже теперь святые его, которымъ онъ говоритъ: я съ вами до конца вѣка, то конечно не называлась бы уже теперь церковь царствомъ его и царствомъ небеснымъ". Изъ всѣхъ этихъ мѣстъ ясно вытекаетъ, во-первыхъ то, что по мысли Августина то царство небесное, которое *уже теперь* собою представляетъ церковь, отлично отъ того царства, которое наступитъ въ концѣ міра, и что въ томъ царствѣ Христовомъ или царствѣ небесномъ, которое церковь уже теперь собою представляетъ, царствуютъ съ Христомъ не епископы, а *святые* его. Сдѣланный нами выводъ, что Августину не слѣдуетъ приписывать отождествленія земной церкви съ Божьимъ царствомъ, находитъ себѣ еще новое подтвержденіе въ кажущемся исключеніи изъ общаго правила. Поводомъ къ такому исключенію послужила евангельская притча, въ которой Христосъ уподобляетъ царство небесное „неводу, закинутому въ море и захватившему рыбъ всякаго рода" (Матѳ. 13, 47). Притча эта давно истолковывалась въ такомъ смыслѣ, что подъ неводомъ слѣдуетъ разумѣть церковь. И Августинъ усвоилъ себѣ это толкованіе и, приводя въ одной изъ проповѣдей этотъ текстъ, ставитъ вопросъ: „что же это такое — царство небесное?"—на что отвѣчаетъ:—„это церковь, нынѣ существующая",—и прибавляетъ: „ибо и она называется царствомъ небеснымъ". Затѣмъ онъ находитъ нужнымъ мотивировать это названіе и говоритъ: „Ибо, еслибы не называлась царствомъ небеснымъ и эта (ista) церковь, которая собираетъ добрыхъ и злыхъ, Господь не сказалъ бы въ притчѣ, что царство небесное подобно неводу, закинутому въ море" и т. д. И такъ, общепринятое предположеніе, что Христосъ въ своей притчѣ разумѣлъ наличную церковь, которая подобно неводу собираетъ добрыхъ и злыхъ, заставляетъ Августина примѣнить къ ней названіе: „царства небеснаго". Не даромъ однако онъ ограничивается выраженіемъ, что церковь называютъ (vocatur) царствомъ небеснымъ. Ее такъ называютъ потому, что и она уподобляется неводу, собирающему всякаго рода рыбъ, т.-е. собираетъ въ лонѣ своемъ „добрыхъ и злыхъ".— Но именно это послѣднее обстоятельство, этотъ смѣшанный составъ церкви дѣлаетъ невозможнымъ ея отождествленіе съ „Божьимъ царствомъ". Онъ и самъ уподобилъ иносказательно церковь царству небесному. „Почитайте,—восклицаетъ онъ, — святую церковь, мать вашу, какъ бы горній Іерусалимъ, святое царство Божіе, ибо ей предоставлены ключи къ царству небесному".

Но, не взирая ни на какія уподобленія или вынужденныя

толкованія текстовъ, Августинъ неотступно держится убѣжденія, что земная церковь не есть царство небесное, ибо она представляетъ только путь къ нему. Въ этомъ смыслѣ онъ считаетъ ее частью царства небеснаго, скитающеюся на землѣ. Примѣняя къ церкви 149-й псаломъ, онъ говоритъ: „Сыны Израиля—это церковь; ибо Сіонъ былъ городомъ, который палъ; въ его развалинахъ временно жили святые. Но настоящій Сіонъ и настоящій Іерусалимъ (ибо это одно и то же) вѣчны и находятся на небѣ. Это мать наша, насъ родившая; это церковь святая, насъ вскормившая; она частью скитается, въ большей части пребываетъ на небѣ. Въ той части, которая пребываетъ на небѣ, она есть блаженство ангеловъ; въ той части, которая скитается въ этомъ мірѣ, она есть надежда праведныхъ“.

Вопросъ объ отношеніи церкви къ царству Божьему у Августина окончательно рѣшается знаменательнымъ текстомъ въ его сочиненіи „О дѣвственности“, въ которомъ онъ съ негодованіемъ осуждаетъ тѣхъ, кто идетъ далѣе *названія* и дерзаетъ отождествлять церковь съ царствомъ небеснымъ: „Что же остается имъ, какъ не утверждать, что царство небесное само составляетъ достояніе этой земной жизни, которую мы переживаемъ?—Ибо, почему бы ихъ ослѣпленной надменности не дойти до такого неистовства, и что можетъ быть безумнѣе такого утвержденія? Ибо, если иногда называется царствомъ небеснымъ также и церковь, нынѣ существующая, то *называется* она такъ именно потому, что собираетъ гражданъ для будущей и вѣчной жизни“ [1]).

IV.

Знакомясь съ представленіемъ Августина о церкви, мы до сихъ поръ разсматривали идеальную сторону вопроса—отношенія церкви къ *Божьему царству*. Церковь, какъ *земное* учрежденіе, находилась въ служебномъ отношеніи къ *Божьему царству*; она имѣла свою *цѣль* внѣ себя и выше себя: она должна была собирать и подготовлять гражданъ для царства Божьяго. Но, чтобы исполнить свое назначеніе, земная церковь должна была имѣть извѣстную *форму*, обладать извѣстной организаціей. Въ какомъ же видѣ представлялъ себѣ Августинъ организацію земной церкви?

Приступая къ разсмотрѣнію этого вопроса, весьма важнаго

---

[1]) De Sc. Virg. C. 24, § 24. XI, 775.

для оцѣнки исторической роли Августина, мы посвятимъ особенное вниманіе его взгляду на положеніе въ церкви *римскаго* епископа и *его* власть. Это тѣмъ болѣе нужно, что въ данномъ случаѣ позднѣйшія событія „бросили свою тѣнь" на прошлое и затемнили вопросъ.

Вѣкъ Августина какъ разъ совпадаетъ съ эпохою быстраго возрастанія роли и мощи римскаго епископа. Это возрастаніе было давно уже подготовлено. Среди первоначальныхъ христіанскихъ общинъ римская община тотчасъ заняла почетное мѣсто, благодаря тому, что находилась въ городѣ-владыкѣ, благодаря покровительству вліятельныхъ лицъ и въ особенности тому, что могла считать своими основателями обоихъ апостоловъ, представлявшихъ собою оба теченія въ возникавшемъ христіанствѣ. Когда надъ общинной организаціей стала слагаться епископская власть, никто не извлекъ изъ этой перемѣны такой выгоды для своего авторитета, какъ *римскій* епископъ. Легенда и традиція еще разъ сослужили Риму великую службу. Еще разъ возникавшая въ Римѣ власть была окружена ореоломъ божественнаго авторитета; еще разъ позднѣйшая фикція наполнила недостававшія звенья между позднѣйшими римскими епископами и *первымъ* легендарнымъ епископомъ Рима, апостоломъ Петромъ, получившимъ власть пасти *все* Христово стадо. Продолжительныя гоненія не умалили значенія христіанской общины Рима; напротивъ, съ расширеніемъ римскихъ катакомбъ и увеличеніемъ числа покоившихся въ нихъ римскихъ мучениковъ, росла слава Рима и возрасталъ почетъ его епископа. Коренная перемѣна въ судьбѣ языческаго Рима, перенесеніе императорской столицы на Востокъ, не подорвала авторитета римскаго *епископа*. Даже организованное первымъ христіанскимъ императоромъ представительство *всей* церкви—вселенскіе соборы освятили этотъ авторитетъ, и съѣхавшіеся со всѣхъ концовъ имперіи въ Константинополѣ христіанскіе епископы торжественно почтили въ 381 г. своего отсутствовавшаго товарища, римскаго епископа, признавъ за нимъ *старшинство* предъ всѣми другими.

Послѣдовавшіе затѣмъ тяжелые раздоры среди христіанства, вызванные ученіемъ Арія, создали новую ступень для возвышенія римскаго епископа. Торжество христіанства на Востокѣ и преслѣдованіе тамъ православныхъ епископовъ побудили послѣднихъ прибѣгнуть къ защитѣ римскаго епископа, и собранныя послѣднимъ въ Сардикѣ (въ Дакіи) въ 344 году епископы — преимущественно западные—предоставили папѣ Юлію право, въ случаѣ неправильнаго сверженія кого-либо изъ епископовъ, со-

звать мѣстный соборъ изъ сосѣднихъ епископовъ для пересмотра его дѣла. И хотя постановленія собора въ Сардикѣ даже на Западѣ не вездѣ признавались общеобязательными, однако они послужили папамъ основаніемъ для повсемѣстнаго вмѣшательства въ дѣла церкви.

Мужественная защита православнаго ученія римскимъ епископомъ Либеріемъ противъ аріанскаго императора, усилила уваженіе къ престолу апостола Петра, и когда миновали аріанскія смуты, императоръ Ѳеодосій объявилъ жителямъ Константинополя, чтобы всѣ его подданные держались вѣры, которую апостолъ Петръ передалъ римлянамъ и которой слѣдуютъ римскій епископъ Дамазъ и Петръ Александрійскій.

Но на Востокѣ дѣло не пошло далѣе почета. Иначе обстояло оно на Западѣ, гдѣ римская церковь была единственная апостольская и положеніе провинціальныхъ церквей благопріятствовало стремленіямъ римскихъ епископовъ расширить свой авторитетъ. Хотя въ IV вѣкѣ провинціальные соборы вездѣ обнаруживали обширную дѣятельность, но вездѣ возникали вопросы, побуждавшіе провинціальныхъ епископовъ справляться въ Римѣ, какого обычая или ученія держится апостольская церковь. Особенно часто поступали запросы изъ Галліи и Испаніи, и уже папа Дамазъ заявилъ, что ни одинъ епископъ не долженъ отговариваться незнаніемъ рѣшеній, данныхъ римскимъ епископомъ, также какъ и незнаніемъ постановленій соборовъ (каноновъ). Тотъ же папа призналъ отвѣты, которые римскій епископъ давалъ другимъ епископамъ по частнымъ случаямъ и запросамъ—общеобязательными нормами церковнаго ученія и права; а къ первому году его преемника, Сирицiя, къ 385 г., уже относится первая дошедшая до потомства *декреталія*, т.-е. рескриптъ папы Гимерію, епископу Таррагоны въ Испаніи, положившій начало длинному ряду дальнѣйшихъ декреталій, создавшихъ каноническое право католицизма.

Римскіе епископы этого времени успѣшно стремились не только возводить римскій обычай на степень неотъемлемой нормы для другихъ церквей, но и пріобрѣсти апелляціонную власть надъ провинціальными церквами и соборами. Особенно выдается этимъ Иннокентій Первый (401 — 417), игравшій, какъ мы увидимъ, не малую роль въ жизни Августина. Пользуясь запросомъ къ нему руанскаго епископа Виктриціи, Иннокентій наставляетъ его, что дѣла и тяжбы клериковъ, какъ высшаго, такъ и низшаго чина, нужно согласно постановленію никейскаго собора рѣшать въ предѣлахъ провинціи—безъ ущерба однако авторитету

римской церкви, по отношенію къ которой необходимо во всѣхъ дѣлахъ сохранять уваженіе. А въ одномъ изъ слѣдующихъ каноновъ онъ уже говоритъ о томъ, что болѣе крупныя дѣла должны быть переносимы на разсмотрѣніе апостольскаго престола, согласно благочестивому обычаю и требованію собора. Здѣсь папа не называетъ собора, предоставляя думать, что рѣчь идетъ о томъ же никейскомъ соборѣ, — хотя его заявленіе не что̀ иное, какъ весьма широко и съ большой натяжкой истолкованное въ пользу Рима постановленіе собора въ Сардикѣ. Осторожнѣе,— по замѣчанію историка церковнаго права [1], — чѣмъ къ отдаленному отъ культурнаго міра руанскому епископу, относится Иннокентій къ епископу Тулузы. Похваливъ его за то̀, что онъ предпочелъ обратиться въ Римъ, чѣмъ поступать въ высокомѣрной заносчивости по личному усмотрѣнію, Иннокентій прибавляетъ, какъ бы оправдываясь,—почему бы считать болѣе постыднымъ учиться у другого, чѣмъ вовсе не вѣдать, и что тотъ, отъ котораго требуютъ наставленія, самъ всегда чему-нибудь научается.

Но совсѣмъ уже откровенно и безцеремонно пишетъ Иннокентій епископу Губбіо въ Италіи—своему суфрагану. Церковь нуждается въ единствѣ; она не можетъ допустить никакого различія, никакого отступленія въ церковномъ строѣ и порядкѣ. Отдѣльные епископы должны слѣдовать не своему усмотрѣнію, а тому, что̀ апостолъ Петръ передалъ римской церкви. Одно это преданіе должно служить имъ нормой, такъ какъ несомнѣнно, что нѣтъ на Западѣ ни единой церкви, которая не была бы основана тѣми, кто были посланы для этого св. Петромъ и его преемниками.

Римскіе епископы съумѣли быстро превратить свои теоретическія притязанія въ фактическія преимущества — вездѣ, гдѣ для этого представлялся случай. Уже преемникъ Иннокентія, епископъ Зосима, воспользовался политическими и церковными смутами въ южной Галліи, чтобы подчинить эту область непосредственному вліянію римскаго епископа. Когда надвигавшіяся волны германскаго нашествія стали угрожать Триру,—этому вѣковому оплоту римскаго могущества на границахъ Германіи, намѣстникъ императора перенесъ оттуда свое мѣстопребываніе въ Арль, въ южной Галліи. Это обстоятельство благопріятствовало честолюбивому стремленію тамошняго епископа, вздумавшаго сдѣлаться примасомъ всей южной Галліи. Какъ ставлен-

[1] Löning. Gesch. d. d. Kirchenrechts.

никъ полководца Констанція, женатаго на сестрѣ императора Плацидіи, онъ добился своей цѣли. Но вынужденный сдѣлать эту уступку, папа Зосима съумѣлъ извлечь изъ этого еще большую выгоду для римскаго престола. Награждая Патрокла разными привилегіями на счетъ другихъ епископовъ, Зосима провозгласилъ епископа арльскаго *викаріемъ* апостольскаго престола, мотивируя это тѣмъ, что св. Трофимъ, котораго чтили въ Арлѣ и южной Галліи, какъ перваго мѣстнаго епископа, былъ посланъ туда *изъ Рима* [1]). Преемникъ Зосимы, Бонифацій продолжалъ поддерживать Патрокла, но со смертью въ 421 году Констанція круто измѣнилъ свой образъ дѣйствій. Благодаря этой политикѣ, сообразной съ обстоятельствами, римской куріи удалось высоко поднять въ Галліи папскій авторитетъ и осуществить притязанія Иннокентія I. Самыя важныя дѣла стали подвергаться на усмотрѣніе римскаго епископа, къ нему поступали жалобы на мѣстныхъ епископовъ; онъ вмѣшивался въ назначеніе епископовъ, присвоивалъ себѣ утвержденіе приговоровъ, постановленныхъ надъ епископами мѣстными соборами, самъ созывалъ соборы и назначалъ имъ сроки.

Все это, конечно, еще не было окончательно установившимся порядкомъ вещей: императорское правительство продолжало по прежнему вмѣшиваться въ церковныя дѣла, и то, что происходило въ южной Галліи, проходило, можно сказать, безслѣдно для другихъ провинцій.

Въ особенности это относится къ римской Африкѣ. Эта провинція получила христіанство изъ Рима, и, пользуясь сравнительно легкимъ сообщеніемъ, африканскіе епископы поддерживали частыя сношенія съ Римомъ. Но это не было въ ущербъ ихъ самостоятельности. Объясняется это прежде всего извѣстною сплоченностью африканскихъ церквей, обусловленною тѣмъ, что ни одна изъ нихъ не могла соперничать съ авторитетомъ карѳагенской, т.-е. митрополичьей. Затѣмъ немаловажную роль играло то обстоятельство, что африканская церковь выставляла не разъ замѣчательныхъ учителей церкви, съ которыми не могъ помѣриться никто изъ римлянъ. Наконецъ слѣдуетъ указать на извѣстную противоположность между духомъ и направленіемъ

---

[1]) Св. Трофима Арльскаго стали отождествлять съ Трофимомъ, о которомъ упоминаетъ апостолъ Павелъ въ письмѣ къ Тимоѳею, и считать въ числѣ 70 учениковъ Христа. Григорій же Турскій передаетъ, что Трофимъ, первый епископъ арльскій, явился туда лишь въ III-мъ вѣкѣ. Іезуитъ Bonucci — Istoria di S. Trofimo, Roma, 1711, p. 42—разсказываетъ, что „*по порученію* рим. епископа св. Петра апостолъ Павелъ поставилъ Трофима духовнымъ главою *всей Франціи*“.

африканскаго и римскаго христіанства. Африканская церковь всегда обнаруживала наклонность къ ригоризму въ этическихъ вопросахъ, которая легко вырождалась въ фанатизмъ, тогда какъ, напротивъ, римская іерархія всегда руководилась практическими соображеніями и тѣмъ оппортунизмомъ, который впослѣдствіи выродился въ продажу индульгенцій и пробабилизмъ іезуитовъ. На этой почвѣ столкновенія были неизбѣжны. Первое изъ нихъ относится еще къ самому началу проявленія римской церковной политики, когда въ началѣ III-го вѣка краснорѣчивый и бурный Тертулліанъ возсталъ противъ римскаго епископа Зефирина за ослабленіе церковной дисциплины при нарушеніи брака. Тертулліанъ приблизился въ своемъ ригоризмѣ даже къ сектѣ монтанистовъ. Но еще важнѣе, для насъ, чѣмъ это разногласіе,—взглядъ африканскаго епископа на власть его римскаго собрата. Тертулліанъ не хочетъ допустить, чтобы власть „связывать и разрѣшать", предоставленная апостолу Петру, могла служить основаніемъ для какихъ-либо притязаній римскаго епископа: „Какъ же ты,—обращается Тертулліанъ къ Зефирину,—извращаешь явно выраженную волю Господа, когда мнишь, что этотъ даръ перешелъ къ тебѣ!" Замѣчательно, что у Тертулліана впервые встрѣчается въ примѣненіи къ Зефирину громкій титулъ: „епископъ епископовъ"; но Тертулліанъ употребляетъ его иронически, желая этимъ заклеймить притязанія папы.

Въ половинѣ того же вѣка произошелъ новый, болѣе глубокій разладъ между Карѳагеномъ и Римомъ. На этотъ разъ его уже нельзя было объяснять еретическими крайностями африканцевъ. Представителемъ оппозиціи противъ притязаній Рима былъ авторитетный учитель церкви, впослѣдствіи мученикъ, карѳагенскій епископъ Кипріанъ. Во все свое епископство онъ держался весьма самостоятельно относительно Рима въ вопросахъ, какъ дисциплинарныхъ, такъ и догматическихъ. Когда смѣщенные мѣстнымъ соборомъ испанскіе епископы нашли защиту въ Римѣ, ихъ судьи обратились къ Кипріану, и онъ не задумался стать на ихъ сторону. Кипріанъ не признавалъ—вопреки мнѣнію римской церкви—крещенія, совершеннаго еретикомъ, и въ особенности разошелся съ римскимъ епископомъ въ вопросѣ объ отношеніи церкви къ падшимъ (lapsi), т.-е. отпавшимъ въ язычество во время одного изъ самыхъ жестокихъ гоненій на христіанъ при Деціи. Кипріанъ отстаивалъ въ этомъ вопросѣ традиціонный въ Африкѣ ригоризмъ. Карѳагенскій епископъ писалъ римскому, что епископамъ надлежитъ не только учить, но и самимъ учиться для того, чтобы лучше учить. Разладъ между ними дошелъ до

того, что папа Стефанъ отлучилъ Кипріана отъ церкви и отказался принять его посольство. Такое отчужденіе между Карѳагеномъ и Римомъ обусловливалось не только самостоятельностью Кипріана, но и его представленіемъ о церкви, совершенно отличнымъ отъ того, которое усвоилъ себѣ Римъ. Кипріанъ признавалъ первенство римской церкви: она была для него ecclesia principalis, но не въ смыслѣ *главенствующей* церкви, а *старѣйшей*. Тѣ доводы, съ помощью которыхъ Римъ доказывалъ необходимость своего главенства, были для Кипріана неубѣдительны при его взглядѣ на самостоятельную роль епископата въ церкви. И онъ также былъ проникнутъ идеей *единства* церкви, но искалъ залогъ этого единства не въ іерархическомъ главенствѣ *одного*, а въ духѣ согласія и вѣры всѣхъ епископовъ, представляющихъ церковь. Онъ желалъ видѣть на землѣ *единое* стадо, но *много* пастырей; онъ требовалъ для каждаго изъ этихъ пастырей полной свободы въ управленіи своей епархіей съ отвѣтственностью передъ Господомъ за свой образъ дѣйствій. Требуя простора для каждаго епископа, Кипріанъ признавалъ обязанностью *каждаго* изъ нихъ заботиться объ интересахъ общей церкви, т.-е. вмѣсто первосвященника ставилъ во главѣ церкви сонмъ епископовъ. Въ призваніи Петра Кипріанъ усматривалъ лишь живое выраженіе церковнаго единства. Представленіе, что Христосъ построилъ свою церковь „на Петрѣ", Кипріанъ истолковывалъ въ томъ смыслѣ, что Христосъ хотѣлъ создать единую церковь. Противъ безусловной авторитетности римскаго преданія Кипріанъ возражалъ, что укоренившійся тамъ или сямъ обычай не можетъ устоять противъ силы истины. Въ своемъ сочиненіи о единствѣ церкви Кипріанъ примиряетъ представленіе о множествѣ церквей съ идеей единства ихъ съ помощью слѣдующихъ метафоръ. „много лучей исходитъ изъ солнца, но свѣтъ единъ; много вѣтвей у дерева, но стволъ единъ; много ручьевъ вытекаетъ изъ единаго источника". Какъ бы предугадывая будущее, Кипріанъ обвиняетъ на африканскомъ соборѣ римскаго епископа въ томъ, что онъ себя ведетъ какъ „епископъ епископовъ", хотя въ то время римскій епископъ былъ еще далекъ отъ такихъ притязаній.

Сочиненія Кипріана имѣли значительное распространеніе и вліяніе въ Африкѣ и, вѣроятно, съ своей стороны содѣйствовали тому, что расколъ въ африканской церкви, вызванный донатизмомъ, не подорвалъ ея самостоятельности. Вмѣсто того, чтобы побудить православныхъ епископовъ Африки искать опоры въ римскомъ епископѣ, борьба съ донатистами только содѣйствовала большей сплоченности африканской церкви. Въ этомъ можно

убѣдиться изъ сочиненія епископа Оптата, предшественника Августина въ борьбѣ съ донатистами. Тѣснимые донатистами, православные искали защиты у свѣтской, а не у духовной власти Рима. Сплоченность православной части африканской церкви особенно проявляется въ правленіе примаса Африки, карѳагенскаго епископа Аврелія или „папы Аврелія", какъ гласилъ его почетный титулъ, подъ предсѣдательствомъ котораго съ конца IV вѣка почти ежегодно созывался провинціальный соборъ африканскихъ епископовъ.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній мы можемъ приступить къ разсмотрѣнію отношеній Августина къ современнымъ ему римскимъ епископамъ и вопросу о ихъ власти.

V.

Въ продолженіе долгой жизни Августина на римскомъ престолѣ перебывало восемь епископовъ; если же не считать тѣхъ, епископатъ которыхъ относится ко времени до его крещенія, то шесть епископовъ. Въ личныхъ сношеніяхъ онъ могъ быть только съ первымъ изъ нихъ, Сириціемъ, во время своего пребыванія въ Римѣ при возвращеніи изъ Милана въ Африку. Но у насъ нѣтъ объ этомъ никакихъ свѣдѣній. Слѣдующіе за этимъ папы, между которыми мы впервые встрѣчаемъ громкія впослѣдствіи имена Иннокентія и Бонифація, знали Августина и находились съ нимъ въ письменныхъ или дѣловыхъ сношеніяхъ, какъ и Сикстъ, который вступилъ на римскій престолъ уже по смерти Августина. Но личной близости между этими папами и Августиномъ мы не замѣчаемъ, что,—если принять во вниманіе значеніе Августина какъ богослова и писателя,—не свидѣтельствуетъ въ пользу богословскаго интереса и литературнаго образованія современныхъ ему римскихъ епископовъ.

Какого содержанія было письмо Иннокентія I, которое Августинъ получилъ чрезъ посредство сановника Цециліана, мы не знаемъ. Отъ папы Зосимы Августинъ имѣлъ порученіе уладить какое-то дѣло въ Мавританской Цезареѣ. Бонифацій I переслалъ Августину два письма, изъ которыхъ одно было написано пелагіанцемъ Юліаномъ, епископомъ экланскимъ, другое ему приписывалось. Его преемникъ, Целестій, еще будучи дьякономъ, писалъ Августину, который отвѣтилъ ему своимъ прекраснымъ разсужденіемъ о взаимной любви, неизсякающей и возрастающей по мѣрѣ того, какъ она расходуется. Къ этому папѣ Августину

БИБЛИОТ... ПЕТРА ВЕЛИКОГО

пришлось затѣмъ обратиться съ разъясненіемъ по дѣлу епископа Антонія Фуссальскаго, поставленнаго Августиномъ изъ числа своихъ пресвитеровъ и вызвавшаго своимъ поведеніемъ сильныя на него нареканія. Письмо дьякона Сикста также касалось пелагіанства и было обращено къ Августину вмѣстѣ съ Алипіемъ. Оно вызвало въ отвѣтъ со стороны Августина два письма.

Отсюда можно заключить, что сношенія между Римомъ и Гиппоною не были слишкомъ часты. Но и эти нечастыя сношенія главнымъ образомъ обусловливались однимъ изъ важнѣйшихъ для тогдашней церкви вопросовъ — пелагіанствомъ. Это нужно особенно имѣть въ виду *потому*, что ходъ пелагіанской распри и отношенія къ ней Рима несомнѣнно повліяли на отношенія Августина къ римскому престолу.

Пелагій нашелъ въ Римѣ радушный пріемъ и немало приверженцевъ. И Пелагій, подобно Августину, выступилъ поборникомъ господствовавшаго въ то время аскетическаго направленія. Но онъ указывалъ людямъ на иной путь къ нравственному совершенству, чѣмъ Августинъ — путь, можно сказать, противоположный. Желая ободрить людей въ борьбѣ со страстями, онъ убѣждалъ ихъ, что въ нихъ самихъ достаточно силы для этого, лишь бы они пожелали побороть грѣхъ, — „человѣкъ могъ бы быть безъ грѣха и легко соблюдать заповѣди Божіи, еслибы *захотѣлъ*“. Пелагій принималъ во вниманіе лишь этическую сторону дѣла, не вдаваясь въ догматику и не давая себѣ отчета о послѣдствіяхъ своего ученія для христіанской догматики. Онъ не сознавалъ, что его этика была возвращеніемъ къ раціоналистической морали языческихъ философовъ и что она подрывала самую сущность христіанской этики — понятіе грѣха и вытекающую изъ него потребность прощенія и спасенія *свыше*. Если человѣчество можетъ собственными усиліями побѣдить порокъ, то зачѣмъ ему божественная помощь, зачѣмъ ему ученіе, которое видѣло въ порокѣ уклоненіе отъ Божьей воли, т.-е. *грѣхъ*?

Пелагій былъ далекъ отъ такихъ заключеній и вообще уклонялся отъ какихъ-либо выводовъ изъ своей проповѣди, которые могли бы привести къ столкновеніямъ съ церковной практикой. Но иначе велъ себя его горячій и смѣлый приверженецъ, Целестій. Разореніе Рима Аларихомъ заставило Пелагія и Целестія искать убѣжища на югѣ—въ Сициліи и Африкѣ. Не встрѣтивъ здѣсь сочувствія, Пелагій отправился въ Палестину, Целестій же остался въ Карѳагенѣ и сталъ добиваться пресвитерства.

Но настроеніе африканскаго духовенства было для него весьма неблагопріятно. Потомки пунійцевъ всегда отличались склонностью

къ нравственному и религіозному ригоризму и, какъ мы видѣли, не разъ расходились въ этомъ отношеніи съ Римомъ. Вѣдь и самый донатизмъ былъ крайнимъ проявленіемъ такого настроенія. Пелагіанство не могло пустить корней на этой почвѣ. На ближайшемъ соборѣ въ Карѳагенѣ 412 г. Целестій былъ привлеченъ къ обвиненію миланскимъ дьякономъ Павлиномъ. Въ числѣ обвинительныхъ пунктовъ мы встрѣчаемъ вышеприведенное общее положеніе Пелагія и другихъ, въ которыхъ отрицались *наслѣдственность* совершеннаго Адамомъ грѣха и послѣдствія, которыя выводились изъ этого первороднаго грѣха: такъ Целестію приписывалось утвержденіе, что новорожденныя дѣти находятся въ такомъ же состояніи, въ какомъ находился Адамъ до грѣхопаденія (т.-е. безгрѣшны); или—что до пришествія Христа были на землѣ люди безгрѣшные. Полное значеніе такихъ утвержденій могли оцѣнить только люди, знакомые съ ученіемъ церкви, но практическій выводъ изъ ученія Пелагія былъ понятенъ всякому и не могъ не взволновать массу. Еще въ дни Августина многіе христіане откладывали крещеніе, такъ какъ съ нимъ было связано полное отпущеніе грѣховъ, но уже сталъ укореняться обычай крестить новорожденныхъ. При утвержденіи же Целестія, что они безгрѣшны, ихъ крещеніе должно казаться преждевременнымъ. На соборѣ Целестій защищалъ себя тѣмъ, что признавалъ необходимость крещенія новорожденныхъ, но стоялъ на томъ, что при этомъ не происходитъ отпущенія грѣховъ. Онъ былъ осужденъ и удалился въ Малую Азію.

Африканское духовенство не хотѣло оставить въ покоѣ и главнаго виновника ереси, самого Пелагія, и отправило въ Іерусалимъ пресвитера Орозія, ученика Августина, извѣстнаго какъ историка. Пелагію пришлось дать отвѣтъ на двухъ соборахъ—въ Іерусалимѣ и въ Діосполисѣ. Онъ сдѣлалъ существенную уступку своимъ противникамъ, заявивъ, что признаетъ невозможность быть безъ грѣха—безъ помощи Божіей благодати, и не только отрекся отъ утвержденій Целестія, но и предалъ ихъ анаѳемѣ. Какъ патріархъ Іоаннъ Іерусалимскій, такъ и соборъ въ Діосполисѣ удовлетворились этимъ объясненіемъ и, не входя по существу въ различіе ученій Августина и Пелагія, признали послѣдняго состоящимъ въ общеніи съ каѳолической церковью.

Не удовлетворились, однако, этимъ африканскіе епископы. Не возражая противъ постановленія своихъ братьевъ на соборѣ въ Діосполисѣ, признавая согласно съ ними, что Пелагій *исправился*, они сочли нужнымъ обезпечить торжество истины тамъ, гдѣ Пелагій нашелъ сочувствіе—въ Римѣ. Въ теченіе 416 г.

они два раза съѣзжались на соборъ — въ Карѳагенѣ и въ Милево въ Нумидіи—съ участіемъ Августина. Оба собора обратились съ посланіемъ къ римскому епископу Иннокентію I „по дѣлу Пелагія и Целестія".

Такъ завязалась переписка, крайне интересная для рѣшенія вопроса объ отношеніяхъ Августина къ римскому престолу. Посланіе карѳагенскаго собора, подписанное 69-ю епископами, сообщаетъ, что вслѣдствіе полученныхъ черезъ Орозія съ Востока писемъ было перечитано постановленіе, сдѣланное пять лѣтъ тому назадъ по случаю заблужденій Пелагія и Целестія. Соборъ счелъ нужнымъ довести объ этомъ до свѣдѣнія папы для того, чтобы онъ „присоединилъ къ нашимъ скромнымъ постановленіямъ авторитетъ апостольскаго престола. Если же Пелагій и въ глазахъ папы правильно оправданъ постановленіями Восточнаго собора, то самое заблужденіе, имѣющее многихъ приверженцевъ, разсѣянныхъ въ разныхъ мѣстахъ, должно быть предано анаѳемѣ апостольскимъ престоломъ".

Болѣе настойчиво и наступательно посланіе нумидійскихъ епископовъ, подписанное 61-мъ именемъ, въ числѣ которыхъ находится и Августинъ. Посланіе мотивировано тѣмъ, что самъ папа могъ бы поставить имъ въ упрекъ, еслибы они умолчали предъ нимъ о нуждахъ церкви. Новая и слишкомъ гибельная ересь враговъ благодати Христовой пытается подняться, а именно, что человѣкъ можетъ съ помощью свободной воли дойти до такого совершенства, что не будетъ нуждаться въ молитвѣ—„оставь намъ долги наши". Упомянувъ и о второмъ заблужденіи, что новорожденные не нуждаются для своего спасенія въ крещеніи, посланіе выражаетъ полную увѣренность, что папа приметъ къ сердцу необходимость положить конецъ распространенію такихъ заблужденій.

По отношенію къ виновникамъ этихъ пагубныхъ заблужденій, Пелагію и Целестію, нумидійскіе епископы заявляютъ, что предпочли бы ихъ исправленіе отлученію отъ церкви. Но ихъ посланіе выражается гораздо скептичнѣе, чѣмъ карѳагенское, объ образѣ дѣйствія Пелагія на восточныхъ соборахъ; передается слухъ, что онъ „нѣкоторыхъ обманулъ, но что большинство лучше поняло смыслъ его увѣреній и продолжаетъ бороться съ нимъ". Посланіе упоминаетъ между ними и находившагося на Востокѣ римскаго пресвитера Іеронима. Посланіе выражаетъ надежду, что авторитету папы, основанному на авторитетѣ Священнаго Писанія, будетъ легко прекратить такія опасныя заблужденія.

Руководители африканскаго духовенства не удовольствовались, однако, оффиціальными посланіями двухъ соборовъ. Вслѣдъ за ними папѣ Иннокентію было отправлено письмо, подписанное Авреліемъ и Августиномъ съ его тремя учениками, Алипіемъ, Еводіемъ и Поссидіемъ. Въ ихъ лицѣ соединялся какъ бы авторитетъ обоихъ соборовъ — карѳагенскаго и нумидійскаго, т. е. говорила вся африканская церковь. Письмо, нужно думать, составлено Августиномъ.

Цѣль письма очевидна: авторы желали не только заручиться противъ ереси авторитетомъ римскаго епископа, но и *наставить* того, въ чьихъ рукахъ сосредоточивался такой высокій авторитетъ; во-вторыхъ, они желали указать папѣ, что и въ самомъ Римѣ слѣдуетъ принять мѣры противъ ереси Пелагія.

„Мы слышали, что въ Римѣ, гдѣ Пелагій долго жилъ, нѣкоторые ему потворствуютъ по различнымъ причинамъ: одни потому, что онъ убѣдилъ ихъ въ своемъ ученіи, другіе потому, что не вѣрятъ, чтобы онъ держался такого ученія—въ особенности въ виду толковъ о состоявшихся на Востокѣ постановленіяхъ, его, какъ они думаютъ, оправдавшихъ“. Августинъ спѣшитъ разъяснить недоразумѣніе по поводу этого оправданія, очевидно для того, чтобы предостеречь отъ него римскаго епископа. Восточные епископы объявили Пелагія православнымъ (каѳоликомъ) потому, что онъ призналъ благодать (gratia) Божію; заявляя, что человѣкъ можетъ жить праведно, благодаря собственнымъ усиліямъ и волѣ, онъ не отрицалъ, однако, что ему въ этомъ помогаетъ благодать Божія. Услышавъ эти слова, каѳолическіе епископы разумѣли ту благодать, о которой идетъ рѣчь въ Св. Писаніи, и не могли не придать ей тотъ смыслъ, который установленъ церковнымъ обычаемъ. Они разумѣли ту благодать, посредствомъ которой мы получаемъ оправданіе и избавляемся отъ грѣховной слабости, а не ту благодать Божію, которая насъ создала и снабдила собственною волею. Если бы каѳолическіе епископы поняли, что Пелагій разумѣлъ только эту благодать, которую мы раздѣляемъ съ нечестивыми, будучи одинаково съ ними людьми, созданными Творцомъ, и что онъ отрицаетъ ту благодать, въ силу которой мы христіане и сыны Божіи, — то кто же изъ нихъ сталъ бы его терпѣливо слушать или даже пустилъ бы къ себѣ на глаза! Поэтому нельзя осуждать церковныхъ судей, не знавшихъ, что эти люди распространяютъ въ своихъ сочиненіяхъ или нашептываютъ на ухо своимъ приверженцамъ.

Но дѣло не въ Пелагіѣ, который, можетъ быть, уже испра-

вился—дай Богъ, чтобы это было такъ, — но въ тѣхъ многихъ, которые своей пустой болтовней увлекаютъ за собою слабыя и неопытныя души. Поэтому Августинъ и товарищи настаиваютъ, чтобы Иннокентій вытребовалъ Пелагія въ Римъ, или письменно потребовалъ отъ него объясненія, что онъ разумѣетъ подъ благодатью, помогающей человѣку праведно жить, и лишь тогда, когда окажется, что онъ въ этомъ вопросѣ согласенъ съ церковнымъ ученіемъ, онъ можетъ быть вполнѣ оправданъ безъ всякаго соблазна для церкви, безъ всякой двусмысленности,—только тогда можно будетъ истинно порадоваться его исправленію.

Но Августинъ, очевидно, былъ и послѣ этого не увѣренъ, вполнѣ ли понимаетъ дѣло Пелагія римскій судья, къ которому онъ обращался. Онъ поэтому въ своемъ письмѣ подробно излагаетъ папѣ различіе между понятіемъ, за которымъ Пелагій скрывалъ свое ученіе, и тѣмъ представленіемъ о благодати, которая по *его* ученію была необходима для спасенія. Кромѣ того Августинъ приложилъ къ своему письму сочиненіе Пелагія „De natura", доставленное ему двумя молодыми монахами, обращенными самимъ Пелагіемъ изъ міра, — а также свое опроверженіе: „О природѣ и благодати". Весьма характерно, что Августинъ, „чтобы не затруднять" папу богословскими разсужденіями, отмѣтилъ значками тѣ мѣста въ рукописи, изъ которыхъ особенно явствовало, что Пелагій подъ словами *благодать Божія* не разумѣлъ благодати, о которой говоритъ апостолъ Павелъ.

Если Пелагій откажется отъ авторства этой книги или заявитъ, что въ ней встрѣчаются мѣста, вставленныя его недругами, „то пусть онъ ихъ предастъ анаѳемѣ по увѣщанію и приказанію твоего святѣйшества". Пусть онъ такимъ образомъ устранитъ тяжелый для него и опасный для церкви соблазнъ. Ибо когда его приверженцы, распространяющіе его ученіе, узнаютъ, что книга, которую они ему приписываютъ или завѣдомо признаютъ его произведеніемъ, „имъ осуждена въ силу авторитета каѳолическихъ епископовъ и преимущественно твоимъ святѣйшествомъ, которому онъ безъ сомнѣнія придаетъ особый вѣсъ, они не посмѣютъ болѣе вопить противъ благодати Господней".

Въ заключеніе, епископы просятъ извиненія у „кротчайшаго сердцемъ" папы, что они посылаютъ ему письмо, можетъ быть болѣе длинное, чѣмъ онъ бы желалъ. Они не имѣютъ намѣренія „увеличивать своимъ ручейкомъ обильный потокъ" мудрости, которымъ обладаетъ папа, но желаютъ лишь въ эту трудную минуту, чтобы папа призналъ, что и ихъ „хотя слабый ручей беретъ начало изъ того же самаго источника, откуда исте-

каетъ твой обильный потокъ"—и найти утѣшеніе въ его отвѣтѣ, что причастны вмѣстѣ съ нимъ одной и той же благодати. Папа Иннокентій отвѣтилъ особымъ посланіемъ на каждое изъ полученныхъ имъ отъ епископовъ Африки. Эти отвѣты папы весьма характерны: въ нихъ обнаруживается весь контрастъ между настроеніемъ римской и африканской іерархіи, между воззрѣніями папской канцеляріи и епископовъ, руководимыхъ Августиномъ. Съ одной стороны глубокій религіозный интересъ, сильное, искреннее убѣжденіе, горячая забота о чистотѣ догматовъ, обусловливающихъ спасеніе, съ другой—извѣстное равнодушіе къ богословской сторонѣ дѣла и искусная дипломатія, озабоченная тѣмъ, чтобы воспользоваться заявленіями истцовъ и извлечь изъ нихъ пользу для увеличенія папскаго авторитета. Папа Иннокентій позналъ вѣроятно только изъ посланія Августина всю богословскую важность вопроса, возбужденнаго ученіемъ Пелагія и разъясненнаго Августиномъ. Но онъ отлично понялъ политическое значеніе для Рима этой догматической распри. Не касаясь существа дѣла, папа открыто ставитъ на первый планъ авторитетъ Рима. Забывая, что африканскіе епископы считаютъ пелагіанскій вопросъ уже рѣшеннымъ, папа дѣлаетъ видъ, какъ будто они обращаются за рѣшеніемъ его къ нему, какъ главѣ церкви.

Въ отвѣтѣ карѳагенскимъ епископамъ онъ хвалитъ ихъ за то, что они „апеллировали къ его суду, сознавая свои обязанности по отношенію къ апостольскому престолу, и всѣ пожелали слѣдовать за апостоломъ, отъ котораго происходитъ епископія и весь авторитетъ Рима"... Онъ одобряетъ ихъ за то, что они держатся преданія отцовъ, установленнаго не человѣческимъ, а божественнымъ усмотрѣніемъ, согласно которому, что̀ бы ни обсуждалось въ отдаленныхъ провинціяхъ, не должно считаться рѣшеннымъ, пока не доведено до свѣдѣнія апостольскаго престола, для того, чтобы въ силу его полнаго авторитета правильное рѣшеніе могло получить утвержденіе.

Пользуясь уподобленіемъ римской и африканской церкви двумъ ручьямъ, хотя и различнымъ по силѣ, но вытекающимъ изъ одного *общаго* источника (ученія Христа), папа измѣняетъ его въ пользу Рима и говоритъ о томъ, что „какъ вода разливается изъ первоисточника (fons natalis) въ чистыхъ струяхъ по всей землѣ, такъ всѣ церкви получаютъ отъ римской указаніе того, чего держаться и кого омывать водою оправданія".

Наконецъ, папа благодаритъ епископовъ за ихъ требованіе (?), чтобъ онъ разослалъ по всей землѣ декретъ и этимъ снова укрѣ-

пилъ церковь. Въ краткихъ выраженіяхъ осудивъ пелагіанское ученіе, Иннокентій отклоняетъ отъ себя необходимость высказаться по существу дѣла подъ предлогомъ, что „не хочетъ входить въ подробности, потому что они многочисленны, и весьма ученые епископы уже *все* нужное высказали".

Еще безцеремоннѣе высказываются папскія притязанія въ письмѣ къ собору нумидійскихъ епископовъ. Если въ первомъ письмѣ говорится только о томъ, что римская церковь есть первоисточникъ христіанскаго ученія, то теперь ей уже приписывается особое вѣдѣніе божественныхъ тайнъ, скрытое отъ другихъ церквей. Папа высказываетъ одобреніе епископамъ за то, что они обратились къ мѣсту, осѣненному почетомъ апостола, съ просьбою сообщить свои тайны (arcana); — къ праву на почетъ, поясняетъ онъ, присоединяются въ Римѣ и заботы о всѣхъ церквахъ. Возводя свои недавнія притязанія на степень традиціоннаго права, папа поучаетъ епископовъ, что „древнему правилу (обращаться къ Риму) всегда слѣдовалъ весь міръ". Имъ самимъ это извѣстно, и они это сами подтвердили, зная, что вопрошающіе изъ всѣхъ провинцій получаютъ отвѣты изъ апостольскаго источника. Всѣ братья и соепископы должны обращаться только къ апостолу Петру, какъ *они* это сдѣлали на пользу всему міру.

Въ большія подробности входитъ папа въ отвѣтѣ на выдающееся объемомъ и содержаніемъ письмо къ нему пяти епископовъ съ Августиномъ во главѣ. Но тутъ особенно бросается въ глаза контрастъ между страстной заботой о торжествѣ истины церковнаго учителя и ухищреніями церковнаго политика, который боится попасть въ просакъ при разногласіи между африканскими и сирійскими соборами и хочетъ избавить себя отъ разбирательства дѣла Пелагія. Гдѣ бы ни встрѣчались пелагіанцы, говоритъ папа, хотя бы въ Римѣ, — чего онъ знать не можетъ (?) въ виду большого объема города и того, что они держатъ себя смирно, — пусть они будутъ прокляты. О томъ же, что Пелагій на одномъ изъ соборовъ оправданъ, онъ хотя и слышалъ отъ нѣкоторыхъ мірянъ, но сомнѣвается въ вѣрности этого слуха, такъ какъ не получилъ посланія отъ собора, о чемъ похлопоталъ бы самъ Пелагій. Въ представленныхъ ему протоколахъ кое-что не договорено, кое-что извращено. Нѣтъ надобности вызывать Пелагія въ Римъ; пусть онъ добровольно туда прибудетъ, если желаетъ быть оправданнымъ. Но если слѣдуетъ его вызвать, то пусть это лучше сдѣлаютъ тѣ, которые ближе къ мѣсту его нахожденія. Если же Пелагій будетъ письменно просить прощенія, то онъ ему въ немъ не откажетъ.

По поводу новой книги Пелагія, присланной Августиномъ, папа отзывается весьма развязно: присланную книгу онъ читалъ, она полна заблужденій, но нѣтъ надобности опровергать ее [1]).

Переписка папы Иннокентія I съ африканскими епископами представляетъ, какъ изъ этого видно, весьма интересную страницу изъ исторіи развитія папской власти. Изложивъ ее, намъ остается дополнить ее замѣчаніемъ, касающимся положенія, занятаго Августиномъ въ этой распрѣ. Августинъ, очевидно, раздѣлялъ мнѣніе, высказанное когда-то Кипріаномъ карѳагенскимъ, что всѣ христіанскія церкви представляютъ собой ручейки, вытекающіе изъ одного общаго источника — ученія Христа и апостоловъ; онъ признаетъ лишь, что источникъ, текущій въ Римѣ, обильнѣе другихъ. Папское представленіе, что римская церковь—*первоисточникъ*—fons natalis,—изъ котораго вытекаютъ всѣ прочія церкви, ему чуждо. Но онъ нигдѣ не выставляетъ на видъ этого существеннаго разногласія; онъ какъ бы не замѣчаетъ церковно-политическихъ послѣдствій папскихъ притязаній; все вниманіе его устремлено на догматическую сторону вопроса. Удовлетворенный тѣмъ, что Римъ высказался за ученіе о благодати, Августинъ въ одномъ изъ своихъ писемъ высказываетъ свое удовольствіе, что Иннокентій отвѣтилъ на всѣ письма, „какъ надлежало епископу на апостольскомъ престолѣ“.

Надменному и покровительственному обращенію Иннокентія съ его африканскими собратьями не соотвѣтствовалъ однако дальнѣйшій ходъ дѣла, благодаря опрометчивости его преемника Зосимы. Этотъ папа нанесъ, несмотря на свое краткое правленіе, тяжелый ударъ авторитету Рима. Мы упоминали о его попыткѣ посредствомъ вмѣшательства въ распри южно-гальскихъ епископовъ подчинить ихъ своей власти, назначивъ надъ ними викарія римскаго епископа. Съ такою же рѣшительностью вздумалъ онъ покончить, къ вящшей славѣ Рима, пелагіанскія распри, не обращая вниманія на постановленіе африканскихъ соборовъ и авторитетъ такого богослова, какъ Августинъ. Пелагій прислалъ въ Римъ искусно составленную апологію, а Целестій лично явился

[1]) По поводу этихъ писемъ Лангенъ въ своей „Исторіи папъ“ замѣчаетъ, что Иннокентій въ нихъ отступилъ отъ древне-римскаго представленія, еще сохранившагося въ остальныхъ церквахъ, а именно — что особый авторитетъ Рима въ церковномъ ученіи опирается лишь на сохраненіи общеизвѣстнаго апостольскаго преданія и что тотъ, кто знакомъ съ этимъ преданіемъ по *Св. Писанію*, точно также обладаетъ истиннымъ христіанскимъ ученіемъ.

туда и подалъ новому папѣ Зосимѣ „заявленіе вѣры“ (libellus), въ которомъ, сдѣлавъ новыя уступки своимъ противникамъ и объяснивъ свою точку зрѣнія, выражалъ полную готовность подчиниться рѣшенію папы. Порадованный возможностью покончить затянувшуюся распрю, Зосима благосклонно принялъ заявленіе и призналъ его православнымъ (catholicum). А созванный по этому поводу соборъ въ Римѣ (417 г.) оправдалъ какъ Пелагія, такъ и Целестія, призналъ ихъ обвинителей недобросовѣстными людьми и, укоряя африканскихъ епископовъ въ опрометчивости, предложилъ имъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ подтвердить свои обвиненія. Объ этомъ Зосима извѣстилъ африканскихъ епископовъ въ весьма развязномъ тонѣ. „Хотя, писалъ онъ, у него много дѣлъ болѣе важныхъ, онъ подвергъ разслѣдованію дѣло пресвитера Целестія и тотчасъ созвалъ соборъ въ церкви св. Климента, ученика св. Петра. Онъ вынесъ изъ этого дѣла заключеніе, что африканскіе епископы осудили Целестія заочно по навѣтамъ Героса и Лазаря, присвоившихъ себѣ въ Галліи епископскіе столы и имъ смѣщенныхъ; поэтому онъ объявляетъ, что Целестій имъ оправданъ. Впрочемъ сочиненіе, переданное ему Целестіемъ, могло бы послужить для нихъ доказательствомъ, что поименованные обвинители не заслуживаютъ довѣрія. Если же бы теперь кто-нибудь захотѣлъ возвести на Целестія обвиненіе за что-либо иное, имъ письменно или устно заявленное въ Римѣ, то пусть тотъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ явится въ Римъ съ своимъ обвиненіемъ“.

Далѣе папа сообщалъ, что онъ внушилъ какъ Целестію, такъ и епископамъ, собравшимся въ Римѣ изъ разныхъ странъ, что такого рода хитроумные вопросы возникаютъ изъ суетнаго любопытства и изъ того, что каждый желаетъ на Св. Писаніи проявить свой талантъ и свое краснорѣчіе;—отъ этого, продолжаетъ папа, священные авторы и ихъ сочиненія подвергаются теперь, по прошествіи столько долгаго времени, опасности сдѣлаться предметомъ произвольныхъ толкованій даже со стороны высокодостойныхъ людей.

Какъ видно изъ этого, папа Зосима свелъ великій богословскій и этическій споръ къ навѣту двухъ замѣшанныхъ въ церковную смуту южной Галліи и враждебныхъ ему епископовъ и не усомнился косвенно высказать свое неодобреніе Августину и его послѣдователямъ за ихъ серьезное стремленіе разрѣшить споръ съ Пелагіемъ съ помощью Св. Писанія. Но Зосима на этомъ не остановился. Оправдавъ Целестія, онъ вздумалъ оправдать и самого Пелагія, и 21-го сентября 417 года писалъ по-

этому поводу африканскимъ епископамъ, что преемникъ іерусалимскаго епископа Іоанна ходатайствовалъ предъ нимъ за Пелагія и самъ Пелагій прислалъ ему оправдательное сочиненіе въ такомъ же направленіи мыслей, какъ и Целестій. Жаль, что африканскіе епископы не присутствовали при чтеніи этого сочиненія, которое вызвало радость и восхищеніе у всѣхъ присутствовавшихъ св. мужей. Они едва могли воздержаться отъ слезъ. Вездѣ въ этомъ сочиненіи упоминается о милости и о помощи Божіей; если же кто подъ этимъ разумѣетъ нѣчто иное, чѣмъ благодать, тотъ грѣшитъ противъ Св. Духа.

И въ этомъ письмѣ папа не преминулъ выставить виновниками всей смуты Героса и Лазаря. Намекая на то, что *они* выступили на Востокѣ обвинителями Пелагія, хотя по нездоровью не явились на діоспольскій соборъ для его обличенія, папа пишетъ о нихъ—что когда дѣло идетъ о полученіи епископскихъ мѣстъ, они рыщутъ по землямъ и по морямъ, а ради обвиненія невинныхъ они пишутъ навѣты въ своей *постели* и наводятъ туманъ на всю Африку и на весь міръ. Папа призываетъ африканскихъ епископовъ къ согласію и совѣтуетъ имъ руководиться тою осторожностью, которая примѣняется даже въ свѣтскихъ судахъ.

Африканцы должны радоваться тому, что ложно ими обвиненные никогда не были отчуждены отъ тѣла церкви и католической истины. Если отецъ радуется возвращенію раскаявшагося сына, то еще болѣе слѣдуетъ радоваться возвращенію тѣхъ, которые никогда не были блудными сынами. Но африканскій епископатъ не поддался этимъ внушеніямъ. Къ сожалѣнію, до насъ не дошли протоколы состоявшагося въ Африкѣ собора,—но намъ извѣстенъ его результатъ. Противопоставляя папѣ авторитетъ другого папы, епископы постановили, что рѣшеніе Иннокентія должно остаться въ силѣ, пока Пелагій и Целестій не заявятъ въ недвусмысленныхъ выраженіяхъ, что Божья помощь нужна человѣку не для уразумѣнія только, но и для достиженія праведности. По отношенію же къ Целестію они кромѣ того потребовали отъ папы, чтобы онъ принудилъ его отречься отъ всего, что онъ утверждалъ въ своемъ „заявленіи"; въ противномъ случаѣ соборъ грозилъ папѣ, который призналъ это заявленіе *каѳолическимъ*, считать его единомышленникомъ осужденнаго Целестія. Даже дьяконъ Паулинъ Миланскій объявилъ папѣ, что не явится въ Римъ для обвиненія Целестія, такъ какъ его дѣло уже рѣшено.

Такой неожиданный оборотъ дѣла сразу образумилъ Зосиму.

Опрометчивое высокомѣріе замѣнилось у него полною растерянностью. Онъ вызвалъ къ себѣ Целестія, вѣроятно для того, чтобы побудить его къ отреченію, но тотъ не явился, а удалился изъ Рима. Тревожное состояніе Зосимы явно отразилось въ оправдательномъ письмѣ его къ африканскимъ епископамъ отъ 21-го марта 418 года. Оно представляетъ собою небывалое и неосмысленное нагроможденіе словъ, не поддающееся передачѣ. Прославляя апостола Петра и выводя отъ него свой авторитетъ, которому никто не можетъ противорѣчить, папа тутъ же отрекается отъ всего, что онъ писалъ раньше. Его „братья" впала въ недоразумѣніе, полагая, что онъ во всемъ повѣрилъ Целестію безъ всякаго разслѣдованія. Онъ ничего не измѣнилъ, и дѣло Целестія остается въ томъ же положеніи, въ какомъ находилось прежде.

Но Зосимѣ, раньше очевидно дѣйствовавшему подъ вліяніемъ пелагіанской партіи въ Римѣ, предстояли еще новыя огорченія: 30 апрѣля послѣдовалъ императорскій указъ, изданный вѣроятно по настоянію африканскихъ епископовъ, подвергавшій изгнанію изъ Рима новыхъ „еретиковъ",—и въ тѣ же дни засѣдавшій въ Карѳагенѣ многочисленный соборъ африканскихъ епископовъ съ участіемъ испанскихъ осудилъ Пелагія.

Все это побудило Зосиму совершенно порвать съ пелагіанствомъ и разослать всѣмъ епископамъ окружное посланіе (epistola tractoria), въ которомъ, признавая главныя положенія ученія Августина о благодати существеннымъ для спасенія — de fide—заявилъ, что усвоиваетъ себѣ 3-ій, 4-ый и 5-ый каноны послѣдняго карѳагенскаго собора такъ, какъ будто бы они исходили отъ апостольскаго престола. Посланіе сопровождалось требованіемъ, чтобы всѣ епископы засвидѣтельствовали своею подписью свое согласіе съ нимъ.

Какъ же отнесся Августинъ къ этому образу дѣйствія римскаго епископа? Августинъ несомнѣнно раздѣлялъ точку зрѣнія своихъ африканскихъ собратій на дѣло Пелагія и Целестія; но онъ расходился съ ними въ оцѣнкѣ образа дѣйствія папы Зосимы. Мы не имѣемъ свѣдѣній о томъ, какъ держалъ себя Августинъ во время пререканій между этимъ папой и африканскими епископами, но, нѣсколько времени спустя въ своей полемикѣ противъ пелагіанцевъ, Августинъ выступаетъ защитникомъ папы Зосимы. Онъ оправдываетъ снисходительность этого папы къ Целестію и объясняетъ, что папа имѣлъ основаніе признать „заявленіе" Целестія „каѳолическимъ"; ибо, если кто, думая иначе, чѣмъ требуетъ истина, не настаиваетъ на своемъ мнѣніи,

а по раскрытіи его заблужденія отрекается отъ него, то онъ поступаетъ, какъ истинный католикъ (catholicae mentis est). Вмѣстѣ съ тѣмъ папа, по словамъ Августина, старался образумить Целестія; поступая съ нимъ съ „цѣлебной медлительностью", онъ хотѣлъ ему дать время одуматься. Онъ самъ его наставлялъ и требовалъ, чтобы онъ отрекся отъ представленныхъ его обвинителемъ Паулиномъ положеній и подчинился посланіямъ Иннокентія I къ африканцамъ по его дѣлу. Отъ перваго Целестій отказался, на второе согласился и этимъ связалъ себя. Если не удалось уладить дѣло и Целестій бѣжалъ изъ Рима, то виною этому не папа. Папа щадилъ Целестія, цѣня его острый умъ, который въ случаѣ исправленія принесъ бы церкви большую пользу. Онъ поступилъ съ нимъ, какъ съ бѣшенымъ, несущимся въ пропасть, предпочитая остановить его своимъ окликомъ, чѣмъ рѣзкимъ приговоромъ вторгнуть его въ бездну. Обвиненіе же папы Зосимы въ томъ, что онъ былъ сообщникомъ Целестія, ни на чемъ не основано. Гдѣ же сказано въ его посланіи, что человѣкъ родится незапятнанный первороднымъ грѣхомъ? Его обращеніе съ Целестіемъ было милосерднымъ призывомъ къ исправленію, а не одобреніемъ гибельнѣйшаго заблужденія. „Папа въ Целестіѣ поощрялъ желаніе исправленія, а не лжеученія" (falsitas dogmatis).

Даже то, что наиболѣе странно въ поведеніи папы Зосимы— его внезапный переходъ отъ заступничества за Целестія и Пелагія къ ихъ осужденію,—находитъ у Августина снисходительное истолкованіе. Онъ объясняетъ, что осужденіе, произнесенное папою надъ Целестіемъ и Пелагіемъ, проистекало изъ строгости, временно отсроченной, но неизбѣжной,—оно не было отступленіемъ отъ ранѣе сознанной истины, не было слѣдствіемъ сознанія новой истины.

Такимъ образомъ Августинъ представляетъ поведеніе папы Зосимы по отношенію къ Целестію и Пелагію не только милосерднымъ, достойнымъ пастыря, но и *послѣдовательнымъ*. Конечно, по этой искусной защитѣ нельзя не узнать знаменитаго учителя риторики, но нужно имѣть въ виду, что эта защита папы Зосимы, хотя и сосредоточивается около его лица, не была его личной защитой, тѣмъ болѣе, что папы Зосимы въ это время уже не было въ живыхъ. Защищая папу Зосиму, Августинъ вступался не за Зосиму, а за папу. Важно было доказать, что римскій епископъ въ эту критическую для церкви минуту не отступилъ отъ истины, что онъ не *поддался обману*. Была сдѣлана попытка ввести его въ заблужденіе, но она не удалась.

Казалось одно время, что Пелагій утверждалъ кое-что согласное съ каѳолическимъ ученіемъ, — „но онъ не былъ въ состояніи *обмануть до конца* апостольскій престолъ". А въ другомъ мѣстѣ Августинъ замѣчаетъ: „Пелагій ввелъ въ заблужденіе палестинскій судъ; поэтому онъ какъ будто былъ имъ оправданъ. Римскую церковь обмануть онъ не могъ".

Совершенно отрицать происходившія въ Римѣ при Зосимѣ колебанія въ вѣроученіи, на которыя потомъ ссылались пелагіанцы, Августинъ, правда, не могъ. Но въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ ихъ признаетъ, онъ явно выгораживаетъ папу. „Если же бы, пишетъ онъ, Боже упаси, въ римской церкви одобрялись и признавались тѣ ученія Целестія и Пелагія, которыя осудилъ папа Иннокентій, то клеймо отступниковъ скорѣе заслужили бы римскіе клерики (potius)". Много же лѣтъ спустя, оглядываясь на свою литературную дѣятельность, Августинъ слѣдующимъ образомъ формулировалъ ходъ и исходъ борьбы съ пелагіанствомъ: „Ересь Пелагія съ ея виновниками была обличена и осуждена епископами римской церкви, сначала Иннокентіемъ, затѣмъ Зосимою при содѣйствіи (cooperantibus) посланій африканскихъ соборовъ".

Какъ изъ этого видно, Августинъ является передъ нами въ своихъ отзывахъ о папѣ Зосимѣ отнюдь не историкомъ, но богословомъ-полемистомъ. Напомнимъ, что и самые эти отзывы заимствованы изъ полемическихъ сочиненій, направленныхъ противъ пелагіанства. Нужно было выбить изъ рукъ искуснаго противника и борца за пелагіанство, Юліана Экланскаго, два оружія—ссылку на то, что Римъ самъ поощрялъ или одобрялъ ученіе Пелагія, и обвиненіе что Римъ, осудившій затѣмъ пелагіанство, совершилъ отступничество. Оба аргумента были одинаково опасны для дѣла, которое отстаивалъ Августинъ: первый — потому, что являлся сильнымъ доводомъ въ пользу ученія Пелагія, тѣмъ болѣе, что послѣдній могъ сослаться и на два восточныхъ собора; второй— потому, что подрывалъ вѣру въ стойкость ученія римской церкви и неприкосновенность апостольскаго преданія. Никто, конечно, не имѣлъ такого отчетливаго представленія о гибельномъ вліяніи пелагіанскаго ученія для христіанской церкви, какъ учитель благодати, и потому понятно, до какой степени было для Августина важно оберечь православность и авторитетъ римскаго престола отъ посягательствъ пелагіанцевъ. Прославляя этотъ авторитетъ, Августинъ охотно забывалъ свою личную долю въ побѣдѣ надъ пелагіанствомъ (quorum pars magna fuit); онъ готовъ былъ свести дѣятельность африканскихъ соборовъ на *содѣйствіе* Риму, тогда

какъ на самомъ дѣлѣ Карѳагенъ, или точнѣе Гиппона, увлекли за собою Римъ. Но самое дѣло, дорогое для Августина, проиграло бы, еслибы казалось дѣломъ провинціальной церкви, не имѣвшей авторитета ни на Востокѣ, ни на Западѣ. Побѣдить пелагіанство можно было только въ Римѣ, и для этого нужно было всѣхъ убѣдить, что *Римъ* поборолъ пелагіанство.

Не такъ объясняютъ дѣло поборники папскаго авторитета и непогрѣшимости римскаго епископа: они выставляютъ Августина своимъ предшественникомъ и приписываютъ ему представленія позднѣйшаго ультрамонтанства. Съ этой точки зрѣнія они находятъ у него пресловутую формулу—Roma locuta est—Римъ *сказалъ свое слово*, и слѣдовательно вопросъ рѣшенъ. Рейтеръ съ обычной своей точностью разслѣдовалъ дѣло и вывелъ на свѣтъ кроющееся въ немъ болѣе или менѣе сознательное недоразумѣніе. Упомянутая формула не встрѣчается у Августина, и мнимая ссылка на одно изъ его сочиненій, приводимая въ доказательство противнаго—не вѣрна [1]).

Успокаивая своихъ прихожанъ и совѣтуя имъ не придавать значенія толкамъ пелагіанцевъ, Августинъ сказалъ: „Дѣло ихъ кончено. Опровергайте тѣхъ, кто будетъ противъ этого спорить, а упрямыхъ приводите къ намъ; ибо по этому дѣлу апостольскому престолу уже посланы постановленія двухъ соборовъ, и оттуда уже пришелъ отвѣтъ. Дѣло кончено; дай Богъ, чтобы когда-нибудь кончилось и самое заблужденіе“.

Только при предвзятой мысли можно изъ этихъ словъ проповѣдника, обращенныхъ къ собравшейся толпѣ и сказанныхъ по данному случаю,—извлечь общее, *догматическое* заключеніе въ пользу признанія папскаго верховенства въ началѣ V вѣка.

Августинъ излагаетъ своимъ слушателямъ ходъ пелагіанскаго дѣла: оно разрѣшено *двумя* африканскими соборами; ихъ постановленія сообщены римскому епископу и оттуда уже полученъ (благопріятный) отвѣтъ. Дальнѣйшіе споры излишни; *дѣло кончено*, но не потому, что оно рѣшено въ Римѣ, а потому, что относительно его нѣтъ никакого разногласія между разсмотрѣвшими его соборами и римскимъ епископомъ. Достаточно вспомнить образъ дѣйствія африканскаго епископа въ столкновеніи съ папой Зосимою, чтобы убѣдиться, что ученіе Августина о благодати отнюдь не зависѣло отъ посланій папской канцеляріи.

---

[1]) См. полемику Рейтера противъ Янсена и Эбрарда и указаніе, что въ сочиненіи Августина „De anima“, на которое они ссылаются, выраженія: „Roma locuta est“, вовсе нѣтъ.

Истолковать его слова „дѣло кончено“ въ ультрамонтанскомъ смыслѣ значило бы кромѣ того совершить великій анахронизмъ, который грѣшилъ бы въ двухъ отношеніяхъ: онъ исходилъ бы изъ невѣрнаго предположенія, будто Августинъ раздѣлялъ ученіе о главенствѣ преемниковъ св. Петра, какъ то понимали въ Римѣ; во-вторыхъ, онъ упустилъ бы изъ виду великое значеніе, какое имѣла для Августина христіанская церковь Востока. Обоихъ этихъ пунктовъ мы коснемся, но предварительно приходится выяснить другую сторону притязаній современныхъ Августину римскихъ епископовъ и его отношенія къ нимъ.

В. И. Герье.

„ДОНЪ-ЖУАНЪ“

ГРАФА АЛЕКСѢЯ ТОЛСТОГО

Историко-литературный этюдъ.

I.

Среди произведеній гр. А. К. Толстого есть одно, пользующееся меньшей извѣстностью, чѣмъ остальныя. Мало было о немъ написано, и даже это малое, подчасъ весьма неблагопріятное, не стяжало вниманія читателей; а между тѣмъ надъ этимъ произведеніемъ авторъ много трудился, и оно неоспоримо заслуживаетъ тщательнаго изученія. Рѣчь идетъ о драматической поэмѣ „Донъ-Жуанъ“ [1859].

Тема этого произведенія не нова, основная идея также не вполнѣ самобытна; но если зерно мысли поэта и зародилось подъ постороннимъ вліяніемъ, то развитіе ея, равно какъ и обрисовка характеровъ дѣйствующихъ лицъ въ ихъ окончательномъ образѣ, безспорно принадлежатъ гр. Толстому.

Толстой признаетъ, что мысль о созданіи „Донъ-Жуана“ зародилась въ немъ подъ вліяніемъ Моцарта и Гофмана, и онъ посвящаетъ свое произведеніе памяти этихъ двухъ своихъ вдохновителей. Въ постепенномъ и логичномъ расширеніи и развитіи этой идеи, которая въ Донъ-Жуанѣ видитъ не простого прожигателя жизни, а страждущаго идеалиста, такъ же, какъ и въ разработкѣ вопроса о возможности спасенія для этой мятежной души, и заключается главный психологическій интересъ произведенія Толстого.

Но кромѣ своеобразной психологіи, въ поэмѣ „Донъ-Жуанъ“ есть еще большая примѣсь элемента мистическаго. Въ поэмѣ

сверхъестественное связано съ судьбою героя гораздо тѣснѣе, нежели въ самой легендѣ, изъ которой заимствована фабула. Сверхъестественныя силы не только въ послѣдній моментъ направляютъ судьбу героя, но непрестанно слѣдятъ за нимъ, окружая его своимъ благимъ или злымъ вліяніемъ, и борются изъ-за него. Сильная мистическая окраска поэмы придаетъ ей особую своеобразность, и эта своеобразность остается безъ поясненія въ дальнѣйшій періодъ творчества поэта. Мистическія вѣрованія Толстого какъ бы кристаллизировались въ одной этой поэмѣ, чтобы нигдѣ уже не выразиться съ такою силой.

Другой отличительной чертой „Донъ-Жуана" Толстого является глубина характеристики Донны-Анны, этой идеальной женщины, которая одна способна подарить Донъ-Жуана „любовью настоящей" и спасти его отъ неминуемой гибели. Образъ спасительницы Жуана намѣчался и другими писателями,—но Ал. Толстой первый вполнѣ обработалъ и развилъ характеръ этой оскорбленной, но любящей до конца женщины, которая пытается мстить разрушителю своего счастья, но, умирая, предостерегаетъ его отъ погибели.

Поэма гр. Ал. Толстого болѣе другихъ его сочиненій проникнута высокимъ идеализмомъ, горячей вѣрой въ окончательное торжество добра надъ зломъ и въ высшую справедливость. Въ моментъ своего появленія она круто шла въ разрѣзъ съ общественнымъ настроеніемъ и была „случайнымъ и невольнымъ протестомъ противъ практическаго направленія нашей беллетристики". Тѣмъ не менѣе она — произведеніе не тенденціозное: „смыслъ ея былъ общечеловѣческій, а содержаніе не только не относилось къ современнымъ вопросамъ, но заключалось именно въ любви къ прекрасному, безо всякаго примѣненія къ практической пользѣ" [1]); и съ этой точки зрѣнія и слѣдуетъ ее разсматривать. Ал. Толстой никогда не писалъ съ цѣлью „доказать" что-нибудь, или навязать читателю свои мысли и убѣжденія; онъ творилъ, въ полномъ смыслѣ слова, изъ любви къ чистому и возвышающему душу искусству, и если въ его твореніяхъ и отразились завѣтныя его убѣжденія, то только постольку, эти идеалы были вмѣстѣ художественны и эстетичны. И нѣтъ ничего страннаго въ томъ, что особенно ярко они выразились въ такомъ одухотворенномъ произведеніи, какъ „Донъ-Жуанъ".

Должно отмѣтить и еще одну характерную черту поэмы:

---

[1]) „Вѣстникъ Европы". Письма гр. А. К. Толстого къ друзьямъ. 1895 г., кн. XI.

герой ея ничѣмъ рѣшительно не напоминаетъ ни героевъ другихъ произведеній автора, ни его самого, — до того своеобразенъ его характеръ, до того, если можно такъ выразиться, необыченъ онъ въ творчествѣ нашего поэта.

Толстой очень любилъ это свое созданіе, надъ которымъ долго трудился. „Не знаю, появятся ли когда-нибудь на свѣтъ Божій „Донъ-Жуанъ“ и „Серебряный“, такъ какъ я ихъ писалъ совѣстливо и съ любовью, будто бы и не существовало цензуры“,—писалъ онъ извѣстному Б. М. Маркевичу, и на критику Маркевича по поводу характеровъ поэмы, отвѣчалъ: „Дѣло сдѣлано, я не могу его *передѣлать*, я лишь могу поправить нѣкоторыя подробности тамъ-и-сямъ. Не думайте, что самолюбіе мнѣ мѣшаетъ; совсѣмъ другое. Я въ теченіе трехъ съ половиною лѣтъ сжился съ моими дѣйствующими лицами, и мнѣ невозможно ихъ себѣ представить иначе, чѣмъ какъ они мнѣ явились“. Написавъ драму, поэтъ заботится о томъ, чтобы ее узнали всѣ тѣ, чьимъ мнѣніемъ и критикой онъ дорожитъ, и чтобы она по возможности не потеряла, будучи прочитана вслухъ не имъ самимъ: „Я былъ бы очень доволенъ, еслибы императрица поручила вамъ прочесть ей мою драму—съ толкомъ, съ чувствомъ, съ разстановкой“,—писалъ онъ Б. М. Маркевичу.—„Но, во всякомъ случаѣ, прочтите ее и скажите мнѣ все, что̀ вы найдете, pro et contra... Если „Донъ-Жуанъ“ будетъ читаться при нѣсколькихъ лицахъ, то сдѣлайте мнѣ удовольствіе, назовите ихъ, и скажите мнѣніе каждаго,—главное, конечно, мнѣ хотѣлось бы знать мнѣніе людей компетентныхъ“. Посылая въ Россію свою драму, поэтъ съ удовольствіемъ отмѣчаетъ похвалы тѣхъ лицъ, которымъ онъ уже читалъ ее: „Не знаю, понравится ли „Донъ-Жуанъ“ въ Россіи, но я буду считать себя очень счастливымъ, если онъ будетъ имѣть половину успѣха, который онъ имѣлъ въ Германіи... Г-жа Павлова и нѣсколько нѣмецкихъ литераторовъ... сказали мнѣ такія вещи, которыхъ я никогда не посмѣю повторить; но, полагая, что̀ слѣдуетъ на долю преувеличенія и доброжелательности, все-таки остается достаточно, чтобы сдѣлать меня счастливымъ и утѣшить отъ крупнаго фіаско, которое потерпѣло мое чтеніе у великой княгини Маріи Николаевны... Не могу удержаться и не процитировать одну изъ фразъ m-me Павловой, которая мнѣ показалась болѣе чѣмъ лестною. Такъ какъ сюжетъ „Донъ-Жуана“ совершенно извѣстенъ и читатель знаетъ впередъ все, что̀ должно случиться, то она меня сравнила съ шахматнымъ игрокомъ, который заранѣе показываетъ мѣсто на доскѣ,

гдѣ онъ сдѣлаетъ матъ, и который исполняетъ строго свое обѣщаніе, подвигаясь шагъ за шагомъ".

Защищаясь отъ критическихъ нападокъ, Толстой пишетъ: „Если драма дурно сочинена, то это не оттого, что я мало о ней думалъ, или что я торопился ее окончить! Нѣтъ, далеко не то; я ее началъ или лучше сказать набросалъ — скоро будетъ уже два года, и если я не сдѣлалъ лучше, то потому что *не могъ* лучше сдѣлать... Это нисколько не значитъ, что я считаю „Донъ-Жуана" совершеннымъ; что же касается до передѣлки всего—это невозможно... Не обижайтесь, если я защищаюсь съ нѣкоторымъ упрямствомъ. Какъ настоящій гасконецъ, я хочу привлечь вниманіе на одно достоинство, котораго не замѣтили. Это—огромная простота начерченнаго плана и малое число дѣйствующихъ лицъ, такъ какъ сатана и ангелы не считаются дѣйствующими лицами: они—хоръ".

Еще ранѣе Толстой говорилъ: „Всякій понимаетъ Донъ-Жуана по-своему, и я становлюсь на точку зрѣнія Гофмана: вѣрующій сперва, потомъ озлобленный и скептическій, столько разъ обманутый, Жуанъ не вѣритъ даже очевидности" [1]).

И дѣйствительно, изъ этого невѣрія проистекаетъ трагизмъ положенія Жуана послѣ смерти Анны, трагизмъ тѣмъ болѣе захватывающій, что невѣріе героя внушено ему не имъ самимъ, а силою обстоятельствъ, въ которыхъ онъ лишь отчасти виновенъ.

II.

Поэма Толстого, какъ всякое крупное литературное произведеніе, должна быть изучена со стороны содержанія, т.-е. основныхъ идей и ихъ развитія, равно какъ и разработки характеровъ дѣйствующихъ лицъ, и со стороны формы. Чѣмъ глубже идеи, чѣмъ правдивѣе характеры, чѣмъ гармоничнѣе и цѣлесообразнѣе форма произведенія, тѣмъ оно совершеннѣе. Конечно, чѣмъ ближе стоитъ произведеніе къ началу литературной карьеры автора, тѣмъ недостаточнѣе гармонія содержанія и формы, тѣмъ чаще встрѣчаются неправильности построенія, длинноты или излишняя краткость изложенія, шероховатости языка,—недостатки, которые обыкновенно съ теченіемъ времени сглаживаются и исчезаютъ, и отъ которыхъ не вполнѣ свободна и поэма Толстого, именно въ силу того, что она—произведеніе раннее.

---

[1]) „Вѣстникъ Европы", X, 1895. Письма гр. А. К. Толстого къ друзьямъ.

Поэма названа „драматической“. Во всемірной литературѣ насчитывается цѣлый рядъ замѣчательныхъ произведеній, называемыхъ „драматическими поэмами“, которыя хотя и расчленены на дѣйствія и явленія, но не предназначаются къ театральной постановкѣ. Онѣ страдаютъ длиннотами, интересными съ точки зрѣнія психологической, но неумѣстными на сценѣ. Это своего рода картины внутренней жизни человѣка, захватывающія все вниманіе читателя, но утомляющія зрителя разсужденіями и отсутствіемъ движенія. Нельзя поэтому признать вполнѣ правильнымъ мнѣніе тѣхъ критиковъ, которые въ этой особенности формы усматриваютъ недостатокъ всего даннаго произведенія; они забываютъ, что оно написано не для сцены, и что цѣль его — дать не живую драму, а психологическій этюдъ.

Въ общей сложности такія драматическія произведенія съ успѣхомъ замѣняютъ романы; ихъ форма исключаетъ массу мелкихъ подробностей, неизбѣжныхъ во всякой другой категоріи литературныхъ произведеній, а главные моменты схвачены и переданы глубоко и тонко. Особенно благопріятнымъ является то обстоятельство, что психологія дѣйствующихъ лицъ разъясняется не отъ лица автора, а непосредственно самими героями, безъ всякой систематизаціи, несвязно, нестройно, со всѣми рѣзкими переходами и перебоями мыслей и чувствъ, которые не поддаются описанію, а могутъ быть только выражены.

Въ пьесѣ, написанной для театра, мало мѣста для монологовъ и разсужденій героевъ; въ ней мысли и настроенія, ведущія къ событіямъ или поступкамъ, выражаются именно въ этихъ дѣйствіяхъ и поступкахъ, заставляющихъ угадывать душевное состояніе дѣйствующихъ лицъ, тогда какъ въ драматической поэмѣ центръ тяжести лежитъ въ анализѣ психическихъ движеній. Автору незачѣмъ и некуда торопиться, онъ не связанъ ни временемъ, ни мѣстомъ; герою предоставляется полная свобода размышлять, переходить отъ одного настроенія къ другому, возвращаться далеко назадъ, уноситься далеко впередъ,— однимъ словомъ, на нашихъ глазахъ развертывается не столько внѣшняя, видимая жизнь героя, сколько внутреннее его бытіе.

Форма драматической поэмы съ чисто внѣшней стороны выгодна еще и потому, что легко можетъ быть преобразована въ сценичную драму; стоитъ только внести въ нее нѣкоторыя измѣненія — выпустить кое-какія сцены и урѣзать иныя длинноты. Поэтому и „Донъ-Жуанъ“, писанный, не для сцены, безъ труда попалъ на подмостки.

Всѣми этими выгодами литературной формы Толстой воспользовался.

Въ смыслѣ языка, „Донъ-Жуанъ“ менѣе совершененъ, нежели другія произведенія гр. Ал. Толстого; встрѣчаются иногда неправильныя ударенія, неправильныя окончанія; но зато въ поэмѣ есть мѣста, искупающія всѣ недостатки стиха и рѣчи, какъ, напр., погребальный хоръ монаховъ въ эпилогѣ, серенада Жуана или его прощальный романсъ къ Испаніи.

Поэма написана бѣлыми стихами, любимою драматическою формой рѣчи Ал. Толстого. Онъ находилъ, что этотъ стихъ исключаетъ многословіе, и что ритмованной рѣчью говоришь сжатѣе и сильнѣе, нежели прозою.

III.

Содержаніе поэмы отличается рѣдкой глубиною и богатствомъ идей—мистическихъ, нравственныхъ и психологическихъ, рѣдкой полнотой и законченностью образовъ и тонкостью ихъ разработки.

Вопросъ о характеристикѣ дѣйствующихъ лицъ, въ особенности самого героя—вопросъ настолько сложный, что требуетъ извѣстной подготовки для своего изученія, но прежде чѣмъ перейти къ ней, остановимся на обзорѣ руководящихъ идей произведенія.

Въ основу драматической поэмы „Донъ-Жуанъ“ легла мысль, извнѣ навѣянная Толстому, и сущность ея заключается въ коренномъ различіи между традиціонно установившимися представленіями о веселомъ Жуанѣ и тѣмъ понятіемъ, которое составилъ себѣ объ этомъ странномъ человѣкѣ русскій писатель. До Ал. Толстого, Жуана судили то какъ порочнаго, безвозвратно закоснѣлаго во грѣхахъ весельчака, то какъ развращеннаго, но все же еще способнаго покаяться и спасти свою душу человѣка; въ обоихъ случаяхъ, однако, причины, побуждавшія Жуана къ постояннымъ измѣнамъ и преступленіямъ, находили себѣ объясненіе то въ обстановкѣ и обстоятельствахъ его жизни, то въ его жаждѣ наслажденій и утѣхъ; Толстой первый ясно и открыто заявилъ то, на что другіе только намекали,—а именно, что Жуанъ не удалецъ, не злодѣй, не кутила, а искатель идеала, мучительно его жаждущій, неудержимо стремящійся къ нему и въ этихъ поискахъ разрушающій и уничтожающій на своемъ пути всѣ преграды и препятствія; отсюда—его преступность. Благородныя стремленія

Жуана пагубны для него и его окружающихъ только до тѣхъ поръ, пока они ложно направлены; удайся ему понять свое положеніе и сойти со скользкаго пути, на которомъ онъ стоитъ,— его развратной жизни настанетъ конецъ, и онъ обратится въ полезнаго и добраго члена человѣческаго общества. Такое превращеніе и спасеніе Жуана возможно только въ томъ случаѣ, если онъ познаетъ, что ищетъ идеалъ не тамъ, гдѣ слѣдуетъ, что любовь, которой онъ предается — низменное и земное чувство, и что его идеалъ и спасеніе заключаются въ чистой, возвышенной, одухотворенной, почти-что неземной любви. Для того, чтобы Жуанъ понялъ тайну своей мятежной, томительной жизни, нужно, чтобы онъ встрѣтилъ такую женщину, которая сумѣла бы подарить его „любовью настоящей“, открыть ему глаза на самого себя, и этимъ путемъ вывести его изъ пагубнаго заблужденія. Познавъ, наконецъ, истинную любовь, къ которой въ теченіе цѣлой жизни онъ стремился всѣмъ своимъ существомъ, Жуанъ раскается, заслужитъ прощеніе грѣховъ и спасется отъ конечной гибели.

Все вышеизложенное составляетъ только часть идейнаго содержанія драмы. Допуская основное положеніе, что Жуанъ— идеалистъ, а потому способенъ раскаяться и обрѣсти спасеніе, мы тѣмъ самымъ ставимъ новый вопросъ: какъ и почему впалъ онъ въ роковое заблужденіе, какія причины побуждаютъ его искать идеала тамъ, гдѣ онъ его ищетъ, а не тамъ, гдѣ онъ возможенъ, и гдѣ таится его спасеніе и блаженство? Ал. Толстой отвѣчаетъ на этотъ вопросъ рядомъ сложныхъ мистическихъ идей, почерпнутыхъ частью изъ оккультическихъ сочиненій, частью изъ религіозныхъ преданій.

Не касаясь пока первой категоріи упомянутыхъ идей, мы найдемъ объясненіе внутренняго разлада Жуана съ самимъ собой въ представленіи о двухъ противоположныхъ, враждебныхъ началахъ мірозданія вообще. Богъ одѣлилъ Жуана высокими душевными качествами и предначерталъ ему блестящую и завидную участь, призвавъ его къ подвигамъ и благостнымъ дѣламъ. Отсюда—идеализмъ Жуана. Сатана, со своей стороны, враждуя съ Провидѣніемъ, задумалъ погубить небеснаго избранника, и погубить его именно чрезъ посредство того святого и хорошаго, что вложено Божествомъ въ его душу. Онъ увлекаетъ Жуана на ложную дорогу, обманывая и мороча его каждый разъ, когда онъ встрѣчаетъ нравящуюся ему женщину. Полный неутолимой жаждой идеала, Жуанъ въ каждой готовъ предположить наличность всѣхъ требуемыхъ совершенствъ, и горько и мучительно

разочаровывается, когда обманъ дѣлается очевиднымъ. Измученный, истомленный, онъ наконецъ озлобляется и безжалостно самъ обманываетъ и губитъ любящихъ его женщинъ, не переставая, однако, мечтать о достиженіи своего завѣтнаго идеала. Преступленія Жуана усиливаютъ власть Сатаны надъ нимъ и приближаютъ его къ гибели; но идеализмъ еще удерживаетъ его на краю гибели и даетъ добрымъ духамъ возможность спасти его; борьба между злымъ и добрымъ началомъ терзаетъ душу Жуана вѣчнымъ разладомъ его стремленій съ окружающей его дѣйствительностью; но все же лучшія его стороны не гибнутъ въ борьбѣ. Божество всесильно, и потому зло не можетъ не быть побѣжденнымъ; но Провидѣніе даетъ волю злу и его усиліямъ для того, чтобы собственныя Его благость и мудрость, въ силу контраста, выступали еще ярче и свѣтлѣе, — и этимъ объясняется не только существованіе, но даже польза и необходимость зла въ мірѣ. Не всѣмъ, однако, дано понимать это, и несчастный человѣческій родъ осужденъ коротать свой вѣкъ въ борьбѣ изъ-за насущнаго хлѣба; но между тѣмъ какъ бренное тѣло человѣка, согбенное надъ плугомъ, тяжелымъ потомъ снискиваетъ себѣ пропитаніе, безсмертный духъ его рвется въ небесную высь, стремясь освободиться отъ тягостныхъ условій дѣйствительности; человѣкъ страждетъ всѣми страданіями—физическими и нравственными, мучаясь борьбою собственнаго духа съ собственною плотью; онъ легко можетъ утратить правый путь и погибнуть, если божественный разумъ не озаритъ его, и божественное милосердіе не поддержитъ его въ тяжкихъ испытаніяхъ. Жуанъ, какъ человѣкъ, подверженъ всѣмъ этимъ опасностямъ, а свойственныя его духу стремительность и мощь являются столь же роковыми, сколь и спасительными свойствами его души; и вотъ почему Сатанѣ сравнительно легко удается ввести въ заблужденіе и долго мучить неисправимаго идеалиста.

Въ поэмѣ Ал. Толстого эти мысли проводятся въ наглядной картинѣ борьбы Сатаны со свѣтлыми духами, стоящими на стражѣ сердца Донъ-Жуана. Въ прологѣ поэмы Сатана сообщаетъ ангеламъ о своемъ намѣреніи погубить Жуана, и указываетъ средства, которыми разсчитываетъ сбить его съ прямой дороги; но ангелы заявляютъ, что неустанно будутъ слѣдить за небеснымъ избранникомъ и предрекаютъ спасеніе Жуана, такъ какъ зло необходимо для гармоніи и совершенства мірозданія. Сатана и духи еще дважды выступаютъ передъ зрителями. Они сходятся на кладбищѣ, незадолго до нравственнаго кризиса, который долженъ рѣшить спасеніе или гибель Жуана, и тутъ выясняются всѣ

тайныя пружины душевныхъ волненій героя. Духи свѣта и духъ тьмы полемъ своей борьбы избрали самую душу Жуана; одни, въ безмолвіи ночи, пользуясь минутами его покоя, бесѣдуютъ съ нимъ, проясняя его спящія очи; изъ небесной тверди вѣщаютъ они ему тайну его жизни, показываютъ ему незримый, безтѣлесный міръ, въ которомъ таится задача его сердца, и, обновленный, Жуанъ стремится къ нимъ, и рыдаетъ, и плачетъ въ глубокой тоскѣ по этому міру красоты и святости; но другой міръ, міръ дневной тревоги, отвращаетъ его отъ спасительнаго пути, хотя и не можетъ вполнѣ изгладить изъ его памяти небесное видѣніе; въ часы покоя Жуанъ снова откликается на призывъ ангеловъ, и умомъ постигаетъ, и сердцемъ чувствуетъ неудачу земного стремленія,—и онъ близокъ къ спасенію.

Такое состояніе томленія и колебанія не можетъ продолжаться безконечно,—нуженъ какой-нибудь выходъ изъ положенія, и поэтъ видитъ его въ появленіи третьяго участника борьбы—таинственной астральной силы, воплощенной въ статуѣ командора; съ этого момента и до послѣдняго появленія ангеловъ и Сатаны, сверхъестественный элементъ драмы принимаетъ совершенно своеобразный мистическій оттѣнокъ; наконецъ, въ послѣднихъ словахъ ангеловъ свѣтится конечная мысль о томъ, что чистая, святая любовь, которую Жуанъ всю жизнь смутно прозрѣвалъ вдали, теперь ему близка и понятна, и что въ ней—его спасеніе.

IV.

Богатство натуры Жуана, его жажда идеала и истины, и наконецъ та извѣстность, которою пользуется легенда о Жуанѣ, невольно наводитъ на мысль о сравненіи этой легенды и ея героя съ другимъ преданіемъ и другимъ героемъ, еще болѣе извѣстнымъ во всемірной литературѣ,—а именно съ Фаустомъ. Оба эти образа стали теперь общечеловѣческимъ достояніемъ и имѣютъ міровое этическое и художественное значеніе, одинъ—благодаря сложной работѣ цѣлаго ряда выдающихся литературныхъ талантовъ, другой—потому что созданъ геніемъ. Не взирая на различіе процессовъ созданія этихъ образовъ, сходство между ними въ самомъ дѣлѣ велико, но такъ же велика и ихъ разница, коренящаяся въ самомъ различіи тѣхъ сферъ духа, въ которыхъ слагается и живетъ нравственный обликъ каждаго героя.

Не желая болѣе повторяться, мы приведемъ здѣсь нѣсколько страницъ изъ старой статьи А. Калерта (Dr. A. Kahlert),

которому необычайно удалась трудная параллель между Фаустомъ и Жуаномъ „Если Фаустъ—пишетъ онъ — высочайшій трагическій матеріалъ для поэта, то Донъ-Жуанъ имѣетъ тоже значеніе для композитора. Этому утвержденію не противорѣчитъ тотъ фактъ, что легенду о Фаустѣ пытались воспроизвести музыкально, а легенду о Донъ-Жуанѣ—поэтически; попытки эти не могли вполнѣ совладать со своей задачей. Причина этому та, что область обоихъ названныхъ искусствъ различна, что словесная рѣчь разоблачаетъ царство мысли, а музыкальная—царство чувства. Легенда о Фаустѣ принадлежитъ сферѣ мысли, легенда о Донъ-Жуанѣ—сферѣ чувства. Ихъ роднитъ то, что грѣховность человѣческой природы въ обѣихъ вызываетъ трагическую гибель героя, но въ то же время особое различіе заключается въ томъ, что Фаустъ впадаетъ въ грѣхъ мысли, а Донъ Жуанъ—въ грѣхъ плоти. Духовная надменность, желавшая все познать, усвоить послѣднія причины явленій, тайну мірозданія, соблазняетъ столь же могущественно, сколь и безграничное расплываніе въ бреду чувствъ; тутъ, какъ и тамъ, удовлетвореніе только повышаетъ желаніе. Темныя силы природы, не дающія совлечь съ себя свой покровъ, противятся испытующему уму и смѣются его логической силѣ; отравляющее дыханіе совсѣмъ неодухотворенной чувственности несетъ смерть украшающей, осчастливливающей мечтѣ и ожесточаетъ этимъ плодотворную сторону души. Фаустъ противится допустить то, что̀ долженъ допустить, а именно, — что его духовной силѣ, покуда она заключена въ земную оболочку, присущи необходимыя узы; Жуанъ не признаетъ, что духъ есть нѣчто независимое отъ нервовъ; оба разными путями становятся грѣшниками, въ концѣ-концовъ принимая или отталкивая предлагаемое имъ спасеніе; Фаустъ отъ гибели спасается дѣломъ,—непрестанной, весь день продолжающейся дѣятельностью; Донъ-Жуанъ глумится надъ убѣжденіемъ духа, который велитъ ему покаяться и признать, что было кощунственнымъ бредомъ отрицать присутствіе въ его груди чего-то безсмертнаго. Поэтому Фаустъ въ концѣ-концовъ спасенъ, а Донъ-Жуанъ гибнетъ. Покаяніе было бы для него тѣмъ, чѣмъ для Фауста было дѣло. Въ приглашеніи статуи на пиръ лежитъ верхъ всѣхъ беззаконій Жуана. Невидимый міръ приглашается доказать свое существованіе, принять участіе въ чувственномъ наслажденіи; лѣстница чувственнаго наслажденія не можетъ идти дальше этой головокружительной, обозрѣвающей бездонную пропропасть высоты; матерія, вещество—вотъ все, что̀ вообще существуетъ, а если есть еще что-нибудь, имъ противоположное,

то пусть оно проявится воздѣйствіемъ на чувства. Отсюда—ужасное содроганіе, которое испытываетъ заносчивость плоти, когда совершается чудесное, тотъ величайшій испугъ, который Моцартъ изобразилъ въ Жуановскомъ „bizara è inver la scena.

„Обѣ эти крайности грѣха должны быть разъяснены съ точки зрѣнія двухъ христіанскихъ вѣроисповѣданій и соотвѣтствуютъ различному воззрѣнію на грѣхъ вообще, какъ оно сложилось въ протестантской и католической церкви. Фаустъ—протестантскій, Донъ-Жуанъ—католическій грѣшникъ. Тотъ сомнѣніемъ лишилъ себя наконецъ вѣры, а потому и знанія; этотъ отреченіемъ отъ напряженія высшихъ душевныхъ силъ также утратилъ и то, и другое. Оба ловили призракъ, блуждающій огонекъ, приводящій ихъ къ гибели. Этотъ смыслъ ясно заключается въ самихъ легендахъ, и ему соотвѣтствуетъ ихъ историческое происхожденіе. Испанское преданіе, возникшее на почвѣ католицизма, дышитъ зноемъ юга; нѣмецкое, сложившееся въ вѣкъ реформаціи, не отрицаетъ сѣвернаго отвлеченнаго направленія. Наконецъ, художественная обработка обѣихъ темъ не есть дѣло одного и того же искусства. Легенда о Донъ-Жуанѣ—болѣе чувственнаго, легенда о Фаустѣ—болѣе духовнаго характера. Душевную жизнь Жуана можетъ изобразить въ соотвѣтствующихъ краскахъ только музыка, а жизнь Фауста—только поэзія“...

Ал. Толстой при созданіи своего Жуана думалъ надъ этой параллелью: во всякомъ случаѣ, вліяніе Гёте несомнѣнно, и въ Жуанѣ Толстого не мало Фаустовскаго элемента, по основной легендѣ ему мало свойственнаго. При внимательномъ разборѣ поэмы Толстого найдется много сходнаго въ характерѣ Жуана и Фауста. Главное сходство—въ стремленіи обоихъ къ чему-то высшему, къ вѣчной истинѣ. Чтобы достичь своей цѣли, оба не останавливаются ни передъ какими усиліями; Фаустъ до самыхъ основъ изучаетъ всѣ человѣческія науки,—и не удовлетворенъ; Жуанъ безпечно расточаетъ свои, сначала искреннія и глубокія чувства — и тоже утомленъ и разочарованъ. Жуанъ, подобно Фаусту, близокъ одно мгновеніе къ самоубійству, и подобно ему отказывается отъ этой мысли, хотя и на другихъ основаніяхъ; Фаустъ съ отчаянія продаетъ себя аду—Жуанъ и небесныя и адскія силы готовъ вызвать на бой, когда одолѣваетъ его порывъ отчаянія. Оба они—баловни природы, одарившей ихъ щедрѣе прочихъ людей; оба размышляютъ о загадкѣ жизни и тайнѣ бытія, хотя Жуанъ и не заходитъ въ этомъ отношеніи такъ далеко, какъ Фаустъ; но все же и тутъ видно ихъ сходство; Жуанъ Толстого, выражаясь терминологіей Калерта, такой же проте-

стантъ, какъ и Фаустъ, по примѣру котораго онъ не даетъ коснѣть въ рутинѣ высшимъ своимъ духовнымъ силамъ, свободно и индивидуально разсуждая о религіи, оставаясь чуждымъ католическаго фанатизма, требуя свободы разума и совѣсти, и т. п.— однимъ словомъ, это младшій братъ Фауста.

Но въ Жуанѣ Ал. Толстого не одинъ лишь Фаустъ нашелъ свое перевоплощеніе; въ немъ слились всѣ предшествующіе типы этого героя; его натура—какъ бы итогъ всѣхъ характерныхъ чертъ, отмѣченныхъ и разработанныхъ въ немъ когда-либо другими авторами; въ немъ чуешь силу духа и твердость воли Мольеровскаго героя, узнаешь просвѣтленнаго грѣшника Меримé, замѣчаешь даже иныя черты, свойственныя героямъ Байрона. Поэтому для полнаго пониманія и всесторонней оцѣнки личности Жуана въ изображеніи Ал. Толстого слѣдуетъ, хотя бы вкратцѣ, пересмотрѣть созданія его ближайшихъ предшественниковъ, на ту же тему. Въ нашей литературѣ вопросъ объ историческомъ развитіи типа Жуана почти не затрагивался, а между тѣмъ разъясненіе его очень важно для опредѣленія литературной стоимости поэмы Толстого.

V.

Содержаніе поэмы гр. Ал. Толстого заимствовано изъ испанской легенды, возникшей еще въ глубинѣ среднихъ вѣковъ. Существуютъ двѣ версіи этой легенды. По одной изъ нихъ, сложившейся въ Севильѣ, герой преданія, Донъ-Жуанъ Теноріо, велъ распутную, преступную жизнь. На душѣ его, въ числѣ другихъ преступленій, тяготѣло убійство одного командора; въ минуту безразсудной заносчивости онъ оскорбилъ словами его статую, которая и низринула его въ преисподнюю.

Варіантъ данной легенды разсказываетъ, что распутному Жуану (а по другимъ источникамъ — Эмануилу) де Маранья однажды было видѣніе: ему почудилось, что онъ присутствуетъ на собственныхъ своихъ похоронахъ, и это такъ потрясло его, что онъ раскаялся и кончилъ жизнь въ монастырѣ, пребывая непрестанно въ постѣ и молитвѣ.

Можно съ точностью прослѣдить исторію этихъ двухъ типовъ Жуана въ произведеніяхъ западной словесности. Первымъ, кто писалъ о Жуанѣ, былъ, по имѣющимся свѣдѣніямъ, испанецъ Тирсо де Молино. Монахъ, скрывавшійся подъ этимъ псевдонимомъ, получилъ отъ своего духовнаго начальства раз-

рѣшеніе напечатать свою пьесу въ назиданіе читателямъ, и ограничился тѣмъ, что пересказалъ севильскую легенду о Жуанѣ Теноріо. Вслѣдъ за нимъ, этимъ преданіемъ завладѣли странствующія труппы уличныхъ актеровъ, которые и занесли его въ Италію, гдѣ въ возникшей подъ его вліяніемъ „Арлекинадѣ“ главный интересъ сосредоточился уже не на самомъ героѣ, а на комическомъ его спутникѣ; впослѣдствіи Гольдони сызнова переработалъ испанскій сюжетъ, придерживаясь легенды о Жуанѣ Теноріо. Ею же воспользовался во Франціи Мольеръ, создавая свою знаменитую комедію, навлекшую на него такое негодованіе его современниковъ. Вслѣдъ за Гольдони, аббатъ Да-Понте написалъ своего „Il Dissoluto punito“, послужившаго либретто къ извѣстной Моцартовской музыкѣ. Текстъ оперы повторяетъ традиціонныя преступленія и гибель Жуана, но въ самой музыкѣ уже чувствуется нѣчто особенное, какой-то возвышенный трагизмъ, доселѣ чуждый жизнеописанію героя. Съ момента появленія Моцартовской музыки, въ литературѣ замѣчается постепенный переходъ отъ легенды о Жуанѣ Теноріо къ преданію о жизни Жуана де Маранья; средней стадіей на этомъ пути развитія сюжета является „Донъ-Жуанъ“ Гофмана, такъ сильно повліявшій на Ал. Толстого, а завершеніе упомянутаго переходнаго періода мы находимъ въ длинной повѣсти Меримé, озаглавленной „Души Чистилища“.

Сюжетъ о Донъ-Жуанѣ возбудилъ интересъ писателей не только испанскихъ, итальянскихъ и французскихъ, но нѣмецкихъ, русскихъ, англійскихъ и другихъ. Среди новѣйшихъ изъ нихъ слѣдуетъ особенно упомянуть о Граббе, Ленау, Мюссе и Пушкинѣ, сильно видоизмѣнявшихъ типъ героя и подчасъ вовсе не придерживавшихся основной легенды.

Ал. Толстой воспользовался для своей поэмы обѣими версіями легенды; статуя командора является къ оскорбившему ее Жуану Теноріо, — но не губитъ его; онъ спасается въ монастырскомъ уединеніи, какъ Жуанъ де Маранья.

Что Донъ-Жуанъ — историческая личность, это весьма вѣроятно; говорятъ, что онъ былъ другомъ и неизмѣннымъ товарищемъ всѣхъ похожденій короля кастильскаго, Педро Жестокаго, царствовавшаго во второй половинѣ XIV вѣка. Но ужасный конецъ его есть, разумѣется, плодъ народной фантазіи. Если Жуанъ дѣйствительно существовалъ, то слухъ о немъ, проникнувъ въ темную массу невѣжественнаго народа, долженъ былъ разростись въ огромную повѣсть о цѣломъ рядѣ совершен-

ныхъ имъ чудовищныхъ преступленій, за которыя онъ былъ осужденъ на вѣчныя мученія.

Преданіе о томъ, какъ приговоръ надъ преступникомъ исполнила оскорбленная имъ статуя, не есть измышленіе испанской народной фантазіи; уже одна эллинская легенда разсказываетъ, какъ статуя убила человѣка, осмѣлившагося оскорбить ее. Существуетъ, кромѣ того, цѣлый рядъ легендъ и преданій объ оживаніи статуй. Очень возможно, что кто-нибудь пустилъ слухъ о томъ, что Донъ-Жуанъ погибъ отъ руки каменнаго командора, а народъ, уже знакомый по легендамъ съ местью оскорбленныхъ изваяній, повѣрилъ и закрѣпилъ этотъ слухъ въ своемъ пересказѣ.

Такимъ образомъ, вокругъ историческаго факта — существованія порочнаго и распутнаго Донъ-Жуана — возникъ цѣлый рядъ преданій, толковъ, разсказовъ, которые съ теченіемъ времени становились все фантастичнѣе, пока не приняли наконецъ той окончательной формы легенды, въ которой дошли и до насъ.

Легенда эта была необыкновенно живуча, вѣроятно потому, что и у другихъ народовъ существовали преданія, по типу своему напоминавшія Донъ-Жуана. Популяризаціи и распространенію легенды въ болѣе широкихъ размѣрахъ способствовалъ интересъ къ ней писателей. Въ ихъ рукахъ испанская народная легенда переработывалась на всѣ лады, дополнялась и видоизмѣнялась соотвѣтственно фантазіи авторовъ; характеръ героя развивался и выяснялся въ зависимости отъ того, къ какой эпохѣ принадлежалъ писатель, какую идею онъ вносилъ въ свое произведеніе, которою изъ двухъ извѣстныхъ легендъ онъ пользовался. Если прослѣдить судьбу легенды въ этихъ обработкахъ, то окажется, что первыя переработки придерживаются первой ея версіи, а именно изображаютъ гибель героя и низверженіе его въ адъ каменной статуей командора, и лишь послѣднія останавливаются на второй версіи и даютъ своему Донъ-Жуану возможность и средства къ покаянію. Въ первыхъ произведеніяхъ о Донъ-Жуанѣ проводится мысль о неизбѣжномъ возмездіи за всѣ поступки и дѣянія человѣка; характеръ героя еще сравнительно простъ и ясенъ; но въ связи съ тѣмъ, какъ усложняется міровоззрѣніе авторовъ послѣдующихъ столѣтій, измѣняется и пониманіе характера Донъ-Жуана. Авторы стремятся какъ можно убѣдительнѣе объяснить необходимость казни, обрушивающейся на главу ихъ героя; поэтому они изображаютъ его все болѣе и болѣе преступнымъ и развращеннымъ, и то, что въ его характерѣ у нѣкоторыхъ писателей объяснялось молодостью, неопытностью, неумѣньемъ обуздывать собственныя стремленія,

то теперь объясняется его міровоззрѣніемъ, его моральными теоріями. Появляется рядъ произведеній, занимающихся развитіемъ и изложеніемъ этихъ теорій и міровоззрѣній; вмѣстѣ съ тѣмъ углубляется, развивается и одухотворяется характеръ героя произведенія. Въ немъ начинаютъ видѣть искателя идеала, человѣка съ благородными, но превратно направленными стремленіями,— и тутъ на помощь является легенда о Жуанѣ Маранья. Сперва она почти безъ измѣненій входитъ въ новыя произведенія, потомъ и она подвергается переработкѣ. Сперва Донъ-Жуана спасаетъ видѣніе собственныхъ похоронъ; потомъ авторы заставляютъ души его предковъ молиться объ его спасеніи; затѣмъ появляется въ его произведеніяхъ образъ одной души — чистой и праведной, молящейся о гибнущемъ грѣшникѣ и даже жертвующей своимъ блаженствомъ для его искупленія. Сперва эта душа—самъ ангелъ-хранитель Жуана, принявшій человѣческій обликъ, потомъ уже настоящая смертная женщина, всю жизнь любившая злодѣя, погубленная имъ и все-же вѣрная своему чувству до самопожертвованія. Такова идеальная Донна-Анна Толстого.

VI.

Пьеса Тирсо де Молино является первымъ письменнымъ документомъ о Донъ-Жуанѣ. Здѣсь Донъ-Жуанъ — просто молодой, не сдерживаемый опытомъ и разумомъ человѣкъ, стремящійся къ одному только наслажденію любовью во всемъ ея разнообразіи; онъ хитеръ, лживъ, изворотливъ, самоувѣренъ, энергиченъ, храбръ, ловокъ, красивъ, въ высшей степени непостояненъ. Всѣ эти черты, заимствованныя изъ ходячей легенды, повторяются во всѣхъ почти послѣдующихъ произведеніяхъ и составляютъ какъ бы основу характера Жуана, на которой свободно можетъ разыгрываться творческая изобрѣтательность писателей.

Драма Тирсо де Молино пользовалась въ свое время большой популярностью, и содержаніе ея до сихъ поръ не забыто. Оно не сложно. Въ Севильѣ Жуанъ явился къ Изабеллѣ на свиданіе вмѣсто ожидаемаго ею Октавіо; обманъ открывается, и Жуану удается спастись только благодаря тому, что явившійся арестовать его севильскій губернаторъ приходится ему дядей. Жуанъ бѣжитъ въ Кастилію, гдѣ находитъ убѣжище; король хочетъ даже женить его на дочери одного изъ своихъ приближенныхъ—Аннѣ. Но Жуанъ между тѣмъ успѣлъ увлечь и обмануть простую рыбачку Тизбу, которая въ отчаяніи ищетъ его

повсюду. Отецъ Жуана, Діэго, узнавъ о томъ, что случилось въ Севильѣ, разоблачаетъ продѣлки своего сына, и король отказываетъ Жуану въ рукѣ Анны. Жуану удается, однако, обмануть довѣрчиваго возлюбленнаго Анны, маркиза де ла Мота, и проникнуть къ ней; отецъ Анны вступается за оскорбленную дочь— и гибнетъ въ поединкѣ; подозрѣніе въ его убійствѣ падаетъ на маркиза, котораго арестуютъ; между тѣмъ Жуанъ является на сельскую свадьбу, отбиваетъ у Патриціо его невѣсту, которой страшными клятвами клянется, что женится на ней, смѣется надъ преслѣдованіями Тизбы и Изабеллы, и наконецъ приглашаетъ на ужинъ статую убитаго имъ отца Анны. Статуя приходитъ и зоветъ его къ себѣ на отвѣтный пиръ, на который Жуанъ идетъ, хотя внутренно все же робѣетъ. Мѣра его злодѣяній давно завершилась, и онъ проваливается вмѣстѣ со статуей; такимъ образомъ, всѣ обманутыя имъ отомщены; маркизъ женится на Аннѣ, Октавіо на Изабеллѣ, а король благодаритъ Бога за справедливую кару злодѣя.

Идея пьесы ясна: это—необходимость и неизбѣжность наказанія за проступки человѣка, и характеры дѣйствующихъ лицъ пока не осложнены никакими тонкими психическими мотивами.

VII.

То же слѣдуетъ сказать и о первой итальянской обработкѣ сюжета. Въ ней Жуанъ ничѣмъ не отличается отъ героя Молино, и только комическая личность слуги является нововведеніемъ; въ пьесѣ выступаютъ почти все тѣ же лица: Изабелла, Октавіо, Донна-Анна, обманутая рыбачка; впервые упоминается списокъ жертвъ Жуана; содержаніе переработки почти тождественно съ содержаніемъ испанской драмы: Донъ-Жуанъ хитростью проникаетъ къ Изабеллѣ и Аннѣ, убиваетъ ея отца, статую котораго впослѣдствіи приглашаетъ на ужинъ; статуя зоветъ его къ себѣ на пиръ и увлекаетъ нераскаяннаго грѣшника въ адъ, гдѣ его давно уже ждутъ лютыя муки, а Октавіо женится на Аннѣ.

Эта обработка драмы Молино сама по себѣ мало замѣчательна; но черезъ ея посредство легенда о Жуанѣ проникла во Францію, гдѣ ею заинтересовался Мольеръ.

Строго говоря, комедію Мольера трудно назвать комедіей, такъ какъ комическаго въ ней мало, исключая развѣ нѣкоторыхъ выходокъ Сганарелля, да разговора Пьеро съ Шарлотой. „Донъ-

Жуанъ“ или „Каменный Пиръ“ („Festin de Pierre“)—вѣрнѣе, драма, подчасъ очень глубокая и серьезная; въ ней есть мѣста и положенія прямо трагическія: несчастная, обманутая Эльвира, вызывающая сочувствіе окружающихъ своей неизмѣнною любовью къ недостойному мужу; старикъ отецъ, угнетенный и возмущенный порочной жизнью единственнаго, вымоленнаго у Бога сына, съ такой готовностью вѣрящій его исправленію и съ такою любовью его прощающій, — это лица, которымъ нѣтъ мѣста въ легкой, веселой пьесѣ. А между тѣмъ современники и даже послѣдователи Мольера не признавали за этой пьесой серьезнаго литературнаго значенія, преслѣдовали ее узкой и недоброжелательной критикой, и добились того, что она впервые въ печати появилась много лѣтъ спустя послѣ смерти ея автора.

Сюжетъ Мольеровскаго „Донъ-Жуана“, за небольшими отступленіями—стереотипный сюжетъ: Жуанъ влюбляется и измѣняетъ, похищаетъ Эльвиру изъ монастыря, женится на ней и бросаетъ ее, обѣщаетъ Шарлотѣ и Матюринѣ жениться на нихъ, насмѣхается надъ вѣрой, совѣстью, долгомъ, потомъ вдругъ прикидывается обращеннымъ, раскаявшимся, но только для того, чтобы грѣшить еще болѣе; упорно стоитъ онъ на своемъ невѣріи, оскорбляетъ статую, смѣется надъ небесными знаменіями, и гибнетъ, наконецъ, поглощенный бездной. Но дѣло не столько въ содержаніи, сколько въ образѣ самого Жуана. Конечно, въ Мольеровскомъ героѣ изображенъ отчасти современный автору французскій дворянинъ,—пустой, франтоватый, расточительный, щепетильный въ мелочахъ, касающихся личной его чести, но не заботящійся о чести другихъ, презирающій низшихъ, равнодушный къ убійству, если оно совершено на дуэли, съ соблюденіемъ правилъ приличія и чести; но даже за вычетомъ этихъ свойствъ Жуанъ Мольера отличенъ отъ оригинала Тирсо де Молино. Это не пылкій, безразсудный молодой южанинъ, бросающійся, очертя голову, въ самый омутъ бурныхъ житейскихъ наслажденій, повинующійся импульсу мгновенья и не разсуждающій о своихъ поступкахъ и ихъ послѣдствіяхъ; напротивъ, это человѣкъ съ опредѣленными, установившимися взглядами и убѣжденіями; у него есть отвѣты и доводы на всѣ вопросы Сганарелля. Онъ непостояненъ въ любви—потому, говоритъ онъ, что постоянство смѣшно: „Хороша штука — навѣки похоронить себя въ одной страсти и съ молодости умереть для всѣхъ другихъ красотъ, которыя могутъ поразить наши глаза! Нѣтъ, нѣтъ; всѣ красавицы имѣютъ право очаровывать насъ, и преимущество быть встрѣченной первой не должно отнимать у другихъ тѣхъ справедли-

выхъ притязаній, которыя всѣ онѣ имѣютъ на наши сердца. Что до меня, то красота восхищаетъ меня вездѣ, гдѣ я ее нахожу, и я легко уступаю сладостному насилію, которымъ она насъ увлекаетъ. Пускай я связанъ — любовь моя къ одной красавицѣ не принуждаетъ моей души быть несправедливымъ къ другимъ; я сохраняю глаза, чтобы видѣть достоинства всѣхъ, и каждой отдаю почтеніе и дань, къ которымъ насъ обязываетъ природа. Какъ бы то ни было, я не могу отказывать въ моемъ сердцѣ всему, что я вижу достойнаго любви, и коль скоро красивое лицо проситъ его у меня, — будь ихъ у меня десять тысячъ, я всѣ бы отдалъ... Нѣтъ ничего, что могло бы остановить стремительность моихъ желаній, я чувствую въ себѣ сердце, способное любить всю землю, и, какъ Александръ, я желалъ бы, чтобы были другіе міры, чтобы и на нихъ простереть мои любовныя завоеванія".

Донъ-Жуанъ находитъ удовлетвореніе въ томъ, чтобы наблюдать, какъ его волѣ удается шагъ за шагомъ подчинить себѣ волю женщины; но разъ цѣль достигнута—чего же еще желать? Прелесть борьбы и побѣды исчезаетъ, и приходится искать новыхъ встрѣчъ и новыхъ трудностей. Свою волю Донъ-Жуанъ Мольера ставитъ выше всего, и въ жизни руководится только ею. Сопротивленіе ей выводитъ его изъ себя; онъ ежеминутно грозитъ Сганареллю, когда тотъ пробуетъ возразить или перечить ему, но въ то же время онъ умѣетъ цѣнить твердость воли нищаго, не желающаго грѣшнымъ способомъ заработать ту золотую монету, которою онъ его соблазняетъ.

Донъ-Жуанъ ни во что и ничему не вѣритъ; онъ смѣется, когда при немъ упоминаютъ о небѣ, адѣ, Богѣ, чортѣ, загробной жизни, и прямо заявляетъ, что вѣритъ только тому, что „два и два четыре, а четыре и четыре восемь". Въ общемъ, онъ не склоненъ къ философствованію, и не задается вопросами о томъ, отчего въ жизни то или другое такъ, а не иначе; ему кажется, что онъ все понимаетъ и знаетъ, и онъ только одинъ разъ теряетъ присутствіе духа—при встрѣчѣ со статуей. „Есть въ этомъ что-то такое, чего я не понимаю",—говоритъ онъ, но въ этихъ словахъ нѣтъ и намека на какое либо желаніе покаяться; напротивъ того, послѣ появленія статуи Жуанъ прикидывается обращеннымъ, богохульствуетъ и глумится надъ небомъ еще болѣе прежняго.

Готовый любить все земное, Жуанъ, однако, недоступенъ никакимъ мягкимъ чувствамъ; родителей своихъ онъ не любитъ, о матери и не вспоминаетъ, надъ отцомъ издѣвается и желаетъ

ему поскорѣй умереть. Сганарелля заставляетъ уступить ему свое платье, когда ему самому грозитъ опасность, и убѣждаетъ его, что „блаженъ слуга, имѣющій славу умереть за своего господина“. Но со всѣмъ этимъ, видя, что трое напали на одного, онъ спѣшитъ ему на выручку, рискуя своей жизнью.

Тирсо де Молино намѣтилъ общія черты характера Жуана—Мольеръ разработалъ ихъ подробнѣе. Въ изображеніи Мольера Жуанъ—негодяй, но негодяй съ убѣжденіями, мужествомъ, непреклонной волей, безъ колебаній, безъ сомнѣній, идущій къ своимъ цѣлямъ, человѣкъ съ порочной, развращенной, но богатой и цѣльной натурой,—образъ сильный.

VIII.

Рядомъ съ произведеніемъ Мольера пьеса Гольдони производитъ впечатлѣніе чего-то слабаго и довольно безцвѣтнаго; интрига отступаетъ отъ текста легенды—въ томъ, что статуя командора никакой роли не играетъ; Жуанъ ея не оскорбляетъ, и погибаетъ не отъ ея руки, а отъ молніи, которая поражаетъ его среди всѣхъ дѣйствующихъ лицъ пьесы. На сценѣ всѣ три героини, — но онѣ играютъ ничтожную роль. Одна Донна-Анна заслуживаетъ вниманія тѣмъ, что, повидимому, любитъ Жуана, прощаетъ ему его обиды, и даже проситъ тѣнь своего отца заступиться за Жуана. Самъ Жуанъ нѣсколько отличается отъ типа Молино и Мольера: тогда какъ герой послѣдняго постепенно и систематично овладѣваетъ сердцемъ привлекшей его женщины, наслаждаясь именно этой медленностью и постепенностью, Жуанъ Гольдони не знаетъ преградъ и удержу, и доходитъ до того, что съ кинжаломъ бросается на Донну-Анну, чтобы вынудить ее на взаимность. Но кромѣ того, въ самомъ концѣ пьесы, онъ выказываетъ неожиданное и странное настроеніе, чуть-что не малодушіе: неаполитанское правительство требуетъ его выдачи, является стража, чтобы его арестовать; и Жуанъ, въ отчаяніи, умоляетъ Карино, оскорбленнаго имъ жениха Элизы, убить его. Это не похоже на гордаго и смѣлаго Жуана испанскаго и французскаго, — того Жуана, который еще ни разу не блѣднѣлъ передъ опасностью, не покорялся даже высшимъ силамъ мірозданія и съ высокомѣрнымъ спокойствіемъ шелъ на встрѣчу ожидавшему его возмездію; или онъ боится позора, которымъ покроетъ его казнь отъ руки палача? Судьба Жуана какъ будто рѣшена—его ждутъ судъ и

кара за его злодѣянія, оскорбленныя и обманутыя имъ жертвы будутъ отомщены; но вдругъ сверкаетъ молнія и поражаетъ его. Почему и зачѣмъ? Развѣ затѣмъ только, чтобы спасти его отъ рукъ земного правосудія. Во всякомъ случаѣ, развязка не обоснована, такъ какъ ничего сверхъестественнаго во всей пьесѣ не встрѣчается, разъ выпущенъ весь эпизодъ съ „Каменнымъ Гостемъ". Содержаніе произведенія, конечно, только потеряло отъ отсутствія этого мрачнаго эффекта.

Слабой по замыслу и по выполненію пьесѣ Гольдони слѣдуетъ противопоставить разсказъ Мериме́, чтобы увидать, какъ изъ простой народной легенды можно создать психологически глубоко мотивированную повѣсть.

Мериме́ въ „Душахъ Чистилища" подробно пересказываетъ легенду о Донъ-Жуанѣ де Маранья, котораго рѣзко отличаетъ отъ личности Жуана Теноріо.

Его Жуанъ — сынъ знатныхъ и по-своему добродѣтельныхъ людей; отецъ его—храбрый рыцарь, прославившійся въ борьбѣ съ маврами, а мать—благородная дѣвица именитаго рода, красивая и богатая. Сына своего они воспитали, какъ того требовало его богатство и положеніе въ свѣтѣ, — т.-е., съ дѣтства предоставили ему полную свободу во всемъ; никто не смѣлъ противиться его желаніямъ, а родители старались только привить ему свойственныя имъ самимъ мужество и набожность. Мать учила его молитвамъ, читала и разсказывала ему легенды изъ жизни святыхъ, а отецъ училъ его владѣть оружіемъ и повѣствовалъ о подвигахъ славнаго Сида и собственныхъ своихъ побѣдахъ. Покои отца, убранные щитами, шлемами, копьями и всякимъ оружіемъ, возбуждали въ немъ воинственность; въ покояхъ матери—особенно въ ея молельнѣ—на мальчика вѣяло мистическимъ духомъ католическаго благочестія, проникнутаго ужасомъ передъ адскими муками и экстатическимъ восхищеніемъ передъ утѣхами рая. Среди религіозныхъ изображеній, украшавшихъ стѣны молельни, мальчика всегда поражала и привлекала картина, изображавшая чистилище и его мытарства. На днѣ темной пещеры мучились грѣшныя души, но ангелъ протягивалъ свою спасающую руку одной душѣ, удостоившейся очищенія. Мать Жуана говорила, что это—душа одного изъ предковъ отца Жуана, за котораго онъ много молился, и ради избавленія котораго отъ мученій дѣлалъ богатые вклады въ церкви и монастыри; она увѣщевала сына — по примѣру отца, заставлять священниковъ читать мессы и молиться за ея душу, когда она умретъ и будетъ терзаться въ чистилищѣ. Разсказъ этотъ всегда произво-

дилъ на Жуана потрясающее впечатлѣніе, и онъ нерѣдко всѣ свои карманныя деньги жертвовалъ на обѣдни по душамъ бѣдныхъ усопшихъ, за которыхъ некому было молиться.

Подъ такими впечатлѣніями росъ Жуанъ до восемнадцатилѣтняго возраста, когда отецъ послалъ его въ университетскій городъ Саламанку, гдѣ онъ долженъ былъ дополнить свое образованіе; мать снабдила его всевозможными образками и ладанками, научила многимъ чудодѣйственнымъ молитвамъ, а отецъ вручилъ ему завѣтный мечъ, съ наставленіемъ—никогда первымъ не обнажать его, но зато и не вкладывать его обратно въ ножны ранѣе, чѣмъ выйдетъ изъ боя побѣдителемъ, а паче всего беречь свою честь и честь своего рода. Снабженный этими наставленіями, ничего почти не знающій по-латыни, но свѣдущій во всемъ, что касалось богослуженія, и превосходно владѣющій какъ длинной, острой шпагой, такъ и двуострымъ боевымъ мечомъ, юноша отправился въ Саламанку, гдѣ заслужилъ любовь и расположеніе товарищей и преподавателей своимъ усердіемъ и прилежаніемъ.

Среди новыхъ товарищей Жуана былъ одинъ молодой дворянинъ,—донъ-Гарсіа Новарро,—про котораго ходили странные слухи. Онъ былъ сыномъ друга стараго графа Маранья, и въ дѣтствѣ страдалъ какою-то необъяснимой болѣзнью, которую тщетно пытались излечить самые знаменитые медики. Родители больного возили его по разнымъ мѣстамъ для поклоненія чудотворнымъ святынямъ, чая найти исцѣленіе, но напрасно. Кончилось, по разсказамъ студентовъ, тѣмъ, что отецъ Гарсіи, отчаявшись въ помощи свыше, воскликнулъ однажды, обращаясь къ изображенію архангела Михаила: „Такъ какъ ты не хочешь спасти моего сына, то я погляжу, не обладаетъ ли бо́льшимъ могуществомъ тотъ, кто лежитъ у тебя подъ ногами!“ Мальчикъ выздоровѣлъ. Разсказы товарищей чуть было не оттолкнули набожнаго Жуана отъ Гарсіи; но тотъ сумѣлъ своимъ пристойнымъ и внимательнымъ поведеніемъ въ церкви усыпить непріязненныя чувства юноши, и они сдѣлались неразлучными друзьями. Мало-по-малу Жуанъ вполнѣ подпалъ подъ вліяніе Гарсіи, забросилъ науку, сталъ кутить, играть, задавать серенады и однажды, въ столкновеніи подъ окнами любимой имъ Терезы, убилъ своего соперника. Это первое убійство тяжелымъ гнетомъ пало ему на душу: „О, Гарсіа, какъ ужасно убить своего ближняго!“—говорилъ онъ другу, но похвалы и лесть товарищей, превозносившихъ его храбрость и ловкость, его утѣшили, а любовь къ Терезѣ и вовсе отвлекла его отъ мрачныхъ мыслей. Впрочемъ,

постоянство ему скоро надоѣло,—онъ измѣнилъ Терезѣ ради ея сестры, убилъ ихъ отца, и вынужденъ былъ покинуть Саламанку. Гарсіа послѣдовалъ за нимъ, и оба они отправились воевать во Фландрію, гдѣ скоро отличились и заслужили повышеніе въ чинахъ. Они продолжали отличаться и на другихъ поприщахъ, и ни одна красавица не избѣжала ихъ сѣтей, а мужьямъ и братьямъ плохо приходилось въ поединкахъ съ искусными и безжалостными противниками.

Въ одной стычкѣ съ непріятелемъ предводитель отряда, въ которомъ служили донъ-Жуанъ и Гарсіа, старикъ Гомара, былъ смертельно раненъ; вблизи не было священника, чтобы напутствовать его, а Гарсіа въ насмѣшку предложилъ ему фляжку съ виномъ вмѣсто молитвенника. Гомара обратился къ Жуану, подарилъ ему кошелекъ со всѣми своими деньгами и просилъ, чтобы онъ велѣлъ отслужить по немъ нѣсколько заупокойныхъ обѣденъ, что̀ тотъ обѣщалъ исполнить. Но въ тотъ же вечеръ, слѣдуя наущеніямъ пріятеля, онъ проигралъ до послѣдняго гроша не только собственныя деньги, но и содержимое подареннаго ему Гомарой кошелька. „Чортъ побери душу Гомары!“—сказалъ онъ къ тому же. На слѣдующее утро, проѣзжая по полю битвы мимо трупа старика, Жуанъ ужаснулся,—до того обезображено было лицо умершаго,—вѣроятно, предсмертными мученіями; онъ велѣлъ похоронить его; прохожій капуцинъ сотворилъ надъ нимъ молитву, а старый солдатъ тайкомъ сунулъ монаху горсть денегъ за поминъ души своего начальника. Все это произвело-было на Жуана нѣкоторое впечатлѣніе,—онъ еще вѣрилъ въ существованіе души и чистилища, и мысли объ этомъ иногда его мучили; но Гарсіа все смѣялся и смѣялся... Наконецъ, этотъ Гарсіа былъ убитъ, и убійца его скрылся. Жуанъ искренно оплакалъ друга, и даже на время какъ будто исправился; но дурныя склонности его души заговорили въ немъ съ новой силой, и онъ, по смерти родителей, вернулся въ Севилью, чтобы съ необычайнымъ блескомъ продолжать тамъ свою распутную жизнь.

Постигшая его болѣзнь не образумила его; во время выздоровленія онъ отъ скуки занялся составленіемъ списка своихъ жертвъ, и не могъ вспомнить всѣхъ,—такъ ихъ было много. Пріятель, которому онъ показывалъ этотъ списокъ, замѣтилъ, что среди наполнявшихъ его именъ не было имени ни одной монахини, и Донъ Жуанъ рѣшился во что̀ бы то ни стало пополнить такой пробѣлъ. Онъ перебывалъ во всѣхъ женскихъ монастыряхъ Севильи, покуда не нашелъ, наконецъ, приглянувшейся ему отшельницы. Каково было его удивленіе, когда онъ узналъ въ

ней свою первую возлюбленную—Терезу. Онъ сталъ всячески преслѣдовать ее, добился того, что вступилъ съ нею въ переписку, увѣрилъ, что никогда не забывалъ ея, и наконецъ убѣдилъ Терезу бѣжать изъ монастыря. Онъ все приготовилъ къ побѣгу, и ожидалъ только назначеннаго часа, чтобы явиться къ монастырской стѣнѣ, какъ съ нимъ произошло нѣчто странное и ужасное, что совершенно измѣнило всѣ его намѣренія.

Онъ провелъ передъ тѣмъ нѣсколько дней въ своемъ родовомъ замкѣ близъ Севильи, и его сызнова и еще сильнѣе прежняго поразила знакомая картина въ молельнѣ матери. Ему казалось, что лицо несчастнаго грѣшника, висящаго надъ костромъ, походило на искаженное лицо трупа Гомары, и мысль эта не давала ему покоя. Онъ отправился въ Севилью, все еще находясь подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ своихъ мыслей. Приближался часъ похищенія Терезы; Жуанъ ждалъ на улицѣ, напѣвая пѣсенки; вдругъ слухъ его поразило заунывное похоронное пѣнье, и онъ увидалъ приближающееся погребальное шествіе. Было что-то необыденное въ нарядахъ провожавшихъ покойника: прямыми, неподвижными складками падали ихъ одѣянія, лица казались мертвенно-блѣдными, изможденными, какъ будто у людей, только-что перенесшихъ мучительную болѣзнь; двигались они не такъ, какъ обыкновенные люди,—казалось, они не шли, а медленно рѣяли надъ самой землей. Движимый непонятнымъ чувствомъ жуткаго любопытства, Жуанъ послѣдовалъ за шествіемъ въ церковь, и по пути спросилъ у провожатыхъ, кого хоронятъ. Ему отвѣчали: „Графа Жуана Маранья“. Думая, что онъ ослышался, онъ повторилъ свой вопросъ, и получилъ тотъ же странный, грозный отвѣтъ. Ему стало жутко, особенно когда началась служба, и глухіе голоса провожавшихъ покойника слились съ мощными звуками органа. Охваченный невыразимымъ ужасомъ, въ трепетѣ, Жуанъ остановилъ проходившаго мимо него священника: „Именемъ Неба, отче, — о комъ вы молитесь, и кто вы такіе?“ — спросилъ онъ. Священникъ, котораго онъ схватилъ за холодную и какъ камень тяжелую руку, скорбно посмотрѣлъ на него, и отвѣчалъ: „Мы молимся о графѣ Жуанѣ Маранья, мы молимся о душѣ его, погрязшей въ смертныхъ грѣхахъ; мы сами—души, молитвами его матери и заказанными ею обѣднями освобожденныя изъ чистилища. Мы теперь выплачиваемъ сыну принадлежащій матери долгъ, но эта обѣдня—послѣдняя, которую намъ дозволено отслужить о душѣ графа Жуана Маранья“. Въ эту минуту раздался бой часовъ—наступилъ часъ, назначенный для похищенія Терезы; вдругъ Жуанъ

услышалъ страшный голосъ, говорившій: „Время миновало! Принадлежитъ ли онъ намъ?“ и увидалъ окровавленнаго, блѣднаго Гарсію и старика Гомару, лицо котораго искажалось передергивавшей его судорогой; они приблизились ко гробу, сорвали съ него крышку, и огромная змѣя, поднявшись за ними, готовилась черезъ ихъ головы броситься въ открытый гробъ; но Жуанъ собралъ остатокъ силъ и закричалъ: „Іисусе!“ Все помутилось въ его глазахъ, и онъ безъ чувствъ грохнулся на камни. Придя въ себя, онъ призвалъ монаха, каялся ему въ грѣхахъ, и заявилъ о своемъ желаніи отрѣшиться отъ міра. Онъ письменно простился съ Терезой, которая не перенесла этого новаго удара судьбы и скончалась, роздалъ половину своихъ богатствъ неимущимъ родственникамъ, на остальныя деньги построилъ больницу и часовню, а кромѣ того много денегъ роздалъ нищимъ и по церквамъ, чтобы тамъ молились объ освобожденіи изъ чистилища душъ всѣхъ убитыхъ имъ въ поединкахъ. Жуанъ смирился до такой степени, что созвалъ всѣхъ своихъ друзей и просилъ у нихъ прощенія за дурной примѣръ, который такъ долго онъ подавалъ имъ. На многихъ обращеніе его благотворно подѣйствовало, и они исправились; самъ же Жуанъ обратился въ суровѣйшаго аскета. Настоятель и братія монастыря, гдѣ онъ затворился, удивлялись рвенію, съ которымъ онъ исполнялъ уставы, и тѣмъ эпитиміямъ, которыя онъ добровольно на себя налагалъ; приходилось даже иногда удерживать его отъ самоистязаній, которымъ онъ денно и нощно предавался. Слухъ о подвижничествѣ Жуана вскорѣ распространился за предѣлами монастыря, и многіе стали смотрѣть на него съ благоговѣніемъ; слава его выросла еще и оттого, что во время страшной чумы Жуанъ—теперь извѣстный подъ именемъ брата Амброзіо — безтрепетно ухаживалъ за зачумленными, призрѣваемыми въ выстроенной имъ больницѣ, ободрялъ и утѣшалъ ихъ, стараясь облегчить ихъ страданія, а когда моръ усилился настолько, что не успѣвали хоронить умершихъ, Жуанъ добровольно сталъ обходить дома зачумленныхъ, отыскивая и хороня тѣхъ покойниковъ, до которыхъ никто уже не рѣшался дотронуться. Самъ онъ остался невредимъ, и народъ считалъ это чудомъ, вызваннымъ его святостью. Благословенія облагодѣтельствованныхъ имъ поддерживали въ немъ бодрость, и онъ начиналъ обрѣтать душевное спокойствіе, вытекавшее изъ искренности его покаянія, ни на минуту, впрочемъ, не забывая своего прошлаго и непрестанно сокрушаясь о немъ. Однажды, въ самый зной полудня, когда братія по уставу пользовалась отдыхомъ,

Жуанъ съ непокрытой головой работалъ въ саду на самомъ солнопекѣ. Это было одно изъ тѣхъ послушаній, которыми онъ добровольно усложнялъ для себя монастырскій уставъ. Къ нему подошелъ неизвѣстный ему юноша, назвавшій себя братомъ несчастной Терезы, и оказавшійся тѣмъ самымъ убійцей, который нѣкогда по ошибкѣ убилъ, вмѣсто Жуана, его друга и учителя—Гарсію; юноша требовалъ, чтобы Жуанъ сразился съ нимъ, и принесъ для него оружіе; но смиренный инокъ упорно отказывался отъ поединка, несовмѣстимаго съ его саномъ; чтобы заставить его драться, юноша нанесъ своему врагу ударъ по лицу—первый въ жизни Жуана. Гнѣвъ, бѣшенство, негодованіе ослѣпили несчастнаго; онъ бросился на обидчика со шпагой въ рукѣ, и тотъ черезъ минуту палъ бездыханный. Его коварный замыселъ—завлечь просвѣтленнаго и близкаго ко спасенію врага въ смертный грѣхъ и умертвить его, не давъ ему времени загладить эту вину покаяніемъ, не удался. Въ безпредѣльномъ ужасѣ поспѣшилъ Жуанъ къ настоятелю и во всемъ признался. Снова началось для него время жестокихъ угрызеній совѣсти, глубокаго раскаянія и уничиженія и непосильнаго самоистязанія. Однимъ изъ наложенныхъ на него наказаній было обязательство—ежедневно принимать пощечину отъ монастырскаго повара; Жуанъ всегда подставлялъ и другую щеку, и благодарилъ бившаго его за нанесенное оскорбленіе. Съ тѣхъ поръ ничто болѣе не могло вовлечь Жуана въ прежніе грѣхи и проступки; десять лѣтъ прожилъ онъ еще въ монастырѣ, а умирая, просилъ, чтобы прахъ его погребенъ былъ у входа въ церковь, дабы входящіе попирали его ногами, и тѣмъ уничижали его и послѣ смерти; онъ самъ составилъ свою эпитафію: „Здѣсь лежитъ худшій человѣкъ, который когда-либо жилъ“,—но братія не исполнила его просьбы: Жуанъ былъ похороненъ у главнаго алтаря построенной имъ часовни, а на могильной плитѣ, вслѣдъ за эпитафіей, красуется хвалебная повѣсть объ его обращеніи и подвижничествѣ.

Таково содержаніе повѣсти Меримé,—въ Россіи очень мало извѣстной. Уже изъ этихъ набросковъ видно, какъ красиво и глубоко развитъ въ ней типъ Жуана Маранья, и какъ тонко и подробно разработанъ вопросъ объ его развращеніи и нравственномъ возрожденіи. Авторъ рядомъ мелкихъ подробностей и замѣчаній показываетъ, какъ глохнутъ богатыя качества души Жуана, какъ подъ пагубнымъ вліяніемъ Гарсіи наивное, дѣтское благочестіе Жуана, его честность, прямота, щедрость и мягкосердіе понемногу уступаютъ мѣсто коварству, безчувственности, эгоизму, расточительности, невѣрію; какъ, однако, несмотря на

видимое пренебреженіе, съ которымъ онъ относится къ религіи, въ глубинѣ его души не умираетъ увѣренность въ существованіи высшаго правосудія и загробной жизни, которая дѣлаетъ вполнѣ возможнымъ и искреннимъ его покаяніе и обращеніе. Благодаря этой вѣрѣ, картина чистилища и производитъ на него страшное, потрясающее впечатлѣніе, когда онъ видитъ ее передъ похищеніемъ Терезы; воспоминаніе о ней преслѣдуетъ его и тогда, когда самой картины нѣтъ у него подъ глазами; поэтому и видѣніе похоронъ, справляемыхъ душами чистилища, поражаетъ его, подтверждая существованіе возмездія и наказанія. Послѣ видѣнія и испытаннаго имъ ужаса, Жуанъ перерождается; былая вѣра вспыхиваетъ въ немъ, но это уже не дѣтская вѣра, питаемая воображеніемъ и мистическими разсказами; это вѣра мужественная, сознательная, не скрывающая отъ него глубины его развращенности и преступности, но дающая ему надежду загладить, искупить совершенныя имъ злодѣянія. Эта вѣра удерживаетъ его отъ отчаянія послѣ убійства его послѣдняго врага — брата Терезы, даетъ ему мужество ходить за зачумленными, хоронить разлагающіеся трупы, даетъ смиреніе и кротость.

Вѣрующій сперва, потомъ скептикъ и отрицатель, и наконецъ снова вѣрующій Жуанъ Мериме́ — очень характерное явленіе въ исторіи развитія этого типа; послѣ образа злодѣя и развратника, созданнаго Мольеромъ, передъ нами типъ кающагося грѣшника, — типъ, допускающій самыя разнообразныя варіаціи.

IX.

Перейдемъ къ разбору двухъ произведеній, имѣвшихъ прямое вліяніе на драматическую поэму Ал. Толстого, а именно оперы Моцарта съ ея либретто и короткаго разсказа Гофмана „Донъ-Жуанъ“.

Музыка Моцарта и либретто аббата Да-Понте возникли одновременно въ шестинедѣльный промежутокъ. Моцарту, задумавшему написать оперу, понадобилось либретто, и онъ обратился къ аббату съ просьбой сочинить слова къ его музыкѣ. Результатомъ ихъ совмѣстнаго творчества явилась опера, на первый взглядъ не вполнѣ соотвѣтствующая тому впечатлѣнію, какое она произвела на Гофмана, а вслѣдъ за нимъ и на Ал. Толстого.

Жуанъ хитростью проникъ въ покои къ Аннѣ, невѣстѣ Октавіо; она узнаетъ, что она обманута, и зоветъ на помощь; командоръ, ея престарѣлый отецъ, спѣшитъ на выручку дочери;

между нимъ и Жуаномъ происходитъ поединокъ, въ которомъ Жуанъ наноситъ слабому противнику смертельную рану. Анна возбуждаетъ своего жениха къ страшной мести, и оба они отправляются на поиски злодѣя. Къ нимъ присоединяется донна Эльвира, обманутая и покинутая жена Жуана, проклинающая его, но въ то же время все еще любящая своего мучителя. Они находятъ Жуана въ самый разгаръ бала, который онъ даетъ съ цѣлью отнять у глуповатаго деревенскаго парня его хорошенькую, вѣтреную невѣсту, и спасаютъ Церлину отъ опасности. Правосудіе угрожаетъ Жуану заслуженною карой, но онъ не боится наказанія, и продолжаетъ свой разнузданный образъ жизни. Однажды, спасаясь отъ преслѣдованія, онъ перескакиваетъ черезъ ограду кладбища, на которомъ погребенъ командоръ, и въ заносчивомъ безразсудствѣ приглашаетъ на ужинъ его статую, которая обѣщаетъ явиться на зовъ. Во время рокового ужина къ Жуану приходитъ Эльвира, заклинающая его раскаяться, но встрѣчаетъ только насмѣшку и оскорбительныя рѣчи. Слѣдомъ за нею является статуя и зоветъ грѣшника на отвѣтный пиръ; получивъ его согласіе, она увѣщеваетъ его покаяться, но онъ отвергаетъ спасеніе и проваливается въ бездну. Въ характерѣ Жуана по либретто нѣтъ ничего такого, что могло бы указать на болѣе духовныя и чистыя стремленія и побужденія его жизни; онъ думаетъ только объ удовольствіяхъ и наслажденіи, недоступенъ ни жалости, ни состраданію; для него жизнь есть сплошной праздникъ, пиръ, гдѣ все создано для радости и веселья; и онъ веселится, гдѣ и какъ можетъ. Въ изображеніи Да-Понте Жуанъ—веселый, жизнерадостный, неутомимый гуляка и кутила, въ высшей степени легкомысленный и развращенный; гибель его является достойнымъ возмездіемъ за всѣ его преступленія.

Казалось бы, что музыка, написанная на такой сюжетъ, не можетъ, отличаться особенной глубиной; а между тѣмъ въ аріяхъ Жуана звучитъ подчасъ глубокая грусть, какъ-то не ладящая съ удальствомъ основного мотива, да и вообще съ его характеромъ, и протестующая противъ безповоротнаго осужденія его, какъ вполнѣ низменнаго и легкомысленнаго человѣка. Между музыкой и словами оперы существуетъ внутренній разладъ. Особенно сказывается это въ нѣкоторыхъ, почти что трагическихъ мѣстахъ увертюры; но и вся остальная опера представляетъ собою не игривый, веселый аккомпаниментъ къ игривому, веселому тексту, а своеобразную, глубоко серьезную обработку ихъ общаго сюжета. Вслѣдъ за Гофманомъ, который первый подмѣтилъ это противорѣчіе, иные

критики утверждаютъ, что музыка Моцарта выразила собою всю сущность легенды о Жуанѣ, и что все, что бы ни сдѣлала въ этомъ направленіи поэзія, будетъ только частичнымъ ея повтореніемъ; самъ же Гофманъ въ музыкѣ Моцарта видитъ обрисовку героевъ, нисколько не похожихъ на дѣйствующихъ лицъ либретто. Изобразить такого героя, какъ тотъ, котораго изобразилъ Да-Понте, не есть задача, достойная генія; поэтому герой Моцарта—не презрѣнный, низменный кутила; это—человѣкъ, богато одаренный природой, полный самыхъ возвышенныхъ качествъ, приближающихъ его къ Божеству. Онъ многаго требуетъ отъ жизни, и имѣетъ на это право по своему духовному и физическому превосходству. Вся бѣда его въ томъ, что онъ ищетъ въ земной любви того блаженства, которое доступно только въ неземномъ мірѣ. Въ это роковое заблужденіе вводитъ его Сатана, сохранившій, благодаря грѣхопаденію первыхъ людей, власть вредить человѣку именно съ помощью самыхъ возвышенныхъ и лучшихъ его стремленій. Постоянныя разочарованія приводятъ Жуана къ тому, что онъ съ презрѣніемъ смотритъ на людей и на Создателя, и находитъ высочайшее блаженство въ нарушеніи нормальнаго и спокойнаго теченія жизни.

X.

Оригинальную варіацію типа Донъ-Жуана находимъ мы у нѣмецкаго лирика Ленау, своеобразнаго, бурнаго и въ то же время безконечно унылаго поэта. У критиковъ, цѣнящихъ его главнымъ образомъ какъ лирика, поэма Ленау имѣла мало успѣха; для насъ же, въ связи съ остальными произведеніями о Донъ-Жуанѣ, это твореніе имѣетъ особенный интересъ.

Фабула этой поэмы значительно отступаетъ отъ легенды; только чудовищное непостоянство героя, количество его жертвъ, да обращеніе его къ статуѣ, — вслѣдъ за которымъ она ему однако не является, — напоминаютъ испанское преданіе; все остальное — плодъ неудержимой фантазіи поэта. И самъ Донъ-Жуанъ не таковъ, какимъ мы привыкли его видѣть въ изображеніи другихъ авторовъ. Начать съ того, что совершающійся въ немъ переломъ приводитъ къ совершенно иному результату, чѣмъ, напр., у Меримé; тамъ изъ преступника Жуанъ обращается въ праведника; здѣсь же изъ жизнерадостнаго, кипящаго энергіей и силой поклонника красоты, любви и веселья вырабатывается душевно состарившееся, неудовлетворенное, скучающее существо,

ищущее смерти и бросающее шпагу въ бою со слабымъ противникомъ, что̀ равносильно самоубійству. Впрочемъ, мотивы этого страннаго самоубійства вытекаютъ изъ стремленій и принциповъ его жизни.

Жуанъ у Ленау въ жизни ищетъ одного—безмѣрнаго и неограниченнаго наслажденія любовью; это стремленіе и желаніе доходитъ у него до исполинскихъ размѣровъ. Ему мало того, что̀ можетъ дать ему настоящее, онъ негодуетъ на судьбу за то, что ему не дано насладиться любовью въ далекомъ будущемъ, груститъ о томъ, что не могъ наслаждаться ею въ далекомъ прошломъ. Для него безразлично, насколько устойчивы его увлеченія; они—послѣдствія страсти, жаждущей вѣчности, и по тому самому постоянной и вѣчной. Ему кажется, что въ немъ живетъ какой-то высшій духъ, управляющій его стремленіями, толкающій его отъ одной женщины къ другой; онъ мѣшаетъ ему дожидаться расхолаживанія его чувствъ, разнообразныхъ какъ тѣ, которыя ихъ въ немъ возбуждаютъ; его не смущаютъ оскорбленія и страданія, которыми его измѣна поражаетъ злополучныя жертвы; измѣняя каждой въ отдѣльности, онъ не перестаетъ увлекаться женщиной вообще, и не намѣренъ мѣняться, покуда въ немъ ключомъ кипитъ молодость; когда же наступитъ конецъ и ему придется расплачиваться за то, что̀ онъ разбилъ и разрушилъ, онъ все искупитъ своимъ послѣднимъ вздохомъ, котбрый обратитъ его въ ничто для міра, и міръ, въ то же время, обратитъ въ ничто для него. Но покуда моментъ этотъ не насталъ—да здравствуетъ наслажденіе! Все въ мірѣ любитъ и хочетъ быть счастливымъ; картина лѣса весною приводитъ Жуана въ умиленный восторгъ, и онъ готовъ спасти токующаго глухаря, въ котораго цѣлится охотникъ.

Преувеличенное наслажденіе неизмѣнно вызываетъ пресыщеніе; то же происходитъ и съ Жуаномъ. Онъ не находитъ прежняго удовольствія въ удовлетвореніи своихъ стремленій; искусственные способы, которыми онъ пробуетъ возбудить въ себѣ угасающую жажду наслажденій, не помогаютъ, и онъ наконецъ признается, что веселый Жуанъ покинулъ міръ, и преемникомъ его сталъ печальный, ко всему охладѣвшій. Тѣхъ боговъ, которые даны были его юности, онъ давно лишился, а тѣ, которыхъ онъ себѣ создалъ, мѣста въ мірѣ больше не имѣютъ; что̀ же остается ему, кромѣ смерти? Но только смерть въ пылу увлеченія, въ поединкѣ, отъ руки врага, привлекаетъ Жуана; онъ не хочетъ собственной рукой покончить съ жизнью; веселье было его божествомъ,—самоубійство, по отношенію къ нему, не что̀ иное, какъ святотатство,

и Жуанъ въ поединкѣ съ Педро бросаетъ шпагу и падаетъ, сраженный противникомъ.

Несмотря на свою преступность, Жуанъ не вовсе лишенъ высокихъ мыслей; онъ не вполнѣ безбоженъ, такъ какъ признаетъ существованіе высшаго начала, которое проникаетъ все мірозданіе, и отъ котораго исходитъ и радость и красота; онъ вѣритъ въ невидимый міръ. Онъ смутно сознаетъ, что любовь къ женщинѣ можетъ быть чѣмъ-то святымъ и возвышеннымъ, хотя дальше этого сознанія не идетъ; въ немъ есть и совѣсть — его удручаетъ разрушеніе монастыря, имъ оскверненнаго, его заботитъ судьба развращенныхъ имъ монаховъ, которые могли погибнуть въ пожарѣ. Онъ не забываетъ и другихъ несчастныхъ, погубленныхъ имъ; списокъ жертвъ служитъ ему для того, чтобы ни одной не обойти въ завѣщаніи, по которому онъ каждой отказываетъ часть своего богатства, такъ же, какъ и старому слугѣ своему, Каталинону.

Этотъ Жуанъ менѣе могучъ и силенъ, чѣмъ его предки, но онъ интересенъ тѣмъ, что онъ—усталый, пресыщенный, блазированный Жуанъ—совсѣмъ новый типъ въ ряду изображеній этого загадочнаго человѣка.

XI.

Изъ французскихъ писателей, кромѣ Меримé, затронутая Мольеромъ тема заинтересовала Альфреда де Мюссé, посвятившаго ей въ тридцатыхъ годахъ нѣсколько строфъ одной изъ своихъ поэмъ. Мюссе не могъ, въ немногихъ строкахъ, дать полной характеристики Жуана, но уже изъ немногихъ указаній видно, какъ онъ смотрѣлъ на него, и какъ его себѣ представлялъ. Мюссé самого себя выдѣляетъ изъ числа авторовъ, вдохновлявшихся образомъ Жуана, потому что всѣ они „съ ихъ ужасами, сомнѣніями и хулою“ оставались равнодушными къ нему, а онъ любилъ своего героя, какъ вѣрный трубадуръ своего плѣннаго короля. Поэтому-то его изображеніе не похоже на обыкновенное. По опредѣленію Мюссé, Жуанъ—это „сучокъ, упавшій съ дерева жизни, для того, чтобы, какъ Христосъ, любить и страдать“. Его душа проникнута прекрасными чувствами и порывами; красота природы вызываетъ у него слезы умиленія; онъ ото всѣхъ ждетъ отклика и любви; онъ слабъ еще, въ жизни ему нужна опора, которую онъ могъ бы охватить, какъ цѣпкій плющъ обвиваетъ мощный дубъ, но въ то же время, несмотря на эту сла-

бость, онъ способенъ обнять весь міръ; все ему улыбается; куда бы онъ ни пошелъ — любовь, дружба, слава, богатство окружаютъ его, и онъ такъ чистъ и святъ душою, что мнится, будто ангелы-хранители тѣхъ мѣстъ, которыя онъ посѣщаетъ, встаютъ и слѣдуютъ за нимъ. И тѣмъ не менѣе этотъ юноша, повидимому слишкомъ святой для грѣшной земли, будетъ проводить жизнь въ порокахъ и развратѣ, и дойдетъ до крайнихъ предѣловъ преступности и злодѣйствъ. Отчего это? Неужели жизнь обманетъ и разочаруетъ того, кто ждалъ отъ нея только счастья и ласки, и самъ былъ однимъ изъ ея лучшихъ украшеній? Ничуть не бывало; Жуанъ никогда не узнаетъ, что такое неудача или разочарованіе; всѣ пути ему открыты, всѣ цѣли для него достижимы; препятствія сами собою исчезаютъ съ его пути, и даже бездна, куда онъ палъ, никого не отталкиваетъ отъ него; напротивъ, ему какъ-то все прощается, все забывается, потому что онъ—Донъ-Жуанъ. Очевидно, что въ жизни Жуана есть роковая тайна, дѣлающая изъ его существованія какое-то сплошное противорѣчіе, а изъ него самого—загадочную и непонятную личность.

Мюссé останавливается на вопросѣ о любви Жуана, и держится того мнѣнія, что Жуанъ былъ искрененъ всѣ три тысячи разъ, когда любилъ; но ни одна изъ этой толпы женщинъ не удовлетворила его, а между тѣмъ всѣ онѣ сторицей воздавали ему за его скоропроходящее чувство. Въ чемъ же дѣло? Очевидно—въ томъ, что Жуанъ ни въ одной изъ нихъ не нашелъ вполнѣ того, чего искалъ,—т.-е. идеала, самимъ Богомъ указаннаго его душѣ, котораго онъ не могъ забыть ни на минуту, и стремленіе къ которому не могли охладить три тысячи искреннихъ увлеченій; всѣ похожи были на манившую его волшебную тѣнь, и ни одна не могла замѣнить ее. Онъ искалъ ее вездѣ, на всѣхъ высотахъ и во всѣхъ безднахъ, подобно рудокопу, спускающемуся во мракъ смраднаго колодца, чтобы вынести оттуда драгоцѣнный, искрометный алмазъ. Онъ думалъ найти ее на днѣ бурнаго житейскаго моря, и погибъ въ безпрерывной погонѣ за своей мечтой, не заботясь о кровавыхъ слѣдахъ, оставленныхъ имъ въ мірѣ, не проклиная его за его ложь и глупость, и не противясь року, увлекавшему его въ лицѣ каменной статуи. Онъ не попралъ ногами посланнаго ему самимъ Богомъ призрака, и пылавшая въ его сердцѣ неугасимымъ пламенемъ любовь вернулась къ Создателю не уменьшенная и не охлажденная ни однимъ изъ его увлеченій.

Какъ видно, Мюссе самъ такъ увлекся образомъ Жуана, что дошелъ до крайней степени идеализаціи, создалъ изъ него ка-

кого-то святого мученика вѣры въ идеалъ, т.-е. впалъ въ такую же чрезмѣрную крайность, какъ другіе авторы, изображавшіе того же героя въ преувеличенно мрачныхъ краскахъ.

XII.

Написалъ своего „Каменнаго гостя“ и нашъ Пушкинъ. Это — нѣсколько короткихъ, но живыхъ и яркихъ сценъ, воспроизводящихъ обликъ жизнерадостнаго, легкомысленнаго человѣка съ однимъ только богомъ въ жизни—любовью.

Герой Пушкина не похожъ на тѣ сложныя натуры, которыя выведены у Ленау, а тѣмъ паче у Ал. Толстого. Его Жуанъ напоминаетъ героя Да-Понте,—такъ онъ безпеченъ, жизнерадостенъ, неутомимъ въ погонѣ за наслажденіемъ. Какъ герой либретто, подъ впечатлѣніемъ котораго онъ созданъ (о чемъ свидѣтельствуетъ эпиграфъ, заимствованный у Да-Понте), — Пушкинскій Донъ-Жуанъ живетъ однимъ только настоящимъ, вовсе не помышляя о будущемъ и почти не вспоминая прошедшаго; и къ чему? Настоящее такъ богато, представляетъ такое обширное поле для его дѣятельности, что ему нѣтъ охоты и времени размышлять о своихъ поступкахъ и анализировать ихъ побужденія. Онъ не философствуетъ о любви, не высказываетъ никакихъ теорій и міровоззрѣній; онъ любитъ потому, что иначе не можетъ, потому, что любовь—его стихія, а не потому, что ищетъ въ ней способа приближенія къ Божеству, какъ герой Ленау, или источника истины, какъ Жуанъ Толстого. Онъ ежеминутно увлекается, и увлекается, повидимому, вполнѣ искренно. Жуанъ храбръ, неустрашимъ; онъ „никого въ Мадридѣ не боится“ — и не въ одномъ только Мадридѣ. Онъ не вѣритъ въ Бога, даже и не упоминаетъ о Немъ до того момента, какъ статуя на его глазахъ оживаетъ.

Другія черты Жуана только намѣчены. Мы видимъ, какъ спокойно и равнодушно онъ относится къ убійству: явившись на свиданіе къ Лаурѣ, онъ прехладнокровно закалываетъ въ ея комнатѣ своего неожиданнаго соперника, и, нисколько не смущаясь присутствіемъ трупа, ведетъ съ нею нѣжные разговоры; вспоминая свою дуэль съ командоромъ, онъ иронически сравниваетъ врага, наткнувшагося на его шпагу, со стрекозой на булавкѣ; ни раскаянія, ни сожалѣнія. Воображеніе Жуана „проворнѣй живописца“; по легкимъ признакамъ оно всегда готово дорисовать образъ плѣнившей его красавицы; къ тому же онъ

поэтъ, чего еще не отмѣчали такъ ясно въ его характерѣ другіе писатели.

Произведеніе Пушкина, заключая въ себѣ нѣкоторыя мелкія подробности, подчеркиваетъ главнымъ образомъ въ Жуанѣ, какъ видимъ, — любовника, и даетъ читателю представленіе о немъ какъ о простой, ясной натурѣ беззаботнаго, жизнерадостнаго удальца и повѣсы.

XIII.

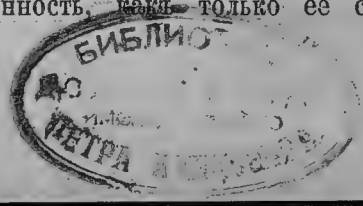
Еще на одной переработкѣ легенды слѣдуетъ остановиться, прежде чѣмъ перейти, наконецъ, къ драмѣ Толстого, какъ къ конечному выводу изо всѣхъ предшествовавшихъ твореній, — а именно на фантастической трагедіи Граббе, озаглавленной имъ: „Донъ-Жуанъ и Фаустъ“. Драма написана въ 1829 г., т.-е. ранѣе нѣкоторыхъ другихъ, разобранныхъ выше; но для насъ имѣетъ значеніе не столько хронологическій порядокъ этихъ произведеній, сколько психологическая, такъ сказать, послѣдовательность развитія въ нихъ типа главнаго героя. Простой искатель наслажденій у Молино и въ итальянскихъ передѣлкахъ, непреклонный, могучій, съ желѣзною волей атеистъ Мольера, баловень природы у Гофмана, Жуанъ въ музыкѣ Моцарта является личностью, носящей въ себѣ зародышъ глубокаго трагизма; у Ленау трагизмъ этотъ состоитъ въ пресыщеніи Жуана благами жизни. Еще достаточно молодой, чтобы видѣть въ мірѣ много прекраснаго, достойнаго поклоненія и восторга, Жуанъ ничѣмъ уже не можетъ наслаждаться, и не въ силахъ возбудить угасшіе стремленія и порывы, которые могли бы стать благородными и возвышенными; трагизмъ заключается въ несоотвѣтствіи задатковъ, которыми одѣлила его природа, и результатовъ его жизненной дѣятельности. Стремленія и порывы Жуана доведены Мюссé до высшей степени идеальности; наконецъ, Пушкинъ подробно разобралъ психологію любви этого страннаго, загадочнаго человѣка; что же осталось сдѣлать Граббе? Онъ сравниваетъ Жуана съ Фаустомъ. Идея сама по себѣ плодотворная; выше было указано, какими сторонами соприкасаются эти образы, и какими особенностями рознятся между собою; но Граббе не сумѣлъ самостоятельно понять и оцѣнить по достоинству этихъ глубокихъ различій; онъ не переработалъ образовъ Жуана и Фауста въ ихъ совокупности, не оттѣнилъ связей, не указалъ различій; онъ просто-на-просто сопоставилъ ихъ, и

сопоставилъ въ одномъ только проявленіи ихъ богатыхъ и разнообразныхъ натуръ—въ любви. Въ его трагедіи Жуанъ и Фаустъ любятъ одну и ту же идеальную женщину — Донну-Анну. Фаустъ тщетно добивается ея привязанности, и, разгнѣванный неудачей, волшебной силой одного своего слова убиваетъ ее. Съ гибелью Донны-Анны порывается, въ сущности, всякая связь между героями трагедіи. Ни Фаустъ на Жуана, ни Жуанъ на Фауста никакого внутренняго воздѣйствія больше не оказываютъ, а потому оба являются личностями вполнѣ самостоятельными. Такимъ образомъ, мы получаемъ возможность изучить типъ Жуана у Граббе, какъ отдѣльное лицо, нисколько не затрагивая при этомъ Фауста; и вотъ къ чему сводится то, что въ трагедіи касается Жуана.

Жуанъ въ Римѣ увидѣлъ Анну, дочь дона Гусмана, испанскаго посла при дворѣ папы, и плѣненъ ея красотою; ея отца и жениха онъ увѣряетъ, что кудесникъ Фаустъ, теперь находящійся въ Римѣ, чарами преслѣдуетъ Анну; они отправляются въ погоню за чародѣемъ, а Лепорелло, по приказанію Жуана, выпытываетъ у служанки, гдѣ удобнѣе всего встрѣтиться съ Анной. Она указываетъ мѣсто. Жуанъ является въ садъ Анны и признается ей въ любви, но она, хотя и отвѣчаетъ ему взаимностью, не хочетъ нарушить слова, даннаго Октавіо, съ которымъ должна обвѣнчаться въ тотъ же вечеръ. Является Октавіо, и Жуанъ принужденъ скрыться; но онъ уже ранѣе получилъ приглашеніе на свадьбу Анны, и принимаетъ участіе въ торжествѣ. Онъ рѣшилъ убить Октавіо и похитить Анну; Лепорелло заводитъ ссору съ Октавіо, Жуанъ вступается за своего слугу; между нимъ и мужемъ Анны происходитъ поединокъ, въ которомъ Октавіо умираетъ; тогда Жуанъ хочетъ овладѣть Анной, но Фаустъ, тоже явившійся на свадьбу и неузнанный, отталкиваетъ его и уноситъ Анну въ сказочный дворецъ, на вершину Монблана. Жуанъ преслѣдуетъ его, но предварительно между нимъ и отцомъ Анны происходитъ дуэль; Жуанъ убиваетъ старика, издѣвается надъ его предсмертной мольбой пощадить Анну, и стремится къ вершинѣ Монблана, которой, однако, не достигаетъ: покорные Фаусту вихри сметаютъ его съ Альпъ и приносятъ обратно въ Римъ, на то кладбище, гдѣ похороненъ донъ Гусманъ; Жуанъ приглашаетъ его статую на ужинъ, какъ въ легендѣ, и она соглашается. Къ Жуану является Фаустъ, блѣдный, полный отчаянія, и сообщаетъ ему о смерти Анны, которую самъ же онъ убилъ въ минуту ревности. Жуанъ предлагаетъ ему поединокъ, но Фаустъ объявляетъ, что часъ его пасталъ, и Сатана, неви-

димо находящійся тутъ же, овладѣваетъ имъ. Вслѣдъ затѣмъ входитъ статуя командора; Жуанъ сперва бросается на нее со шпагой, но потомъ, овладѣвъ собой, угощаетъ ее отборными яствами; она говоритъ, что явилась къ нему съ увѣщаніемъ покаяться, такъ какъ Анна и Октавіо въ раю молятся о немъ; но Жуанъ дерзко отвергаетъ покаяніе; тщетно указываетъ она ему на приближающагося Сатану и повторяетъ свои уговоры; грѣшникъ остается непоколебимъ. Статуя проваливается, на ея мѣсто является Сатана и увлекаетъ Жуана, умирающаго съ горделивымъ восклицаніемъ: „Король и слава, отчизна и любовь!“ Огненный дождь сжигаетъ домъ Жуана и находящагося въ немъ Лепорелло.

Жуанъ у Граббе ничего не признаетъ въ мірѣ, кромѣ любви и наслажденій; имъ онъ посвящаетъ всю свою жизнь, неустанно отыскивая ихъ всюду, куда ни попадаетъ, и не утомляясь ими. Онъ не терпитъ никакихъ преградъ и ограниченій своихъ стремленій—даже всякая опредѣленность ему нестерпима. „Не называй мнѣ цѣли, хотя бы я и стремился къ ней—да будетъ проклята самая мысль; каждая цѣль есть смерть. Благо тому, кто вѣчно стремится; благо, благо тому, кто бы вѣчно могъ алкать!“ Поэтому онъ врагъ всякой системы; онъ умѣетъ цѣнить красоту; гдѣ бы и какова бы она ни была. Поэтому-то онъ такъ часто и легко мѣняетъ свои увлеченія; любя Анну, онъ въ то же время восхищается красотой Лизетты; вся прелесть жизни для него заключается въ разнообразіи; но, несмотря на это, онъ увлекается искренно и горячо. Любя Анну, онъ думаетъ, что никогда никого такъ сильно еще не любилъ; въ ней его привлекаетъ не одна только внѣшняя ея красота, но и нравственный ея обликъ; побѣда надъ такимъ сердцемъ, какъ ея сердце, кажется ему привлекательнѣе и достойнѣе, чѣмъ побѣда надъ цѣлымъ міромъ. Въ мысляхъ своихъ онъ идеализируетъ любимую женщину до того, что природа съ ея волшебной красотой представляется ему рамой, только-только достойной воспринять самую картину, т.-е. Анну. Жуанъ ненавидитъ все банальное, обычное; Октавіо противенъ ему не потому, что онъ ревнуетъ его къ Аннѣ,—по его мнѣнію, истинная любовь чужда ревности, — а потому, что его возмущаютъ свѣтская порядочность, благовоспитанность, трезвая практичность Октавіо, кажущіяся ему пошлостью; поэтому не признаетъ онъ и брака, сковывающаго и унижающаго пылъ, который „не можетъ и не долженъ“ входить въ привычку. Такъ какъ любовь, по мнѣнію Жуана, теряетъ свою прелесть и возвышенность, какъ только ее связы-


БИБЛИО
ПЕТРА

ваютъ какія бы то ни было узы, то онъ и не приходитъ въ отчаяніе при смерти Анны; вѣдь рано или поздно онъ измѣнилъ бы ей; вѣдь есть еще на свѣтѣ другія красавицы; такъ что же горевать объ одной? Въ память своей привязанности онъ готовъ пойти на смерть, чтобы отомстить убійцѣ Анны; но отчаяніе ему не знакомо. Отчаяніе—слѣдствіе бездѣйствія, а его безпокойная, горячая натура не можетъ жить безъ борьбы, будь то борьба за славу и честь короля и родины, или его личное благополучіе. Нѣтъ въ мірѣ слова, которое привѣтливѣе и слаще звучало бы для его слуха, чѣмъ слово „отчизна", и въ Аннѣ ему еще особенно нравится то, что она—испанка. Патріотизмъ, преданность королю, любовь къ славѣ—все это чувства, которыя могутъ корениться въ самыхъ благородныхъ порывахъ человѣческой души; но у Жуана ихъ происхожденіе объясняется иначе; ему просто „доставляетъ удовольствіе жертвовать собою ради содержанія этихъ словъ"; захочетъ онъ—и измѣнитъ свой девизъ; вѣдь вѣрность и постоянство ему ненавистны, какъ рабство.

Жуанъ въ пьесѣ Граббе не атеистъ; онъ не отвергаетъ существованія Бога и таинственнаго міра духовъ; онъ довольствуется тѣмъ, что трунитъ надъ первымъ; „земля такъ прелестна", говоритъ онъ, что ему недосугъ размышлять о создавшемъ ее; если ее создалъ Богъ, то тѣмъ лучше для Него: Ему отъ этого славы только прибавится. Эпизодъ со статуей понимаетъ онъ очень просто; на кладбищѣ онъ сперва предполагаетъ возможность чьей-то шутки, и удивляется, — даже *забавляется* происшествіемъ. Когда же онъ убѣдился, что къ нему на пиръ является настоящее каменное изваяніе, движимое сверхъестественною силою, то послѣ перваго порыва безумнаго ужаса онъ признаётъ, что имѣетъ дѣло съ невидимыми силами, и съ „отважнымъ вызовомъ протягиваетъ руку въ подземное царство", т.-е. подаетъ ее статуѣ. Гибель не устрашаетъ его; онъ проваливается въ бездну не съ крикомъ ужаса и отчаянія, а съ горделивымъ восклицаніемъ, являющимся какъ бы заключительной бравадой его жизни.

Жуанъ гордъ, заносчивъ, безжалостенъ, но въ то же время полонъ сознанія своей рыцарской чести, какъ ее понимаютъ окружающіе его; убійство Октавіо, происшедшее въ честномъ поединкѣ, по его мнѣнію—не преступленіе, и онъ даже отдаетъ себя въ этомъ случаѣ подъ защиту оскорбленнаго имъ командора, вполнѣ увѣренный, что тотъ, какъ испанскій грандъ и рыцарь, поддержитъ и не покинетъ его въ бѣдѣ. Гордость у Жуана развита необычайно; въ сознаніи того, что онъ—Донъ-

Жуанъ, онъ въ одномъ звукѣ своего имени черпаетъ мужество и силу на вызовъ статуѣ командора, и такъ доволенъ собою и такъ дорожитъ своею личностью, что предпочитаетъ мучиться въ аду, лишь бы не измѣнить себѣ до конца.

Данная у Граббе характеристика Жуана, въ сущности, вноситъ, такимъ образомъ, мало новаго въ типъ этого героя. Сравненіе его съ Фаустомъ, такимъ, какимъ онъ изображенъ у Граббе, тоже трудъ довольно непроизводительный. Правда, драма интересна по замыслу, но изъ ея основной идеи можно было бы извлечь несравненно больше, чѣмъ это сдѣлалъ авторъ, а потому если уже приравнивать типъ Донъ-Жуана къ типу Фауста, то такое сравненіе, какъ мы увидимъ, Алексѣю Толстому удалось лучше, чѣмъ Граббе.

Маргарита Саломонъ.

МОСКОВСКІЙ „АМЕРИКАНЕЦЪ“

РАЗСКАЗЪ

I.

Съ дѣтствомъ Ястребова я не знакомъ. Но не думаю, чтобы тѣ его годы представляли интересъ: слишкомъ традиціонна, глуха жизнь Замоскворѣчья, съ его большими неуклюжими зданіями купеческихъ домовъ, непремѣнно въ садахъ, окруженныхъ заборами съ гвоздями, прибитыми остріемъ вверхъ. „Не жилище, а крѣпость“—подъ комендантствомъ „самого“ хозяина, и непремѣнно потомственнаго почетнаго гражданина.

Сытая, однообразная жизнь купеческаго порядка царила въ домѣ, во дворѣ и даже конюшнѣ. Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите: крупичата, сыра и грузна „сама“ Глафира Ивановна; такой же фигурой обладаетъ и няня-экономка; откармливается на дѣйствительно жирныхъ харчахъ прочая прислуга, дворникъ и кучеръ—солидные ребята со склонностью къ ожирѣнію.

— Данило! Данило!.. — слышится зовъ изъ дома, — отвѣта нѣтъ.

— Митяйка!.. подь, покличь дядю Данилу, побуди его, ежели спитъ!..—приказываетъ тотъ же голосъ мальчику, приспособленному бѣгать—звать и будить дядей Данилу, Петра и Степана.

Дѣйствительно, „спятъ дяди“, хотя время до обѣда, спятъ сладко, одинъ въ теплой и просторной дворницкой, другіе въ конюшнѣ, гдѣ дремлютъ толстыя, раскормленныя лошади, и гдѣ двѣ кудластыя собаки тоже дремлютъ, прислушиваясь къ храпу дядей.

Въ домѣ пьютъ чай. Большой самоваръ, ярко вычищенный, солидно гудитъ. Хозяйка любитъ такую музыку, и какъ только самоваръ начинаетъ замолкать или переходить на высокія, скрипучія ноты, она непремѣнно скажетъ нянѣ:

— Что-то, Никитишна, самоваръ, кажись, глохнетъ... вели подложить угольковъ!.. ишь, запищалъ какъ невесело!

— Анна!—кричитъ Никитишна...—Алена! несите углей, да скорѣича!..

Черезъ минуту, босая, съ подоткнутымъ къ поясу подоломъ, является съ жаровней углей кухарка Анна и толстымъ, заскорузлымъ указательнымъ перстомъ сталкиваетъ горячіе уголья въ трубу самовара...

— Ой!..—кричитъ она, обжигая палецъ.

— Глупая!.. чего же не взяла лучинку!.. — упрекаетъ хозяйка.—Отцы мои, да вѣдь ты мнѣ скатерть новую сожгла!

Дѣйствительно, отъ неловкаго поворота Анны мелкіе уголья посыпались на столъ. Всѣ—хозяйка, Никитишна, Анна—бросились сдувать, стряхивать искры, пепелъ... Прожжена совершенно новая скатерть.

Слѣдуетъ шумъ, крики, и новая бѣлая скатерть снимается и замѣняется старой цвѣтной. Являются дѣти, два мальчика и дѣвочка, пухлые, на толстыхъ ногахъ. Дѣвочка всхлипываетъ: ее ущипнулъ и отнялъ кусокъ булки Васенька, который сидитъ и деревянной ложкой уписываетъ вишневое варенье, крупныя ягоды котораго валятся на свѣжую скатерть. Скоро онъ, впрочемъ, получаетъ подзатыльникъ отъ матери, а дѣвочка берется подъ ея покровительство.

— Кушать хочешь?—спрашиваетъ мать.—Няня, вели принести пышекъ, да пусть семгу, икру захватятъ... Что-то кисленькаго захотѣлось!

И такъ весь день. Самоваръ не сходитъ со стола, закуски мѣняются, а если заѣдетъ гостья или зайдетъ матушка-попадья, то весь столъ заставляется яствами и графинчиками съ домашними настойками, и нѣтъ мѣста, куда поставить тарелку или чашку съ чаемъ.

— Отодвинь, няня, семгу, грибки туда къ блинчикамъ поставь!.. Да пускай горячихъ напекутъ,—ишь, энти остыли вовсе. Кушайте, кушайте, да наливочки отвѣдайте!

Кушаютъ и отвѣдываютъ до обѣда, до жирныхъ щей, до жирнаго гуся или индейки съ маринованными вишнями и огурчиками. Послѣ чего, часу этакъ въ третьемъ, сраженные всѣми

этими съѣстными и питейными продуктами, полубезсознательные, съ переполненными желудками, идутъ на покой.

До вечеренъ домъ словно вымираетъ, ибо все живущее, старое и малое, господа и слуги, покоятся непробуднымъ и тяжкимъ сномъ. Храпъ или сдавленный крикъ кошмара нарушаетъ тишину послѣобѣденнаго времени такого купеческаго дома.

Если въ лѣтнее время не спятъ дѣти, то они навѣрно въ саду, гдѣ ѣдятъ незрѣлыя яблоки, смородину или что-нибудь въ этомъ родѣ, но непремѣнно ѣдятъ!

Купеческій домъ, это—мѣсто непрерывнаго почти потребленія лучшихъ предметовъ московскаго рынка. Всего въ изобиліи — чаша полная; и дѣйствительно, ѣдятъ, пьютъ люди до одурѣнія и постоянно, ибо привыкли ихъ желудки быть полными или вовсе переполненными. Даже когда кто заболѣетъ, то лечатъ ѣдой, а не лекарствомъ. Можетъ быть, этотъ способъ и недурной, но все-таки оригинальный.

— У Сережи животикъ болитъ,—говоритъ мать экономкѣ,— такъ бульонцу ему пусть сдѣлаютъ, побольше чтобы мяса, надо покрѣпче бульонъ, а то не поможетъ... да чтобы яичекъ туда, да пирожковъ полегче, съ морковью, я думаю... Матушка вчерась говорила, что хорошо морковь отъ желудка помогаетъ!.. Котлетку ему тоже изъ курицы надо приготовить! Чтобы все было... да не говори „самому", что Сережа-то боленъ... еще за докторомъ пошлетъ!.. Не дай Богъ, голодать заставятъ малаго... Знаю я ихнее леченье, діету эту самую!..

— Хорошо, сейчасъ велю!—отвѣчаетъ няня.—Ермолай пришелъ, тоже жалуется, бокъ, говоритъ, колетъ, да и дыхать несвободно...

— Заложило, значитъ? знаю,—рѣшаетъ хозяйка и нѣсколько задумывается.—Вотъ что̀, Никитишна: отрѣжь ему кусокъ сырой ветчины съ жиромъ, непремѣнно съ жиромъ, да налей травяной настойки, которая въ плетеной бутыли...

— Знаю, знаю,—говоритъ няня, уходя исполнять врачебныя приказанія хозяйки. И дѣйствительно, охотно лечится прислуга, въ особенности когда выпить хочется.

Приходитъ дворникъ Данило и докладываетъ, что пошли по его тѣлу мурашки... такъ и бѣгаютъ, никакого слада нѣтъ...

— И ознобъ?—спрашиваетъ хозяйка.

— Точно,—отвѣчаетъ здоровенный мужичище,—какъ, значитъ, примѣрно по спинѣ побѣгутъ, такъ и ломаетъ...

— Знаю, знаю,—рѣшаетъ хозяйка.—Дайте ему водки съ

солью... а вотъ закусить что?.. кислаго надо... севрюга тамъ осталась въ уксусѣ... вотъ севрюгой закуси!..

— Слушаю, благодаримъ покорно, — отвѣчаетъ дворникъ и на ходу слышитъ: „Да огурчиковъ пару или двѣ соленыхъ ему отпустите!“

Вотъ каковы были впечатлѣнія первыхъ дѣтскихъ годовъ Сережи Ястребова въ тихомъ и сытномъ отцовскомъ домѣ, гдѣ цѣлыми днями ѣли, пили и даже лечились, перемѣняя и выдумывая ѣду.

Сытные годы дѣтства—и только!

II.

Сергѣй Семеновичъ Ястребовъ дома обыкновенно не бывалъ съ утра до ночи, кромѣ праздниковъ, да по вечерамъ буднихъ дней, когда у него въ домѣ бывали гости и играли въ карты.

Въ присутствіи хозяина порядокъ и тишина были примѣрные. Сергѣй Семеновичъ не выносилъ проявленія личности, его слово было законъ, противорѣчіе — преступленіе. Дѣти страшно боялись отца, который въ то же время былъ ихъ авторитетъ. „Папаша сказалъ“, „папаша велѣлъ“,—значитъ, это неизмѣнно. „Папаша умный“, „богатый“, „у папаши много, много денегъ“! „Надо походить на папашу“!..

Деньги для маленькихъ Ястребовыхъ представлялись и силой, и добродѣтелью. Можно все купить, можно дать денегъ, кто нуждается. Григорій былъ старшій, одиннадцатилѣтній мальчикъ, и уже имѣлъ небольшія деньги, которыя хранилъ и расходовалъ... Послѣ выигрыша въ карты отецъ надѣлялъ своего любимаго сына иногда порядочными деньгами. Зачѣмъ? чтобы къ нимъ пріучаться. Бывало, проигрываетъ и зоветъ: „Гриша! Григорій!“

— Что угодно, папаша?

— Есть у тебя деньги?—спрашиваетъ отецъ.

— Какъ же, папаша!.. безпремѣнно!..

Со всѣхъ ногъ стремится Гриша въ свою комнату, гдѣ отпираетъ шкатулку, вынимаетъ требуемую сумму и летитъ къ отцу.

— Извольте получить, папаша... двадцать-пять цѣлковыхъ!..

— Молодецъ! Получишь съ процентами! — говоритъ отецъ.

Партнеры, довольные, смѣются.

— Теперь обдуетъ насъ Сергѣй Семеновичъ... счастливыя деньги у него!.. — замѣчаетъ милліонеръ, по шерстяному дѣлу, Александровъ.

— Безпримѣнно обчекрыжитъ!.. Знаемъ мы Сергѣя Семеновича,—говоритъ богачъ и скупецъ Авгіевъ.

— И васъ тоже знаемъ! — отвѣчаетъ Ястребовъ, покрывая съ трескомъ короля противника козырнымъ тузомъ.

Одна изъ такихъ игръ, между прочимъ, рѣшила судьбу Гриши. Благодаря винту, онъ попалъ учиться въ гимназію. Дѣло въ томъ, что у одного изъ партнеровъ Ястребова жилъ студентъ, репетиторъ его сына, учившагося въ гимназіи. Этотъ студентъ, прекрасный винтёръ, понравился Ястребову, и онъ рѣшилъ отдать сына въ гимназію. „Въ университетъ, — думалъ Ястребовъ, — я его не пущу, а пусть въ гимназіи учится, — это не вредно!.. Правда, никто изъ нашей фамиліи не учился въ гимназіи, всѣ обучались въ коммерческихъ училищахъ, но Гришка пусть!.. Ходовой мальчишка... Коммерція отъ него не уйдетъ!“

Пришло время, сталъ ходить къ Гришѣ студентъ, который иногда по вечерамъ съ Ястребовымъ и его гостями игралъ въ карты и почти постоянно выигрывалъ. Въ такихъ случаяхъ ученикъ не отходилъ отъ учителя, слѣдилъ, соображалъ и скоро совершенно освоился съ игрой.

— Пошли бы съ дамы, еще была бы взятка!.. — замѣтилъ онъ своему наставнику.

— А вѣдь вѣрно, голубчикъ!.. — отвѣчалъ, подумавъ, учитель.

— Каковъ!—поглядѣлъ на сына отецъ.—Каковъ указатель?! Ай да малецъ!.. ты можешь и взаправду въ винтъ играть?

— Отчего же? — скромно отвѣчалъ Гриша:—могу, папаша!

Но отецъ, сдѣлавъ строгое лицо, прибавилъ:

— Еще малъ, чтобы съ нами въ компаніи, еще молоко на губахъ не высохло!.. понимаешь?

— Очень хорошо понимаю, папаша!..

Но въ скоромъ времени случилось такъ: пріѣхалъ, навѣрно, послѣ добраго обѣда, въ веселомъ расположеніи самъ Ястребовъ съ покупателемъ-купцомъ изъ провинціи. Стали пить чай. Разговоры какъ-то не клеились.

— Что̀ Гришка съ учителемъ? — спросилъ жену Ястребовъ.

— Занимаются у себя на верху.

— Зови чай пить!—приказалъ хозяинъ.

Ученикъ и учитель не замедлили явиться.

— Хотѣли въ Малый театръ сегодня...—разсказывалъ Сергѣй Семеновичъ,—билетовъ ни одного нѣтъ... Тронули въ Большой... тоже!.. А въ циркѣ вчера были!..

— Любопытная пьеса... — замѣтилъ студентъ. — Городской голова выведенъ...

— Ну?! нашъ голова?—воскликнулъ хозяинъ.

— Говорятъ; я тоже билета не досталъ...

— Любопытно будетъ поглядѣть!.. Про кого теперь не пишутъ, подумаешь... и какъ начальство позволяетъ!? Уважаемаго человѣка и на показъ актеръ изображаетъ. Нѣтъ, не дѣло, не дѣло, говорю!

Ему не возражали. Хозяйка зѣвнула, широко разинувъ ротъ, который быстро и испуганно перекрестила.

— Въ винтъ бы до закуски не мѣшало? — предложилъ хозяинъ, —да четвертаго нѣтъ...

— Недурно бы повинтить, — замѣтилъ гость. — Мы въ Костромѣ каждый день этимъ занимаемся... Скромная игра... и умственная...

— Развѣ вотъ что̀...—заговорилъ Ястребовъ и остановился, глядя на Гришу. — Видишь мальца моего, — обратился онъ къ гостю. —Дошлый... винтъ понимаетъ!..

— Вотъ и отлично!—обрадовался гость.

— Слышишь, Григорій?.. Можешь, чтобы серьезно?!

Глазенки засверкали у Гриши, и онъ отвѣчалъ:

— Помилуйте, папаша!

— Деньги есть у тебя?

— Какъ же, папаша!

— Ну, прощайся, братъ, съ ними!—засмѣялся отецъ.

Однако, хозяйка взволновалась.

— Статочное ли дѣло, что̀ выдумали!? грѣхъ какой! Развѣ хорошо дитя въ карты съ этакихъ лѣтъ пріучать?.. Господи!..

— Ну,—нахмуривъ брови, отвѣчалъ Сергѣй Семеновичъ,— не съ кѣмъ другимъ, а съ отцомъ играть будетъ!.. Что̀ говоришь?.. Лучше позаботься о хорошей закускѣ и чтобы пару бутылокъ заморозили!..

Приготовили столъ, и черезъ пять минутъ четыре партнера сидѣли по сторонамъ, серьезные, рѣшительные передъ предстоящей битвой. Учитель съ ученикомъ составляли одинъ лагерь, противниками котораго были хозяинъ и гость.

— Посмотримъ, — говорилъ, сдавая карты, хозяинъ. — Посмотримъ, господа ученые люди!..

Гриша сидѣлъ, бросалъ карты, сдавалъ и говорилъ крайне важно, до комизма. Онъ не замѣчалъ ничего кругомъ, совершенно увлекшись игрой. Другія дѣти, прислуга съ удивленіемъ, а нѣкоторые со смѣхомъ, смотрѣли на маленькаго человѣка, игравшаго съ большими и на большія деньги.

Въ столовой было большое оживленіе. Звякали тарелки, стучали ножи и вилки. Прислуга смѣялась, перешептываясь. Хозяйка и няня вздыхали и качали головами. Въ игорной было тихо, ни шума, ни спора. Спокойно и отчетливо доносилось: „три пики!“ — „пассъ!“ — „шесть бубны!“

Голосъ Гриши измѣнился. Странныя, низкія ноты слышались въ немъ, когда, не поднимая отъ картъ своихъ глазъ, онъ говорилъ:—Двѣ черви!.. пассъ!.. четыре черви!

Игра затянулась. Гриша и учитель были въ порядочномъ выигрышѣ и получили его наличными деньгами.

Съ того самаго вечера Гриша возвысился въ глазахъ всѣхъ домашнихъ, и когда недоставало четвертаго партнера, то Гришу звали, и онъ игралъ хорошо и разсчетливо.

III.

Я не буду разсказывать о первыхъ годахъ Гришина ученія въ гимназіи. Особенныхъ способностей и любознательности онъ не оказалъ, но, благодаря смѣткѣ, практическая сторона жизни ему была знакома лучше товарищей, а вѣра въ деньги была крѣпкая, безусловная.

Онъ тѣсно познакомился и подружился съ нѣкоторыми одноклассниками изъ богатыхъ. Одинъ, Масловъ, былъ сынъ умершаго купца-фабриканта, другой, Лавровъ—изъ дворянъ-землевладѣльцевъ, и третій, Подполичъ—что-то въ родѣ послѣдняго, хотя въ своей фамиліи ни графовъ, ни князей не насчитывалъ.

Мало-по-малу этотъ небольшой кружокъ сталъ извѣстенъ въ гимназіи подъ именемъ „консерваторовъ“. Компанія держала себя нѣсколько свысока, кромѣ Ястребова, вслѣдствіе, такъ сказать, его коммерческаго и демократическаго характера. „Деньги,— говорилъ онъ,—это вещь первая и самая уважаемая, а онѣ водятся у всякаго сословія и даже у крестьянина... Я уважаю человѣка, который умѣетъ наживать деньги!.. А что мнѣ князь, если онъ нищій, да еще глупый... плевать я хочу!“

Друзья снисходительно улыбались, ибо и они почитали деньги,— разумѣется, не маленькія, а капиталы. Еще бы не относиться снисходительно къ Ястребову, у котораго всегда были деньги, и своимъ друзьямъ онъ никогда не отказывалъ.

Пока Ястребовъ учился въ послѣднихъ классахъ гимназіи, онъ проходилъ и школу жизни. Отецъ относился къ нему почти какъ къ взрослому: бралъ его съ собою въ рестораны обѣдать,

возилъ даже за городъ къ цыганкамъ. Скоро Григорій научился выразительно, съ придыханіемъ, пѣть цыганскіе романсы и смотрѣть на жизнь проще, то-есть, совсѣмъ узко, матеріально.

Съ ресторанной средой онъ познакомилъ своихъ друзей, которые удивлялись Григорію, какъ просто и рѣшительно онъ тамъ распоряжался, и тому, какъ его уважали по отцу и личному характеру, веселому и откровенному.

На первый взглядъ вообще Ястребовъ былъ рубаха-человѣкъ, простодушный, откровенный и удалой. Соображеніе у него было быстрое, а хитрость—прирожденное качество Ястребовыхъ—давала ему возможность играть первую роль среди друзей.

Однако онъ не такъ былъ простъ, какъ это казалось, и вовсе не искрененъ,—напротивъ, молодой человѣкъ былъ истинный карьеристъ, хотя оригинальный и чисто московскій. Этотъ разухабистый „добрый молодецъ“ въ былые годы непремѣнно былъ бы виднымъ ушкуйникомъ и добытчикомъ капиталовъ прямымъ, почти разбойнымъ путемъ. Но теперь времена были иныя, культурныя, а потому и пріемы требовались подходящіе, современные.

Въ то время, къ которому относится мой разсказъ, въ торговомъ московскомъ мірѣ занималъ первое мѣсто хлопокъ. Сергѣй Семеновичъ Ястребовъ, въ сущности человѣкъ безъ особенныхъ капиталовъ, хорошо кормился около хлопка. Григорій зналъ это, и когда отецъ заявилъ ему, что не допуститъ сына поступить въ университетъ, откуда выходятъ „крамольники“, сынъ отвѣтилъ:—Хорошо, папаша, тогда дайте мнѣ возможность изучить хлопковое дѣло... отправьте меня въ Ташкентъ.

Отецъ-Ястребовъ былъ не только доволенъ, но не утерпѣлъ, чтобы не похвалить первенца, сказавъ, что совсѣмъ въ него пошелъ сынокъ.

— Американецъ ты у меня... настоящій американецъ!.. Деньги-то есть ли на расходы? — прибавилъ Ястребовъ.

— Немного, папаша!..

— Ну, надо помочь... держи вотъ!..

Довольный Григорій опустилъ въ свой карманъ „сотенную“ бумажку и поѣхалъ къ товарищамъ, у которыхъ въ послѣднія времена дѣла были плохи, ибо сплоховали ихъ родители. Лаврову изъ деревни писали, что нѣтъ урожаевъ, а Маслова матушка и опекунша отдала капиталы въ „очень выгодное дѣло“, которое стояло наканунѣ краха.

О Подполичѣ и говорить нечего. Мало-по-малу онъ оказался форменнымъ прохвостомъ, но, благодаря лести и всякому лицемѣрію, продолжалъ держаться въ кругу товарищей, которые тер-

пѣли его великодушно. Въ университетъ послѣдній тоже не поступилъ и проживалъ въ арендованномъ отцомъ, маклакомъ по спеціальности, имѣніи, откуда нерѣдко пріѣзжалъ въ Москву.

Масловъ и Лавровъ были студентами. „Консерваторами", какъ ихъ звали въ гимназіи, они не были, считая, можетъ быть, себя теоретическими членами такой партіи. Ни въ какую политику внутреннюю они не вмѣшивались, ни съ какими представителями партій не сходились, держась въ сторонѣ и заводя знакомство осторожно съ подобными себѣ. Ихъ занимала больше казовая, столичная жизнь. Хорошій извозчикъ, ресторанъ, вкусные обѣды и ужины и театръ съ новой пьесой, когда они важно сидѣли въ первыхъ рядахъ,—вотъ былъ ихъ жанръ, солидный и недешево стоющій.

Въ другое время ихъ, этихъ друзей, кромѣ, впрочемъ, Ястребова, занимала внѣшняя политика, и они совершенно спокойно и корректно обсуждали дѣла европейскихъ кабинетовъ, парламентовъ и короны.

— Ну, политики,—влетѣлъ Ястребовъ къ Лаврову, гдѣ былъ и Масловъ,—собирайтесь!.. Идемъ обѣдать, а потомъ за городъ!..

— Что, разбогатѣлъ?..—спросили друзья, у которыхъ, какъ говорится, „ни копья" не было.

— Папаша выручилъ, да еще „американцемъ" назвалъ!.. Слышите?.. Вы—европейцы, а я—„американецъ". А вотъ и билетъ, на который мы тряхнемъ стариной.—Онъ показалъ имъ сторублевую бумажку и прибавилъ:—Скорѣича, старикашки!

Всѣ были въ хорошемъ расположеніи духа и, одѣваясь, говорили:—Въ самомъ дѣлѣ, Григорій, ты американецъ!.. Сидѣли мы тутъ въ робкомъ уныніи... и вдругъ... молодецъ!.. Какъ это такъ, во-время? въ самую точку!...

Ястребовъ волновался и кипѣлъ. Онъ то затягивалъ цыганскій романсъ, то подпрыгивалъ, однимъ словомъ, велъ себя развязно, „по-американски", какъ онъ, вѣроятно, думалъ.

Я забылъ прибавить, что Григорій Ястребовъ, теперь уже двадцати-лѣтній молодой человѣкъ, далеко не напоминалъ того дѣлового, покорнаго мальчика, котораго мы оставили играющаго съ отцомъ въ винтъ. О, нѣтъ! Это былъ необыкновенно шустрый, хотя и толстый человѣкъ. Папашины жирные и сытные харчи скомпактовали жирную и плотную фигуру Григорія Ястребова, представлявшаго собой типичнаго купчика, у котораго деньги есть и которому все трынъ-трава.

Григорій умѣлъ тратить деньги, умѣлъ заказать manger et boire и время провести. Въ Москвѣ любятъ и уважаютъ такихъ

людей, которые весело и шумно проживаютъ деньги. Кромѣ того, молодой Ястребовъ такъ проживалъ и столько вносилъ въ кутежи жизни и подъема чувствъ, что казалось—истрачено много сотенъ, а на повѣрку—одна лишь съ четвертной. И были всѣ довольны до самаго послѣдняго швейцара, которому, какъ и остальнымъ „человѣкамъ“, Ястребовъ умѣлъ дать „на чай“, не забывая снабдить даваемое лаской и привѣтомъ.

Григорій Сергѣевичъ былъ желаннымъ гостемъ не только въ ресторанахъ, а вообще въ домахъ не-аристократическаго характера, гдѣ шумное безпредметное веселье, вслѣдствіе общаго россійскаго унынія, встрѣчалось съ удовольствіемъ. Толстый молодой человѣкъ умѣлъ отвлечь, поднять настроеніе, и потому былъ желаннымъ и пріятнымъ гостемъ. Онъ нравился дамамъ, которымъ умѣлъ намекнуть, что хотя онъ веселъ, но тамъ, далеко, его сердце грызетъ тоска и точитъ печаль.

Это было интересно дамамъ, которыя, впрочемъ, цѣнили его полупрезрительное отношеніе къ деньгамъ.

— Что̀ деньги?—говорилъ имъ толстякъ.—Деньги дѣло наживное, а сердце, душа—это важнѣе милліона!

Однимъ словомъ, толстякъ былъ тонокъ въ умѣньи, ка̀къ поставить себя въ той или другой средѣ.

— Ну, „американецъ“, заказывай обѣдъ! — предоставили Григорію его друзья.

Опытность въ этомъ дѣлѣ сказалась на этотъ разъ такая, что даже „человѣки“ увлеклись, повторяя:—Будетъ сдѣлано, не безпокойтесь, Григорій Сергѣевичъ!

— Да не забудь, Дмитрій, скажи повару, чтобы въ мѣру и уксусу, и сметаны.

— Будьте покойны! А закусить что̀ прикажете?

И закуска была продиктована оригинальная.

Весело и пріятно было слушать веселаго гастронома со здоровымъ желудкомъ.

— Когда же, Григорій, въ Америку думаешь?—шутили любовно друзья.

Ястребовъ на минуту задумался. На мигъ потемнѣли его каріе глаза.

— А что-жъ?..—быстро и смѣло проговорилъ онъ:—и въ Америку поѣдемъ!.. Вотъ сначала Азію посмотримъ. Что̀ вы думаете, кисляи!.. Ахъ, чортъ возьми, забылъ... Надо повару сказать... сейчасъ сбѣгаю въ кухню!..

Загремѣлъ стулъ, и Ястребовъ живо, какъ шаръ, выкатился изъ отдѣльнаго кабинета.

— А что ты думаешь...—обратился Масловъ къ Лаврову:— съ него станется въ Америку поѣхать?

— И поѣдетъ,—отвѣчалъ послѣдній.

— Ловкій малый,—сказалъ Масловъ.

— И рѣшительный!..—прибавилъ Лавровъ.

IV.

Прошло два года. Ястребовъ уѣхалъ въ Туркестанскую область, на мѣсто производства хлопка. Масловъ умеръ. Передъ смертью онъ злоупотреблялъ спиртными напитками, вообще ничѣмъ не интересовался, ни университетомъ, ни общественной жизнью. Молодой и неглупый человѣкъ пошелъ быстро на смарку. Говорили, что покойный отецъ Маслова страдалъ и умеръ отъ запоя.

Плохо себя сталъ чувствовать и Лавровъ. Преобладающею болѣзнью въ его родѣ была чахотка, отъ которой многіе близкіе, въ томъ числѣ и братъ, довольно быстро поумирали.

Вообще кружокъ товарищей разсѣивался при весьма мрачныхъ обстоятельствахъ.

Къ этому времени относится знакомство Лаврова съ довольно оригинальной личностью—Ивановымъ, съ которымъ раньше познакомился Ястребовъ гдѣ-то, не то въ театрѣ, не то въ ресторанѣ.

Въ годы студенчества Лаврова марксизмъ среди молодежи былъ моднымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ выдающимся ученіемъ. Земледѣльческій народъ былъ забытъ. Робочій и интеллигентъ шли во главѣ освободительнаго движенія. Русскій марксизмъ и матеріализмъ видѣлъ будущее Россіи въ развитіи центровъ и капиталистическаго производства, которое мы безусловно должны были пережить по западному образцу, чтобы потомъ стать лицомъ къ лицу въ борьбѣ труда съ капиталомъ.

Странно! сегодняшніе друзья—завтра должны стать врагами!

Огромная земледѣльческаи трудовая масса билась въ желѣзныхъ тискахъ наступавшаго экономическаго кризиса. По мнѣнію большей части интеллигенціи, тамъ были мракъ и невѣжество и земельный животный консерватизмъ.

— Дайте мужику клочокъ земли, и онъ будетъ счастливъ!.. Всякая свобода личности у него связана съ землей. Надо идти впередъ, надо встряхнуть и мужика!

Такъ говорили въ то время.

— Всякій пропойца босякъ ближе къ прогрессу и сознательнѣе мужика,—прибавляли другіе.

Еще и еще... Появились писатели, не особенно талантливые, пошли въ походъ на мужика и имѣли успѣхъ.

Лавровъ, считавшій себя европейцемъ, потому вѣроятно, что его дѣды и отцы прожили огромныя деньги въ Парижѣ, сочувствовалъ ученію марксистовъ, еслибы оно не было такъ революціонно, хотя въ Лавровѣ таилось и нѣчто теплое по отношенію мужика. Это чувство было несознательное, что-то далекое и тѣмъ не менѣе близкое, свѣтлая страница дѣтства и даже юности.

„Хорошо, еслибы Парижъ былъ въ Россіи, а Ницца на берегу Чернаго моря, а внутри и около—фабрики и заводы; производство и обмѣнъ, торговля и деньги“... При послѣдней мысли Лавровъ вспоминалъ Ястребова и думалъ: „А онъ марксистъ!“ Думалъ и смѣялся надъ этой думой.

„Да, золотое время развитія центровъ и крупной промышленности!.. Хорошо!.. Золото такъ и льется въ Государственную Кассу или банкъ. Хорошо! Но мужикъ что̀ же дѣлаетъ въ это время? Попрежнему ковыряетъ сохой свою узкую до смѣшного, выпаханную полосу, и попрежнему его Савраска съ вытянутой шеей и впалыми боками тянетъ и тянетъ допотопный инструментъ“...

Сердце Лаврова дрогнуло, и ему стало жаль мужика, того, далекаго, добродушнаго, который, совершая въ сущности земельное геройство, говорилъ: „ничего!“

„Дѣйствительно хорошо, еслибы Парижъ въ Россіи, но куда тогда дѣнется деревня?“

Такія мысли и воспоминанія о мужикахъ чаще и чаще приходили въ голову Лаврова,—особенно тогда, когда онъ встрѣчался съ Ивановымъ, съ которымъ ему было хорошо и оригинально. Ивановъ былъ страстный народникъ, поклонникъ Достоевскаго и Некрасова, видѣвшій и будущее, и обновленіе Россіи только въ мужикѣ, въ свободномъ совершенно земледѣльцѣ.

— Кто сотворилъ великое русское государство? кто? Мужикъ. А что̀ онъ за сіе получилъ? Знаете сами. Чѣмъ онъ живетъ? терпѣніемъ и трудомъ, да еще какимъ трудомъ! упорнымъ, сложнымъ, который порой, по капризу природы, обращается въ ничто, безъ всякаго результата, что̀ называется неурожаемъ. Мужикъ производитъ хлѣбъ, зерно, которые рѣшительно нужны *для всѣхъ* безъ исключенія, для человѣка и полезныхъ животныхъ... Укажите мнѣ такую фабрику, которая производила бы подобный безусловно нужный для всѣхъ предметъ?! Нѣтъ, не укажете, не усиливайтесь думать... напрасно!.. Мы забыли о мужикѣ, возло-

живъ на него огромный трудъ и гигантское терпѣніе, и думаемъ, что онъ добродушный рабъ... Какая преступная, удивительная ошибка!.. Вы не предполагаете, что въ мужикѣ зрѣетъ протестъ, протестъ сознательный и въ то же время стихійный. Наступитъ часъ, когда одновременно архангельскій и таврическій мужикъ закричитъ и потребуетъ свободной земли!..

— Ну, что-жъ?—спрашиваетъ Лавровъ.

— Какъ что-жъ?..—кричитъ Ивановъ. — Мы приготовились къ этому или приготовляемся.

— То-есть, какъ это?

— Такъ! Понимаемъ ли мы всю мудрость и сложность такой задачи? знакомы ли съ міровоззрѣніемъ мужика, или думаемъ, что онъ рабъ?

— Я не понимаю васъ...

— Если онъ рабъ, то тогда мы, культурные европейцы, должны будемъ усмирить, уничтожить его. А если въ немъ стихійно или сознательно появилась объединяющая мысль, которой мы не знаемъ... тогда что?

— Какъ не знаемъ?—возражалъ Лавровъ. — Да вы первый прекрасно знаете народъ, и я не понимаю, отчего вы не пишете и не помѣщаете вашихъ статей. То, что вы говорите, такъ интересно во всякомъ случаѣ...

Ивановъ горько усмѣхнулся.

— Развѣ можно одному человѣку знать, что дѣлается у насъ съ русскимъ народомъ, и по какому пути идетъ и развивается его мысль?.. Вѣдь это такое огромное тѣло, на которомъ столько слѣдовъ пережитого, историческаго, и геройскаго, и рабовладѣльческаго періода, что, право, руками разведешь, а вы говорите, что такъ просто и немудрено знать народъ. Я знаю только, что народъ—организмъ измученный, но здоровый, который хочетъ жить самъ по себѣ... Имѣетъ ли онъ на это право?

— Конечно имѣетъ,—отвѣчалъ Лавровъ.

— Въ этомъ-то и дѣло... Тогда посмотримъ... русская исторія только еще начинается.

Собесѣдники замолчали на нѣкоторое время.

— Знаете, я отъ Ястребова получилъ письмо,—сказалъ Лавровъ:—скоро онъ будетъ въ Москвѣ.

— Что такъ?

— Поссорился со своимъ патрономъ и пишетъ мнѣ, что изъ Москвы думаетъ ѣхать въ Америку...

— Зачѣмъ?

— Не знаю. Объ этомъ въ письмѣ ни строчки.

— И поѣдетъ, и пріѣдетъ назадъ, — отвѣчалъ Ивановъ, — и деньги наживетъ!

— Гдѣ? въ Америкѣ?

— Нѣтъ, въ Москвѣ.

— А я думаю, что ни въ какую Америку онъ не поѣдетъ... да и отецъ не пуститъ... Дѣло ему всегда въ Москвѣ найдется...

— Ястребовъ — натура не такая, — проговорилъ Ивановъ: — во-первыхъ, самолюбивъ, любитъ деньги и вслѣдствіе этой любви смѣлъ. Знаете, что влюбленные рѣдко передъ чѣмъ останавливаются!..

— Я не думаю, чтобы Григорій ужъ такъ любилъ деньги... Правда, онъ любитъ и умѣетъ ихъ тратить и проживать...

— А наживать, можетъ быть, еще интереснѣе... процессъ весьма завлекательный! Въ этомъ случаѣ Америка можетъ поучить и дать ему необходимую выдержку...

— Но, тѣмъ не менѣе, изъ русскаго американцемъ не сдѣлается... у Григорія все-таки душа, натура!..

— Поживемъ, увидимъ... Ястребовъ — любопытный, чисто московскій типъ, предпріимчивый.

V.

Пріѣхалъ Григорій Ястребовъ въ Москву. Онъ сильно измѣнился, похудѣлъ и загорѣлъ; его борода округлилась, придавая ему солидность. Характеръ и пріемы попрежнему были живые, но какое-то непонятное безпокойство проглядывало въ немъ по временамъ. Съ отцомъ онъ, по пріѣздѣ, пребывалъ въ хорошихъ отношеніяхъ, которыя, какъ увидимъ, послѣ рѣзко измѣнились.

— Что-жъ, — говорилъ пріѣхавшій Лаврову, — надо будетъ поминки справить по Масловѣ... Рѣдѣетъ наше товарищество... А гдѣ Подполичъ?!..

— Онъ у меня въ имѣніи хозяйничаетъ, — отвѣчалъ Лавровъ: — съ отцомъ у него что-то вышло... не знаю, право!.. Ну, разсказывай про востокъ! Хорошо пожилъ? много нажилъ?..

Ястребовъ усмѣхнулся.

— Нажили, братъ, другіе, у кого капиталы, а я смотрѣлъ, какъ обдирали сартовъ... Ну, и народъ!.. больно довѣрчивый... Если его съ собой посадить, да разъ-другой хорошо угостить — бери тогда голыми руками!..

— Какъ хлопковое дѣло?

— Что̀ хлопковое дѣло! — повторилъ Ястребовъ, задумываясь.—Какая тамъ природа! какое яркое солнце! Декорація, да и только!.. Я и въ Ферганской области, и въ Бухарѣ былъ... Богатая страна, да не умѣютъ за нее взяться... Никто работать не хочетъ. Ты спросишь про хозяйство, культуру?.. Что̀ объ этомъ говорить!.. Что̀ дала природа сама, что̀ выросло, то и бери!.. Виноградъ роскошный, фрукты замѣчательные, вино мѣстное—прелесть!.. Всего пропасть, все дешево, почти даромъ. Такихъ дынь, какія я тамъ ѣлъ, не думалъ, что могутъ быть... Сахаръ и ароматъ!..

— И вино, говоришь, хорошее?—перебилъ Лавровъ.—Что же не привезъ бутылочку-другую?

— Какъ же, захватилъ бѣлаго, захватилъ порядочно!.. Но знаешь меня?—сошелся въ дорогѣ съ теплой компаніей... дорога дальняя... ну!..

— Понимаю! Что̀ же теперь въ Москвѣ будешь? назадъ не думаешь обратно?

— Не знаю...—задумчиво отвѣчалъ Григорій.—Вотъ еслибы компаньона, человѣка съ капиталами найти,—такое золотое дѣло можно устроить!.. Остался бы тамъ жить совсѣмъ!.. Утопалъ бы въ коврахъ... сартянку завелъ бы!.. И житье же... Всего въ волю!..

— Отчего же фрукты и вина сюда не доставляютъ? ты очень хвалишь!..

— А провозъ? а дорога?—вскричалъ Ястребовъ.—Ты не знаешь нашихъ желѣзнодорожныхъ тарифовъ: это... это грабежъ!.. Дороги наши для чего строятся? Ты думаешь, для торговли, для промышленности? Держи карманъ шире!.. Для тарифовъ и для стратегіи! И еще для кого?—для важныхъ и вліятельныхъ подрядчиковъ!..

— Это еще что̀ такое?

— Не знаешь... а я съ такимъ подрядчикомъ завтракалъ... У него въ секретаряхъ служитъ генералъ въ отставкѣ, тайный совѣтникъ... понимаешь, какая штука!.. Подрядчикъ только и говоритъ о живописи да о театрѣ... въ Европѣ, въ Америкѣ долго жилъ!..

— Кстати, какъ же Америка?

— Надо ѣхать; да отецъ противъ этого. Въ деньгахъ отказалъ, да еще намекаетъ и въ будущемъ лишить своего покровительства!.. Что̀ отецъ!.. Конечно, уменъ, ловокъ, но по-московски!.. Въ другихъ-то мѣстахъ и папашу проведутъ. Ого! какой народъ! Я съ англичанами познакомился. Вотъ поди, до-

берись до нихъ, узнай ихъ мысли!.. Нѣтъ, братъ, шалишь — не люди, а каменныя маски... да-съ!..

Григорій задумался и, стукнувъ кулакомъ по столу, съ силой воскликнулъ:

— Въ Америку нашему брату надо, въ Россіи безъ капитала ничего нельзя сдѣлать... Не пустятъ, братъ, капиталисты, на ноги стать не дадутъ, хотя поятъ и угощаютъ до чортиковъ!.. Его свиную кожу не прошибешь такъ-то, поди-ка!..

— Чѣмъ же тебѣ Америка поможетъ?..

— Не знаю, чѣмъ... а увѣренъ, что поможетъ!—весело сказалъ Ястребовъ и запѣлъ отчаянный цыганскій романсъ.

— Однако, Григорій, ты сталъ нервнымъ, — замѣтилъ Лавровъ.—Прежде этого за тобой не водилось!..

— Развѣ?.. — молвилъ „американецъ“ и, помолчавъ, прибавилъ:—Что ты не женишься, братъ?..

— Ха! ха! Это еще что̀ такое?.. Вотъ не ожидалъ!.. Ужъ не влюбленъ ли ты, милый мой?.. Тогда женись самъ.

Григорій сдѣлалъ мечтательное лицо и таинственно засвисталъ.

— Навѣрно влюбился, толстякъ?

Ястребовъ продолжалъ свистать, несомнѣнно о чемъ-то мечтая.

— Иванова не видѣлъ? Онъ тобой очень интересуется,— спросилъ Лавровъ.

— Этого чудака-то?—засмѣялся Григорій.

— Знаешь, что̀ онъ про тебя сказалъ? что ты марксистъ!.. Ловко?

— Дуракъ онъ и больше ничего!.. — вдругъ разсердился „американецъ“. — Что̀ онъ понимаетъ?.. Я люблю русскій народъ, потому что онъ добродушный, хорошій народъ!.. Марксисты— это какіе-то иностранцы!..

— По духу, по характеру... Говорилъ, что ты предпріимчивый человѣкъ!..

— Ну, что-жъ? — сурово отвѣчалъ Григорій.—А онъ непредпріимчивый... Когда надо, трехъ рублей не можетъ достать... Тоже говоритъ!..

— Что̀ ты сердишься?..—удивился Лавровъ.—Вѣдь это, наконецъ, твой знакомый!

— Мало ли у меня знакомыхъ... цѣлая Москва знакома!.. Не люблю я фантазеровъ!.. Мнѣ дѣло подай, а не разговоры хорошіе, — на разговорахъ далеко не уѣдешь и денегъ не наживешь!..

— Ну, братъ, все деньги да деньги!..

— Я не говорю—однѣ деньги... а что̀ мы съ тобой были бы безъ нихъ?! тоже, братъ, подумать надо!.. всякій купчишка черезъ голову будетъ смотрѣть!.. Деньги? ты не понимаешь меня... Эхъ, какія ночи на востокѣ!.. жгучія, съ истомой, съ яркими звѣздами. Тишина... Бывало, выйдешь изъ палатки въ садъ, да такъ и замрешь! Музыки, пѣсенъ хочется, женщинъ!..

— Ловко. Вотъ это я понимаю!.. Поэзія!..

— А что̀ вы сидите въ Москвѣ?.. Одно и тоже, одно и тоже! И кутить, и выпивать надоѣстъ... скучно!.. Хорошо путешествовать, вездѣ побывать!..

— Мнѣ совѣтуютъ доктора ѣхать лечиться заграницу!..

— Лечиться... лучше въ Россіи!.. Въ степяхъ кумысъ пить... жить въ кисловодскихъ горахъ... Поѣдемъ въ Кисловодскъ?.. Хорошая компанія собирается...

— Нѣтъ, благодарю. А ты развѣ думаешь ѣхать туда?

— Мнѣ по дѣлу надо въ Ростовъ, а оттуда совсѣмъ близко.

— Желаю успѣха,—улыбнулся Лавровъ.

— Въ чемъ?

— Въ дѣлахъ, конечно... во всякихъ!..

— А все-таки Иванова надо повидать!.. Съ нимъ время интересно провести. Поѣдемъ къ нему сейчасъ, а потомъ ужинать!..

— Я, Григорій, теперь рано ложусь спать!..

— Ну, для друга-то можно, для первой встрѣчи послѣ столькаго времени... Поѣдемъ!..

Поѣхали. Ивановъ былъ очень занятъ, но обѣщалъ придти въ указанный ресторанъ—и не пришелъ.

— Ишь, обманулъ, — говорилъ Ястребовъ. —А ты все киснешь!.. Поѣдемъ за городъ, что-ли!.. вспомнимъ старину!..

За городомъ дѣйствительно было оживленно. Цыганки искренно обрадовались Ястребову, который вошелъ въ свою колею, и пошло разливанное море и пѣсни. На зарѣ возвращались пріятели домой. Ястребовъ ѣхалъ ночевать къ Лаврову.

— Я къ тебѣ, братъ,—домой неловко, не хочется... Нѣтъ, папаша!.. напрасно стращаешь... твой Григорій не изъ трусливыхъ... въ Америку поѣдетъ... да-съ, поѣдетъ!..

Это было пьяное бормотанье, котораго не слыхалъ Лавровъ, раскачивавшійся въ полуснѣ на извозчичьей пролеткѣ.

Черезъ нѣсколько дней Ястребовъ уѣхалъ изъ Москвы, которую вскорѣ покинулъ и Лавровъ. Весна была въ разгарѣ. Изъ каменнаго города тянула вонъ какая-то неодолимая сила. Наступило время, когда природа брала верхъ надъ городскимъ человѣкомъ, у котораго въ глубинѣ сердца просыпалось что-то

радостное, которое было не что иное, какъ желаніе простой законной жизни среди вольнаго простора непосредственности. Летѣли поѣзда на западъ и югъ. Первые—на чужбину, вторые—въ родные края. Въ окнахъ вагоновъ были видны дѣтскія лица, на которыя всякій смотрѣлъ съ удовольствіемъ, въ особенности теперь, когда изъ города, гдѣ воздухъ на половину смѣшанъ съ дымомъ фабричныхъ и жилыхъ трубъ, гдѣ нѣтъ цвѣтовъ и зелени, вы, маленькіе люди, ѣдете на волю и будете легко дышать и хорошо себя чувствовать.

Рѣзвитесь, дѣти, запасайтесь въ природѣ силами, которыя вамъ понадобятся въ будущемъ, и какъ еще понадобятся! Дышите крѣпче—пусть ширится грудь, двигайтесь—пусть крѣпнутъ и растутъ мускулы.

Да будетъ благословенъ вашъ жизненный путь!..

VI.

Осень въ тотъ годъ наступила скоро. Холодный, мелкій дождь моросилъ, не переставая. Москвичи совсѣмъ забыли солнце и ясные, свѣтлые дни. Правда, объ этомъ мало горевали: дурная погода не мѣшала ни дѣламъ, ни удовольствіямъ, — напротивъ, не отвлекала ни отъ того, ни отъ другого.

Обычный сезонъ начинался.

Прибывшій изъ деревни Лавровъ собирался въ южную Германію, въ одинъ изъ зимнихъ курортовъ. Григорій Ястребовъ, недавно вернувшійся изъ Кисловодска, гдѣ-то таинственно пропадалъ. Его нельзя было застать дома; онъ рѣдко показывался у Лаврова, и то на какихъ-нибудь полчаса.

Проводилъ онъ время и даже ночевалъ у Иванова, съ которымъ у нихъ завязались близкія и дружескія отношенія. Какъ выяснилось послѣ, никто такъ просто и искренно не отнесся къ путешествію Григорія въ Америку, какъ Ивановъ, который говорилъ: „Хорошо вы дѣлаете, очень хорошо!.. Надо переломить вашу жизнь и привычки, а Новый Свѣтъ это сдѣлаетъ!.. Знаете, и это хорошо, что отецъ денегъ не даетъ!.. Превосходно!.. Вы—способный, молодой, своими трудами проживете. Въ Америкѣ всякій трудъ уважается, потому тамъ, какъ у насъ, рабства, крѣпостного права—не было... Я завидую вамъ... вотъ только насчетъ языка плохо... съ этой стороны вамъ трудно будетъ“.

— Я немного французскій, нѣмецкій знаю... могу объясняться!..

— Это, конечно, хорошо, даже очень хорошо, — ободрялъ Ивановъ,—но лучше бы вмѣсто нихъ знать англійскій. .

— Я подучаюсь, — говорилъ Григорій:—нѣсколько уроковъ взялъ... вотъ у меня!—и онъ показывалъ, вытаскивая изъ кармана, новѣйшій самоучитель англійскаго языка.

— Это хорошо! Посмотрите,—продолжалъ Ивановъ,—какъ люди тамъ живутъ, какъ устроились... Вѣдь не дешево стоила американцамъ ихъ культура!.. Эмигранты, изгнанники сколько энергіи, труда и горя положили на новыхъ заокеанскихъ земляхъ! Право, завидую вамъ! Вы молоды и сильны.

Григорій потому и привязался, и посѣщалъ почти ежедневно Иванова, что послѣдній былъ въ сущности единственнымъ человѣкомъ, видѣвшимъ въ его путешествіи не только полезное, но нужное и хорошее дѣло. Другіе, отецъ и близкіе—тѣ были положительно противъ поѣздки, какъ глупой и безцѣльной. Отецъ отказалъ въ деньгахъ, предлагая Григорію выгодное сравнительно занятіе по шерстяному дѣлу, уговаривалъ, если этого не хочетъ, остаться при себѣ. Но Григорій всѣмъ этимъ пренебрегъ, чѣмъ и вооружилъ противъ себя даже меньшого брата, который, имѣя небольшія деньги, отказалъ дать взаймы.

— Ладно!.. Еще папаша узнаетъ... Не дамъ, братъ!..

— А на кутежъ, на „Стрѣльну", на цыганокъ далъ бы, ей Богу, далъ!—говорилъ Ястребовъ Иванову.

— Ну, охота вамъ объ этомъ тужить! Развѣ у васъ ужъ вовсе мало „грошей"?

— Нѣтъ, хватитъ доѣхать и на первое время, — отвѣчалъ Ястребовъ. — А все-таки не мѣшаетъ имѣть нѣкоторый запасецъ...

— Вотъ она, купеческая жилка!.. Не хотите или боитесь попробовать свои силы безъ всякаго, какъ вы говорите, запасца?.. Американцы начинаютъ ни съ чего; только благодаря смѣтливости и энергіи наживаютъ милліоны... Тамъ деньги крутятся, оборачиваются скоро... На пробу, на опыты бросаются милліоны!..

— Гдѣ мнѣ! Я не разбогатѣть въ Америку ѣду, а присмотрѣться,—понимаете?

— Понимаю, понимаю,—отвѣчалъ Ивановъ.—И это хорошо. Въ коммерческій, въ торговый міръ внесете, по пріѣздѣ, свѣжую, новую жилку...

— А вы думаете—прошибешь ихъ, нашихъ тузовъ?.. Ого!.. И толстокожи же, окаянные! Вѣдь до сихъ поръ на денежныхъ сундукахъ сидятъ, на вѣрное дѣло, если небольшой процентъ приноситъ, ни за что, изъ-за преданія, не пойдутъ!

— Я мало знаю купеческую среду, совсѣмъ почти незнакомъ!..

— Я-то выросъ въ ней!..—горячо прибавилъ Григорій.—Особенно трудно положеніе женщины!.. Скверное положеніе... безправное!.. Вотъ я въ Кисловодскѣ познакомился съ женой одного московскаго милліонера... Вотъ женщина!.. рѣдкая, одинъ характеръ, нѣжный, любящій, чего стоитъ!.. А вѣдь что? мученица!.. Не смотря на то, что еще свои капиталы не перевела на мужа: они вмѣстѣ съ материнскими... Можетъ еще кое-какъ дышать!.. Вотъ и въ Кисловодскъ лечиться ѣздила, все-таки отдохнула отъ семейныхъ узъ!..

Григорій помолчалъ, вздохнулъ и продолжалъ:

— Я ей совѣтовалъ держать деньги во что бы то ни стало за собой; ни за что не присоединять въ мужнино дѣло!.. Не рѣшается... „Какъ, говоритъ, дѣти наши, общія, надо для дѣтей это сдѣлать“... Что-жъ, говорю, половину отдайте, а другой держитесь... Правильно я говорю, вѣрно?

— Въ этомъ отношеніи я не компетентенъ,—отвѣчалъ Ивановъ, — какъ въ данномъ случаѣ, такъ и вообще по части капиталовъ.

— Ну, да,—говорилъ Григорій, — я не къ тому, а вообще жаль человѣка, жаль женщину!.. Еслибы вы знали ее, были бы съ ней знакомы...

— Можетъ быть, можетъ быть, — соглашался, улыбаясь, Ивановъ.

Но какъ бы то ни было, день отъѣзда Григорія Ястребова въ Америку наступилъ — и возврата не было. Знали всѣ, что Григорій Сергѣевичъ Ястребовъ ѣдетъ въ Америку, въ которой будетъ жить и работать; всѣ знали, что сынъ состоятельнаго купца, привыкшій кататься, какъ сыръ въ маслѣ, въ отцовскомъ домѣ, молодой человѣкъ, которому открыты жизнь и карьера, ѣдетъ въ невѣдомый край на нужду и работу. Это въ самомъ дѣлѣ было по меньшей мѣрѣ трогательно, а въ нѣкоторомъ смыслѣ даже героично! Несмотря на разныя препятствія, все-таки ѣдетъ, ѣдетъ, не обращая вниманія на приказъ отца остаться и бросить „глупую блажь“, несмотря на слезы слабой матери, на предостереженія друзей,—ѣдетъ!

Въ пасмурный, сырой вечеръ на дебаркадерѣ московско-брестской дороги собрались немногіе, чтобы проводить въ Новый Свѣтъ Григорія Ястребова. Были только Ивановъ и одинъ изъ его двоюродныхъ братьевъ. Эта скромная компанія скромно и провожала юнаго путешественника. Ни шампанскаго, ни ка-

кихъ-либо тостовъ произнесено не было. Говорили искренно, но и будто печально, подъема духа не было даже у всегда оживленнаго, приподнятаго Ястребова. Его взоръ не то потускнѣлъ отъ сборовъ, тревоги и усталости, или онъ въ минуту отъѣзда далеко въ чуждый край не подумалъ ли: „зачѣмъ въ самомъ дѣлѣ онъ ѣдетъ, на кой чортъ несетъ его за океанъ, въ страну умныхъ и холодныхъ янки?"

Ивановъ подбадривалъ настроеніе. Онъ улыбался, хвалилъ Григорія за мужество, а главное за энергію.

— Что бы тамъ ни было, Ястребовъ, но вы объ этомъ шагѣ не пожалѣете, никогда не пожалѣете, вѣрьте мнѣ!..

Хорошій человѣкъ крѣпко жалъ отъѣзжающему руку и влажными глазами смотрѣлъ на грустнаго Григорія. Поѣздъ тронулся тихо и неожиданно, и почти тотчасъ же скрылся въ туманѣ.

VII.

Около мѣсяца прошло времени съ отъѣзда Ястребова въ Америку, когда на имя Иванова пришло письмо отъ Григорія. Путешественникъ описывалъ дорогу, которую онъ выдержалъ всю въ третьемъ классѣ и на палубѣ парохода,—это входило въ его программу. Картинокъ и наблюденій не было въ первомъ письмѣ изъ-за океана,—было довольно ясно, что труденъ и непривыченъ для русскаго этотъ переѣздъ черезъ океанъ. Правда, мы—сухопутные, земляные люди.

Письмо оканчивалось довольно оригинально. Когда таможенный чиновникъ въ Нью-Іоркѣ отмѣчалъ паспорта и взялъ билетъ Ястребова, то рѣзко проговорилъ: „Купецъ!.. На что намъ купцы?.. намъ нужны рабочіе!"—и при этомъ по адресу московскихъ купцовъ произнесъ неблагопріятный эпитетъ.

„Чортъ возьми!—писалъ Ястребовъ:—Первый шагъ въ Новомъ Свѣтѣ—и нахлобучка за то, что принадлежу къ почтенному и почетному сословію. Рѣшилъ теперь называться рабочимъ, просто русскимъ крестьяниномъ — это будетъ, видимо, удобнѣе. Еще одно неудобство: скверно, что я толстъ, въ Америкѣ толстые на рѣдкость!.. Думаю, все-же какъ-нибудь обойдется... Нашелъ нѣсколькихъ русскихъ, которые обѣщались добыть мнѣ работы".

Послѣ этого письма извѣстій отъ Ястребова долго не было. Повидимому, онъ никому не писалъ. Родные и, навѣрно, въ томъ числѣ отецъ, не говоря о матери, стали безпокоиться о немъ и

справляться объ его адресѣ. Къ Иванову какъ-то пришелъ родной его братъ, Василій, разспрашивалъ о Григорьѣ и попросилъ его адресъ. Изъ разговора Ивановъ понялъ, что „американцу“ не прочь изъ дома выслать денегъ на обратную дорогу. Но вообще Григорія Ястребова мало-по-малу стали забывать, хотя ресторанная прислуга, когда Иванову случалось бывать въ знакомыхъ „кабачкахъ“, непремѣнно и притомъ почтительно спрашивала:—А что̀, не слыхать о Григорьѣ Сергѣевичѣ? не пишутъ? гдѣ они?

— Въ Америкѣ... работаетъ!—отвѣчалъ Ивановъ.

— По какому же дѣлу занятіе имѣютъ?

— Грузитъ на суда товары...

— Это значитъ какъ бы чернорабочимъ?—дивились „человѣки“.—Скажите, пожалуйста, дѣло какое!..

— Да, обыкновеннымъ рабочимъ, а теперь, кажется, поступилъ кельнеромъ при ресторанѣ... на такую же работу, какъ ваша!..

— Не можетъ быть!.. Григорій Сергѣевичъ... первый и самый лучшій гость и посѣтитель,—можно сказать, благородный господинъ—и на такой службѣ?! Что̀ вы? какъ можно!—говорили „человѣки“, удивляясь и вмѣстѣ съ тѣмъ радуясь, что вотъ какой человѣкъ на одномъ съ ними положеніи,—значитъ, они не только „человѣки“, а люди.

— А какъ же ихній папаша?—продолжали допытывать Иванова.—Вѣдь они богатые, солидные... какъ же такую обиду принимаютъ?

— Не могу вамъ сказать,—отвѣчалъ Ивановъ,—но я никакой обиды въ этомъ не вижу...

— Оно конечно,—говорили оффиціанты,—кому-нибудь надо подавать, служить, но все-таки будто неловко, когда Григорію Сергѣевичу закричать: „Эй, человѣкъ! кружку пива“. Еслибы, положимъ, я пришелъ и крикнулъ: „Давай рюмку водки!..“

— Что же такое?—говорилъ Ивановъ.—И крикнули бы, но только вѣжливо... Въ Америкѣ говорятъ прислугѣ „вы“ и обращаются равно, какъ со всѣми!..

— Все-таки неловко приказывать господину Ястребову... Помилуйте!..—Оффиціантъ оглянулъ залу, гдѣ сидѣли посѣтители, и прибавилъ:—Посмотрите, развѣ найдете такого, хоть одного, похожаго на Григорія Сергѣевича... Нѣтъ... куда!.. Тотъ, бывало, пріѣдетъ, какъ орелъ!..

— Ну, что-жъ,—смѣялся Ивановъ.—А теперь орломъ на кухню и въ погребъ летаетъ... Вѣрно, свой жиръ поспустилъ!..

Но „человѣки“ стояли около него задумчивыми и серьезными.

— Обидно для ихъ папаши и мамаши, — сказалъ одинъ.

— Не можетъ быть, — прибавилъ другой, — чтобы такъ просто, безъ причины, господинъ Ястребовъ пошелъ на такую работу... Что-нибудь другое, особенное имѣется въ его мысляхъ... Не первый годъ знаемъ Ястребова, очень умный господинъ и образованный... Что-нибудь есть другое... если рѣшился быть въ услуженіи!..

Но скоро и „человѣки“ перестали интересоваться судьбой „американца“, спрашивая Иванова только, не знаетъ ли, когда пріѣдетъ господинъ Ястребовъ, и все ли онъ находится въ Америкѣ?

На возвратившагося Ястребова, теперь дѣйствительнаго американца, знакомымъ, конечно, было интересно посмотрѣть. Но въ послѣдніе мѣсяцы всякія извѣстія отъ него прекратились. Къ Иванову зашелъ Василій Ястребовъ ужъ прямо по порученію отца спросить, не писалъ ли Григорій и не знаетъ ли, что̀ съ нимъ?

Ивановъ давно не имѣлъ свѣдѣній, получивъ послѣ перваго одно основательное письмо о портовой работѣ и о мѣстѣ, выходящемъ для него въ „средней руки“ ресторанѣ.

— Ну, я папашѣ объ этомъ не буду говорить! — воскликнулъ Василій. — Чортъ знаетъ, что̀ такое, лакеемъ сдѣлался!.. Срамота какая!..

Ивановъ молчалъ. Ему не нравился Василій.

— Ничего не пишетъ и намъ, — говорилъ послѣдній. — Папаша послалъ ему денегъ, велѣлъ возвращаться, а онъ даже не отвѣчаетъ.

— Вернется, — успокаивалъ Ивановъ, — можетъ быть, даже въ пути находится... что же писать!..

— А вы не знаете той женщины, съ которой онъ въ Кисловодскѣ путался?.. Она ему все записки передъ отъѣздомъ посылала?!

— Нѣтъ, — удивился Ивановъ, — не знаю.

— Вотъ она, навѣрно, побольше насъ съ вами знаетъ о Григорьѣ, — насмѣшливо сказалъ Василій.

— Можетъ быть, — согласился Ивановъ, вспоминая неизвѣстную даму, о которой такъ восторженно отзывался Григорій Ястребовъ. Заходилъ не разъ Василій къ Иванову за справками, но писемъ не было.

Наступило лѣто, и Ястребовы перебрались на дачу. Ивановъ собирался въ деревню, куда-то на югъ, но передъ отъѣздомъ за-

получилъ простуду съ сильнѣйшимъ кашлемъ, и рѣшилъ переждать нѣкоторое время до выздоровленія.

Скучно въ Москвѣ лѣтомъ, особенно въ жаркіе, ясные дни. Городъ принимаетъ въ это время особый, ремонтировочный характеръ. Воздухъ, кромѣ пыли, пропитанъ известью, красками, кипящимъ асфальтомъ. Повсюду идутъ работы, спѣшатъ строить заново, спѣшатъ красить, ремонтировать, укладывать по мостовымъ и панелямъ асфальтъ. Тяжко и непріятно во всѣхъ отношеніяхъ лѣтомъ жить въ Москвѣ, сравнить нельзя съ Петербургомъ, гдѣ глубокая красавица-Нева живитъ и освѣжаетъ городъ.

Москва бѣдна водой, а грязью и пылью особенно богата лѣтомъ. Въ такіе дни городъ не похожъ на оживленную торговую столицу центральной Россіи, когда ея кипучая жизнь и дѣятельность какъ бы пріостанавливаются и историческая старушка прихорашивается и подбадривается передъ будущимъ сезономъ. Въ такое время пріѣхалъ Григорій Ястребовъ изъ-за границы.

Поздно вечеромъ въ передней квартиры Иванова, послѣ рѣзкаго звонка, раздался громкій голосъ „американца“. Ивановъ очень обрадовался неожиданному визиту.

— Нѣтъ, нѣтъ!.. — кричалъ Ястребовъ. — Въ комнату, ей Богу, не могу. Поѣдемте куда-нибудь на свѣжій воздухъ... Извозчикъ ждетъ!.. Силъ нѣтъ, какъ душно! Какъ вы только дышите этимъ!..— и Григорій повелъ носомъ.

Ивановъ посмотрѣлъ на него.

— Молодецъ!.. — проговорилъ онъ. — И загорѣлъ, и похудѣлъ... превосходно! Ну, ѣдемъ, куда хотите. Очень и очень радъ васъ видѣть!..

— Спасибо на добромъ словѣ!.. — не думалъ, что застану васъ въ Москвѣ.

— Думалъ завтра, послѣ-завтра уѣзжать...

— Погодите немножко. Вѣдь давненько не видались!..

VIII.

Выбравъ уютное мѣсто въ ресторанномъ садочкѣ и заказавъ скромный ужинъ, Ястребовъ сказалъ:

— Вотъ я и въ Москвѣ... Какъ тихо, почти пустынно послѣ Европы и Америки!.. Перемѣнъ нѣтъ?..

— Попрежнему переживаемъ кризисъ,—добавилъ Ивановъ:—

купецъ жалуется, промышленникъ недоволенъ, рабочій вопросъ обостряется... Вообще, веселья и оживленія нѣтъ... уныніе какое-то, хмурое настроеніе!.. Ну, разсказывайте!.. Я думаю, впечатлѣній пропасть, свѣжихъ, непосредственныхъ!..

— Да, много!—задумался Ястребовъ.—Не знаю, какъ и съ чего начать?

— Разсказывайте про первое время... Ну, пріѣхали... въ Нью-Іоркъ...

— Ну-съ, остановился въ гостинницѣ, сначала въ дорогой, не для рабочаго человѣка... Одну ночь переночевалъ, отдохнулъ, а потомъ нанялъ другое помѣщеніе въ рабочемъ кварталѣ, за полтора доллара въ день, за комнату и полный пенсіонъ. Скажу откровенно,—скучно, даже тяжело было въ первое время. Подумайте,—совершенно одинъ въ огромномъ и чужомъ городѣ. Куда идти? гдѣ искать работы? Пошелъ я на пристань. Судовъ масса... Идетъ погрузка, работа кипитъ, слышатся оригинальные окрики, раздаются свистки, звонки, то-и-дѣло выходятъ и приходятъ пассажиры. Я пробылъ на пристани до вечера, рѣшивъ придти сюда завтра чуть свѣтъ. На другой день мнѣ повезло. Было очень рано, и работы еще не начинались. Кучка человѣкъ въ шесть сидѣла около какихъ-то тюковъ, перекидываясь между собой короткими фразами. Одѣтые въ шерстяныхъ блузахъ, въ фартукахъ и въ мягкихъ шляпахъ, нѣкоторые держали въ зубахъ короткія трубки. Я подошелъ и услыхалъ польскій говоръ. Собравшись съ духомъ, я поздоровался по-польски и заговорилъ по-русски. На меня поглядѣли молча, переглянулись между собою, и самый молодой отвѣчалъ плохо по-русски. Обрадовался я чрезвычайно и заговорилъ такъ, что на меня вытаращили глаза.

— Русскій эмигрантъ? — спросилъ старый человѣкъ съ трубкой.

— Да, да, эмигрантъ,—обрадовался я,—русскій эмигрантъ!.. насилу убѣжалъ, чортъ возьми!.. Ищу какой-нибудь работы...

— Стало быть, на первыхъ порахъ пришлось прибѣгнуть... къ хитрости?—перебилъ Ивановъ.

— А что же дѣлать?.. Эмигранту скорѣе помогутъ, будь онъ русскій или еврей!..

— А развѣ къ русскимъ плохо относятся американскіе рабочіе?

— Не особенно хорошо... Къ эмигрантамъ—ничего! Эти люди повели меня къ надсмотрщику, тоже поляку, который поставилъ меня сталкивать кули на мѣсто, съ котораго брали носильщики, чтобы доставлять на пароходъ. Работа была для меня трудная,

и къ вечеру я, что называется, не чуялъ ни рукъ, ни спины. И такъ пошло изо дня въ день. Получалъ я полтора доллара, а потомъ положили два, когда началъ эти кули таскать на пароходъ. Обжился, познакомился съ товарищами, которые стали относиться ко мнѣ привѣтливо. Тутъ работали американцы, нѣмцы, поляки, грузилъ даже одинъ финляндецъ, очень ловкій малый... Знаете, что мнѣ помогло войти въ товарищество съ этими людьми? Вотъ никогда не угадаете! Ни за что!

Ястребовъ сталъ смѣяться громко и хитро.

— Право, не знаю!—улыбался Ивановъ.

— Подумаешь,—продолжалъ Григорій,—мало ли какая дрянь пригодится въ жизни?! Имъ, этимъ серьезнымъ и сумрачнымъ рабочимъ, понравились отчаянно-веселые мотивы цыганскихъ романсовъ. Я какъ-то запѣлъ „А тамъ хоть трава не расти!“—и меня слушали, улыбались, и ждали еще... А я пѣлъ да пѣлъ!.. Произошло это по окончаніи работъ. Иногда мы проводили вечеръ въ дешевомъ ресторанѣ за пивомъ, и я пѣлъ, и меня слушали. Скоро я познакомилъ рабочихъ со всѣмъ своимъ репертуаромъ. Около двухъ мѣсяцевъ работалъ я грузчикомъ, и когда уходилъ, то меня искренно жалѣли, и, я увѣренъ, жалѣли потому, что не услышатъ больше цыганскихъ пѣсенъ!.. Однако, давайте закусывать!.. Вотъ славная закуска! Въ Америкѣ такой не найти!

— Потомъ вы попали въ ресторанъ?

— Подождите! Разскажу по порядку!.. Приключенія — впереди...

— А какъ вы себя чувствуете вообще?

— Превосходно! — отвѣчалъ Ястребовъ. — Основательный курсъ прошелъ... Въ Америкѣ спѣшатъ во всемъ: и жить, и работать. А у насъ, наоборотъ, не торопятся, пословицу даже изобрѣли: „тише ѣдешь, дальше будешь“. Русскій и американскій характеры совершенно противоположны. Американецъ за все берется, всякое дѣло пробуетъ и все торопится. Не удалось одно, налаживаетъ другое; тамъ сорвалось, смотришь—тутъ выгорѣло. Энергія не только не теряется отъ неудачъ, а напротивъ — откуда только берется! У русскаго отъ двухъ, трехъ неудачъ опускаются руки. Въ этомъ случаѣ вліяніе Америки безусловно положительное. Если у васъ рабочія руки и голова на плечахъ — тамъ не пропадете и всегда выбьетесь изъ худшаго положенія на лучшее. Американцы цѣнятъ и уважаютъ въ человѣкѣ иниціативу. Свободный человѣкъ работаетъ не такъ, какъ подневольный, соразмѣряя самъ свои силы, приспособляясь по-своему... Это очень важно!

— Однимъ словомъ, не изъ-подъ палки!—замѣтилъ Ивановъ.

— Да, въ Америкѣ о всякой палкѣ, даже въ метафорическомъ смыслѣ, надо забыть.

— Однако, продолжайте пожалуйста,—попросилъ Ивановъ:— мнѣ хочется познакомиться съ фактической стороной вашей жизни въ Новомъ Свѣтѣ.

— Во время работъ на пристани,—разсказывалъ Григорій,— конечно, время свободное было только по праздникамъ, въ которые хотѣлось отдохнуть, почитать, написать письмо... Поэтому я мало знакомился съ городской и общественной жизнью. Но условія скоро измѣнились. Какъ-то съ товарищемъ, молодымъ полякомъ, мы отправились вечеромъ во французскій ресторанъ, выпить бутылочку вина. Народа было тамъ немного. Хозяинъ, небольшого роста, плотный старикъ, подошелъ къ нашему столу и, узнавъ, что я русскій, подсѣлъ къ намъ, разговорился и на прощаніи даже угостилъ насъ хорошимъ краснымъ виномъ. Должность хозяйки исполняла молодая француженка, ловкая, изящная. Это была дочь хозяина. Она на насъ изрѣдка кокетливо посматривала.

Каждое воскресенье бывалъ я у француза, познакомился съ дочерью и увлекся дѣвушкой. Отецъ ея предложилъ мнѣ свободное мѣсто гарсона. Съ радостью принялъ это предложеніе... Помилуйте, быть постоянно около молодой француженки и не мокнуть подъ дождемъ на пристани. Дѣло чистое, домашнее, и гарсоны въ Америкѣ поставлены хорошо, какъ рабочіе, а не какъ лакеи. Я къ тому времени научился объясняться по-англійски, а французскій языкъ здѣсь мнѣ пригодился очень. Требованія посѣтителей по картѣ было исполнить нетрудно, и мнѣ было удобно дальнѣйшее изученіе англійскаго языка. Вообще, я былъ очень доволенъ, перешелъ изъ своей квартиры поближе къ ресторану, въ которомъ имѣлъ завтракъ и обѣдъ. Теперь мнѣ приходилось платить только за комнату и стирку бѣлья. Были деньги, чтобы порядочно одѣться, о чемъ, понятно, я весьма заботился... Пошла жизнь сравнительно легкая, на ногахъ, служба десятичасовая, заработокъ недурной. Къ удовольствію француза, я обнаружилъ свое кулинарное искусство, и мы съ хозяиномъ ввели въ карту московскій соусъ и селянку. Кислый соусъ пришелся по вкусу американцамъ.

Дочь хозяина была мной, повидимому, довольна и не отказывалась отъ моихъ услугъ. Между нами установились почти дружескія отношенія. Ресторанъ недавно открылся, и дѣло развивалось, замѣтны стали постоянные посѣтители. Я хлопоталъ,

изощрялся, точно это было мое дѣло. Хозяинъ былъ мной доволенъ, что̀ высказывалъ откровенно. Пригласивъ какъ-то обѣдать вмѣстѣ съ собой и дочерью, онъ объявилъ, что рѣшилъ меня сдѣлать помощникомъ и ввѣрить мнѣ надзоръ за кухней. Лучшаго я не могъ желать. Это меня устраивало прекрасно и давало свободное время по вечерамъ, когда дежурила m-lle Marie.

Условія жизни и работа сближали меня съ французскимъ семействомъ, отношенія между мной и Маріей становились проще, искреннѣе. Отецъ не мѣшалъ нашей близости, напротивъ... Онъ былъ уже старъ, и ему хотѣлось пристроить дочь за вѣрнаго человѣка.

Французъ сталъ намекать и разспрашивать о моемъ семейномъ положеніи и о томъ, думаю ли я постоянно жить въ Америкѣ?

Однимъ, словомъ трудно мнѣ было разстаться съ хорошими людьми, особенно съ Маріей, и я уѣхалъ только на время, ликвидировать свои дѣла въ Россіи.

— Что̀ вы? Не можетъ быть!—удивился Ивановъ.

Ястребовъ, глядя на него, весело смѣялся.

IX.

Напрасно Ивановъ ждалъ „американца“ на другой день,— его не было и на третій.

Только въ самый день отъѣзда изъ Москвы, Ястребовъ явился къ Иванову. Онъ былъ такой радостный, веселый.

— Что пропали?

— Дѣло тутъ одно наклевывается, — уклончиво отвѣчалъ Ястребовъ.

— А я васъ такъ ждалъ,—хотѣлось познакомиться съ вашими наблюденіями надъ американской жизнью.

— Какія же особенныя мои наблюденія!—серьезно отвѣчалъ Григорій.—Американцы устроились превосходно, удобства жизни и комфортъ замѣчательные, не забыты и нужды рабочихъ, которые тамъ составляютъ политическую силу. Но... но въ Россіи все-таки лучше... Я не могъ бы жить постоянно въ Америкѣ!..

— Какъ?—удивился Ивановъ.—Почему?

— Скучно отъ всѣхъ ихъ порядковъ; нѣтъ этого—какъ бы вамъ сказать? — теплаго, душевнаго, размаха нѣтъ!.. Сегодня, завтра—одно и то же: выдержка, дѣловитость и деньги, деньги, которыя не играютъ такой роли, какъ у насъ... Тамъ—дѣловыя,

деньги. А у насъ? Какіе милліоны спущены... такъ, черезъ руки прошли, прокучены, истрачены чортъ знаетъ какимъ манеромъ!.. Просто не придумаешь въ здравомъ умѣ и разсудкѣ. Что̀ говорить, сами знаете примѣры!.. Въ Америкѣ этого не можетъ быть! Человѣкъ, ставшій богатымъ,—такимъ же, если не богаче, и умретъ, потому что капиталъ свой уважаетъ и чтитъ, это его культъ, и не станетъ онъ, какъ московскій милліонеръ, надъ своими же деньгами надмываться и куралесить, и выдумывать, какъ бы ихъ смѣшнѣе и нелѣпѣе прожить... Нѣтъ, ничего подобнаго онъ никогда не позволитъ!.. А русскій, въ особенности московскій человѣкъ, можетъ выкинуть такую штуку, что и самъ потомъ удивляется... И есть чему, когда послѣ капитала чистенькаго въ нѣсколько сотнягъ тысячъ, да въ ночлежный домъ на Хитровку!.. Не угодно ли?

— Но вѣдь это дикость и невоспитаніе!—замѣтилъ Ивановъ.

— Какъ хотите, такъ и назовите. Онъ деньгами владѣетъ, ими распоряжается, а не деньги властвуютъ такимъ капиталистомъ. Кто знаетъ, что̀ тутъ есть?.. Конечно, самодурство, но и душа въ этомъ дѣлѣ участвуетъ. Вспомните любимую пьесу москвичей—„Бѣдность не порокъ“, въ которой героемъ все-таки нищій Любимъ Торцовъ, а не богатый его братъ. Это характерно!..

— Стало быть въ Америкѣ вамъ было не по-себѣ? скучали по Россіи?

— Въ Америкѣ хорошо русскому пожить и отрезвиться!.. Временно пожить... Главное и самое важное тамъ—трудъ; не только капиталъ, а самый обыкновенный, рядовой трудъ пользуется безусловнымъ уваженіемъ. А у насъ—ни капиталъ, ни трудъ... Все трынъ-трава...—И Ястребовъ запѣлъ: „А тамъ хоть трава не расти“!

Ивановъ больше не сталъ его спрашивать объ Америкѣ, и когда Григорій простился и ушелъ, то онъ вспомнилъ одинъ случай, подходящій къ данному заявленію Ястребова.

Было это въ годъ послѣдней коронаціи, когда послѣ этого событія Ивановъ возвращался въ Москву изъ Финляндіи. Ѣхалъ онъ въ третьемъ классѣ, въ пассажирскомъ, довольно медлительномъ поѣздѣ. Въ вагонѣ народа было мало. Только на одной изъ станцій передъ Тверью въ вагонъ вбѣжали три мужика, красные и потные. На шеяхъ у нихъ висѣли сапоги, а въ рукахъ была на половину допитая четверть водки и французская булка. Шумно размѣстилась эта компанія около Иванова и тотчасъ приступила къ сложнымъ, какимъ-то имъ извѣ-

стнымъ разсчетамъ. Скоро Ивановъ съ ними разговорился, они его угостили водкой и дали кусокъ бѣлаго хлѣба. Помнитъ онъ, что водка была теплая, а отъ закуски его чуть не стошнило.

Сталъ Ивановъ разсказывать своимъ сосѣдямъ о Финляндіи, порядкахъ этой культурной страны и о томъ, какъ хорошо и спокойно тамъ жить.

Мужики слушали внимательно.

— Не то, что у насъ, не правда ли?—спросилъ мужиковъ Ивановъ, въ полной увѣренности, что они съ нимъ непремѣнно согласятся.

— Скучно тамъ, у насъ веселѣе!—отвѣтили мужики, неизвѣстно чему радостно улыбаясь.

Удивленный Ивановъ старался доказать всю нелѣпость подобнаго мнѣнія, указывая на условія тяжелыя, въ которыхъ находится народъ.

— Знаемъ, знаемъ... ты вѣрно говоришь!—гуторили странные люди.—Но все-таки у насъ веселѣе куда, какъ тамъ!..

Чтобы ихъ окончательно убѣдить въ лучшихъ порядкахъ въ Финляндіи, Ивановъ указалъ на только-что происшедшую ужасную катастрофу въ дни коронаціи на Ходынскомъ полѣ, когда, благодаря непорядкамъ, погибли тысячи народа. Но и эта аргументація не помогла, и они хладнокровно отвѣтили: „Въ Россіи народа много!“

Что же это въ самомъ дѣлѣ? Россія—веселая страна, гдѣ все построено шиворотъ-навыворотъ!

X.

Григорій Ястребовъ устраивался. Америка ему дѣйствительно помогла. Она, такъ сказать, дала ему имя. Помилуйте, человѣкъ безъ копѣйки денегъ, несмотря на запретъ отца, переѣхалъ Европу и океанъ, и не только не пропалъ, но, наоборотъ, набрался тамъ дѣлового духа и вернулся совершеннымъ молодцомъ! Развѣ можно не обратить вниманія и не оказать довѣрія такому человѣку?

Отецъ помирился съ Григоріемъ и теперь иначе не называлъ его, какъ „американцемъ“. Одно нѣсколько удивляло Сергѣя Семеновича, что сынъ велъ себя скромно, денегъ не просилъ, въ свое будущее отца не посвящалъ и видимо что-то скрывалъ, а между тѣмъ дѣйствовалъ.

— Григорій, что ты теперь думаешь дѣлать?—спрашивалъ старшій Ястребовъ младшаго.

— Пока еще ничего, папаша! присматриваюсь... не сразу начинать! Вотъ на первое время квартирку нанялъ...

— Вотъ какъ! Въ отцовскомъ домѣ жить не желаешь?.. Стало быть, у тебя деньги есть?

— Малую толику скопилъ своими трудами,—отвѣчалъ сынъ.

— Ого, ловко! —молвилъ старикъ холодно и замолчалъ.

Григорій устраивался далеко не скромно, а для „американца", пожалуй, болѣе чѣмъ удобно. Небольшая квартира въ три комнаты была оригинально, со вкусомъ меблирована, дѣльная прислуга, хорошіе, вкусные обѣды, завтраки и вина—до шампанскаго включительно — вотъ въ чемъ заключалась обстановка молодого человѣка.

Квартира находилась въ глухомъ переулкѣ; около дома помѣщалась мелочная обыкновенная лавка; съ хозяиномъ послѣдней Ястребовъ вошелъ въ таинственное соглашеніе, по которому тотъ держалъ у себя секретно для Григорія разныя вина и закуски. Пріемъ былъ остроумный: хорошіе магазины были далеко, а напитки и закуски часто требовались экстренно, и посѣщавшимъ „американца" казалось, что все у него имѣется въ запасѣ дома.

Однимъ словомъ, житье было привольное, но требующее немалыхъ денегъ. Откуда онъ бралъ послѣднія?

Ястребовъ работалъ. Его можно было видѣть на биржѣ, въ конторахъ знакомыхъ купцовъ, завтракающимъ съ ними же въ такъ называемой „Дырѣ" [1]) или у „Арсеньтича". Григорій, оживленный, возбужденный, разсказывалъ свои приключенія изъ американской жизни, разсказывалъ, соображаясь со вкусами купцовъ, которые, очевидно, были довольны „американцемъ" и, смѣясь, наперерывъ угощали Григорія, приглашая вечеркомъ къ цыганкамъ.

Да, Москва для „американца" была мать родная; только въ Москвѣ онъ чувствовалъ себя сытно черезъ край, покойно, какъ нигдѣ, и несомнѣнно Москва должна его окончательно устроить, поставить на линію человѣка съ капиталомъ.

Внѣ денегъ счастія не понималъ Григорій. Онъ допускалъ увлеченіе женщиной, но семейное счастье, вѣрнѣе, бракъ строилъ главнымъ образомъ на денежныхъ разсчетахъ, на соображеніяхъ родственныхъ связей и проч.

Григорій дѣйствительно работалъ, но не на биржѣ и не въ „дѣловыхъ" ресторанахъ, нѣтъ! Сюда онъ ѣздилъ для „отвода глазъ", будто бы у него дѣла, ѣздилъ, чтобы поддерживать связи

---

[1]) Ресторанъ близъ Биржи.

съ нужными людьми и, правда, иногда маклерствомъ заработать малую толику денегъ. Не тутъ, „не въ городѣ“, сосредоточивались „его линія и центръ“; тутъ былъ онъ свой, веселый, беззаботный товарищъ, кровный купецъ и москвичъ по духу и преданію. Именно по преданію, ибо въ немъ жили смѣлость и иниціатива,—положимъ, то и другое торговаго характера,—но поэтому онъ былъ оригиналенъ. Молодое поколѣніе купцовъ въ огромной степени утратило эти качества и, если можно такъ выразиться, окислилось, а Григорій не утратилъ непосредственности, а пріемы у него были вѣрные и ухватка вполнѣ московская. Онъ никогда не терялъ „купецкаго“ достоинства, хотя въ физическомъ отношеніи былъ трусливъ и даже суевѣренъ.

— Тебѣ бы къ бурамъ надо было съѣздить!—говорили ему пріятели.—Въ Америкѣ былъ, въ Африкѣ не мѣшало бы побывать тоже...

— Хотѣлъ-было махнуть, да Пучковъ перебилъ дорогу, а двоимъ москвичамъ тамъ нечего дѣлать!

— А то бы поѣхалъ? и съ англичаниномъ воевать сталъ?..

— А что-жъ такое...

И дѣйствительно, поѣхалъ бы, но не воевать, а высмотрѣть, сообразить и провести время, тамъ гдѣ-нибудь въ авангардѣ или въ городахъ. Онъ и бурамъ сталъ бы пѣть цыганскіе романсы и приготовлять московскіе соусы... и, повѣрьте, приспособился бы, безъ опасности для жизни.

Мнѣ думается, что Ястребовъ могъ бы быть прекраснымъ репортеромъ и даже корреспондентомъ, еслибы не органическое пренебреженіе къ публицистикѣ и литературѣ, пренебреженіе истинно купеческое, московское...

Однако, въ чемъ же дѣло? На какой линіи остановился Ястребовъ и какъ и куда эту линію гнулъ?

Онъ велъ бракоразводное дѣло, велъ твердо и аккуратно, прибѣгая къ протекціи, борясь съ сильнымъ и богатымъ противникомъ. Кто знаетъ, привязался ли этотъ узкій московскій матеріалистъ къ перестрадавшей въ „темномъ царствѣ“ женщинѣ, или влекли его ея капиталы? кто знаетъ?

Но что онъ произвелъ на женщину впечатлѣніе—это несомнѣнно. Слабая по существу, религіозная, трепещущая передъ грѣхомъ, она была побѣждена Америкой, когда онъ туда поѣхалъ на трудъ и нужду. Любовь къ герою творитъ чудеса. Она—это была кисловодская жена купца—порвала съ нелюбимымъ мужемъ, пожертвовала сыномъ, не убоялась полицейскихъ козней и ушла, бросила домъ свой. Это былъ скандалъ, и до сихъ поръ рѣдкій по характеру въ московскомъ купечествѣ.

До развода борьба была страшная. Съ той и другой стороны сыпались деньги. Мужъ не жалѣлъ ничего,—до того его самолюбіе было тронуто. Съ другой стороны безумныхъ тратъ не происходило, ибо „американецъ“ не терялъ хладнокровія и, дѣйствуя осторожно, дѣло велъ хитро.

Нужно было найти сильнаго человѣка въ Петербургѣ. Шли годы. По правдѣ сказать, немало непріятностей и горя пришлось пережить ему, а особенно ей, но позиція крѣпла и непріятель колебался.

Все окружено было непроницаемой тайной. Старшій Ястребовъ недоумѣвалъ. Поведеніе Григорія для него было загадкой. Не разъ онъ предлагалъ сыну въ отъѣздъ выгодныя дѣла, но Григорій отказывался.

— Не могу, папаша, занятъ!.. Вотъ еслибы пораньше...

— Да чѣмъ занятъ-то?—въ раздраженіи кричалъ отецъ.— Фальшивыя деньги что-ли дѣлаешь?

— Что̀ вы, папаша! Развѣ можно такъ говорить!—серьезно и сердито замѣчалъ сынъ.

— Да что̀ же? Говори, наконецъ... Вѣдь я не кто иной, какъ отецъ твой!

Григорій молчалъ. Сергѣй Семеновичъ смотрѣлъ на него долго и грозно.

— Смотри, Григорій, за свое ли дѣло взялся? Смотри!..

Григорій молчалъ.

— Григорій, помни!..

У отца мелькнула ужасная мысль: „А что̀, если тамъ, въ Америкѣ, онъ, этотъ мальчишка, вступилъ въ тайное общество? Откуда... откуда у него деньги?“ Сергѣй Семеновичъ позвалъ Глафиру Ивановну и спросилъ ее:

— Не говорилъ тебѣ ничего Григорій? Что̀ онъ дѣлаетъ, какъ живетъ?

— Зарабатываетъ, закупаетъ, не знаю, товары какіе... хлопокъ, краску...

— Краску?.. Вретъ онъ!.. А денегъ у тебя не просилъ?

— Не просилъ... Какія же у меня деньги?—и Глафира Ивановна горько и громко заплакала.

— Дура!—сказалъ Ястребовъ, хлопнулъ дверью и уѣхалъ изъ дома.

XI.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Оканчивалась русско-японская война и наступило для Россіи трудное время. Въ Москвѣ только-что

кончились декабрьскіе дни, и когда-то патріархальный городъ находился подъ впечатлѣніемъ пережитого, новаго и страшнаго.

Унылые дни; хмурые, нервные люди...

Ивановъ кончилъ обѣдъ и дочитывалъ газету. Въ ресторанъ быстро вошелъ Григорій Ястребовъ.

— Можно сѣсть?—обратился онъ къ Иванову.

— Пожалуйста!..

Непріятное чувство охватило Иванова. Почему? Передъ нимъ сидѣлъ какъ бы совершенно чужой человѣкъ.

— Каково!—заговорилъ Ястребовъ.—Что съ Москвой понадѣлали? Помилуйте, двѣ недѣли изъ дома выходить было нельзя... А у меня дѣла, каждый день потери... Слава Богу, очистили городъ, усмирили!

— Но положеніе все-таки серьезное! — коротко замѣтилъ Ивановъ.

— Вздоръ! Ничего серьезнаго... Наша биржа крѣпка. Правда, была небольшая заминка. Все пройдетъ... Русскій народъ не такой: это—добродушный народъ, революціоннымъ не былъ и никогда не будетъ... напрасно думаютъ. Ошибка-съ!

Ивановъ не возражалъ.

Григорій, между тѣмъ, потребовалъ дорогого вина и, наливая стаканы, сказалъ:—А я вѣдь женился!—Онъ протянулъ правую руку, на толстомъ указательномъ пальцѣ которой было надѣто массивное золотое кольцо.

— Завтра ѣдемъ заграницу,—продолжалъ онъ,—немного пожуировать, переждать. Время теперь не совсѣмъ удобное для новаго дѣла, которое я задумалъ... Вѣрное дѣло; разсчитываю—не меньше 30, 40% годовыхъ.

— Женились на комъ?—спросилъ Ивановъ.—На той кисловодской барынѣ?

— Вѣрно! угадали!—засмѣялся Григорій.—Трудное дѣло пришлось обломать... Однако спѣшу... Прощайте!

„Вотъ она гдѣ Америка-то была!“—подумалъ Ивановъ, покидая ресторанъ.

С. Васюковъ.

У ОЗЕРА

I. — Водяныя лиліи.

Озеро свѣтлое — съ лунными чарами,
Съ тихимъ журчаньемъ волны, —
Все расцвѣтилось оно ненюфарами
Въ блѣдномъ сіяньи луны.

Всплёски весла затихаютъ несмѣлые;
Внемля ночнымъ голосамъ,
Лилій пловучихъ кадильницы бѣлыя
Шлютъ ароматъ свой лѣсамъ.

Тополи, мглой серебристой повитые,
Странно бѣлѣютъ вдали.
Травы — купавы росою покрытыя —
Блещутъ въ алмазной пыли.

Тише, таинственнѣй полночь становится,
Робко смолкаютъ уста;
Чудо въ безмолвіи ночи готовится
Тамъ, гдѣ цвѣтетъ красота.

II. — Слезы осени.

Пришла пора осеннихъ ливней,
Поблекли бѣлые цвѣты,
И падаютъ все непрерывнѣй,
Какъ слезы осени — листы.

Гдѣ бѣлыхъ лилій хороводы
Цвѣли у берега въ тиши —
Тамъ пѣнятся, бѣлѣя, воды
И вѣтеръ клонитъ камыши.

Холодный вѣтеръ тучи гонитъ,
Въ лѣсу топоръ стучитъ вдали,
И дерево какъ будто стонетъ,
Склоняясь тихо до земли.

За ярко-красною рябиной —
Кусты въ ихъ черной наготѣ,
И слышенъ клёкотъ ястребиный
Въ прозрачно-мертвой высотѣ.

Рыдаетъ вихрь все заунывнѣй
Среди вечерней темноты,
И влагою осеннихъ ливней
Въ лугахъ оплаканы цвѣты.

О. Чюмина.

ХЕРСОНЕСЪ ТАВРИЧЕСКІЙ

И

ЕГО ИСТОРИЧЕСКАЯ СУДЬБА

ОЧЕРКЪ.

XIV *).

Съ половины третьяго вѣка нашей эры судьба Херсонеса является связанною съ судьбами Боспорскаго царства, особенно послѣ неудачныхъ похожденій Фарнака, подчинившихъ республику Риму. Церковные вопросы какъ будто заслонили собой политическую жизнь города. Послѣдующее время — вплоть до перенесенія столицы въ Византію и первый вѣкъ византійскаго Херсонеса—даетъ мало для фактической исторіи города. Раскопки открываютъ только обиліе монетъ этого періода и... очень бѣдную эпиграфику, и для возстановленія исторіи этого промежутка приходится пользоваться кое-какими агіографическими данными, а главнымъ образомъ исторіей Константина Багрянороднаго, въ которой часто положительно невозможно отдѣлить были отъ небылицы.

Несомнѣнно—одно: съ средины III в., когда въ Херсонесѣ уже забыли о бывшемъ когда-то здѣсь римскомъ гарнизонѣ, городъ былъ предоставленъ себѣ, и въ случаяхъ нападенія скиѳскихъ племенъ или готовъ долженъ былъ защищаться собственными средствами. Но, отражая враговъ, Херсонесъ, какъ римская провинція, тѣмъ самымъ оказывалъ услугу и имперіи.

---

*) См. выше: сентябрь, стр. 59.

Около 318 г., повѣствуетъ державный историкъ, херсониты совершили удачный походъ противъ нѣсколькихъ сарматскихъ (скиѳскихъ) племенъ. Императоръ Константинъ за эту услугу Херсонеса въ знакъ благодарности подтвердилъ вольности города, далъ полную свободу, далъ грамату и перстень со своимъ портретомъ для печати, пожаловалъ городу для украшенія свою вызолоченную статую и не только освободилъ Херсонесъ отъ налоговъ, но даже обѣщалъ высылать городу ежегодно извѣстное количество тетивъ, дерева, желѣза и масла для устройства баллистъ, и кромѣ того—1000 медимновъ пшеницы и денежную субсидію для содержанія баллитраріевъ, т.-е. военной команды. Вслѣдствіе этого херсонитяне, будто бы, поставили себя и дѣтей своихъ на военную ногу, и порядокъ этотъ существовалъ до временъ Константина Багрянороднаго (X в.). Всякій, конечно, пойметъ, что это ужъ слишкомъ много для отдаленной и сравнительно незначительной провинціи, которая въ то время была предоставлена самой себѣ. Такія щедрыя подачки, даже за дѣйствительную услугу имперіи, врядъ ли были возможны для Константина Великаго, который стремился къ единодержавію, и для возстановленія его (324 г.) велъ упорную и дорого стоившую борьбу съ соправителями Діоклетіана.

Около этого времени, но нѣсколько позднѣе, повѣствуетъ тотъ же историкъ, одинъ изъ сарматскихъ князьковъ, Сарматъ (?) сдѣлалъ набѣгъ на Херсонесскую область; но херсонитяне побѣдили его у Ѳеодосіи и расширили свои владѣнія до этого города. Черезъ нѣсколько лѣтъ опять повторилось столкновеніе съ сарматами, пожелавшими отобрать назадъ отнятыя херсонесцами земли. Протевономъ города былъ нѣкій Фарнакъ. Онъ немедля выступилъ къ Ѳеодосіи и вмѣсто сраженія предложилъ Сармату рѣшить дѣло поединкомъ. Крѣпкій Сарматъ охотно принялъ предложеніе болѣе слабаго грека; но во время единоборства Фарнакъ употребилъ хитрость. По условленному знаку херсонесцы издали воинскій крикъ, Сарматъ оглянулся; Фарнакъ ловко воспользовался этимъ моментомъ и убилъ противника. Послѣ этого, согласно условію, еще болѣе сократились границы Боспорскаго царства. Часть плѣнныхъ протевонъ удержалъ для работъ, другимъ позволилъ возвратиться на родину, за что они поставили ему въ Боспорѣ статую. „Съ тѣхъ поръ,—говоритъ Константинъ Багрянородный,—пало владычество сарматовъ въ Боспорскомъ царствѣ“.

Странно звучитъ этотъ разсказъ въ общемъ ходѣ исторіи Херсонеса. Такъ и слышишь здѣсь хвастливаго корсунянина,

выхваляющаго свои небывалые подвиги. Но канва разсказа, отнесеннаго Багрянороднымъ ко времени императора Константина II (337—361 г.), мнѣ кажется правдивой, и надо полагать, за этотъ періодъ совершено нѣсколько нападеній на Херсонесъ, конечно съ цѣлью поживы. Здѣсь же нельзя не указать на интересный фактъ: во всей исторіи города не отмѣчено ни разу, чтобы онъ начиналъ противъ кого-либо агрессивныя дѣйствія; это и естественно, принимая во вниманіе, что колонія, да и весь союзъ ея преслѣдовалъ главнымъ образомъ торговыя цѣли.

Херсонесу въ этомъ случаѣ повезло, и онъ одержалъ побѣду, одинъ разъ—на чистоту, а другой—съ помощью хитрости. Размѣры этихъ побѣдъ, конечно, преувеличены во много разъ; но какъ бы то ни было, нѣкогда сильные боспорцы потерпѣли пораженіе. Слѣдовательно, ихъ могущество и сила къ этому времени значительно упали. Не помогли имъ и временные союзники—сарматы.

Само собой, съ паденіемъ Боспора, возрастало значеніе Херсонеса, какъ постояннаго торговаго соперника Пантикапея.

Не имѣя успѣха въ открытомъ полѣ и желая какъ-нибудь поправить свои дѣла за счетъ херсонесскихъ богатствъ, боспорцы прибѣгли къ хитрости. По этому поводу тотъ же державный историкъ сообщаетъ такой анекдотъ. Передамъ его вкратцѣ, такъ какъ подробная передача заняла бы много мѣста.

Боспорскій царь (вѣрнѣе — царёкъ) Асандръ II, задумавъ воспользоваться богатствами Херсонеса, посылаетъ туда нарочитыхъ людей къ протевону Ламаху, сватать его единственную дочь Гикію за одного изъ своихъ сыновей. Ламахъ принимаетъ предложеніе, но, зная коварство боспорцевъ, ставитъ условіемъ, чтобы женихъ, и по вступленіи въ супружество, не возвращался на родину, а навсегда остался бы въ Херсонесѣ, даже въ случаѣ смерти или болѣзни его отца. Царь согласился и прислалъ своего старшаго сына, который и женился на Гикіи. Ламахъ жилъ богато; имѣлъ у Сузской бухты громадный домъ съ обширнымъ дворомъ и службами.

Года черезъ два послѣ свадьбы умеръ отецъ Гикіи. Въ годовщину его смерти она, при содѣйствіи города и именитыхъ гражданъ, устроила достойныя покойнаго поминки, съ пирами и играми для всего города, и дала обѣтъ ежегодно устраивать подобныя поминки до конца своей жизни. Мужу Гикіи пришло въ голову воспользоваться подобнымъ моментомъ, чтобы отмстить за свое униженіе и за свой народъ. Онъ тайкомъ попросилъ отца, съ которымъ ему подъ страхомъ смертной казни были

запрещены всякія сношенія, время отъ времени присылать къ нему подъ предлогомъ навѣщаній десять—двѣнадцать отборныхъ боспорцевъ, которыхъ онъ ловко скрывалъ въ многочисленныхъ покояхъ и службахъ обширнаго дома, но показывалъ видъ, что будто каждый разъ отправлялъ ихъ обратно на томъ же суднѣ. Такимъ образомъ во дворцѣ Гикіи въ теченіе двухъ лѣтъ набралось около двухсотъ надежныхъ боспорцевъ, съ которыми предполагалось, во время третьихъ поминокъ, „когда весь городъ будетъ веселиться и граждане опьянѣютъ и лягутъ спать, сдѣлать ночное нападеніе, городъ поджечь, а жителей избить".

Гикія совершенно случайно узнала о заговорѣ отъ одной изъ служанокъ и сообщила объ этомъ гражданамъ. Тогда было рѣшено домъ, въ которомъ жили боспорцы обложить хворостомъ и зажечь, а когда они будутъ искать спасенія, то истребить всѣхъ до одного. Такъ и поступили. И вмѣстѣ съ боспорцами погибъ и вѣроломный супругъ. Такимъ образомъ Гикія сдѣлалась если не спасительницей города, то избавительницей его отъ грозившей большой опасности. Благодарные херсонесцы рѣшили тамъ же построить новый домъ доблестной гражданкѣ, но Гикія не согласилась, считая мѣсто проклятымъ и предложила сваливать на немъ всякій мусоръ, изъ котораго со временемъ образовалась высокая куча. Она оставалась еще во времена Константина Багрянороднаго и называлась „Башней Ламаха". Тогда признательные граждане поставили въ честь Гикіи двѣ мѣдныя статуи съ соотвѣтствующими надписями и разсказомъ о ея подвигѣ. Но Гикія, кромѣ того, потребовала, чтобы ее похоронили въ городѣ, что разрѣшалось только за исключительно важныя услуги. Граждане, хотя и не сразу, согласились и на это. Гикія, конечно, знала, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и пожелала испытать соотечественниковъ. Однажды она притворилась мертвой. Пришлось хоронить. Херсонитяне понесли ее за городъ на кладбище. Каково же было удивленіе вѣроломныхъ, когда Гикія у самой могилы встала и разразилась потокомъ упрековъ. „Бѣда тому, кто повѣритъ херсонесскому гражданину!"—такъ закончила свою рѣчь мнимо-умершая.

Въ этомъ разсказѣ, конечно, много прикрасъ, но въ немъ, несомнѣнно, кроется и дѣйствительный историческій фактъ патріотическаго подвига, увѣнчаннаго статуями, которыя сохранились до временъ Константина Порфиророднаго и составляли предметъ заботливости гражданъ. „Если кто желаетъ проявить любовь къ прекрасному,—заканчиваетъ свое повѣствованіе Багря-

нородный, — то время отъ времени очищаетъ основаніе этихъ статуй для прочтенія и поминовенія дѣяній Гикіи".

Трудно, конечно, повѣрить, чтобы возможно было, хотя бы въ самыхъ обширныхъ покояхъ и подвалахъ, скрывать двѣсти людей въ теченіе двухъ лѣтъ такъ, чтобы объ этомъ не узнали граждане Херсонеса. Но зато вполнѣ возможно, что боспорскіе заговорщики жили въ томъ же, даже въ большемъ числѣ, въ разныхъ мѣстахъ города, занимаясь до поры до времени невинной профессіей. Вѣроломство и хитрость—отличительныя черты древнихъ и малокультурныхъ народовъ. Несомнѣнно, заговорщики замышляли крупный переворотъ или избіеніе съ грабежомъ. Но ни то, ни другое не удалось, благодаря Гикіи.

Константинъ Багрянородный относитъ это происшествіе (конечно, со словъ или записи корсунянина) къ концу IV в.; но англійскій ученый Гарнетъ, посвятившій изслѣдованію этого разсказа спеціальный трудъ, возстаетъ противъ этой даты и пытается доказать, что исторія Гикіи нисколько не подходитъ къ христіанской эпохѣ, а происходитъ въ языческія времена, а именно въ концѣ I в. до Р. Х.

„Въ концѣ IV в.,—замѣчаетъ Гарнетъ,—едва-ли было бы разрѣшено Гикіи сдѣлать подобное празднество въ память покойнаго отца съ плясками и увеселеніями; непремѣнно потребовалась бы какая-нибудь религіозная церемонія и мы услыхали бы о епископахъ и священникахъ, о пѣснопѣніяхъ и благодарственныхъ молебнахъ по случаю освобожденія города отъ опасности. А желаніе Гикіи быть похороненной внутри стѣнъ города было бы дополнено указаніемъ на базилику, гдѣ она пожелала бы почить, что̀ въ тѣ времена считалось особо завидною почестью. Христіанка Гикія непремѣнно была бы похоронена внутри храма. Да и всѣ имена этой повѣсти не соотвѣтствуютъ IV вѣку. Такія имена, какъ Ламахъ, Асандръ, Филомузъ, Стратофилъ, въ IV в. по Р. Х. уже давно не существовали въ Херсонесѣ. Имена, въ которыхъ встрѣчаются „филосъ" и „стратосъ", относятся къ лучшимъ вѣкамъ греческой исторіи. Ламахъ—имя извѣстное въ эпоху пелопонесской войны; Асандръ—македонское имя временъ Александра Великаго. Въ Гераклеѣ вліятельный гражданинъ, по имени Ламахъ, играетъ важную роль въ эпоху Митридата. Имя Асандра носилъ боспорскій царь отъ 47 до 16 г. до Р. Х. Монетъ же Асандра II, упоминаемаго Константиномъ Багрянороднымъ, не найдено вовсе. Кромѣ того, Асандръ выступаетъ на сцену въ такую эпоху, когда родъ боспорскаго царя Савромата пресѣкся".

Не оспаривая того, что дата Константина не точная, что описываемое событіе случилось нѣсколько ранѣе, чѣмъ указываетъ повѣствователь, а возможно, что и нѣсколько позднѣе, когда обветшавшее Боспорское царство готово было рухнуть, и во всякомъ случаѣ съ трудомъ влачило свое существованіе,— мы все же находимъ неубѣдительными доводы Гарнета. Въ самомъ дѣлѣ, если монетъ Асандра II не найдено до сихъ поръ, то это еще не значитъ, что не было Асандра II. Монеты, если онѣ были, еще могутъ найтись, но ихъ могло и совсѣмъ не быть. Весьма возможно, что плутоватый Асандръ II властвовалъ короткое время и не успѣлъ или, за отсутствіемъ средствъ на чеканку монетъ, не могъ оставить на память исторіи свое имя. Послѣднее мнѣ кажется вѣроятнымъ, послѣ того какъ Асандръ согласился женить своего старшаго сына на такихъ унизительныхъ для себя и владѣтельнаго принца условіяхъ: жить безвыѣздно въ Херсонесѣ и прекратить всякое общеніе съ отцомъ подъ страхомъ смертной казни.

Что „имена Ламахъ, Асандръ и др. въ IV в. по Р. Х. не существовали въ Херсонесѣ"—смѣлое отрицаніе: мы такъ мало знаемъ исторію этого періода, изъ него дошло до насъ такъ мало именъ, что, несмотря на весь авторитетъ Момзена, на котораго ссылается Гарнетъ, трудно согласиться съ этимъ мнѣніемъ. Словарь именъ древности далеко не полонъ. Раскопки Херсонеса и Керчи далеко не закончены, и каждый день кирка археолога можетъ обнажить передъ нами темное имя.

Гарнетъ хочетъ сдѣлать Гикію IV вѣка христіанкой—и неосновательно. Скромная и любвеобильная религія Христа была и есть религія бѣдныхъ и туго прививалась среди богатыхъ и сильныхъ міра, которыхъ она даже не удовлетворяла. Да и помимо этого, въ силу указанныхъ выше условій, христіанство здѣсь, несмотря на беззавѣтно преданныхъ дѣлу проповѣдниковъ, прививалось не разомъ. Вспомнимъ число пострадавшихъ проповѣдниковъ. Напомнимъ и тотъ фактъ, что Константинъ Великій, уже спустя двѣнадцать лѣтъ послѣ миланскаго эдикта, предоставившаго христіанамъ свободное исповѣданіе ихъ вѣры и право занятія государственныхъ должностей, посылаетъ (въ 325 г.) въ Херсонесъ епископа Капитона подъ охраной пятисотъ воиновъ, а черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ эдикта, Юліанъ-Отступникъ (361—363) пытается возстановить язычество, т.-е. не задолго до подвига Гикіи. Можно поэтому допустить, что Гикія и громадное большинство современнаго ей „общества" были преданные язычники. Да и не только въ IV в., но и далеко позднѣе—въ VII и даже VIII в.

въ Херсонесѣ была еще масса язычниковъ. Мы уже знаемъ, что писалъ папа Мартинъ и что сказано о корсунянахъ въ житіи ап. Андрея.

Что касается необходимости присутствія духовенства и торжественныхъ пѣснопѣній въ христіанскомъ Херсонесѣ IV вѣка, то и здѣсь Гарнетъ нѣсколько поторопился съ своими заключеніями: весь христіанскій обиходъ торжественныхъ службъ, весь церковный ритуалъ былъ выработанъ и сталъ обязательнымъ далеко позднѣе—въ эпоху расцвѣта византинизма.

И мнѣ кажется, что дата описаннаго событія очень близка къ истинѣ уже потому, что во времена Константина Порфиророднаго еще стоялъ памятникъ Гикіи, и каждому предоставлялось оберегать его, читать надпись и поминать дѣянія мужественной патріотки. Конечно, въ надписи была точная дата, переходившая изъ устъ въ уста и, вѣроятно, попавшая въ записи мѣстныхъ лѣтописцевъ, и трудно было извратить ее предъ лицомъ современника.

Исторія Херсонеса конца IV в. можетъ быть пополнена еще нѣсколькими фактами. Такъ, при императорѣ Валентѣ,—пишетъ современный историкъ Амміанъ Марцеллинъ,—проживалъ въ Херсонесѣ (368 г.) въ качествѣ опальнаго префектъ Константинополя Фронемій, нѣкогда приближенный императора, а теперь замѣшанный въ заговорѣ противъ него, затѣянномъ Прокопіемъ; а около 370 года бѣжалъ въ Херсонесъ и самъ Прокопій, дальній родственникъ Юліана-Отступника, который считалъ себя претендентомъ на царскій престолъ и мечталъ облачиться въ императорскую порфиру; но, преслѣдуемый сыщиками и боясь быть выданнымъ мѣстными властями, пробылъ здѣсь недолго, снова бѣжалъ въ Константинополь, произвелъ здѣсь возстаніе, но былъ пойманъ и казненъ.

XV.

Около этого времени на европейской территоріи появляются огромными массами изъ степей средней Азіи гунны. Пережившій эту эпоху историкъ Амміанъ Марцеллинъ даже точно указываетъ годъ этого событія, именно—371-й. Однако въ сохранившемся матеріалѣ свидѣтельствъ о вторженіи гунновъ, нѣтъ упоминанія о томъ, что они проникли на полуостровъ и совершили здѣсь свое дѣло разрушенія, но болѣе чѣмъ вѣроятно,—говоритъ проф. Кулаковскій,—что кочевья гунновъ „простирались и на эту территорію;

также вѣроятно, что готовъ загнали въ горы надвинувшіяся въ Тавриду гунскія орды". Но были ли гунны въ то время у стѣнъ Херсонеса, утверждать пока нельзя. „Херсонесъ въ это время, т.-е. къ концу IV в., достигъ значенія первокласснаго города Тавриды. Власть его простиралась на Боспоръ и на Малоазіатское побережье. Херсонесу принадлежали нѣсколько городовъ и деревень съ многочисленнымъ промышленнымъ населеніемъ. Его владѣнія, согласно вычисленію нѣмецкаго историка Шнейдервирта (Schneiderwirth), обнимали площадь, равную королевству Саксоніи. Въ общемъ Херсонесская республика была въ эту пору самымъ могущественнымъ государствомъ въ Тавридѣ". Такъ пишетъ гр. Бобринскій въ своей монографіи. Въ его словахъ все преувеличено или невѣрно, исключая первой фразы. Что съ ослабленіемъ Пантикапея Херсонесъ сталъ первымъ городомъ на Таврическомъ полуостровѣ — съ этимъ, конечно, никто не будетъ спорить, но чтобы власть его, помимо извѣстныхъ уже намъ городовъ, простиралась на Боспоръ и Малоазіатское побережье — объ этомъ не говоритъ даже хвастливый корсунянинъ, диктовавшій исторію Херсонеса Константину Багрянородному. Да это было и невозможно: между Херсонесомъ и Боспоромъ уже съ III в. вклинились сильные готы, владѣнія которыхъ, какъ можно предполагать изъ указаній историка VI в. Прокопія, занимали большую часть южнаго берега Крыма — отъ Фороса до Судака. „Готы, — говоритъ онъ, — многочисленны, прекрасные воины и еще при мнѣ продолжаютъ быть союзниками римлянъ: вмѣстѣ съ ними ходятъ на войну противъ ихъ враговъ. Обыкновенно же готы занимаются земледѣліемъ и винодѣліемъ, живутъ въ открытыхъ селеніяхъ, не знаютъ и не любятъ городской жизни".

Гдѣ ужъ тутъ говорить о подчиненіи Боспора Херсонесу! Къ тому же даже и распавшаяся Римская имперія стремилась держать Боспоръ въ своихъ рукахъ. Да и это было временемъ гунновъ, которые шарили по всей Тавридѣ, когда херсонесцы навѣрное боялись и выйти за стѣны своего города. А наканунѣ нашествія гунновъ мы имѣемъ свидѣтельство современника, Амміана Марцеллина, который говоритъ о посольствѣ съ Боспора въ 362 г. къ имп. Юліану въ Византію, искавшемъ у него покровительства и защиты отъ варваровъ, причемъ ни словомъ не упоминаетъ о Херсонесѣ. Какъ нѣмецкій историкъ умудрился вычислить площадь херсонесскихъ владѣній, не имѣя на это никакихъ данныхъ (намъ неизвѣстны границы владѣній) — для насъ остается загадкой. Не почерпнулъ ли онъ косвенно свѣдѣній у очень ученаго, талантливаго, но крайне легкомыслен-

наго французскаго изслѣдователя Дюбуа-де-Монпере, который въ тридцатыхъ годахъ посѣтилъ Херсонесъ, поверхностно осмотрѣлъ его, но... подобно Цезарю — пришелъ, увидѣлъ и *рѣшилъ*. Что „Херсонесская республика въ это время была самымъ могущественнымъ государствомъ въ Тавридѣ", это совсѣмъ невѣроятно. Марцеллинъ пишетъ, буквально, слѣдующее: „Къ лѣвой сторонѣ Меотиды близокъ Херсонесъ, изобилующій греческими колоніями, почему населеніе его спокойно и мирно занимается хлѣбопашествомъ и живетъ его плодами". Ни слова — ни о могуществѣ, ни о величіи. Да и можно ли говорить о могуществѣ маленькаго союза, который съ половины II и до VI вѣка (Юстиніана I) потерялъ право чеканки монеты и долженъ былъ пользоваться римской, „которой въ раскопкахъ находятъ цѣлыя горы" (Косцюшко). Кромѣ того, въ одной изъ дошедшихъ до насъ надписей, украшавшихъ городскую стѣну во времена имп. Θеодосія (379—395), самъ Θеодосій и его сынъ, соправитель Аркадій, названы очень подобострастно. Надпись гласитъ: „Въ память нашихъ владыкъ, вѣчныхъ августовъ, непобѣдимыхъ Флавіевъ Θеодосія и Аркадія и много потрудившагося при работѣ трибуна Флавія Вита и строителей (инженеровъ): высоко (чтимаго) Эвтерія..." Изъ этой надписи мы узнаемъ еще, что городъ въ это время поправлялъ свои стѣны и укрѣпленія, и что „въ этомъ дѣлѣ много потрудился Флавій Витъ, трибунъ" имперской арміи и, конечно, представитель военной и гражданской (имперской) власти.

Отсюда ясно, что въ это время здѣсь стоялъ римскій гарнизонъ и городъ находился въ полномъ подчиненіи имперіи, и на этотъ разъ въ важномъ дѣлѣ поправки стѣнъ и укрѣпленій принималъ главное участіе не херсонянинъ,—иначе имя его было бы помянуто,—а римлянинъ, подъ наблюденіемъ котораго и велось это дѣло.

Но если Херсонесъ не былъ въ это время могущественнымъ, то все же онъ былъ важнымъ, пожалуй даже главнымъ торговымъ центромъ Тавриды; о размѣрахъ же торговли и промышленности въ это время говорить нельзя, за отсутствіемъ данныхъ. Однако можно думать, что торговля города, по сравненію съ первыми вѣками подчиненія Риму, въ этотъ періодъ нѣсколько упала, во-первыхъ, по тому, что сильно упала торговля съ Греціей и разрослись другіе торговые пункты Тавриды; во-вторыхъ, сильно тормозили торговлю гунны тѣмъ, что разгоняли и разоряли тавро-скиѳовъ и мирныхъ готовъ, и тѣмъ, что грабили караваны съ товарами. Херсонесъ былъ также единственный граничившій съ варварами пунктъ Тавриды, гдѣ прочно держалось христіан-

ство, и въ этомъ смыслѣ Херсонесу придаютъ большое значеніе въ столицѣ имперіи. Мы уже знаемъ, что въ IV в. епископы въ Херсонесъ назначаются изъ Константинополя. Нѣкоторые изъ херсонесскихъ епископовъ присутствовали на вселенскихъ соборахъ, что̀ удостовѣряютъ ихъ подписи. Такъ седьмой херсонесскій епископъ Эѳерій II засѣдалъ на второмъ вселенскомъ соборѣ въ Константинополѣ (318 г.) и подписался: „episcopus Tersonitanus“ (вм. Chersonitanus). На третьемъ соборѣ присутствовалъ херсонесскій епископъ Леонтій. Епископу Капитону для охраны былъ данъ изъ Константинополя большой отрядъ. Словомъ, мы видимъ особое вниманіе къ херсонесской епархіи, которое продолжается и въ послѣдующее время.

Такимъ былъ Херсонесъ наканунѣ раздѣла Римской имперіи на восточную и западную (въ 395 г., по смерти Ѳеодосія Вел.), причемъ восточная досталась старшему сыну Ѳеодосія, Аркадію, къ которому отошли, какъ и слѣдовало ожидать, и владѣнія Херсонеса. Исторія сохранила намъ очень мало свѣдѣній о первыхъ временахъ византійскаго владычества въ Херсонесѣ. О періодѣ сравнительно кратковременнаго царствованія перваго императора—Аркадія (395—408)—говорятъ только монеты съ его клеймомъ. Въ раскопкахъ ихъ найдено довольно много. Найдено нѣсколько монетъ съ изображеніемъ жены императора Эліи Евдокіи, а равно монеты брата Аркадія, императора Гонорія, и въ довольно большомъ количествѣ, въ томъ числѣ — одна золотая. Но всѣ эти монеты, говоритъ Косцюшко, чеканились въ Константинополѣ.

При преемникѣ Аркадія—Ѳеодосіи II (408—450 гг.)—Византія сильно пострадала отъ нашествія полчищъ гунновъ, которые, какъ мы уже знаемъ со словъ Прокопія, въ 371 г. съ большой силой обрушились на Таврическій полуостровъ, вытѣснили сарматовъ, обитавшихъ по сосѣдству съ Херсонесомъ, и наводнили всю область отъ Боспора до Херсонеса. Пострадалъ ли онъ отъ наводненія Тавриды гуннами или нѣтъ, историки свѣдѣній не оставили; но вѣроятно—нѣтъ, или очень мало, судя по ходу послѣдующихъ событій. Въ 438 г., на константинопольскомъ соборѣ присутствуетъ херсонесскій епископъ Лонгинъ. Нѣсколько позднѣе, а именно въ 451 г., тотъ же Лонгинъ присутствуетъ (что̀ подтверждается подписью) на халкидонскомъ соборѣ, на которомъ, между прочимъ, постановлено подчинить херсонесскую епархію, пользовавшуюся до этого времени полною независимостью, константинопольскому патріарху. Тотъ же епископъ Лонгинъ значится въ числѣ участниковъ слѣдующаго собора

въ Константинополѣ, въ 459 г. Около этого времени или нѣсколько раньше „были сосланы въ Херсонесъ на заточеніе епископъ томитанскій Александръ и епископъ александрійскій Тимоѳей Элусудъ, „упорный и горячій еретикъ". Онъ былъ отданъ на судъ епископовъ за разныя беззаконныя дѣйствія и сначала сосланъ въ Гангру, но такъ какъ онъ здѣсь сталъ развивать смуту и собирать незаконныя сборища, то императоръ Левъ I (457—474 г.) перевелъ его въ Херсонесъ.

Въ 474 г., по свидѣтельству Прокопія, гунны завладѣли Пантикапеемъ и начали тѣснить; затѣмъ они напали на Херсонесъ, долго держали его въ осадѣ и хотя взять города не могли, однако причинили ему много вреда и отобрали у херсонесцевъ большую часть ихъ владѣній.

Истощенный отъ продолжительной и неравной борьбы съ варварами, обѣднѣвшій отъ потери владѣній и крайняго упадка торговли, Херсонесъ не имѣлъ средствъ возобновить свои стѣны и укрѣпленія, и городу грозила опасность быть завоеваннымъ гуннами. Тогда, въ томъ же 474 г., херсонитяне обратились съ горячей просьбой къ императору Зенону (474—491 г.) помочь имъ возстановить стѣны и башни. Императоръ внялъ мольбѣ своихъ подданныхъ и помогъ,—о чемъ гласитъ найденная знаменитымъ Палласомъ, въ 1794 г., у его друга Габлица надпись, нѣкогда украшавшая башню. Надпись гласитъ слѣдующее:

„Самодержецъ кесарь Зенонъ, благочестивый, украшенный трофеями величія и славы, доказалъ щедроту и благочестіе свое какъ всѣмъ подвластнымъ ему городамъ, такъ и нашему городу, пожаловавъ изъ городскихъ пошлинъ вѣрныхъ ему баллистраріевъ, съ тѣмъ, чтобы деньги были употреблены на постройку стѣнъ, служащихъ для защиты города. И мы, благодарные граждане, поставили сію надпись въ вѣчное воспоминаніе его царствованія. Построена башня въ правленіе свѣтлѣйшаго комита Діогена, лѣта 521 инд. 14".

Надпись эта, благодаря тому, что французскій ученый, консулъ Кузинери (Cousinéry), неосмотрительно высказалъ мнѣніе о принадлежности ея не Херсонесу, а г. Ѳессалоникамъ, гдѣ онъ будто бы видѣлъ ее въ 1793 г., долго служила предметомъ ученаго спора. Она породила цѣлую литературу и была издана восемнадцать разъ. Однако извѣстный инженеръ-археологъ Бертье-Делагардъ въ своемъ тщательномъ изслѣдованіи разъяснилъ все недоразумѣніе и доказалъ, что эта надпись принадлежитъ несомнѣнно Херсонесу.

Надпись, кромѣ подтвержденія важнаго въ жизни города исто-

рическаго факта, интересна и въ другихъ отношеніяхъ. Прежде всего самая надпись—это главный документъ, указывающій на существованіе въ Херсонесѣ особой эры, а слѣдовательно, и самостоятельнаго лѣтоисчисленія. Отъ историковъ мы узнаемъ, что указываемый здѣсь извѣстный полководецъ „свѣтлѣйшій комитъ Діогенъ" былъ посланъ въ Тавриду, повидимому для оказанія помощи городамъ, пострадавшимъ въ сентябрѣ 480 г. отъ сильнаго сорокадневнаго землетрясенія. Въ числѣ значительно потерпѣвшихъ городовъ выдано было пособіе и Херсонесу. А между тѣмъ надпись указываетъ 512 г. 14 индикта, когда Зенона, умершаго въ 491 г., давно уже не было въ живыхъ. Такая дата—въ связи съ датами нѣкоторыхъ монетъ — позволяетъ допустить, что херсонесская эра начиналась на двадцать-пять лѣтъ раньше христіанской, что соотвѣтствуетъ, приблизительно, 25—24 г. до Р. Х., когда, можно полагать, римляне избавили Херсонесъ отъ боспорскаго ига и даровали ему, какъ говоритъ Плиній, права свободы (элевтерію). Такимъ образомъ 512 годъ надписи соотвѣтствуетъ 488 году нашего лѣтоисчисленія.

Изъ надписи ясно видно, что Херсонесъ находился тогда въ полномъ подчиненіи Византіи; правда, нѣтъ прежняго раболѣпія, но все же городъ не могъ даже распоряжаться доходами своей таможни, которыми вѣдалъ комитъ Діогенъ. Видно и то, что баллистраріи, учрежденные Константиномъ Великимъ, продолжали существовать, какъ войско императора. Притомъ, въ данномъ случаѣ жалованье этимъ древнимъ артиллеристамъ Херсонеса выдавалось отъ имени императора, съ разрѣшенія комита, который представлялъ собой особу императора и былъ главнымъ лицомъ городского правленія. Иначе въ надписи не было бы сказано: „въ управленіе комита".

Судя по надписи, стѣны были хорошо отремонтированы и даже выстроена крѣпостная башня. Это было истиннымъ благодѣяніемъ для города, котораго гунны не оставляли въ покоѣ и въ дальнѣйшее время, и надо удивляться, какъ Херсонесъ могъ устоять подъ напоромъ варваровъ, успѣвшихъ, повидимому, овладѣть всей страной между Херсонесомъ и Пантикапеемъ. Только гигантскія стѣны да удивительная энергія херсонитянъ спасали ихъ отъ гуннскаго рабства. Впрочемъ, можетъ быть, были какія-нибудь политическія или другія соображенія, которыя удерживали гунновъ отъ настойчиваго разрушенія Херсонеса. Гр. Бобринскій полагаетъ, что гунны сами воздерживались отъ разрушенія города, который снабжалъ ихъ, по крайней мѣрѣ начальниковъ, многимъ необходимымъ. Впрочемъ гунны, противъ которыхъ без-

сильна была имперія, иногда затихали, и при Юстинѣ I (518—527 г.) византійская дипломатія даже вошла съ ними въ мирныя сношенія; однако не надолго. Уже въ началѣ царствованія слѣдующаго императора, Юстиніана I (527—565 г.), какъ пишетъ Прокопій, они опять напали на Пантикапей и разграбили его, а затѣмъ, около 536 г., часть ихъ двинулась на Херсонесъ, осадила его, и городъ былъ сильно поврежденъ. „Юстиніанъ,—говоритъ Прокопій,—узнавъ, что стѣны Боспора и Херсонеса и приморскихъ городовъ, лежащихъ на берегу за Меотійскимъ озеромъ, за таврами и тавро-скиѳами, совершенно пришли въ упадокъ, привелъ ихъ снова въ прекрасный и прочный видъ. Также построилъ онъ два сторожевыя укрѣпленія, такъ называемый Алустонъ и Горзувиты“ [1]). Кромѣ того, Юстиніанъ упрочилъ за собой владѣнія Боспора, который уже издавна сдѣлался варварскимъ городомъ и находился подъ властью гунновъ, а при немъ опять возвращенъ римской державѣ.

Вообще при Юстиніанѣ I замѣчается новый расцвѣтъ внѣшняго римскаго (собственно византійскаго) могущества. Говоримъ—византійскаго, потому что къ этому времени латинскій языкъ сталъ замѣтно вытѣсняться греческимъ, который сталъ и придворнымъ, и оффиціальнымъ государственнымъ языкомъ. Да и вообще греческій духъ вытѣснилъ романскія формы, господствовавшія въ Константинополѣ со временъ Аркадія. Хотя византійцы считали себя гражданами Римской имперіи и называли себя „ромеями“ (rhomaios), но обыкновенно въ *литературѣ* начинаютъ византійскій періодъ VIII-мъ вѣкомъ, такъ какъ съ этого времени онъ принимаетъ, такъ сказать, специфическій характеръ: отсутствіе всякой индивидуальности и оригинальности, что особенно замѣтно у историковъ, которые занимаются главнымъ образомъ компиляціями и выдержками изъ оригинальныхъ трудовъ своихъ предшественниковъ, причемъ вездѣ доминируетъ дворъ и царская особа. Вообще, вся *византійская* литература, въ противоположность классической греко-римской, какъ бы отрывается отъ дѣйствительности и все болѣе и болѣе опутывается сначала евангельскимъ ученіемъ, а затѣмъ и оно заслоняется густой пеленой апокрифическихъ сказаній, которыя надолго полонили собой, можно сказать, всю литературу того времени.

Построивъ укрѣпленія Горзувиты и Алустонъ, находившіяся во владѣніяхъ готовъ, императоръ тѣмъ самымъ показалъ, что

---

[1]) Теперь—Алушта и Гурзуфъ. Остатки башенъ и крѣпостныхъ стѣнъ, которые видимъ теперь,—дѣло Юстиніана.

онъ могъ хозяйничать и въ ихъ странѣ, и во всякомъ случаѣ былъ ихъ покровителемъ въ борьбѣ съ гуннами. Прокопій прямо говоритъ, что готы имѣютъ договоръ съ императоромъ и по его требованію ставятъ въ нужныхъ случаяхъ свое ополченіе въ 3.000 человѣкъ.

При Юстиніанѣ притихли по какимъ-то причинамъ даже гунны; а историкъ Малала говоритъ, что въ первые годы правленія этого императора въ столицу имперіи прибылъ князь гуннской орды, кочевавшей вблизи Босфора, по имени Гродъ или Горда, съ цѣлью принять христіанство. Императоръ былъ самъ воспріемникомъ, и послѣ крещенія, богато одаривъ духовнаго сына, отпустилъ назадъ въ Тавриду и просилъ его блюсти интересы имперіи на Востокѣ. Однако, христіанство новаго члена церкви дѣйствовало недолго, такъ какъ онъ вскорѣ былъ убитъ своими же за гоненіе язычества и пропаганду ученія Христа, и Юстиніану снова пришлось ограждать окраины отъ нападеній варваровъ оружіемъ, а гдѣ возможно — подкупомъ и даже хитростью, натравляя одно племя на другое и возбуждая путемъ сплетенъ вражду между ними. Однако, когда императоръ увидѣлъ, что онъ не можетъ справиться съ таврическими хищниками, онъ рѣшилъ удержать за собой только восточную часть Тавриды съ Пантикапеемъ въ центрѣ, а западную часть съ Херсонесомъ и его владѣніями предоставилъ гуннамъ и готамъ.

Относительно Херсонеса историкъ умалчиваетъ, но несомнѣнно, что по временамъ ему приходилось очень плохо; такъ какъ, по словамъ Іорнанда (VI в.), по „сосѣдству съ Херсонесомъ, почти у самыхъ его стѣнъ поселилось гуннское племя аулзіагровъ, которые въ теченіе лѣта кочуютъ въ своихъ степяхъ, останавливаясь по временамъ на пастбищахъ для кормленія скота, на зиму же возвращаются къ своимъ зимовкамъ на берегу Понта“. Однако, несмотря на такое сосѣдство, Херсонесъ не прекращаетъ своихъ торговыхъ сношеній съ варварами, даже самыми отдаленными, и, по свѣдѣніямъ того же историка, сюда доставляли свои товары азіатскіе купцы. „Такимъ образомъ, — говоритъ Кулаковскій, — существовавшіе въ теченіе вѣковъ караванные пути для товаровъ изъ глубины Азіи къ устью Танаида (Дона), на Боспоръ и въ Херсонесъ, уцѣлѣли, несмотря на гуннское нашествіе и перемѣну степного населенія. Имперія извлекала изъ этого свои выгоды, и ея комитъ находился тогда не только въ Херсонесѣ, но и на Боспорѣ“.

Конечно, такое близкое сосѣдство варваровъ, постоянное соприкосновеніе и борьба съ ними, а равно съ грубыми, распу-

щенными имперскими солдатами, пагубно вліяли на весь строй городской жизни и въ корнѣ расшатывали греческую культуру, которая все болѣе и болѣе растворялась въ варварской волнѣ и все болѣе и болѣе впитывала ея мутныя воды.

Такъ было въ Херсонесѣ, защищенномъ надежной стѣной и поддерживавшемъ постоянныя общенія съ имперіей, а въ другихъ городахъ, не такъ защищенныхъ, смѣшеніе культуръ и народовъ шло гораздо быстрѣе, и одинъ изъ историковъ отмѣчаетъ, что къ этому времени красивый греческій языкъ исказился здѣсь отъ примѣси чуждыхъ словъ, а мѣстами его вытѣснилъ языкъ гунновъ и готовъ. И дѣйствительно, измѣненіе древняго дорійскаго нарѣчія зашло далеко; даже въ надписяхъ этого періода замѣчается преобладаніе аттическаго нарѣчія.

XVI.

Несмотря на неблагопріятныя условія существованія, Херсонесъ въ это время не только не падаетъ, но даже какъ будто развиваетъ и расширяетъ свою дѣятельность. Опять появляются херсонесскія монеты, исчезнувшія, какъ то упомянуто выше, въ срединѣ II в. Правда, теперь на нихъ — бюстъ императора Юстиніана, и только на оборотной сторонѣ—монограмма съ именемъ города. Но, по мнѣнію г. Косцюшко-Валюжинича, монета эта чеканилась не въ Херсонесѣ, а въ столицѣ имперіи—Константинополѣ.

На пятомъ вселенскомъ соборѣ (въ Константинополѣ, въ 553 г.) опять присутствуетъ херсонесскій епископъ Стефанъ и преемникомъ его упоминается Ефремъ. Хотя вообще свѣдѣній о христіанствѣ въ Херсонесѣ за этотъ періодъ почти нѣтъ никакихъ, но несомнѣнно къ этому времени христіанство здѣсь разрослось, окрѣпло и пустило такіе корни, которыхъ не въ силахъ было вырвать никакое язычество. Христіанство сдѣлалось преобладающей, государственной религіей, и къ этому времени въ Херсонесѣ если не всѣ, то почти всѣ языческіе храмы превратились въ христіанскія церкви. Это убѣдительнѣе всего доказываютъ раскопки. Въ 1902 г., въ полуверстѣ отъ угла городской стѣны, въ высокомъ холмѣ, завершающемъ балку, нынѣ занятую огородами, открыты стѣны большого и богато изукрашеннаго по тому времени крестообразнаго храма, въ которомъ сохранилась большая часть мозаичнаго пола и частица стѣнной живописи съ написью. По монетамъ, найденнымъ въ стѣнахъ храма, по ха-

рактеру рисунка мозаики и другимъ даннымъ Бертье-Делагардъ относитъ этотъ храмъ къ VI в., именно ко временамъ Юстиніана I; проф. Покровскій и Штернъ считаютъ его болѣе древнимъ. Мы держимся мнѣнія Бертье-Делагарда. Не вступая въ споръ, скажемъ лишь нѣсколько словъ для подтвержденія нашей мысли.

Храмъ помѣщается на скалистомъ бугрѣ, кругомъ, точно пещерный городъ, сплошь изрытомъ тщательно выдолбленными могилами, склепами и катакомбами, часть которыхъ расположилась въ глубокомъ подземномъ ходѣ, оканчивающемся колодцемъ съ хорошей водой, которую можетъ испробовать каждый туристъ. Раскопки ясно показываютъ остатки древнихъ погребеній на этихъ мѣстахъ и между прочимъ обнаружили одинъ фамильный языческій склепъ II в. по Р. Х., въ которомъ была погребена богатая гражданка, по имени Агаѳоклея, судя по дорогому перстню съ ея именемъ.

Отсюда ясно, что церковь была кладбищенская и помѣщалась она на мѣстѣ древняго языческаго кладбища, которое со временемъ превратилось въ христіанское. Судя по размѣрамъ церкви и ея мозаичной отдѣлкѣ, она принадлежала и богатой, и обширной паствѣ. Это до извѣстной степени подтверждаютъ и обнаруженныя раскопками остатки прочной стѣны, окружавшей церковь и дворъ, точно крѣпостца.

Бертье-Делагардъ удивляется: „какъ херсонесцы рѣшились выстроить внѣ стѣнъ города такой большой и богато изукрашенный храмъ, рискуя подвергать всѣмъ случайностямъ войны и разбоя его священныя зданія и драгоцѣнные предметы богослуженія“. Но корсуняне знали, что дѣлали. И мнѣ кажется, постройка церкви въ такомъ опасномъ мѣстѣ объясняется тѣмъ, что въ то время корсуняне имѣли дѣло съ язычниками, у которыхъ сильна была вѣра въ загробную жизнь и они, подобно современнымъ китайцамъ и монголамъ, высоко уважали жилища мертвыхъ и изъ боязни мести духовъ, тѣней умершихъ, не рѣшались трогать ни кладбищъ, ни храмовъ, имъ принадлежавшихъ.

Со смерти Юстиніана Великаго (565 г.), раздвинувшаго владѣнія имперіи на востокъ до Евфрата, на западъ—до Атлантическаго океана, точно умираетъ великая сдерживающая народы сила, и въ Тавридѣ опять чувствуется большое движеніе народныхъ массъ, а за нимъ появляются новыя полчища тюркскихъ племенъ. Сначала появляются они на низовьяхъ Волги и Дона, затѣмъ—въ предѣлахъ нынѣшней Таврической губерніи и отсюда черезъ перешеекъ наводняютъ Тавриду и несутъ съ собой грозныя

тучи. И гроза прежде всего разразилась надъ ближайшимъ къ востоку Боспоромъ; но раскаты ея отдались и въ Херсонесѣ.

Византійскіе лѣтописцы говорятъ, что уже въ концѣ царствованія Юстиніана I въ нашихъ южныхъ степяхъ, подъ вліяніемъ переворотовъ въ Китаѣ и Монголіи, появилась оттуда новая кочевая орда, которую византійскіе историки называютъ аварами, а наши лѣтописцы — обрами. Въ царствованіе Юстиніана II (565—578) они уже были въ степяхъ между устьями Дона и Днѣстра; здѣсь разбили и подчинили себѣ нѣсколько гуннскихъ племенъ, имѣвшихъ здѣсь свои стоянки. По слѣдамъ аваровъ шли, повидимому преслѣдуя ихъ, турки. Часть ихъ, подъ командой вождя Бохана и гуннскаго князька Анагея, подчинившагося туркамъ, направилась къ Боспору, осадила его, а затѣмъ и взяла (580 г.), а въ слѣдующемъ году тѣ же турки уже угрожали Херсонесу, но взять его не могли (хотя историкъ Менандръ утверждаетъ противное), и турецкая волна, ударившись о неприступную стѣну, отхлынула, какъ нѣкоторые думаютъ, вслѣдствіе междоусобицъ въ главномъ станѣ турокъ.

Когда кончилось турецкое нашествіе, Боспоръ опять оказался во власти византійскаго императора Маврикія (582—602 г.) и въ подчиненіи у херсонесскаго генералъ-губернатора (дукса) Эвпатерія; за это говоритъ надпись, найденная въ Тамани еще въ 1803 г. извѣстнымъ крымскимъ судьею Сумароковымъ. Она гласитъ слѣдующее: „Сверхъ прочихъ великихъ и дивныхъ дѣяній и этотъ славный на Боспорѣ царскій дворецъ возобновилъ благочестивѣйшій и богохранимый нашъ властелинъ чрезъ своего вѣрноподданнаго Эвпатерія, славнѣйшаго начальника войскъ и дукса Херсона“.

Итакъ, въ то время (590 г.) Херсонесъ былъ первымъ городомъ Тавриды. Въ немъ проживалъ Эвпатерій, дуксъ, подъ командой котораго, по объясненію Латышева, находились войска, охранявшія границу имперіи; но, судя по тому, что дуксъ слѣдилъ и за постройкой дворца, ему была подчинена и гражданская власть. Такимъ образомъ, Эвпатерій былъ высшимъ представителемъ императорской власти, и ему былъ подчиненъ не только Херсонесъ, но и Боспорскія владѣнія. Это былъ современный генералъ-губернаторъ края. А если такъ, то врядъ ли Херсонесъ незадолго передъ тѣмъ, какъ говоритъ Менандръ, попалъ въ руки турокъ. Напротивъ, городъ все время оставался во владѣніи императора, который и назначалъ сюда высшихъ начальниковъ войскъ и края.

Однако, несмотря на полное подчиненіе имперіи, при Ма-

врикіѣ снова въ изобиліи попадаются херсонесскія монеты, исчезнувшія со смертью Юстиніана I. На этихъ монетахъ изображенъ императоръ, его жена и какой-то святой, въ которомъ извѣстный историкъ и знатокъ херсонесскихъ монетъ Кене видитъ мѣстнаго мученика и святого Евгенія; прямое указаніе, что въ то время христіанство здѣсь было государственной религіей и окончательно подавило язычество. И въ раскопкахъ находится не мало предметовъ церковно-христіанскаго обихода, которые можно отнести къ этому періоду жизни города, а можетъ быть—нѣсколько болѣе раннему или позднему. Такъ, найденъ обломокъ мраморной статуэтки Добраго Пастыря, служившей, вѣроятно, украшеніемъ какого-либо храма. Найдено довольно большое терракотовое блюдо, въ срединѣ котораго выдавлено изображеніе безбородаго лица и вокругъ—голуби. Полагаютъ, что это—образъ Христа. Къ этому же времени относятъ большой надгробный каменный крестъ съ надписью: „объ упокоеніи рабовъ божіихъ пресвитеровъ Стефана и Христофора", и мѣдный крестъ съ изображеніемъ Вознесенія и Преображенія; затѣмъ—каменная форма, по объясненію проф. Веселовскаго, для отливки металлическихъ амулетовъ, которые широко были распространены у древнихъ христіанъ, что они получили въ наслѣдіе отъ своихъ отдаленныхъ прародичей-язычниковъ. Въ срединѣ формочки—неясное поясное изображеніе лица съ простертыми вверхъ руками, а вокругъ—надпись: „Господи! помоги носящему! Аминь".

У одной изъ катакомбъ древняго кладбища, у самаго входа въ нее найденъ надгробный крестъ изъ мѣстнаго камня грубой работы съ хорошо сохранившейся, но крайне небрежно сдѣланной надписью: „Памятникъ святой мученицы Анастасіи". Эта находка дала поводъ акад. Латышеву предложить, что „памятникъ сохранилъ имя мѣстной мученицы, пострадавшей при одномъ изъ преслѣдованій христіанъ, которыя неоднократно бывали въ Херсонесѣ". Однако, противъ своего предположенія Латышевъ самъ находитъ рядъ возраженій и приходитъ къ мысли, что памятникъ поставленъ кѣмъ-либо изъ вѣрующихъ и почитавшихъ святую, носившую имя Анастасіи. Конечно, трудно допустить, чтобы подобное, можно сказать, жалкое напоминаніе могло быть на могилѣ мѣстной святой мученицы, да еще въ то время, когда христіанство стало господствующей религіей.

Изъ находокъ этого періода особенно интересна формочка въ видѣ глинянаго кружка, размѣромъ небольшого блюдца (9 сантм. въ діаметрѣ); на немъ—рельефное изображеніе св. Фоки, стоящаго въ лодкѣ съ простертыми вверхъ руками. Кругомъ по краю въ

видѣ бордюра надпись: „Благословеніе святого Фоки отъ богадѣльни Херсона". Эта надпись прежде всего указываетъ на интересный фактъ, что въ то время въ Херсонесѣ существовала богадѣльня имени св. Фоки, который, согласно его житію „и досего дня признается первымъ кормчимъ понтійскихъ мореплавателей и прославляется во всемъ мірѣ". Корсуняне, какъ истые моряки, конечно глубоко чтили блаженнаго Фоку, посвятили ему свое благотворительное учрежденіе и, какъ сказано въ житіи святого, среди моряковъ существовалъ обычай при каждой трапезѣ отдѣлять часть пищи или питья св. Фокѣ, затѣмъ продавать ее каждому изъ сотрапезниковъ по очереди и вырученныя деньги, по прибытіи въ гавань, раздавать нуждающимся. Это наводитъ Латышева на мысль, что „въ херсонесской богадѣльнѣ изготовлялись особые хлѣбы, которые продавались богомольцамъ подъ именемъ благословенія св. Фоки, и вырученныя за нихъ деньги употреблялись на содержаніе призрѣваемыхъ въ богадѣльнѣ. Возможно, что нашъ кружокъ примѣнялся для тисненія на такихъ хлѣбахъ изображенія святого. Могло быть и такъ, что въ церквахъ раздавались хлѣбы съ священными изображеніями благочестивымъ жертвователямъ, въ знакъ благословенія святого покровителя храма и богадѣльни за пожертвованія. Такимъ образомъ кружокъ вполнѣ аналогиченъ съ печатями, которыя употребляются теперь для тисненій изображеній на просфорахъ".

Такое объясненіе кажется тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что обычай раздавать въ церквахъ вещественные предметы въ знакъ благословенія благочестивымъ поклонникамъ былъ широко распространенъ среди христіанъ съ древнѣйшихъ временъ. Проф. Помяловскій, подробно изслѣдовавшій этотъ вопросъ, указываетъ, между прочимъ, на паломницу IV в. Сильвію, которая въ своемъ описаніи неоднократно упоминаетъ о такихъ благословеніяхъ, и — на Антонина изъ Плаценціи, путешествовавшаго къ св. мѣстамъ въ концѣ IV в., и который прямо говоритъ о раздачѣ хлѣба бѣднымъ при церкви св. Исихія въ Іерусалимѣ по распоряженію св. Елены.

Особенно распространенъ былъ обычай освящать масло или чрезъ прикосновеніе къ мощамъ, или чрезъ наливаніе его въ лампады, горѣвшія передъ мощами. Такой освященный елей увозился паломниками въ стеклянныхъ или глиняныхъ сосудахъ и употреблялся для врачеванія; причемъ паломники иногда дарили его своимъ знакомымъ или уважаемымъ лицамъ. Кромѣ обычая увозить елей, былъ обычай увозить въ глиняныхъ сосудахъ и воду изъ священныхъ мѣстъ. Такіе сосуды, изъ другихъ мѣстъ,

дошли до насъ въ значительныхъ количествахъ. На нѣкоторыхъ изъ такихъ сосудовъ имѣются надписи: „Елей древа жизни святыхъ мѣстъ Христовыхъ“: или „Благословеніе Господа отъ святыхъ мѣстъ Христовыхъ“, или: „Благословеніе святого Мины“ или: „Благословеніе Господа на васъ“.

Я позволилъ себѣ привести эти подробности въ виду того, что кромѣ указанной печати св. Фоки, въ раскопкахъ была найдена подобная же печать, такой же работы и размѣра; къ сожалѣнію недостаетъ у нея небольшого кусочка верхней части. На печати изображенъ большой крестъ, а по сторонамъ его—два святыхъ въ длинныхъ одеждахъ, причемъ у праваго руки простерты къ небу, а у лѣваго—въ одной рукѣ посохъ, а другая прижата къ сердцу. Вокругъ головы и креста—сіяніе (нимбъ), а по краямъ, какъ и въ печати св. Фоки—обратная надпись, часть которой теряется на выломанномъ недостающемъ треугольномъ кускѣ; надпись невполнѣ ясна, однако удается возстановить ее, и читается такъ: „Благословеніе святого и славнаго великомученика...“ (какъ Латышевъ полагаетъ — Георгія). Очень можетъ быть, что эта печать служила клеймомъ для указанныхъ сосудовъ. Всѣ эти памятники, говоритъ Латышевъ, „по характеру начертанія надписей и стиля изображеній, несомнѣнно принадлежатъ одной эпохѣ. Для опредѣленія ея главнымъ критеріемъ служитъ священное изображеніе и въ особенности форма креста, которая представляетъ разительное сходство съ изображеніями креста на памятникахъ V — VI вв. И во всякомъ случаѣ эти памятники не позднѣе VII в.“...

По смерти Маврикія (602 г.) и до средины царствованія Константа II (641—668 г.), т.-е. полъ-столѣтія, за отсутствіемъ свѣдѣній замѣчается какъ бы перерывъ въ исторіи города, и даже въ раскопкахъ почти не встрѣчается монетъ предшествовавшихъ императоровъ—Фоки (602—610) и долго царствовавшаго Гераклія (610 — 641 г.). Эти перерывы встрѣчаются и позднѣе, въ болѣе близкую намъ эпоху. Объясняются они тѣмъ, что византійскіе историки пренебрегаютъ исторіей провинцій, занимаясь почти исключительно исторіей столицы и придворныхъ интригъ. Около 653 г., по свидѣтельству житія, къ которому „надо относиться очень осторожно“ (Васильевскій), Херсонесъ еще разъ послужилъ мѣстомъ ссылки. А именно, по разсказу житія, папа или епископъ римскій Мартинъ „всажденъ бысть на корабль и въ заточеніе посланъ въ Херсонъ“ за то, что не пожелалъ принять монофелитской ереси, признававшей въ Христѣ только одну божескую волю, каковую ересь поддерживалъ самъ императоръ,

суровый и страстный Константъ II, которому Мартинъ заявилъ: „Еслибы и весь міръ принялъ это новое, противное православію ученіе, то я не приму и не отступлю отъ евангельскаго и апостольскаго ученія и отъ преданій святыхъ отецъ, еслибы даже пришлось пострадать до смерти". Мартинъ, какъ и Климентъ, будто бы былъ сосланъ въ каменоломни. Старецъ не выдержалъ ссылки и скончался въ 655 г. Церковь причислила его къ лику святыхъ. Сохранилось нѣсколько писемъ Мартина, изъ ссылки, въ которыхъ онъ жалуется своимъ далекимъ друзьямъ на дикіе нравы населенія, называя его языческимъ или обратившимся въ язычество, жалуется на свое бѣдственное положеніе, на дороговизну и недостачу жизненныхъ продуктовъ, и между прочимъ дѣлаетъ интересное сообщеніе о томъ, что въ Херсонесѣ не было своего хлѣба, и онъ получалъ его съ противоположнаго берега моря, который называетъ Романіей, причемъ, суда, привозившія хлѣбъ, возвращались назадъ съ грузомъ соли. По этому поводу проф. Кулаковскій справедливо замѣчаетъ: „Такимъ образомъ, въ половинѣ VII в. Таврида, которая была житницей Эллады за пять вѣковъ до Р. Х., при измѣнившихся этническихъ условіяхъ сама нуждалась въ привозномъ хлѣбѣ, расплачиваясь за него солью".

Такимъ образомъ, вывозная торговля хлѣбомъ, главный нервъ жизни города, сильно упала. Иначе и быть не могло: послѣ Юстиніана I, да и задолго до него, Херсонесъ и принадлежавшая ему область испытали на себѣ всю тяжесть переселенія народовъ. Сначала готы, за ними гунны, авары, татары тѣснятъ другъ друга, тѣснятъ и Херсонесъ, а если возможно, то и грабятъ его.

Вскорѣ послѣ смерти Мартина и особенно къ концу VII в., при императорѣ Константинѣ Погонатѣ (668—685 г.), на Таврическомъ полуостровѣ появляются новые гости—хозары. Кто они —трудно отвѣтить: исторія ихъ очень темна. По византійскимъ и армянскимъ источникамъ, еще при Аттилѣ какія-то тюркскія племена, обитавшія въ степяхъ Волги и Дона и по западному побережью Каспійскаго моря, объединились и появились на свѣтъ исторіи подъ именемъ хозаръ. Мало-по-малу они расширяютъ свое вліяніе и господство и въ концѣ VII в. подчиняютъ себѣ одно изъ гуннскихъ племенъ, сосѣднихъ Боспору, а за нимъ— Фанагорію и самый Боспоръ. Когда именно хозары овладѣли ими,—неизвѣстно; но хорошо извѣстно, что въ концѣ VII в. въ обоихъ указанныхъ городахъ сидѣли намѣстники хозарскаго правителя (кагана), носившіе званіе „тудуна". Постепенно власть хозаръ простерлась и далѣе на западъ полуострова. Побережье

съ городомъ Сугдеей (нынѣ Судакъ), крѣпость внутри полуострова Фуллы (вѣроятно — Старый Крымъ) и часть горъ вплоть до земель, занятыхъ готами, попали подъ власть хозаръ (проф. Кулаковскій, Бильбасовъ). Такимъ образомъ Херсонесъ не попалъ въ ихъ владѣнія, и несмотря на это, престижъ хозаръ былъ такъ великъ, что бытописатели VIII—IX вѣка и даже позднѣе часто называли Тавриду Хозаріей.

XVII.

Однако, хотя Херсонесъ и не попалъ въ руки хозаръ и оставался въ прежнихъ отношеніяхъ къ имперіи, но въ жизни города, можно сказать въ самый трагическій моментъ ея, они сыграли видную роль.

Дѣло въ томъ, что по смерти Погоната вступилъ на престолъ (въ 685 г.) его сынъ Юстиніанъ II. Десять лѣтъ Византія стонала отъ его жестокости и расточительности, ряда нелѣпостей и политическихъ ошибокъ. Наконецъ, народъ не выдержалъ и свергнулъ его съ престола, и военная партія провозгласила императоромъ (695 г.) командующаго войсками Леонтія II, стяжавшаго себѣ славу въ войнѣ съ арабами, у которыхъ онъ отнялъ Иберію, Албанію и Арменію. Первымъ дѣломъ новаго императора было вырвать ноздри своему предшественнику, что онъ и произвелъ для большаго эффекта на столичномъ гипподромѣ въ виду массы народа и всей знати, присутствовавшей на играхъ. Не оставилъ Леонтій своимъ вниманіемъ приверженцевъ и фаворитовъ обезображеннаго императора, которыхъ безжалостно убивали. Послѣ этой операціи изуродованный Юстиніанъ, получившій прозваніе „безносаго“ (по греч. „ринотметъ“), немедля былъ отправленъ въ ссылку въ Херсонесъ. Такимъ образомъ на этотъ разъ городъ удостоился высокой чести поселенія въ немъ хотя и развѣнчанной, безносой, но все же царской особы, каковыя до этого времени никогда не заглядывали сюда.

Леонтій II царствовалъ недолго. Вынужденный вести войну со все болѣе и болѣе усилившимися въ Африкѣ арабами, онъ потерялъ Карѳагенъ, очень важный торговый и стратегическій пунктъ. Это было поставлено Леонтію въ вину, хотя онъ, повидимому, былъ ни при чемъ. Въ это время возмутилась сильная критская эскадра съ дессантомъ и провозгласила императоромъ хорошо извѣстнаго ей начальника мало-азійскихъ войскъ, Апсимара, который вскорѣ былъ уже у стѣнъ Константинополя

(698 г.), захватилъ не успѣвшаго бѣжать Леонтія и поступилъ съ нимъ совершенно такъ же, какъ тотъ съ своимъ предшественникомъ Юстиніаномъ, т.-е. отрѣзалъ ему кусокъ носа и сослалъ въ монастырь, а себя, взобравшись на тронъ, провозгласилъ Тиберіемъ III (698 — 705 г.). Такой способъ восшествія на престолъ, съ легкой руки Леонтія и его предшественниковъ, скоро сталъ обычнымъ въ Византійской имперіи въ послѣдующихъ вѣкахъ, когда рѣдкій императоръ не вступалъ на престолъ черезъ трупъ своего предшественника, съ которымъ обыкновенно не связывали никакія узы, кромѣ женскихъ интригъ.

Пока совершались эти событія, Юстиніанъ II очень усердно интриговалъ въ Херсонесѣ, въ надеждѣ снова посидѣть на престолѣ. Однако, какъ говоритъ ближайшій историкъ этихъ событій, Ѳеофанъ, херсонесцы терпѣть не могли Юстиніана за его несносный характеръ и постоянно преслѣдовали бранью и насмѣшками за невольное уродство, и не только не склонились на его сторону, но даже пригрозили выдать его Тиверію.

Положеніе ссыльнаго императора было опасное, и онъ бѣжалъ сначала къ готамъ въ Доросъ, а затѣмъ дальше въ Хазарію, къ кагану, гдѣ и женился на его дочери, принявшей въ крещеніи имя Ѳеодоры, и поселился, съ согласія кагана, въ Фанагоріи (Тамань). Но и здѣсь положеніе бѣглеца было непрочное. До него дошли слухи, что Тиверій ищетъ умертвить его. Юстиніанъ побоялся византійскаго императора, побоялся, что его выдадутъ, и онъ снова бѣжалъ,—на этотъ разъ въ простомъ баркасѣ, съ приверженцами, вызванными изъ Херсонеса къ берегамъ Дуная,—къ болгарскому царю Тербелію, обладавшему въ то время значительными силами. Съ его помощью и при содѣйствіи дворцовой интриги Юстиніанъ, послѣ десяти лѣтъ изгнанія, снова очутился на византійскомъ престолѣ (705 г.) и просидѣлъ на немъ,—правда, не совсѣмъ благополучно—до 711 г., т.-е. шесть слишкомъ лѣтъ.

Первымъ желаніемъ Юстиніана по восшествіи на престолъ было желаніе отомстить своимъ врагамъ. „Съ этой цѣлью,—говоритъ Герцбергъ,—чудовищный царь, безпримѣрная мстительность и жестокость котораго не разъ принимали окраску сумасшествія, устроилъ на гипподромѣ, по случаю своего возстановленія на престолѣ, блестящія ристалища. При этомъ царь сидѣлъ на высокомъ тронѣ, а ноги его покоились на затылкахъ его первыхъ жертвъ — узурпаторовъ Леонтія и Тиверія, лежавшихъ передъ нимъ на землѣ. Въ то же время запуганная столичная чернь громко привѣтствовала царя словами псалмопѣвца:

„На аспида и василиска наступиши и попереши льва и змія“!.. Затѣмъ обоихъ недавнихъ владыкъ повѣсили, а вмѣстѣ съ ними и храбраго полководца Гераклія“. Вспомнилъ здѣсь царь и херсонесцевъ,—всѣ ихъ насмѣшки и отказъ поддержать въ трудную минуту. И рѣшилъ отомстить такъ, чтобы каждый изъ нихъ отъ мала до велика чувствовалъ всю силу мести жестокаго царя. И онъ приказалъ готовить флотъ и большой карательный отрядъ подъ командой мавра Бэза и патриція Стефана по прозванію Асмета, т.-е. свирѣпаго.

До корсунянъ уже дошелъ слухъ, что на нихъ идетъ стотысячный отрядъ, съ приказаніемъ отъ императора уничтожить до основанія города Пантикапей и Херсонесъ, а всѣхъ жителей отъ мала до велика перебить. Не видя исхода, херсонесцы обратились за помощью къ кагану, но онъ на этотъ разъ отказалъ въ войскѣ и помощи, и только послалъ въ городъ для переговоровъ своего намѣстника (тудуна). Тогда что̀ могло, то̀ бѣжало изъ Херсонеса. Городъ былъ взятъ, и съ оставшимися жителями, исключая отроковъ и дѣтей, которыхъ взяли въ рабство, поступили съ восточной жестокостью. Главныхъ виновниковъ Стефанъ Свирѣпый, привязавъ за ноги къ столбу головою внизъ, приказалъ въ такомъ положеніи изжарить на медленномъ огнѣ. Двадцать были связаны и брошены въ барку, которую наполнили камнями и затопили въ морѣ; сорокъ-два члена городского совѣта, въ томъ числѣ тудунъ, протевоны Дикосъ и Зоилъ, „первый гражданинъ по роду и положенію“, были закованы въ цѣпи и съ женами и дѣтьми были посланы къ императору. „Горше была участь Херсонеса,—говоритъ историкъ XII в., Константинъ Манассія,—чѣмъ участь Виѳлеема; въ послѣднемъ избили только маленькихъ дѣтей, а въ Херсонесѣ убивали мужчинъ и женщинъ“.

Однако кровавая расправа не удовлетворила Юстиніана, говорятъ византійскіе историки, и онъ разразился новымъ гнѣвомъ за то, что пощадили отроковъ и дѣтей, и приказалъ немедля доставить ихъ въ Константинополь. Тогда Стефанъ отплылъ обратно, оставивъ Илью намѣстникомъ Херсонеса. На возвратномъ пути флотъ Стефана былъ разбитъ бурей. Адмиралъ и 73 тысячи войскъ и плѣнныхъ погибли въ волнахъ. Юстиніанъ не опечалился гибелью флота и велѣлъ снарядить новый флотъ и вторично послалъ того же Стефана Асмета съ тѣмъ, чтобы „не оставить въ Херсонесѣ живой души и обратить мѣсто города въ пустыню. Велѣно было: не оставить даже слѣдовъ стѣнъ и уничтожить даже тѣ мѣста, гдѣ сваливались нечистоты. И какъ

можно чаще увѣдомлять императора объ успѣхахъ и исполненіи приказаній".

Оставшіеся въ живыхъ и возвратившіеся въ городъ жители рѣшили защищаться до послѣдней крайности. На этотъ разъ ихъ ободряло обѣщаніе кагана прислать помощь и—оставшійся по отъѣздѣ Стефана временнымъ правителемъ Илія, перешедшій на сторону херсонесцевъ. Но душой всего дѣла, повидимому, былъ патрицій армянинъ Варданъ, недавно (въ 710 г.) сосланный сюда за то, что имѣлъ неосторожность хвастать предсказаніемъ астролога, прорицавшаго ему царскій вѣнецъ. Наскоро были исправлены стѣны города и пришелъ отрядъ хозаръ. Все это вскорѣ стало извѣстно Юстиніану, и онъ поторопился прислать сюда спеціальную миссію подъ охраной конвоя въ 300 ѳракійцевъ. Миссія находилась подъ начальствомъ канцлера (логофета) сиріянина Георгія, бывшаго градоначальника Константинополя. Съ миссіей прибыли взятые Стефаномъ въ плѣнъ хозарскій тудунъ и протевонъ Зоилъ. Георгію было приказано: извиниться передъ родственнымъ императору каганомъ за арестъ тудуна, возстановивъ его, равно какъ и протевона Зоила, въ прежнихъ должностяхъ, а въ городѣ все привести въ порядокъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ поручено было требовать у кагана, чтобы онъ принудилъ херсонесцевъ выдать императору Илію и Вардана, какъ государственныхъ преступниковъ.

Херсонесцы, зная приготовленія императора, впустили къ себѣ только представителей миссіи и затѣмъ, заперевъ городскія ворота, умертвили ихъ. Хозары же окружили ѳракійскій конвой и вмѣстѣ съ тудуномъ повели ихъ къ кагану. По пути тудунъ умеръ. Тогда хозары умертвили конвойныхъ на могилѣ тудуна, какъ надгробную жертву.

Въ то же время херсонесцы, какъ говоритъ лѣтопись, стерли имя Юстиніана со стѣнъ укрѣпленій и другихъ городовъ и провозгласили императоромъ Илію, но тотъ отказался; тогда они провозгласили императоромъ давно стремившагося къ этому Вардана и, по обычаю времени, измѣнили его имя, назвавъ Филиппикомъ. Узнавъ объ этомъ, Юстиніанъ собственноручно умертвилъ двухъ малолѣтнихъ дѣтей Иліи, а жену его отдалъ на поруганіе негру. Между тѣмъ подошелъ къ Херсонесу имперскій флотъ съ дессантомъ, подъ командой уже извѣстнаго намъ мавра Бэза, и началъ осаду города. Сначала дѣло шло успѣшно: византійскимъ таранамъ и осаднымъ машинамъ стали уступать херсонесскія стѣны. Уже пали двѣ башни: Кентенарійская и Синагра. Но вотъ, благодаря энергіи Вардана, подошелъ свѣжій хозарскій

отрядъ подъ начальствомъ тудуна, оттѣснилъ императорскія войска и заставилъ снять осаду.

Тогда Бэзъ, его флотъ и дессантъ, страшась возвратиться ни съ чѣмъ, такъ какъ имъ грозила жестокая расправа со стороны безносаго императора, измѣнили ему, присоединились къ херсонесцамъ и просили кагана прислать къ нимъ въ станъ новаго императора. Осторожный каганъ потребовалъ отъ византійцевъ торжественной присяги новому императору и обѣщанія уплатить ему военныя издержки „по монетѣ съ каждаго человѣка". И это было исполнено. Тогда херсонесцы, соединившись съ византійцами, вмѣстѣ съ Бэзомъ и Варданомъ-Филиппикомъ, по словамъ лѣтописи, „какъ разъяренные волки и тигры" отплыли въ Константинополь, гдѣ въ то время уже волновалась чернь, недовольная императоромъ, и Вардану не трудно было низложить Юстиніана, схватить его и, во избѣжаніе новыхъ попытокъ его украсить себя византійской короной, умертвить поскорѣе. Такимъ образомъ закатилась звѣзда Юстиніана, и астрологи увидѣли на сводѣ небесъ новую звѣзду—Вардана-Филиппика.

Всѣ эти сказанія византійскихъ лѣтописцевъ Бертье-Делагардъ называетъ баснословіями. „Изъ всего этого баснослоія,—говоритъ онъ,—мы только извлекаемъ свѣдѣнія о существованіи ранѣе первой экспедиціи Юстиніана правителя города, которымъ былъ хозарскій тудунъ или протополитъ Зоилъ,—быть можетъ, оба вмѣстѣ; одинъ—отъ хозаръ, другой—отъ Византіи. Ихъ обоихъ заковали и отвезли въ Константинополь, оставивъ вмѣсто нихъ Илію". Мнѣ кажется, въ данномъ случаѣ Бертье-Делагардъ черезчуръ недовѣрчивъ и напрасно хочетъ аннулировать эти интересные документы... Ни строгій Момзенъ, ни осторожный въ своихъ заключеніяхъ Кене, ни проф. Кулаковскій, ни Герцбергъ не только не отрицаютъ ихъ историческаго значенія, но даже пытаются использовать ихъ какъ историческій матеріалъ.

Несомнѣнно, въ разсказахъ, записанныхъ, быть можетъ, черезъ 150—200 лѣтъ—много неточностей, противорѣчій и искаженій, и придана имъ неправильная окраска, такъ какъ вѣроятнѣе всего записаны они со словъ корсунянина, одареннаго богатой фантазіей, быть можетъ, такою же, какъ и потомокъ его, диктовавшій исторію Херсонеса Багрянородному. Но обязанность исторической критики—очистить ихъ отъ наслоеній и открыть въ нихъ зерно правды, т.-е. поступить такъ, какъ поступаетъ археологъ, нашедшій въ раскопкахъ неизвѣстную вещь, облѣпленную грязью и землей. И тогда изъ этихъ памятниковъ намъ удастся извлечь болѣе того, чѣмъ воспользовался Бертье-Делагардъ.

Оба похода—историческій фактъ. Изъ сказаній о нихъ мы приведемъ у себя только болѣе достовѣрное. Вѣрно указанъ и промежутокъ между походами (706 — 711 гг.). Несомнѣнно и то, что эскадра Бэза не могла имѣть на себѣ сто-тысячное войско: это было не по силамъ Византіи, которую на южныхъ окраинахъ тѣснили арабы, а на сѣверныхъ—славяне и хозары. А разъ эскадра не была такъ велика, то не могло быть и такихъ большихъ потерь послѣ бури, уничтожившей эскадру, о которой говорятъ хроники. Цѣль экспедиціи не была только карательной,—такъ могъ думать и говорить развѣ корсунянинъ, который чувствовалъ себя виновнымъ по отношенію къ Юстиніану II. Для экспедиціи вовсе не требовались ни большая армія, ни многочисленный флотъ, тѣмъ болѣе, что у Юстиніана въ Херсонесѣ было не мало друзей и единомышленниковъ. Изъ тѣхъ же сказаній мы узнаемъ, что бѣжавшій императоръ по пути къ Тербелію зашелъ „въ гавань Символонъ [1]) и отсюда тайно послалъ въ Херсонъ и вызвалъ къ себѣ своихъ приверженцевъ: Васвакурія, брата его Сильвана, Стефана и Мороплавла съ Ѳеофиломъ". Знаемъ также, что въ 709 г. Юстиніаномъ былъ сосланъ сюда за мнимый бунтъ ослѣпленный имъ архіепископъ равенскій Феликсъ. И по этому поводу самъ Бертье-Делагардъ справедливо замѣчаетъ: „Было бы совершенно немыслимо послать въ Херсонесъ въ ссылку Феликса, если у Юстиніана не было тамъ своего правителя, а имѣлось только враждебное ему народное правленіе, знающее ненависть къ нему жестокаго императора". То же можно сказать относительно Вардана. А имѣя въ Херсонесѣ своихъ сторонниковъ, ставленниковъ и престижъ власти, Юстиніану, конечно, не было необходимости посылать цѣлый флотъ и армію, чтобы отомстить и покарать десятокъ-другой херсонесцевъ. Вторая экспедиція еще менѣе преслѣдовала карательныя цѣли. Въ самомъ дѣлѣ, трудно представить себѣ, чтобы Юстиніанъ вздумалъ мстить черезъ пять лѣтъ post factum только за то, что тогда не истребили дѣтей и юношей.

Цѣль этихъ походовъ была иная, и она ясно проглядываетъ въ тѣхъ же повѣствованіяхъ. Тамъ сказано, что Юстиніанъ приказалъ умертвить всѣхъ жителей городовъ, подчиненныхъ Херсонесу, Пантикапею, и сосѣднихъ мѣстностей и въ добавокъ—разорить Херсонесъ до тла. Причемъ здѣсь неповинные жители отдаленныхъ мѣстностей, не только не видѣвшихъ, а можетъ

[1]) Нынѣ Балаклава.

быть никогда и не слышавшихъ имени Юстиніана? Цѣль очевидна: вытѣснить изъ Херсонеса, Пантикапея и другихъ мѣстъ хозаръ, которые успѣли за это время распространить свою власть на готовъ и на Херсонесъ. Да и онъ, какъ видно, готовъ былъ отпасть отъ Византійской имперіи и присоединиться къ готамъ или подчиниться хозарамъ. Такъ, въ самомъ концѣ VII вѣка, на трульскомъ соборѣ участвовалъ херсонесскій епископъ и подписался: „Георгій, недостойный епископъ Херсона доранскаго“ [1]). А нѣсколько позднѣе (VIII—IX в.) въ житіи ап. Андрея, составленномъ Эпифаніемъ, Херсонесъ называется готскимъ городомъ. Изъ хроникъ мы тоже знаемъ, что тудунъ въ то время въ Херсонесѣ играетъ бо́льшую роль, чѣмъ протевонъ. Тудунъ поддерживаетъ Вардана, къ тудуну обращается Бэзъ съ просьбой прислать въ станъ вновь избраннаго императора; тудунъ требуетъ торжественной присяги, и онъ же требуетъ возвратить военныя издержки (контрибуцію). И не видно, чтобы тудунъ оставилъ городъ, послѣ того какъ подъ командой Вардана и Бэза ушли въ Константинополь возмутившіеся противъ императора корсуняне и эскадра. Вторымъ походомъ преслѣдовалась и другая, болѣе узкая, но очень важная для Юстиніана цѣль: получить изъ Херсонеса Вардана, намѣренія котораго были хорошо извѣстны императору. Эти цѣли дѣйствительно могли оправдать посылку большой эскадры и арміи въ дальніе края, а не только мелкая личная месть.

Такимъ образомъ, Херсонесъ того времени сыгралъ важную роль въ исторической драмѣ Византіи. Онъ долго ютилъ у себя коронованнаго изгнанника, помогъ ему, хотя и косвенно, снова получить царскую корону; неудачными походами онъ содѣйствовалъ низверженію правителя; онъ же далъ Византіи новаго императора Вардана-Филиппика, и первый провозгласилъ его имя.

Изъ всего сказаннаго видно, что Херсонесъ въ то время былъ подчиненъ имперіи, но имѣлъ самоуправленіе, во главѣ котораго стоялъ именитый гражданинъ со званіемъ протевона (первенствующаго), котораго, повидимому, утверждалъ императоръ; и въ то же время надъ Херсонесомъ былъ какой-то протекторатъ хозаръ.

Интересно то, что въ этотъ періодъ въ Херсонесѣ происходила чеканка монеты въ широкихъ размѣрахъ. Это, конечно, нисколько не говоритъ противъ зависимости отъ Византіи, такъ какъ чеканка могла производиться подъ контролемъ византій-

---

[1]) Область готовъ въ Крыму Ам. Марцеллинъ называетъ Дори, слѣдовательно доранскій—лежащій въ готской землѣ.

скаго чиновника. „И хотя на монетахъ нѣтъ имени города,— говоритъ Бертье-Делагардъ,—не можетъ быть сомнѣнія, что онѣ чеканены именно здѣсь. Эти монеты почти всѣ особаго типа, находятся въ огромныхъ количествахъ въ развалинахъ города и очень рѣдко въ другихъ мѣстахъ черноморскаго побережья".

XVIII.

Съ воцареніемъ въ Византіи Вардана-Филиппика Херсонесъ вздохнулъ глубоко и легко. Какъ и слѣдовало ожидать, ставленникъ Херсонеса возвратилъ ему старыя льготы и даровалъ новыя: освободилъ отъ налоговъ, далъ право безпошлинной торговли, снабдилъ и другими правами, какъ теперь принято выражаться, наиболѣе благопріятствуемаго города. Кромѣ того, императоръ обѣщалъ, какъ и Константинъ Великій, ежегодно выдавать городу желѣзо, дерево, масло и другіе матеріалы для постройки баллистъ и другихъ осадныхъ машинъ, необходимое число тетивъ для луковъ и съѣстныхъ припасовъ на 1.000 человѣкъ; но въ то же время потребовалъ отъ города ежегодной подати въ 12 пудовъ золота вмѣсто прежнихъ 10. Солидная подать: считая пудъ золота 15—18 тысячъ рублей, выходитъ, что Херсонесъ ежегодно платилъ византійскому императору 180—200 тысячъ рублей. Надо было имѣть хорошій доходъ, чтобы давать подобную подать.

„Въ это время многочисленныя греческія колонія, процвѣтавшія на Таврическомъ полуостровѣ и на восточномъ и сѣверномъ берегахъ Чернаго моря, были почти всѣ покинуты. Большая часть ихъ покорилась хозарамъ, орды которыхъ теперь занимали всю страну вдоль побережья моря. Хозары могли бы завладѣть и Херсонесомъ, еслибы пожелали этого, но, говоритъ акад. Васильевскій, каганъ, повидимому, предпочиталъ такимъ пріобрѣтеніямъ дружественныя отношенія къ имперіи, съ которой онъ имѣлъ одного и того же врага, въ лицѣ халифа. И хозары ограничились только назначеніемъ протектората надъ Херсонесомъ, вполнѣ оцѣнивая значеніе этого города, какъ важнаго торговаго пункта. А городъ, лишенный плодоносныхъ полей и хлѣбнаго рынка, теперь существовалъ только иностранной торговлей, которая должна была быть велика вслѣдствіе паденія или закрытія другихъ рынковъ Тавриды. Херсонесскія суда попрежнему обмѣнивали въ Константинополѣ и другихъ морскихъ городахъ имперіи шкуры, воскъ, соль и соленую рыбу на необходимые предметы потребленія и роскоши городской жизни" (Бобринскій).

Но не долго пришлось Херсонесу находиться подъ покровительственной рукой Вардана-Филиппика. Ставленникъ Херсонеса не оправдалъ надеждъ государства. Распутный и не интересовавшійся дѣлами государства, онъ не въ состояніи былъ удержать ни набѣговъ болгаръ, мстившихъ ему за Юстиніана, ни успѣховъ арабовъ въ Малой Азіи; при этомъ Варданъ возобновилъ монофелитскіе споры, уменьшившіе и безъ того незначительное число его сторонниковъ. При такихъ условіяхъ не прошло и трехъ лѣтъ, какъ его свергнулъ съ престола (713 г.) нѣкій Артемій, бывшій первый министръ, короновавшійся именемъ Анастасія II и жаждавшій такъ сильно короны, что сорвалъ ее съ головой своего несчастнаго предшественника. Но и онъ просидѣлъ на тронѣ ровно столько же, сколько и его предшественникъ (713—716), почти не выходя изъ Константинополя, угрожаемый осадами арабовъ. Его столкнулъ съ престола Θеодосій III, бывшій командиръ эскадры, провозгласившей его императоромъ. Онъ не проносилъ корону и года; ее отнялъ энергичный фельдмаршалъ византійскихъ войскъ, исавріанинъ [1]) Левъ III, который не хотѣлъ признать Θеодосія законнымъ правителемъ.

Никакихъ слѣдовъ кратковременныхъ царствованій Анастасія II и Θеодосія III въ Херсонесѣ, какъ и слѣдовало ожидать, не сохранилось. И, надо думать, городъ въ этотъ періодъ придворныхъ интригъ и частой смѣны правленій, былъ почти независимъ отъ имперіи.

Левъ Исавріанинъ не въ примѣръ прочимъ продержался на престолѣ почти четверть столѣтія (717—741). При немъ, какъ извѣстно, появилась и развилась иконоборческая смута, продолжавшаяся почти цѣлое столѣтіе. И, какъ говорятъ, одной изъ причинъ преслѣдованія иконъ было желаніе императора задержать распространеніе магометанства и обратить арабовъ-магометанъ въ христіанство, чему большимъ препятствіемъ было развившееся къ этому времени иконопочитаніе. Левъ явился однимъ изъ первыхъ и ярыхъ противниковъ иконъ, и издалъ указъ, запрещавшій употреблять иконы; ослушники преслѣдовались настойчиво и сурово и обыкновенно изгонялись изъ столицы.

Иконоборческая смута не обошла Тавриды и Херсонеса. Въ числѣ преслѣдуемыхъ былъ извѣстный слагатель духовныхъ пѣсенъ, Іосифъ Пѣснопѣвецъ. О немъ въ Макарьевскихъ Четіяхъ Минеяхъ читаемъ: „Память иже со святымъ Стефаномъ Новымъ,

---

[1]) Исавры — дикій, разбойничій народецъ въ горахъ Тавра, въ глубинѣ Малой Азіи.

святыхъ ради иконъ замученнымъ. Носъ ему урѣзавъ, въ Херсонъ прогна и хотя его убити; бѣжа въ Хозарію идѣже епископъ поставленъ бысть и потомъ преставися. Инъ же Стефанъ именемъ въ Сугдаѣ заточенъ бывъ и многихъ тамъ пріобрѣть и по семъ тамо епископъ бывъ, добрѣ о тѣхъ упасъ. Успѣ о Господѣ".

Стефанъ Новый, о которомъ здѣсь упоминается, подвизался въ началѣ гоненія въ Никомидіи, въ Малой Азіи, и возставалъ противъ ереси. Свою вѣрность иконопочитанію запечатлѣлъ мученической смертью въ 765 г. Въ утѣшеніе гонимымъ собратьямъ Стефанъ подалъ слѣдующій, заслуживающій нашего вниманія, совѣтъ, который сохранился въ его житіи, составленномъ въ началѣ IX вѣка. „Есть три области,—поучаетъ Стефанъ, которыя не приняли участія въ нечестивой ереси; тамъ вы должны искать себѣ убѣжища отъ гоненія дракона. Это — сѣверные склоны береговъ Эвксинскаго Понта, побережныя области, лежащія по направленію къ Зихійской епархіи, и пространства—отъ Боспора и Херсона по направленію къ Готіи".

Принимающіе иконы послѣдовали совѣту Стефана, и такимъ образомъ Херсонесъ сталъ убѣжищемъ для многихъ преслѣдуемыхъ епископовъ, пресвитеровъ, монаховъ и мірянъ. Изгнанники, здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ Тавриды, содѣйствовали распространенію и укрѣпленію христіанства, а вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, и греческаго языка и греческой образованности. Такова была роль Херсонеса въ то время, т.-е. во второй половинѣ VIII вѣка.

Однако не слѣдуетъ думать, что сами херсонесцы того времени были истыми христіанами и сторонниками почитанія иконъ; нисколько: занятые на два фронта—постоянной борьбой съ хозарами и съ притязаніями имперіи, они больше думали о своихъ личныхъ дѣлахъ, плохихъ въ то время, и равнодушно относились къ вопросамъ религіи. Конечно, переселеніе въ Херсонесъ множества монаховъ и образованныхъ духовныхъ лицъ могло только облагородить городъ и поднять его въ умственномъ отношеніи.

Гоненія на иконопочитателей продолжались и въ царствованіе сына Льва Исавріанина, Константина IV (741—775 гг.), который, отбросивъ всякую политику, былъ убѣжденнымъ противникомъ иконъ, поклоненіе имъ считалъ идолопоклонствомъ, и по тому времени былъ правъ. „Дѣйствительно, простой народъ вслѣдствіе недостаточнаго религіознаго образованія, по большей части придавалъ внѣшности и обрядности въ религіи главное значеніе. Смотря на иконы и молясь передъ ними, люди необразованные забывали возноситься умомъ и сердцемъ отъ видимаго къ неви-

димому и мало-по-малу усвоили себѣ убѣжденіе, что лица, изображаемыя на иконахъ, неотдѣлимы отъ иконъ. Отсюда развилось поклоненіе собственно иконамъ, а не лицамъ, изображаемымъ на иконахъ. Развилось суевѣріе, граничащее съ идолопоклонствомъ. Естественно, что явилось стремленіе уничтожить такое суевѣріе" (Смирновъ). И Константинъ въ борьбѣ противъ иконъ поступалъ суровѣе и безпощаднѣе, нежели его отецъ. „Особенно сильно, преслѣдовались монахи и монашество, какъ самая твердая опора оппозиціи. Многіе монастыри были конфискованы и упразднены, нѣкоторые разрушены. Монахи разбѣгались; при этомъ утрачено было много книжныхъ сокровищъ, такъ что научныя занятія зачахли надолго" (Герцбергъ). „Монашество было словно уведено въ плѣнъ,—говоритъ лѣтописецъ,—и Византія осиротѣла. Позднѣйшіе историки, иконопочитатели, преслѣдовали этого могучаго правителя съ пламенною ненавистью и дали ему бранное прозвище Копронимъ (Навозникъ), каковое и удержалось за нимъ въ исторіи.

Однако въ своихъ преслѣдованіяхъ иконъ Константинъ не остановился даже и на этомъ. Въ 754 г., онъ созвалъ въ Константинополѣ соборъ изъ 338 епископовъ, на которомъ самъ предсѣдательствовалъ и, подавляя своимъ авторитетомъ, заставилъ соборъ вынести рядъ самыхъ рѣзкихъ постановленій. „Иконопочитаніе было отвергнуто соборомъ, какъ идолопоклонство, строго воспрещено выставлять въ церквахъ иконы, статуи и даже распятія; мало того, энергія собора была направлена противъ самаго искусства, которое, по его мнѣнію, надо было принести въ жертву чистотѣ религіи. Кто изготовлялъ иконы или скульптурныя произведенія, тому грозили анаѳема и гражданское наказаніе. Самый могучій борецъ за иконопочитаніе, Іоаннъ Дамаскинъ, былъ преданъ анаѳемѣ. Борьба партій обострилась, и была масса кровавыхъ жертвъ и столкновеній. При такихъ условіяхъ изъ столицы имперіи и другихъ ея мѣстъ бѣжало не только преданное поклоненію иконъ духовенство, но и усердные граждане; навѣрное, немалое ихъ число поселилось въ Херсонесѣ. Можно думать, что именно въ этотъ періодъ здѣсь была построена масса мелкихъ церквей, многочисленные фундаменты которыхъ сохранились и понынѣ, но много еще ихъ скрыто въ нераскопанныхъ грудахъ мусора и камней. Ревнители, особенно изъ высшаго духовенства и богатыхъ людей, старались строить храмы во спасеніе души и чистаго почитанія иконъ и такимъ образомъ, по выраженію проф. Кондакова, превратили Херсонесъ въ большую лавру. И дѣйствительно, только на площади нынѣшняго собора

св. Владимира и рядомъ съ нимъ открыты фундаменты семи церквей.

„Весьма вѣроятно,—говоритъ Кулаковскій,—что къ эпохѣ монашеской эмиграціи относится возникновеніе тѣхъ пещерныхъ монастырей (городовъ), остатки которыхъ сохранились донынѣ въ разныхъ мѣстахъ горнаго Крыма и между прочимъ рядомъ съ Херсонесомъ у Инкермана. Немногіе эпиграфическіе тексты, сохранившіеся кое-гдѣ на стѣнахъ пещеръ, а также изсѣченныя въ скалахъ изображенія креста относятся ко временамъ болѣе позднимъ и свидѣтельствуютъ о томъ, что эти монастыри расширялись и украшались въ XII—XV вѣкахъ и позднѣе. Можетъ быть, многіе изъ этихъ пещеръ и пещерныхъ храмовъ возникли только въ это время. Для Инкермана это блестяще доказано обстоятельнымъ изслѣдованіемъ Бертье-Делагарда. Но начало пещерножительства, какъ типа монастыря, можно все-таки отнести къ эпохѣ иконоборства и монашеской эмиграціи въ Тавриду. Основаніемъ для такого предположенія является сходство въ типѣ, которое можно констатировать между крымскими сооруженіями этого рода и тѣми, какія имѣются въ южной Италіи и Сициліи. Эти послѣдніе сооружены монахами, бѣжавшими съ Востока. Они принесли съ собой свой типъ пещерножительства, процвѣтавшій въ Малой Азіи. Такіе же эмигранты, направлявшіеся на сѣверное побережье Чернаго моря, могли занести его и въ горы южнаго берега Крыма. По условіямъ и характеру горной породы, онъ привился здѣсь и переданъ былъ отсюда на Днѣстръ, а можетъ быть и въ Кіевъ“...

„Подобная работа греческихъ монаховъ (можетъ быть, херсонесскихъ) существуетъ на Донцѣ недалеко отъ Изюма (харьковской губ.), въ извѣстномъ Святогорскомъ монастырѣ, который весь вырубленъ въ высокомъ, лежащемъ надъ Донцомъ утесѣ мѣловыхъ горъ, поросшихъ деревьями. Монастырь въ скалѣ имѣетъ 50 саж. длины; надъ нимъ особенно выдаются два утеса, въ видѣ двухъ башенъ надъ церковью изъ чистаго мягкаго мѣла“ (Бурачковъ).

Слѣдовательно, образованіе пещерныхъ городовъ надо приписать не троглодитамъ, какъ думали Розенъ и извѣстный писатель Марковъ, а болѣе близкому намъ времени.

XIX.

Послѣ энергичнаго Константина Копронима вступаетъ на престолъ его болѣзненный и далеко болѣе мягкій сынъ Левъ IV,

отъ Ирины, дочери хозарскаго кагана, почему Левъ и былъ прозванъ Хозаринъ. Въ отношеніи иконоборцевъ онъ держался воззрѣній отца, но не прибѣгалъ къ суровымъ мѣрамъ. Смягчала его и мать, почитавшая иконы.

Въ царствованіе Льва Хозарина въ Херсонесъ былъ сосланъ „подъ стражу и для безопасности" родной братъ императора, котораго обвинили въ заговорѣ. Левъ, процарствовавъ всего пять лѣтъ (775—780 г.), умеръ, и за малолѣтствомъ сына императора, Константина V, власть перешла къ его матери, тоже Иринѣ, красивой, знатной аѳинянкѣ, крайне властолюбивой, ревностной поклонницѣ иконопочитанія и большой интриганкѣ. Когда подросъ Константинъ, Ирина съ болью въ сердцѣ передала ему бразды правленія. Но долго не выдержала и начала интриговать. Константинъ не имѣлъ талантовъ правителя и показалъ себя жестокимъ и грубо неблагодарнымъ къ своимъ самымъ близкимъ людямъ. Ирина воспользовалась этимъ, склонила ихъ на свою сторону, и вотъ 19 августа 717 года клевреты императрицы самымъ жестокимъ образомъ ослѣпили Константина въ той самой комнатѣ дворца, гдѣ онъ родился.

Пять лѣтъ пользовалась царица плодами своей интриги. За это время на политическомъ горизонтѣ стало довольно мрачно. Да уже и раньше сгущались тучи надъ несчастной имперіей. Арабы, болгары и франки давятъ ее и сокращаютъ границы. Хозары въ то же время пріобрѣтаютъ господство надъ всей Готіей, угрожаютъ самостоятельности Херсонеса и, какъ видно, гнетутъ его налогами. Такъ, въ лѣтописи упоминается, что въ это время былъ въ Херсонесѣ епископъ Іоаннъ, который старался освободить городъ отъ гнета хозаръ. Въ то же время, говоритъ лѣтопись, „хозары начаша помалу навыкати христіанской вѣрѣ отъ своихъ сосѣдей херсонянъ".

При такихъ условіяхъ Ирина теряла всякій престижъ, и осенью 802 г. государственный канцлеръ и казначей Никифоръ смѣстилъ ее и сослалъ въ монастырь, а себя украсилъ царскими регаліями.

Недолго процарствовалъ и Никифоръ. На девятый годъ своего правленія онъ отправился походомъ противъ болгаръ и здѣсь сложилъ свою голову (811 г.), которую болгарскій князь Крумъ приказалъ надѣть на копье и выставить на нѣсколько дней на показъ, а затѣмъ сдѣлалъ изъ нея заздравную чашу.

Никифора на годъ смѣнилъ его сынъ Ставракій, а у него похитилъ корону куропалатъ (смотритель дворцовъ) Михаилъ I; а еще черезъ два года армія, послѣ неудачнаго похода Михаила на болгаръ, свергла его и провозгласила императоромъ армянина

Льва. Но и онъ пробылъ недолго (813—820 гг.). Разгорѣвшаяся при немъ борьба за и противъ иконъ, противъ которыхъ былъ и Левъ V, повела къ дворцовому заговору, во главѣ котораго сталъ другъ императора, военачальникъ Михаилъ. Заговорщики, переодѣтые пѣвчими, напали на царя въ дворцовой церкви и тамъ же, во время обѣдни въ первый день Рождества, буквально изрубили его на части (820 г.), а Михаила II, прозваннаго косноязычнымъ, плохо даже говорившаго по-гречески, провозгласили императоромъ; онъ и началъ собою такъ называемую Аморійскую династію.

Такъ кончали въ этотъ періодъ свою жизнь и такъ начинали карьеру владыки Херсонеса, съ которыми городъ готовъ былъ порвать всякія связи. Да и вообще незамѣтно проходили ихъ краткія и бурныя царствованія въ жизни Херсонеса. Въ раскопкахъ даже не находятъ монетъ съ ихъ именемъ. Въ то же время найдено немало монетъ арабскихъ властителей того и болѣе поздняго времени. Слѣдовательно, торговля поддерживалась и съ этими далекими мѣстами.

Изъ предметовъ, найденныхъ въ раскопкахъ, которые можно отнести къ этому времени, заслуживаютъ вниманія большіе полые нагрудные кресты (энколпіоны) съ изображеніемъ распятія и евангелистовъ.

Въ 829 г., императоръ Михаилъ, потерявъ богатый островъ Критъ и часть Сициліи, перешедшей въ руки арабовъ, мирно почилъ, — что рѣдко случалось съ византійскими владыками въ тѣ времена, — и престолъ перешелъ къ сыну его Ѳеофилу, молодому, образованному и богато одаренному отъ природы правителю, хорошо знакомому съ богословіемъ, большому противнику почитанія иконъ. Онъ имѣлъ неосторожность повторить указъ, воспрещавшій поклоненіе иконамъ; кромѣ того, повелѣлъ выкинуть слово „святой“ передъ именами лицъ, чтимыхъ церковью, и тѣмъ самымъ раздулъ утихшую при отцѣ иконоборческую смуту. Онъ любилъ пышность и архитектуру: возобновилъ сухопутныя стѣны столицы и содѣйствовалъ постройкѣ великолѣпныхъ зданій. Зная это, хозарскій каганъ обратился къ Ѳеофилу съ просьбой прислать ему мастеровъ для постройки крѣпости на Дону, необходимой для охраны границъ своихъ кочевій отъ печенѣговъ, одного изъ дикихъ тюркскихъ племенъ, прорывавшихся съ востока и искавшихъ себѣ новыхъ земель. Печенѣги внушали страхъ, какъ отличные стрѣлки, и подъ ихъ напоромъ слабѣла сила хозаръ.

Ѳеофилъ согласился исполнить просьбу кагана; это было въ интересахъ Византіи, потому что хозары служили посредниками

въ византійской торговлѣ съ народами дальняго сѣвера и востока; по словамъ Константина Багрянороднаго, существовало постоянное парусное сообщеніе между Херсонесомъ и столицей хозаръ Саркеломъ-на-Дону, гдѣ хозары хотѣли построить крѣпость, которая, конечно, служила складочнымъ мѣстомъ византійскихъ и херсонесскихъ товаровъ.

Около 835 г., императоръ Ѳеофилъ отправилъ изъ Константинополя въ Херсонесъ, а отсюда далѣе въ Саркелъ цѣлую экспедицію строителей подъ руководствомъ своего зятя (брата жены) Петроны Каматера (Трудолюбиваго). Прибывъ въ Херсонесъ,—повѣствуетъ Константинъ Багрянородный,—Петрона оставилъ здѣсь свои корабли и, набравъ рабочихъ и матеріалъ для постройки, пошелъ отсюда черезъ Меотиду (Азовское море) и вверхъ по Дону на плоскодонныхъ судахъ, гдѣ и устроилъ крѣпость.

Поѣздка Петроны дала ему возможность ближе узнать Херсонесъ и настроеніе его гражданъ, и онъ писалъ императору: „Если хочешь дѣйствительно властвовать надъ Херсономъ и принадлежащей ему областью, то поставь здѣсь своего намѣстника, а не довѣряй его архонтамъ". Словомъ, Петрона совѣтовалъ положить конецъ самостоятельности города.

Ѳеофилъ одобрилъ предложенный ему планъ и взамѣнъ избираемаго херсонесцами противона назначилъ самого Петрону, какъ человѣка, хорошо знакомаго съ мѣстомъ, первымъ стратегомъ и катапаномъ [1]) Херсонеса. Всѣмъ мѣстнымъ должностнымъ лицамъ и гражданамъ вмѣнено было полное подчиненіе императорскому намѣстнику.

Образована была особая Херсонесская область (фэма) изъ разныхъ греческихъ городовъ, включая Готію, которая получила названіе „Готскихъ климатовъ", и города Боспора, а Херсонесу дано право первенства надъ прочими городами и поселеніями побережья Эвксинскаго Понта, находившимися въ Тавридѣ; даже была подчинена область по ту сторону Боспорскаго (Керченскаго) пролива до рѣки Гиппанисъ (Кубань).

Съ этихъ поръ Херсонесъ сталъ, такъ сказать, губернскимъ городомъ Тавриды, но въ то же время потерялъ свободу и управлялся уже византійскими стратегами. И въ археологическомъ архивѣ имѣются печати цѣлаго ряда стратеговъ Херсонесской

---

[1]) Титулъ стратега былъ общимъ титуломъ всѣхъ византійскихъ управителей провинцій. Они были облечены властью какъ военною, такъ и гражданскою. Катапанъ—градоначальникъ.

фэмы. „Отсюда видно,—говоритъ Кене,—что хотя Херсонесъ и былъ нѣкоторое время независимымъ отъ имперіи, однако считался за принадлежащій ей городъ, на который императоръ предъявилъ права при первомъ удобномъ случаѣ“.

20-го января 842 г., скончался Ѳеофилъ, и на тронъ безъ смутъ взошелъ его четырехлѣтній сынъ Михаилъ III (842—867 г.). По волѣ покойнаго императора, правила его мать Ѳеодора при содѣйствіи нѣсколькихъ лицъ, назначенныхъ умирающимъ императоромъ. Какъ только Ѳеодора приняла бразды правленія, она рѣшила возвратиться къ политикѣ Ирины. Въ это время пылъ партійной борьбы угасъ; всѣ желали мира, и даже высокопоставленные иконоборцы уже опускали оружіе.

Немедля былъ созванъ соборъ, составленный изъ духовенства, потерпѣвшаго отъ иконоборцевъ. При этомъ были низложены иконоборческіе епископы и предано анаѳемѣ ученіе иконоборцевъ, а затѣмъ, 19 февраля того же года, въ воскресенье на первой недѣлѣ великаго поста, иконы и распятія были вновь поставлены въ храмахъ, и въ этотъ день установленъ былъ праздникъ, названный „торжествомъ православія“; его наша церковь чтитъ и теперь. И вообще въ царствованіе Ѳеодоры церковная миссіонерская дѣятельность разрослась и приняла грандіозные размѣры, особенно среди славянъ, какъ противовѣсъ охватившему Востокъ исламу, который готовъ былъ залить собой и Европу. Самыми выдающимися миссіонерами того времени были „апостолы славянъ“, братья Кириллъ и Меѳодій.

XX.

По сказаніямъ, которыя дошли до насъ въ нѣсколькихъ спискахъ, иногда противорѣчивыхъ, равноапостольные братья между 856 и 862 годомъ осчастливили Херсонесъ своимъ посѣщеніемъ. По одной версіи они прибыли сюда по порученію папы Николая I съ цѣлью разыскать и перенести въ Римъ мощи св. Климента, котораго считали третьимъ преемникомъ ап. Петра на епископской каѳедрѣ Рима; по другой—братья посланы сюда патріархомъ константинопольскимъ по просьбѣ кагана съ цѣлью проповѣди христіанства среди хозаръ, которые тяготились своимъ язычествомъ и хотѣли измѣнить религію, но не знали, на чемъ остановиться. У нихъ уже были іудейскіе и магометанскіе проповѣдники, но ни тѣ, ни другіе не удовлетворили, и хозары колебались. „Пришли намъ ученаго мужа,—писалъ каганъ импе-

ратору,—и если онъ одержитъ верхъ надъ евреями и сарацинами, то мы примемъ вашу вѣру". Въ Херсонесѣ Кириллъ и Меѳодій пробыли довольно долго, изучая сарматскій и хозарскій языкъ, необходимый для проповѣди. Послѣ этого братья отправились, чрезъ сосѣднюю Фульскую область [1]) въ Хозарію. По пути Кириллъ „въ фульстѣ языцѣ" обличалъ языческое поклоненіе дереву, срубилъ огромный дубъ, предметъ культа язычниковъ, и проповѣдывалъ среди нихъ слово Божіе.

Послѣ проповѣди у хозаръ, Кириллъ и Меѳодій оставили имъ священниковъ, пришедшихъ съ ними изъ Херсонеса, а сами возвратились съ благодарственнымъ письмомъ отъ кагана къ императору. По сказанію, послѣ проповѣди братьевъ „не малая часть хозаръ Христову вѣру пріяше; содружишася съ херсоняны и навыкоша отъ нихъ добрымъ нравомъ и честному, христіаномъ подобающему житію, и веселяхуся въ греки въ Таурицѣ и Херсонѣ, чесо ради нѣціи отъ космографовъ и Таурику и Херсонъ Хозаріею или Козаріею нарекоша, яко козары съ грекы тамъ смѣсишася". — При этомъ образовалась отдѣльная христіанская община, которая первоначально была подчинена епископу херсонесскому; нѣсколько позднѣе она получаетъ своего отдѣльнаго епископа.

Хотя житіе просвѣтителей славянъ и хозаръ и говоритъ о благодарственномъ письмѣ кагана и успѣхѣ проповѣди равноапостольныхъ братьевъ, но на дѣлѣ поѣздка ихъ не имѣла желанныхъ результатовъ, такъ какъ хозарскій каганъ обратился въ іудейство, которое и стало исповѣданіемъ правящаго рода и ближайшихъ къ нему вельможъ. Обращеніе хозаръ въ іудейство ослабило связи, которыя существовали раньше между ними и православнымъ Херсонесомъ.

Нѣкоторое время хозары продолжаютъ оставаться господствующимъ народомъ въ восточной части сѣвернаго побережья Чернаго моря, но уже въ началѣ IX в. ихъ давятъ печенѣги. Затѣмъ изъ-за Волги начинаютъ появляться новыя племена тюркской расы и идутъ уже прямо по хозарскимъ владѣніямъ въ приднѣпровскія степи и далѣе. Въ это же время съ далекаго сѣвера сталъ проникать на югъ невѣдомый дотолѣ врагъ въ лицѣ „дикаго народа Руси". Въ житіи св. Стефана Сурожскаго сохранилось извѣстіе, что какой-то князь Бравлинъ или Бравалинъ изъ Новгорода грабилъ все побережье отъ Херсона до Боспора, который здѣсь уже называется Корчью. Побывалъ

[1]) Въ центрѣ Крыма.

этотъ ушкуйникъ и въ Сурожѣ (Судакѣ), ограбилъ здѣсь церковь, въ которой былъ погребенъ св. Стефанъ, но, по преданію, былъ пораженъ тяжкой болѣзнью. Чтобы избавиться отъ нея, Бравалинъ принялъ христіанство и приказалъ возвратить „вси, елико пограбихомъ священные сосуды церковныя Корсоуни и въ Корчи". Подобное же свѣдѣніе имѣется и въ житіи св. Георгія Амастридскаго.

Легендарный характеръ подробностей, которыми изукрашены эти повѣствованія, не лишаетъ историческаго значенія ихъ сущность, а именно—появленіе Руси въ этихъ мѣстахъ задолго до Владимира.

Въ жизнеописаніи Кирилла сообщается одинъ очень интересный фактъ, а именно, что онъ „обрѣтѣ (въ Корсуни) евангеліи и псалтыри, роуськими письмены писано и человѣка обрѣтъ, глаголюща тою бесѣдою и бесѣдова съ нимъ и силу рѣчи пріемъ своей бесѣдѣ, прикладая различныя письмена гласныя и согласныя. Въскорѣ начатъ чьсти и сказати и мнози ся ему дивляху". Въ другихъ редакціяхъ того же житія читаемъ еще: „И грамота русская явися Богомъ дана въ Корсуни русину; отъ нея же научися философъ Константинъ; откуду сложивъ, написавъ книги рускимъ гласомъ".

Эта находка повергла въ великое смущеніе какъ русскихъ, такъ и славянскихъ ученыхъ. Дѣйствительно, здѣсь возникалъ крайне интересный для всего славянскаго міра и важный для славы равноапостольныхъ братьевъ вопросъ: какимъ образомъ въ Херсонесѣ того времени (около 860 г.), до изобрѣтенія и во всякомъ случаѣ до перевода братьями на славянскій языкъ священнаго писанія, могло оказаться евангеліе и псалтырь, писанное „роуськими письмены". Фактъ громаднаго значенія во всей исторіи Херсонеса и даже славянскаго міра, почему для выясненія его мы позволимъ себѣ остановиться здѣсь нѣсколько дольше и даже отступить немного въ сторону.

Имѣя эти данныя въ рукахъ, мы должны были рѣшать трудную дилемму: либо дать правдивое или, по крайней мѣрѣ, вѣроятное объясненіе этихъ данныхъ; либо признать фактъ, что Кириллъ нашелъ въ Херсонесѣ готовыя славянскія письмена и переводъ евангелія, чѣмъ онъ и воспользовался; слѣдовательно, ему незачѣмъ было трудиться надъ изобрѣтеніемъ письменъ, ибо имѣлся уже и переводъ евангелія на одно изъ славянскихъ нарѣчій. Но тогда отпадаетъ и главная заслуга Кирилла передъ всѣмъ славянскимъ міромъ, которому онъ подарилъ и начертанія буквъ, и первый переводъ священныхъ книгъ.

Надъ рѣшеніемъ этого вопроса, буквально, ломала голову масса ученыхъ—Шафарикъ, Ягичъ, Гильфердингъ, Голубинскій, Бѣляевъ, Викторовъ и много другихъ. Я не буду, да и не могу здѣсь входить въ разборъ ихъ мнѣній, а интересующихся ими отсылаю къ трудамъ этихъ авторовъ; скажу только, что мнѣнія ихъ сводятся къ тому, что Кириллъ видѣлъ въ Херсонесѣ собственно не славянскій, а извѣстный готскій переводъ евангелія и псалтыри, сдѣланный извѣстнымъ готскимъ епископомъ Ульфилой (318—388 гг.), а въ житіи славянскихъ апостоловъ онъ названъ русскимъ только потому, что въ то время въ Готіи было много русскихъ, — они будто бы слились съ готами, представляли одинъ народъ и въ понятіи чужеземцевъ одни часто назывались именемъ другихъ. Однако проф. Ламанскій довольно убѣдительно опровергъ это мнѣніе,—собственно даже не мнѣніе, а выдумку, но споръ еще болѣе обострился, нисколько не разъясняя сущности. И такъ это дѣло остается и донынѣ.

Покойные слависты Григоровичъ и Бодянскій рѣшили, что все сказаніе о находкѣ русскихъ письменъ въ Херсонесѣ—простая интерполяція, т.-е. позднѣйшая вставка въ основной текстъ панносскаго житія, принадлежащая западнымъ славянамъ.

Такимъ рѣшеніемъ, казалось, кончались всѣ споры. Но вѣдь это — не рѣшеніе, а произволъ, который ровно ничего не разъяснилъ.

Еслибы кому-нибудь пришлось познакомиться ближе съ литературой и полемикой этого вопроса, то онъ увидѣлъ бы, сколько здѣсь догадокъ, сколько поломано перьевъ и пролито чернилъ, а между тѣмъ событія и факты слагались тихо, мирно и просто.

Прошу при этомъ читателя отрѣшиться на время отъ навязаннаго намъ славистами мнѣнія, будто бы Кириллъ и Меѳодій были единственными изобрѣтателями письменъ и первыми переводчиками священнаго писанія на славянскій языкъ.—Это не совсѣмъ такъ. Несомнѣнно, славянскій алфавитъ, какъ и алфавиты другихъ народовъ, слагались постепенно, вѣками. Прочтите интересную исторію письменъ Шницера, и вы убѣдитесь, что „письмена, какъ и языки, не выдумывались и не изобрѣтались отдѣльными лицами, какъ это принято думать на основаніи преданій, а вырабатывались очень медленно и постепенно одно изъ другого, подчиняясь тѣмъ же законамъ эволюціи и постепеннаго развитія, какимъ подчинено развитіе растеній, животныхъ и всего живущаго въ мірѣ“. Несомнѣнно также, что славяне русскіе (какъ отдѣльная вѣтвь ихъ) нуждались и получили алфавитъ не въ IX вѣкѣ, какъ еще думаетъ большинство, полагая, что онъ

данъ славянамъ Кирилломъ, но уже имѣли его въ гораздо болѣе раннее время.

Современникъ, или почти современникъ равноапостольныхъ братьевъ, черноризецъ Храбръ, въ своемъ „Сказаніи, како состависи св. Кириллъ Словеномъ письмена", говоритъ, что славяне язычники, до появленія кириллицы „погани суще, чрьтами и рѣзами чьтюху, писаху". Слѣдовательно, у нихъ былъ алфавитъ; какой—это другой вопросъ. Шафарикъ, Востоковъ, а за ними и другіе говорятъ, что это было руническое письмо. Но вѣдь этимъ ровно ничего не опредѣляется, такъ какъ одно неизвѣстное опредѣляется другимъ такимъ же неизвѣстнымъ.

Арабскій путешественникъ, писатель Ибнъ-Фошланъ, въ бытность у волжскихъ болгаръ присутствовалъ на похоронахъ одного изъ русскихъ въ 921 г., и по поводу этого обряда писалъ: „Сначала они (русскіе) развели костеръ и сожгли въ немъ тѣло, а затѣмъ насыпали что-то въ родѣ холма, поставили по срединѣ деревянный столбъ и написали на немъ имя покойника вмѣстѣ съ именемъ русскаго князя".

Другой арабскій писатель, а именно Ибнъ-эль-Недимъ, въ своемъ „Спискѣ книгъ", составленномъ въ 987 г., разсказываетъ слѣдующее: „Одинъ изъ моихъ знакомыхъ, человѣкъ вполнѣ достовѣрный, бывшій у русскихъ, передавалъ мнѣ, что у нихъ есть свои письмена, вырѣзываемыя на деревѣ. При этомъ вынулъ кусокъ бѣлаго дерева, на которомъ были написаны знаки, неизвѣстно—цѣлыя ли слова, или отдѣльныя буквы".

Ибнъ-эль-Недимъ срисовалъ эту надпись и представилъ ее въ своемъ сочиненіи, которое дошло до насъ вмѣстѣ съ надписью. Но до сихъ поръ ученые не могли разобрать ее.

Кромѣ этихъ прямыхъ указаній арабскихъ писателей о существованіи письменности у русскихъ до принятія христіанства, мы имѣемъ указанія нашихъ лѣтописей. Такъ, въ сохранившихся спискахъ договора Олега съ греками (911 г.) говорится между прочимъ: „Аще ли сътворитъ обряженіе, таковый возьметъ уряженое его; кому будетъ писалъ наслѣдити имѣнье, да наслѣдитъ е". Несомнѣнно здѣсь идетъ рѣчь о писанномъ завѣщаніи.

Нѣсколько позднѣе, въ договорѣ Игоря съ греками (945 г.), также находятся указанія на то, что русскіе князья имѣли золотыя и серебряныя печати, писали договорныя грамоты и посылали таковыя въ Царьградъ. Затѣмъ, со словъ того же лѣтописца узнаемъ, что во время осады Херсонеса Владиміромъ одинъ изъ корсунянъ по имени Анастасъ, которому надоѣла

осада, пустилъ въ русскій станъ стрѣлу съ надписью: „Кладези иже суть за тобою отъ востока, копавъ перейми“.

Итакъ, письменность была, но какое было письмо, какое имѣло оно начертаніе—неизвѣстно.

На основаніи дошедшей до насъ чрезъ арабскаго путешественника надписи надъ могилой русскаго, а равно на основаніи свидѣтельства извѣстнаго латино-нѣмецкаго лѣтописца еп. Дитмара (976—1018), который говоритъ, что въ языческомъ храмѣ города Ретры онъ видѣлъ нѣсколько славянскихъ идоловъ, на которыхъ особыми знаками было начертано имя и такія же черты находились и на стѣнахъ храма, можно думать, что русскіе того времени пользовались какими-то „чертами и рѣзами“, похожими на руны. Такъ полагалъ Бодянскій и другіе. Однако, надо думать, такое письмо примѣнялось только въ болѣе отдаленное время, пока не проникло христіанство — у сѣверныхъ руссовъ, приходившихъ въ соприкосновеніе съ германцами и варягами; напротивъ, у южныхъ руссовъ, постоянно общавшихся съ греками и частью принявшихъ христіанство, да навѣрное и до него, примѣнялось въ сношеніяхъ греческое письмо, удобное и высоко совершенное, которое греки давно примѣнили къ русскому языку, какъ транскрипцію для записи именъ, названій городовъ, товаровъ и предметовъ обихода. И греческіе купцы, несомнѣнно, были первыми распространителями своего алфавита и первой грамоты на Руси. Вопросъ можетъ быть только въ томъ, какъ изображали они большой рядъ отсутствующихъ въ греческомъ языкѣ шипящихъ звуковъ *ж*, *ч*, *ш*, *щ*, *ц* или твердый *ы*, столь свойственныхъ русскимъ и особенно другимъ славянскимъ языкамъ? Какъ поступали они въ такихъ случаяхъ?—А поступали такъ же, какъ поступаемъ и мы, передавая нашимъ письмомъ звуки, несвойственные нашему языку, т.-е. замѣняли ихъ наиболѣе подходящими своими буквами, соединяли ихъ нѣсколько вмѣстѣ, придавая имъ новое, совершенно несвойственное имъ произношеніе, или ставили надъ буквами особые значки, которые показывали, что звукъ надо произносить иначе, чѣмъ принято алфавитомъ. Все это мы видимъ и теперь въ языкахъ французскомъ, нѣмецкомъ, итальянскомъ, англійскомъ, чешскомъ, польскомъ и многихъ другихъ, принявшихъ латинскій алфавитъ, въ которомъ не было шипящихъ звуковъ, и которые надо было выразить средствами принятаго алфавита такъ или иначе, не прибѣгая къ изобрѣтенію новыхъ начертаній.

И такое письмо съ греческимъ алфавитомъ несомнѣнно существовало въ то отдаленное время по крайней мѣрѣ у рус-

скихъ купцовъ, которымъ необходима была грамота. Мы это утверждаемъ, хотя до насъ не дошло ни одной строчки такого письма, и утверждаемъ на основаніи аналогіи. Дѣло въ томъ, что западные славяне, склонявшіеся въ сторону Рима, въ то время (IX—X в.) широко пользовались латинскимъ письмомъ, и до насъ дошли три славянскія, писанныя латинскимъ письмомъ рукописи. Двѣ изъ нихъ представляютъ формулы исповѣди, одна—отрывокъ поученія.

Перечитывая эти рукописи, видишь въ нихъ прочно установившееся правописаніе, и, надо полагать, оно постепенно слагалось вѣками, до появленія его въ дошедшихъ до насъ спискахъ.

Итакъ, если западные славяне усвоили тогда звуковое латинское письмо, то восточные—имѣли такое же греческое, и если оно не дошло до насъ въ своемъ древнѣйшемъ видѣ (до кириллицы), то на это—много причинъ. Прежде всего—безпощадное время, которое даже отъ латинскихъ записей сохранило всего... три клочка; затѣмъ — наша деревянная культура, которая уничтожалась до тла съ каждымъ пришествіемъ новаго народа, новой орды. Не меньшее значеніе имѣло отсутствіе въ этихъ записяхъ общеинтересныхъ вещей и, наконецъ,—введеніе христіанства, а съ нимъ и кириллицы, которая вытѣснила, такъ сказать, случайныя письмена.

Какъ бы то ни было, а письмена были особенно необходимы въ мѣстахъ постояннаго соприкосновенія русскихъ съ греками,—а такимъ мѣстомъ именно былъ Херсонесъ. Изъ житій Стефана Сурожскаго и Георгія Амастрійскаго мы уже знаемъ, что въ IX вѣкѣ руссы массами нагрянули на Тавриду, и, надо полагать, ихъ особенно много было въ Херсонесѣ, какъ главномъ городѣ, торговомъ и духовномъ центрѣ Тавриды. Здѣсь легко было встрѣтить не только русскаго купца, воина, но и путешественника. Все это былъ народъ передовой, и среди нихъ было, конечно, немало принявшихъ христіанство или склонявшихся къ нему, а изъ нихъ немало владѣвшихъ греческой рѣчью и по своему времени образованныхъ. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что уже въ первые вѣка христіанства среди корсунянъ было немало отдаленныхъ предковъ руссовъ, именовавшихся еще общимъ именемъ скиѳовъ, но получившихъ всѣ права гражданства и занимавшихъ въ городѣ почетныя мѣста. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, если Кириллъ встрѣтилъ въ Херсонесѣ русскаго, у котораго оказалось евангеліе и псалтырь, писанныя „роуськи письмены". Вотъ это послѣднее обстоятельство, какъ мы сказали, и смутило славянскихъ и русскихъ уче-

ныхъ. Какимъ образомъ въ Херсонесѣ того времени оказалось евангеліе на языкѣ руссовъ, да еще съ русскими письменами, до изобрѣтенія Кирилломъ славянской азбуки?

„Зачѣмъ,—спрашиваетъ Шницеръ,—понадобилось русскимъ переводить на свой языкъ въ до-христіанское время евангеліе и другія священныя книги?“ Это мѣсто такъ поразило своей необычайностью, что два старыхъ ученыхъ, а за ними и много другихъ, какъ мы знаемъ, готовы были совсѣмъ отказаться отъ этого мѣста и признать его позднѣйшей вставкой, лишь бы не производить смуты въ укоренившихся предразсудкахъ ученаго міра, которые проникли во всѣ учебники и твердились цѣлыми поколѣніями. Другіе, какъ извѣстный ученый Шафарикъ, проф. Голубинскій и даже, какъ говоритъ гр. Бобринскій, академикъ Васильевскій, не хотѣли вѣрить этимъ словамъ панносскаго житія и... выдумали,—извиняюсь за слово, но другого въ данную минуту не подберу,—выдумали, что Кириллъ видѣлъ въ Херсонесѣ не русское, а готское евангеліе еп. Ульфилы. Хотя появленіе русскаго евангелія въ Херсонесѣ того времени было вполнѣ возможно и естественно. Постараемся доказать это.

Прежде всего,—можно ли мѣста панносскаго житія о „русскихъ письменахъ“ считать позднѣйшей вставкой? Есть ли для этого какія-либо основанія?—Никакихъ. — Свѣдѣнія о русскомъ евангеліи не противорѣчатъ исторіи, не нарушаютъ общаго хода разсказа, не являются случайными, не нарушаютъ связи частей, не отличаются отъ остального текста ни языкомъ, ни характеромъ изложенія.

Словомъ, нѣтъ признаковъ вставки, и никто, кромѣ названныхъ очень почтенныхъ ученыхъ, не считаетъ ее за таковую. Слѣдовательно, нельзя отрицать достовѣрность этихъ свѣдѣній, точнѣе сказать—нельзя выбрасывать это мѣсто, а должно принять его такъ, какъ оно есть. Отрицать это мѣсто и фактъ тѣмъ болѣе трудно, что все житіе, не въ примѣръ прочимъ, составлено очень близко ко времени дѣятельности братьевъ или, по крайней мѣрѣ, по свѣжей памяти о ней, и составлено не корсунянином, а лицомъ, которое, можетъ быть, до того и не слыхало имени Херсонеса.

Идемъ далѣе.—Утверждаютъ, что Кириллъ видѣлъ въ Херсонесѣ не „русскія письмена“, а готское евангеліе епископа Ульфилы. Здѣсь и знаменитый Шафарикъ, и профессоръ Голубинскій, и легковѣрный Шницеръ, и другіе, идущіе по ихъ стопамъ, заблуждаются, впадаютъ въ противорѣчіе съ текстомъ и въ глубокую ересь. Но прежде чѣмъ разъяснить это недоразу-

мѣніе, позволю себѣ отвѣтить на поставленный выше вопросъ Шницера: „Зачѣмъ понадобилось русскимъ славянамъ переводить въ до-христіанское время евангеліе и псалтырь на русскій языкъ?“ — Да затѣмъ, что масса русскихъ, бывшихъ и бывавшихъ въ Херсонесѣ, уже тяготились своимъ язычествомъ и пытались познать ученіе Христа, но они не настолько знали греческій языкъ или совсѣмъ не знали его, и не могли узнать христіанское ученіе, изложенное въ греческихъ книгахъ и греческими проповѣдниками, а безъ перевода на русскій языкъ главнѣйшихъ священныхъ книгъ невозможно было распространять ученіе Христа и успѣшно вести проповѣдь.

По дошедшимъ до насъ преданіямъ и достовѣрнымъ исторически свѣдѣніямъ, въ то время въ Херсонесѣ, ютившемъ столь долго гонимыхъ почитателей иконъ, было много церквей, монастырей и разнаго духовенства. Извѣстный знатокъ византійской исторіи и искусствъ профессоръ Кондаковъ говорилъ, что тогда Херсонесъ былъ чуть не лаврой. Во всякомъ случаѣ это былъ главный центръ христіанства не только Тавриды, но и всего юга Руси, или Великой Скиѳіи, какъ называли византійскія хроники и нашъ лѣтописецъ. И благодаря ратнымъ походамъ русскихъ людей и постояннымъ торговымъ связямъ, отсюда широкой рѣкой лилось христіанство на Русь. „Къ тому же,—говоритъ церковный историкъ Смирновъ,—это было время высокаго подъема религіознаго духа и православія и широкаго распространенія монастырей, монашества и пещерножительства, какъ реакція на недавнія гоненія иконъ“. А при такихъ условіяхъ число желающихъ послушать слово и ученіе Христа съ каждымъ годомъ росло и росло. Даже хозары, стоявшіе въ культурномъ развитіи далеко ниже славянъ, и тѣ уже просятъ прислать къ нимъ наставниковъ христіанской вѣры. При такихъ условіяхъ евангеліе и другія священныя книги на русскомъ языкѣ являлись въ Херсонесѣ прямой необходимостью, вызываемой жизнью, и всегда можно было разсчитывать найти здѣсь русскаго, принявшаго христіанство, который хорошо владѣлъ греческимъ и могъ изложить это священное писаніе на родномъ языкѣ, и записать его, пользуясь для этой цѣли ходившимъ письмомъ, взятымъ, конечно, у грековъ. Къ тому же списываніе и переводъ священныхъ книгъ всегда и вездѣ считались великой заслугой и дѣломъ богоугоднымъ, обѣщавшимъ въ загробной жизни великія блага и милости. И такой человѣкъ, очевидно, нашелся и перевелъ на русскій языкъ одинъ или совмѣстно съ другими евангеліе и псалтырь, которыя видѣлъ Кириллъ. Возможно, что были здѣсь другія книги на русскомъ языкѣ,

которыя остались неизвѣстными Кириллу или составителю его житія. Такимъ образомъ, мы признаемъ фактъ нахожденія „русскихъ письменъ“ въ Херсонесѣ, такъ какъ нѣтъ никакихъ основаній отрицать его.

Теперь спрашивается: есть ли какія-нибудь основанія найденное въ Херсонесѣ русское евангеліе и псалтырь считать готскими?—Никакихъ. И это ясно вытекаетъ изъ текста житія. Если припомнимъ, тамъ сказано: „Обрѣтѣ еоуангеліе и псалтыри, роуськими письмены писана и человѣка обрѣтъ, глаголюща тою бесѣдою и бесѣдовавъ съ нимъ и силу рѣчи пріемъ своей бесѣдѣ, прикладая различныя письменъ гласныя и согласныя. Въскорѣ начатъ чьсти и сказовати и мнози ся ему дивляху“.—Ясно, что Кириллъ нашелъ здѣсь не только русскія евангеліе и псалтырь, но и русскаго человѣка, съ которымъ и бесѣдовалъ, на хорошо извѣстномъ ему по родинѣ славянскомъ (собственно древне-болгарскомъ) языкѣ, который въ то время, судя по дошедшимъ до насъ памятникамъ, мало отличался отъ языка руссовъ. Не менѣе знакомымъ оказался и алфавитъ. Этимъ и объясняется, что, сравнивъ письмена, найденныя въ Херсонесѣ, съ тѣми, которыя были извѣстны ему, онъ научился вскорѣ читать, и такъ быстро, что даже многіе удивлялись ему.

Какъ видно, все это событіе передается такъ картинно и живо, точно мы слышимъ его отъ очевидца, близкаго свидѣтеля, или человѣка, хорошо освѣдомленнаго о немъ. (Это тоже говоритъ противъ вставки).—Гдѣ же тутъ хотя слово о готскомъ евангеліи, о готахъ или ихъ языкѣ?

Трудно и даже невозможно себѣ представить, чтобы Кириллъ былъ хотя немного знакомъ съ языкомъ и письменами готовъ, отъ которыхъ онъ всегда былъ такъ далекъ и съ которыми врядъ ли приходилось ему встрѣчаться до путешествія въ Тавриду. Слѣдовательно, онъ не могъ понимать, а тѣмъ болѣе говорить по-готски. Напротивъ, самъ родившись въ славянской провинціи, среди славянъ, онъ легко могъ понять такого же славянина русса и скоро научиться разбирать славянскій текстъ, писанный знакомыми буквами, что такъ удивило окружающихъ. Да и сообщеніе о находкѣ въ Херсонесѣ готскаго евангелія не имѣетъ никакого отношенія къ дѣятельности Кирилла, и съ нимъ нельзя поставить ни въ какую связь извѣстныя уже намъ слова: „И Русская грамота явися Богомъ дана въ Корсуни русину, отъ нея же научися философъ Константинъ... откуду сложивъ, написавъ книги русськимъ гласомъ...“; такое сообщеніе, повторяемъ, врядъ ли нашло бы себѣ мѣсто въ житіи, а еслибъ

оно и оказалось, то было бы именно не идущей къ мѣсту вставкой.

И все предположеніе профессора Голубинскаго и другихъ, что въ то время все готское называлось русскимъ, а русское готскимъ—простая выдумка. Готы въ это время были сильно подавлены и руссами, и хозарами, и, сливаясь съ окружающимъ населеніемъ, превращались въ мирныхъ земледѣльцевъ и окончательно теряли свою индивидуальность. При такихъ условіяхъ врядъ ли они думали о распространеніи евангелія на своемъ малоупотребительномъ и еще менѣе извѣстномъ и вымиравшемъ языкѣ, да еще по сосѣдству съ Херсонесомъ, гдѣ была масса церквей, монастырей и всякаго духовенства и всѣ церковныя книги были на общепринятомъ греческомъ языкѣ. Трудно даже предположить, чтобы въ Херсонесѣ того времени даже нашлось дорого стоющее готское евангеліе; скорѣе его можно было найти гдѣ-нибудь подальше въ сердцѣ Готіи, а никакъ не здѣсь.

Такова наша точка зрѣнія на этотъ вопросъ. Что же касается только-что приведеннаго мѣста житія, то профессоръ Бодянскій считалъ его позднѣйшей вставкой, какъ по выше приведеннымъ причинамъ, такъ, сколько помнится (я не имѣю сейчасъ подъ руками его интересной работы [1]), и потому, что это мѣсто встрѣчается не во всѣхъ дошедшихъ до насъ спискахъ житія.

По нашему мнѣнію, это даже не вставка, а перифраза, пересказъ уже хорошо и намъ извѣстнаго,—пересказъ, основанный, несомнѣнно, на болѣе древнихъ сказаніяхъ и спискахъ и еще разъ приводящій къ той же мысли, что сказаніе о нахожденіи русскихъ письменъ въ Херсонесѣ принадлежитъ именно древнѣйшему составителю житія равноапостольныхъ братьевъ, и что *русская грамота впервые открылась Кириллу, а черезъ него всему славянскому міру именно здѣсь, въ Херсонесѣ.* Здѣсь Кириллъ научился ей и даже списалъ для себя священныя книги, писанныя русскимъ языкомъ.

Такъ вотъ гдѣ впервые увидѣло свѣтъ русское евангеліе. Преклонимся предъ остатками древнихъ храмовъ и стѣнъ Херсонеса, гдѣ впервые раздались и услышаны на русскомъ языкѣ ученіе Христа и гимны царя Давида!

Говоря такъ, мы вовсе не думаемъ умалить славу равноапостольныхъ братьевъ, отнимая у одного изъ нихъ честь изобрѣтенія азбуки и перваго перевода письменъ на славянскій языкъ.

---

[1]) О времени происхожденія славянскихъ письменъ. 1856.

И безъ изобрѣтенія азбуки,—что̀ напрасно приписываютъ одному изъ братьевъ, собственно Кириллу, такъ какъ, повторяемъ, азбуки не изобрѣтались отдѣльнымъ лицомъ, а вырабатывались, какъ и языкъ, геніемъ народа,—братья велики своей боговдохновенной проповѣдью и своимъ поученіемъ.

Къ сожалѣнію, о значеніи находокъ русскихъ письменъ въ Херсонесѣ для славянскаго міра приходится говорить предположительно, такъ какъ мы не знаемъ, насколько они повліяли на азбуку, разработанную Кирилломъ, и на текстъ перевода священныхъ книгъ на славянскій (древне-болгарскій) языкъ. По нашему мнѣнію, вся заслуга Кирилла въ изобрѣтеніи письменъ сводится къ тому, что онъ нѣсколько исправилъ, а можетъ быть и цѣликомъ пустилъ въ ходъ видѣнную имъ въ Херсонесѣ азбуку, которую онъ до нѣкоторой степени фиксировалъ переводами на славянскій языкъ богослужебныхъ книгъ. Говоримъ—до нѣкоторой степени, потому что азбука, предложенная Кирилломъ, не считалась достаточно полной и удовлетворительной для передачи звуковъ славянскаго языка. Это видно изъ того, что, по словамъ черноризца Храбра, въ Кирилловской азбукѣ было 38 буквъ, а въ текстѣ Остромирова евангелія (1056—57 гг.) ихъ насчитывается 46, а въ позднѣйшемъ церковно-славянскомъ письмѣ—43. Древнія сказанія, написанныя въ приподнятомъ византійскомъ стилѣ, несомнѣнно преувеличили степень участія славянскихъ братьевъ и въ изобрѣтеніи азбуки, и въ переводѣ священнаго писанія на славянскій языкъ. И право славянской азбуки именоваться Кирилловской—такое же, какъ—новооткрытой части свѣта—Америкой (а не Колумбіей), единственно потому, что Америго далъ *первое* описаніе новооткрытыхъ земель. Повторяемъ,—Кириллъ видѣлъ прототипъ славянской (русской) азбуки и перевода евангелія въ Херсонесѣ, и *первый* въ обширномъ кругу и въ сильной проповѣди распространилъ и азбуку, и ученіе Христа среди славянъ.

XXI.

Окончивъ проповѣдь у хозаръ, неудача которой частью объясняется недостаточнымъ знаніемъ хозарскаго языка,—въ чемъ имѣли громадное преимущество еврейскіе и магометанскіе проповѣдники, постоянно вращавшіеся среди хозаръ,—Кириллъ возвратился въ Херсонесъ и, по порученію римскаго папы Николая I, который въ то время почитался наравнѣ съ патріархомъ константинопольскимъ, началъ разыскивать мѣсто мученія и мощи св. Кли-

мента, о которыхъ долго ходила уже извѣстная намъ легенда. Она передавалась изъ устъ въ уста, попала въ рукописи, иногда даже такія, которыя не имѣли никакого отношенія къ св. Клименту. Такъ, въ одной изъ рукописей VIII—IX в., трактующей о святыхъ мѣстахъ, послѣ разсказа о Іерусалимѣ, безъ всякой связи съ остальнымъ текстомъ, сказано: „Также городъ Херсонъ, что у моря Понта; тамъ замученъ св. Климентъ. Гробница его въ морѣ, гдѣ брошено его тѣло. Этому Клименту былъ привязанъ на шею якорь и теперь въ день его памяти народъ и священники садятся въ ладьи, и когда приплываютъ туда, море высыхаетъ на шесть миль, и на мѣстѣ, гдѣ находится гробница, раскидываются шатры и сооружается алтарь и въ теченіе восьми дней служатся тамъ литургіи; и Господь совершаетъ тамъ много чудесъ. Тамъ изгоняются бѣсы, и если кто изъ одержимыхъ имѣетъ возможность прикоснуться къ якорю и прикоснется, тотчасъ исцѣляется“.

Эти, какъ и другія преданія, вѣроятно, были извѣстны Константину, но они не давали болѣе или менѣе точныхъ свѣдѣній о мѣстѣ погребенія св. Климента. Разспросы Константиномъ корсунянъ не привели ни къ чему, такъ какъ они совершенно забыли о Климентѣ, а о чудесахъ его ничего не слыхали. Однако, послѣ настойчивыхъ трудовъ, Константину все-таки удалось отыскать мощи святого. Вотъ что по этому поводу сообщаетъ современникъ событій, римскій библіотекарь Анастасій, въ письмѣ, которое онъ писалъ, приблизительно около 870 г., къ епископу Гаудерику, очень интересовавшемуся житіемъ Климента.

Анастасій, между прочимъ, пишетъ, что онъ сообщаетъ „сущую правду“ со словъ Митрофана, предстоятеля смирнской митрополіи, мужа, славящагося святостью и мудростью, который проживалъ недалеко отъ Херсона, какъ сосланный туда вмѣстѣ съ другимъ патріархомъ Фотіемъ, въ то время, когда Кириллъ былъ отправленъ въ Хозарскую землю.

По свидѣтельству Анастасія, Херсонъ въ ту пору граничилъ съ Хозарской землей: со всѣхъ сторонъ его тѣснили язычники. Населеніе его казалось скорѣе жителями тюрьмы, чѣмъ города, такъ какъ они не смѣли изъ него выходить. Часть Херсонской земли совсѣмъ запустѣла. Пришелъ въ разрушеніе и тотъ храмъ, расположенный неподалеку отъ города, въ которомъ находились мощи св. Климента. Разспросы Константина-философа у мѣстныхъ жителей относительно чудеснаго отлива моря и самаго храма не приводили къ выясненію мѣстонахожденія его. О чудѣ они даже не знали, считали его невѣроятнымъ, и разспросы о

немъ возбуждали только насмѣшки. „Самый городъ,—пишетъ Анастасій,—заселяли не туземцы, а пришельцы изъ разныхъ варварскихъ народовъ, даже лютые разбойники". Епископомъ Херсона въ ту пору былъ Георгій, а неподалеку отъ города жилъ, находившійся въ изгнаніи, смирнскій митрополитъ Митрофанъ. Обрѣтеніе мощей совершилось при участіи въ поискахъ епископа Георгія и всего херсонскаго населенія, такъ какъ всѣхъ Константинъ сумѣлъ воодушевить. Анастасій узналъ о подробностяхъ этого событія не только отъ Митрофана, но и отъ самого Константина.

Въ такъ называемой „Итальянской легендѣ", прототипъ которой проф. Ягичъ, на основаніи письма Анастасія, приписываетъ самому Кириллу, подробно разсказывается объ открытіи мощей св. Климента, и какъ Кириллъ послѣ усердной молитвы взошелъ на судно вмѣстѣ съ епископомъ Херсона и клиромъ, приплылъ къ островку въ одной изъ бухтъ, обошелъ его со свѣтильниками и всѣ приступили къ раскопкамъ остатковъ храма и уже обрушившейся и засыпанной землею гробницы, гдѣ и были обрѣтены мощи и якорь—орудіе пытки и смерти мученика. Мощи были перенесены на судно и перевезены съ пѣснопѣніемъ въ городъ. Правитель города вышелъ на встрѣчу, и мощи были положены въ церкви св. Созонта, находившейся вблизи города; затѣмъ ихъ отнесли въ церковь св. Лаврентія, а оттуда, взявъ ковчегъ съ мощами, обошли весь городъ и положили ихъ въ главной церкви города св. Софіи. Фактическая сторона этого сказанія вполнѣ совпадаетъ съ данными письма Анастасія. Событіе это сказаніемъ пріурочивается къ 30-му декабря, а случилось оно около 862 г.

Всѣ эти данныя, вся обстановка житія и мученій св. Климента, а равно и тотъ фактъ, что все это, согласно письму, Кирилломъ было сдѣлано въ одинъ день,—приводятъ къ островку, который находится въ глубинѣ Казачьей бухты, ближайшей къ Херсонесскому маяку, верстахъ въ 12 отъ Херсонеса. Любознательный туристъ легко можетъ добраться сюда изъ Севастополя на яликѣ, или еще скорѣе—на извозчикѣ.

Преданіе о пребываніи здѣсь Климента, страданіяхъ его, открытіе мощей и самый островокъ очень заинтересовали нашего почтеннаго инженеръ-археолога Бертье-Делагарда, и онъ подвергъ подробному изслѣдованію и сказаніе объ этихъ событіяхъ, и самый островокъ,—и вотъ что по этому поводу онъ пишетъ. Мы позволимъ себѣ привести выдержки изъ этихъ работъ Бертье, такъ какъ и по нашему мнѣнію островокъ этотъ

заслуживаетъ полнаго уваженія, какъ святыня христіанства на которую не обращали должнаго вниманія. „Это единственный островокъ Херсонеса,—пишетъ Бертье; — правда, есть еще маленькій островокъ почти по срединѣ Песочной бухты (болѣе, близкой къ Херсонесу), но онъ вполнѣ естественный. На этомъ островкѣ находились развалины, указанныя еще Палласомъ, побывавшимъ здѣсь во времена Екатерины II, вскорѣ послѣ присоединенія Крыма. Въ 1845 г., здѣсь были сдѣланы раскопки лейт. княземъ Барятинскимъ, и онѣ обнаружили остатки церкви, съ нѣсколькими жилыми помѣщеніями; при чемъ небольшіе, найденные здѣсь предметы оказались вполнѣ тожественными съ обычными церковными находками въ Херсонесѣ: мраморная плита съ крестами отъ какой-то ограды, кое-какіе фрагменты мрамора, монеты Романа I (921—944) и т. п. Послѣднія раскопки на островкѣ (1890—1 г.) обнаружили фундаменты цѣлой группы мелкихъ зданій, окружающихъ небольшой дворъ и маленькую церковь, похожую на планѣ на церкви-часовни византійскаго Херсонеса. Можно утверждать, что церковь имѣла подпольный ярусъ, родъ крипты, низъ котораго уцѣлѣлъ на высоту 1—1½ аршина; верхняя же часть церкви исчезла совсѣмъ. Въ одно изъ отдѣленій низа, очень узенькое,—отдѣльный ходъ, поддерживаемый столбами и арками. Безъ особой натяжки можно предположить, что это была могила, помѣщавшаяся подъ поломъ церкви, въ которой найдены мощи св. Климента. Это отвѣчаетъ общей распространенности обычая погребать тѣла мучениковъ въ особыхъ криптахъ подъ церквами съ отдѣльнымъ къ нимъ ходомъ. Дворъ монастыря и полъ крипты находятся почти на уровнѣ воды и даже покрываются водой при большомъ ея нагонѣ. Возможно, что это заливаніе и объясняетъ легенду о подводномъ храмѣ Климента и объ отступленіи моря. Все это не оставляло во мнѣ никакого сомнѣнія въ томъ, что этотъ островокъ, образованный сначала крѣпостной оградой древнѣйшаго Херсонеса, впослѣдствіи былъ занятъ византійско-христіанскими постройками, находящимися въ прямой связи съ открытіемъ мощей св. Климента, какъ это доказывается документальными данными“...

Если во времена Кирилла,—продолжаетъ Бертье,—и даже до него, храмъ на островѣ не существовалъ, то нѣтъ сомнѣнія, что потомъ и, вѣроятно, вскорѣ вслѣдъ за открытіемъ мощей, его возстановили или построили вновь. На это указываютъ монеты X-го вѣка, найденныя при раскопкахъ на островѣ. Въ этомъ убѣждаютъ и дальнѣйшія свидѣтельства, которыя также доказы-

ваютъ, что дѣло идетъ именно о нашемъ островѣ, а не о какомъ-либо другомъ мѣстѣ. Въ маѣ 1253 г., посолъ французскаго короля Людовика Святого, монахъ Рубрукъ (Рюисбрекъ), посланный къ татарамъ, по пути изъ Константинополя въ Судакъ, а оттуда въ Золотую орду, плылъ въ виду Херсонеса, гдѣ, по его словамъ, замученъ св. Климентъ, но, не заходя въ городъ, видѣлъ издали островъ и на немъ церковь, которая, по разсказамъ жителей, построена руками ангеловъ. По топографическимъ условіямъ мѣстности и путей плаванія это есть совершенно точное указаніе именно нашего островка, къ тому же въ связи съ св. Климентомъ и легендою о его мученіяхъ и о построеніи храма,—который, прибавимъ отъ себя, судя по легендѣ, что храмъ „выстроенъ руками ангеловъ", былъ выстроенъ задолго до Рубрука, когда, очевидно, было забыто время постройки храма и появленіе его объясняли божественной силой.

Повѣствованіе Рубрука показываетъ, что въ то время церковь не была разрушена; иначе ее нельзя было бы примѣтить съ моря.

Память о значеніи островка и церкви на немъ сохранялась весьма долгое время, и еще наканунѣ покоренія Крыма русскими, несмотря на общее запустѣніе всѣхъ этихъ мѣстъ и упадокъ христіанства въ Крыму вообще, на этомъ островкѣ существовалъ греческій монастырь, настолько хорошо сохранившійся, что показанъ (какъ и сосѣдній Георгіевскій) на первыхъ документальныхъ картахъ Крыма, снятыхъ около 1772 г., во время первой турецкой войны. Въ это время монастырь едва ли былъ обитаемъ. По крайней мѣрѣ, тогдашній греческій митрополитъ Игнатій, давшій позднѣе списокъ церквей, оставленныхъ греками, выселившимися изъ Крыма въ 1778 г., умолчалъ объ этомъ монастырѣ, хотя упомянулъ о Георгіевскомъ. То же молчаніе находимъ и въ оффиціальныхъ спискахъ церквей того времени. Но очевидно, что этотъ монастырь если и былъ покинутъ, то очень незадолго до занятія Крыма, такъ какъ иначе его маленькія постройки обратились бы въ незамѣтную кучу камня ко времени прихода русскихъ и не попали бы на наши карты, на которыхъ показанъ не только монастырь, но и особенная, существовавшая къ нему, дорога, никуда болѣе не ведшая. Нужно замѣтить, что вся эта мѣстность была тогда совершенно пустынна, и если на ней поддерживался монастырь въ такомъ неудобномъ и глухомъ мѣстѣ, въ близкомъ разстояніи (около 12 верстъ) отъ другого монастыря (Георгіевскаго), то, конечно, на это была какая-то особенно важная причина, вродѣ

воспоминанія о нахожденіи тамъ мощей св. Климента, подъконецъ, вѣроятно, забытаго.

Всего сказаннаго достаточно для утвержденія съ документальной точностью того, что чудесный храмъ легенды о св. Климентѣ былъ построенъ именно на этомъ островѣ, гдѣ Кирилломъ найдены и мощи этого святого.

Довольно вѣроятно, — говоритъ Бертье-Делагардъ, — что и ссылка св. Климента, и его мученія происходили около этихъ мѣстъ, а никакъ не въ Инкерманѣ, куда съ легкой руки Сестренцевича, написавшаго такъ много совершенно бездоказательнаго и выдуманнаго имъ вздора по исторіи Крыма, пріурочили эту церковную легенду, и гдѣ даже физическія условія мѣстности тому безусловно противорѣчатъ. И тутъ же онъ прибавляетъ: „Пріуроченіе легенды о св. Климентѣ къ Инкерману кѣмъ-либо ранѣе Сестренцевича мнѣ неизвѣстно, хотя я тщательно разыскивалъ перваго автора этого предположенія". Послѣднее можемъ подтвердить и мы. А Сестренцевичъ писалъ вотъ что: „Климентъ осужденъ былъ работать тамъ на каменоломняхъ, коихъ находятъ еще остатки. Мѣсто сіе есть мысъ близъ Инкермана... Тамъ тесали камни и отправляли въ Грецію на строеніе городовъ. На вершинѣ горы, гдѣ находятся развалины инкерманскаго замка, есть колодезь весьма чистой ключевой воды. Можетъ быть, это тотъ самый, который, какъ увѣряютъ, былъ найденъ святымъ Климентомъ". Но Сестренцевичъ совершенно упустилъ изъ вида, что мѣстность Инкермана, гдѣ протекаетъ и впадаетъ въ бухту Черная рѣчка, совершенно не соотвѣтствуетъ сухой, безводной мѣстности житія св. Климента, которому въ ссылкѣ приходилось ходить за 45 стадій, чтобы добыть воды, и который по молитвѣ открылъ „источникъ проліявся, рѣкою сотворися". А это, напротивъ, вполнѣ соотвѣтствуетъ родникамъ балокъ Камышевой и Казачьей бухты, которые послѣ расчистки въ дождливые годы превращаются въ ручьи, стекающіеся въ море. Это отмѣчаетъ и Палласъ.

Съ своей стороны, мы можемъ прибавить, что нѣтъ даже основаній предполагать, что во времена св. Климента въ Инкерманѣ были каменоломни, а тѣмъ болѣе обширныя, на которыхъ, какъ говорятъ новѣйшія легенды, работало двѣ тысячи человѣкъ. Мягкій, какъ мѣлъ, инкерманскій камень въ то время, вѣроятно, и не шелъ на подѣлку, какъ ненадежный матеріалъ. Онъ даже почти не примѣнялся при постройкѣ дошедшихъ до насъ инкерманскихъ укрѣпленій, возникшихъ въ гораздо болѣе позднее время (XII—XIV в.). Равнымъ образомъ не находятъ инкер-

манскаго камня и въ раскопкахъ Херсонеса, построеннаго цѣликомъ изъ твердаго степного камня.

Словомъ, на основаніи имѣющихся данныхъ нельзя даже говорить объ инкерманскихъ каменоломняхъ I в. по Р. Хр. Но возможно, что въ то время здѣсь былъ поселокъ. (Не стоянка ли римской конницы? За это говорятъ кое-какія находки). Вотъ что по этому поводу пишетъ нашъ извѣстный нумизматъ Бурачковъ: „Намъ положительно извѣстно, что въ этой мѣстности не встрѣчается монетъ или надписей древняго періода, тогда какъ монеты римскія, временъ императорскихъ, попадаются довольно часто, и при устройствѣ проходящей здѣсь желѣзной дороги найденъ цѣлый кувшинъ съ серебряными монетами Домиціана (81—96) и послѣдующихъ императоровъ до Коммода включительно (180—192). Такимъ образомъ, существованіе здѣсь римскаго поселенія во время ссылки св. Климента подтверждается вещественными памятниками“.

Однако Косцюшко-Валюжиничъ не вѣрилъ этимъ „вещественнымъ памятникамъ“ и передалъ намъ, что въ данномъ случаѣ Бурачковъ былъ введенъ въ невольное заблужденіе: монеты, о которыхъ говоритъ Бурачковъ, найдены не въ мѣстности Инкермана, а, какъ ему доподлинно извѣстно, близъ Симферополя; пріобрѣтены онѣ были французскимъ гражданиномъ Вакье и чрезъ него попали въ руки спеціалиста,—и въ данномъ случаѣ онѣ ничего не доказываютъ.

Я здѣсь не буду входить въ разрѣшеніе спора и только указываю на этотъ фактъ, какъ на хорошій примѣръ того, какъ легко создаются историческія и археологическія недоразумѣнія, даже въ наше научно-строгое время. Какъ бы то ни было, но слова Сестренцевича и теперь крѣпко держатся и, какъ преданіе, переносятся изъ устъ въ уста, изъ книжки въ книжку. Весьма вѣроятно, что предположеніемъ Сестренцевича воспользовался и знаменитый таврическій архипастырь Иннокентій, когда въ началѣ пятидесятыхъ годовъ задался мыслью возстановить въ Тавридѣ важные въ церковно-историческомъ отношеніи христіанскіе памятники. Тогда въ Инкерманѣ, въ его криптахъ (пещерахъ) у каменоломенъ основали монашеское общежитіе. Самую большую пещеру съ признаками бывшаго храма признали за пещерную церковь, сооруженную будто бы трудами св. Климента. Такимъ образомъ, ошибочное предположеніе Сестренцевича было, такъ сказать, санкціонировано высшимъ духовенствомъ и стало достовѣрнымъ фактомъ. Но мы уже знаемъ, что пещеры Инкермана, какъ и другихъ мѣстъ, возникли гораздо позднѣе.

Бертье-Делагардъ, на основаніи формы древнихъ крестовъ на стѣнахъ инкерманской церкви, приходитъ къ предположенію, что указываемая церковь возникла около XIV—XV вѣка (по Кулаковскому—нѣсколько ранѣе). Мнѣ кажется, это предположеніе слабо обосновано; такъ какъ церковь навѣрное съ вѣками обновлялась и расширялась согласно потребностямъ и духу времени. Что она древнѣе времени, указываемаго Бертье, за это говоритъ форма ея въ видѣ базилики въ три нэфа, что не встрѣчается въ XIV вѣкѣ.

Такимъ образомъ, данныя легендъ и исторіи заставляютъ насъ признать мѣстомъ ссылки и мученій св. Климента островокъ и мѣстность у Казачьей бухты. Здѣсь св. Климентъ имѣлъ, такъ сказать, постоянное пребываніе и отсюда ходилъ на свою бого-вдохновенную проповѣдь. Инкерманъ уже почтилъ память святого, который только, можетъ быть, заходилъ сюда со словами Христа,—а островокъ, гдѣ жилъ и почилъ св. Климентъ, принявъ мученическій вѣнецъ, и гдѣ долго хранились его драгоцѣнные для всего христіанскаго міра останки, стоитъ пустынно, одиноко: мало кто знаетъ о немъ; и дорога къ нему заросла уже вѣками. Послѣ этого невольно скажешь вмѣстѣ съ Бертье-Делагардомъ: „Нельзя не пожелать, чтобы и этотъ островокъ, единственный обладающій документальными доказательствами на вѣроятность мученія и кончины здѣсь св. Климента и несомнѣннаго нахожденія здѣсь его останковъ, не остался заброшенной и даже неочищенной развалиной; *это мѣсто должно быть священнымъ для насъ*“ и охраняться такъ, какъ того заслуживаетъ. Выраженіемъ нашего почитанія островка св. Климента могъ бы служить хотя бы простой крестъ изъ инкерманскаго камня или хотя маленькая часовня. Память великаго дѣятеля христіанской церкви и святого заслуживаетъ, конечно, чего-нибудь большаго. Много разъ обращался я по этому поводу къ настоятелямъ херсонесскаго монастыря, среди которыхъ бывали и образованные, но мнѣ ничего не удалось сдѣлать. Видно, заботу о сохраненіи святыни должны будутъ принять на себя не херсонесскіе отшельники, а міряне.

Послѣ ряда церковныхъ службъ и процессій, Кириллъ и Меѳодій распростились съ херсонесскимъ духовенствомъ и, захвативъ съ собой часть останковъ Климента, отправились въ Константинополь, а оттуда—позднѣе (около 865 г.)—въ Римъ. Папа Адріанъ II въ торжественной процессіи вышелъ навстрѣчу мощей св. Климента: граждане, духовенство съ крестами и свѣчами въ

рукахъ, народъ—окружали папу, шедшаго въ полномъ облаченіи за городъ, встрѣчать останки одного изъ первыхъ преемниковъ св. Петра, самимъ апостоломъ избраннаго въ папы.

Священный подарокъ, который несли Риму Кириллъ и Меѳодій, былъ для папы тѣмъ болѣе дорогъ, что непосредственные преемники святого апостола Петра, Линъ и Анаклетъ, не осчастливили Римъ своими мощами, и такимъ образомъ св. Климентъ являлся прямымъ преемникомъ святыхъ апостоловъ въ ряду мощей римскихъ первосвященниковъ.

Е. Э. Ивановъ.

ДАЛЕКІЙ ГОРИЗОНТЪ

Романъ Люкаса Малета.

The far horizon. By Lucas Malet. London. 1907.

X *).

Въ октябрѣ мѣсяцѣ произошло два событія, имѣвшихъ неодинаковое міровое значеніе, но одинаково повліявшихъ, какъ это оказалось впослѣдствіи, на жизнь Доминика Иглезіаса. Первымъ было—объявленіе войны Англіи южно-африканскими республиками; вторымъ—новый пріѣздъ миссъ Серены Лёвгровъ въ Лондонъ.

Въ настоящее время война нѣсколько смущаетъ совѣсть цивилизованныхъ народовъ, а въ этой войнѣ былъ, кромѣ того, элементъ нелѣпаго и уродливаго. Большинству она показалась плохою шуткою: очень маленькій и дерзкій мальчикъ далъ оплеуху гиганту; конечно, его слѣдовало наказать, но все же положеніе оказывалось отчасти смѣшнымъ, и потому англичане старались относиться къ нему слегка. Они пытались увѣрить себя, что мальчикъ, отирая слезы кулачонками, скоро запроситъ прощенія, но нѣкоторые изъ болѣе проницательныхъ помнили Маюбскій холмъ, и потому далеко не были въ этомъ увѣрены. Еще нѣкоторые осмѣливались подозрѣвать, что англійское общество страдаетъ апоплексіей богатства въ той формѣ, которая требуетъ кровопусканія.

Среди нихъ былъ Иглезіасъ. Его недавнія наблюденія надъ обществомъ, брошенныя вскользь замѣчанія Пеппи и злополуч-

---

*) См. выше: сент., стр. 202.

наго Декурси-Смита, породили въ немъ убѣжденіе, что смиряющія и печальныя послѣдствія войны могутъ оказаться цѣлительными для общественнаго и политическаго организма страны. Голландецъ, такъ же, какъ еврей—самый стойкій и упрямый изъ людей; кромѣ того, онъ—прирожденный воинъ. Иглезіасъ не могъ отнестись къ войнѣ какъ къ военной прогулкѣ съ музыкой,—она тяготила его душу, и тяжесть эта еще увеличилась, когда ему неожиданно пришлось окунуться снова въ міръ финансовыхъ операцій.

Въ утренней газетѣ онъ прочелъ длинную, очевидно—инспирированную статью о компаніи, основанной съ цѣлью эксплуатаціи южно-африканскихъ копей. Заранѣе исчислялись несмѣтные барыши, но о расходахъ и могущихъ возникнуть препятствіяхъ—какъ-то умалчивалось. Ясному и логическому уму Иглезіаса вся эта спекуляція представлялась гигантскимъ пуфомъ, въ особенности послѣ того, какъ онъ узналъ, что въ успѣхѣ ея сильно заинтересованъ финансистъ новѣйшей американской формаціи, м-ръ Реджинальдъ Баркингъ, ставшій теперь фактически во главѣ старинной фирмы Баркингъ и К°.

Хотя Иглезіасъ былъ обязанъ ему своимъ увольненіемъ, это не повліяло на его отношеніе къ нему, но старыя связи и долголѣтнія привычки не такъ легко порываются,—и будущность фирмы съ исходомъ этихъ рискованныхъ операцій начала серьезно его тревожить.

Реджинальдъ—безпокойный, нервный, рано разочарованный и порядкомъ развращенный юноша—былъ отправленъ родителями, послѣ не дѣлающаго ему чести эпизода съ горничной,—въ Америку, на службу къ извѣстной фирмѣ, имѣвшей сношенія съ банкомъ Баркингъ и К°. Дремавшій въ немъ духъ спекулятивнаго авантюризма сразу пробудился въ немъ, но онъ вскорѣ понялъ, что Америка—для американцевъ, и вернулся въ Европу съ честолюбивыми планами, элегантною женою—дочерью американскаго милліонера—и двумя блѣдными, сухими дѣтьми. Въ трехъ- и пяти-лѣтнемъ возрастѣ они обладали самоувѣренностью и разочарованностью взрослыхъ людей, ничему не удивлялись и очень немногое могло доставить имъ развлеченіе. Они жаловались уже на нервы и пищевареніе, и воздерживались, въ виду этого, отъ всякихъ излишествъ.

Сложивъ газету, Доминикъ прошелся по комнатѣ. Солнце ярко свѣтило; желтые и коричневые листья платановъ, тополей и бальзаминовъ выдѣлялись на фонѣ красныхъ и сѣрыхъ домовъ Грина, вызывая игру свѣтотѣней. Иглезіасъ всталъ въ хорошемъ на-

строеніи; за послѣднее время онъ еженедѣльно посѣщалъ Пеппи, и сегодня ему предстояло быть у нея.

Со времени разговора о покойной его матери, его дружба съ Пеппи Сентъ-Джонъ вступила въ новый фазисъ,—она стала уже не экспериментальной, но положительной, тѣмъ болѣе, что Пеппи не навязывалась на откровенность. Онъ могъ говорить или не говорить ей о томъ, что занимало его. Кромѣ того, онъ понималъ, что подъ ея болтовнею скрывалось весьма основательное знакомство съ общественными дѣлами и вѣяніями,—такъ что съ нею можно было говорить о чемъ угодно. Онъ привыкъ довѣрять ея сужденіямъ не менѣе, чѣмъ ея искренности.

Но хорошее настроеніе Доминика омрачилось послѣ прочтенія статьи. Было ли подобное предпріятіе простою неосторожностью въ это тревожное время, или — ослѣпленною самонадѣянностью по отношенію къ бурамъ? А можетъ быть, Реджинальдъ такъ уже далеко зашелъ, что для спасенія капитала фирмы ему приходилось прибѣгать къ отчаянной рекламѣ?

Рыцарское чувство долга относительно людей, у которыхъ онъ столько лѣтъ работалъ, все сильнѣе охватывало Доминика. Ихъ разореніе и позоръ являлись косвенно позоромъ для него самого. Доминикъ рѣшилъ посовѣтоваться съ Джорджемъ.

Онъ вышелъ изъ дому; сегодня голосъ Лондона былъ бодрый, возбуждающій, онъ словно звалъ къ борьбѣ. Солнечный свѣтъ и бодрящій воздухъ радовали Иглезіаса; если и къ вечеру погода не измѣнится, тѣмъ пріятнѣе будетъ для него посѣщеніе Пеппи. Онъ чувствовалъ себя тоже оживленнымъ, готовымъ къ труду и борьбѣ; въ эту минуту онъ былъ бы даже радъ имъ. Нѣсколько возбужденный, онъ шелъ по аллеѣ, покуда женская фигура не преградила ему путь. Онъ, не глядя, посторонился вправо, чтобы пропустить ее, и она тоже посторонилась вправо. Онъ подался влѣво, и она—тоже.

— Извините,—произнесъ Иглезіасъ.

— Ахъ!—воскликнула Серена Лёвгровъ.

— Простите, пожалуйста!—Доминикъ приподнялъ шляпу.—Я не видѣлъ, что это были вы!

— Какъ странно!—замѣтила Серена.

Она стояла посреди дорожки; глаза ея моргали, шолковая юбка шуршала. Серена очень заботилась о качествѣ шолка на своихъ юбкахъ. Ихъ шуршаніе придавало ей апломбъ и извѣстную моральную поддержку.

— Очень странно!—повторила она:—развѣ вы не слышали, что я вернулась?

Доминикъ могъ бы по совѣсти отвѣтить, что онъ не слышалъ объ ея отъѣздѣ, но онъ воздержался.

— Вы доставили большое удовольствіе вашимъ кузенамъ,— сказалъ онъ любезно.

Серена смотрѣла на падающіе листья.

— Я право не знаю, доставляетъ ли это имъ удовольствіе, или они приглашаютъ меня только потому, что мы — родня?— Она остановилась и поглядѣла на м-ра Иглезіаса. — Джорджъ, безъ сомнѣнія, прекрасно относится ко мнѣ и къ Сюзаннѣ,—вѣдь мы кузены. Но относительно Роды—я не такъ увѣрена. Разумѣется, мы и не подозрѣвали о ея существованіи, покуда она не вышла за Джорджа.

— Она превосходная жена,—вставилъ Иглезіасъ.

— Да, кажется, но все же я удивляюсь, что Джорджъ не выбралъ себѣ жену, которая была бы удовлетворительнѣе во многихъ отношеніяхъ.

Серена оцѣнила глубокомысленность своего замѣчанія, но со стороны Доминика на него не послѣдовало отвѣта.

— Не знаю, замѣчаетъ ли онъ, насколько она ниже насъ во всѣхъ отношеніяхъ, и не хочетъ въ этомъ сознаться,—или онъ совсѣмъ этого не замѣчаетъ?

— А вы имѣете обыкновеніе гулять по утрамъ?—спросилъ Доминикъ, чувствуя, что молчаніе затягивается.

Серена оживилась.

— Да, насъ пріучили гулять по два раза въ день. Мама очень на этомъ настаивала. Она полагала, что моціонъ необходимъ для здоровья. Мнѣ даже кажется, что она черезчуръ далеко заходила въ этомъ отношеніи. Но, конечно, у Сюзанны очень крѣпкое здоровье. Она гораздо здоровѣе меня. Я думаю, что она была бы здорова, еслибы даже мама не заставляла насъ такъ много гулять. Но я не знала, что вы выходите по утрамъ, т.-е. я не видѣла ранѣе, чтобы вы выходили.

— Въ самомъ дѣлѣ?—воскликнулъ Иглезіасъ, пораженный такою освѣдомленностью.

— Вѣдь изъ дома Джорджа прекрасно виденъ Кедровый коттэджъ, и я часто сижу у окна. Это—одно изъ лондонскихъ развлеченій. Но странно, что ни Джорджъ, ни Рода не сказали вамъ о моемъ пріѣздѣ.

Доминикъ не зналъ, что̀ отвѣтить, и притомъ эта остановка начинала слегка раздражать его; онъ сталъ желать, чтобы она посторонилась и пропустила его.

— Вы простудитесь,—сказалъ онъ,—я не смѣю дольше задерживать васъ.

Глаза Серены заморгали; она была возбуждена и слегка обижена. „Онъ очень рѣзокъ, но все же у него хорошія манеры. Еслибы не знать, что онъ былъ клеркомъ въ банкѣ, догадался ли бы кто-нибудь объ этомъ? Положимъ, незачѣмъ объ этомъ упоминать въ Слоуби, хотя Сюзанна навѣрное упомянетъ. Сюзанна убѣждена, что всегда нужно говорить правду".

Дойдя до конца аллеи, Серена оглянулась и увидѣла, что м-ръ Иглезіасъ вошелъ въ дверь, которую отворилъ ему Джорджъ. Серена окаменѣла.

„Такъ онъ шелъ туда! Какъ странно, что онъ не упомянулъ объ этомъ! Развѣ онъ не подумалъ, что я могу оглянуться? Или онъ сдѣлалъ это нарочно, желая обидѣть меня?"

Она продолжала свою прогулку.

„А можетъ быть онъ именно желалъ видѣть ихъ безъ меня—по какой-нибудь особой причинѣ,—и желаетъ, чтобы я объ этомъ знала? Онъ, можетъ быть, желаетъ ихъ о чемъ-нибудь разспросить? Но странно только, что онъ сказалъ, что онъ не зналъ о моемъ пріѣздѣ. А можетъ быть, онъ этого и не сказалъ?"

Серена шла легкими шагами; она была оживлена, юбки ея шуршали.

„Конечно, онъ не сказалъ, — онъ явно избѣгалъ отвѣта на этотъ вопросъ. Надо вывѣдать это отъ Роды, но пусть она не догадается, что я кое-что знаю".

Чувство обиды прошло. Фантазія Серены устремилась путемъ всякихъ изворотовъ къ неожиданнымъ выводамъ. Она чувствовала себя очень проницательной, очень опасной, и эти ощущенія наполняли ее самодовольствомъ.

XI.

Джорджъ Лёвгровъ отнесся къ заявленію Доминика очень оптимистически.

Дѣла банка не внушаютъ никакихъ опасеній. Недаромъ о немъ говорятъ: „вѣрно, какъ въ государственномъ банкѣ". Сэръ Абель, конечно, слѣдитъ за племянникомъ и не допуститъ младшаго члена фирмы до совершенія подобной неосторожности. Что же касается войны, она для буровъ—самоубійство. Хорошо еще, если эти бѣдняги во-время опомнятся. Гдѣ же имъ устоять противъ англійскихъ регулярныхъ войскъ?

Погода располагала къ оптимизму, и Доминикъ ушелъ отчасти успокоенный. Онъ поѣхалъ въ омнибусѣ и сошелъ на Гаммерсмитскомъ мосту. Небо было ярко-синяго цвѣта; пестрые листья кружились въ воздухѣ; дѣти въ цвѣтныхъ платьяхъ бѣгали и рѣзвились, преслѣдуемыя няньками и матерями: свѣжій воздухъ и солнце ударили имъ въ голову. Снигирь, сидя на перекладинѣ перилъ, издавалъ звонкое чириканье. Осень говорила скорѣе о возрожденіи, чѣмъ объ увяданіи. Было весело жить. Даже трезвому уму Доминика ужасы войны и банкротства казались чѣмъ-то неправдоподобнымъ и отдаленнымъ.

Пеппи встрѣтила его веселымъ смѣхомъ.

— Милый другъ,—воскликнула она,—у насъ домъ вверхъ дномъ! Каппадочіа — прошу извиненіе за упоминаніе о такомъ предметѣ — разрѣшилась отъ бремени четырьмя щенками. Настоящіе ягнятки — ни одного бѣлаго волоска. И Каппадочіа— такая хорошая мать. Попробуйте подойти—укуситъ.

Пеппи говорила очень быстро, держа его за руку и глядя ему прямо въ лицо. Ея странные глаза имѣли очень кроткое выраженіе, но сіяли яркимъ блескомъ.

— Какъ я рада васъ видѣть! Еслибы вы знали, до чего я рада!

И Доминикъ, сильно тронутый, молчалъ.

— Вы не обидѣлись? Вы не собираетесь по такой погодѣ напустить на себя суровость?

Онъ покачалъ головою.

— Нѣтъ, нѣтъ, дорогой другъ, но такая встрѣча нѣсколько удивительна для меня. Исключая моей матери, всѣмъ было все равно—прихожу я или ухожу.

— Ну, и дурачье они были!—воскликнула Пеппи съ великолѣпнымъ презрѣніемъ къ хорошему тону.—Но все это прошло, и въ сущности я не должна негодовать на ихъ глупость, такъ какъ это увеличиваетъ мои шансы. Садитесь, я вамъ объясню. Видите ли, мой прекрасный, невинный другъ, я говорю только о мужчинахъ, не о мальчуганахъ-цыплятахъ, еще бѣгающихъ со скорлупкой на головѣ и не знающихъ, куда дѣвать свои привязанности. Но и у мужчинъ, когда зайдетъ объ этомъ рѣчь, ты оказываешься обыкновенно въ лучшемъ случаѣ — третьимъ, въ худшемъ—двадцать-третьимъ нумеромъ. Не приходите въ ужасъ... Они сохранили романическія воспоминанія о полдюжинѣ женщинъ, по меньшей мѣрѣ, и все позднѣйшее является уже подогрѣтымъ блюдомъ. Ихъ преслѣдуютъ образы милыхъ Кларъ, Глэдисъ, маленькихъ Эмили, Беатрисъ, Розинъ и Люциндъ, ка-

ждая изъ которыхъ была ангеломъ десять лѣтъ тому назадъ, хотя они не узнали бы ее теперь при встрѣчѣ съ нею на улицѣ. Для женщины въ настоящемъ не остается такимъ образомъ ничего.

Пеппи откинулась головою на красно-желтыя подушки дивана и засмѣялась, показывая бѣлые зубы.

— Съ мальчишками не стоитъ имѣть дѣла,—они слишкомъ первобытны, да и не хочется портить ихъ будущность. Итакъ, вы понимаете, мой очаровательный помѣшанный другъ, почему вы и ваша дружба болѣе дороги для меня, чѣмъ я могу выразить словами. Когда вы уходите, я готова плакать; когда вы приходите, я способна танцовать...

Она заговорила почти вызывающимъ тономъ:

— И это—хорошее, чистое, свѣтлое чувство. Мы съ вами счастливы по-своему, не такъ ли? И оно можетъ оставаться такимъ, если только...—она взглянула сбоку на Доминика съ полуюмористическимъ, полупатетическимъ выраженіемъ,—если только оно не сыграетъ съ нами штуки и не превратится во что-нибудь другое.

Она быстро поднялась.

— Я должна двигаться, должна что-нибудь дѣлать... Нѣтъ, сидите, милый другъ. Я люблю чѣмъ-нибудь заниматься при васъ; тогда мнѣ кажется, что вы не въ гостяхъ, что вы здѣсь—у себя.

Пеппи подбросила въ огонь дровъ, и пламя стало переливаться разноцвѣтными огоньками. Она поставила на рѣшетку камина свою ногу въ черномъ шолковомъ ажурномъ чулкѣ и лакированной изящной туфелькѣ. Отблескъ огня игралъ на ея блѣдномъ профилѣ и массѣ черныхъ волосъ, на кружевномъ жабо ея платья. Иглезіасъ сидѣлъ и ждалъ, покуда ей вздумается заговорить. Онъ уже привыкъ къ этимъ перемѣнамъ въ ея настроеніи, и не всегда понималъ ихъ. Онъ и не стремился ихъ понять; въ немъ таилась смутная боязнь — познакомиться слишкомъ близко съ подробностями ея жизни. Это невѣдѣніе было безопаснѣе, и въ немъ заключалось своего рода утонченное очарованіе. По мѣрѣ того, какъ дружба ихъ крѣпла, они открывали другъ въ другѣ новыя особенности, какъ мореходы открываютъ новыя страны.

Тѣмъ не менѣе, по мѣрѣ того, какъ молчаніе затягивалось, Доминикъ чувствовалъ себя все грустнѣе и тревожнѣе въ надвигавшихся сумеркахъ. Онъ увидѣлъ съ облегченіемъ, какъ Пеппи откинула, наконецъ, волосы со лба рѣшительнымъ движеніемъ и опустила руки, словно отогнавъ назойливую мысль. Въ глазахъ

ея еще было разсѣянное выраженіе, словно они глядѣли куда-то въ иной міръ.

— Ну, вотъ, что̀ я за идіотка! Теряю время въ вашемъ присутствіи. Но духъ мой улеталъ въ другія сферы, и я не удерживала его именно потому, что̀ вы—со мною, и я чувствовала, что я въ безопасности. Я навѣрное не вывожу васъ изъ себя?

— Навѣрное,—улыбнулся Доминикъ.

— Да благословитъ васъ Богъ. Въ такомъ случаѣ — все хорошо.

Пеппи утомленно опустилась на прежнее мѣсто.

— Я страшно устала. Я просидѣла половину ночи съ Каппадочіей —въ качествѣ воспріемницы,—простите за вторичное упоминаніе объ этомъ семейномъ событіи. Но, пожалуйста, не безпокойтесь. Не бѣда, что я устала. Милый другъ, я никогда не хвораю; я здорова, какъ лошадь. Поговоримъ о чемъ-нибудь другомъ. Какія нынче злобы дня? Я какъ-то все забыла... Ахъ, да! Дирекція „Театра Двѣнадцатаго Вѣка“ дала главную роль въ новой пьесѣ Дотти Пэррисъ. Вамъ это все равно? Помилуйте, это—событіе въ театральномъ мірѣ! Мнѣ самой интересно видѣть ее въ драмѣ послѣ ея дебютовъ къ комедіи съ музыкою и на эстрадѣ. Теперь она будетъ называться: миссъ Чарлотта Кольтгёрстъ. Конечно, тутъ сыграло роль покровительство, но вѣдь съ этимъ далеко не уѣдешь,—не такъ ли?

— Возможно. Но мнѣ такъ мало приходилось дѣлать наблюденій по этой части, что я вполнѣ полагаюсь на ваше сужденіе.

Пеппи тихо засмѣялась, дружелюбно глядя на него.

— Вы сумѣли бы покровительствовать людямъ, еслибы судьба справедливо поставила васъ на ваше настоящее мѣсто, т.-е. на какой-нибудь свободный престолъ. Я такъ и вижу васъ на немъ—во всей вашей величавости и безупречности. Вы заняли бы его по праву и многихъ научили бы кое-чему хорошему. Но шутки въ сторону. Есть вопросъ, по которому я хотѣла бы знать ваше мнѣніе: что̀ вы скажете объ этой войнѣ?

Повинуясь ея измѣнившемуся настроенію, Доминикъ отвѣтилъ откровенно:

— Мнѣ говорятъ, что я алармистъ. Хотѣлъ бы я оказаться имъ. Но причины общественнаго и спеціальнаго характера заставляютъ меня страшиться этой войны.

Утомленіе Пеппи исчезло. Она оживилась и сидѣла теперь, держа руки ладонь къ ладони между колѣнъ, наклонясь впередъ, какъ ребенокъ, когда онъ надъ чѣмъ-нибудь задумывается.

— Вы совершенно правы. Ненавижу это легкомысленное отношеніе: „Поѣзжайте сегодня, завтра ждемъ васъ обратно къ чаю, а потому не стоитъ прощаться“. Вамъ знакомъ этотъ идіотскій фатовской стиль? Это—не бравада. Англійскіе офицеры на нее неспособны, да и мозговъ у нихъ для этого не хватитъ, они—слишкомъ уравновѣшенный народъ. Они не маскируютъ свой страхъ, они дѣйствительно не боятся. Одинъ изъ моихъ друзей говоритъ то же, что̀ и вы. Онъ—членъ палаты лордовъ, но вѣдь онъ не виноватъ въ этомъ, бѣдняга?—вставила она въ видѣ извиненія, метнувъ искоса взглядъ на м-ра Иглезіаса:—вы, кажется, встрѣтили его, уходя отъ меня?

— Я помню, что встрѣтилъ кого-то, — сказалъ Доминикъ надменно: онъ не желалъ ничего слышать.

Разговоръ былъ ему непріятенъ, хотя онъ не могъ бы сказать, почему? Но Пеппи вдругъ обуялъ духъ лукавства. Потирая руки, она начала болтать и смѣяться.

— Ну, конечно, вы со свойственнымъ вамъ величіемъ не обратили вниманіе на него, бѣднягу. Но онъ не былъ такъ надмененъ и обратилъ на васъ большое вниманіе. Вы произвели на него громадное впечатлѣніе, увѣряю васъ. Не сердитесь. Я говорю святую истину. Ему страшно хотѣлось узнать: кто вы? откуда? и черезъ кого мы познакомились? И ничего не могло быть пріятнѣе, какъ отвѣтить ему, что мы познакомились на скамьѣ въ „Barnes Commons“, да еще такой неудобной, безъ спинки, познакомились черезъ Каппадочію; что же касается вашего имени и адреса—я не имѣю о нихъ отдаленнаго понятія... Вы сердитесь? Не сердитесь!

— Я не сержусь,—отвѣтилъ м-ръ Иглезіасъ, утративъ свое обычное спокойствіе и отвѣчая почти рѣзко.

— Нѣтъ, вы сердитесь! Вы чуточку, крошечку меня ревнуете! Вы сами это знаете, и я ничуть объ этомъ не жалѣю. Напротивъ, я въ восторгѣ, такъ какъ это доказываетъ, что вы въ концѣ концовъ принадлежите къ породѣ смертныхъ и должны, подобно имъ, имѣть имя и мѣстожительство. Я не спрашиваю о нихъ, но какъ-то спокойнѣе знать, что они существуютъ. Это доказываетъ, что вы не спускаетесь разъ въ недѣлю прямо съ неба на Mortlake Road и не возноситесь туда обратно...

Доминикъ колебался. То, о чемъ онъ думалъ, трудно было передать на словахъ, но и умолчать о немъ — значило бы подвергнуть опасности ихъ дальнѣйшія отношенія.

— Простите мою откровенность, — сказалъ онъ, — но мнѣ

грустно, что вы считаете необходимымъ точно оправдываться въ чемъ-то передо мною...

— Ну?—тихо проговорила Пеппи.

— Это огорчаетъ и тревожитъ меня.

— Да?—прошептала Пеппи.

— Боюсь, что я—эгоистъ,—кротко продолжалъ Иглезіасъ;—но вы были такъ добры и говорили мнѣ, что вы дорожите моею дружбой. Приходило ли вамъ въ голову, что я гораздо больше дорожу вашею дружбой? Для этого имѣются многія причины. Во-первыхъ, какимъ блескомъ вы ни окружены, но, будучи молоды и имѣя широкій кругъ знакомства, вы можете ждать бо̀льшаго и смотрѣть впередъ съ надеждою и увѣренностью, между тѣмъ какъ я—одинъ въ цѣломъ мірѣ. За исключеніемъ стараго школьнаго товарища, у меня никого нѣтъ, кому бы не было все равно: живъ я или умеръ?

— Неужели?—тихо сказала Пеппи.

— Не истолковывайте моихъ словъ въ томъ смыслѣ, что я жалуюсь,—прибавилъ Иглезіасъ;—я не сомнѣваюсь въ томъ, что мои жизненныя условія—именно таковы, какими они должны быть, еслибы я понялъ ихъ сокровенный смыслъ и подчинился ему.

— Не знаю... Сомнѣваюсь!..—поспѣшно вставила Пеппи.

— Сомнѣваетесь, потому что вы молоды и находитесь въ стадіи измѣненія и развитія. За немногими исключеніями, покорность судьбѣ—не должна быть добродѣтелью въ молодости. Она зачастую прикрываетъ собою лѣнь и трусость. Но условія моей жизни не подлежатъ перемѣнѣ и развитію. Они—окончательны. Поэтому я долженъ принять ихъ съ покорностью. Трудъ моей жизни законченъ. Я не скажу, чтобы она была неудачна, такъ какъ я выполнилъ главную цѣль ея. Но въ ней не было ничего яркаго, блестящаго. Мое солнце зайдетъ въ туманѣ. Мое настоящее бѣдно содержаніемъ. Мое будущее—вѣроятно очень недолгое—ничего не обѣщаетъ мнѣ. Поэтому ваша дружба имѣетъ для меня исключительно важное, преобладающее значеніе.

Иглезіасъ остановился; голосъ его былъ ясный, серьезный, проникнутый волненіемъ. Онъ не рѣшался взглянуть на Пеппи, такъ какъ открылъ въ себѣ неожиданную глубину чувства.

— И вотъ именно потому я по-дѣтски страшусь, я по-дѣтски избѣгаю самаго легкаго облачка, которое могло бы омрачить наши свѣтлыя отношенія. Тутъ нѣтъ ничего обиднаго для васъ, дорогой другъ.

— Нѣтъ,—сказала она,—тутъ нѣтъ обиды, напротивъ, тутъ

есть большая красота, но также — и страшная отвѣтственность!

Она сидѣла совсѣмъ тихо съ поднятою головою и сложенными на колѣняхъ руками.

— Я невѣрно оцѣнила положеніе. Я думаю только о себѣ, о томъ, какъ вы мнѣ нравитесь. Я обѣщала вамъ играть въ открытую, но это—уже не игра. Это захватило меня слишкомъ сильно. И я не знаю, да, я не знаю: окажусь ли я на высотѣ?...

Она страннымъ взглядомъ окинула Иглезіаса въ надвигающихся сумеркахъ.

— Милый незнакомецъ, даю вамъ слово, что я испугана, я—никогда и никого не боявшаяся. По-своему, я играла сердцами мужчинъ, какъ мячиками, за исключеніемъ того юноши — я говорила вамъ о немъ при первой нашей встрѣчѣ?—который подарилъ мнѣ шарфъ и которому родные запретили на мнѣ жениться. Но эта исторія съ вами — совсѣмъ не то. Она зашла такъ далеко, что влечетъ за собою нѣчто вродѣ полнаго переворота для меня: я должна со многимъ порвать, отъ многаго отказаться.

Пеппи вскочила и принялась ходить по комнатѣ. Доминикъ также поднялся и стоялъ по другую сторону камина; въ немъ зародилось убѣжденіе, что наступилъ кризисъ, подвергающій опасности ту радость, которую давала имъ обоимъ ихъ дружба.

— Вы не понимаете?—пылко воскликнула Пеппи:—и слава Богу, что вы не понимаете! Это избавляетъ васъ отъ половины страданій. Я хочу васъ сохранить. Ваша дружба—лучшее, что было у меня въ жизни. И все же—я не знаю... Во мнѣ сидитъ не одна, а полдюжины женщинъ сразу, и всѣ онѣ тянутъ меня въ разныя стороны, и я не могу ручаться за себя... Я хочу сохранить васъ, я безумно этого хочу, и я отчаянно боюсь, что я не сумѣю оправдать ваши ожиданія. Цѣна — слишкомъ высока.

Пеппи неожиданно нажала пуговку электрическаго звонка, и въ отвѣтъ на продолжительный рѣзкій звонокъ вошла пожилая горничная, внесшая двѣ лампы подъ розовыми абажурами. Безшумно и ловко, какъ человѣкъ, не видящій и не слышащій того, что ей не полагается видѣть и слышать, она опустила шторы, помѣшала въ каминѣ и приготовила столикъ для чая.

И вмѣстѣ съ перемѣною обстановки—измѣнилась и Пеппи. Несмотря на свое скромное черное платье, она стала прежнею искусственною, фантастическою женщиною въ платьѣ цвѣта крутящейся по вѣтру пыли, носительницею вышитыхъ драконовъ, актрисою съ накрашенными губами: серьезность и твердость

покинули ее вмѣстѣ съ сумерками. Она безостановочно болтала, не обращая вниманія на возраженія и отвѣты.

— Ну-съ, вернемся къ повседневной жизни. Чашку чаю? Вы не присядете? Ну, какъ хотите! О чемъ мы говорили? Да, о войнѣ. Фаллоуфильдъ утверждаетъ, что плохое дѣло—сражаться съ народомъ фермеровъ и охотниковъ на ихъ собственной территоріи, гдѣ они знаютъ каждую пядь земли. Съ ними не справится ни нашъ простодушный солдатъ, ни воспитанный на парадахъ и рутинной дисциплинѣ офицеръ. Фаллоуфильдъ говоритъ, что трауръ поднимется въ цѣнѣ и въ южной Африкѣ выростетъ рядъ могилъ...

Она остановилась, такъ какъ Доминикъ поставилъ на столъ нетронутою свою чашку. На душѣ у него было тяжело.

— Вы уходите?—спросила она.

— Да, отвѣтилъ онъ, — становится поздно. Кажется—мнѣ пора уходить.

— Можетъ быть.—Глаза Пепци вдругъ сдѣлались непроницаемы. — Я пойду къ Каппадочіи; ея капризы разогнали прислугу!—Она нагнулась и стала прибирать что-то на столикѣ.— Прощайте!—проговорила она:—я не знаю, когда мы увидимся.

— Какъ? — спросилъ Иглезіасъ; у него сдавило горло, и ему трудно было говорить естественнымъ тономъ: — развѣ вы уѣзжаете?

— Да,—отвѣтила она.— Я уѣзжаю. Еще разъ—прощайте. Я васъ не задерживаю. Я уѣзжаю... Мнѣ кажется, что я уже уѣхала—навсегда!

Она откинула голову назадъ и рѣзко разсмѣялась.

На подъѣздѣ холодный порывъ вѣтра охватилъ Иглезіаса. Небо было черно-синее, ясное; дорога побѣлѣла отъ изморози; газовые фонари ярко мигали въ холодномъ воздухѣ. Онъ поднялъ воротникъ пальто. Въ ту же минуту показался кэбъ, изъ котораго поспѣшно выскочилъ молодой человѣкъ въ длинномъ пальто моториста. Онъ былъ высокъ, бѣлокуръ, красивъ, очень озабоченъ, и совершенно не обратилъ вниманія на Иглезіаса, хотя пробѣжалъ мимо него. Доминикъ отчетливо слышалъ, какъ онъ взбѣжалъ по ступенямъ, открылъ дверь своимъ ключомъ и съ шумомъ захлопнулъ ее за собою. Доминикъ похолодѣлъ и ощутилъ легкую слабость. Онъ не удостоилъ оглянуться, но онъ узналъ Аларика Баркинга и зналъ, въ чей домъ тотъ вошелъ.

— Пожалуйте, сэръ. Привезъ одного джентльмена и отвезу другого. Ночь холодная. Тороплюсь на ночлегъ. Отвезу васъ по дорогѣ.

Иглезіасъ покачалъ головою. Отъ лошади валилъ паръ,—очевидно, Аларикъ очень спѣшилъ,—но даже будь лошадь въ лучшемъ состояніи, Доминикъ не поѣхалъ бы въ этомъ экипажѣ. Онъ скорѣе предпочелъ бы вернуться домой пѣшкомъ.

Однако, на перекресткѣ, гдѣ кончаются виллы и начинаются дома и лавки, м-ръ Иглезіасъ почувствовалъ непонятную усталость; рѣзкій воздухъ затруднялъ его дыханіе, давилъ ему грудь. Онъ съ облегченіемъ увидѣлъ приближающійся омнибусъ и влѣзъ на имперіалъ. Тамъ никого не было, но вслѣдъ за нимъ поднялись туда и сѣли рядомъ съ нимъ прежніе непрошенные спутники: старость и одиночество. Во время длиннаго пути по предмѣстью, среди толчковъ омнибуса и шума вѣтра, они переговаривались между собою, насмѣхались надъ нимъ, и подъ разговоръ ихъ онъ слышалъ быстрые молодые шаги и стукъ затворяемой двери.

При приближеніи къ рѣкѣ холодъ сдѣлался невыносимымъ. Огни фонарей на мосту отражались въ рѣкѣ, разлившейся отъ осеннихъ дождей. Ихъ отраженія превращались для Иглезіаса въ огненныхъ сражающихся драконовъ, такихъ же, какіе были на восточномъ шарфѣ Пеппи Сентъ-Джонъ. Надъ Лондономъ стоялъ огненный столбъ, и гнѣвный голосъ чудовищнаго города, казалось, посылалъ вызовъ величавому спокойствію и торжественности вѣчныхъ звѣздъ.

XII.

— Онъ говоритъ, что ничего серьезнаго нѣтъ, обыкновенная простуда. Онъ кланяется тебѣ и благодаритъ за любезное вниманіе; надѣется самъ зайти дня черезъ два.

Джорджъ Лёвгровъ говорилъ все это женѣ, сидѣвшей въ парадномъ облаченіи на диванѣ. Былъ ея пріемный день.

— Я такъ и думала, что тутъ ничего серьезнаго нѣтъ, милый Джорджи. Простуды въ ноябрѣ—дѣло обычное, а мужчины—особенно холостяки—подвержены имъ еще потому, что не догадываются во-время перемѣнить лѣтнія жакетку и панталоны—на зимнія...

Тутъ Серена явственно зашуршала. Она стояла у окна, любуясь туманомъ; видъ былъ не особенно привлекательный, но она живо интересовалась разговоромъ, хотя повидимому не слушала его. Но слово „панталоны“ возмутило ее, и она зашуршала. Что за выраженія у Роды! Она могла бы... Но тутъ она снова стала прислушиваться къ словамъ Джорджа.

— А все-таки онъ не нравится мнѣ. Лицо его слишкомъ исхудало и вытянулось; такимъ онъ былъ, когда умерла его мать. Я попробовалъ пошутить надъ его наружностью, но онъ перемѣнилъ разговоръ съ этимъ свойственнымъ ему аристократическимъ видомъ, который всегда производитъ впечатлѣніе.

— Онъ живетъ слишкомъ одиноко, это сказывается на людяхъ среднихъ лѣтъ, — мудро разсудила м-ссъ Лёвгровъ; — мы должны пригласить его сюда, Джорджи, поухаживать за нимъ. Теперь, кстати, и Серена здѣсь — онъ будетъ имѣть пріятное общество...

М-ссъ Лёвгровъ лукаво подмигнула мужу, а фигура у окна снова зашуршала.

— Вѣдь вы поможете намъ занимать м-ра Иглезіаса, Серена?

— Вы со мною говорите, Рода?

— Да, о приглашеніи сюда м-ра Иглезіаса.

— Конечно, вы съ Джорджемъ можете приглашать кого угодно, я со всѣми буду вѣжлива, хотя не могу обѣщать большаго, такъ какъ м-ръ Иглезіасъ—не особенно пріятный человѣкъ.

Она снова погрузилась въ созерцаніе тумана.

Джорджъ наморщилъ лобъ, но жена успокоительно ему кивнула.

— Странно. М-ръ Иглезіасъ—умнѣйшій изъ друзей Джорджа, исключая нашего милаго викарія, и я думала, что вы съ удовольствіемъ съ нимъ говорите.

— Я не особенно разговорчива съ чужими людьми.

— Но вы не можете считать м-ра Иглезіаса чужимъ.

— Конечно, для меня онъ—чужой. Я видѣла его всего пять-шесть разъ, и, кажется, онъ всегда заходитъ въ мое отсутствіе. Это можетъ быть и простою случайностью, но я не стану скрывать, что не замѣчаю этого...

Серена выступила на середину комнаты и гордо выпрямилась. Эта демонстрація доставляла ей удовольствіе.

„Пусть Рода не воображаетъ, что я—пѣшка и меня можно передвигать куда вздумается“.

Она сознавала себя смѣлою, опасною, и глаза ея заморгали. Шелестъ ея шолковыхъ юбокъ и рѣзкіе звуки голоса разбудили дремавшаго попугая и его зеленыя перья встопорщились.

— Душечка, сердце мое Полли! — пробормоталъ онъ сонным голосомъ и вдругъ заоралъ:—Эй, полисмэнъ, убійство! Пожаръ! Воры! Всѣ передрались!

Бѣдный Джорджъ растерянно переводилъ взоръ съ Серены на попугая, съ попугая—на жену.

— Вы меня поражаете, кузина! Я не подозрѣвалъ, что васъ могутъ обидѣть у меня въ домѣ! Я убѣжденъ, что Иглезіасъ не имѣлъ ни малѣйшаго намѣренія васъ обидѣть. Я отдалъ бы двадцать фунтовъ, лишь бы этого не было.

— Пожалуйста, не извиняйтесь, Джорджъ. У каждаго—свой вкусъ. Вы въ этомъ не виноваты.

— Я очень радъ, что вы признаете это, Серена,—сказалъ онъ смиренно.

— Конечно. Но мнѣ жаль, что я мѣшаю вашимъ друзьямъ бывать у васъ. Я не желаю сказать вамъ ничего непріятнаго, но общество, бывающее у васъ съ Родою,—не наше общество.

— Да, да!.. — смущенно закивалъ Джорджъ, опасаясь за „чувства своей жены".

— Я бы не вернулась, еслибы Рода не настаивала на этомъ.

Тутъ попугай разразился такими воплями, что м-ссъ Лёвгровъ, вся красная, обратилась къ мужу:

— Джорджи, милый, прикрой пожалуйста клѣтку платкомъ! Не твоимъ—онъ можетъ тебѣ понадобиться,—а желтымъ фуляромъ, лежащимъ въ правомъ углу верхняго ящика моего рабочаго стола.

— Я думаю, для меня будетъ проще—поѣхать домой,—продолжала Серена, повышая голосъ, чтобы заглушить попугая и стукъ выдвигаемыхъ Джорджемъ ящиковъ. — Конечно, это неудобно. Сюзанна не ждетъ меня такъ скоро; она занята устройствомъ митинговъ на сѣверѣ, прислуга на время отпущена, мебель—подъ чехлами. Она разсчитывала, что я пробуду здѣсь до третьей недѣли декабря, а затѣмъ переѣду къ нашей кузинѣ, лэди Сэмюэльсонъ. Все это придется измѣнить. Лэди Сэмюэльсонъ будетъ обижена; я не знаю, какъ извиниться передъ нею? Но все-таки мнѣ лучше уѣхать. Я не хочу никому мѣшать. Мама не допускала ничего подобнаго. Я была такъ воспитана, что мнѣ не приходило въ голову, принимая приглашеніе Роды...

— Миссъ Гартъ!—выкрикнула вся красная отъ натуги горничная.

М-ссъ Лёвгровъ радостно подскочила. Обыкновенно присутствіе Элизы коробило ее, но тутъ оно являлось избавленіемъ, и потому привѣтствіе ея было самое сердечное. Гостья была въ очень оживленномъ настроеніи. На ней была красная фланелевая, густо усѣянная чернымъ горошкомъ, блузка, что въ соединеніи съ геранями на шляпкѣ, веснушками на лицѣ и рыжеватыми волосами—составляло не особенно гармоничную гамму цвѣтовъ, но м-ссъ Лёвгровъ отнеслась безразлично къ этому факту.

— Добрый день! — проговорила миссъ Гартъ театральнымъ шопотомъ, смотря въ сторону Серены, все еще стоявшей выпрямившись, со сверкающими глазами.—Пожалуйста, не безпокойтесь. Я не хочу мѣшать. Мы еще успѣемъ поговорить. Я посижу и послушаю.

— Что̀ послушаете?—воскликнула Серена, едва выговаривая слова отъ негодованія.

— Вашу декламацію. Наши джентльмены часто доставляютъ намъ послѣ обѣда это удовольствіе, миссъ Лёвгровъ. Я обожаю декламацію. Въ особенности—комическій репертуаръ.

— Мнѣ и въ голову не приходило декламировать!—воскликнула Серена раздраженно.

— Въ самомъ дѣлѣ? Очень жаль! Это такое пріятное занятіе, миссъ Лёвгровъ, не такъ ли? Снимая жакетку въ передней, я была увѣрена, что ваша кузина даетъ вамъ маленькое представленіе въ этомъ родѣ, м-ръ Лёвгровъ. У нея были такія выразительныя повышенія и пониженія голоса.

Еслибы взоры могли убивать—Элиза Гартъ осталась бы на мѣстѣ! Серена, подъ вліяніемъ воображаемыхъ обидъ, пришла въ настоящее бѣшенство. „Декламація? Очевидно, она знала, что это—не декламація! Неужели Джорджъ до того низко палъ, что можетъ выносить подобную обиду? Родѣ я не удивляюсь, она никогда не отличалась вкусомъ. Я думаю, мнѣ слѣдуетъ пойти въ мою комнату. Я выражу этимъ мое неудовольствіе. Но, можетъ быть, она именно желаетъ, чтобы я ушла? Лучше остаться. Пусть она видитъ, что я на сторожѣ“.

Серена, шурша, снова подошла къ окну и погрузилась въ созерцаніе тумана.

Миссъ Гартъ съ видомъ побѣдительницы заняла мѣсто на диванѣ.—Какъ здоровье м-ссъ Парчеръ? Покуда, къ счастію, хорошо, но она такъ самоотверженна, такъ добра, что это превращается уже въ недостатокъ. Хорошо, если люди умѣютъ это цѣнить. Она отказывается—повѣрятъ ли?—даже выходить изъ дому. Она рискуетъ собственнымъ здоровьемъ.

— Люди не всегда цѣнятъ доброту, — задумчиво замѣтила м-ссъ Лёвгровъ.

— Вотъ именно!—съ жаромъ подхватила Элиза:—и никто такъ много не выстрадалъ отъ этого, какъ мой другъ м-ссъ Парчеръ! Вспомните ея жизнь въ замужествѣ! А теперь: „Нѣтъ, Луиза, милая, я не могу выходить изъ дому, покуда кто-нибудь изъ нашихъ джентльменовъ боленъ. Я знаю, какія обязанности лежатъ на мнѣ въ качествѣ хозяйки Кедроваго коттеджа“. Не правда ли, это прямо трогательно?

Она обвела общество взглядомъ, требовавшимъ сочувствія. Джорджъ что-то промычалъ, а жена его замѣтила, что м-ссъ Парчеръ—женщина съ сердцемъ.

Серена пошевельнулась и зашелестѣла.

„Что хочетъ Рода этимъ сказать? Странное замѣчаніе! Ужъ не лукавитъ ли она со мною? Хорошо, что я осталась. Джорджъ, конечно, искрененъ. Мнѣ жаль Джорджа".

Миссъ Гартъ продолжала:

— Надѣюсь, что доброта ея будетъ оцѣнена. Она не жалѣетъ ни времени, ни денегъ. Еслибы вы видѣли счета поставщиковъ! Дичь, зелень, рыба, фрукты — все перваго сорта. Положимъ, маленькая птичка кое-что шепнула мнѣ...—тутъ миссъ Элиза приняла лукавый видъ,—но все же существа вашего пола такъ коварны, м-ръ Лёвгровъ! Нелегко бываетъ узнать ихъ истинныя чувства, въ особенности—когда рѣчь идетъ... вы знаете—о комъ, м-ръ Лёвгровъ?

Серена насторожила уши. Хорошо она сдѣлала, что осталась.

— М-ръ Иглезіасъ чрезвычайно деликатенъ, миссъ Гартъ,—замѣтилъ Джорджъ;—онъ очень цѣнитъ доброту м-ссъ Парчеръ, но, разумѣется, ему непріятно причинять ей неудобства.

— И притомъ положеніе холостяка—такое щекотливое, въ особенности—во время болѣзни, — вставила м-ссъ Лёвгровъ:—ему неудобно жить въ комнатахъ, даже—въ такомъ прекрасномъ домѣ, какъ Кедровый коттеджъ. То ли дѣло своя собственная семья...

Элиза собралась съ силами для рѣшительнаго удара.

— Этого нельзя отрицать, м-ссъ Лёвгровъ. Я и сама не разъ объ этомъ думала съ тѣхъ поръ, какъ извѣстный намъ джентльменъ прекратилъ занятія въ Сити. Конечно, говорить объ этомъ преждевременно, но все же когда мы съ вами заинтересованныя стороны—нѣтъ большой бѣды въ томъ, чтобы обмѣняться словомъ-другимъ и узнать, какъ обстоитъ дѣло? Положимъ, лично для меня это было бы ужасно... Я не знаю, какъ бы я перенесла разлуку съ Пышечкой, но ради ея счастья я готова...

— Миссъ Гартъ! — воскликнулъ Джорджъ, у котораго волосы встали дыбомъ:—миссъ Гартъ, вы поражаете меня, вы...

— Докторъ Невингтонъ! — доложила горничная, и черезъ мигъ голосъ викарія и присутствіе викарія — наполнили собою всю гостиную. Серена благосклонно присоединилась къ обществу. Элиза Гартъ вскорѣ простилась, и Серена съ королевскимъ величіемъ отвѣтила на ея поклонъ.

Вечеромъ она, оставшись наединѣ съ Джорджемъ, сказала ему благосклонно:

— Надѣюсь, Джорджъ, вы забудете эту маленькую непріятность? Я не злопамятна, но сознаюсь, мнѣ показалось, что Рода не такъ, какъ бы слѣдовало, отнеслась ко мнѣ. Но, можетъ быть, я ошиблась? Я готова такъ думать и остаться до декабря, покуда не вернется наша кузина, лэди Сэмюэльсонъ. Разумѣется, это будетъ удобнѣе во всѣхъ отношеніяхъ, но я думаю не о себѣ, а лишь о васъ съ Родою. Если вы думаете, что я могу быть вамъ полезна во время посѣщеній м-ра Иглезіаса, я готова погостить у васъ, хотя и не легко схожусь съ посторонними людьми. Мама слѣдила за тѣмъ, чтобы мы были очень разборчивы на знакомства. Но я хочу сдѣлать вамъ пріятное.

— Вы очень добры, Серена, — сказалъ добрякъ, который — къ худшему или къ лучшему—былъ дѣйствительно въ этомъ увѣренъ.

XIII.

Восточный вѣтеръ уныло завывалъ за окномъ спальни, и старый кедръ стоналъ.

Эти звуки достигали до слуха Доминика, грустно и одиноко сидѣвшаго у камина. Онъ пробылъ дома цѣлую недѣлю. Двери въ гостиную были отворены. Онъ чувствовалъ большую слабость и упадокъ духа; всякое усиліе было ему тяжело, не хотѣлось шевелиться. Хотя онъ не отличался крѣпкимъ здоровьемъ, но былъ всегда подвиженъ и бодръ, и невозможность выйти изъ дому была для него новымъ испытаніемъ. Десять дней тому назадъ, его продуло на мосту, но все, вѣроятно, кончилось бы легкимъ нездоровьемъ, еслибы этому не предшествовало нравственное потрясеніе. Можетъ ли духъ исцѣлить плоть, это—вопросъ, но то, что духъ способенъ предрасположить плоть къ заболѣванію, это—внѣ сомнѣнія. Фактъ оставался на лицо: дама въ платьѣ цвѣта крутящейся по вѣтру пыли — дала ему отставку. Изъ жизни его исчезла радость, предметъ интереса и думъ. Сердце его горевало о живомъ существѣ, оставившемъ послѣ себя пустоту—горшую, чѣмъ смерть. И все это случилось при обстоятельствахъ, отравившихъ самыя воспоминанія. Исчезла поэзія, и онъ остался плѣнникомъ въ тюрьмѣ повседневной, грубой, матеріальной жизни. Доминикъ потерялъ изъ виду горизонтъ, озаренный лучомъ божественнаго свѣта.

Въ этотъ вечеръ онъ достигъ крайней точки разочарованія

и отчаянія. Онъ откинулся на спинку кресла; его тонкія руки покоились на ручкахъ, и непрошенныя слезы вдругъ затемнили все окружающее.

— Ничего не осталось! — произнесъ онъ полугромко.—Ничего! Если такова старость,—воистину тѣ, кого любятъ боги—умираютъ молодыми.

Съ минуту онъ прислушивался къ свисту вѣтра и шлепанью туфель Декурси-Смита наверху. И этотъ неудачникъ—счастливѣе его: у него есть честолюбіе, есть работа, онъ мечтаетъ о лаврахъ и рукоплесканіяхъ. А онъ — Доминикъ—не годится даже на пушечное мясо. Опасность—и та проходитъ мимо него.

Онъ плакалъ съ опущенною на грудь головою, покуда презрѣніе къ собственной слабости не осушило его слезъ. Онъ отеръ ихъ и выпрямился. Одновременно съ тѣлеснымъ зрѣніемъ прояснился и его духовный взоръ. Доминикъ оглядѣлся, словно ища помощи.

Глаза его остановились на рѣзной дубовой, вставленной въ рамку чернаго дерева, панели, знакомой ему съ дѣтства. Она всегда висѣла надъ кроватью его матери, и въ далекіе года, когда у матери его еще доставало духу открыто молиться—она подолгу простаивала передъ нею на колѣняхъ. Просыпаясь по ночамъ—во время отсутствія отца онъ постоянно спалъ въ ея комнатѣ, — Доминикъ часто видѣлъ ея стройную колѣнопреклоненную фигуру, ея поднятыя съ мольбою руки. Уже и тогда картина говорила его дѣтскому сознанію о чемъ-то высшемъ, и онъ спокойно засыпалъ подъ ея охраною.

Впослѣдствіи это чувство исчезло, и онъ сталъ цѣнить картину исключительно съ эстетической точки зрѣнія, дорожа ею, какъ драгоцѣннѣйшею семейною реликвіею. Но теперь, видя ее въ блѣдномъ свѣтѣ лондонскихъ сумерекъ, при которомъ отчетливо выступали всѣ ея детали, онъ ощутилъ нѣчто похожее на прежнее благоговѣніе. Картина ожила передъ нимъ во всемъ своемъ значеніи; она говорила ему языкомъ, вновь ставшимъ понятнымъ для души.

Три высокихъ узкихъ креста поднимались къ безоблачному небу. Внизу виднѣлась толпа людей, мужчинъ и женщинъ, одни—въ смутныхъ, другіе—въ ясныхъ очертаніяхъ, но всѣ—съ суровыми, энергическими лицами. Нѣсколько человѣкъ поддерживало за четыре конца полотняную пелену, на которой покоилось тѣло человѣка во цвѣтѣ лѣтъ, съ сильнымъ, но стройнымъ тѣломъ. Его гордая голова была опущена на грудь, черты—строго прекрасны, онъ казался непобѣжденнымъ и въ смерти, но торжествующимъ надъ нею побѣду.

Это произведеніе испанской школы, изображавшее послѣдній актъ божественной трагедіи, говорило скорѣе уму, чѣмъ чувству; оно взывало къ мужеству и волѣ, къ побѣдѣ надъ собою. Но теперь Иглезіасъ думалъ о великомъ событіи, на немъ изображенномъ, не только какъ о чемъ-то отвлеченномъ, сыгравшемъ громадную роль въ исторіи человѣческаго развитія за послѣднія двѣ тысячи лѣтъ, но какъ о воплощеніи абсолютнаго начала, того, что было, есть и будетъ, и, слѣдовательно, имѣетъ непосредственную близость къ нему самому. Это пробужденіе духа вѣры, когда темная бездна, отдѣляющая человѣка отъ Бога, исчезаетъ,—было ново для Доминика. Онъ давно искалъ связи между внѣшнею и внутреннею жизнью, но до сихъ поръ онъ возлагалъ свои упованія на людей, и его упованія рушились. А здѣсь, рядомъ съ нимъ, ожидая его прозрѣнія,—былъ Господь. Прекрасна любовь между людьми, но еще прекраснѣе любовь къ Богу—безконечная и нерушимая.

Восточный вѣтеръ продолжалъ потрясать окна, жалобно стоналъ изгнанникъ кедръ, хрипло звучали голоса мальчишекъ-газетчиковъ, выкрикивавшихъ свои зловѣщія извѣстія, и сумерки сгущались. Но для Доминика Иглезіаса все это утратило значеніе. Ослѣпленный, пораженный величіемъ своего откровенія, онъ продолжалъ глядѣть на рѣзную священную картину, и за нею его радостному взору рисовался далекій горизонтъ, озаренный божественнымъ нерукотвореннымъ свѣтомъ.

XIV.

Черная недѣля кончилась, но позоръ ея гнетомъ лежалъ на столицѣ. Три страшныхъ пораженія въ теченіе одной недѣли—Стормбергъ, Магерсфонтэнъ и наконецъ—Колензо. Приходилось считаться съ этими фактами: съ неспособностью, ошибками и безцѣльными единичными подвигами личной храбрости. Европа посмѣивалась и рѣшала, что съ англичанами не стоитъ серьезно считаться.

Англичане—нація индивидуалистовъ, ихъ патріотизмъ—скорѣе пассивный, но цѣлый рядъ тяжелыхъ неудачъ, превращающихся въ общественное бѣдствіе, повліялъ на нихъ угнетающимъ образомъ. Въ Лондонѣ жизнь словно затихла, притаилась, незнакомые люди при встрѣчахъ тревожно глядѣли другъ другу въ глаза. Церкви были переполнены, театры пустовали.

Было открытіе „Театра Двѣнадцатаго Вѣка“ зрительный

БИБЛІОТЕКА ДОМА ... ПЕТРА АЛЕКСѢЕВА.

залъ сверкалъ царственнымъ пурпуромъ, золотомъ и позолотою. Пеппи занимала крайнее кресло въ первомъ ряду на балконѣ; перегородка отдѣляла его съ правой стороны отъ ложъ, и Пеппи отчасти потому избрала это мѣсто, что отсюда была превосходно видна сцена, особенно — въ тѣхъ актахъ, въ которыхъ должна была играть пріятельница Пеппи, Дотти Пэррисъ. Пеппи пріѣхала одна; ей хотѣлось провести вечеръ спокойно, безъ обязательныхъ разговоровъ и напряженія, но вмѣстѣ съ тѣмъ ей нужно было занять чѣмъ-нибудь свой умъ для того, чтобы отгонять непрошенныя мысли. Это именно давалъ ей театръ; онъ давно уже пересталъ утомлять ее, она знала его съ той и съ другой стороны рампы—и любила. Пеппи была вмѣстѣ съ тѣмъ тонкимъ и остроумнымъ критикомъ, въ театрѣ она чувствовала себя какъ дома,—каковъ бы ни былъ этотъ домъ.

Пеппи куталась въ длинное черное бархатное манто, роскошно вышитое и опушенное мѣхомъ, пріятно ласкавшимъ ея обнаженную шею; она устала, и ее знобило. Позднѣе она могла показать публикѣ свой туалетъ, теперь еще не стоило. Первая пьеса—„lever du rideau"—кончилась, но театръ еще не наполнился; ради Дотти она желала, чтобы онъ былъ полонъ. За послѣдній мѣсяцъ Пеппи, говоря ея собственными словами, „шла ускореннымъ тэмпомъ"; она веселилась, читала веселыя, порою даже классическія въ этомъ смыслѣ, хотя и непригодныя для пансіона молодыхъ дѣвицъ книги. Ее во всемъ преслѣдовала удача, начинавшая даже пугать ее: она выигрывала на биржѣ, на скачкахъ, за картами; все, къ чему она ни прикасалась, обращалось въ золото. Никогда не была она болѣе смѣлою и дерзкою въ своихъ словахъ и поступкахъ. Никогда она такъ не забавляла общество — почти исключительно мужское — своими дерзкими выходками, заставляя слушателей забывать о нашихъ неудачахъ на войнѣ. Огонь въ темной комнатѣ кажется особенно яркимъ, и Пеппи въ это злополучное время была для своихъ поклонниковъ именно такимъ колеблющимся, шаловливымъ огонькомъ, подзадоривающимъ и ошеломляющимъ, подбивающимъ на безумныя дѣла, огонькомъ, около котораго больно обжигались многіе, надѣявшіеся у него погрѣться.

Но теперь она устала, это перестало забавлять ее, и какъ нарочно ей припоминались мрачные эпизоды ея разнообразной карьеры. Она громко зѣвнула, положивъ бинокль и программу на барьеръ, и плотнѣе завернулась въ манто.

„Первый актъ—тоска,—говорила себѣ Пеппи;—не поѣхать

ли мнѣ домой—выспаться? Забвенія всего—хорошаго и дурного—вотъ чего бы мнѣ хотѣлось! Забвенія съ большой буквы З".

Оркестръ смолкъ, огни погасли, занавѣсъ поднялся.

Со сцены пахнуло струею холоднаго воздуха и присущею всѣмъ театрамъ непередаваемою смѣсью запаховъ—газа, краски, холста, дерева, клея, людскихъ тѣлъ и сырости, исходящей изъ мѣстъ, куда солнце никогда не заглядываетъ. Пеппи улыбнулась, вдыхая его. Запахъ театра—то же для актера, что запахъ моря—для моряка, запахъ матери-земли—для крестьянина, благоуханіе ладана—для священнослужителя. Кто сдѣлался актеромъ, тотъ останется имъ навсегда.

„Напрасно я ушла со сцены,—думала Пеппи;—я была бы теперь премьершей и получала бы сорокъ фунтовъ въ недѣлю. Тяжело мнѣ было уйти, отказаться отъ нея, и еслибы не этотъ негодяй, безжалостно меня эксплуатировавшій, я и теперь была бы актрисою. Непризнанный геній! Онъ презиралъ меня, считалъ меня безконечно ниже его и заставлялъ меня ему служить"...

Пеппи смотрѣла на сцену, но ничего не видѣла: передъ нею проходили тяжелыя воспоминанія.

„Интересно, что съ нимъ? Вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ онъ не является за подачкой. Не нашелъ ли онъ себѣ другую жертву? Кажется, ему приходилось околѣвать съ голоду? А что если онъ и въ самомъ дѣлѣ умеръ съ голоду?"

Тоска и отвращеніе охватили ее, но она овладѣла собою.

„Туда ему и дорога! Если какой-нибудь человѣкъ заслуживалъ смерти, то это именно онъ: лѣнивый, тщеславный, трусливый шакалъ въ образѣ человѣка! Какое мнѣ дѣло до него? Только потому что я устала,—мысли о немъ лѣзутъ мнѣ въ голову..."

Пеппи снова зѣвнула и продолжала глядѣть на сцену, не понимая, что тамъ говорилось; она облокотилась обѣими руками на барьеръ.

„Я страшно устала. И все же это ужасно... Но еслибы пришлось начинать сначала, я и теперь поступила бы точно такъ же. Онъ—всему виною. Изъ-за него я стала такою, какова я теперь. Такъ пусть же онъ оставитъ меня въ покоѣ! Онъ не далъ мнѣ ни ребенка, ни семейнаго очага. Пусть его умираетъ съ голоду"...

Она вдругъ выпрямилась въ своемъ креслѣ; выраженіе лица ея измѣнилось.

„А, вотъ и Дотти! Какой горячій пріемъ! Очень рада за нее. Браво, Дотти!"

Она стала апплодировать, усталость ея была забыта, и въ слѣдующія десять минутъ она уже ничего не видѣла, кромѣ пьесы.

По окончаніи акта, Дотти Пэррисъ вызвали, хотя публика была унылая и мрачно настроенная. И Пеппи Сентъ-Джонъ, среди многихъ недостатковъ которой отсутствовали мелочность и зависть,—даже привстала съ мѣста, съ увлеченіемъ апплодируя дебютанткѣ. Она сбросила манто, обнаруживъ поразительный туалетъ. На ней было ало-красное, изъ нѣжнаго mousseline de soie, смѣло облегавшее ея фигуру, одноцвѣтное платье съ длиннымъ трэномъ, заканчивавшимся пышнымъ рюшемъ и кокилье. Въ волосахъ ея сверкала черная съ бриллiантами эгретка; корсажъ, вырѣзанный въ видѣ буквы V сзади и спереди, открывалъ ея шею. Кожа ея, нѣсколько желтоватая днемъ, принимала нѣжный оттѣнокъ слоновой кости по вечерамъ. Случайно или умышленно она не подрумянилась сегодня, и ровная блѣдность ея лица оттѣняла ея громадные глаза, сіявшіе теперь симпатіей и восторгомъ. Въ Пеппи сильнѣе всего сказывалась артистка. Ею снова овладѣло обаяніе артистической жизни; тѣневыя стороны сцены—недостойное соперничество, мелкіе подвохи, интриги, скука репетицій, разочарованіе—были забыты.

Замѣтивъ, что она сама и яркій туалетъ ея привлекаютъ бо́льшее вниманіе, нежели это было ей желательно въ день отдыха, Пеппи небрежно опустилась на свое мѣсто и, взявъ бинокль, принялась разсматривать публику.

Прежде всего она замѣтила во второмъ ряду креселъ Бобби Сэвилля, котораго легко было узнать по его круглой темной головѣ и широкимъ плечамъ. Сэвилль не былъ добродѣтельнымъ молодымъ человѣкомъ, но Пеппи чувствовала къ нему симпатію за его вѣрность Дотти. Онъ слѣдовалъ за нею съ чисто собачьей нѣжностью отъ концертной эстрады до комической оперы и, наконецъ,—до настоящей драмы.

А Дотти, оставаясь неуязвимой, потѣшалась надъ своимъ аристократическимъ тяжеловѣснымъ поклонникомъ, хотя у него были самыя честныя намѣренія. Лѣтъ черезъ двадцать, когда онъ будетъ пэромъ Англіи, а она надоѣстъ публикѣ, она, можетъ быть, надѣнетъ на себя брачное ярмо. Покуда же съ нея достаточно одного искусства.

Черезъ два дня Бобби долженъ былъ отправиться въ дѣйствующую армію, съ тѣмъ, чтобы представить собою видную цѣль для бурскихъ пуль, и теперь онъ прощался съ предметомъ своей страсти, а пріятели, его окружавшіе, собирались его провожать.

Пеппи узнала въ ложахъ многихъ мужчинъ и женщинъ, портреты которыхъ были извѣстны публикѣ по иллюстрированнымъ журналамъ, но ее они не интересовали. Она обратила вниманіе на полную симпатичную даму среднихъ лѣтъ съ сѣдѣющими волосами, очень кроткимъ и чистымъ выраженіемъ лица. Рядомъ съ нею сидѣла, вся въ бѣломъ, молоденькая дѣвушка, плѣнявшая своею свѣжей красотою и выраженіемъ полуробкаго, полу-счастливаго ожиданія на миломъ личикѣ. Позади нихъ виднѣлся красивый, статный, добродушный лордъ Фаллоуфильдъ, и Пеппи догадалась, что это были его сестра и племянница. Видно было, что всѣ они очень привязаны другъ къ другу, и Пеппи смотрѣла на нихъ съ симпатіей.

Она продолжала обводить взоромъ ряды креселъ, но вдругъ рука ея съ биноклемъ опустилась. Въ четвертомъ ряду у прохода сидѣлъ мужчина. Пеппи видѣла лишь плечо его, такъ какъ онъ повернулся къ своей сосѣдкѣ—элегантной особѣ неопредѣленныхъ лѣтъ въ пышномъ черномъ платьѣ. Рядомъ съ нею сидѣлъ также принимавшій участіе въ разговорѣ господинъ съ такою комической наружностью, что Пеппи навѣрное бы разсмѣялась, еслибы глаза ея не обратились вновь на заинтересовавшаго ее господина у прохода, растревожившаго ея воображеніе и память.

„Кто это такой?—говорила себѣ Пеппи.—Вѣдь я знаю его!“

Разговоръ прекратился. Господинъ обернулся, и Пеппи едва не вскрикнула, узнавъ Доминика Иглезіаса, впившагося глазами въ ея лицо. Она не знала, узналъ онъ ее или нѣтъ, и не хотѣла покуда этого знать. Ей нужно было придти въ себя; эта неожиданность поразила ее болѣе, чѣмъ она могла бы думать. Не безъ улыбки надъ собою она вспомнила, что ранѣе она почти не могла представить его себѣ обыкновеннымъ смертнымъ, который пьетъ, ѣстъ и ходитъ въ театръ, какъ всѣ люди. Поэтому присутствіе его въ театрѣ ей не понравилось. Безъ сомнѣнія, это было съ ея стороны безразсудно и нелѣпо, но его присутствіе здѣсь показалось ей въ извѣстной степени неподходящимъ, унизительнымъ для него. Пеппи разозлилась.

„Чего же мнѣ жаль въ концѣ концовъ? Почему это я не то разочарована, не то раскаиваюсь? Онъ ли оказался не лучше другихъ людей, я ли не хуже ихъ? И чѣмъ я возмущаюсь: тѣмъ ли, что онъ—не такой святой, какимъ я себѣ его воображала, или тѣмъ, что я—не такая грѣшница, какою я представлялась въ собственныхъ глазахъ?“

Она продолжала смотрѣть на Доминика. Высокій, тонкій,

безукоризненно одѣтый, онъ выдѣлялся, однако, среди толпы и не походилъ на другихъ; въ немъ смутно чувствовалась иная раса.

Инстинктивно взоръ Пеппи обратился на добродушное лицо свѣтскаго баловня, лорда Фаллоуфильда. Съ этимъ человѣкомъ стоишь по крайней мѣрѣ на твердой почвѣ и знаешь, съ кѣмъ имѣешь дѣло.

Но и тутъ ее ожидалъ ударъ. Въ ложу вошелъ человѣкъ, котораго, очевидно, ждали и радостно привѣтствовали; онъ стоялъ за кресломъ полной дамы: это былъ тотъ, кого такъ радостно ожидала дѣвушка въ бѣломъ,—Аларикъ Баркингъ.

Для сильныхъ натуръ въ чувствѣ увѣренности есть нѣчто возбуждающее, даже если это—увѣренность въ катастрофѣ. Пеппи только вздрогнула и стиснула зубы, но затѣмъ она вся подобралась, какъ кровный конь передъ препятствіемъ.

„Ну-съ, хорошо, что дѣло выяснилось. Все равно я узнала бы —рано или поздно. Вотъ почему онъ былъ все это время такой растерянный: совѣсть у него была нечиста! Плохо ему приходилось—бѣднягѣ“.

Пеппи задумалась.

„А все-таки это сюрпризъ и пренепріятный“.

Она глубоко перевела духъ. „Ничего! Серьезнаго поврежденія нѣтъ.—Пеппи, душа моя, у тебя, должно быть, нервы локомотива: вѣдь это—какъ ни какъ — чистая отставка и перемѣна жизни. Сама судьба толкаетъ тебя на сцену“.

Нѣкоторое время она сидѣла неподвижно, смотря на сцену и напряженно думая. Будущее ея самой и другихъ людей—лежало на вѣсахъ, и она не могла рѣшить: какая чаша перетянетъ? Она снова принялась глядѣть на Доминика, который со свойственною ему изысканно-старомодной вѣжливостью старался занимать разговоромъ своихъ странно подобранныхъ сосѣдей. Пеппи казалось, что это съ трудомъ ему удается, и она ничуть о томъ не сожалѣла. Этотъ увядшій образецъ средней женской элегантности надоѣдалъ ей, и въ ней таилась лукавая надежда, что онъ надоѣдалъ и м-ру Иглезіасу.

Наконецъ, съ мужествомъ озлобленія она перевела глаза на ложу.

„Маленькая бѣдняжка,—подумала она, смягчаясь при видѣ дѣвушки,—такъ это твой земной рай? Боюсь, что въ немъ окажется не мало дикихъ травъ,—въ твоемъ эдемѣ. Вопросъ, однако, въ томъ: намѣреваюсь ли я отступиться отъ моихъ правъ на эту собственность и передать ее тебѣ во владѣніе, моя миленькая

крошка? Она — моя и останется моею, если только я пожелаю вступить за нее въ борьбу".

Но покуда она разсуждала съ собою, дѣвушка въ бѣломъ и остальная публика вдругъ потускнѣли, и ихъ стало трудно различать. Гулъ разговоровъ и оркестръ смолкли. Огни въ залѣ погасли—занавѣсъ поднялся для второго акта.

Въ половинѣ дѣйствія Пеппи Сентъ-Джонъ встала, перекинула черезъ руку манто и, неслышно проскользнувъ мимо сосѣднихъ креселъ, поднялась по ступенямъ къ дверямъ, ведущимъ въ кулуаръ. Ея движенія, хотя старательно тихія, привлекли, благодаря яркому цвѣту ея туалета, вниманіе многихъ и послужили поводомъ къ перешептыванію.

Сосѣдка Доминика не только проводила ее взглядомъ, полнымъ осужденія и любопытства, но и указала на нее своимъ кавалерамъ.

Новый театръ принадлежитъ къ типу трансатлантическихъ предпріятій, похвальная и безкорыстная цѣль которыхъ—доказать Старому Свѣту, „какъ у насъ дѣлаются такія вещи". Зданіе построено и отдѣлано на широкую ногу. Кулуары просторны, величественны, стѣны ихъ выложены блѣднымъ полированнымъ мраморомъ, въ пилястры съ позолоченною капителью вставлены громадныя зеркала. Лѣпные потолки усѣяны хрустальными электрическими розетками. Гамма всѣхъ красныхъ цвѣтовъ—отъ пурпура до нѣжно-тѣлеснаго—составляла гармоническую рамку для туалета Пеппи, когда та остановила одну изъ нарядныхъ увѣзъ въ черныхъ платьяхъ и бѣлыхъ передникахъ, и заговорила съ нею.

— Вы поняли? Четвертый рядъ слѣва у прохода. Скажите ему, что дама очень желаетъ съ нимъ поговорить въ антрактѣ. Затѣмъ приведите его сюда.

— Понимаю, сударыня,—отвѣтила молодая особа, почуявшая приключеніе.

Пеппи прошла къ одному изъ широкихъ дивановъ и опустилась на него.

Тутъ снова она почувствовала, какъ она устала. Къ прежней усталости присоединилось новое утомленіе,—но уже не раздраженнаго, а болѣе грустнаго характера.

„Я чувствую себя совершенно разбитой. Впрочемъ, я дѣйствительно разбита. Мнѣ хотѣлось бы заснуть. Боже, Боже, до чего мнѣ хочется заснуть!"

Мысли ея сдѣлались смутными, неопредѣленными, хотя она не спала. Проходившая публика съ любопытствомъ поглядывала

на блестящую фигуру и непроницаемые глаза на мертвенно-блѣдномъ лицѣ.

Франтоватая уврёза, побуждаемая чувствомъ жалости, нѣсколько разъ предлагала ей освѣжиться чашкою подозрительнаго кофе или лимонада, и Пеппи, приходя въ себя, съ улыбкою отказывалась отъ этихъ ужасныхъ лакомствъ. Затѣмъ она снова погружалась въ полусознаніе и—ждала, ждала...

— Вотъ конецъ акта, сударыня,—сказала уврёза.

— Хорошо. Пожалуйста, идите сейчасъ же и приведите этого господина. Скажите, что я спѣшу домой.

Стеклянныя двери открывались и захлопывались, впуская гулъ зрительнаго зала и толпу мужчинъ. Видъ толпы былъ противенъ разстроеннымъ нервамъ Пеппи и ея повышенной чувствительности. Онъ напоминалъ ей шествіе гигантскихъ черныхъ лангустъ—съ крѣпкими челюстями, красными лицами, бѣлыми жилетами, которыхъ сгоняетъ сюда общій голодъ, кровожадный и ненасытный. Изъ глубины ея женской натуры поднималась ненависть противъ этой толпы мужчинъ, въ которыхъ она видѣла наглое торжество животнаго начала. Въ ней пробуждалась вѣковая вражда половъ, затемнявшая разумъ и справедливость. Чѣмъ питаются эти лангусты?—спрашивала она себя,—не душою ли и тѣломъ женщины, и зачастую оставляютъ за собою на мѣстѣ цвѣтущаго сада—пустыню?

Но изъ средины черныхъ людей выдѣлилась стройная фигура уврёзы, а затѣмъ Пеппи увидѣла передъ собою Доминика Иглезіаса.

XV.

— Вы послали за мною, и я пришелъ,—сказалъ онъ, такъ какъ Пеппи Сентъ-Джонъ, всегда такая разговорчивая, теперь, повидимому, не находила словъ.

Съ той минуты, какъ Доминикъ замѣтилъ ее въ театрѣ, она предстала ему въ новомъ свѣтѣ. Изо всѣхъ Пеппи, какихъ онъ видѣлъ, это была самая могущественная и полная трагизма. Она выдѣлялась подобно великолѣпному тропическому цвѣтку среди массы разнообразной зелени. Тамъ было много красивыхъ, элегантныхъ женщинъ, но Пеппи была единственною въ своемъ родѣ, и не потому только, что ея туалетъ бросался въ глаза.

Она производила эффектъ не одною своею внѣшностью, говорившею лишь глазу. Но она не казалась здѣсь чужою: наоборотъ, она была вполнѣ на своемъ мѣстѣ. За городомъ, при сол-

нечномъ свѣтѣ, она показалась Иглезіасу чѣмъ-то искусственнымъ, чуждымъ дѣйствительности. Здѣсь, среди искусственной обстановки, она казалась наиболѣе естественнымъ и живымъ существомъ изъ всѣхъ присутствующихъ, сохранившимъ всю свою оригинальность, свою энергію и свою загадочность.

Иглезіасъ пересталъ смотрѣть на нее въ смыслѣ ея отношенія къ ихъ прервавшейся дружбѣ или къ тѣмъ фактамъ ея личной жизни, которые онъ такъ неохотно угадывалъ. Онъ смотрѣлъ на нее какъ на нѣчто самодовлѣющее, находя въ ней элементы, вызывающіе въ немъ восхищеніе, хотя и не могущіе тронуть его сердце.

Это производимое ею издали впечатлѣніе еще болѣе усилилось, когда онъ подошелъ къ ней. Контрастъ между мягкостью и яркостью ея платья, ея усталая поза и непроницаемое выраженіе печальныхъ глазъ—глубоко взволновали его.

— Да,—отвѣтила она почти холодно,—я знаю, что послала за вами. Вотъ гдѣ я менѣе всего ожидала васъ встрѣтить. Я считала себя огражденною отъ васъ. Я ни чуточки не желала васъ встрѣтить. И все же, какъ только я васъ узнала, мнѣ захотѣлось видѣть васъ. Отъ васъ, оказывается, слишкомъ трудно избавиться, и я за вами послала. Не знаю—для чего? такъ какъ теперь, когда вы здѣсь—я, кажется, раздумала. Мнѣ нечего вамъ сказать.

— Я могу уйти,—серьезно сказалъ Иглезіасъ.

— Нѣтъ, нѣтъ!—воскликнула она.—Къ чему спѣшить? Я увѣрена, что эти два чучела, которыхъ вы пасете,—жукъ, перевернутый задомъ напередъ, и увядшая былинка—не могутъ быть ужъ такъ безумно интересны! И мнѣ пріятно на васъ смотрѣть. Я не видѣла васъ ранѣе въ вечернемъ костюмѣ: вы болѣе чѣмъ когда-либо—grand seigneur. Но съ вами что-то случилось? Я не могу рѣшить сразу: что̀ именно—худое или хорошее? Но вы измѣнились.

— Я былъ боленъ,—отвѣтилъ Иглезіасъ просто,—и я былъ очень несчастенъ.

— И то и другое—плохо. Но перемѣна произошла внутри васъ. А теперь вы здоровы?

— Да, я опять здоровъ.

— И вы болѣе не чувствуете себя несчастнымъ?

— Нѣтъ. Я грустенъ, такъ какъ жизнь грустна, но я уже не несчастенъ.

— Тонкое различіе!—замѣтила Пеппи.—Что̀ же излечило васъ? Не сердечное ли увлеченіе? Пожалуйста, не говорите мнѣ,

что тутъ замѣшана женщина. Я сегодня — страшно противъ любви.

— На этотъ счетъ вы можете быть спокойны, — сказалъ Иглезіасъ съ оттѣнкомъ надменности.

— Вотъ это напоминаетъ мнѣ прежнія времена! — Голосъ Пеппи и выраженіе лица ея смягчились. — Что̀ еслибы вы присѣли, милый мой помѣшанный? Этотъ актъ очень длинный. Пусть они подождутъ васъ. Кажется, въ концѣ концовъ я и имѣю кое-что вамъ сказать. Слова! слова! Но все же какъ отрадно сидѣть такимъ образомъ здѣсь съ вами!.. Я пережила отвратительное время, а впереди предвидится еще худшее.

Углы ея губъ опустились и дрогнули.

— Мнѣ очень жаль, я огорченъ, — сказалъ Иглезіасъ. Прежнее очарованіе вступало въ свои права, и дружба ихъ, хотя и съ разбитыми крыльями, далеко еще не была мертва.

— Не будемъ говорить объ этомъ, или я способна разыграть изъ себя дуру, — прервала она. — Милый другъ, для меня лучше всего — отправиться домой. Я страшно устала. Но все же мнѣ легче, потому что я видѣла васъ.

Пеппи поднялась.

— Помогите мнѣ надѣть манто. Благодарю васъ. Ого! Оба чучела подсматриваютъ за вами. У высохшей былинки есть серьезныя намѣренія. Это очевидно. Она готова съѣсть меня безъ соли. Не женитесь на ней, — обѣщайте мнѣ, что вы не женитесь. Ахъ, это чудесно! Мнѣ не нужно никакихъ обѣщаній, да благословитъ васъ Богъ. Достаточно одного взгляда на ваше лицо. Несчастная высохшая былинка! Но знаете что̀? — продолжала она, запахиваясь въ манто: — мнѣ наскучило ваше инкогнито. Дайте мнѣ вашу карточку. Вы можете мнѣ понадобиться. Я хочу знать ваше имя и адресъ.

Иглезіасъ досталъ свою карточку и подалъ ее Пеппи. Съ минуту она молча изучала ее, потомъ отвернулась.

— Благодарю васъ. Вотъ и все. Не провожайте меня. Мальчикъ приведетъ мнѣ кэбъ; мнѣ лучше побыть теперь одной; поэтому отправляйтесь къ вашимъ спутникамъ, мой... теперь уже не безъимянный возлюбленный.

XVI.

Блѣдные лучи солнца пробивались сквозь кружевныя гардины окна столовой. Ободренный ими попугай чистилъ свои перья,

щелкая языкомъ и клювомъ. Деревья и трава въ Гринѣ сверкали инеемъ; телѣжки продавцовъ грохотали по подмерзшей мостовой, заглушая голоса Лондона. На углу нѣмецкій оркестръ исполнялъ сомнительно мелодичную музыку. Было веселое декабрьское утро, и тѣмъ не менѣе за завтракомъ въ домѣ Джорджа ощущалось стѣсненіе.

Наступилъ день отъѣзда Серены. Черезъ нѣсколько часовъ ей съ ея чемоданами предстояло переселиться къ лэди Сэмюэльсонъ.

Это должно было бы чрезвычайно огорчить хозяина съ хозяйкою, но оба они, втайнѣ укоряя себя за это и скрывая свои мысли другъ отъ друга, сознавали, что они испытываютъ скорѣе облегченіе, чѣмъ огорченіе. Скрывать что-нибудь другъ отъ друга было очень тяжело для почтенной четы, и это лежало у нихъ гнетомъ на сердцѣ. Притомъ оба они чувствовали стѣсненіе въ присутствіи Серены; имъ казалось, что они очень виноваты передъ нею.

— Позвольте передать вамъ яйца или ветчину, а можетъ быть—то и другое, Серена?—спрашивалъ Джорджъ, и его глаза словно молили простить его за то, что онъ не жалѣетъ объ ея отъѣздѣ.

Видъ у Серены былъ надменный и разсѣянный, и это—вмѣстѣ съ шуршаніемъ ея юбокъ—преисполняло его тревогою. Неужели она знала?

— Благодарю васъ, Джорджъ. Только яйцо. Не это. Оно слишкомъ велико. Я не голодна.

— Вы ужасно мало кушаете, Серена!—замѣтила изъ-за самовара м-ссъ Лёвгровъ своимъ словно воркующимъ отъ удовольствія голоскомъ; — а я такъ люблю покушать за завтракомъ, и всегда любила. Но вамъ надо себя принудить. Вы, безъ сомнѣнія, устали отъ укладки, да еще такъ поздно вернулись вчера изъ театра! Джорджи говорилъ, что пьеса была очень забавная.

— Кажется. Но Джорджъ — лучшій судья, чѣмъ я. Мама была очень разборчива относительно того, гдѣ мы бывали и что видѣли, будучи дѣтьми, и многое изъ того, что другіе находятъ забавнымъ, кажется мнѣ только вульгарнымъ.

— Я не замѣтилъ въ пьесѣ ничего вульгарнаго, и думаю, что еслибы это было такъ, Доминикъ не пригласилъ бы на нее даму,—замѣтилъ Джорджъ.

— О, я и не говорила, что пьеса вульгарна. Я не рѣшусь высказать по этому поводу свое мнѣніе. Мы очень рѣдко бывали въ театрѣ, мама была противъ этого. Докторъ Кольтгёрстъ, нашъ ректоръ, тоже былъ противъ театра.

— У него у самого былъ сынъ актеръ, ведшій безбожную жизнь, онъ же считался замѣчательнымъ проповѣдникомъ,—сказала м-ссъ Лёвгровъ.

— Безъ сомнѣнія, это такъ, т.-е. не относительно сына—объ этомъ я не слыхала,—но проповѣдей ректора. Я, конечно, не слышала ихъ, такъ какъ была въ то время еще слишкомъ мала, но Сюзанна помнитъ ихъ. Она вѣдь, приблизительно, вашихъ лѣтъ, Рода. Сюзанна безусловно противъ театра. Я—нѣтъ, хотя тамъ и приходится слышать странныя вещи и видѣть черезчуръ разряженную публику...

Серена строго взглянула на хозяина дома, еще болѣе встревожившагося. Передъ нимъ снова явилось видѣніе, поразившее его вчера. Его дорогой, уважаемый другъ, серьезный, солидный Доминикъ Иглезіасъ, подающій великолѣпное манто незнакомой дамѣ удивительно привлекательной внѣшности и дѣлающій это съ такимъ видомъ, словно такія вещи случаются каждый день! Что̀ означала эта картина? Что̀ думаетъ о ней Серена?

— Въ самомъ дѣлѣ? — сказала м-ссъ Лёвгровъ. Она была оскорблена упоминаніемъ о годахъ, но тотъ фактъ, что она не огорчена предстоящимъ отъѣздомъ Серены, смягчалъ ее и внушалъ ей великодушныя чувства, — я сама давно уже не бываю въ театрѣ; вѣроятно, многое теперь измѣнилось, но разряженную публику вездѣ можно встрѣтить, и я не рѣшусь осудить людей и ихъ удовольствія. Но, конечно, для того, чтобы быть счастливымъ, лучше многаго не знать.

— Не знаю: лучше ли это? — проговорила Серена.—Конечно, людямъ пріятнѣе не знать, что ихъ обманываютъ. Но рано или поздно обманъ откроется. Я считаю обманъ — очень дурнымъ. Я не увѣрена въ томъ, что обманщиковъ слѣдуетъ прощать.

Джорджъ съ трудомъ удержался отъ стона; его чай показался ему горькимъ, какъ полынь.

— Нѣтъ, Серена, я не могу заходить такъ далеко. Но относительно театра я скажу, что я была очень довольна приглашеніемъ м-ра Иглезіаса, только я не люблю тамъ бывать: мѣста̀ въ театрахъ узкія и въ залѣ жара. Но м-ръ Иглезіасъ былъ любезенъ и симпатиченъ, какъ всегда. Онъ—настоящій джентльменъ.

Серена съ вилкою въ рукѣ задумалась.

— Я не совсѣмъ согласна съ вами, Рода. Я не увѣрена: дѣйствительно ли м-ръ Иглезіасъ любезенъ, или онъ только принимаетъ любезный видъ? Конечно, вы съ Джорджемъ лучше знаете его, но мнѣ кажется, что въ немъ много неискренняго.

Выпаливъ этою бомбой, Серена обратила все свое вниманіе на

завтракъ. Виновная совѣсть связывала языкъ Джорджа, но Рода, еще помнившая намекъ на свои года, выступила съ протестомъ.

— Вотъ ужъ я не подумала бы, что можно сомнѣваться въ искренности м-ра Иглезіаса. Я скорѣе бы заподозрила Джорджа, чѣмъ его! И послѣ того, какъ вы играли для него на фортепіано, покуда онъ гостилъ у насъ, и, казалось, были съ нимъ въ такихъ дружескихъ отношеніяхъ, и онъ еще пригласилъ всѣхъ насъ въ театръ—вы такъ отзываетесь о немъ, Серена! Право, я не считала васъ такою измѣнчивою, Серена!

— Нѣтъ, я не измѣнчива, Рода!—возразила Серена, возвышая голосъ, и лицо ея вспыхнуло.—Никто не обвинялъ меня ранѣе въ измѣнчивости, и я этого не люблю. Но я наблюдательна,—даже Сюзанна этого не отрицаетъ,—и вчера въ театрѣ я сдѣлала коекакія наблюденія. Во-первыхъ, это касалось меня, такъ какъ вы съ Джорджемъ оба дѣлали нѣкоторые намеки — вы не можете отрицать, что вы дѣлали ихъ,—и многіе могли думать, что дѣло зашло дальше того, чѣмъ это было въ дѣйствительности, покуда м-ръ Иглезіасъ здѣсь гостилъ. Я полагаю, что м-ссъ Парчеръ и эта ужасная миссъ Гартъ такъ думали. Разумѣется, для меня очень непріятно попасть въ ложное положеніе. Мама всегда предупреждала меня относительно иностранцевъ, и единственнымъ иностранцемъ, встрѣченнымъ мною—именно въ вашемъ домѣ,—былъ м-ръ Иглезіасъ. Я съ сожалѣніемъ должна сказать, что мама была права.

Закончивъ свою тираду, Серена рѣзкимъ движеніемъ худощавой руки отодвинула свою тарелку. Это было объявленіемъ войны. На ея щекахъ проступили красныя пятнышки, маленькая голова на тонкой шеѣ была высоко поднята. И несмотря на безжалостныя разоблаченія яркаго зимняго солнца, опять совершилось, благодаря глупому гнѣву и оживленію, одно изъ мгновенныхъ превращеній сорокавосьмилѣтней Серены — въ подобіе прежней восемнадцатилѣтней дѣвушки. Она сразу похорошѣла и помолодѣла.

— Безъ сомнѣнія, Джорджъ можетъ разъяснить то, что произошло вчера вечеромъ, и я желала бы, чтобы онъ сдѣлалъ это въ моемъ присутствіи. Если ему неловко, онъ могъ бы передать мнѣ это черезъ васъ, Рода. Но если вы оба намѣрены это игнорировать, я должна заговорить сама. Конечно, для васъ удобнѣе, въ виду вашей ошибки, обойти это дѣло молчаніемъ. Но я не согласна. Если у м-ра Иглезіаса были намѣренія, а затѣмъ произошла перемѣна, онъ долженъ былъ хотя намекнуть. Онъ долженъ былъ отказаться отъ вашего приглашенія.

— Онъ отказывался, — пробормоталъ бѣдный Джорджъ, котораго ужасали осложненія, вносимыя женщинами во всякое дѣло.

— Но онъ все же согласился! — воскликнула воинственная Серена.

— Я убѣдилъ его, хотя онъ увѣрялъ, что совершенно къ этому не привыкъ. Я намекнулъ, что вы и жена можете обидѣться...

— Если вы упомянули мое имя, Джорджъ, это была большая смѣлость съ вашей стороны!

— Я въ отчаяніи, Серена, но мы съ женою думали, что его посѣщеніе будетъ вамъ пріятно.

Онъ взглянулъ на жену, ожидая поддержки, но ея полное добродушное лицо уже не сіяло. Очевидно, и она была противъ него. Бѣдняга безпомощно провелъ по своимъ жидкимъ волосамъ влажною рукою.

— Я все время держалась такъ осторожно, что для васъ нѣтъ ни малѣйшаго извиненія. Но если вы это сдѣлали, мое положеніе становится еще болѣе ложнымъ. Мнѣ остается одно — уѣхать. Къ счастью, я уѣзжаю, я давно уже хотѣла уѣхать, и осталась лишь для того, чтобы сдѣлать пріятное Родѣ. Но теперь я вижу, что мною играли.

— Нѣтъ, нѣтъ, Серена! — воскликнулъ хозяинъ дома: — возможно ли это при моемъ уваженіи къ вамъ и къ Сюзаннѣ? Если я въ чемъ виноватъ — я извиняюсь.

— Вы напрасно извиняетесь. Мнѣ очень жаль, Джорджъ, но я чувствую, что вы и Рода нехорошо со мною поступили.

Она съ шуршаніемъ поднялась, а попугай, переставшій чистить перья, наклонивъ голову на бокъ, глядѣлъ на нее злымъ глазомъ.

— Прощай, старушка, бѣдная моя старушка! Эй, полисмэнъ! Крикните, чтобы подавали карету! — закричалъ попугай; а когда Серена съ силой захлопнула за собою дверь столовой, онъ такъ завертѣлся и захлопалъ крыльями, что песокъ въ клѣткѣ полетѣлъ во всѣ стороны.

Поднявшійся было изъ-за стола Джорджъ тяжело опустился на мѣсто и закрылъ лицо руками.

— Я лучше согласился бы потерять сорокъ фунтовъ изъ своей пенсіи!

Поднявъ голову, онъ съ мольбою поглядѣлъ на жену, и ея нѣжное сердце смягчилось. Онъ не былъ съ нею откровененъ, но теперь онъ можетъ загладить свой грѣхъ, и кромѣ того (но это уже было второстепенное соображеніе!) м-ссъ Лёвгровъ сгорала отъ любопытства.

— Джорджъ!—спросила она торжественно:—что произошло вчера вечеромъ?

— М-ръ Иглезіасъ встрѣтилъ знакомую даму. Она прислала за нимъ въ антрактѣ,—отвѣтилъ онъ, краснѣя.

— Это не была одна изъ этихъ интригантокъ изъ Кедроваго коттэджа?

— Нѣтъ, дорогая, нѣтъ!—воскликнулъ онъ признательно, но сейчасъ же снова ощутилъ затрудненіе.—Это дама совсѣмъ другого круга. Я всегда думалъ, что Доминикъ принадлежитъ къ другому, болѣе избранному обществу, но не имѣлъ понятія о томъ, что у него есть такія аристократическія знакомства. Его наружность и манеры, какъ я убѣдился вчера, дѣйствительно подходятъ для какого угодно общества. Но все же я былъ удивленъ.

— Онъ представилъ тебя ей?

— Нѣтъ. Это было неудобно, да она, можетъ быть, и не желала этого. Но—между нами—я полагаю, что именно эта исторія такъ разстроила Серену.

— М-ръ Иглезіасъ обойдется и безъ Серены,—объявила м-ссъ Лёвгровъ;—конечно, она не виновата, но характеръ у нея очень неровный. Я начинаю думать, что она будетъ очень требовательною женою. А эта дама была молода, Джорджъ?

Добрякъ страшно покраснѣлъ.

— Да, ей лѣтъ тридцать и она очень красива. Серена обратила на нее мое вниманіе; она нашла ее черезчуръ разряженной. Я не могу объ этомъ судить, но я видѣлъ только, что она очень хороша.

— О, Джорджи милый!

Слова ея прозвучали какъ протестъ. Говорившая принадлежала къ той части англійскаго общества, въ которую пуританство такъ внѣдрилось, что признавать существованіе красоты уже кажется ей чѣмъ-то нескромнымъ, а громко говорить объ этомъ есть нѣкоторое нарушеніе приличій.

Джорджъ Лёвгровъ проявилъ, однако, необыкновенную смѣлость.

— Да, душа моя, она была красива, съ темными волосами и глазами, которые такъ и пронизываютъ тебя насквозь,—насмѣшливыми и печальными въ одно и то же время. Несмотря на разницу лѣтъ, они казались прекрасною парой. Я прямо былъ польщенъ, видя ихъ вмѣстѣ. Если у Доминика есть друзья, намъ неизвѣстные,—хотя я не отрицаю, что это сначала огорчило

меня,—я радъ, что они—такіе изящные и красивые. Съ ними онъ будетъ, наконецъ, въ своей собственной сферѣ.

Во время этой рѣчи лицо м-ссъ Лёвгровъ представляло объектъ для изученія. Она съ нескрываемымъ изумленіемъ уставилась на мужа; углы рта ея и широкія мягкія щеки вздрагивали.

— Никогда я не думала, что ты станешь такъ говорить, Джорджи. Вѣдь это значитъ—презирать свою собственную плоть и кровь.

— Нѣтъ, нѣтъ!—воскликнулъ онъ:—я не забываю, чѣмъ я обязанъ моей семьѣ и твоей, Рода. Но я не могу отрицать, что я необыкновенно высоко ставлю Доминика—еще съ тѣхъ поръ, какъ мы были мальчиками въ школѣ. Я сознавалъ, насколько онъ былъ выше меня умственно и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, и дружбу съ нимъ я считалъ для себя настоящею честью. Но разница между нами ни разу не казалась мнѣ такою очевидною до вчерашняго дня, когда я увидѣлъ его въ другомъ обществѣ. Ему слѣдовало бы занимать болѣе высокое положеніе,—мы всѣ въ банкѣ были съ этимъ согласны,—и поэтому я отъ всей души буду радъ, если онъ найдетъ болѣе подходящее для себя общество, хотя бы изъ-за этого намъ пришлось рѣже видѣть его.

Щеки м-ссъ Лёвгровъ вздрагивали, но лицо ея приняло упрямое выраженіе. Она ревновала. Еще впервые за все время ихъ совмѣстной жизни мужъ ея проявилъ самостоятельность. Она увидѣла, что онъ существуетъ независимо отъ нея, какъ отдѣльная личность. М-ссъ Лёвгровъ почувствовала себя покинутою Аріадной.

— Какая длинная исторія изъ-за человѣка, у котораго нѣтъ семьи! Что съ тобою, Джорджи? Ты не похожъ на себя! Сегодня, кажется, всѣ сбились съ толку.

Она зашевелилась и тяжело поднялась съ кресла.

— Надо пойти помириться съ Сереною. Христіанское человѣколюбіе этого требуетъ. Теперь, когда я узнала, въ чемъ дѣло, я понимаю, что она вправѣ обижаться.

Въ прежнее время Джорджъ, оставшись одинъ послѣ завтрака, принялся бы за свои обычныя занятія: онъ пошевелилъ бы огонь въ каминѣ, выкурилъ бы трубочку, полилъ бы цвѣты, но теперь ему не хотѣлось ничего дѣлать, и онъ подошелъ къ окну. Вдругъ онъ замѣтилъ высокую фигуру, вышедшую изъ дверей Кедроваго коттэджа. М-ръ Иглезіасъ стоялъ на ступеняхъ подъѣзда, натягивая перчатки.

Новая волна смиренія и самоуничиженія захватила незлобивую душу Джорджа, а вмѣстѣ съ тѣмъ и смутное недовольство судьбой. Ему тоже захотѣлось обладать представительною наружностью, умомъ, воспитаніемъ, изящными манерами. Въ немъ впервые пробудилось влеченіе къ романическому, смутный протестъ противъ узкой буржуазности англійской средней семьи, противъ давленія женской атмосферы, боязни оскорбить „чувства жены". Чувства—вмѣсто дѣйствій, предположенія—взамѣнъ фактовъ.

Призракъ красивой женщины въ аломъ платьѣ, ея глаза, въ которыхъ скорбь боролась съ ироніей,—возсталъ передъ нимъ. Онъ не зналъ, кто она, но нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что она не „предполагаетъ", а живетъ.

— Что̀, старина, влетѣло тебѣ? Выпей водочки съ содовой водой!—рѣзко выкрикнулъ попугай, висѣвшій головою внизъ.

Джорджъ Лёвгровъ вздрогнулъ какъ преступникъ.

— Да, жена права,—сказалъ онъ полу-громко:—если хочешь быть счастливымъ, лучше совсѣмъ не имѣть понятія о нѣкоторыхъ вещахъ.

Онъ вдругъ устыдился, такъ какъ сейчасъ, мысленно, не былъ ли онъ готовъ измѣнить своей женѣ?

XVII.

Миссъ Элизѣ Гартъ понадобилось по хозяйственнымъ соображеніямъ зайти въ комнату м-ра Фарджа, въ первомъ этажѣ, для того, чтобы положить на его постель новое покрывало. Для соблюденія приличій она всегда въ такихъ случаяхъ оставляла двери полуотворенными, и теперь ей была видна часть передней и лѣстницы, между тѣмъ какъ ее не было оттуда видно.

Маленькій м-ръ Фарджъ питалъ пристрастіе къ веселымъ цвѣтамъ; поэтому миссъ Элиза выбрала покрывало малиноваго цвѣта съ бордюромъ изъ желто-лимонныхъ тюльпановъ и зеленыхъ листьевъ, которое приказчикъ рекомендовалъ ей, какъ „пріятное для глазъ и скромное". Сама Элиза опредѣлила его словомъ „изящное", и уже разостлала его на кровати молодого человѣка, когда ея вниманіе было привлечено звуками незнакомаго женскаго голоса, поспѣшными шагами Фредерика и шелестомъ шолковыхъ юбокъ.

Очевидно, въ виду репутаціи Кедроваго коттэджа, необходимо

было наблюсти за происходящимъ, и миссъ Элиза, осторожно подойдя къ двери, выглянула изъ нея.

Дверь гостиной м-ра Иглезіаса, бывшая напротивъ, стояла открытою, а въ дверяхъ остановился Фредерикъ, что-то разъясняя на своемъ ломаномъ космополитическомъ нарѣчіи. По послѣднимъ ступенямъ лѣстницы медленно поднималась очень элегантная дама. На ней была большая черная шляпа, соболья пелерина, цѣнность которой Элиза опредѣлила не десятками, но сотнями фунтовъ, и черное суконное платье, покрой котораго былъ послѣднимъ словомъ моды.

На площадкѣ незнакомка спокойно остановилась, осматривая окружающее: она повернула голову, и миссъ Элиза увидала блѣдное лицо, яркія губы и глаза, показавшіеся наблюдательницѣ неприлично большими, блестящими и дерзкими.

Тутъ м-ръ Иглезіасъ показался изъ своей комнаты съ такимъ выраженіемъ лица, какого Элиза никогда у него не видѣла. Съ секунду дама глядѣла на него, словно безмолвно спрашивая его о чемъ-то. Затѣмъ она потрепала его по плечу и рука-объ-руку съ нимъ вошла въ его гостиную, между тѣмъ какъ Фредерикъ съ почтительною предупредительностью захлопнулъ за ними дверь.

— Вотъ такъ штука!—полу-громко вырвалось у Элизы, и она такъ и присѣла на новое малиновое покрывало. Разсказывая объ этомъ впослѣдствіи, она говорила, что вы могли бы свалить ее съ ногъ перышкомъ...

— Вотъ такъ штука! Съ которыхъ же поръ это началось, хотѣла бы я знать? Такъ вотъ причина ледяной холодности этого джентльмена и его величественной недоступности! Бѣдная моя дорогая Пышечка! Положимъ, ей нечего опасаться сравненій съ кѣмъ бы то ни было. Змѣя!

Тѣмъ не менѣе, она была страшно потрясена и погрузилась въ соображенія о томъ, кто бы могла быть шикарная дама? Тутъ только сообразивъ, что она сидитъ на постели м-ра Фарджа—обстоятельство, безконечно ее компрометирующее,—она отправилась въ людскую, съ тѣмъ, чтобы проинтервьюировать м-ра Фредерика, но получила отъ него весьма неудовлетворительныя свѣдѣнія.

— Дама спросила м-ра Иглезіаса. Я проводилъ ее въ общую гостиную.

— Такъ и надо было, Фредерикъ.

— Но она не стала ждать. Она вышла... Карточки не дала, фамиліи не сказала, а что-то написала на бумажкѣ и свернула

ее. Потомъ все же не захотѣла ждать и пошла позади меня по лѣстницѣ...

Не добившись ничего болѣе, миссъ Элиза прошла въ гостиную,—м-ссъ Парчеръ не было дома,—и она, замѣтивъ, который часъ, оставила дверь полуоткрытой, чтобы видѣть, какъ незнакомка уйдетъ.

— Кстати, дождусь Пышечку и предупрежду ее. Если она неожиданно встрѣтитъ подобную особу въ передней или на лѣстницѣ, она можетъ лишиться чувствъ.

Съ англійск. О. Ч.

Н. П. ОГАРЕВЪ

и

ЕГО ЛЮБОВЬ

Исторія перваго брака Николая Платоновича Огарева (р. 1813—ум. 1877 гг.) съ Маріей Львовной Рославлевой—одинъ изъ самыхъ характерныхъ эпизодовъ того умственнаго движенія въ нашемъ обществѣ, которое Анненковъ окрестилъ именемъ „идеализма 30-хъ годовъ". На ней, быть можетъ, наилучше можно изучить не только одну важную сторону міровоззрѣнія, выработаннаго этими „идеалистами",—именно, ихъ взгляды на любовь и бракъ,—но и самый процессъ возникновенія этихъ взглядовъ изъ живого личнаго опыта. То поколѣніе было призвано пересмотрѣть всѣ устои нравственнаго быта; общественная мысль обновлялась, — но, какъ всегда бываетъ, ареною, на которой рѣшалась эта историческая задача, на которой новое боролось со старымъ и побѣждало, было *личное* чувство и *личное* сознаніе. Драма, которая пройдетъ здѣсь предъ нашими глазами, не была ни случайной, ни единичной. Въ исторіи того времени мы знаемъ много такихъ столкновеній, гдѣ на одной сторонѣ стояла непосредственная сила чувства,—„Naturgewalt" по тогдашней терминологіи, на другой—стремленіе внести въ любовь и бракъ разумность и свободу. Этой борьбою въ большой мѣрѣ окрашена душевная жизнь и Бѣлинскаго, и Станкевича, и Герцена. На этихъ же страницахъ не такъ давно была изложена аналогичная исторія любви И. П. Галахова. Среди этихъ личныхъ драмъ исторія перваго брака Огарева выдѣляется какъ своей яркой типичностью, такъ и обиліемъ матеріала, по которому она можетъ быть изучена. Этотъ матеріалъ—подлинныя письма Огарева къ Маріи Львовнѣ. Они печатаются здѣсь въ первый разъ.

Въ общихъ чертахъ эта исторія довольно извѣстна. Ее знаетъ всякій, кто читалъ „Былое и думы"; о ней обстоятельно говоритъ Анненковъ въ „Идеалистахъ тридцатыхъ годовъ". Извѣстно, при какихъ условіяхъ 23-хъ-лѣтній Огаревъ, въ 1836 году, женился на бѣдной племянницѣ провинціальнаго губернатора, какъ сразу возникла натянутость между нею и друзьями Огарева, какъ, пользуясь Огаревскимъ богатствомъ, она быстро развернулась въ свѣтскую даму, какъ она пыталась вовлечь мужа въ свою разсѣянную жизнь, и какъ онъ, склонный къ тихой дружбѣ, къ интимности и домосѣдству, страдалъ отъ этого. Здѣсь, помимо разницы вкусовъ и темпераментовъ — эмоціональнаго у жены, созерцательнаго у мужа,—былъ еще другой разладъ—теоретическій, во взглядахъ на жизнь и въ требованіяхъ отъ нея. Марія Львовна жила чувствомъ и требовала отъ жизни, прежде всего, достаточно-сильныхъ и пріятныхъ эмоцій. Огаревъ отстаивалъ права сознанія, долженствующаго созидать жизнь, и хотѣлъ подчинить сознанію и самую любовь. Именно эта сторона ихъ личной драмы придаетъ ей характеръ исторической картины; приводимыя ниже письма освѣщаютъ ее какъ нельзя лучше.

Н. М. Сатинъ, близкій другъ Огарева, свидѣтель и участникъ этой драмы, хорошо изложилъ ея сущность въ немногихъ строкахъ. Такъ какъ „Отрывокъ изъ воспоминаній" Сатина мало кому извѣстенъ [1]), то я приведу здѣсь эти строки.

„Она (т.-е. Марія Львовна) была умная и добрая женщина. Но сперва она была сбита съ пути воспитаніемъ, а потомъ окончательно добита черезчуръ либеральнымъ направленіемъ мужа. Отъ природы умная, она не получила достаточнаго воспитанія, по семейству бѣдная—она была родной племянницей пензенскаго губернатора Панчулидзева и слѣдовательно играла нѣкоторую роль въ Пензѣ. Огаревъ, сосланный въ Пензу очень молодымъ человѣкомъ (21-го года) и считавшійся самымъ богатымъ женихомъ,—увлекся ею; съ той стороны, разумѣется, не были упускаемы разныя ловушки, которыя не остались безъ успѣха. Наконецъ, они женились. Но симпатіи не было ни малѣйшей: одинъ требовалъ семейной и ученой жизни, другая требовала свѣтскихъ развлеченій; изъ любви и снисходительности онъ покорялся, но былъ страненъ и неловокъ въ обществѣ; естественно, самолюбіе его страдало, не говоря уже о томъ, что онъ не былъ въ своей сферѣ. Еще можно было бы удержать молодую женщину, но Огаревъ по своей добросовѣстности поддерживалъ ее въ ея фальши-

[1]) Онъ напечатанъ въ Сборникѣ Общ. Любит. Росс. Слов. „Починъ" на 1895 г., стр. 237—250.

вомъ направленіи. Тогда были въ ходу романы Жоржъ-Зандъ; почти все, что было образованнаго, восхищалось ими: вывести женщину изъ вѣкового рабства и поставить ее на ряду съ мужчиной,—чего же лучше, чего благороднѣй? М. Л. увлеклась этими романами, и Огаревъ ее поддерживалъ со всею своею добросовѣстностью"...

Таково было положеніе дѣла, когда весною 1841 года Огаревъ получилъ разрѣшеніе уѣхать съ женою за границу на полгода для леченія. Марію Львовну врачи направили въ Карлсбадъ; Огаревъ первое время оставался тамъ съ нею, но затѣмъ перебрался въ Франценсбруннъ [1]), гдѣ жилъ нѣкоторое время одинъ; затѣмъ они опять вмѣстѣ провели нѣкоторое время въ Теплицѣ и, кажется, въ Эмсѣ, и наконецъ, переѣхали въ Италію, откуда Огаревъ, разставшись съ женою въ Неаполѣ, двинулся—чрезъ Римъ, Болонью, Венецію, Тріестъ, Вѣну, Лейпцигъ, Берлинъ—въ Россію. Онъ надѣялся скоро вернуться къ женѣ.

Нижеслѣдующія письма Огарева къ М. Л. относятся именно ко времени этого заграничнаго путешествія, — ко второй половинѣ 1841 года.

М. Гершензонъ.

---

[1]) Такъ называется въ письмахъ Огарева, конечно, нынѣшній Франценсбадъ, отстоящій отъ Карлсбада всего въ двухъ-трехъ часахъ, какъ отстоитъ, судя по первому же письму Огарева, и называемый имъ Франценсбруннъ.

1.

1841 г.—Франценсбрунъ. Вечеромъ.

Вотъ я и здѣсь, одинъ, въ крошечной комнаткѣ. Воспоминанія цѣлаго дня тревожатъ меня. Я перебрасываюсь и дальше, чѣмъ сегодняшній день. Все мое прошедшее — свѣтлое, полное любви — передо мною. Маша, другъ мой, — моя спокойная наружность тебя обманываетъ, можетъ быть даже и сердитъ. Но я бы дорого заплатилъ, чтобъ быть внутри такимъ же спокойнымъ, какъ въ моихъ апатическихъ пріемахъ. Маша — я тебя люблю. Я никогда не могъ отстать отъ привязанностей, которыя были основаны на глубокихъ симпатіяхъ, длились долго и казались безконечны—и, можетъ быть, до сихъ поръ безконечны. Я не отчаяваюсь. Но ты какъ-то не хочешь проникнуть сквозь эту ровную оболочку моего характера, не знаешь, что я страдаю и чѣмъ я счастливъ. Ей-Богу—моя жизнь была такъ широка, такъ широка; всѣ мои связи лежали на такомъ широкомъ основаніи и пророчили такую свѣтлую будущность (свѣтлую по своему человѣческому значенію), что я не могъ никому завидовать и никому желать лучшей участи. Судьба сдѣлала такъ, что ты не захотѣла пристать къ этой жизни, въ которой мы были бы оба такъ полно, такъ высоко-человѣчески счастливы. Я не упрекаю; избави, Боже, меня дѣлать упреки; можетъ быть, я и самъ много и много виноватъ,—и тебя прошу, не пеняй на меня и прости мнѣ. Мы должны все прощать другъ другу—потому что вѣдь между нами любовь не рушилась. Ей-Богу, не рушилась. Я это чувствую, потому что безъ тебя тоскую; думалъ заниматься, работать въ одиночествѣ—и едва ли это будетъ; мнѣ скучно, я неспокоенъ, тоска, да и только. Чувствую, что мы любимъ другъ друга, и по тому, что видѣлъ давеча твои слезы — и тебѣ скучно безъ меня, и у меня слезы навертываются. А вѣдь мы разстались дня на три, на четыре. Неужли это привычка? Быть не мо-

жетъ — это сильная привязанность. Боюсь тревожить тебя еще болѣе, а не могу не сказать, что съ наступленіемъ ночи, когда думаю, какъ я лягу и ты меня не поцѣлуешь,—мнѣ больно. О! сколько вещей, отъ которыхъ мнѣ больно! Но перестанемъ говорить о нихъ. Къ чему тебя тревожить? Обними и поцѣлуй и благослови меня мысленно, какъ я тебя теперь, и успокоимся.

Франценсбруннъ лежитъ въ долинѣ или, лучше, въ полѣ; это тебѣ понравится. Я вспомнилъ Чертково [1]) и тебя. Чертково и ты для меня нераздѣльны. Нигдѣ и никогда я не былъ такъ счастливъ! Дай мнѣ руку и пойми, наконецъ, сколько любви въ моемъ рукопожатіи.—Около источниковъ паркъ—это мнѣ напомнило Петровское, и едва ли оно лучше. Городокъ очень хорошо выстроенъ, улицы широкія. Квартиръ почти нѣтъ, и я принужденъ былъ поселиться въ конуркѣ—впрочемъ, очень чистой, въ почтовомъ домѣ, изъ котораго видъ въ поле. Въ воскресенье уѣзжаетъ какой-то графъ, и я займу его двѣ комнаты au rez de chaussée. Пріѣзжай—намъ будетъ очень уютно и хорошо. Мѣсто такое, какъ ты любишь. Съ другой стороны городка садъ, напоминающій Пензенскій, но хуже, хотя много цвѣтовъ. Вотъ тебѣ вся мѣстность. Теперь мои похожденія. Ѣхалъ я сперва съ двумя нѣмцами; не знаю, какъ ихъ зовутъ, да и знать не хочу. Одинъ отставной воинъ, а другой — прусскій таможенный чиновникъ. Они болтали ужасно много. Послѣ пересѣлъ къ намъ и третій нѣмецъ въ бѣломъ пальто и сжалъ мои ноги въ свои огромныя колѣна. Я съ перваго взгляда узналъ, что это дармштадтецъ; онъ и ростомъ, и лицомъ похожъ на принца, который былъ у насъ. Болтовня усилилась съ новымъ товарищемъ. Пиво, пошлая политика, разсужденія о томъ, о чемъ нечего разсуждать — надоѣли мнѣ ужасно. Наконецъ, около 4-хъ часовъ мы пріѣхали въ Эгеръ, гдѣ мы обѣдали. Старый офицеръ и дармштадтецъ остались въ Эгерѣ. Я, чиновникъ, дама, похожая на косую нѣмку Блохиной, и молодой человѣкъ до пошлости глупый—отправились въ Франценсбруннъ. Слава Богу, ѣзды менѣе часа. Я, выбравъ пожитки, отправился,—читалъ газеты, изъ которыхъ узналъ, что король Ганноверскій скоро ѣдетъ въ Эмсъ; а выборы въ Англіи, къ радости Гамильтона, идутъ въ пользу тори!! Потомъ встрѣтилъ Laube, который меня познакомилъ съ своей женой. Она далеко не хороша собой, но очень неглупа. Потомъ отправился въ кон-

[1]) Одна изъ деревень Огарева, гдѣ онъ короткое время жилъ съ М. Л. тотчасъ послѣ женитьбы.

цертъ. Скрипачъ, который былъ въ Карлсбадѣ, очень недуренъ. Потомъ гулялъ, осмотрѣлъ всѣ источники и заказалъ ванну. Наконецъ, явился домой и принялся писать къ тебѣ. Глупый день.

Ну, а ты что—милая моя Маша—вѣрь, что милая—Zweifle an der Sonne Klarheit etc.—О! еслибъ я могъ тебя увѣрить, сколько я тебя люблю—да за что же ты мнѣ не вѣришь? Да и то неправда—ты знаешь, что я неизмѣненъ въ привязанностяхъ. А моя привязанность къ тебѣ была лучшая, потому что была моя; общее и личное такъ хорошо сливались. Ну, да что жъ ты дѣлала?.. Горы, постгофъ, Голынскій, etc., etc...—Если Брянчан. въ самомъ дѣлѣ нагрубитъ тебѣ—напиши, я прискачу, и клянусь честью, что такъ присрамлю его при всѣхъ, что онъ не будетъ знать куда дѣваться. У меня смерть руки на него чешутся. Je suis rancunier aussi.

Ну! теперь простимся.—Лягу спать, хотя не слишкомъ хочется.—Авось же я завтра больше свыкнусь съ моимъ одиночествомъ... Прощай, Маша, милая моя Маша! Цѣлую тебя въ глазки и губки. Моя любовь съ тобою...

Досадно! письмо будетъ у тебя только послѣ завтра, потому что отходитъ послѣ обѣда. Ты будешь безпокоиться. Это глупо.

Прощай!.. Обнимаю тебя еще разъ. А Галаховъ? Добрый славный Галаховъ! Еслибъ его дружба... Прощай, Маша!

17-е іюля.

Здравствуй, Маша! Сейчасъ воротился съ водъ. Вода чудесная. Мѣсто прекрасное; поле и синія горы вдали; это напоминаетъ Кавказъ. Музыка играетъ не такъ лѣниво, но и не такъ хорошо; впрочемъ, недурно: играли „Норму". Опять воспоминанія—и въ воспоминаніяхъ все ты. Видишь ли, какъ глубоко вкоренена моя любовь къ тебѣ. И отчего же, разставаясь на минуту,—я непременно долженъ писать и много писать къ тебѣ? Отчего эта потребность—если не потому, что я сильно тебя люблю? Я молчаливъ съ тобою—это правда; иногда мнѣ страшно начать говорить; когда моя рѣчь кажется тебѣ несправедливою—мнѣ больно, досадно; я сержусь или страдаю. Не раздѣляйся отъ меня, умоляю тебя; примкни ко мнѣ; право, во мнѣ еще довольно жизни, чтобъ дать жизнь женщинѣ; но для этого надо вѣрить въ меня, взойти въ сферу поэзіи, которая преобладаетъ у меня надо всѣмъ. Да,—ты это сдѣлаешь? Ты будешь моя, совсѣмъ моя? Не правда ли?—Какъ хорошо это открытое мѣсто передъ моими окнами! Какой день свѣтлый! За-

чѣмъ мы не вмѣстѣ? Душа раскрылась бы такъ свѣтло, мы могли бы любить такъ много. Еслибъ ты знала, какъ я готовъ прижать тебя къ груди отъ полноты души! Мнѣ хочется молиться сегодня, молиться и плакать, но не отъ скорби, а отъ умиленія и надежды. Неужели наши жизни расшиблены? Нѣтъ — никогда этому не повѣрю. Но если я разбилъ твое существованіе—Маша, это непростительно; да право я неповиненъ; я хотѣлъ беречь тебя для всего лучшаго, человѣческаго, Божьяго. Не умѣлъ развѣ, былъ неловокъ—но никогда mal-intentionné.

Много хорошенькихъ личекъ и очень мало хорошенькихъ шляпокъ на водахъ. Вчера въ концертѣ тоже уродливыя прически. Но такихъ уродовъ, какъ въ Карлсбадѣ, нѣтъ — здѣсь du comme il faut въ сравненіи съ Карлсбадомъ. Я не искалъ ни съ кѣмъ познакомиться, не хочется, одному еще лучше. Съ Laube едва ли сойдусь очень, боюсь ему надоѣсть, боюсь быть привязчивымъ, не имѣя никакого права на его расположеніе. Но онъ долженъ быть хорошій человѣкъ, судя по рѣчамъ, поступкамъ и роману.

Прощай! Отдаю письмо на почту. Досадно, что не получишь сегодня. Дама скверная, которая ѣхала со мной изъ Эгера, имѣетъ жестокосердіе жить возлѣ меня и цѣлое утро прегадко играть на гитарѣ.

Прощай, моя милая Маша, другъ мой. Поцѣлуемся, обнимемся. Кланяйся Елагиной, сблизься съ ней. Привези отъ нея мои стихи. Музыку слышно. Прощай.

Пріѣзжай, здѣсь очень хорошо.

2.

18 іюля. Утро.

Хотѣлъ писать тебѣ вчера вечеромъ; но былъ не въ духѣ; лежалъ на диванѣ и не могъ ничего дѣлать и легъ спать въ 10 часовъ. Читалъ и перечитывалъ твое письмо. Je ne te méconnais pas. Ты все же моя милая, добрая, умная, откровенная, прямодушная, mon intéressante Marie. Но многое и многое въ твоихъ мнѣніяхъ основано на условной фантастической жизни общества, а не на внутренней, глубокой, дѣйствительной человѣческой жизни. Часто ты непослѣдовательна въ своихъ убѣжденіяхъ, и сердце, умъ—съ одной стороны—спорятъ съ привычками, вкусами—съ другой стороны. Повторяю: иногда это меня сердитъ и оскорбляетъ, но по большей части мнѣ это больно, мнѣ тебя жалко, что ты добровольно отказываешься

отъ лучшей доли человѣка. Такъ, напр., ты убѣждена въ прогрессѣ—и не можешь мысленно оторваться отъ круга, котораго участь пребывать въ statu quo. Такъ, тебѣ все поэтическое важно, но не занимаетъ тебя. Маша — меня это мучитъ — и не ради себя, а ради тебя; ты лишаешься лучшихъ наслажденій. Повѣрь мнѣ, что эти противорѣчія, которыя существуютъ въ тебѣ самой (если заглянешь въ себя откровенно), — они-то главное противорѣчіе между нами. Но все же хорошая человѣческая сторона и въ тебѣ, и во мнѣ такъ сильна, что мы не можемъ оставаться въ отношеніяхъ тупыхъ и пошлыхъ мужа и жены, а должны быть товарищами, друзьями, любовниками. Дѣло въ томъ теперь, что въ близкихъ отношеніяхъ надо не досадовать другъ на друга, а имѣть другъ на друга теплое вліяніе, полное любви. Оно не можетъ имѣть мѣсто, если ты въ меня вѣришь. А я въ тебя вѣрю, право, вѣрю. Да вотъ какъ: еслибы ты перестала меня любить en amante и была бы увлечена другимъ, еслибъ я вынесъ это — я былъ бы лучшимъ твоимъ другомъ, и тотъ долженъ бы сдѣлать тебя счастливою подъ опасеніемъ смертной казни. Въ святость брака я не вѣрю—а въ святость любви вѣрю. У насъ бракъ сдѣлался пугаломъ людей — и мы видимъ узы. Но истинная любовь не надѣваетъ оковъ, но только симпатизируетъ со всѣми движеніями любимой души. Отъ этого привязанность къ людямъ, которые близки къ любимому нами существу. Отъ этого я благословляю Галахова за всѣ минуты душевной симпатіи, которыя ты съ нимъ проводила. Бракъ мѣшаетъ жить, а любовь побуждаетъ къ жизни, дѣлаетъ жизнь гармоническою, полною, необъятно-широкою. Если ты думаешь, что между нами нѣтъ ничего общаго, кромѣ названій мужа и жены—то прогони меня, просто прогони меня,—мужъ человѣкъ невыносимый. Но я, Маша, я полонъ надежды, я глубоко убѣжденъ и въ моей любви къ тебѣ, и въ томъ, что противорѣчія между нами—мнимыя, что они должны рушиться вслѣдствіе нашихъ благородныхъ натуръ. Гордіева узла я не могу разрубить, на это у меня нѣтъ ни капли геніальной воли. Но я буду всегда вести себя вслѣдствіе твоего желанія: ты приманишь—приду, ты бросишься въ мои объятія—возьму; ты махнешь—отойду, воротишь — ворочусь. Что объ этомъ будутъ думать люди, мнѣ до того дѣла нѣтъ. Не хотѣлось бы, чтобы они тебя позорили, а меня — сколько имъ угодно; къ этому я совершенно равнодушенъ. Любить par amour propre, pour qu'on dise que j'ai une femme vertueuse,—я не могу; это гадко. Развратъ лучше этого. Маша, Маша! еслибъ ты немного захотѣла вникнуть въ мою

душу, ты нашла бы, что такое самолюбіе для меня не существуетъ. Нѣтъ! — я тебя люблю, какъ друга, подругу, моего ребенка, которому хотѣлось бы дать все возможное человѣческое блаженство — лишь бы только человѣческое, вытекающее изъ святой, вѣчной, божественной натуры человѣка, а не изъ пошлой, условной, ежедневной, формалистической, призрачной жизни общества. Еслибъ я былъ ангелъ, Маша, я бы посадилъ тебя себѣ на крылья и унесъ бы на небо. Но и во мнѣ много грязнаго, мелкаго и призрачнаго; я — ein Mensch der Naturgewalt и не довольно просвѣтлёнъ духомъ, чтобъ изъ свѣтлаго сознанія дѣйствовать вслѣдствіе сильной воли. Вотъ, можетъ быть, причина, отчего ты въ меня мало вѣришь. Я на тебя имѣю мало вліянія.

Все это было бы смѣшно,
Когда бы не было такъ грустно!

Я часто думаю: зачѣмъ я живу на свѣтѣ? Счастія женщины я не умѣлъ сдѣлать. Отъ этого всѣ мои личныя отношенія сдѣлались для меня мучительны. Оторваться отъ всѣхъ, кто мнѣ близокъ, — что жъ мнѣ тогда дѣлать на бѣломъ свѣтѣ? А любить — больно. Что мое поэтическое и соціальное призваніе? — Ничего не значатъ. Въ послѣднее особенно мало вѣры, хотя и много рвенія. Однако во мнѣ есть теплота, жаръ души, сильное стремленіе; иногда я даже живу такою полною жизнью, за минуту которой я не возьму ста тысячъ другихъ жизней. О! не все потеряно, не вѣрю, чтобъ все было потеряно. Съ тобой мы будемъ друзьями, съ друзьями — союзомъ, а все, что во мнѣ хорошаго, выскажется въ стихахъ. Маша, Маша — люби твоего поэта! Послушай: если я и недостоинъ или буду недостоинъ любви — все же люби меня. Но полно толковать на этотъ ладъ; это слишкомъ давитъ душу. Виноватъ ли я, что я сегодня грустенъ? А все эта проклятая слабость характера, подчиненіе der Naturgewalt; между тѣмъ какъ спокойная духовная сила должна бы вести жизнь ровно и стройно.

Когда пріѣдешь? Привези мнѣ фракъ и черный жилетъ, словомъ — бальный костюмъ. Здѣсь по субботамъ балъ, на которомъ куча народу; Лаубе пляшетъ; пріѣзжай съ нимъ танцовать; а m-me Laube не пляшетъ, я съ ней буду говорить. Здѣсь живутъ веселѣе; но дамъ больше, чѣмъ кавалеровъ. Дамы любятъ надѣвать вѣнки на вечеръ. C'est joli. Кто-то была съ m-me Nostiz въ вѣнкѣ — очень недурна.

Привези мнѣ пульникъ, мои пули скоро выйдутъ; вчера я отлично стрѣлялъ.

Скоро перейду внизъ и буду ждать тебя.

Прощай, моя милая подруга! Можно такъ назвать? Chère, chère Marie.

Взгляни на Елагину, какъ на женщину, въ которой много чувства, Innerlichkeit, свѣтлаго, живого человѣческаго чувства, и съ ней можно будетъ сойтись. Дочь ея также. А m-lle Mojev не знаю.

Прощай! Цѣлую Сталиньку [1]).

Тебя цѣлую и обнимаю. Будь моимъ другомъ, прижми меня къ сердцу, отдай мнѣ твое сердце—ему будетъ тепло отъ моей любви. Прощай!

Кланяйся Елагиной.

Еще замѣчаніе: любовь не исключительна (exclusif), а всеобъемлюща и всепреданна.

3.

Воскресенье, 10 ч. веч.

Слѣдуя твоему примѣру, беру маленькій лоскутъ бумаги. Но ты знаешь, я пишу мелко.—Бывало, прощаясь съ тобой, я плакалъ, какъ ребенокъ, но никогда разставанье мнѣ не было такъ невыносимо-тяжело, какъ давеча утромъ. Послѣдній разговоръ оставилъ насъ въ какомъ-то неудовольствіи, которое меня мучило и мучитъ. Проклятая пропажа плаща, отвлекая вниманіе другъ отъ друга, довершила горькую холодность прощанья... Маша—повѣрь мнѣ хотя единожды—не такъ мнѣ хочется встрѣчаться, не такъ разставаться, какъ это случается. Когда я ѣду къ тебѣ — мое сердце тепло, мнѣ хочется такъ много любить тебя; когда я уѣзжаю—мнѣ жалко, мнѣ хочется слова любви, мнѣ хочется слезъ; всегда я тронутъ и глубоко тронутъ. А въ этотъ разъ это не просто грустно, нѣжно-грустно было, а тяжело—какъ вотъ когда задыхаешься. Зачѣмъ мы смотримъ другъ на друга какъ враги? Неужели въ насъ нѣтъ элементовъ сближенія? Развѣ въ насъ нѣтъ горячей привязанности другъ къ къ другу? Развѣ въ насъ нѣтъ широкой любви къ человѣчеству? Развѣ не случается, что одинъ и тотъ же видъ пробуждаетъ въ насъ одинаковое сочувствіе къ природѣ? Развѣ не случается, что одна и та же мелодія намъ одинаково ворочаетъ душу? Развѣ нѣтъ между нами симпатіи? Быть не можетъ! Быть не можетъ, чтобъ ты *не хотѣла* сочувствовать со мною. Я про-

[1]) Ребенокъ, родственникъ М. Л., взятый ею на воспитаніе.

клинаю всякое сомнѣніе. Маша—Бога ради—возвратимъ другъ другу нашу прежнюю любовь. Ты мучишься — но пойми хоть разъ,—что и мое положеніе невыносимо, что я нѣсколько разъ на день застаю въ себѣ желаніе отжить поскорѣе жизнь, которую я проклинаю. Кончимъ это, Бога ради, кончимъ. Когда я думаю, что можетъ быть время, когда ты не станешь любить меня и я тебя, мнѣ становится страшно; голова кружится, мнѣ кажется, что мы оба дѣлаемъ преступленіе великое. Но какъ все это кончить? Чѣмъ развязать драму?.. — Не знаю. Разговоры между нами вредны, всѣ споры о прошедшемъ— только взаимныя обвиненія, и, можетъ, въ самомъ дѣлѣ мы оба правы и оба виноваты. Но развѣ, любя, нельзя простить и изгладить изъ памяти все горькое? Что же и за любовь, если она прощать не умѣетъ? Маша, простимъ другъ друга, ради Бога, и не станемъ спорить ни о чемъ. Давай жить, какъ мы прежде жили, душа въ душу. Если у насъ и есть разные вкусы— это вещь совершенно внѣшняя; если они требуютъ удовлетворенія—не надо мѣшать другъ другу; если это въ самомъ дѣлѣ потребность — то будемъ рады, когда кому изъ насъ весело. А если это фантазія— то она пройдетъ. Но изъ любви другъ къ другу не станемъ проклинать что-нибудь такое, что для одного изъ насъ свято, сильный реалитетъ, а не фантазія. Ну, ради Бога перестанемъ ссориться. Я хочу любви, твоей любви. Я ничего, никакихъ уступокъ и жертвъ не требую; я знаю, что когда кто принесетъ жертву (т.-е. въ самомъ дѣлѣ жертву), то онъ будетъ ненавидѣть того, кому принесъ ее. Не хочу и не приношу жертвъ. Кто требуетъ жертвы — тотъ не любитъ. Но самый малѣйшій шагъ съ твоей стороны, Маша, будетъ для меня неизмѣримо великой милостью, т.-е. движеніемъ любви, за которое я стану передъ тобой на колѣни...

Какъ же мнѣ было тяжело сегодня! Я цѣлый день метался изъ угла въ уголъ и ничего не могъ дѣлать, — и все думалъ о тебѣ, о насъ. Куда писать къ Галахову — скажи мнѣ—я отсюда напишу къ нему.—Теперь мнѣ немного лучше. Вечеромъ былъ концертъ, куда я не пошелъ, потому что не намѣренъ слушать флейту. Потомъ была въ залѣ же богемская народная свадьба (вѣрно, нарочно кого-нибудь женили, чтобъ показать эрцгерцогу, какъ богемцы женятся). Я думалъ, что надо явиться во фракѣ, и, одѣваясь, прогулялъ свадьбу; а такъ какъ я не эрцгерцогъ, то для меня во второй разъ никого уже не женили. Потомъ былъ балъ. Я не пошелъ—и безъ того было грустно. Kaisergasse была иллюминована, въ саду и въ отдаленьи былъ

очень глупый фейерверкъ. Наконецъ, все погасло. Одна луна не погасла и такъ хороша, какъ я давно ея не видалъ. Она меня успокоила. Грусть стала тише и не имѣетъ уже этого раздирающаго характера. Но мнѣ все чего-то жаль, да вѣдь какъ жаль! Все гляжу назадъ, и тамъ столько свѣтлаго, счастливаго... Маша! возврати мнѣ мое блаженство! если только хочешь, если только можешь. О! съ какой радостью я откажусь отъ всякія скверны въ моей жизни, отъ склонности къ вину и т. д. (кромѣ убѣжденій, что было бы ложь непростительная, просто преступленіе), лишь бы ты мнѣ отдала твою любовь, т.-е. мое блаженство.

Но прощай, Маша; я усталъ... Благословляю тебя. Спи спокойно. Да люби меня, сколько я теперь тебя люблю. Выйдемъ изъ этой борьбы оба очищенные—не такъ ли? Прощай, цѣлую тебя крѣпко-крѣпко. — Завтра беру ванну въ 8 часовъ и ѣду въ Waldstein до вечера. Но еще скажу слова два. Прощай!

Понедѣльникъ, утро.

Bonjour! Что твое здоровье? Я уже напился воды, выкупался и выпилъ кофій. Хотѣлъ ѣхать куда-нибудь—но еще колясокъ нѣтъ. Будутъ послѣ обѣда. Поѣду послѣ обѣда, если будетъ хорошо. Маша, другъ мой—отвѣчай на это письмо,—но, Бога ради, не жестко, не колко — мнѣ и такъ здѣсь тяжело. Pitié, pitié. Впрочемъ, отвѣчай какъ думаешь. Лжи я не хочу.—Теперь запечатаю письмо и почитаю кое-что. Прощай! Жду отъ тебя записки.

Дай же руку и поцѣлуй меня.

Вѣришь ли ты мнѣ? Можешь ли ты любить меня? Прощай!

4.

Вторникъ. Утро.

Вчера получилъ твое письмо, пріѣхавъ довольно поздно изъ Гохберга. Merci! Я былъ радъ этому письму, въ немъ видна любовь, — и вотъ опять надежда на успокоеніе, на примиреніе въ жизни воскресла. Можетъ быть, мы опять будемъ счастливы! Жажда блаженства полнаго, роскошнаго, томитъ меня; настоящее положеніе мнѣ нестерпимо. Я зналъ блаженство съ тобой—неужли же не могу знать его съ тобой еще разъ? Странное дѣло: и ты, и я—мы говоримъ о *своемъ* блаженствѣ. Воля твоя, мы оба глубокіе эгоисты и не болѣе... Однако нѣтъ! Что жажда блаженства, какъ не жажда любви? А жажда любви противопо-

ложна эгоизму, какъ день ночи. Намъ нельзя искать другой любви, какъ другъ къ другу—(если бъ это и случилось, надо стараться изгнать фантазію) — уже потому нельзя, что мы тѣсно связаны воспоминаніемъ и пока—и дай Богъ, чтобъ всегда такъ было—всякая другая любовь для насъ чудовищна. Я говорю о любви въ тѣсномъ смыслѣ, т.-е. о любви мужчины и женщины. Маша—надо же наконецъ понять, что любовь мужчины къ женщинѣ мѣшаетъ только любви къ другой женщинѣ, а не любви къ наукѣ или искусству, не мѣшаетъ дружбѣ. Любовь въ сущности одна и та же, но проявленія ея различны. Любовь къ женщинѣ—одно проявленіе; тутъ индивидуальное влеченіе беретъ верхъ надо всѣмъ; тутъ главную роль играютъ личности; мы любимъ именно такую-то женщину, душа особенно расположена къ ней, настроена на извѣстный ладъ. Любовь къ другой женщинѣ уничтожаетъ любовь къ той женщинѣ; оттого въ этомъ случаѣ любовь исключительна; любовь къ двумъ женщинамъ разомъ невозможна, какъ невозможны двѣ болѣзни одинакихъ, какъ нельзя быть разомъ въ двухъ мѣстахъ. Но что бы ты сказала, еслибъ любовь къ женщинѣ мѣшала, напр., любви къ музыкѣ? Развѣ бы это не было уродливо? Любовь къ музыкѣ можетъ быть безконечно сильна, но она нисколько не мѣшаетъ безконечно сильной любви къ женщинѣ, потому что проявленія любви различны. Можетъ быть, то, что ты этого не хотѣла понять, было причиной многаго темнаго, просто дурного въ нашей жизни. Маша! развѣ любовь должна мѣшать жить? Развѣ она должна играть роль accapareur'a? Мы, раздѣленные пространствомъ, оба пришли къ одной мысли: бросить дурное прошедшее и подумать о настоящемъ примиреніи въ жизни и съ жизнію. Ты жалуешься на мою апатичность: теперь—откровенно говоря—распри производятъ во мнѣ эту апатичность; да, мой эгоизмъ дѣлаетъ то, что я затворяюсь въ мой внутренній міръ и страдаю въ немъ одинъ, и страдаю боязнью, чтобъ внѣшнимъ прикосновеніемъ онъ не разрушился,—и молчу, и молчу, и боюсь говорить. Скажу болѣе: это состояніе, которое невыносимо, можетъ довести меня до паденія, до разврата, до неистовства. Ты думаешь, что я сплю: если я сплю, то я вижу во снѣ что-то черное, страшное, что мнѣ мѣшаетъ дышать. Ты знаешь, какъ трудно переносить кошмаръ. Но средство выйти изъ этого положенія? Для меня одно средство жить—я думаю такъ же, какъ и для тебя,—это жить полно, жить всѣмъ, къ чему есть стремленіе. Маша! неужли мы необходимо должны смотрѣть съ ненавистью на все, что для одного изъ насъ составляетъ полную жизнь? Для меня полная

жизнь: въ любви къ тебѣ, въ любви къ искусству, любви къ наукѣ, къ дружбѣ, къ міру духовному. У! какъ хочется пить блаженство полной чашей. Даже страданія духовныя не страшатъ меня — и въ нихъ есть блаженство. Но страданія отъ обстоятельствъ — ужасны, потому что произведены внѣшней необходимостью, а не свободнымъ выборомъ своего удѣла, потому что они гнутъ, давятъ, морозятъ. Развѣ ты изъ любви ко мнѣ ни къ чему не присоединишься? Ну! да если тебѣ что̀ антипатично, а мнѣ симпатично, — не мѣшай мнѣ симпатизировать — изъ любви ко мнѣ, иначе ты будешь меня гнуть, въ чемъ нисколько нѣтъ любви. А если я изъ любви къ тебѣ откажусь отъ чего-нибудь мнѣ глубоко-симпатичнаго — бойся, Маша — моя любовь исчезнетъ, и я не буду властенъ въ этомъ. Но симпатизировать съ тобой когда хочешь, гдѣ хочешь — я всегда готовъ, всегда безъ всякихъ заднихъ мыслей, съ дѣтской, наивной, горячей привязанностью къ тебѣ. Если тебѣ будетъ весело — я буду радоваться. Если тебя займетъ то, что̀ меня не занимаетъ, я буду радоваться, на тебя глядя. Если ты увидишь мою глупую и грустную фигуру въ праздничномъ обществѣ, не гнушайся мной и не кори меня, и не думай, чтобъ я мѣшалъ тебѣ веселиться; — я буду смотрѣть и любоваться тобой изъ-за угла, никѣмъ не замѣченный; а смѣшонъ я или нѣтъ въ свѣтѣ, что мнѣ до этого за дѣло? Маша! Возьми меня съ моей любовью, говори мнѣ, что̀ я могу сдѣлать для твоего наслажденія — я все буду радъ дѣлать, отъ души приму участіе и въ твоихъ занятіяхъ, и въ твоихъ удовольствіяхъ. Но и ты прими участіе въ моихъ наслажденіяхъ, а если не можешь, не хочешь, то не препятствуй мнѣ жить всею жизнью. Дай мнѣ свободно развиваться въ моей жизни, вслѣдствіе моей натуры. Иначе я замру и выдохнусь и исчезну, какъ цвѣтокъ, пересаженный не на свою землю. Маша! не принимай моихъ словъ за мораль. Анализисъ вкорененъ во всѣхъ насъ — и потому не брани, что я анализирую. Это въ духѣ эпохи, слѣдствіе рефлексіи, самосознанія. Я люблю тебя, Маша, вѣрь мнѣ, — я хочу быть твой, но чтобъ и ты была моею.

Книга Feuerbach'а увлекательна. На многое открываетъ глаза. Я постараюсь тебѣ дать объ ней короткій отчетъ. Но едва ли можно сыскать книгу разрушительнѣе для христіанства. Одно заключеніе для себя я вывожу, что мнѣ жаль, что я не рожденъ во время апостоловъ; я былъ бы чудеснымъ христіаниномъ — ein Gemüthmensch. Опять примусь читать.

Прощай, Маша! Цѣлую тебя, люблю тебя, благословляю тебя. Другъ мой, моя милая — хочешь ли ты въ самомъ дѣлѣ

быть моей Машей? Сколько чудеснаго, святого въ любви! Маша! бросься ко мнѣ на шею. Я какъ-то сегодня спокойнѣе послѣ твоего письма. — Но я совершенно одинъ. Русскіе — не лучше карлсбадскихъ. — Кланяйся Елаг., Галах. Цѣлую Сталиньку. Прощай, Маша! — До завтра.

5.

Вторникъ, вечеромъ.

Два послѣднія твои письма воскрешаютъ во мнѣ бодрость духа. Я упадалъ, я становился золъ отъ внутренней скорби— теперь мнѣ кажется, будто я лучше. Но мы опять приходимъ на то же: всякій чувствуетъ только свое горе. Но, можетъ быть, мы оттого и не чувствуемъ страданія другъ друга, что у каждаго свое слишкомъ сильно. Мы оба слишкомъ упрямы, и если ты жалуешься, что я хочу тебя скроить по своей выкройкѣ, — то я могу сказать то же. Другъ мой! исправимъ ошибку—мы въ любви видѣли страсть жгучую, а страсть стремится подчинить себѣ все; гдѣ страсть, тамъ есть господинъ и рабъ. Но прочь рабство! Любовь должна быть соединеніемъ двухъ свободныхъ существъ для взаимнаго блаженства. Не говори, Маша, чтобъ между нами стояло какое-нибудь привидѣніе, ей Богу—это твоя фантазія. Между нами нѣтъ никого, кромѣ насъ самихъ, т.-е. взаимнаго неудовольствія собственно нашего, безъ всякаго постороняго вліянія. Посторонняго вліянія вовсе нѣтъ—я тебѣ это гарантирую. Повторять или не повторять причину нашего неудовольствія? Представить ли тебѣ оправданіе меня передъ тобой—или бросить это, вычеркнуть изъ нашей жизни недоброе и крѣпко прижаться другъ къ другу? Прежде обнимемся и скажемъ: мы другъ для друга необходимы. Врозь мы оба потеряемся—въ пустотѣ, въ развратѣ, можетъ быть. Вмѣстѣ мы будемъ взаимнымъ пополненіемъ другъ другу къ полной жизни. Чего нѣтъ у одного, дается другому, и жизнь à deux составитъ роскошное единство. Моя пассивная натура ищетъ созерцаній, твоя энергическая натура—дѣятельности. Но человѣкъ исключительно активный и исключительно пассивный равно односторонни. Полный человѣкъ—вмѣстѣ человѣкъ созерцанія и человѣкъ дѣла. Маша! вмѣстѣ мы можемъ быть однимъ полнымъ человѣкомъ. Я принесу мысль и чувство (Gemüth)— ты энергію, и... и... и... не правда ли—мы можемъ быть счастливы? Вѣдь намъ уже и потому надо другъ друга, что всякая односторонность не удовлетворяетъ, а мы порознь односторонни.

Ты хочешь скорѣе развязки, какъ бы она ни была горька,—и я тоже. Но я не хочу, чтобъ она была горька. Маша, да на кого жъ я тебя оставлю? Кто съ любовью привяжется къ твоему существованію—если не я? Я это знаю и тѣмъ горячѣе жажду примиренія.—Не могу не повторить обвиненій: ты думаешь, что я тебя промѣнялъ на другихъ? Полно, Маша!—Ты хотѣла бы, чтобъ я раззнакомился съ людьми, съ которыми у меня есть сильная симпатія,—и тогда ты повѣрила бы моей любви къ тебѣ. Нѣтъ, Маша,—ей Богу—тогда-то и не вѣрь ей; тогда я in facto докажу мою неспособность любить кого бы то ни было, сдѣлавъ уступку противъ моего чувства—только ради спокойствія. Спокойствіе — дѣло великое, но его нельзя покупать цѣною внутренней лжи. Я могу скрыть какой-нибудь фактъ ради взаимнаго спокойствія — но скрыть чувство — слишкомъ гадко. Не обвиняй меня!—еслибъ я дѣлалъ, какъ ты хочешь, я былъ бы недостоинъ тебя. — Мой другъ оскорбилъ тебя, но ты его ненавидѣла прежде и сама оскорбила его; если заглянешь въ себя отчетливо—то это такъ [1]). Мнѣ же не то больно, что ты не любишь именно такого-то человѣка, а то, что ты отвергла мою лучшую дружбу, слѣдовательно отвергла что-то, что въ моемъ существованіи было свѣтлаго, широкаго, глубокаго. Это было мнѣ оскорбительно; это такъ меня поразило, что, можетъ быть, я и не умѣлъ хорошо поступить. Прости мнѣ неумѣніе, Маша, прости ради любви — ей Богу, тутъ нехотѣнія не было, равнодушія не было. Потомъ *вы* спорите обо мнѣ — говорю: *вы* спорите между собой обо мнѣ, потому что это такъ. На это я скажу: берегитесь! вы оба потеряете меня. Я не могу быть кускомъ мяса, которое раздираютъ на-двое. Я просто слишкомъ самолюбивъ, слишкомъ гордъ для этой роли. Я могу любить тогда, когда я свободенъ. Дайте мнѣ волю любить кого хочу—это мое дѣло. А если кто мнѣ сдѣлаетъ предписаніе любить или не любить—я буду упрямъ, я буду жесткъ и золъ, я скорѣе стану ненавидѣть, чѣмъ подчинюсь. Мнѣ нужна воля—тогда мое сердце будетъ тепло, тогда я буду любить, какъ никто васъ любить не можетъ. Маша! прости мнѣ, если я умышленно или неумышленно сдѣлалъ что противъ тебя. Брось распри, дай мнѣ развиваться свободно и садись ко мнѣ на колѣни, прижмись къ моей груди, люби меня, и никто не дастъ тебѣ такой сильной привязанности, такихъ горячихъ поцѣлуевъ, никто лучше не скажетъ тебѣ, что ты для него лучшее въ жизни. Свобода дѣй-

[1]) Рѣчь идетъ, безъ сомнѣнія, о Герценѣ.

ствія и любовь непреходящая—вотъ мой лозунгъ. Вѣрь—съ нимъ мы опять возвратимся къ блаженству и соединимся такъ тѣсно, какъ, можетъ, еще и не бывали. Кажется, я и не морализировалъ. Я стану ненавидѣть самого себя, если и теперь мои слова тебѣ надоѣли. Нѣтъ, Маша, нѣтъ — вѣдь ты любишь меня— вѣдь я тебѣ нуженъ, вѣдь ты моя, моя слеза—твоя, моя любовь— твоя—я весь твой—ты моя подруга—tu es mon amante—et vive l'amour! Мое блаженство, мое блаженство!—отдай мнѣ его, я умру безъ любви къ женщинѣ—а ты моя избранная—на кого жъ я тебя промѣняю?

Боже мой! свѣча сгорѣла—скоро будетъ темно; а мнѣ еще столько хочется говорить, такъ ласково говорить. Во вторникъ я у тебя. Прежде еще твои письма рѣшатъ мою участь — хочешь ли ты терпѣть меня, какъ я есть? Мои стремленія не слишкомъ ли отвратительны для тебя? Твои для меня нисколько; ты мнѣ слишкомъ необходима, чтобъ я не привязался ко всѣмъ твоимъ желаніямъ; но, ради Бога, не разбивай моей внутренней жизни, возьми меня живого и свободнаго—безъ тебя и безъ моего внутренняго міра я замру, а живой трупъ—сама ты знаешь— какъ для тебя несносенъ. Обними же меня и благословимъ другъ друга. Маша! мы нужны другъ другу? Не правда-ли? Да! Да! скажи—да!—Цѣлую тебя! Свѣча гаснетъ—прощай!

Середа.

Проспалъ. Пилъ воду... Потомъ писалъ стихи—очень удачно. Потомъ купался и обѣдалъ, и теперь собираюсь въ Waldsachsen.— Вчера я былъ въ Эгерѣ и видѣлъ развалины. Вліяніе ли Шиллера, или собственно исторіи, но безъ преувеличенія — меня взяло какое-то скорбное чувство и трепетъ въ разрушенномъ замкѣ Валленштейна. Домовая капелла совсѣмъ цѣла. Я думалъ — какъ здѣсь молилась Текла, лучшее созданіе Шиллера. Можетъ быть, настоящая Текла была совсѣмъ не то, но я знаю только Шиллерову, и другой мнѣ не надо. Домъ совсѣмъ развалился, не видно, гдѣ была зала и гдѣ другія комнаты. Тутъ былъ убитъ Валленштейнъ. Еще—полуразвалившаяся башня, которая построена изъ лавы и, вѣрно, служила обсерваторіей герцогу. На развалинахъ я встрѣтился съ богатымъ фабрикантомъ Тауссигъ, который очень добродушенъ; повелъ меня въ ратгаузъ, гдѣ портретъ Валленштейна того времени и картины его убіенія и убіенія его приверженцевъ. Лицо Валленштейна удивительно сильно. Видно властолюбіе и гордость борьбы аристократіи съ самодержавіемъ. Картины уродливы, но говорятъ, что всѣ лица

похожи. Тутъ же мечъ Валленштейна, почти съ меня ростомъ; копье, которымъ поразилъ его Деборро. Потомъ рекомендовалъ мнѣ Тауссигъ взглянуть на коллекцію птицъ коменданта Эгера. Въ самомъ дѣлѣ, замѣчательная коллекція, тебя бы это заняло; роскошь цвѣтовъ въ перьяхъ колибри и райскихъ птицъ всего болѣе меня заняла. Потомъ Тауссигъ привезъ меня домой, гдѣ я нашелъ твое письмо и писалъ къ тебѣ.

Пора ѣхать въ Waldsachsen. Вечеромъ еще ванна. Но на прощанье еще нѣсколько словъ. Не знаю, довольна ли ты будешь моимъ письмомъ; но знаю одно, Маша, что желаніе быть съ тобой, быть твоимъ, любить и быть любимымъ, желаніе блаженства томитъ меня. На колѣняхъ молю тебя, отдай мнѣ мое блаженство. Не будь глуха на мой крикъ, вѣдь это крикъ несноснаго страданія!..

Прощай! Пора. Цѣлую и обнимаю тебя крѣпко, какъ только любить умѣю. Прощай.

6.

Середа. Вечеромъ 11 часовъ.

Я ѣздилъ въ Waldsachsen. Дождикъ шелъ. Видѣлъ церковь. Церковь какъ церковь; образа, статуи и маленькія куклы, т.-е. рѣзьба изъ дерева, сдѣланная пастухомъ въ XVII вѣкѣ, при возобновленіи церкви, разрушенной въ 30-лѣтнюю войну; а построена она въ XI вѣкѣ. Прежде былъ тутъ монастырь, а теперь бумаго-прядильная фабрика.—Пріѣхалъ, нашелъ твое письмо.—Маша! неужели я только дружбу сулилъ тебѣ? Нѣтъ, дружба слишкомъ общее чувство; я сулилъ тебѣ нѣчто гораздо личнѣе—любовь. И теперь сулю, потому что способенъ любить. Нѣтъ! я не разучился любить. Я люблю любовь во всѣхъ ея видахъ и никогда не разучусь—ни любить женщину, ни любить друга, но всегда пойму разницу. Маша! да одна ласка чего стоитъ? (А она невозможна въ дружбѣ.) Боже мой! Какъ ты не хочешь понимать меня! Право грустно! Еще разъ: люди понимаютъ только свои потребности, и нечего винить, когда что̀ другъ въ другѣ остается темно. Видно, эгоизмъ въ насъ главное основаніе, Маша! Но не ты ли даешь мнѣ только чувство дружбы? Грустно! Маша! одно только прошу — если ты когда полюбишь любовью не меня—скажи мнѣ. Я ужъ какъ-нибудь справлюсь съ жизнію; какое дѣло, гадка она будетъ или нѣтъ. Но ужъ тотъ-то отвѣтитъ мнѣ жизнію за твое счастіе. О! я чувствую, что былъ способенъ дать блаженство женщинѣ. Горе тому, кто не дастъ тебѣ

блаженства, я растерзаю его. Нѣтъ! грустно, Маша, — не хочу писать. Можетъ, завтра будетъ лучше. Одно только на прощанье, это стихи Гёте, еще нигдѣ ненапечатанные; я ихъ выписалъ за ужиномъ изъ Лейпцигской газеты. Вслушайся, какъ они глубоко хороши:

(Далѣе слѣдуетъ стих. Гёте: „Das letzte Roth vom Himmel wich", и т. д.).

О, хороша любовь!..

Маша! учить я тебя стану чему хочешь. Передамъ и знанье, и сомнѣнія. Но берегись—сомнѣній больше, чѣмъ знанья. Маша! ужъ и такъ грустно на свѣтѣ—что-жъ безъ любви-то?

Прощай, Маша! Благословенье и поцѣлуй на сонъ грядущій.

Четвергъ. Утро.

Туманное небо и на душѣ туманно. Куда дѣваться съ жизнію? Куда убѣжать отъ страданія? Гдѣ спокойствіе? Гдѣ блаженство? Тамъ! въ томъ мірѣ! Но въ томъ мірѣ хорошо настолько, насколько создала его наша фантазія. Отвращеніе отъ смерти, желаніе жить индивидуально заставили людей выстроить себѣ другой міръ и на него возложить всю надежду. А существуетъ ли тотъ міръ — не знаю. Знаю только, что въ этомъ мірѣ неловко. Знаю, что умъ сомнѣвается, что сердце страдаетъ. Знаю, что отъ сомнѣній ума голова горитъ какъ въ огнѣ; знаю, что отъ страданій сердца льются слезы, и все слезы, и вѣчныя слезы. Ребенкомъ—я вѣрилъ въ Бога и чорта; уповалъ и боялся. Выросъ — разувѣрился въ чортѣ, а вмѣстѣ съ чортомъ, олицетвореніемъ идеи зла—исчезъ и Богъ, олицетвореніе идеи добра; остались два абстракта — зло и добро. А я больше человѣкъ сердца, чѣмъ человѣкъ ума. Мнѣ нуженъ былъ Богъ личный. Съ отчаяніемъ я бросился въ мистицизмъ, но не выдержалъ. Разумъ взялъ свое, мистицизмъ растаялъ, какъ воскъ на свѣчкѣ. И вотъ я остался жертвой разума, страдая горькой истиной; но все же лучше любя страдать истиной, чѣмъ блаженствовать съ ложью. Ребенкомъ я ненавидѣлъ дядьку; — выросъ — любилъ свободу, бросился въ развитіе гражданственности — и видѣлъ угнетеніе и не могъ помочь людямъ. Ребенкомъ — я любилъ мою мертвую мать, — выросъ — любилъ тебя; мнѣ надо было любить женщину. Но мать моя мертва. А гдѣ любовь наша? Судьба не отдаетъ матери, а ты не отдаешь любви! Боже! какъ горько жить на свѣтѣ. Дружба! Да кто жъ изъ насъ не страдаетъ равно всѣми вопросами? Гдѣ утѣшеніе? Маша! гдѣ утѣшеніе? гдѣ вѣра? гдѣ любовь? Я плачу—ты это чувствуешь.

Я молодъ былъ, была весна,
И я любилъ, и птички пѣли,
Долина жизнію полна,
Деревья шумно зеленѣли.

Прошла любовь, прошла весна
И птички замолчали,
Долина снѣгомъ устлана,
Съ деревьевъ мерзлыхъ листья пали.

И самъ ужъ я сѣдой старикъ,
Мнѣ кровь не согрѣваетъ тѣла;
Я головой на грудь поникъ,
И жизнь мнѣ надоѣла...

А въ Гётевской пѣснѣ сколько блаженнаго спокойствія! Хороша любовь, хороша! Но неужели я оттолкнулъ любовь? Вѣдь я едва ли умѣю ненавидѣть.—Нѣтъ! ей Богу, я не отталкивалъ любви. Мой мистицизмъ ушелъ—потому что не хотѣлъ ужиться съ разумомъ. Ты ушла, оттого что пренебрегла мои связи истинныя. Но я не виню тебя и не пеняю. Я не переставалъ любить тебя, и не перестаю, и не перестану. Но мнѣ ужасно горько. Хожу по комнатѣ изъ угла въ уголъ и бьюсь объ углы и не хочется разбиться разомъ; лучше долго биться и умереть избитымъ, покрытымъ синими пятнами. Слабость это или сила? или надежда? Быть можетъ, надежда! Тамъ, впереди, мелькаетъ какой-то свѣтъ—будто придетъ еще весна, будто придутъ роскошныя объятія любви, будто разумъ найдетъ истину, будто душа успокоится въ развитіи человѣчества.—О! скорѣй бы новую весну! Я зябну и вяну. Кто придетъ на помощь? Маша! придешь ли ты на помощь? Говори, говори—рѣши участь. Я хочу любви—говорю тебѣ—или я совсѣмъ замру. Я хочу движенія въ людяхъ, я хочу истины — или я погибну. Боже мой! я хватаюсь за всѣ предметы, отъ которыхъ жду блаженства — и, можетъ быть, напрасно! Тоска—да и только.

Тучи прошли, солнце свѣтитъ. Легче мнѣ или нѣтъ? Ничего не знаю.

7.

Entre midi et 1 heure.

Еще нѣсколько минутъ до ванны, еще успѣю сказать тебѣ нѣсколько словъ. Вѣдь любовь наша не прошла? Не правда ли? Мы можемъ еще любить другъ друга, какъ прежде—или еще лучше, полнѣе, чѣмъ прежде? Въ нашей новой любви можетъ быть больше силы и величія. Такъ ли? Отвѣчай мнѣ! Я изне-

могаю безъ любви. Если ты не способна мнѣ дать ничего болѣе, какъ чувство дружбы—скажи откровенно. Не бойся оскорбить меня. Это необходимо для твоего счастія. Ложное положеніе давитъ. Въ твоемъ отвѣтѣ я увижу, каково должно быть мое поведеніе, образъ жизни,—все, что̀ нужно для твоего спокойствія и счастья. Но скажи откровенно. А если можешь мнѣ дать любовь—о! тогда бросься ко мнѣ на шею!

Прощай! Маша—цѣлую тебя—comme une soeur et comme une amante—отъ тебя зависитъ.—Я могу согнуть себя для перваго, но гордо и сильно дамъ поцѣлуй въ послѣднемъ случаѣ. Прощай!

Елагину жду сегодня—и очень буду ей радъ. Послѣ обѣда пойду стрѣлять въ Эгеръ.

Прощай!

8.

Четвергъ вечеромъ.

Елагина привезла мнѣ твое письмо; почта привезла приписку. Твое письмо длинно и въ немъ сказано много. Долго я не рѣшался отвѣчать, даже хотѣлъ отложить до завтра, но не могу вытерпѣть. Маша! сказать ли правду? Ты, кажется, желаешь, чтобъ я тебѣ сказалъ: я тебя могу любить только какъ друга—можетъ быть, потому, что сама не можешь уже мнѣ дать другого чувства. Пусть такъ! люби меня какъ друга; насильствовать чувства нельзя—

Признайтесь: страшно схоронить
Любовь, которой сердце жило,
И пошло, холодно забыть
И страсть, и грусть, и все, что мило.
Еще страшнѣй сказать себѣ,
Что все проходитъ непремѣнно,
Что въ человѣческой судьбѣ
Такъ надо, такъ обыкновенно... (Я—Гр. С.) [1]).

Но пусть такъ! Боже мой, Маша—душа рвется пополамъ. Но ни слова горечи. Свято сохраню то, что̀ ты на меня возлагаешь. Сыграю роль, какъ отличный актеръ, буду другомъ, какого ты не найдешь еще. И такъ, à bas l'amour ради спокойствія. Боже мой! До чего я дожилъ; лучше бы я не родился. Но это не моя вина, люди родятся не по желанію.

Мнѣ все слышится какая-то музыка, раздирающая душу.

---

[1]) Изъ стих. Огарева „Къ ****“ (къ графинѣ Саліасъ).

Будто отпѣваютъ кого-то. Видно, у меня въ душѣ отпѣваютъ что-то. Вѣчная память!

Но скажи—что̀ ты понимаешь подъ этимъ: отношенія друга? Требую объясненія.

Дружба помогаетъ, соболѣзнуетъ, научаетъ, говоритъ правду, безъ опасенія. Дружба нѣжна до извѣстной степени—а любовь? А роскошныя ночи, гдѣ сладкія слова и сладкіе поцѣлуи? тутъ вся жизнь человѣка! Selige Gewohnheit des Daseyns, und von dir soll ich scheiden!..

Прощай, Маша,—ich kann nicht mehr! Благословляю тебя, другъ мой, цѣлую!...

Пятница. Утро.

Здравствуй, другъ мой!

Давно уже хотѣлъ писать къ тебѣ; но у меня былъ Ройновскій. Въ самомъ дѣлѣ очень хорошій юноша, образованъ и милъ. Я не ошибся. Вчера пріѣздъ Елагиной мнѣ былъ большой отрадой. Я ее очень люблю. Послѣ нея мнѣ стало грустно; одиночество, твое письмо, несбывшіяся надежды, жизнь пропавшая, растраченная даромъ, все это такъ мѣшалось въ головѣ, что я не могъ тебѣ писать.—Человѣкъ привыкаетъ ко всякому состоянію; было время, и жизнь тюрьмы казалась мнѣ очень естественной; привыкну ко всему. Сегодня я тише, я побѣждаю горечь, я хочу быть нѣжнымъ. Заботливо заняться твоею жизнію, дать тебѣ спокойствіе, насколько могу—расширить тебѣ кругъ наслажденій,—вотъ, кажется, будетъ мое дѣло. Роль отца—моя роль. Отца! Вѣдь и въ этомъ словѣ есть что-то глубокое и могучее. Христосъ не могъ себѣ представить Бога иначе, какъ называя отцомъ—что̀ доказываетъ нѣжность и святость этой связи. Но отецъ живетъ своей жизнію, кромѣ того, что живетъ для сына или дочери. Дѣти живутъ своею жизнію, кромѣ того, что живутъ для отца. Bei Allem dem wird es unheimlich.

Все это не то. Я люблю цвѣты пахучіе, а любовь къ женщинѣ—это благоуханіе. Но да будетъ то, чему надо быть. По крайней мѣрѣ, теперь я могу доказать тебѣ, насколько я любилъ тебя, могу сдѣлать тебѣ жизнь сносною, можетъ быть—счастливою. Будь спокойна, моя Маша, и люби меня насколько можешь. Если будешь счастлива и скажешь, что я тебѣ не нуженъ—я удалюсь; если приманишь, я опять брошусь къ тебѣ и обойму тебя какъ существо, которое я все же любилъ больше всего на свѣтѣ, существо, которому я обязанъ лучшими наслажденіями въ жизни, и къ которому я всегда сохраню уваженіе

и глубокую, горячую привязанность—нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Шпрудель тебя безпокоитъ. Ты не пей его ужъ слишкомъ много, чтобъ онъ не надѣлалъ тебѣ вреда. Совѣтую кончать въ понедѣльникъ, чтобъ хотя дня два отдохнуть до дороги. Во вторникъ, entre midi et une heure, я у тебя. Какъ-то ты меня примешь? Куда посадишь? чѣмъ угостишь? Какъ назовешь?

Мнѣ кажется, ты думаешь, что я сочиняю мои письма, т. е. выдумываю. Маша! если я скрытенъ—то все же я не лгунъ. Имѣешь ли ты ко мнѣ хотя уваженіе? дружба безъ уваженія невозможна.

Драма разыгрывалась во мнѣ столько же, сколько въ тебѣ; ты, можетъ быть, не замѣчала этого. Вышла настоящая bürgerliche Drama—мѣщанская трагедія, домашнія бури и миролюбивая развязка. Всѣ изранены, никто не погибъ.

Какъ бы я желалъ тебя найти спокойною и довольною. Спокойнѣе и довольнѣе меня.

Много Богъ далъ Іову и много отнялъ.

Я не расположенъ писать. Какой-то холодъ ко всему внутри. Перо не ходитъ. Дай руку на прощанье и поцѣлуй... но не равнодушно, какъ я тебя цѣловалъ, по крайней мѣрѣ какъ тебѣ казалось.

Maximi:

Что мы чувствуемъ относительно другого, всегда намъ кажется, что и тотъ чувствуетъ относительно насъ.

Но теперь обними съ полнымъ чувствомъ дружбы и впредь ни одного упрека—никогда. Parole d'honneur!

9.

Четвергъ. 11 час. вечера.

Твое письмо—только подтвержденіе письма, присланнаго съ Елагиной и которое ты обдумала als eine abgemachte Sache. Мое письмо къ тебѣ возбудило въ тебѣ немного болѣе нѣжности—или, можетъ быть, жалости... Но я не хочу болѣе тревожить тебя моей печалью—

Но пусть она васъ больше не тревожитъ,
Я не хочу печалить васъ ничѣмъ.

Еще съ трудомъ могу побѣдить въ себѣ жажду любви и нѣжности; но was abgemacht — ist abgemacht. Теперь кончено

обо мнѣ. Нѣтъ! еще нѣсколько словъ: часы, которые ты отнимала у сна—для другого, и въ которые я удалялся, можетъ быть слишкомъ утомленный тѣломъ, — не ставь мнѣ ихъ въ упрекъ. Я и кромѣ того часто удалялся: мнѣ казалось, что вы видите во мнѣ слишкомъ человѣка головы и слишкомъ мало человѣка сердца, а такой человѣкъ только можетъ мѣшать изліянію сердца другихъ. А минуты сердечныхъ изліяній я цѣнилъ и цѣню слишкомъ дорого, чтобъ портить ихъ кому-нибудь, тѣмъ болѣе людямъ, которыхъ я люблю. Прости мнѣ, если это дурно. Не упрекай. Теперь обо мнѣ довольно; поговоримъ о тебѣ. Отнынѣ ты, живя своей жизнью, станешь для меня вѣчной заботой, чтобъ эта жизнь была удачна, а я самъ сотрусь, исчезну—буду въ сторонѣ. Ахъ! Маша—какъ грустно!

Ты хочешь броситься въ область разума; бросить частныя отношенія и отдаться въ руки общему. Одно скажу—берегись: наука слишкомъ трудна; наука слишкомъ строга и спокойна до равнодушія. Тебѣ надо не науку—а дѣятельность и чувство, волю и сердце. Разбери себя хорошенько, и увидишь, что я правъ.—Слова: je renonce à une position dans le monde—я не понимаю. Quel monde? Monde aristocratique? Ты имѣешь для этого и средства, и способности. Не хочешь? другое дѣло. Я, безъ сомнѣнія, на такого рода position смотрю съ ненавистью, потому что ненавижу стоящую, гніющую, китайскую касту съ наружнымъ лоскомъ полуобразованія. Но каждый человѣкъ имѣетъ une position. Живя съ людьми, онъ долженъ же себя поставить въ какія-нибудь отношенія съ ними. Эти-то отношенія и суть une position. Личность сильная займетъ une position вслѣдствіе своей внутренней силы; личность менѣе сильная — вслѣдствіе наружныхъ обстоятельствъ. Главное дѣло — разгадать себя и, дѣйствуя сообразно своей натурѣ, se faire une position. Выбирай: monde aristocratique, politique, scientifique, artistique... Выборъ обозначитъ и кругъ знакомства, и отношенія къ людямъ. Гдѣ я тебѣ могу быть полезенъ—тамъ и буду.

Я былъ въ Вальдштейнѣ. Усталъ ужасно, много ходилъ. Сейчасъ лягу спать. Вечеръ былъ хорошъ и ночь прекрасная. Мнѣ все грезились знакомые пруды, такіе свѣтлые въ лунныя ночи, и въ сердцѣ было столько свѣтлой любви.

Прощай, Маша! Благословляю и цѣлую тебя.

Говорятъ, что сегодня суббота, а не пятница. Какъ же это? Впрочемъ, въ самомъ дѣлѣ суббота. Тѣмъ лучше.

Я былъ у Ройновск. и много говорилъ—и очень имъ доволенъ.

Куча вещей мѣшаются въ моей головѣ. Но ты — главная

моя мысль. Мнѣ кажется, что и тебѣ должно быть такъ же горько, какъ и мнѣ. И какъ возстановить тебя? Какъ сдѣлать твое счастье, которое (насколько вижу) отъ меня не можетъ зависѣть? Не знаю. У меня больше выходовъ. Славолюбіе—также выходъ, хотя далеко не удовлетворяетъ такъ, какъ любовь. Видишь ли разницу, Маша, огромную разницу между человѣкомъ, который живетъ въ блаженствѣ—и человѣкомъ, который ищетъ выхода. Одинъ—der Fisch im Wasser, другой—рыба, прыгающая на сковородѣ. Можетъ спрыгнуть—но куда? Попадетъ ли опять въ воду, или ударится объ земь и опять найдетъ себѣ удушливый, противный элементъ? Падшему ангелу жилище—адъ, но все же жилище. Человѣку, который не любимъ—остается самолюбіе. Не говорю, гадкое самолюбіе, но религіозное, такъ сказать,—обожаніе своей человѣчности. Но женщинѣ—выходъ? гдѣ онъ? Общество не дастъ ей спокойствія;—а дружба—Маша—дружба далеко не замѣняетъ любви. Дружба есть—а въ душѣ жажда чего-то болѣе женственнаго, жажда томящая, губительная для тѣла—и для ума, можетъ быть. Едва ли женщина, если она не нравственный уродъ, можетъ жить однимъ самолюбіемъ. Маша! чего ты захочешь,—не знаю, не понимаю, это меня мучитъ.—И неужели *я* довелъ тебя до этого состоянія? О! будь же я проклятъ.

Фурьеризмъ — сухъ, воля твоя — сухъ, — это главная его ошибка. Онъ основанъ на разсчетѣ труда и выгоды,—онъ не захватитъ въ человѣкѣ стороны сердца, любви, стороны религіозной. Онъ всего менѣе удовлетворитъ женской натурѣ, гдѣ сердце значитъ болѣе ума. Мужчина—туда-сюда; мужчина можетъ иногда удовольствоваться дѣятельностью разсудка.

Куда же ты бросишься?—въ религіозность, въ аскетизмъ—въ абстрактъ?—ты тамъ не выдержишь; твоя личность слишкомъ требуетъ реалитета, чтобъ ужиться съ абстрактами.

Въ философію?—Логика слишкомъ трудна и непреклонна.

Въ политику?—Ты будешь гражданкой по чувству—но никогда ничего не разсудишь въ этой области.

Куда? куда? гдѣ выходъ? Маша, мой бѣдный цвѣтокъ—на какой почвѣ отогрѣть тебя?.. Боже мой—какъ мнѣ грустно! Хочется обнять тебя и долго-долго плакать и глубоко вздохнуть и, можетъ быть, у твоей груди отдышаться еще разъ отъ моего и твоего горя...

Еще два дня—это очень долго—я слишкомъ хочу тебя видѣть. Слишкомъ много сомнѣній и вопросовъ—надо, чтобъ ты

мнѣ разрѣшила. Ужъ не уѣхать ли завтра? — Нѣтъ—такъ и быть—покорюсь судьбѣ.

Во вторникъ—какъ-то мы встрѣтимся? О—что̀ бъ между нами ни было—мы не можемъ встрѣтиться иначе, какъ броситься другъ другу на шею.

До свиданія, Маша.—Цѣлую тебя.

10.

Суббота.

Скоро полночь. Ни малѣйшаго желанія спать. Вечеръ провелъ съ Петерсономъ; но нашъ tête-à-tête былъ безпрестанно нарушенъ; приходилъ Ройновск. Потомъ мы пошли ужинать. Тамъ балъ—тамъ Дитмаръ.

Послѣ ужина гуляли вдвоемъ съ Петерс., а потомъ вдвоемъ съ Дитмаромъ. Въ 1/2 одиннадц. пришелъ домой. Писать не хотѣлось. Какая-то глупость напала. Ничего не могъ дѣлать. Хотѣлъ перевести что-то изъ Lenau—не клеится. Думалъ о томъ, о семъ, и рѣшился писать—такъ, что̀ скажется, когда человѣкъ не можетъ связать двухъ мыслей въ головѣ. Давеча мы говорили съ Ройн. о Фаустѣ, Манфредѣ и „Дзядахъ". Онъ не совсѣмъ понимаетъ Фауста. Вотъ послушай. Манфредъ имѣетъ опредѣленное страданіе,—личное,—это его преступленіе. Въ „Дзядахъ" страданіе человѣка въ обществѣ, страданіе человѣка политическаго. Въ Фаустѣ страданіе человѣка какъ человѣка, страданіе человѣческой натуры самой въ себѣ. Ergo—видишь, насколько концепція Фауста выше, насколько задача имѣетъ въ себѣ больше безконечнаго и непреходящаго. Любовь и преступленіе Манфреда могли быть и не быть. Отчизна героя „Дзядовъ" могла или совсѣмъ уничтожиться, или возродиться, и въ обоихъ случаяхъ чувство политическаго гнета исчезаетъ. Тема Фауста вѣчная, какъ человѣческая натура. Но насколько шире, безконечнѣе и вмѣстѣ неопредѣленнѣе тема, — настолько труднѣе выполненіе. Манфредъ возится съ самимъ собой, его чортъ въ немъ самомъ,—это хорошо. Въ „Дзядахъ" черти и ангелы дерутъ пополамъ этого бѣднаго человѣка; это рѣшительно аллегорическія фигуры, которыя не могутъ нравиться — потому что остаются абстрактами, одѣтыми въ кости и кожу, и имъ очень неловко двигаться. Почти тоже съ Мефистофелемъ. Мефистофель — внутренній, холодный, сухой анализисъ Фауста, вынутый изъ Фауста и поставленный возлѣ него, какъ особенная личность. Но за то эта личность такъ хорошо проведена, что никакъ не усомнишься въ ея дѣй-

ствительности и не примешь ее за ходячій абстрактъ. Однако Фаустъ—(даже и во второй, историко-аллегорической части)—не верхъ современной драмы, именно потому, что Фаустъ, какъ и самъ Гёте—не имѣетъ въ себѣ гражданскаго элемента. Надобно для современной поэмы человѣка, который былъ бы все во всемъ. Страдалецъ міра духовнаго, политическаго и личнаго—вотъ онъ—современный человѣкъ. Куда ему выходъ? Гдѣ примиреніе? Вотъ мы и возвращаемся къ себѣ самимъ, мы, удрученные во всѣхъ трехъ направленіяхъ. Твое письмо, въ которомъ дышитъ *дружба* ко мнѣ, дышитъ желаніе жизни и часто негодованіе,—тронуло меня. Я уже писалъ тебѣ, какъ я мучусь тобою. Ей Богу, зарекаюсь сказать слово горькое. А въ отвѣтъ я тебѣ напишу диссертацію; но напередъ скажу, что я недостоинъ во многихъ случаяхъ похвалъ и уваженія, которыми ты меня осыпаешь. Особенно ужъ chasteté не ищи во мнѣ. Сладострастіе, иногда требующее роскоши и нѣги, иногда совершенно брютальное, подчасъ до такой степени затмеваетъ всѣ мои мысли, что я похожъ на сумасшедшаго и горько смѣюсь надъ самимъ собой. Вотъ ужъ этой натуры не передѣлаешь. Воздержаніе не есть чистота, chasteté; чтобъ было воздержаніе, надо, чтобъ была нечистота, Unkeuschheit. Воздержаніе—отрицательная chasteté. Человѣкъ, который не пьетъ вина, не есть еще человѣкъ, который не любитъ вина, а только воздерживающійся отъ того, чего ему хотѣлось бы.—Добръ ли я—не знаю. Но нѣжность, Gemüthlichkeit, жизнь сердца я признаю въ себѣ. Я люблю любовь.—Однако теперь пойду спать. Цѣлую и благословляю тебя. Я ужасно сухъ сегодня. А диссертація—завтра, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Правда о современномъ человѣкѣ".

Воскресенье.

Моя диссертація остановлена. Петерс. остался за неимѣніемъ коней, и я цѣлое утро провелъ съ нимъ. Я думаю, ты никогда не имѣла такого сухого письма отъ меня—и оно же послѣднее. Но диссертацію я привезу самъ во вторникъ. Прощай, Маша—пора въ ванны. Цѣлую и обнимаю тебя.—Завтра наговорю тебѣ кучу, которую ты прочтешь во вторникъ. Addio, carissima. Спѣшу.

11.

Понедѣльникъ. 6-й часъ вечера.

Я не писалъ сегодня поутру, думая завтра съ зарей пуститься въ путь; но твое письмо останавливаетъ меня. Это очень

скучно, потому что здѣсь мнѣ становится скучно — безъ тебя. Другъ мой Маша, слышишь—безъ тебя. Боже мой, да узнай же наконецъ, что̀ во мнѣ происходитъ. Наши противорѣчія мнѣ больны и оскорбительны, и несмотря на нихъ, все, что̀ было между нами свѣтлаго—par contraste—такъ растетъ въ моей душѣ, что я тебя люблю болѣе и болѣе. Ты пишешь о праздникахъ. Что̀ сказать на это? Каждое наслажденіе праздникъ. Неужли у насъ не будетъ праздниковъ? Быть не можетъ. Когда я думаю о тебѣ и думаю, какъ ты одинока,—прижать тебя къ сердцу—вотъ праздникъ. Да, Маша?—не правда ли? Вотъ тебѣ моя слеза въ доказательство. Завтра поутру я стану писать тебѣ большой отвѣтъ на твое письмо—можетъ, еще сегодня. Но дѣло̀ въ томъ, что черезъ 1/2 часа отходитъ почта—и я не могу ничего путнаго сказать спѣша. На̀ — хотя нѣсколько строкъ, и пусть въ этихъ нѣсколькихъ строкахъ ты ещѐ узнаешь, что я тебя люблю и много, очень много.

Ты лучше должна чувствовать—*въ состояніи* ты ѣхать, или нѣтъ. Не рискуй здоровьемъ. Я могу рисковать, потому что увѣренъ, что леченье *мое* безполезно и что я за минуту радости готовъ жертвовать и здоровьемъ, и всѣмъ, что угодно. Вѣдь подъ старость все жъ буду боленъ. Но ты не рискуй. Твоя болѣзнь можетъ перейти въ сильное страданіе, а физическія боли подлы и нестерпимы.

Вѣрно, Галаховъ самъ пріѣдетъ; въ самомъ-то дѣлѣ, что ему такого нужнаго? Безъ него ни хуже, ни лучше сожнутъ и вспашутъ.

Жду письма или тебя. Мнѣ тебя хочется. Машенька моя милая, берегись—твое тѣло нѣжно и ты неспособна переносить физическую боль. Скоро ли увидимся? Скучно.

Прощай! цѣлую и благословляю тебя. Addio, carissima!

Dein auf Ewig.

12.

Вторникъ.

Читалъ и перечитывалъ твое письмо, и съ которой стороны его ни ворочаю—вездѣ вижу одно: ты страдаешь! Страдаешь отъ меня. Думаешь, что я тебя не понимаю. Это неправда. Объ этомъ я уже писалъ и еще разъ прошу прощенья, что я иногда бывалъ вспыльчивъ и раздражителенъ. Повторяю — это тогда, когда я встрѣчаю въ тебѣ какія-нибудь мнѣнія или чувство не человѣчныя, взятыя прямо изъ условной, эфемерной жизни общества, а не изъ дѣйствительной глубокой человѣческой на-

туры, изъ дѣйствительности ежедневной, а не изъ вѣчной дѣйствительности души. Я сержусь — потому что встрѣтить это въ тебѣ для меня оскорбительно; ты была лучшимъ украшеніемъ въ моей жизни и подчасъ столько же оскорбляешь меня, сколько самое себя, потому что ты одна изъ чистыхъ, прямодушныхъ и любящихъ натуръ.

Ты жаждешь праздниковъ. Спрашиваешь, гдѣ они; говоришь, что философы ихъ покажутъ тамъ и тамъ, и поди ищи. Положимъ, что я—изъ философовъ. Я скажу, что ихъ не надо искать ни тамъ, ни тамъ, и далеко некуда ходить. Если ты будешь ихъ искать во внѣшности — ты никогда не удовлетворишься. Внѣшнія удовольствія, въ которыхъ глаза или уши участвуютъ безъ соучастія души,—неудовлетворительны, такъ же мало удовлетворительны, какъ хорошій обѣдъ и т. п. Придутъ, потѣшатъ, пройдутъ, и слѣдъ простылъ. Ихъ нельзя назвать наслажденіями, — наслажденія даютъ блаженство. Можно жить для наслажденія, а для удовольствія жить—пошло. Удовольствіе основано на какомъ-то физическомъ эгоизмѣ; блюдо устрицъ, трюфели и мало ли еще что—доставляютъ удовольствіе; далѣе, облагораживаясь, этотъ эгоизмъ, захватывающій все только внѣшне,—переходитъ въ тщеславіе: у меня, дескать, карета въ 7.000 фр., у меня фракъ изъ Парижа, у меня лакей въ ливреѣ, я завитъ отлично, я очень хорошо любезничаю—и такъ далѣе. Это—удовольствіе, а едва ли наслажденіе. По-моему, это просто униженіе. Развратъ лучше, въ немъ еще есть жаръ, который надо куда-нибудь растратить.

Имѣть женщину можетъ быть удовольствіемъ, но наслажденіемъ—только любить женщину. Вотъ я невзначай приблизился къ концу. Наслажденіе—только въ любви. Все, что наше *я* доставляетъ себѣ одному, для себя подчиняетъ,—приноситъ удовольствіе. Все, гдѣ наше *я* стремится къ чему-нибудь симпатически — даетъ наслажденіе, блаженство. Тутъ-то и праздникъ. Гдѣ жъ искать праздника, какъ не въ самомъ себѣ, въ своей способности любить, въ своемъ расположеніи къ людямъ? Это очень недалёко. Но теперь: что мы назовемъ расположеніемъ къ людямъ? Неужели можно любить Брянчан., Бухгольца и т. п.? Нѣтъ, Маша! расположеніе къ людямъ требуетъ любви къ человѣческой натурѣ, т.-е. къ хорошей, къ божественной натурѣ въ человѣкѣ; требуетъ религіозности, т.-е. глубокаго уваженія къ разуму, къ любви, словомъ—ко всему, что люди придали Богу, какъ аттрибуты, не находя въ самихъ себѣ ничего высшаго. Съ такимъ расположеніемъ ни одна симпатія, ни одно пожатіе руки,

ни одинъ взглядъ не проскользнутъ и не ускользнутъ; самое мелкое для внѣшняго человѣка будетъ чрезвычайно важнымъ, доставитъ неизмѣримое наслажденіе, полное блаженство человѣку глубоко чувствующему. Конечно, тутъ и страданія чувствительнѣе, но и въ этихъ страданіяхъ—блаженство, потому что страдаешь не за себя.—Ты ошибаешься—я не живу на крестѣ; можетъ быть, я и не довольно безкорыстенъ для этого. Да потомъ, кажется, въ нашемъ вѣкѣ скорѣе стремятся жить полно, т.-е. не одной стороной страданія, но всѣми сторонами человѣческаго бытія, чѣмъ жить на крестѣ. Новаго Мессіи не жди. Одинъ человѣкъ не будетъ Мессіей. Когда надо было дать людямъ сознаніе самихъ себя и внести элементъ внутренней любви въ міръ—тогда могъ быть Мессія. А теперь не угодно ли людямъ обойтись безъ дядьки и изъ сознанія уже развитого и любви уже сознанной создать свой міръ. Вслѣдствіе общественнаго сознанія и любви, политическое положеніе общества должно возбуждать участіе каждаго и быть дѣломъ каждаго. Каждый внесетъ свое. Мысль ли Фурье или другое что осуществится—не знаю; но знаю то, что современный человѣкъ необходимо привязанъ къ соціальному вопросу. Разумное, свободное общество—вотъ задача современная, которая разрѣшится въ будущемъ. Всѣ будутъ работать около этой задачи и только всѣ рѣшатъ ее. Артистъ или мыслитель, каждый будетъ тутъ архитекторомъ или поденщикомъ — все равно. Соціализмъ, который представляетъ разумную волю человѣка, это одна сторона духа; наука, разумъ—другая; искусство, творчество, любовь — третья. Пусть каждый избираетъ одно и работаетъ. Блаженъ, кто заключитъ въ себѣ всѣ три стороны,—его жизнь будетъ самая полная. Но для жизни не нужно быть ни министромъ, ни ученымъ, ни художникомъ; всѣ три стороны духа, и безъ особеннаго званія, могутъ существовать въ человѣкѣ. Человѣкъ дѣятельный будетъ въ своемъ родѣ соціалистъ, хотя бы онъ ни разу не былъ ни префектомъ, ни управляющимъ въ с. Стар.-Акшенѣ [1]); человѣкъ мыслящій всегда будетъ въ своемъ родѣ ученый, хотя бы никогда не былъ ни Гегелемъ, ни М. П. Погодинымъ; человѣкъ любящій всегда будетъ въ своемъ родѣ художникъ, хотя бы онъ не написалъ ни строки, ни штриха. Жизнь можетъ разнообразно развиваться во всѣ три стороны—и вездѣ будетъ наслажденіе и блаженство, лишь бы слѣдовать движеніямъ этихъ высшихъ человѣческихъ потребностей, этой божественной натурѣ въ чело-

[1]) Пензенское имѣніе Огарева.

вѣкѣ, движеніямъ духа, скажу—Святого Духа. Выбирай, что хочешь, и дойдешь до праздниковъ; но толкнуть на выборъ никто не въ состояніи; это только внутренняя потребность. Но горе тому, кто хочетъ подчинить все своему *я* и будетъ искать удовольствія, а не наслажденія. Я имѣю къ этому наклонность, и ты также, и почти всѣ; это—одно изъ удручительно-унижающихъ страданій. Будемъ болѣе человѣчны, и будемъ знать блаженство.

Кажется, я ужъ слишкомъ разболтался — и тебѣ надоѣлъ, и самъ усталъ. Стану ждать твоего письма и увижу, что дѣлать. Въ Дрезденъ бы хотѣлось. Но судьба да рѣшитъ. Нельзя—обойдусь.

Сейчасъ получаю твое письмо. Грустно! Но отвѣчать теперь не хочу—ужъ и такъ три страницы, которыя тебѣ надоѣдятъ до смерти. Préceptes de morale! Я, который ненавижу мораль! Какъ будто сознаніе самого себя—мораль?!

Но надо отвѣчать вотъ на что: какъ это сообразить? Ты пишешь, что шпрудель тебя волнуетъ, что Мейснеръ запрещаетъ ѣхать,—и потомъ я долженъ рѣшить, не зная самъ, хорошо или худо рѣшу? Вѣдь не я, а ты пьешь шпрудель; а какъ мнѣ хочется въ Дрезденъ, и сказать не могу. Какъ это все сдѣлать? Если я завтра отъ тебя обстоятельно не получу отвѣта, можешь ты ѣхать или нѣтъ, то, если да, я беру экстрапостъ въ 6 час. веч., т.-е. по прочтеніи твоего письма, и въ 12 час. ночи у тебя, и мы тотчасъ же ѣдемъ. Если нѣтъ, то я тебя жду.

Прощай! Да благословимъ другъ друга и обнимемся... Поцѣлуй меня! Да, еслибъ я былъ къ тебѣ равнодушенъ, развѣ я говорилъ бы хотя одно слово про какое бы то ни было отношеніе? Если я говорю, то потому, что тебя люблю и страдаю.

Прощай, Маша. Маша—люби меня, хотя за горячую слезу, которую я умѣю пролить. Addio.

Если и завтра твое письмо будетъ сбиваться на ни да, ни нѣтъ, то я все-таки пріѣду, и если хочешь ѣхать, то готовь все къ 12 час. ночи.

Въ началѣ декабря Огаревъ, какъ уже сказано, разстался съ женою въ Неаполѣ и пустился въ обратный путь. Очевидно, въ самый день разлуки онъ написалъ ей нижеслѣдующія строки:

„Пишу и плачу. Сердце надрывается. Маша, Маша! Сколько я тебя оскорблялъ и оскорбляю — это высказать нельзя и мнѣ самому невыносимо. Можетъ быть, мои стихи встревожатъ и измучатъ, можетъ быть—успокоятъ тебя. Не знаю. Но мнѣ нужно

ихъ отдать тебѣ. Боже мой! Я чувствую, что я святъ въ душѣ, а между тѣмъ мучу другихъ и мучусь неимовѣрно.

„Еще разъ: прости и благослови меня. Ты мой чистый ангелъ. Душа моей матери живетъ въ тебѣ, моя страдалица. Благословляю тебя, какъ душу моей матери. Сохрани эти строки. Жизнь скоро меня измучитъ до конца. Это тебѣ мое завѣщаніе".

Стихи, о которыхъ говоритъ здѣсь Огаревъ, сохранились въ копіи, писанной Марьей Львовной, и носятъ помѣтку (ея же рукой): „5 Déc. 1841, Naples, à Marie Ogareff". Вотъ они:

Тебѣ я счастья не давалъ довольно,
Во многомъ я тебя не понималъ,
И мучилъ я тебя, и самъ страдалъ...
Теперь я ѣду, другъ мой! сердцу больно...
И я съ слезой скажу тебѣ—прощай!

Никто тебя такъ не любилъ глубоко...
И я молю тебя: ты вспоминай
Меня, мой другъ, безъ желчи, безъ упрека,
Минутамъ скорбнымъ ты забвенье дай
И помни лишь, что я любилъ глубоко
И съ грустію сказалъ тебѣ—прощай!

Теперь блуждать въ странѣ я стану дальней!..
Мнѣ тяжело. Еще лѣта мои
Такъ молоды; но въ жизни я печальной
Растратилъ много вѣры и любви.
Живу я большей частью одиноко,
Все самъ въ себѣ. Но ты не забывай,
Что я, мой другъ, тебя любилъ глубоко
И съ грустію сказалъ тебѣ—прощай!

ТОЛЕДСКІЙ СОБОРЪ

ПОВѢСТЬ.

Vicente Blasco Ibañez. La Catedral. Novela. 1907.

I.

Начинало свѣтать, когда Габріэль Луна подошелъ къ собору, но на узкихъ улицахъ Толедо была еще ночь. Голубой свѣтъ зари едва пробивался между выступами крышъ и разливался болѣе свободно только на маленькой площади Ayuntamiento. Изъ полумрака вырисовывались при блѣдномъ освѣщеніи зари банальный фасадъ архіепископскаго дворца и двѣ черныя башни городской ратуши—мрачнаго зданія времени Карла Пятаго.

Габріэль долго ходилъ по пустынной маленькой площади, надвинувъ капюшонъ плаща до бровей и не переставая сильно кашлять. Не останавливаясь ни на минуту, чтобы защитить себя ходьбой отъ холода, онъ смотрѣлъ на входъ въ соборъ со стороны площади—на дверь Прощенія. Только съ этого фасада церковь имѣла величественный видъ. Луна вспомнилъ другіе знаменитые соборы, стоящіе на возвышеніи, выдѣляясь среди окружающихъ зданій, открытые со всѣхъ сторонъ, гордо выставляющіе на показъ свою красоту, и сравнивалъ ихъ мысленно съ толедскимъ соборомъ, праматерью испанскихъ церквей, тонущимъ въ потокѣ окружающихъ зданій, которыя такъ застилаютъ его, что его внѣшнія украшенія виднѣются только въ просвѣтахъ сосѣднихъ узкихъ улицъ. Габріэль, хорошо знавшій внутреннюю красоту собора, вспоминалъ обманчивые съ виду дома въ восточныхъ городахъ, жалкіе снаружи, а внутри разукрашенные алебастромъ и филигранной работой. Не напрасно жили въ Толедо

цѣлыми вѣками евреи и мавры. Ихъ нелюбовь къ внѣшней пышности, повидимому, повліяла и на архитектуру собора, утопающаго среди домовъ, которые тѣснятся вокругъ него, стараясь укрыться въ его тѣни.

Маленькая площадь Ayuntamiento была единственнымъ свободнымъ пространствомъ, гдѣ христіанскій храмъ могъ показаться во всемъ своемъ величіи. Тутъ, подъ открытымъ небомъ, возвышались при свѣтѣ зари три стрѣльчатыя арки главнаго фасада и колокольня, огромная, съ выступающими ребрами. Крышу ея образовалъ alcuzòn — украшеніе, похожее на черную тіару съ тремя коронами, расплывающееся въ полумракѣ туманнаго свинцово-сѣраго зимняго утра.

Габріэль съ нѣжностью смотрѣлъ на закрытый тихій храмъ, гдѣ жили его родные и гдѣ онъ провелъ лучшее время своей жизни. Сколько лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ здѣсь въ послѣдній разъ!.. Онъ сталъ съ нетерпѣніемъ ждать, чтобы открылись наконецъ двери собора.

Онъ пріѣхалъ въ Толедо изъ Мадрида наканунѣ вечеромъ. Прежде чѣмъ запереться въ своей маленькой комнаткѣ въ гостинницѣ del Sangre (прежней Mesòn del Sevillano, гдѣ жилъ Сервантесъ), ему непремѣнно хотѣлось взглянуть на соборъ. Онъ проходилъ около часа вокругъ него, слушая лай сторожевой собаки, испуганной шумомъ шаговъ въ тихихъ, мертвыхъ маленькихъ улицахъ. Вернувшись къ себѣ въ гостинницу, онъ не могъ заснуть отъ радости, что вернулся на родину послѣ долгихъ тяжелыхъ лѣтъ скитанія. Было еще темно, когда онъ снова вышелъ изъ гостинницы и направился къ собору, чтобы дождаться открытія дверей.

Чтобы занять время ожиданія, онъ сталъ разглядывать красоты и недостатки фасада, произнося вслухъ свои сужденія, какъ будто хотѣлъ призвать въ свидѣтели каменныя скамьи и чахлыя деревья маленькой площади. Передъ фасадомъ церкви тянулась рѣшетка, верхъ которой украшенъ былъ вазами XVIII вѣка. За рѣшеткой была паперть, выложенная широкими плитами. Тамъ каноники устраивали въ прежнія времена торжественные пріемы, и тамъ выставлялись для забавы толпы въ праздничные дни „Гиганты“ — манекены громадныхъ размѣровъ.

Посреди фасада открывалась дверь Прощенія — огромная, сводчатая, съ множествомъ уходящихъ вглубь и постепенно уменьшающихся стрѣльчатыхъ сводовъ, украшенныхъ фигурами апостоловъ, маленькими ажурными балдахинами и щитами съ изображеніями львовъ и зáмковъ. На колоннѣ, раздѣляющей двѣ

половинки двери, представленъ былъ Христосъ, стоя, въ царской мантіи и коронѣ, изможденный, худой, съ тѣмъ болѣзненнымъ и грустнымъ выраженіемъ лица, которое средневѣковые художники придавали своимъ фигурамъ, чтобы изобразить божественную святость. На тимпанѣ фронтона былъ барельефъ, изображавшій Мадонну, окруженную ангелами и надѣвающую ризу на святого Идлефонса. Эта благочестивая легенда изображена была въ разныхъ мѣстахъ собора, точно церковь ею больше всего гордилась. По одну сторону главнаго входа находилась дверь, ведущая на колокольню, а по другую—„дверь нотаріусовъ". Черезъ нее въ прежнія времена входили торжественнымъ шествіемъ нотаріусы, вступавшіе въ должность, для произнесенія клятвы свято выполнять свои обязанности. Обѣ двери украшены были каменными статуями и множествомъ фигуръ и эмблемъ, тянущихся между арками до самаго верха.

Надъ этими тремя дверями пышнаго готическаго стиля возвышался второй корпусъ въ греко-римскомъ стилѣ и почти современной работы,—онъ казался Габріэлю Луна рѣзкимъ диссонансомъ, такимъ же непріятнымъ, какъ нестройные трубные звуки среди симфоніи. Христосъ и двѣнадцать апостоловъ представлены были въ натуральную величину, сидящими за трапезой, каждый отдѣльно въ своей нишѣ надъ порталомъ главнаго входа, между двумя контрофорсами, похожими на башни и раздѣлявшими фасадъ на три части. Нѣсколько дальше тянулись полукругомъ арки двухъ галерей во вкусѣ итальянскихъ дворцовъ; Габріэль вспомнилъ, какъ часто онъ перегибался черезъ ихъ перила въ дѣтствѣ, когда приходилъ играть къ звонарю.

„Богатство церкви, — подумалъ Луна, — принесло вредъ искусству. Въ бѣдномъ храмѣ сохранилось бы единство первоначальнаго фасада. Но когда у толедскаго архіепископа было одиннадцать милліоновъ годового дохода, и у капитула—столько же, то они не знали, куда дѣвать деньги, и предпринимали архитектурныя работы, затѣвали перестройки, и падающее искусство создавало такія уродливыя произведенія, какъ эта Тайная Вечеря".

Надъ вторымъ корпусомъ возвышался третій: двѣ большія арки, пропускавшія свѣтъ въ большую розетку главнаго нэфа; а на самомъ верху шла каменная балюстрада, извивавшаяся вдоль всѣхъ изгибовъ фасада, между двумя выступающими громадами—колокольней и мозарабской часовнею.

Габріэль прервалъ свой осмотръ, замѣтивъ, что онъ уже не одинъ на площади передъ соборомъ. Было уже совсѣмъ свѣтло. Нѣсколько женщинъ прошли мимо церкви, почти касаясь рѣ-

шетки; онѣ шли, опустивъ голову, прикрывъ глаза мантильей. По звонкимъ плитамъ тротуара застучали костыли проходившаго калѣки-нищаго. Нѣсколько дальше, за колокольней, подъ большой аркой, соединяющей дворецъ архіепископа съ соборомъ, собрались нищіе, чтобы занять мѣста у входа въ монастырь. Богомольцы и нищіе знали другъ друга. Каждое утро они приходили первые въ соборъ и ежедневныя встрѣчи установили между ними братскія отношенія. Покашливая, они жаловались другъ другу на утренній холодъ и на звонаря, медлившаго открыть двери.

Наконецъ, за аркой архіепископскаго дворца открылась дверь,—это была дверь лѣстницы, ведущей на колокольню и въ квартиры церковныхъ служащихъ. Оттуда вышелъ человѣкъ и перешелъ черезъ улицу, держа въ рукахъ огромную связку ключей. Окруженный ранними посѣтителями храма, онъ сталъ открывать стрѣльчатую дверь, ведущую въ нижній монастырь, узкую какъ бойница. Габріэль узналъ его: это былъ звонарь Маріано. Чтобы не показаться ему на глаза, онъ не двинулся съ мѣста, предоставляя остальнымъ толпиться у двери, чтобы скорѣе проникнуть въ монастырь, въ страхѣ, какъ бы у нихъ не отняли мѣсто.

Спустя нѣсколько времени, онъ рѣшился, наконецъ, послѣдовать за ними и спустился внизъ по семи ступенямъ. Соборъ, построенный въ углубленіи почвы, былъ ниже сосѣднихъ улицъ.

Внутри монастыря ничто не измѣнилось. Вдоль стѣнъ тянулись большія фрески Байе и Маельи, изображавшія подвиги и славу святого Евлогія, его проповѣди въ странѣ мавровъ и жестокія пытки, которымъ его подвергали язычники; послѣднихъ легко было узнать на картинахъ по высокимъ тюрбанамъ и огромнымъ усамъ. Во внутренней части двери del Mollete изображена была варварская пытка младенца Гвардія—легенда, порожденная одновременно въ разныхъ католическихъ городахъ яростнымъ антисемитизмомъ: картина изображала закланіе христіанскаго младенца страшными съ виду евреями, которые похищаютъ его изъ дому и распинаютъ, чтобы вырвать у него сердце и выпить его кровь.

Сырость стерла и уничтожила въ значительной степени эту фантастическую картину, но Габріэль все-таки могъ еще различить ужасное лицо еврея, стоящаго у подножья креста, и свирѣпый жестъ другого, который, держа ножъ во рту, наклоняется, чтобы передать ему сердце маленькаго мученика,—театральныя фигуры, которыя не разъ тревожили его дѣтскіе сны.

БИБЛИОТЕКА ДОМА ... ПЕТРА АЛЕКСЕЯ

Въ саду, расположенномъ между четырьмя стѣнами монастыря, росли среди зимы высокіе лавры и кипарисы, и вѣтви ихъ пробивались сквозь рѣшетки, замыкающія пять аркадъ съ каждой стороны до высоты капителей. Габріэль долго глядѣлъ на садъ, расположенный настолько выше монастыря, что голова Габріэля была на уровень съ землей, которую нѣкогда обрабатывалъ его отецъ. Наконецъ-то онъ снова видитъ этотъ уголокъ земли, этотъ „patio", превращенный въ фруктовый садъ канониками прежнихъ вѣковъ. Онъ вспоминалъ о немъ не разъ, гуляя по Булонскому-Лѣсу или по Гайдъ-Парку въ Лондонѣ. Садъ толедскаго собора казался ему самымъ прекраснымъ въ мірѣ, потому что это былъ первый садъ, который онъ видѣлъ въ жизни.

Нищіе, сидѣвшіе на ступенькахъ лѣстницы, стали съ любопытствомъ слѣдить за нимъ глазами, не рѣшаясь протянуть ему руку за милостыней. Они не могли понять, кто этотъ незнакомецъ, явившійся на зарѣ въ потертомъ плащѣ, смятой шляпѣ и стоптанныхъ башмакахъ—туристъ ли, или такой же нищій, какъ они, который хочетъ занять мѣсто, чтобы просить подаянія.

Чтобы избавиться отъ ихъ назойливаго любопытства, Габріэль прошелъ дальше и дошелъ до двухъ дверей, соединяющихъ монастырь съ церковью. Одна изъ нихъ, дверь Введенія, вся изъ бѣлаго камня, отдѣланная тончайшей рѣзьбой, сверкала, какъ драгоцѣнная игрушка ювелирной работы. Немного дальше за дверью находилась клѣтка лѣстницы, по которой архіепископы спускались изъ своего дворца въ церковь. Стѣны лѣстницы украшены были готическими узорами и большими щитами, а внизу, почти касаясь земли, находился знаменитый „свѣтовой камень"—тонкая полоса мрамора, прозрачная какъ стекло, освѣщающая лѣстницу и составляющая главный предметъ восхищенія крестьянъ, осматривающихъ соборъ. Затѣмъ шла дверь святой Каталины, черная и раззолоченная, украшенная разноцвѣтными листьями и изображеніями замковъ и львовъ и двумя статуями пророковъ.

Габріэль отошелъ на нѣсколько шаговъ, увидавъ, что дверь отворяется изнутри. Ее открывалъ звонарь, дѣлавшій обходъ церкви и открывавшій всѣ входы. Изъ двери выскочила прежде всего собака, вытянувъ шею и громко лая, очевидно отъ голода. Затѣмъ вышли два человѣка въ темныхъ плащахъ, съ надвинутыми на глаза шляпами. Звонарь придержалъ половинку двери, чтобы дать имъ пройти.

— До свиданія, Маріано! —сказалъ одинъ изъ нихъ, прощаясь съ звонаремъ.

— Прощайте, спите спокойно.

Габріэль узналъ ночныхъ сторожей собора. Запертые въ церкви съ вечера наканунѣ, они отправлялись теперь домой спать. А собака побѣжала въ семинарію, гдѣ для нея припасены объѣдки отъ обѣда семинаристовъ. Тамъ она оставалась всегда до тѣхъ поръ, пока сторожа не приходили за нею, чтобы снова запереть ее на ночь въ церковь.

Луна спустился по ступенькамъ и вошелъ въ соборъ. Едва онъ ступилъ на плиты храма, какъ почувствовалъ на лицѣ ласку свѣжаго и густого воздуха подземелья. Въ церкви было еще совершенно темно. Наверху сотни цвѣтныхъ стеколъ, освѣщавшихъ пять кораблей собора, загорались утреннимъ свѣтомъ. Они казались волшебными цвѣтами, раскрывающимися навстрѣчу лучамъ дня. Внизу, между огромными колоннами, образующими каменный лѣсъ, царилъ мракъ, разрываемый въ разныхъ мѣстахъ краснымъ пламенемъ лампадъ, зажженныхъ въ часовняхъ. Летучія мыши носились промежъ скрещивающихся колоннъ, какъ бы стараясь продлить свое царство въ храмѣ, пока не скользнутъ въ окна первые лучи солнца. Онѣ пролетали надъ головами людей, склоненныхъ у алтарей и молившихся вслухъ, радуясь, что въ этотъ часъ они могутъ чувствовать себя въ храмѣ какъ дома. Другіе разговаривали съ церковными служащими, которые входили во всѣ двери, сонные, зѣвая, какъ рабочіе, отправляющіеся въ мастерскія. Въ темнотѣ мелькали черныя пятна длинныхъ рясъ, направлявшихся къ ризницѣ; онѣ останавливались передъ каждымъ алтаремъ для долгаго колѣнопреклоненія. Вдали двигался невидимый въ темнотѣ звонарь,—объ его присутствіи можно было догадаться по звону ключей и по скрипу открываемыхъ дверей.

Храмъ просыпался. Громко хлопали двери, и шумъ отзывался во всѣхъ углахъ. Въ ризницѣ натирали полъ съ шумомъ, напоминавшимъ скрипъ огромной пилы. Служки счищали пыль съ знаменитыхъ креселъ хора, и шумъ разносился по всей церкви. Соборъ точно просыпался отъ сна, потягивался и стоналъ отъ каждаго прикосновенія.

Звуки шаговъ будили оглушительное эхо — точно они сотрясали всѣ могилы королей, архіепископовъ и воиновъ, погребенныхъ подъ плитами.

Въ церкви было еще холоднѣе, чѣмъ снаружи. Къ низкой температурѣ присоединялась сырость почвы, прорѣзанной дренажными трубами, и просачиваніе подпочвенныхъ стоячихъ водъ, которыя заливали плиты и служили постояннымъ источникомъ

простуды канониковъ, составляющихъ хоръ, — „укорачивали ихъ жизнь", какъ они говорили жалобнымъ голосомъ.

Утренній свѣтъ сталъ разливаться во всемъ соборѣ. Изъ разсѣявшагося мрака выступала бѣлизна толедскаго собора, блескъ его камня, дѣлающій его самымъ прекраснымъ и веселымъ изъ всѣхъ храмовъ. Выступали во всей своей красотѣ и стройности восемьдесятъ-восемь пилястръ, мощныхъ пучковъ колоннъ, смѣло поднимающихся вверхъ, бѣлыхъ какъ затвердѣвшій снѣгъ, скрещивающихъ и сплетающихъ свои вѣтви, чтобы поддерживать своды. А наверху открывались окна со своими цвѣтными стеклами, похожія на волшебные сады, въ которыхъ распускаются свѣтящіеся цвѣты.

Габріэль сѣлъ на подножіе одной пилястры, между двумя колоннами, но долженъ былъ подняться черезъ нѣсколько минутъ. Сырость камня, могильный холодъ, наполнявшій всю церковь, пронизывалъ его до костей. Онъ сталъ ходить по церкви, привлекая вниманіе молящихся, которые прерывали молитвы, чтобы глядѣть на него. Незнакомецъ, пришедшій въ храмъ въ часы, принадлежавшіе завсегдатаямъ собора, возбуждалъ общее любопытство. Звонарь проходилъ нѣсколько разъ мимо него и каждый разъ оглядывалъ его съ нѣкоторымъ безпокойствомъ,—этотъ незнакомецъ, имѣвшій видъ бродяги, не внушалъ ему большого довѣрія, особенно въ такой ранній часъ, когда трудно услѣдить за сокровищами часовенъ.

Около главнаго престола Габріэль встрѣтилъ еще одного человѣка. Его онъ зналъ. Это былъ Эвзебій, ключарь часовни Святилища. Его звали „Голубымъ", потому что онъ носилъ во время церковныхъ празднествъ голубую одежду. Прошло шесть лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Габріэль видѣлъ его въ послѣдній разъ, но онъ не забылъ его жирную фигуру, прыщеватое лицо, низкій морщинистый лобъ, окаймленный взъерошенными волосами, и бычачью шею, превращавшую его дыханіе въ пыхтѣніе. Всѣ служащіе, жившіе въ верхнемъ монастырѣ, завидовали ему, такъ какъ его должность была очень доходная и онъ пользовался благосклонностью архіепископа и канониковъ.

„Голубой" считалъ соборъ какъ бы своей собственностью и почти готовъ былъ выгнать изъ храма всѣхъ, кто ему не нравился. Увидавъ прогуливающагося по церкви бродягу, онъ устремилъ на него дерзкій взглядъ и нахмурилъ брови:—Гдѣ это онъ видѣлъ этого молодца?—Габріэль замѣтилъ, что онъ напрягаетъ память, и, чтобы отдѣлаться отъ его пытливаго взгляда, повер-

нулся къ нему спиной, дѣлая видъ, что разсматриваетъ образъ, прислоненный къ одной пилястрѣ.

Спасаясь отъ любопытства, которое вызывало его присутствіе въ храмѣ, онъ перешелъ въ монастырь, гдѣ чувствовалъ себя свободнѣе, такъ какъ никто не обращалъ на него вниманія. Нищіе разговаривали между собою, сидя на ступенькахъ двери del Mollete. Между ихъ рядами проходили священники, закутанные въ плащи и направлявшіеся въ церковь черезъ дверь Введенія. Нищіе здоровались съ ними, называя ихъ по именамъ, но не протягивая имъ руку за подаяніемъ. Они ихъ знали; это были свои люди, а къ своимъ не обращаются за милостыней. Они пришли сюда для чужихъ, и терпѣливо ждали часа „англичанъ", — увѣренные, что всѣ туристы, пріѣзжающіе съ утреннимъ поѣздомъ изъ Мадрида, непремѣнно англичане.

Габріэль сталъ подлѣ двери, зная, что черезъ нее входятъ жители верхняго монастыря. Они проходятъ черезъ арку архіепископскаго дворца, спускаются по лѣстницѣ на улицу и входятъ въ соборъ черезъ дверь del Mollete. Луна, который хорошо зналъ исторію собора, вспомнилъ о происхожденіи этого названія. Вначалѣ она называлась дверью Правосудія, потому что тамъ главный папскій викарій давалъ аудіенціи. Потомъ ей дали названіе del Mollete, потому что каждый день, послѣ главной мессы, священникъ со своими аколитами приходилъ туда благословлять полуфунтовые хлѣбы — molletes, — которые раздавались бѣднымъ. Шестьсотъ фанегъ [1]) хлѣба, насколько помнилъ Луна, раздавались ежегодно бѣднымъ, — но это было тогда, когда соборъ имѣлъ болѣе одиннадцати милліоновъ ежегоднаго дохода.

Габріэля стѣсняли пытливые взгляды церковныхъ служителей и молящихся, входящихъ въ церковь. Все это были люди, привыкшіе ежедневно встрѣчать другъ друга въ одни и тѣ же часы, и появленіе новаго лица возбуждало ихъ любопытство, нарушая однообразіе ихъ существованія.

Онъ отошелъ вглубь, но нѣсколько словъ, сказанныхъ нищими, заставили его повернуть назадъ.

— Вотъ идетъ „Деревянный шестъ" [2])!

— Здравствуйте, синьоръ Эстабанъ!

Маленькаго роста человѣкъ, въ черной одеждѣ, бритый, какъ священникъ, спускался внизъ по лѣстницѣ.

---

[1]) Фанега—около 55 литровъ.

[2]) Деревянный шестъ (vara de palo)—знакъ отличія церковнаго служителя, обязанность котораго заключается въ томъ, чтобы слѣдить за тишиной въ храмѣ во время службъ. Отсюда и прозвище, присвоенное исполняющему эту обязанность.

— Эстабанъ!.. Эстабанъ!..—тихо произнесъ Луна, становясь между нимъ и дверью.

„Деревянный шестъ“ посмотрѣлъ на него свѣтлыми какъ янтарь глазами — равнодушными, какъ у человѣка, привыкшаго проводить долгіе часы въ соборѣ, не давая строптивому разуму нарушать свое блаженное спокойствіе. Онъ долго колебался, точно не могъ повѣрить отдаленному сходству этого блѣднаго, изможденнаго лица съ другимъ, сохранившимся въ его памяти. Наконецъ, онъ все-таки призналъ незнакомца, съ выраженіемъ изумленія и грусти на лицѣ.

— Габріэль... братъ мой! Неужели это ты?

Его суровое лицо стараго служителя церкви, какъ бы уподобившагося неподвижнымъ колоннамъ храма, оживилось нѣжной улыбкой.

Крѣпко пожавъ другъ другу руки, они направились вмѣстѣ въ соборъ.

— Когда ты пріѣхалъ?.. Откуда?.. Какъ ты жилъ это время?.. Зачѣмъ пріѣхалъ сюда?

„Деревянный шестъ“ выражалъ свое изумленіе вопросами, не давая брату времени отвѣчать.

Габріэль разсказалъ, что пріѣхалъ наканунѣ, и что пришелъ къ собору до разсвѣта, въ ожиданіи минуты свиданія съ братомъ.

— Теперь я изъ Мадрида,—сказалъ онъ,—но до того былъ во многихъ мѣстахъ, въ Англіи, во Франціи, въ Бельгіи и въ другихъ странахъ. Я кочевалъ изъ страны въ страну, въ постоянной борьбѣ съ голодомъ и съ жестокостью людей. Нищета и полиція слѣдуютъ за мной по пятамъ. Когда я хочу остановиться гдѣ-нибудь, измученный этой жизнью, этимъ существованіемъ вѣчнаго жида, страхъ передъ судомъ заставляетъ меня снова пуститься въ путь... Такой, какимъ ты меня видишь, Эстабанъ, больной, съ преждевременно разрушеннымъ здоровьемъ, увѣренный въ близости смерти, я, оказывается, очень опасный человѣкъ. Вчера въ Мадридѣ мнѣ угрожали тюрьмой, если я останусь дольше, и мнѣ пришлось сейчасъ же сѣсть въ поѣздъ и уѣхать. Но куда? Свѣтъ великъ,—однако для меня и для подобныхъ мнѣ онъ такъ съуживается, что не остается ни одной пяди земли, на которую можно было бы спокойно ступить. Во всемъ мірѣ у меня остались только ты и этотъ тихій уголокъ земли, гдѣ ты живешь спокойной, счастливой жизнью. Я пріѣхалъ къ тебѣ; если ты меня прогонишь, у меня не будетъ куда пойти умереть, кромѣ какъ въ тюрьму или въ больницу, — если меня тамъ примутъ, узнавъ, кто я.

Утомленный произнесенными имъ словами, Габріэль сталъ мучительно кашлять, тяжело хрипя, точно воздухъ проходилъ черезъ каверны въ его груди. Онъ говорилъ съ пламеннымъ воодушевленіемъ, сильно жестикулируя, какъ человѣкъ, привыкшій говорить передъ толпой и обуреваемый жаждой прозелитизма...

— Ахъ, бѣдный мой братъ!—сказалъ Эстабанъ съ выраженіемъ дружескаго упрека въ голосѣ: — какую пользу принесло тебѣ чтеніе газетъ и книгъ? Зачѣмъ стремиться исправлять то, что̀ и такъ хорошо, или даже то, что̀ дурно, если зло непоправимо! Еслибы ты спокойно шелъ своимъ путемъ, ты бы теперь имѣлъ мѣсто при соборѣ и—какъ знать?—можетъ быть, сидѣлъ бы въ хорѣ среди каноников, на гордость своей семьѣ и служа ей опорой. Но ты всегда былъ сумасбродомъ... хотя по способностямъ стоялъ выше насъ всѣхъ. Не принесъ тебѣ добра твой умъ!.. Какъ я страдалъ, когда узналъ, что̀ съ тобой произошло! Я думалъ, что тебѣ отлично живется въ Барцелонѣ, гдѣ ты зарабатывалъ, какъ корректоръ, цѣлое состояніе, сравнительно съ тѣмъ, что̀ мы получаемъ здѣсь. Непріятно мнѣ было только, что твое имя часто встрѣчалось въ газетахъ, въ отчетахъ о разныхъ „митингахъ", на которыхъ требуютъ, чтобы все дѣлилось поровну, и проповѣдуютъ уничтоженіе семьи, церкви и всякія нелѣпости въ этомъ родѣ. „Товарищъ Луна сказалъ то-то", „товарищъ Луна сдѣлалъ то-то"... Я скрывалъ отъ всѣхъ здѣшнихъ, что этотъ „товарищъ Луна"—ты. Я зналъ, что это безуміе къ добру не приведетъ. А потомъ исторія съ бомбами...

— Я былъ непричастенъ къ ней, — грустно возразилъ Габріэль.—Я теоретикъ, и считаю всякое прямое насиліе преждевременнымъ и пагубнымъ.

— Я въ этомъ не сомнѣвался, Габріэль. Я зналъ, что ты невиновенъ. Ты былъ такой добрый, такой кроткій въ дѣтствѣ. Мы всегда изумлялись твоей добротѣ. Покойная мать все говорила, что ты будешь святымъ. И чтобы ты сдѣлался убійцей, убивалъ такимъ предательскимъ образомъ... съ помощью этихъ адскихъ орудій... Господи Іисусе!

Эстабанъ замолчалъ, потрясенный однимъ воспоминаніемъ о преступленіяхъ, въ которыхъ обвиняли его брата.

— Но, все-таки,—продолжалъ онъ, помолчавъ, — ты былъ схваченъ во время арестовъ, произведенныхъ послѣ взрыва. Сколько я тогда выстрадалъ! Отъ времени до времени производились разстрѣлы въ крѣпостномъ рву, и я съ ужасомъ читалъ въ газетахъ имена казненныхъ, все ожидая встрѣтить твое имя среди нихъ. Ходили слухи о томъ, что заключенныхъ пытали,

чтобы вынудить у нихъ признанія, и я думалъ о тебѣ, о твоемъ слабомъ здоровьи. Я былъ увѣренъ, что не сегодня-завтра тебя найдутъ мертвымъ въ твоей кельѣ. И мнѣ было еще вдвое тяжелѣе, потому что приходилось скрывать все, что я знаю о тебѣ... Луна, сынъ сеньора Эстабана, стараго соборнаго садовника, съ которымъ разговаривали запросто каноники и даже архіепископы — сообщникъ злодѣевъ, которые хотятъ истребить міръ! Какой позоръ! И поэтому, когда Голубой и другіе здѣшніе сплетники спрашивали меня, не ты ли этотъ Луна, о которомъ такъ много говорятъ въ газетахъ, я отвѣчалъ имъ, что мой братъ въ Америкѣ и рѣдко мнѣ пишетъ, потому что очень занятъ дѣлами. Ты можешь себѣ представить мою муку! Ждать, что каждую минуту тебя могутъ казнить—и даже не имѣть возможности отвести душу, говоря о своемъ горѣ съ близкимъ человѣкомъ... Мнѣ оставалась только молитва. Живя въ храмѣ и привыкши ежедневно общаться съ Господомъ и его святыми, начинаешь охладѣвать къ религіи... Но горе оживляетъ вѣру, и я обратился къ всемогущей заступницѣ нашей, Мадоннѣ Святилища, моля ее, чтобы она вспомнила тебя, который ребенкомъ преклонялъ передъ нею колѣни въ ея часовнѣ, когда собирался вступить въ семинарію.

Габріэль снисходительно улыбнулся наивности брата.

— Не смѣйся, — сказалъ Эстабанъ, — ты огорчаешь меня своимъ смѣхомъ. Повѣрь, только заступничество Мадонны спасло тебя. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ я узналъ, что тебя и другихъ выслали, строго запретивъ когда-либо возвращаться въ Испанію. Съ тѣхъ поръ я не имѣлъ ни одного письма, ни одного извѣстія о тебѣ. Я думалъ, что ты умеръ на чужбинѣ, и много разъ молился за твою бѣдную душу, которая очень нуждается въ молитвахъ.

„Товарищъ Луна“ ласково посмотрѣлъ на брата.

— Благодарю тебя за твою любовь, Эстабанъ, — сказалъ онъ.—Я преклоняюсь передъ твоей вѣрой,—но не думай, что я спасся цѣлъ и невредимъ отъ опасности. Лучше бы ужъ все кончилось сразу. Лучше обрѣсти ореолъ мученичества, чѣмъ попасть въ тюрьму сильнымъ и здоровымъ человѣкомъ и выйти изъ нея развалиной. Я очень боленъ, Эстабанъ, и скоро умру. Мой желудокъ отказывается служить, легкія разрушены и весь мой организмъ—испорченная машина, которая едва дѣйствуетъ, потому что всѣ ея части разваливаются. Ужъ если Мадонна, внявъ твоимъ мольбамъ, хотѣла спасти меня, ей слѣдовало повліять на моихъ сторожей и смягчить ихъ жестокость. Они, бѣдные, ду-

мали, что спасаютъ міръ, давая волю своимъ звѣринымъ инстинктамъ, спящимъ въ каждомъ человѣкѣ, какъ наслѣдіе минувшихъ временъ... Да и потомъ, на свободѣ, жизнь моя была хуже смерти. Нищета и травля полиціи заставили меня вернуться въ Испанію, и существованіе мое превратилось въ адскую муку. Я не могъ поселиться нигдѣ среди людей,—они преслѣдовали меня, какъ свора собакъ, выгоняя меня прочь изъ своихъ городовъ, въ горы, въ пустыни, туда, гдѣ нѣтъ ни одного человѣческаго существа. Они считали меня опаснымъ человѣкомъ, болѣе опаснымъ, чѣмъ тѣ отчаянные фанатики, которые бросаютъ бомбы, потому что я говорю, потому что во мнѣ живетъ несокрушимая сила, которая заставляетъ меня проповѣдывать истину, какъ только я вижу вокругъ себя несчастныхъ. Но все это кончено. Можешь успокоиться, милый братъ. Я теперь мертвый человѣкъ. Моя миссія кончена. Но вслѣдъ за мной придутъ другіе—много другихъ. Борозда вспахана, и сѣмя проникло глубоко въ землю... Я скоро умру и считаю себя вправѣ отдохнуть нѣсколько недѣль передъ смертью. Я хочу въ первый разъ въ жизни насладиться тишиной, спокойствіемъ — жить такъ, чтобы никто не зналъ, кто я, не внушать никому ни добрыхъ, ни злыхъ чувствъ. Мнѣ хотѣлось бы быть статуей на этомъ порталѣ, колонной въ соборѣ, бездушнымъ предметомъ, надъ которымъ проходитъ время, радости и печали, не вызывая ни волненія, ни содроганія. Предвосхитить смерть, быть трупомъ, дышать и ѣсть, но не думать, не радоваться, не страдать—вотъ что̀ было̀ бы для меня счастьемъ, Эстабанъ. Мнѣ некуда идти. Стоитъ мнѣ выйти за эту дверь, чтобы меня опять стали гнать и преслѣдовать. Оставишь ты меня здѣсь?

Эстабанъ, вмѣсто отвѣта, нѣжно подтолкнулъ впередъ брата.

— Идемъ наверхъ, безумецъ,—сказалъ онъ.—Ты не умрешь. Я поставлю тебя на ноги. Тебѣ нужно спокойствіе и заботливый уходъ. Соборъ вылечитъ тебя. Здѣсь ты забудешь о своихъ бредняхъ, перестанешь быть донъ-Кихотомъ. Помнишь, какъ ты намъ читалъ его приключенія по вечерамъ въ дѣтствѣ? Теперь ты самъ сталъ похожъ на него. Что̀ тебѣ за дѣло, хорошо или скверно устроенъ свѣтъ! Онъ всегда будетъ такимъ, какимъ мы его знаемъ. Важно только одно — жить по-христіански, чтобы заслужить счастье въ будущей жизни;—она будетъ лучше этой, потому что она—дѣло рукъ Господнихъ, а не человѣческихъ. Идемъ же, идемъ.

Подталкивая съ нѣжностью брата, Эстабанъ вышелъ съ нимъ изъ монастыря, проходя мимо нищихъ, которые съ любо-

пытствомъ глядѣли на нихъ, тщетно пытаясь подслушать, о чемъ они говорятъ. Они прошли черезъ улицу и стали подниматься по лѣстницѣ, ведущей въ башню. Ступеньки были кирпичныя, поломанныя во многихъ мѣстахъ, а выкрашенныя въ бѣлое стѣны покрыты были каррикатурными рисунками и неразборчивыми надписями, сдѣланными посѣтителями, которые поднимались на башню, чтобы посмотрѣть знаменитый колоколъ огромныхъ размѣровъ—Campana Gorda.

Габріэль поднимался медленно, останавливаясь на каждомъ поворотѣ.

— Я очень плохо чувствую себя, Эстабанъ, — проговорилъ онъ,—очень плохо. Мои легкія точно треснувшіе мѣха, въ которые воздухъ входитъ со всѣхъ сторонъ.

Потомъ, точно раскаиваясь въ своей забывчивости, онъ поспѣшно обратился къ брату:

— Какъ поживаетъ твоя жена, Пеппа? — спросилъ онъ.— Надѣюсь, что она здорова.

Эстабанъ нахмурилъ лобъ, и глаза его сдѣлались влажными.

— Она умерла,—отвѣтилъ онъ съ мрачнымъ лаконизмомъ.

Пораженный печальнымъ отвѣтомъ, Габріэль остановился и прислонился къ периламъ. Послѣ короткаго молчанія онъ, однако, снова заговорилъ, чувствуя желаніе чѣмъ-нибудь утѣшить брата.

— Ну, а моя племянница Саграріо? Она, вѣрно, сдѣлалась красавицей. Въ послѣдній разъ, когда я ее видѣлъ, она походила на молодую королеву со своимъ розовымъ личикомъ, подернутымъ легкимъ золотистымъ пушкомъ. Она замужемъ или живетъ у тебя?

Эстабанъ еще мрачнѣе взглянулъ на брата.

— Тоже умерла,—рѣзко отвѣтилъ онъ.

— И Саграріо умерла? — повторилъ пораженный Габріэль.

— Умерла для меня—это то же самое. Умоляю тебя, братъ, всѣмъ, что тебѣ дорого на свѣтѣ, не говори мнѣ о ней...

Габріэль понялъ, что раскрываетъ своими вопросами глубокую рану въ душѣ брата, и замолчалъ. Въ жизни Эстабана произошло, очевидно, нѣчто очень тяжелое за время его отсутствія — одна изъ тѣхъ катастрофъ, которыя разбиваютъ семьи и навсегда разлучаютъ оставшихся въ живыхъ.

Они прошли по крытой галереѣ надъ аркой архіепископскаго дворца и вошли въ верхній монастырь, носящій названіе канцелярій — Las Claverias: четыре портика одинаковой длины съ нижнимъ монастыремъ, безъ малѣйшихъ украшеній и очень жалкаго вида. Полъ былъ выстланъ поломанными кирпичами.

Четыре стороны, выходившія въ садъ, были соединены узкимъ барьеромъ, помѣщеннымъ между плоскими колоннами, поддерживающими крышу изъ гнилыхъ балокъ. Это была временная постройка, сдѣланная три вѣка тому назадъ, но оставшаяся съ тѣхъ поръ въ томъ же видѣ. Вдоль выбѣленныхъ стѣнъ открывались расположенныя безъ всякой симметріи двери и окна квартиръ, занимаемыхъ церковными служащими, служба и жилища которыхъ переходили по наслѣдству отъ отца къ сыну. Этотъ монастырь со своими низкими портиками представлялъ собой какъ бы четыре улицы, каждая изъ одного ряда домовъ. Противъ комнатъ тянулась плоская колоннада, надъ барьеромъ которой просовывали свои остроконечныя верхушки кипарисы сада. Надъ крышей монастыря виднѣлись окна второго ряда комнатъ, потому что почти всѣ квартиры верхняго монастыря были въ два этажа.

Такимъ образомъ, надъ соборомъ, въ уровень съ крышами жило цѣлое населеніе, и ночью, когда закрывалась лѣстница, ведущая на башню, все это населеніе было совершенно отрѣзано отъ города. Цѣлыя поколѣнія рождались, жили и умирали въ самомъ сердцѣ Толедо, не выходя на улицы,—привязанныя какимъ-то инстинктивнымъ наслѣдственнымъ влеченіемъ къ этой громадѣ изъ рѣзного бѣлаго камня, своды которой служили имъ убѣжищемъ. Они жили тамъ, пропитанныя запахомъ ладана, вдыхая особый запахъ плѣсени и стараго желѣза, свойственный стариннымъ храмамъ, съ горизонтомъ, ограниченнымъ арками или колокольней, закрывавшей собой большую часть неба, виднаго изъ верхняго монастыря.

Габріэлю показалось, что онъ вернулся къ временамъ своего дѣтства. Ребятишки, похожіе на тогдашняго Габріэля, прыгали, играя въ четырехъ портикахъ, или садились, сбившись въ кучку, туда, куда проникали первые лучи солнца. Женщины, которыя напоминали ему его мать, вытряхивали надъ садомъ одѣяла или мели красныя кирпичныя плиты передъ дверями квартиръ. Все осталось такимъ же, какъ прежде. Время какъ будто не заглядывало сюда, увѣренное, что не найдетъ ничего, способнаго стариться. Габріэль увидѣлъ на стѣнѣ два рисунка углемъ, которые онъ сдѣлалъ, когда ему было восемь лѣтъ. Если бы не дѣти, которыя кричали и смѣялись, гоняясь другъ за дружкой, можно было бы подумать, что въ этомъ странномъ городѣ, какъ бы висящемъ въ воздухѣ, никто не рождается и не умираетъ.

Эстабанъ, лицо котораго оставалось нахмуреннымъ, сталъ давать объясненія брату.

— Я живу по прежнему въ нашей старой квартирѣ,—ска-

залъ онъ.—Мнѣ ее оставили изъ уваженія къ памяти отца. За это я чрезвычайно признателенъ церковному совѣту, — вѣдь я только простой „деревянный шестъ". Послѣ „несчастья" я взялъ въ домъ старуху, которая ведетъ мое хозяйство. Кромѣ того, у меня живетъ донъ-Луисъ, регентъ. Ты увидишь его; онъ очень способный молодой священникъ,—но тутъ его способности пропадаютъ даромъ. Его считаютъ сумасшедшимъ, но онъ—настоящій артистъ съ чистой ангельской душой.

Они вошли въ квартиру, издавна принадлежавшую семейству Луна. Она была одной изъ лучшихъ во всемъ верхнемъ монастырѣ. У дверей висѣли на стѣнѣ корзинки для цвѣтовъ, въ видѣ кропильницъ, и изъ нихъ свѣшивались зеленыя нити растеній. Въ комнатѣ, которая служила гостиной, все осталось такимъ же, какъ при жизни родителей Габріэля. Бѣлыя стѣны, принявшія съ годами желтоватый тонъ кости, покрыты были изображеніями святыхъ. Стулья краснаго дерева, отполированные долгимъ употребленіемъ, имѣли молодой видъ, не соотвѣтствовавшій ихъ старинному фасону и почти прорваннымъ сидѣньямъ. Черезъ открытую дверь видна была кухня, куда вошелъ братъ Габріэля, чтобы дать распоряженія старой, кроткой съ виду служанкѣ. Въ одномъ углу комнаты стояла швейная машина. Габріэль вспомнилъ, что когда онъ былъ въ послѣдній разъ дома, на этой машинкѣ работала его племянница. Теперь машина стоитъ тутъ на память о „дѣвочкѣ", послѣ катастрофы, оставившей глубокую печаль въ сердцѣ отца. Черезъ окно въ гостиной Габріэль увидѣлъ внутренній дворъ, составлявшій преимущество этой квартиры передъ другими: довольно большой кусокъ синяго неба и четыре ряда тонкихъ колоннъ, поддерживавшихъ верхній этажъ, придавали дворику видъ маленькаго монастыря.

Эстабанъ вернулся къ брату.

— Что тебѣ приготовить къ завтраку? — спросилъ онъ. — Требуй, чего желаешь,—тебѣ все приготовятъ. Я хоть и бѣденъ, но все-таки надѣюсь, что смогу поставить тебя на ноги и вернуть тебѣ здоровый видъ.

Габріэль грустно улыбнулся.

— Не хлопочи понапрасну,—сказалъ онъ.—Мой желудокъ ничего не переноситъ. Мнѣ достаточно немного молока; — и то хорошо, если оно не повредитъ.

Эстабанъ приказалъ старухѣ пойти въ городъ за молокомъ и хотѣлъ сѣсть около брата. Но въ эту минуту открылась дверь, выходившая въ корридоръ, и черезъ нее просунулась голова юноши.

— Съ добрымъ утромъ, дядя,—сказалъ онъ.

Въ его плоскомъ лицѣ было что-то собачье; глаза сверкали лукавствомъ, волосы были начесаны на уши и густо напомажены.

— Войди, озорникъ!—сказалъ Эстабанъ и обратился снова къ брату.

— Ты знаешь, кто онъ?—спросилъ онъ.—Нѣтъ? Это сынъ нашего покойнаго брата. Онъ живетъ тутъ наверху со своей матерью, которая моетъ церковное бѣлье и умѣетъ удивительно хорошо плоить стихари. Томъ, поздоровайся съ этимъ господиномъ. Это твой дядя Габріэль, который вернулся изъ Америки, Парижа и изъ разныхъ другихъ далекихъ, очень далекихъ мѣстъ.

Юноша поздоровался съ Габріэлемъ, нѣсколько смущенный грустнымъ, больнымъ видомъ дяди, о которомъ его мать говорила при немъ, какъ объ очень таинственномъ человѣкѣ.

— Вотъ этотъ мальчишка,—продолжалъ Эстабанъ, обращаясь къ брату и указывая на Тома,—самый большой озорникъ во всемъ соборѣ. Если его еще не выгнали отсюда, то только изъ уваженія къ памяти его отца и дѣда, ради имени, которое онъ носитъ: всѣмъ извѣстно, что семья Луна—такая же старинная, какъ камни стѣнъ... Какая бы шалость ему ни взбрела на умъ, онъ непремѣнно приводитъ ее въ исполненіе. Онъ ругается какъ язычникъ въ ризницѣ, за спиной канониковъ. Это все правда, не отрекайся, сорви-голова!

Онъ погрозилъ ему пальцемъ, полу-серьезно, полу-шутливо, точно на самомъ дѣлѣ вовсе не осуждалъ проступковъ своего племянника. Юноша выслушалъ выговоръ, гримасничая какъ обезьяна и не опуская глазъ, глядѣвшихъ очень дерзко.

— Какой стыдъ,—продолжалъ дядя,—что ты устраиваешь себѣ такую прическу, какъ свѣтскіе шалопаи, пріѣзжающіе въ Толедо въ большіе праздники! Въ доброе старое время тебѣ бы за это сбрили голову. Но теперь, когда наступило время разврата и распущенности, наша святая церковь сдѣлалась бѣдна какъ крыса, и каноникамъ не до того, чтобы заниматься пустяками. Все пошло на убыль, на горе намъ! Еслибы ты видѣлъ, какъ все упало, Габріэль! Соборъ сталъ совсѣмъ вродѣ мадридской лавки, куда люди приходятъ, покупаютъ, что̀ имъ надо, и бѣгутъ прочь. Соборъ такъ же прекрасенъ, какъ и прежде, но исчезло величіе прежняго служенія Господу. То же самое говоритъ и регентъ. Онъ возмущается, что только въ большіе праздники въ хоръ является едва-едва человѣкъ шесть музыкантовъ. Молодежь, живущая въ монастырѣ, не любитъ нашу церковь, какъ любили ее прежде, и жалуется на то, что имъ мало платятъ, не при-

нимая во вниманіе, что церковь переживаетъ тяжелыя времена. Если такъ будетъ продолжаться, то я не удивлюсь, если такіе сорванцы, какъ вотъ этотъ и другіе, подобные ему, начнутъ устраивать игры въ церкви... прости, Господи!

Простодушный Эстабанъ сдѣлалъ жестъ возмущенія и продолжалъ, указывая на племянника:

— Вотъ этотъ молодчикъ, какъ ты его видишь, уже занимаетъ должность, которую его бѣдный отецъ получилъ только въ тридцать лѣтъ, а онъ еще не доволенъ. Онъ мечтаетъ сдѣлаться тореадоромъ—и осмѣлился даже разъ отправиться въ воскресенье на новильяду (бой молодыхъ бычковъ) въ толедскомъ циркѣ. Его мать прибѣжала ко мнѣ внѣ себя, чтобы разсказать, что̀ сдѣлалъ ея сынокъ, и я, помня, что покойный братъ поручилъ мнѣ передъ смертью заботиться объ его сынѣ, подстерегъ молодчика, когда онъ возвращался изъ цирка, и погналъ его домой тѣмъ же шестомъ, которымъ я водворяю молчаніе въ соборѣ. Онъ тебѣ можетъ сказать, тяжела ли у меня рука, когда я сердитъ. Пресвятая Дѣва! Чтобы Луна сдѣлался тореадоромъ! Когда объ этомъ узнали каноники и даже кардиналъ, они были очень огорчены, какъ мнѣ потомъ передавали. А мальчишку съ тѣхъ поръ прозвали „Тато“ [1]). Да, не дѣлаетъ онъ чести нашей семьѣ.—Эстабанъ посмотрѣлъ на племянника уничтожающимъ взглядомъ, но тотъ только улыбался, слушая его обличенія.

— Не думай, Габріэль,—продолжалъ Эстабанъ,—что ему нечего ѣсть, и что поэтому онъ пускается на всякія сумасбродства. Несмотря на то, что онъ такой озорникъ, онъ двадцати лѣтъ получилъ должность „переро“—служителя, выгоняющаго собакъ изъ собора. Въ прежнее время эта должность достигалась долгими годами вѣрной службы. Онъ получаетъ шесть реаловъ въ день, и такъ какъ дѣла у него при этомъ никакого нѣтъ, то можетъ еще, кромѣ того, показывать церковь туристамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, что̀ онъ получаетъ на чай отъ туристовъ, онъ зарабатываетъ больше, чѣмъ я. Иностранцы-еретики, которые смотрятъ на насъ, какъ на дикихъ обезьянъ, и смѣются надъ всѣмъ, что̀ видятъ у насъ, обращаютъ на него вниманіе. Англичанки спрашиваютъ его, не былъ ли онъ тореадоромъ. Большаго ему и не нужно. Какъ только онъ видитъ, что имъ интересуются, онъ начинаетъ врать безъ конца—выдумщикъ онъ какихъ мало—и разсказывать о корридахъ въ Толедо, въ которыхъ онъ принималъ участіе,

---

[1]) Т.-е. „шепелявый“: намекъ на андалузцевъ. Андалузія — родина большинства тореадоровъ.

о быкахъ, которыхъ убилъ... А негодяи-англичане записываютъ все, что онъ говоритъ, въ свои путевые альбомы; одна блондинка съ большими ногами зарисовала даже профиль этого бездѣльника. Ему же ни до чего дѣла нѣтъ,—лишь бы слушали, что онъ вретъ, и дали ему потомъ песету. Не все ли ему равно, что эти нечестивцы будутъ разсказывать, вернувшись домой, что въ толедскомъ соборѣ, въ первой церкви Испаніи, служащіе—въ то же время тореадоры и участвуютъ въ богослуженіи въ промежуткахъ между корридами. Словомъ, онъ зарабатываетъ больше, чѣмъ я, и все-таки еще жалуется на свою должность. А должность эта прекрасная: идти во время большихъ церемоній впереди всѣхъ, рядомъ съ крестомъ, и нести вилы, обернутыя въ алый бархатъ, чтобы поддержать крестъ, еслибы онъ упалъ, носить парчевую красную одежду, какъ кардиналъ. Въ этомъ костюмѣ, какъ говоритъ регентъ, который очень много знаетъ, становишься похожимъ на нѣкоего Данте — или какое-то имя вродѣ этого, — который много вѣковъ тому назадъ жилъ въ Италіи и спустился въ адъ, а потомъ описалъ свое путешествіе въ стихахъ.

Раздались шаги на узкой витой лѣстницѣ, которая прорѣзана была въ стѣнѣ для сообщенія съ верхнимъ этажемъ.

— Это донъ-Луисъ, — сказалъ Эстабанъ. — Онъ идетъ служить мессу въ часовню Святилища, а потомъ отправится въ хоръ.

Габріэль поднялся, чтобы поздороваться съ священникомъ. Это былъ маленькаго роста, слабый съ виду человѣкъ. Съ перваго взгляда бросалось въ глаза несоотвѣтствіе между жалкимъ тѣломъ и огромной головой. Большой выпуклый лобъ какъ бы сокрушалъ своей тяжестью смуглыя неправильныя черты его лица, носившаго слѣды оспы. Онъ былъ уродливъ, но все-таки чистота его голубыхъ глазъ, блескъ здоровыхъ бѣлыхъ и ровныхъ зубовъ, озарявшихъ ротъ, невинная, почти дѣтская улыбка придавали привлекательность его лицу.

— Такъ этотъ господинъ и есть тотъ братъ, о которомъ вы мнѣ столько разсказывали? — спросилъ онъ, когда Эстабанъ познакомилъ ихъ.

Онъ дружески протянулъ руку Габріэлю. У нихъ обоихъ былъ болѣзненный видъ, и слабость здоровья сближала ихъ.

— Такъ какъ вы учились въ семинаріи, то, можетъ быть, свѣдущи въ музыкѣ?—спросилъ донъ-Луисъ Габріэля.

— Это единственное, что я сохранилъ изъ всего, чему меня тамъ учили.

— А путешествуя по разнымъ странамъ, вы, вѣроятно, слышали много хорошей музыки?

— Да, кое-что слышалъ. Музыка—самое близкое мнѣ искусство. Я мало понимаю ее, но люблю.

— Это чудесно. Мы будемъ друзьями. Вы мнѣ разскажете про все, что знаете... Какъ я вамъ завидую, что вы много путешествовали!

Онъ говорилъ какъ безпокойный ребенокъ, не садясь, хотя Эстабанъ нѣсколько разъ придвигалъ ему стулъ. Онъ ходилъ изъ угла въ уголъ, держа приподнятый край плаща на груди, и съ шляпой въ рукахъ—жалкой, потертой шляпой, продавленной въ нѣсколькихъ мѣстахъ, съ лоснящимися краями, жалкой, какъ его ряса и его обувь. Но все-таки, несмотря на бѣдность своей одежды, донъ Луисъ былъ довольно изященъ. Его волосы, болѣе длинные, чѣмъ обыкновенно у католическихъ священниковъ, вились локонами до самой макушки. Изящество, съ которымъ онъ драпировалъ плащъ вокругъ тѣла, напоминало оперныхъ пѣвцовъ. Въ немъ чувствовался художникъ подъ одеждой священника.

Раздались, какъ далекіе раскаты грома, медлительные звуки колокола.

— Дядя, насъ зовутъ въ хоръ,—сказалъ Томъ.—Пора, ужъ скоро восемь часовъ.

— Правда, правда. Вотъ смѣшно, что ты напомнилъ мнѣ о долгѣ службы. Ну, идемъ.

Потомъ онъ прибавилъ, обращаясь къ священнику-музыканту:

— Донъ-Луисъ, ваша обѣдня начинается въ восемь. Вы потомъ поговорите съ Габріэлемъ. Теперь нужно идти въ церковь. Долгъ прежде всего.

Регентъ грустно кивнулъ головой въ знакъ согласія и направился къ выходу, вмѣстѣ съ двумя служителями церкви, но съ недовольнымъ видомъ, точно его повели на непріятную и тяжелую работу. Онъ разсѣянно напѣвалъ, когда протянулъ на прощанье руку Габріэлю, и тотъ узналъ мелодію изъ седьмой симфоніи Бетховена.

Оставшись одинъ, Габріэль легъ на диванъ, уставъ отъ долгаго ожиданія передъ соборомъ. Старая служанка поставила подлѣ него кувшинъ съ молокомъ, наливъ изъ него предварительно полный стаканъ. Габріэль выпилъ и впалъ въ давно неизвѣданное физическое благосостояніе. Онъ смогъ заснуть и пролежалъ около часа на диванѣ безъ движенія. Его неровное дыханіе нарушалось нѣсколько разъ припадками глухого кашля, который, однако, не будилъ его.

Наконецъ онъ проснулся и быстро вскочилъ, охваченный нервной дрожью съ головы до ногъ. Эта привычка къ тревож-

ному пробужденію осталась у него отъ пребыванія въ мрачныхъ тюремныхъ камерахъ, гдѣ онъ ежечасно могъ ждать, что откроется дверь и его или будутъ колотить палкой, какъ собаку, или поведутъ на плацъ для разстрѣла. Еще болѣе укоренилась въ немъ эта привычка въ изгнаніи, когда онъ жилъ въ вѣчномъ страхѣ полиціи и шпіоновъ; часто случалось, что его настигали ночью, въ какой-нибудь гостинницѣ, гдѣ онъ остановился на ночь, и заставляли тотчасъ же отправляться дальше въ путь. Онъ привыкъ къ тревогѣ, какъ Агасферъ, который не могъ нигдѣ остановиться для отдыха, потому что сейчасъ же раздавался властный приказъ: „Иди!“

Габріэль не хотѣлъ снова лечь, точно боялся черныхъ сновидѣній, и предпочиталъ живую дѣйствительность. Ему пріятна была тишина собора, охватывающая его нѣжной лаской; ему нравилось спокойное величіе храма, этой громады изъ рѣзного камня, которая какъ бы укрывала его отъ преслѣдованій.

Онъ вышелъ изъ квартиры брата и, прислонясь къ перилам, сталъ глядѣть внизъ въ садъ. Верхній монастырь былъ совершенно безлюденъ въ этотъ часъ. Дѣти, которыя наполняли его шумомъ рано утромъ, ушли въ школу, а женщины заняты были приготовленіемъ обѣда. Свѣтъ солнца озарялъ одну сторону монастыря, и тѣнь колоннъ прорѣзала наискось большіе золотые квадраты на плитахъ. Величественный покой, тихая святость собора проникали въ душу мятежника, какъ успокаивающее наркотическое средство. Семь вѣковъ, связанныхъ съ этими камнями, окутывали его, какъ столько же покрывалъ, отдѣляющихъ его отъ остального міра. Издали доносился стукъ молотка—это работалъ сапожникъ, котораго Габріэль замѣтилъ, выглянувъ изъ окна. На небольшомъ пространствѣ неба, заключенномъ между крышами, носились нѣсколько голубей, вздымая и опуская крылья, какъ весла на лазурномъ озерѣ. Утомившись, они опускались къ монастырю, садились на барьеръ и начинали ворковать, нарушая благочестивый покой любовными вздохами. Отъ времени до времени открывались двери изъ собора, наполняя садъ и верхній монастырь запахомъ ладана, звуками органа и глубокихъ голосовъ, которые пѣли латинскія фразы, растягивая слова для большей торжественности.

Габріэль разсматривалъ садъ, окаймленный бѣлыми аркадами и тяжелыми колоннами изъ темнаго гранита, на которыхъ дожди породили цѣлую плантацію бархатистыхъ черныхъ грибовъ. Солнце озаряло только одинъ уголъ сада, а все остальное пространство погружено было въ зеленоватую мглу, въ монастыр-

скій полумракъ. Колокольня закрывала собой значительную часть неба; вдоль ея красноватыхъ боковъ, украшенныхъ готическими узорами и выступающими контрофорсами, тянулись полоски чернаго мрамора съ головами таинственныхъ фигуръ и съ гербами разныхъ архіепископовъ, участвовавшихъ въ сооруженіи ея. На самомъ верху, близъ бѣлыхъ какъ снѣгъ каменныхъ верхушекъ, виднѣлись за огромными рѣшетками колокола, похожіе на бронзовыхъ птицъ въ желѣзныхъ клѣткахъ...

Раздались три торжественныхъ удара колокола, возвѣщавшихъ самый торжественный моментъ мессы. Вздрогнула каменная громада, и дрожь отдалась во всей церкви, внизу, на хорахъ и въ глубинѣ сводовъ.

Потомъ наступила снова тишина, казавшаяся еще болѣе внушительной послѣ оглушительнаго звона бронзовыхъ колоколовъ. И снова стало слышно воркованіе голубей, и внизу, въ саду, зачирикали птицы, возбужденныя солнечными лучами, которые оживляли зеленый полумракъ.

Габріэль былъ растроганъ всѣмъ, что̀ видѣлъ и слышалъ. Онъ отдался сладостному опьяненію тишины и покоя, блаженству забытья. Тамъ, гдѣ-то, за этими стѣнами, былъ міръ, — но его не было ни видно, ни слышно: онъ отступалъ съ почтеніемъ и равнодушіемъ отъ этого памятника минувшихъ вѣковъ, отъ великолѣпной гробницы, въ которой ничто не возбуждало его любопытства. Кто бы могъ догадаться, что Габріэль скрывается именно здѣсь!? Это зданіе, простоявшее семь вѣковъ, воздвигнутое давно умершими властителями и умирающей вѣрой, будетъ его послѣднимъ пристанищемъ. Среди полнаго безбожія, охватившаго міръ, церковь сдѣлается для него убѣжищемъ—какъ для средневѣковыхъ преступниковъ, которые, переступивъ порогъ церкви, могли смѣяться надъ правосудіемъ, остановленнымъ у входа, какъ нищіе. Тутъ, среди безмолвія и покоя, онъ будетъ ждать медленнаго разрушенія своего организма. Тутъ онъ умретъ съ пріятнымъ сознаніемъ, что уже умеръ для міра задолго до того. Наконецъ осуществится его желаніе закончить свои дни въ углу погруженнаго въ сонъ испанскаго собора; это была единственная надежда, поддерживавшая его, когда онъ бродилъ пѣшкомъ по большимъ дорогамъ Европы, прячась отъ полиціи и жандармовъ, и проводилъ ночи во рву, скорчившись, опустивъ голову на колѣни и боясь замерзнуть во снѣ.

Ухватиться за соборъ, какъ потерпѣвшій кораблекрушеніе хватается за обломки корабля,—вотъ что̀ было его послѣднимъ желаніемъ, и оно наконецъ осуществилось. Церковь пріютила

его какъ старая суровая мать, которая не улыбается, но все-таки раскрываетъ объятія.

— Наконецъ-то!.. наконецъ!—прошепталъ Луна.

И онъ улыбнулся, вспомнивъ о своихъ скитаніяхъ, какъ о чемъ-то далекомъ, происходившемъ на другой планетѣ, куда ему больше никогда не нужно будетъ вернуться. Соборъ пріютилъ его навсегда въ своихъ стѣнахъ.

Среди полной тишины монастыря, куда не доходилъ шумъ улицы,—„товарищъ“ Луна вдругъ услышалъ далекіе, очень далекіе звуки трубъ. Онъ вспомнилъ про толедскій Альказаръ, который превосходитъ по вышинѣ соборъ, подавляя его громадой своихъ башенъ. Трубные звуки доносились изъ военной академіи.

Эти звуки непріятно поразили Габріэля. Онъ отвернулъ взоры отъ міра—и какъ разъ тогда, когда онъ думалъ, что ушелъ далеко-далеко отъ него, онъ почувствовалъ его присутствіе тутъ же, около храма.

II.

Эстабанъ Луна, отецъ Габріэля, былъ садовникомъ толедскаго собора со времени второго кардинала изъ Бурбонскаго дома, занимая эту должность по праву, которое казалось неотъемлемымъ у его семьи. Кто былъ первый Луна, поступившій на службу въ соборъ? Предлагая самому себѣ этотъ вопросъ, садовникъ улыбался и глаза его устремлялись вдаль, точно онъ хотѣлъ проникнуть вглубь вѣковъ. Семья Луна была такая же древняя, какъ фундаментъ церкви. Много поколѣній, носившихъ это имя, родилось въ комнатахъ верхняго монастыря; а прежде чѣмъ онъ былъ построенъ знаменитымъ Циснеросомъ, они жили въ прилегающихъ домахъ. Казалось, что они не могли существовать иначе, чѣмъ подъ сѣнью собора. Соборъ принадлежалъ имъ по праву — болѣе, чѣмъ кому-либо. Мѣнялись каноники и архіепископы; они получали мѣста при соборѣ, умирали, и мѣсто ихъ занимали другіе. Со всѣхъ концовъ Испаніи пріѣзжали духовныя лица, занимали кресла въ хорѣ и черезъ нѣсколько лѣтъ умирали, оставляя свое мѣсто другимъ, приходящимъ имъ на смѣну. А члены семьи Луна оставались на своемъ мѣстѣ, точно этотъ старинный родъ былъ еще одной колонной въ числѣ тѣхъ, которыя подпираютъ храмъ. Могло случиться, чтобы архіепископъ назывался дономъ Бернардо, а черезъ годъ дономъ Гаспаромъ и, затѣмъ, дономъ Фернандо. Но было бы невозможно и невѣроятно, чтобы соборъ могъ существовать безъ того, чтобы какой-нибудь

Луна былъ садовникомъ или занималъ какую-нибудь другую должность въ соборѣ,—до того соборъ привыкъ въ теченіе долгихъ вѣковъ къ служителямъ изъ этой семьи.

Садовникъ говорилъ съ гордостью о своихъ предкахъ, о своемъ благородномъ и несчастномъ родственникѣ, конэтаблѣ донѣ Альваро, погребенномъ въ своей часовнѣ какъ король, за главнымъ престоломъ, о папѣ Бенедиктѣ XIII, высокомѣрномъ и упрямомъ, какъ всѣ члены семьи, о донѣ Педро де-Луна, пятомъ этого имени архіепископѣ толедскомъ, и о другихъ родственникахъ, не менѣе знаменитыхъ.

— Мы всѣ принадлежимъ къ одному роду,—говорилъ онъ съ гордостью.—Всѣ участвовали въ завоеваніи Толедо славнымъ королемъ Альфонсомъ VI. Только одни изъ насъ любили воевать противъ мавровъ и сдѣлались знатными сеньорами, завоевывали крѣпости, а другіе, мои предки, оставались на службѣ собора, какъ ревностные христіане.

Съ самодовольствомъ герцога, разсказывающаго о своихъ предкахъ, сеньоръ Эстабанъ перечислялъ всѣхъ представителей рода Луна. Его отецъ зналъ дона Франциска Лоренцана, этого тщеславнаго и расточительнаго князя церкви, который употреблялъ огромные доходы архіепископства на то, чтобы строить церкви и издавать книги, какъ вельможи временъ Возрожденія. Онъ зналъ также перваго кардинала Бурбонскаго дома, дона Луиса II, и разсказывалъ о романтической жизни этого инфанта. Донъ Луисъ былъ братъ короля Карла III и вслѣдствіе обычая, по которому младшіе сыновья знатныхъ родовъ непремѣнно должны были служить церкви, сдѣлался кардиналомъ въ девять лѣтъ. Но донъ Луисъ, изображенный на портретѣ, висѣвшемъ въ залѣ капитула, въ бѣломъ парикѣ, съ накрашенными губами и голубыми глазами, предпочиталъ свѣтскія наслажденія церковнымъ почестямъ и оставилъ свой санъ, чтобы жениться на женщинѣ незнатнаго происхожденія, и изъ-за этого онъ поссорился навсегда съ королемъ, который изгналъ его изъ Испаніи. И старикъ Луна, перескакивая отъ одного предка къ другому, вспоминалъ еще эрцгерцога Альбера, который отказался отъ толедской митры, чтобы управлять Нидерландами, и о кардиналѣ Тавера, покровителѣ искусствъ. Все это были великодушные владыки, которые относились со вниманіемъ къ своей семьѣ, зная ея вѣковую преданность святой церкви.

Молодость самого сеньора Эстабана была печальна. Это было время войны за независимость. Французы заняли Толедо и вступили въ соборъ какъ язычники, волоча за собой сабли и шаря

по всѣмъ угламъ среди мессы. Всѣ драгоцѣнности были спрятаны, каноники и пребендаріи разсѣялись по всему полуострову. Одни искали убѣжища въ укрѣпленіяхъ, еще оставшихся во власти испанцевъ; другіе прятались по деревнямъ, вознося молитвы о скоромъ возвращеніи „Желаннаго", т.-е. Фердинанда VII. Больно было глядѣть на хоръ, въ которомъ раздавались лишь немногіе голоса трусливыхъ или думающихъ только о себѣ канониковъ, привязанныхъ къ своимъ кресламъ, неспособныхъ жить вдали отъ нихъ и потому признавшихъ власть узурпатора. Второй бурбонскій кардиналъ, мягкій и ничтожный донъ-Луисъ Марія уѣхалъ въ Кадиксъ, гдѣ былъ назначенъ регентомъ. Онъ одинъ изъ всей своей семьи остался въ Испаніи, и кортесы нуждались въ немъ, чтобы придать нѣкоторую династическую окраску своей революціонной власти.

По окончаніи войны, бѣдный кардиналъ вернулся въ Толедо, и сеньоръ Эстабанъ умилился, глядя на его грустное дѣтское лицо. Онъ вернулся, упавшій духомъ послѣ того, какъ принялъ въ Мадридѣ своего племянника Фердинанда VII. Другіе члены регентства были въ тюрьмѣ или въ изгнаніи, и онъ избѣжалъ этой участи только благодаря митрѣ и своему имени. Несчастный прелатъ думалъ, что поступилъ хорошо, соблюдая интересы своей семьи во время войны, — и вдругъ его стали обвинять въ либерализмѣ, въ томъ, что онъ врагъ церкви и престола, причемъ онъ никакъ не могъ понять, въ чемъ заключалось его преступленіе. Бѣдный кардиналъ тосковалъ въ своемъ дворцѣ, употребляя свои доходы на украшеніе собора, и умеръ въ началѣ реакціи 1823 года. Мѣсто его досталось Ингванцо, трибуну абсолютизма, прелату съ сѣдыми бакенбардами, который, будучи избранъ въ кортесы въ Кадиксѣ, сдѣлалъ карьеру тѣмъ, что нападалъ на всякія реформы и проповѣдывалъ возвратъ къ австрійской политикѣ, говоря, что это—вѣрное средство спасти страну.

Добродушный садовникъ относился съ одинаковымъ восхищеніемъ и къ бурбонскому кардиналу, котораго ненавидѣли короли, и къ прелату съ бакенбардами, который наводилъ страхъ на все епископство своей суровостью и своей грубостью бѣшенаго реакціонера. Всякій, кто занималъ толедскій епископскій престолъ, былъ въ глазахъ садовника Эстабана идеальнымъ человѣкомъ, дѣйствія котораго не подлежатъ критикѣ. Онъ былъ глухъ къ ропоту канониковъ, которые, покуривая папиросы у него въ саду, говорили о причудахъ сеньора де Ингванцо, враждебно настроеннаго противъ правленія Фердинанда VII, потому что оно не было достаточно „чистымъ", и изъ страха передъ

иностранцами не рѣшалось возстановить спасительный инквизиціонный судъ.

Единственное, что̀ огорчало садовника, это то, что дорогой его сердцу соборъ приходилъ въ упадокъ. Доходы архіепископства и собора сильно сократились во время войны. Случилось то, что̀ бываетъ при наводненіяхъ: вода, отступая, уноситъ съ собой деревья и дома, и земля остается опустошенною. Соборъ утратилъ много принадлежавшихъ ему правъ. Арендаторы церковныхъ земель, пользуясь государственными невзгодами, превратились въ собственниковъ; деревни отказывались платить свои феодальныя подати, точно привычка защищаться и вести войну освобождала ихъ отъ вассальныхъ повинностей. Кромѣ того, сильно повредили собору кортесы, уничтожившіе феодальныя права церкви; этимъ отняты были у собора огромные доходы, пріобрѣтенные въ тѣ времена, когда толедскіе архіепископы надѣвали воинское платье и шли сражаться съ маврами.

Все-таки соборъ владѣлъ еще огромнымъ состояніемъ и могъ поддерживать свой блескъ такъ, какъ еслибы ничего не произошло. Но сеньоръ Эстабанъ предчувствовалъ опасность, не выходя изъ своего сада, а только слыша отъ канониковъ о заговорахъ либераловъ и о томъ, что королю дону Фернандо пришлось прибѣгать къ разстрѣламъ, висѣлицѣ и ссылкамъ, чтобы побороть дерзость „черныхъ“ враговъ монархіи и церкви.

— Отвѣдали сладкаго, — говорилъ онъ, — и вернутся, чтобы опять полакомиться. Навѣрное вернутся, если ихъ не отвадить. Во время войны они отхватили почти половину состоянія у собора; а теперь отнимутъ все, если ихъ подпустить.

Садовникъ возмущался при одной мысли, что это можетъ случиться. Неужели же для этого столько толедскихъ архіепископовъ сражались противъ мавровъ, завоевывали города, брали крѣпости и захватывали земли, которыя переходили во владѣніе собора, возвеличивая блескъ служенія Господу? Неужели для того, чтобы все это досталось нечестивцамъ, столько вѣрныхъ сыновъ церкви, столько королевъ, вельможъ и простыхъ людей завѣщали большую часть своихъ состояній святому собору для спасенія своей души? Что̀ же станется съ шестью стами людей, взрослыхъ и дѣтей, духовныхъ и свѣтскихъ, сановниковъ и простыхъ служащихъ, которые жили доходами церкви? И это называется свободой! Отнимать у другихъ то, что̀ имъ принадлежитъ, обрекая на нищету множество семей, жившихъ на счетъ собора!

Когда печальныя предчувствія садовника стали оправды-

ваться и Мендизабалъ декретировалъ уничтоженіе церковныхъ правъ, сеньоръ Эстабанъ думалъ, что умретъ отъ бѣшенства. Кардиналъ Ингванцо поступилъ лучше, чѣмъ онъ. Запертый въ своемъ дворцѣ либералами, какъ его предшественникъ—абсолютистами, онъ предпочелъ умереть, чтобы не быть свидѣтелемъ расхищенія священнаго церковнаго имущества. Сеньоръ Луна былъ простой садовникъ, и не могъ послѣдовать примѣру кардинала. Онъ продолжалъ поэтому жить, но каждый день испытывалъ новое огорченіе, узнавая, что нѣкоторые изъ умѣренныхъ, которые, однако, никогда не пропускали главную мессу, пріобрѣтали за ничтожныя деньги то домъ, то фруктовый садъ или пастбища; все это принадлежало прежде собору и занесено было затѣмъ въ списки національныхъ имуществъ.—„Разбойники!"—кричалъ онъ. Эта медленная распродажа, уносившая по кускамъ все богатство собора, возмущала Эстабана не менѣе того, какъ еслибы альгвазилы пришли въ его квартиру въ верхнемъ монастырѣ и стали бы забирать мебель, изъ которой каждый предметъ былъ памятью о комъ-нибудь изъ предковъ.

Были минуты, когда онъ подумывалъ о томъ, чтобы покинуть свой садъ и отправиться въ Маестрасго или на сѣверъ, чтобы примкнуть къ тѣмъ, которые защищали права Карла V и хотѣли возврата къ прежнему. Эстабану было около сорока лѣтъ; онъ чувствовалъ себя бодрымъ и сильнымъ, и хотя былъ очень миролюбивъ по натурѣ и никогда не держалъ въ рукахъ ружья, но воодушевился примѣромъ нѣсколькихъ семинаристовъ, кроткихъ и благочестивыхъ молодыхъ людей, которые бѣжали изъ семинаріи и, по слухамъ, воевали въ Каталоніи въ отрядѣ дона Рамона Кабрера. Но садовникъ, чтобы не жить одному въ своей большой квартирѣ въ верхнемъ монастырѣ, женился за три года до того, и у него былъ маленькій сынъ. Кромѣ того, онъ бы не могъ разстаться съ церковью. Онъ сталъ однимъ изъ камней этой каменной громады, и былъ увѣренъ, что погибнетъ, какъ только выйдетъ изъ своего сада. Соборъ потерялъ бы нѣчто очень существенное, еслибы изъ него ушелъ одинъ изъ Луна послѣ столькихъ вѣковъ вѣрной службы. И Эстабанъ не могъ бы жить вдали отъ собора. Какъ бы онъ ушелъ въ горы стрѣлять, когда въ теченіе цѣлыхъ годовъ онъ не ступалъ на „мірскую" землю,—если не считать узкаго пространства улицы между лѣстницей монастыря и дверью del Mollete?

Онъ продолжалъ работать въ саду, скорбно утѣшаясь тѣмъ, что онъ защищенъ отъ ужасовъ революціи въ этой каменной громадѣ, внушающей почтеніе своей величественной древностью.

Могутъ отнять у храма его богатства, но ничто не можетъ сокрушить христіанской вѣры тѣхъ, которые живутъ за стѣнами собора.

Садъ, равнодушный и глухой къ бурямъ революціи, которые проносились надъ соборомъ, продолжалъ разростаться между аркадами во всей своей темной красотѣ. Лавры тянулись вверхъ, достигая до барьеровъ верхняго монастыря. Кипарисы шевелили верхушками, точно стремясь взобраться на крыши. Вьющіяся растенія покрывали рѣшетки, образуя густыя занавѣси изъ зелени, и плющъ обвивалъ бесѣдку, стоявшую по срединѣ, съ черной аспидной крышей, надъ которой высился заржавленный желѣзный крестъ. Въ этой бесѣдкѣ священники, послѣ окончанія дневной службы, читали при зеленомъ свѣтѣ, проникавшемъ сквозь листья, карлистскія газеты, или восторгались подвигами Кабреры, въ то время какъ вверху ласточки, равнодушныя къ человѣческимъ дѣламъ, носились капризными кругами, стремясь долетѣть до самаго неба.

Кончилась война—и послѣднія иллюзіи садовника окончательно разсѣялись. Онъ впалъ въ мрачное молчаніе, и не хотѣлъ знать о томъ, что происходитъ внѣ собора. Господь покинулъ праведныхъ: злые и предатели—въ большинствѣ. Его утѣшала только прочность храма, который простоялъ уже столько вѣковъ и можетъ простоять еще столько же, на зло врагамъ.

Луна желалъ только одного: умереть въ монастырѣ, какъ его предки, и оставить новое поколѣніе, которое будетъ продолжать служить храму. Его старшему сыну Тому было двѣнадцать лѣтъ, и онъ помогалъ ему работать въ саду. Второй сынъ, Эстабанъ, былъ на нѣсколько лѣтъ моложе и, едва научившись ходить, уже становился на колѣни передъ каждымъ образомъ въ домѣ и съ плачемъ требовалъ, чтобы мать водила его въ церковь смотрѣть на святыхъ.

Въ храмѣ водворилась бѣдность; стали сокращать число каноническовъ и служащихъ. Со смертью кого-нибудь изъ служителей должность его уничтожалась; разсчитали плотниковъ, каменьщиковъ, стекольщиковъ, которые раньше жили при соборѣ на жалованьи и постоянно заняты были какимъ-нибудь ремонтомъ. Если отъ времени до времени нужно было произвести какія-нибудь работы въ соборѣ, то для этого нанимали рабочихъ со стороны. Въ верхнемъ монастырѣ много квартиръ стояли пустыя, и могильное молчаніе воцарилось тамъ, гдѣ прежде тѣснилось множество народа. „Мадридское правительство“ (нужно было видѣть, съ какимъ презрѣніемъ садовникъ произносилъ эти

слова) вело переговоры съ „святымъ отцомъ“, чтобы заключить договоръ, который они называли „конкордатомъ“. Сократили число канониковъ—точно первый испанскій соборъ былъ простой коллегіальной церковью. Правительство платило имъ столько, сколько платятъ мелкимъ чиновникамъ, и на содержаніе самаго знаменитаго испанскаго собора, который во времена десятины не зналъ, куда дѣвать свои богатства, назначено было тысяча двѣсти песетъ въ мѣсяцъ.

— Тысяча двѣсти песетъ, Томъ! — говорилъ онъ своему сыну, молчаливому мальчику, котораго ничто не интересовало, кромѣ сада.—Тысяча двѣсти песетъ, когда я помню еще время, когда соборъ имѣлъ шесть милліоновъ ренты. Какъ обойтись этими деньгами? Плохія времена ждутъ насъ, и еслибы я былъ другимъ, я бы научилъ васъ какимъ-нибудь ремесламъ, и искалъ бы для васъ работы внѣ собора. Но семья Луна не можетъ дезертировать, какъ другіе, предавшіе дѣло Господне. Здѣсь мы родились, здѣсь должны и умереть всѣ до одного.

Взбѣшенный противъ канониковъ собора, которые приняли безъ протеста конкордатъ и свои жалованья, Эстабанъ сталъ запираться въ своемъ саду, отказываясь устраивать у себя собранія, какъ прежде. Въ саду ему было отрадно. Этотъ маленькій растительный міръ по крайней мѣрѣ совсѣмъ не мѣнялся. Его темная зелень походила на сумракъ, окутывавшій душу садовника. Онъ не сверкалъ красками, веселя душу, какъ сады, стоящіе подъ открытымъ небомъ и залитые солнцемъ. Но онъ привлекалъ своей грустной прелестью монастырскаго сада, расположеннаго между четырьмя стѣнами, освѣщеннаго блѣднымъ свѣтомъ, скользящимъ вдоль крышъ и аркадъ, не видящаго иныхъ птицъ, кромѣ тѣхъ, которыя носятся высоко въ воздухѣ и вдругъ видятъ съ удивленіемъ райскій садъ въ глубинѣ колодца. Растительность была въ немъ такая же, какъ въ греческихъ пейзажахъ: лавры, кипарисы и розы, какъ въ идилліяхъ греческихъ поэтовъ. Но стрѣльчатые своды, замыкающіе садъ, аллеи, выложенныя плитами, въ расщелинахъ которыхъ росла трава, крестъ надъ бесѣдкой и запахъ ржаваго желѣза рѣшетокъ, сырость каменныхъ контрофорсовъ, позеленѣвшихъ отъ дождей,— все это придавало саду отпечатокъ христіанской древности. Деревья качались на вѣтру, какъ кадильницы; цвѣты, блѣдные и прекрасные безкровной красотой, пахли какъ бы ладаномъ, точно струи воздуха, попадавшія изъ собора въ садъ, мѣняли ихъ естественный запахъ. Дождевая вода, стекающая изъ трубъ, спала въ двухъ глубокихъ каменныхъ цистернахъ. Ведро садовника на

минуту колебало ея зеленую поверхность, обнаруживая темно-синій цвѣтъ ея глубины; но какъ только расходились круги, зеленыя полосы снова сближались, и вода снова исчезала подъ своимъ растительнымъ саваномъ и стояла мертвая, неподвижная, какъ храмъ, среди дневной тишины.

Въ праздникъ Тѣла Господня и въ праздникъ Мадонны Святилища, приходившійся на шестнадцатое августа, много народа приходило съ кружками въ соборный садъ, и сеньоръ Эстабанъ позволялъ набирать воду изъ цистернъ. Это былъ старинный обычай, очень чтимый толедскими жителями, которые восхищались свѣжестью воды въ соборномъ саду; въ остальное время имъ приходилось пить землистую воду Таго. Посѣщенія публики приносили нѣкоторый доходъ сеньору Эстабану. Набожныя женщины просили у него букса для образовъ, или покупали у него горшки съ цвѣтами, предпочитая цвѣты изъ собора обычнымъ садовымъ цвѣтамъ. Старухи покупали у него лавровыхъ листьевъ для соусовъ или для лекарственныхъ цѣлей. Эти маленькіе доходы, вмѣстѣ съ двумя песетами, которые онъ получалъ въ видѣ жалованья послѣ рокового уничтоженія церковныхъ привилегій, помогали ему содержать свою семью. Подъ старость у него родился третій сынъ, Габріэль, который уже въ четыре года приводилъ въ изумленіе всѣхъ женщинъ верхняго монастыря. Его мать увѣряла съ слѣпой вѣрой, что онъ—вылитый портретъ Младенца Іисуса, котораго держитъ на рукахъ Мадонна Святилища. Сестра Эстабана, Томаса, которая была замужемъ за „Голубымъ“ и была матерью многочисленнаго семейства, занимавшаго половину верхняго монастыря, восхваляла повсюду необыкновенный умъ своего маленькаго племянника, когда онъ едва только началъ говорить, и поражалась наивнымъ благоговѣніемъ, съ которымъ онъ смотрѣлъ на образа.

— Настоящій маленькій святой! — говорила она своимъ пріятельницамъ.—Нужно видѣть, съ какимъ серьезнымъ видомъ онъ читаетъ молитвы... Габріэль далеко пойдетъ. Мы доживемъ еще до того, что онъ будетъ епископомъ. Когда мой отецъ былъ ключаремъ, я знала многихъ маленькихъ пѣвчихъ, которые теперь носятъ митру и могутъ стать толедскими епископами.

Хоръ похвалъ и восторговъ окружалъ точно облакомъ куреній дѣтство Габріэля. Вся семья только имъ и жила. Сеньоръ Эстабанъ, отецъ римскаго образца, любилъ своихъ сыновей, но былъ съ ними суровъ, чтобы воспитать ихъ въ строгости. Только съ маленькимъ Габріэлемъ онъ становился инымъ, чув-

ствуя какъ бы возвратъ своей молодости, игралъ съ нимъ и подчинялся съ улыбкой всѣмъ его прихотямъ. Мать бросала домашнюю работу, чтобы занимать маленькаго сына, и братья его постоянно восхищались его дѣтскимъ лепетомъ. Старшій братъ, Томасъ, молчаливый мальчикъ, который замѣнилъ отца въ садовыхъ работахъ и ходилъ босикомъ зимой по грядамъ, покрытымъ инеемъ, часто возвращался домой съ пучками благоуханныхъ травъ для маленькаго брата. Эстабанъ, второй братъ, которому было тринадцать лѣтъ, пользовался нѣкоторымъ престижемъ среди другихъ маленькихъ пѣвчихъ за аккуратность, съ которой онъ помогалъ священнику при служеніи мессы. Онъ поражалъ Габріэля своей красной рясой и плоеннымъ стихаремъ и приносилъ ему огарки восковыхъ свѣчей и раскрашенныя картинки, которыя онъ вытаскивалъ изъ требника у кого-нибудь изъ канониковъ.

Нѣсколько разъ его приносили на рукахъ туда, гдѣ стояли „гиганты", въ большую залу, устроенную между контрофорсами нэфовъ. Тамъ были всѣ герои старинныхъ празднествъ: могучій Сидъ съ его огромнымъ мечомъ, и четыре пары, изображавшія четыре части свѣта — огромныя фигуры въ одеждахъ, изъѣденныхъ молью и съ продавленными головами. Прежде онѣ оживляли толедскія улицы во время народныхъ празднествъ, а теперь гнили на чердакахъ собора. Въ одномъ углу стояла Тараска — страшное картонное чудовище, которое пугало ребенка, раскрывая огромную пасть, въ то время, какъ на его крупѣ сидѣла и вертѣлась разстрепанная, распутнаго вида кукла, которую ревностные католики минувшихъ вѣковъ прозвали Анной Болейнъ.

Когда Габріэль сталъ посѣщать школу, всѣ восхищались его быстрыми успѣхами. Дѣтвора верхняго монастыря, выводившая изъ себя „Серебряный шестъ" — священника, который долженъ былъ слѣдить за благонравіемъ населенія, живущаго подъ крышей собора, — смотрѣла на маленькаго Габріэля, какъ на чудо. Еще прежде чѣмъ онъ научился свободно ходить, онъ уже умѣлъ читать. Въ семь лѣтъ онъ началъ изучать латынь, и быстро ее одолѣлъ, точно это былъ его родной языкъ. Въ десять лѣтъ онъ велъ споры съ священниками, приходившими въ садъ, и они любили дѣлать ему трудныя возраженія.

Старикъ Эстабанъ, который уже сильно ослабѣлъ и сгорбился, улыбался, очень довольный своимъ послѣднимъ сыномъ.

— Онъ будетъ гордостью семьи, — говорилъ старикъ. — Онъ Луна и можетъ поэтому безбоязненно стремиться ко всему, — были въ семьѣ даже папы.

Каноники уводили мальчика въ ризницу до начала службы и разспрашивали объ его ученіи. Одинъ священникъ, служащій въ канцеляріи архіепископа, представилъ его кардиналу, который, поговоривъ съ нимъ, далъ ему горсть миндалей и обѣщалъ ему стипендію, чтобы онъ могъ учиться безвозмездно въ семинаріи.

Семья Луна и всѣ ихъ родственники, близкіе и далекіе, которые составляли почти все населеніе верхняго монастыря, обрадовались этому обѣщанію. Чѣмъ другимъ могъ стать Габріэль, какъ не священникомъ? Для этихъ людей, связанныхъ съ соборомъ съ самаго рожденія и считавшихъ, что толедскіе архіепископы самые могущественные люди на свѣтѣ, единственнымъ мѣстомъ, достойнымъ талантливаго человѣка, была церковь.

Габріэль поступилъ въ семинарію, — и его семьѣ казалось, что верхній монастырь опустѣлъ. Съ его уходомъ кончились вечернія собранія въ домѣ Луна, на которыхъ звонарь, церковный сторожъ, ключари и другіе служители церкви слушали Габріэля, который яснымъ отчетливымъ голосомъ читалъ имъ—или житія святыхъ, или католическія газеты, прибывшія изъ Мадрида, или иногда „Донъ-Кихота"—изъ книги въ пергаментномъ переплетѣ, напечатанной стариннымъ шрифтомъ. Эта старинная книга была фамильной драгоцѣнностью въ роду Луна и переходила отъ отца къ сыну.

Жизнь Габріэля въ семинаріи была однообразнымъ существованіемъ прилежнаго студента; онъ побѣждалъ своихъ оппонентовъ на богословскихъ диспутахъ, получалъ награды и удостоился чести быть поставленнымъ въ примѣръ своимъ товарищамъ. Отъ времени до времени кое-кто изъ канониковъ, преподававшихъ въ семинаріи, заходили въ соборный садъ.

— Вашъ сынъ отлично учится, Эстабанъ,—говорили они.— Онъ первый во всемъ, и къ тому же скроменъ и набоженъ, какъ святой. Онъ будетъ утѣшеніемъ вашей старости.

Садовникъ, который все болѣе и болѣе старился и слабѣлъ, качалъ головой. Успѣхи своего сына онъ сможетъ увидѣть только съ высоты небесъ, — говорилъ онъ, — если Господь вознесетъ его къ себѣ. Онъ умретъ раньше, чѣмъ его сынъ выйдетъ въ люди. Но это не огорчало его, — останется семья, которая будетъ наслаждаться торжествомъ Габріэля и благодарить Господа за его милости.

Гуманитарныя науки, богословіе, каноны,—все это Габріэль одолѣвалъ съ необычайной легкостью, которая удивляла его учителей. Въ семинаріи его сравнивали съ отцами церкви, наи-

болѣе знаменитыми раннимъ проявленіемъ своихъ дарованій. Когда онъ кончалъ семинарскій курсъ, всѣ были увѣрены, что архіепископъ дастъ ему каѳедру въ семинаріи еще прежде, чѣмъ онъ начнетъ служить мессы. У него была неутолимая жажда знанія. Библіотека семинаріи стала какъ бы его собственностью. По вечерамъ онъ часто ходилъ въ соборъ, чтобы дополнить свои знанія церковной музыки, бесѣдуя съ регентомъ и органистомъ. Въ классѣ церковнаго краснорѣчія онъ поражалъ профессоровъ и слушателей пламенностью и убѣжденностью своихъ проповѣдей.

— Его призваніе—проповѣдывать,—говорили въ саду.—Въ немъ воскресъ пламенный духъ апостоловъ. Онъ можетъ стать подобнымъ святому Бернарду или Боссюэту. Какъ знать, что̀ выйдетъ изъ этого юноши!

Больше всего Габріэль увлекался исторіей собора и церковныхъ князей, стоявшихъ во главѣ его. Въ немъ проснулась наслѣдственная любовь всѣхъ Луна къ этой громадѣ, которая была ихъ вѣчной матерью. Но онъ не обожалъ ее слѣпо, какъ вся его семья. Ему хотѣлось знать, какъ все происходило въ дѣйствительности, и провѣрить по книгамъ смутные разсказы отца, походившіе скорѣе на легенды, чѣмъ на историческую правду.

Прежде всего его вниманіе было привлечено хронологіей толедскихъ архіепископовъ, этой цѣпью знаменитыхъ людей, святыхъ, воиновъ, писателей, князей, за именами которыхъ стояло число, какъ за именами королей каждой династіи. Было время, когда они были настоящими монархами Испаніи. Готскіе короли со своимъ дворомъ играли чисто декоративную роль; ихъ возводили на престолъ и смѣщали, смотря по надобности. Испанія была теократической республикой, и дѣйствительнымъ главой ея былъ толедскій архіепископъ.

Габріэль раздѣлялъ на группы этотъ нескончаемый списокъ знаменитыхъ прелатовъ. Прежде всего святые, апостолы героической поры христіанства, епископы, которые были такъ же бѣдны, какъ ихъ прихожане, ходили босикомъ, спасались отъ римскихъ преслѣдованій и отдавали, наконецъ, свою голову палачу, съ радостной надеждой, что они возвеличатъ свое ученіе, жертвуя своей жизнью. Таковы были святой Евгеній, Меланціо, Пелагіо, Патруно и другіе, теряющіеся въ туманѣ старинныхъ преданій. Затѣмъ шли архіепископы времени готовъ, прелаты-монархи, которые властвовали надъ завоевателями, благодаря своему духовному превосходству. Въ ихъ рукахъ была власть чудесъ, кото-

рыми они устрашали суровыхъ воиновъ. Архіепископъ Монтано, который жилъ подъ однимъ кровомъ съ своей женой, возмущенный поднявшимся противъ него ропотомъ, положилъ горящіе угли подъ свое священническое платье въ то время какъ служилъ мессу, и не обжегся, доказывая этимъ чудомъ чистоту своей жизни. Санъ-Идлефонсо, не довольствуясь тѣмъ, что писалъ книги противъ еретиковъ, добился того, что ему явилась святая Леокадія и оставила въ его рукахъ кусокъ своего плаща. На его долю выпала потомъ еще бо̀льшая честь: сама Пресвятая Дѣва спустилась къ нему съ неба, чтобы надѣть ему на плечи ризу, шитую ея собственными руками. Много лѣтъ спустя, Сигбертъ имѣлъ дерзость надѣть эту ризу, за что̀ лишенъ былъ сана и отлученъ отъ церкви. Единственныя книги, которыя писались въ то время, были написаны толедскими прелатами. Они сочиняли законы, они мазали святымъ муромъ головы монарховъ, они возвели въ короли Вампу, они устраивали заговоръ противъ жизни Эгики, и совѣщанія, которыя устраивались въ базиликѣ святой Леокадіи, были политическими собраніями, на которыхъ тронъ занимала митра, а королевская корона была у ногъ прелата.

Съ испанскаго З. В.

РОСТЪ ГОСУДАРСТВЕННАГО ДОЛГА

РОССІИ

1769—1906 гг.

Окончаніе.

V *).

Реформы внутренняго быта Россіи начала 60-хъ годовъ, привлеченіе иностранныхъ капиталовъ, для сооруженія рельсовой сѣти, и естественное вліяніе, оказываемое послѣднею на развитіе производительности страны—не могли не отразиться благотворно на состояніи нашихъ финансовъ; а мирныя отношенія къ другимъ государствамъ исключали необходимость непроизводительной растраты крупныхъ суммъ на военныя операціи, служившей главной причиной разстройства финансовъ въ прежнія времена. Благодаря этимъ условіямъ, дефициты, составлявшіе какъ бы необходимую статью нашего государственнаго хозяйства, исчезли изъ бюджета, и въ теченіе первой половины семидесятыхъ годовъ исполненіе росписи давало избытокъ обыкновенныхъ доходовъ надъ расходами. Надвигавшаяся въ срединѣ 70-хъ годовъ война съ Турціей грозила, однако, совершенно разстроить нѣсколько поправившіеся финансы, и это казалось настолько очевиднымъ, что министръ финансовъ М. Х. Рейтернъ просилъ государя объ отставкѣ, если бы вопросъ о войнѣ былъ рѣшенъ утвердительно. Война, тѣмъ не менѣе, была объявлена и стоила

*) См. выше: сентябрь, стр. 245.

деньгами 1.075 милліоновъ руб. Для покрытія этого расхода обращались, конечно, къ займамъ; но такъ какъ послѣдніе реализовались медленно, то для оплаты текущихъ расходовъ выпускались кредитные билеты, которые затѣмъ погашались. Въ теченіе 1876—80 гг., для покрытія расходовъ военныхъ, по сооруженію желѣзныхъ дорогъ и т. п., было временно выпущено 1,8 милліарда кредитн. руб., а погашено около 1,4 милліарда руб.; въ обращеніи осталось билетовъ временныхъ выпусковъ на 417 милл. р. Около 160 милл. руб. этой суммы истрачено въ данный періодъ на покрытіе издержекъ войны, около 120 м. р.—на сооруженіе рельсовыхъ путей, и около 140 милл. руб. осталось неизрасходованными.

Для погашенія кредитныхъ билетовъ въ 1876—79 гг. выпущенъ былъ металлическій заемъ на 142 милл. руб. кред. и нѣсколько внутреннихъ займовъ на сумму 900 милл. руб. Условія объявленнаго въ 1877 г., послѣ начала военныхъ дѣйствій, внѣшняго займа были не только крайне тяжелы, но, по выраженію Бліоха, „до нѣкоторой степени и несовмѣстимы съ достоинствомъ великаго государства". И дѣйствительно, недовѣріе заграничныхъ финансовыхъ сферъ къ нашей состоятельности было столь велико, что реализація займа на ничтожную для великой страны сумму 15 милл. фунт. стерлинговъ длилась почти два года, и на первоначальные расходы войны пришлось просить аванса у европейскихъ банкировъ. Неудивительно, если выручка по займамъ составила всего 74% нарицательной цѣны и 5-ти-процентный заемъ обошелся въ 7,5%. Между тѣмъ, золото нужно было не только для военныхъ расходовъ, но и для ежегодной уплаты 60—70 милл. руб. по заграничнымъ займамъ. Для пріобрѣтенія золота въ 1877 г. введено было взиманіе таможенныхъ пошлинъ въ золотой валютѣ—что, сказать кстати, было равносильно повышенію этихъ пошлинъ на 1/3.

Внутренніе займы дали государственному казначейству значительныя суммы, также благодаря лишь энергичной поддержкѣ ихъ государственнымъ банкомъ, выдававшимъ подъ бумаги крупныя ссуды. Но такъ какъ для этого прибѣгали къ усиленнымъ выпускамъ кредитныхъ билетовъ, то, помогая государственному казначейству реализовать займы, государственный банкъ роняль вмѣстѣ съ тѣмъ курсъ выручаемыхъ по займамъ рублей и обезцѣнивалъ деньги, поступавшія въ распоряженіе правительства. Къ 1 января 1877 г., когда въ обращеніи находилось 790 милл. руб. кредитныхъ билетовъ, 1 рубль кред. стоилъ 80 коп. металлическихъ, а черезъ годъ, когда количество билетовъ увеличилось

на 250 милл. руб., цѣна кредитнаго рубля упала до 67 коп. Такъ или иначе, но по своимъ военнымъ займамъ правительство выручило 917 милл. руб.; а такъ какъ на войну истрачено было 1.075 милл. руб., то недостающая сумма была покрыта кредитными билетами временнаго выпуска.

Крупные расходы, вызванные турецкой войной, естественнымъ образомъ вели къ ограниченію желѣзнодорожнаго строительства, и въ это время лишь достраивались линіи, разрѣшенныя ранѣе. Тѣмъ не менѣе на этотъ предметъ было израсходовано 350 м. р. казенныхъ денегъ, причемъ 230 м. р. было получено путемъ займовъ (новый заемъ, 1880 г., на сумму 150 м. р. метал.=225 м. р. кред., доставилъ 170 м. р., и 60 милл. руб. оставалось отъ прежнихъ займовъ), а 120 м. р. покрыты кредитными билетами временнаго выпуска.

На общегосударственныя и желѣзнодорожныя потребности въ описываемое время было заключено, слѣдовательно, займовъ на 1.267 милл. руб., а погашено 151 милл. руб. долга; государственный долгъ увеличился, слѣдовательно, на 1.116 милл. руб., а вмѣстѣ съ выкупнымъ—на 1.141 м. р. Къ началу разсматриваемаго періода государственный долгъ равнялся 2.950 милл. р.; къ концу его онъ выразился суммою 4.090 милл. руб.

VI.

Заключеніемъ Санъ-Стефанскаго договора открылся продолжительный періодъ мирнаго состоянія (если не считать сравнительно недорогихъ экспедицій въ среднюю Азію), которымъ естественно было бы воспользоваться для того, чтобы исправить недостатки Александровскихъ реформъ, вредно отразившихся на экономическомъ состояніи страны, дополнить эти реформы системою другихъ мѣръ, способствующихъ развитію производительности народнаго труда, преобразовать архаическую нашу податную систему, построенную на исключительномъ почти обложеніи малоимущихъ классовъ общества, и на почвѣ возросшаго вслѣдствіе этихъ мѣръ народнаго достатка основать прочное улучшеніе финансовъ. Въ границахъ своего вѣдомства министръ финансовъ Бунге пытался, хотя и нерѣшительно, вступить на этотъ путь; но въ общемъ наша экономическая и финансовая политика приняла направленіе линіи наименьшаго сопротивленія, а не наибольшей пользы, и видимое передъ японской войной благо-

получіе финансовъ достигнуто на счетъ упадка народнаго благосостоянія.

Въ области болѣе серьезныхъ финансовыхъ реформъ описываемаго періода слѣдуетъ отмѣтить отмѣну соляного налога и подушной подати и пониженіе выкупныхъ платежей. Этими преобразованіями съ народныхъ плечъ было снято бремя платежей въ суммѣ около 85 милл. руб. А происшедшія отъ того потери государственнаго казначейства были восполнены обращеніемъ оброчной подати государственныхъ крестьянъ въ выкупные платежи съ возвышеніемъ ея на 45%, увеличеніемъ ставокъ нѣкоторыхъ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ, введеніемъ новыхъ налоговъ и т. д. Быстрый ростъ косвеннаго обложенія съ избыткомъ покрылъ облегченіе податного бремени вслѣдствіе указанныхъ реформъ, но общій строй прямыхъ налоговъ получилъ болѣе раціональный видъ.

Что касается другихъ ближайшихъ задачъ въ области, составлявшей обычный предметъ вниманія нашего финансоваго вѣдомства, то, кромѣ дальнѣйшаго расширенія рельсовой сѣти, министровъ озабочивало разстройство нашего денежнаго обращенія и дефициты государственнаго бюджета, обусловливаемые, главнымъ образомъ, крупными обязательствами по оплатѣ заключенныхъ въ разное время займовъ. О степени разстройства денежнаго обращенія послѣ усиленныхъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ можно судить по тому, что курсъ кредитнаго рубля съ 1875 по 1880 г. упалъ съ 87 до 63 копѣекъ золотыхъ; а о тяжести платежей по займамъ свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что, при 650-ти милліонахъ рублей обыкновенныхъ доходовъ, въ 1880 г. платежи по долгамъ (не считая выкупныхъ) и гарантіи частныхъ желѣзнодорожныхъ займовъ превысили 210 милл. руб., покрывая почти 1/3 часть бюджета. Несмотря на тяжесть этой статьи государственныхъ расходовъ, она какъ бы обрекалась на возрастаніе не только потому, что для полной оплаты обязательствъ по займамъ не хватало обыкновенныхъ доходовъ, но и по причинѣ того, что золото для оплаты металлическихъ займовъ нужно было добывать заграницей и опять лѣзть въ долги.

Исправленія денежнаго обращенія наши министры финансовъ надѣялись достигнуть путемъ постепеннаго изъятія изъ обращенія кредитныхъ билетовъ временнаго выпуска, и въ этихъ видахъ указомъ 1 января 1881 г. повелѣвалось погашать долгъ государственнаго казначейства государственному банку ежегодными уплатами 50 милл. руб. Сумма эта, однако, не должна была непремѣнно затрачиваться на изъятіе изъ обращенія кредитокъ.

Государственный банкъ долженъ былъ производить это изъятіе, сообразуясь съ нуждами торговли въ денежныхъ знакахъ, и неистраченныя на это суммы обращать на воспособленіе промышленности и торговли. Для уплаты государственному банку вышеназванныхъ суммъ были выпущены три займа (въ томъ числѣ новый у насъ видъ займовъ въ рентной, непогашаемой формѣ) на 205 милл. руб. кредитныхъ. Изъ 193 милл. руб., вырученныхъ по этимъ займамъ, 176 милл. руб. переданы государственному банку; но на изъятіе изъ обращенія кредитныхъ билетовъ пошли лишь около 90 милл. руб., при чемъ курсъ кредитнаго рубля нисколько послѣ этого не улучшился. Въ виду этого производство дальнѣйшихъ уплатъ государственному банку по 50 милл. руб. въ годъ пріостановлено, а для соблюденія формальности ему ежегодно передавалась соотвѣтствующая сумма нарочно для того печатавшеюся золотою рентою, которая спокойно оставалась лежать въ портфеляхъ банка. Такимъ образомъ, обремененіе государственнаго казначейства новымъ долгомъ въ 205 милл. руб. не принесло той пользы, какая ожидалась. Но, благодаря этому займу, государственный банкъ снабженъ былъ средствами для производства коммерческихъ операцій и избавленъ отъ необходимости прибѣгать для этого къ выпуску кредитныхъ билетовъ.

Покрытіе двухсотъ-милліоннаго дефицита государственнаго бюджета, образовавшагося въ теченіе шести лѣтъ завѣдыванія финансами Бунге, было произведено частью занятыми (новыми и старыми) суммами, частью суммами, поступавшими отъ желѣзнодорожныхъ обществъ въ возвратъ ихъ долговъ государству.

Въ желѣзнодорожной политикѣ Бунге намѣтились нѣкоторыя новыя черты, получившія болѣе широкое развитіе при его преемникахъ. Отчасти съ цѣлью дать заработокъ населенію, пострадавшему отъ неурожая 1880 года, отчасти по соображеніямъ стратегическимъ, въ это время приступлено было къ сооруженію на казенный счетъ нѣкоторыхъ желѣзныхъ дорогъ, на что было затрачено 140 милл. руб. Вмѣстѣ съ тѣмъ пришлось взять въ казенное управленіе нѣсколько линій, задолжавшихъ правительству крупныя суммы и лишенныхъ сколько-нибудь свѣтлыхъ перспективъ. Такимъ образомъ возродилось казенное желѣзнодорожное хозяйство, упраздненное въ началѣ 70-хъ годовъ. Усилился при Бунге и правительственный надзоръ за частными желѣзными дорогами, и хотя заключеніе гарантированныхъ займовъ опять было передано акціонернымъ обществамъ (въ надеждѣ, что они будутъ имѣть больше успѣха въ дѣлѣ привлеченія къ намъ иностранныхъ капиталовъ), но это разрѣшалось лишь въ случаяхъ,

когда не ожидалось приплаты казны по гарантіи, и условія реализаціи займовъ устанавливались по соглашенію съ правительствомъ. Часть (63 милл. руб.) вырученныхъ этими займами суммъ поступила въ государственное казначейство въ уплату старыхъ желѣзнодорожныхъ долговъ. Государственные желѣзнодорожные займы при Бунге были заключены на сумму 242 милл. руб. (выручено 223 милл. руб.); значительная часть вырученной суммы обращена на погашеніе долга по затраченнымъ на желѣзныя дороги кредитнымъ билетамъ. Желѣзнодорожный долгъ государства увеличился въ это время еще на 27 милл. руб. вслѣдствіе перевода на него облигаціи выкупленныхъ желѣзныхъ дорогъ.

Общая сумма долговъ, заключенныхъ при Бунге на общегосударственныя и желѣзнодорожныя нужды, опредѣляется въ 500 милл. руб.; погашено въ это время 255 милл. руб.; приростъ долговъ названныхъ категорій равняется 245 милл. руб. Обязательства выкупной операціи — вслѣдствіе закона объ обязательномъ выкупѣ бывшими помѣщичьими крестьянами состоявшей въ ихъ пользованіи земли—возросли при Бунге на 67 милл. руб., и все приращеніе государственнаго долга составитъ, такимъ образомъ, 312 милл. руб. Вмѣстѣ съ 4.090 милл. руб., унаслѣдованными отъ предшествующаго періода, государственный долгъ опредѣлился къ 1887 г. въ 4.402 милл. Долгъ этотъ состоялъ изъ 2.544 милл. руб. [1]), занятыхъ для общегосударственныхъ надобностей, 1.339 милл. руб. желѣзнодорожныхъ и 519 милл. руб. обязательствъ выкупной операціи.

VII.

Министра Бунге смѣнилъ въ началѣ 1887 года Вышнеградскій. Онъ былъ талантливый коммерческій дѣятель, и точку зрѣнія и способности дѣльца перенесъ въ сферу государственныхъ вопросовъ. Государственные финансы были въ его глазахъ прежде всего огромнымъ коммерческимъ предпріятіемъ, внѣ широкихъ и далекихъ перспективъ, но съ опредѣленными ближайшими задачами. Общая цѣль финансовъ, какъ и всякаго коммерческаго предпріятія—выгода, барышъ, а средствами для ея достиженія служатъ имѣющіяся въ распоряженіи правительства средства

[1]) Эта сумма не совпадаетъ съ цифрою проф. Мигулина, включившаго въ счетъ долговъ 1886 г. краткосрочныя обязательства казначейства на 16 милл. руб., несмотря на то, что въ 1886 г. находившіяся въ обращеніи обязательства на 45 милл. руб. „были окончательно погашены и болѣе не выпускались“ (Русск. Гос. Кр., т. I, стр. 487)

воздѣйствія на различныя частныя и общественныя отношенія. Одно изъ этихъ средствъ—обложеніе населенія, и въ первый же годъ завѣдыванія финансами Вышнеградскій вводитъ новые и поднимаетъ старые налоги и достигаетъ того, что уже на слѣдующій годъ—вмѣсто обычныхъ дефицитовъ, исполненіе росписи заканчивается превышеніемъ на 66 милл. руб. доходовъ надъ расходами. Неустойчивость вексельнаго курса, въ основѣ которой лежало бумажное денежное обращеніе, колебало многіе наши заграничные разсчеты; и Вышнеградскій съ энергіей берется за осуществленіе давно поставленной задачи введенія металлическаго обращенія, совершенно игнорируя общегосударственныя и общеэкономическія ея предпосылки, но разсматривая ее какъ прекрасный случай примѣненія своихъ способностей и талантовъ дѣльца. И дѣйствительно, онъ разрѣшалъ эту задачу крайне упрощенными средствами дѣльца, придающаго главное значеніе ближайшимъ днямъ и ближайшимъ цѣлямъ, и не задумывающагося о болѣе отдаленныхъ и широкихъ послѣдствіяхъ своихъ дѣйствій. Его не интересовалъ вопросъ о томъ, отъ чего зависитъ прочность металлическаго денежнаго обращенія; но онъ зналъ, какими искусственными средствами можно добиваться возстановленія послѣдняго, и примѣнялъ эти мѣры. Возстановить металлическое обращеніе нельзя, не имѣя запаса золота въ странѣ, а приливъ этого металла изъ-за границы находится въ зависимости отъ состоянія разсчетнаго баланса. И Вышнеградскій принимаетъ мѣры обращенія послѣдняго въ нашу пользу не длиннымъ и труднымъ, но зато и плодотворнымъ путемъ развитія производительности страны, а простыми способами прямого воздѣйствія на непосредственные факторы даннаго явленія: экспортъ и импортъ товаровъ, отъѣздъ русскихъ за-границу и т. п. Экспортъ товаровъ нужно всячески поощрять, ввозъ въ Россію сокращать, отъѣздъ русскихъ за-границу—чтобы они не увозили золота—ограничить, и т. д. И вотъ Вышнеградскій поддерживаетъ пониженіе вывозныхъ желѣзнодорожныхъ тарифовъ, требуетъ неукоснительнаго взысканія крестьянскихъ податей и недоимокъ, вынуждающаго ихъ продавать во что бы то ни стало послѣдніе запасы зерна, направляющагося за границу; вводитъ высокія таможенныя ставки на иностранные товары и проектируетъ высокое обложеніе заграничныхъ паспортовъ. Ничто такъ не характеризуетъ узкую и жесткую точку зрѣнія на государственное хозяйство русскаго министра финансовъ, какъ его первыя впечатлѣнія по случаю надвигавшагося на русскій народъ въ неурожайномъ 1891-мъ году огромнаго бѣдствія, грозившаго со-

кращеніемъ экспорта зерна и временнымъ разстройствомъ разсчетнаго баланса. „Сами не будемъ ѣсть, но будемъ вывозить!“ — выразилъ свои впечатлѣнія Вышнеградскій.

Указанной точкой зрѣнія объясняется и политика этого министра относительно государственныхъ расходовъ. Доходность частнаго предпріятія зависитъ, между прочимъ, отъ экономіи въ расходахъ. И Вышнеградскій всячески старался обрѣзывать финансовыя смѣты разныхъ вѣдомствъ и особенно ихъ сверхсмѣтные кредиты, подчинилъ правительственному регулированію и упорядочилъ частное желѣзнодорожное хозяйство, капиталы котораго гарантированы государствомъ. Ради противодѣйствія стремленію отдѣльныхъ вѣдомствъ увеличивать расходы, онъ впервые примѣнилъ систему составленія росписи доходовъ и расходовъ съ пріуменьшеніемъ первыхъ сравнительно съ тѣмъ, чего можно ожидать въ дѣйствительности. Эта политика не воспрепятствовала вліятельнымъ вѣдомствамъ добиться увеличенія кредитовъ, не безъ ущерба для страны. Не только военное и морское министерства расширяли свои расходы, но и вѣдомство внутреннихъ дѣлъ получило средства для введенія института земскихъ начальниковъ — „одного изъ наиболѣе неудачныхъ институтовъ, когда-либо вводившихся у насъ. Удовлетвореніе же культурныхъ потребностей населенія почти совершенно не возросло, и въ немъ энергически всегда отказывалось подъ предлогомъ неимѣнія средствъ“ [1]).

Въ сферѣ желѣзнодорожнаго хозяйства Вышнеградскій преслѣдовалъ цѣль подчиненія частныхъ дорогъ правительственной регламентаціи, а тарифное дѣло было взято въ полное распоряженіе министерства финансовъ, причемъ за частными желѣзными дорогами оставлено только право выраженія своихъ пожеланій и предварительнаго обсужденія вопросовъ. Ближайшей цѣлью всѣхъ этихъ преобразованій было упорядоченіе желѣзнодорожнаго дѣла, въ видахъ—какъ принято было оффиціально выражаться — огражденія интересовъ населенія, промышленности, торговли и казны. Но въ рукахъ самовластныхъ руководителей финансовой политики того времени власть надъ желѣзными дорогами вообще и руководительство тарифнымъ дѣломъ въ частности служили для осуществленія разнообразныхъ проектовъ министерства финансовъ, какъ бы мало ни находились они въ соотвѣтствіи съ нуждами населенія, промышленности и даже правильно понятыми интересами казны. Тѣмъ не менѣе, въ

[1]) П. П. Мигулинъ. Русскій государственный кредитъ, т. II, стр. 544.

финансовомъ отношеніи принятыя мѣры привели къ благопріятнымъ результатамъ, и расходы казны по гарантіи обязательствъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ, составлявшіе въ 1885—86 гг., въ среднемъ, 2.450 р. на версту, упали въ 1890—91 гг. ниже 1.200 р. Въ сферѣ желѣзнодорожнаго строительства при Вышнеградскомъ, боявшемся всякаго новаго расхода, имѣло мѣсто, главнымъ образомъ, окончаніе немногихъ, начатыхъ ранѣе, линій.

Характеръ кредитныхъ операцій Вышнеградскаго обусловливается его общей финансовой политикой. Стремясь къ возможному сокращенію государственныхъ расходовъ, онъ не могъ не обратить вниманія на расходы по системѣ государственнаго кредита. Наканунѣ вступленія Вышнеградскаго въ завѣдываніе финансами, этотъ расходъ составлялъ почти 300 милл. руб. въ годъ, или около 40% суммы государственныхъ доходовъ, при чемъ до 50 милл. р. приходилось тратить собственно на погашеніе долговъ. Четырехъ-съ-половиною-милліардный долгъ Россіи составился изъ займовъ на протяженіи цѣлаго столѣтія, въ такія времена, когда проценты по займамъ на денежныхъ рынкахъ стояли высоко. Замѣняя старые займы новыми, заключаемыми при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, можно достигнуть болѣе или менѣе значительнаго пониженія платежей интереса, удлинняя при этомъ срокъ выкупа — и платежей погашенія. Недостатки русскихъ займовъ заключались еще въ крайнемъ разнообразіи ихъ формъ и условій, препятствовавшемъ ознакомленію съ ними публики. Задача преобразованія нашего государственнаго долга заключалась, поэтому, еще въ его унификаціи. Вопросъ о конверсіи русскихъ займовъ возникъ еще при Бунге, а Вышнеградскій съ жаромъ взялся за осуществленіе этой идеи, позволявшей съ блескомъ развернуться его способностямъ коммерческаго дѣльца.

Конверсіонныхъ займовъ заключено при Вышнеградскомъ на 2.145 милл. руб.; выручено отъ нихъ 1.929 милл. руб., но собственно на конверсіи израсходовано 1.868 милл. руб., соотвѣтствующихъ нарицательной суммѣ займовъ въ 2.074 милл. руб., а остатокъ вырученной суммы, соотвѣтствующей нарицательной суммѣ займовъ 71 милл. руб.—истраченъ на другія нужды. Несмотря на возрастаніе долга вслѣдствіе конверсій (новый долгъ въ 2.074 милл. руб. замѣнилъ старые на сумму 1.868 милл. руб.), эта операція имѣла послѣдствіемъ уменьшеніе платежей по конвертированнымъ займамъ съ 109 до 87 милл. руб., почти на 22 милл. руб. Ежегодная уплата процентовъ уменьшилась на 10 милл. руб., а погашеніе—слишкомъ на 11 милл. руб. Уплата

процентовъ уменьшилась потому, что погашенію подвергались преимущественно 5-ти-процентные займы, а ихъ замѣстили преимущественно займы 4-хъ-процентные. Погашеніе сократилось по причинѣ заключенія новыхъ займовъ на болѣе продолжительные сроки сравнительно со старыми. Сроки погашенія большей части старыхъ займовъ колебались между 5 и 35 годами; большая же часть новыхъ займовъ заключена на 80 лѣтъ, меньшая — на 40 лѣтъ.

Изъ сказаннаго нетрудно заключить, что выгоды для страны отъ конверсіонныхъ операцій Вышнеградскаго нельзя измѣрять сокращеніемъ платежей въ первые годы на 22 м. р. Платежи по новымъ займамъ останутся неизмѣнными въ теченіе длиннаго періода времени, пока тотъ или другой заемъ не будетъ погашенъ. Ближайшій моментъ уменьшенія платежей наступитъ черезъ 40 лѣтъ послѣ заключенія займа. Платежи же по старымъ займамъ подлежали бы сокращенію уже черезъ 5, 7, 10, 13 лѣтъ и т. д.

По прошествіи этихъ сроковъ, будетъ уменьшаться и разница между старыми и новыми платежами, опредѣленная для начальнаго момента въ 22 милл. руб. А когда пройдутъ всѣ сроки погашенія старыхъ займовъ, — государственное казначейство, при отсутствіи конверсій, освободилось бы отъ бремени, связаннаго съ данными долгами, — теперь оно много десятковъ лѣтъ будетъ уплачивать многіе десятки милліоновъ рублей ежегодно. Читатель видитъ, что учетъ выгодъ или убытковъ отъ замѣны одного займа другимъ—вещь не простая, и это доказывается противорѣчіями заключеній, къ коимъ приходили различные авторы (Борткевичъ, проф. Лебедевъ, Илл. Кауфманъ), пытавшіеся подвести финансовые итоги конверсіоннымъ операціямъ Вышнеградскаго. Профессоръ Мигулинъ также подводитъ этотъ итогъ, слѣдуя методу И. И. Кауфмана, заключающемуся въ капитализаціи для каждаго займа, съ одной стороны, ежегоднаго сбереженія платежей въ теченіе срока, когда долженъ былъ бы погаситься старый заемъ, съ другой—ежегоднаго перерасхода въ теченіе періода времени между моментами погашенія стараго и новаго, его замѣняющаго, займа. Первая сумма выразитъ прибыли, а вторая—убытки отъ конверсій, а разность между ними покажетъ окончательный результатъ операцій. Путемъ такихъ вычисленій проф. Мигулинъ пришелъ къ заключенію, что сбереженіе государственнаго казначейства вслѣдствіе конверсіонныхъ операцій Вышнеградскаго можно выразить капиталомъ въ 109 милл. руб., а устраняя изъ разсчета замѣну 4,32% билетовъ государствен-

наго казначейства 3,79-процентными (что могло бы быть сдѣлано независимо отъ конверсіи прочихъ займовъ) — капиталомъ въ 87 милл. руб., дающимъ ежегодную ренту (4—4½%) въ 3, 5—4 милл. руб., что составляетъ менѣе ¼% съ суммы конвертированныхъ займовъ, тогда какъ сбереженія отъ крупныхъ западно-европейскихъ конверсій доходили въ большинствѣ случаевъ до ½—1%.

Столь ничтожные финансовые результаты конверсіонныхъ операцій Вышнеградскаго проф. Мигулинъ объясняетъ малоопытностью министра финансовъ, попавшаго вслѣдствіе этого въ зависимость отъ европейскихъ банкировъ, диктовавшихъ условія займовъ, отвѣчающія, конечно, ихъ интересамъ, и недовѣріемъ публики къ оффиціальнымъ заявленіямъ о состояніи русскихъ финансовъ. „Министерство постоянно сообщало въ оффиціальныхъ документахъ совершенно невѣрныя и неточныя данныя о результатахъ конверсіонныхъ операцій. Сводимымъ министерствомъ бюджетамъ вѣрить было невозможно, такъ какъ они были составлены необычайно искусственно и даже носили фиктивный характеръ. Предположенныя цифры никогда не совпадали съ дѣйствительнымъ поступленіемъ, а такіе пріемы, какъ перечисленіе металлическихъ рублей въ кредитные по произвольно взятымъ и *всегда невѣрнымъ* курсамъ, позволяли играть цифрами ad libitum и затемнять еще болѣе дѣло“ [1]).

Въ виду того, что Вышнеградскій воздерживался отъ всякихъ новыхъ расходовъ, его кредитныя операціи, не имѣвшія характера конверсій, были очень незначительныя. При немъ правительство опять взяло въ свои руки заключеніе займовъ для частныхъ желѣзныхъ дорогъ и реализировало два займа на сумму 150 м. р. (выручено 142 м. р.); половина этой суммы осталась въ рукахъ казны въ уплату долговъ частныхъ дорогъ. Государственный долгъ увеличился при Вышнеградскомъ еще на 290 м. р., вслѣдствіе перевода на государственное казначейство облигацій дорогъ, взятыхъ въ казну по причинѣ хронической ихъ бездоходности въ частныхъ рукахъ. На выкупленныхъ дорогахъ лежалъ долгъ казнѣ въ 353 милл. руб., который былъ списанъ со счетовъ.

Общая сумма заключенныхъ при Вышнеградскомъ займовъ (исключая выкупные, изъ коихъ конверсіи подверглись 66 м. р.) равняется 2.515 милл. руб. Погашено же досрочно (путемъ конверсій) и срочно 1.987 милл. руб. Государственный долгъ воз-

---

[1]) Русск. Гос. Кредитъ, т. II, стр. 252.

росъ, слѣдовательно, на 528 милл. руб. Отъ своего предшественника Вышнеградскій получилъ 3.883 милл. руб. (не считая выкупныхъ), своему преемнику передалъ 4.411 милл. руб.,—въ числѣ ихъ находилось 2.583 милл. руб., затраченныхъ на общегосударственныя нужды, и 1.828 милл. руб. долговъ желѣзнодорожныхъ. Присоединяя 492 милл. руб. обязательствъ выкупной операціи, получимъ общую сумму государственнаго долга, равную 4.903 милл. руб.

VIII.

Экономическая политика преемника Вышнеградскаго можетъ быть вкратцѣ формулирована такъ. Министръ С. Ю. Витте стремился къ развитію крупной промышленности, примѣняя главнымъ образомъ мѣры форсированнаго желѣзнодорожнаго строительства и привлеченія иностранныхъ капиталовъ. Онъ ставилъ себѣ затѣмъ задачу достиженія возможно широкаго прямого и косвеннаго вліянія власти на хозяйственную жизнь страны, съ одной стороны расширяя правительственную хозяйственную дѣятельность, съ другой — вершая при посредствѣ государственнаго банка, желѣзнодорожныхъ и таможенныхъ тарифовъ, правительственныхъ заказовъ и т. п. судьбу отдѣльныхъ промышленныхъ предпріятій, даже цѣлыхъ отраслей и районовъ производства. Къ нему, наконецъ, по наслѣдству отъ преемниковъ перешла задача возстановленія металлическаго денежнаго обращенія.

Осуществленіе всѣхъ этихъ задачъ требовало сосредоточенія въ рукахъ правительства крупныхъ средствъ, которыя можно было бы направлять на тотъ или иной предметъ; и хотя, путемъ систематическаго урѣзыванія, при составленіи бюджета, смѣты доходовъ мин. Витте обезпечивалъ государственному казначейству крупные остатки отъ исполненія финансовыхъ смѣтъ, тѣмъ не менѣе податной прессъ дѣйствовалъ при этомъ министрѣ особенно энергично, и въ оправданіе постояннаго повышенія косвенныхъ налоговъ была даже создана особая теорія о легкости этой формы обложенія для неимущихъ классовъ. Другой источникъ денежныхъ средствъ для осуществленія своихъ предположеній правительство находило въ займахъ. Займовъ, имѣющихъ въ виду эту именно цѣль, въ теченіе одиннадцати лѣтъ управленія финансами Витте заключено на сумму 1.427 милл. руб. Изъ нихъ 463 милл. р. были процентныя бумаги, выданныя акціонерамъ выкупленныхъ казною желѣзныхъ дорогъ, а займы на 964 милл. р.

реализованы въ видахъ подкрѣпленія государственнаго казначейства.

Финансовые итоги хозяйственной политики описываемаго времени можно выразить немногими, но характерными цифрами. Сумма обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ съ 1892 по 1903 г. поднялась съ 965 до 2.030 милл. руб.; хозяйственные доходы казны увеличились съ 243 до 882 милл. руб.; превышенія въ это время обыкновенныхъ доходовъ надъ расходами дали государственному казначейству почти два милліарда рублей; затрачено на желѣзнодорожное строительство около 1,5 милліарда рублей казенныхъ денегъ и болѣе милліарда гарантированныхъ акціонерныхъ капиталовъ; переведено изъ-за-границы въ Россію путемъ правительственныхъ и гарантированныхъ частныхъ займовъ болѣе милліарда рублей; передано 640 милл. р. государственному банку въ уплату долга казначейства по выкупу кредитныхъ билетовъ.

Указанная выше категорія заключенныхъ г. Витте займовъ умножала средства для осуществленія его многочисленныхъ и дорого обошедшихся народу проектовъ. Она легла новой тяжестью на плечи и безъ того обремененнаго податями населенія. Другая категорія займовъ имѣла въ виду, напротивъ того, сокращеніе государственныхъ расходовъ. Мы говоримъ о массовой конверсіи нашихъ старыхъ займовъ. При конверсіи преслѣдовалась цѣль не только пониженія процента интереса, но и освобожденія государства отъ обязательства погашать займы въ опредѣленные сроки. Поэтому срочные займы замѣнялись рентою. Всего въ теченіе 1892—1903 гг. путемъ конверсіи, обмѣна и выкупа—досрочно погашено было долговъ на сумму 2.543 милл. р., а заключено вновь для этой цѣли займовъ на 2.631 милл. р. и доплачено наличными 60 милл. р. Благодаря этимъ операціямъ, достигнуто сбереженіе ежегодныхъ платежей на 37 милл. руб., а капитализированная (по методу, указанному ранѣе) сумма сбереженія составляетъ 187 милл. р. Четырехпроцентная рента отъ этого сбереженія равняется почти 8 милл. р., что составляетъ $^1/_3$% съ суммы конвертированныхъ займовъ. Путемъ конверсій министръ финансовъ Витте достигъ не только пониженія ежегодныхъ платежей, но и нѣкоторой унификаціи нашего государственнаго долга, и 2.650 милл. руб. послѣдняго заключено въ 4% рентѣ.

Помимо указанныхъ выше займовъ, государственный долгъ увеличился въ описываемое время еще вслѣдствіе перевода на государственное казначейство 416 милл. р. въ облигаціяхъ вы-

купленныхъ желѣзныхъ дорогъ (эти дороги были еще должны правительству 784 милл. руб. по гарантіи ихъ капиталовъ и 830 милл. р. по ссудамъ; первая сумма по выкупѣ дорогъ списана со счета, а вторая причислена къ основному капиталу дорогъ) и 127 милл. р. долга бывшаго „Общества взаимнаго поземельнаго кредита", присоединеннаго къ дворянскому банку. Общая сумма новаго долга опредѣлится такимъ образомъ въ 4.600 милл. р. Погашено же въ это время было 2.828 милл. р. старыхъ долговъ: 2.543 милл. р. конвертированныхъ и 285 м. р. срочными платежами, согласно условіямъ соотвѣтствующихъ займовъ. Въ описываемое время государственный долгъ увеличился такимъ образомъ на 1.773 милл. р.; и получивъ отъ своего предшественника 4.904 милл. р. долга, министръ финансовъ Витте передалъ своему преемнику долговое наслѣдіе въ 6.677 милл. руб. Эта сумма состояла изъ 2.994 милл. р., занятыхъ для общегосударственныхъ надобностей, 3.190 милл. р. долговъ желѣзнодорожныхъ и 493 милл. р. обязательствъ выкупной операціи [1]).

При обзорѣ кредитныхъ операцій министра финансовъ Витте нельзя не сказать нѣсколько словъ о той роли въ дѣлѣ помѣщенія государственныхъ и гарантированныхъ частныхъ займовъ, какую стали играть при этомъ министрѣ государственныя сберегательныя кассы. Открытіе этихъ кассъ получило широкое распространеніе именно при этомъ министрѣ, преслѣдовавшемъ цѣль вовлеченія въ общій коммерческій оборотъ возможно большей части частныхъ сбереженій. Вслѣдствіе такой политики крайне затруднялись мелкія кредитныя сдѣлки на мѣстахъ; но зато въ рукахъ правительства сосредоточивались крупныя суммы для выполненія его затѣй. Скопленіе въ сберегательныхъ кассахъ свободныхъ суммъ могло даже толкать правительство на болѣе или менѣе рискованныя или болѣе или менѣе основательныя предпріятія. Капиталы сберегательныхъ кассъ стали употребляться на пріобрѣтеніе процентныхъ бумагъ еще при Вышнеградскомъ; въ концѣ же министерства Витте въ сберегательныхъ кассахъ находилось на 162 милл. р. процентныхъ бумагъ, пріобрѣтенныхъ по порученію ихъ кліентовъ, и на 854 милл. р. бумагъ, купленныхъ самими банками.

---

[1]) Это распредѣленіе государственнаго долга отличается отъ того, какое читатель найдетъ въ трудѣ проф. Мигулина (Русск. Госуд. Кр., т. III, в. V, стр. 1086), потому что долги помѣщиковъ старымъ банковымъ учрежденіямъ не считались нами —какъ это дѣлалось и проф. Мигулинымъ для предыдущихъ лѣтъ—въ числѣ обязательствъ выкупной операціи.

Исторія трехъ послѣднихъ лѣтъ нашего государственнаго кредита очень проста. Въ январѣ мѣсяцѣ 1904 г. началась война съ Японіей. Несмотря на пессимистическіе взгляды образованнаго русскаго общества на вѣроятные результаты вооруженнаго столкновенія, преемникъ Витте (удалившагося отъ завѣдыванія финансами въ августѣ мѣсяцѣ 1903 г.), „сухой — по характеристикѣ проф. Мигулина — и, видимо, не особенно свѣдущій чиновникъ", совмѣстно съ военнымъ министромъ, рѣшили, что война продлится недолго, окончится благополучно и потребуетъ не болѣе 600 милл. руб., и на этомъ основаніи отклонялись предложенія о крупномъ займѣ, который можно было тогда заключить на сравнительно выгодныхъ условіяхъ. Но уже черезъ три мѣсяца послѣ начала военныхъ дѣйствій пришлось обратиться къ внѣшнему 5% займу въ 300 милл. руб. (выручено 282 милл. руб.), срокомъ на пять лѣтъ, что значительно удорожало заемъ. Черезъ три мѣсяца выпущенъ на сумму 150 милл. руб. также краткосрочный заемъ: 3,6% билеты государственнаго казначейства. Быстро размѣстить въ публикѣ такую массу низко-процентныхъ бумагъ оказалось невозможнымъ, и билеты были насильственно вручены частнымъ банкамъ и реализованы въ теченіе 1904 и 1905 гг. Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1904 г. объявленъ новый внѣшній $4^1/_2$% заемъ на 231,5 милл. руб., за который было выручено 209,5 милл. руб. Въ мартѣ и августѣ мѣсяцахъ 1905 г. было выпущено два 5% внутреннихъ займа, на 200 милл. руб. каждый, доставившіе государственному казначейству 379 милл. руб. Но такъ какъ реализовать быстро требуемую сумму займовъ—вслѣдствіе пошатнувшагося довѣрія къ кредитоспособности стараго режима — было невозможно, то одновременно съ выпусками внутреннихъ займовъ правительство обратилось къ учету краткосрочныхъ обязательствъ государственнаго казначейства. Первая ихъ серія, на 150 милл. руб., была выпущена въ апрѣлѣ 1905 г. изъ 5% въ Германіи, срокомъ на 8 — 10 мѣсяцевъ, и принесла 142,5 милл. руб.; дѣйствительный процентъ вмѣстѣ съ коммиссіей составилъ 7%. Въ декабрѣ того же года объявлено о выпускѣ $5^1/_2$% краткосрочныхъ обязательствъ на 400 милл. руб. Но, несмотря на всевозможныя старанія, реализовать эти обязательства (преимущественно заграницей) удалось всего на 311 милл. руб. (выручка 295 милл. руб.). Къ 1 января 1907 г. всѣ краткосрочныя обязательства государственнаго казначейства были уже погашены.

Заключая заграничные займы съ крупнымъ ущербомъ, наше правительство въ дѣйствительности мало пользовалось выручае-

мыми такимъ образомъ суммами. Суммы эти оставались на текущемъ счету у иностранныхъ банкировъ въ обезпеченіе уплаты процентовъ по старымъ займамъ и, главнымъ образомъ, какъ обезпеченіе выпускаемыхъ кредитныхъ билетовъ, которыми въ сущности и оплачивались экстренные расходы государственнаго казначейства: съ 1-го января 1904 г. по 1-е ноября 1906 г. этихъ билетовъ было пущено въ обращеніе на 650 милл. руб. Выходило, что иностраннымъ банкирамъ не было даже надобности тратить свои деньги на реализацію нашихъ позднѣйшихъ займовъ (краткосрочныхъ обязательствъ); они обращали на это деньги русскаго же правительства, находившіяся у нихъ на текущемъ счету, или даже ограничивались простымъ заявленіемъ о пріемѣ займа, получая за такія операціи, кромѣ процента на фиктивные займы, еще порядочную коммиссію. „Сколько на такихъ нелѣпыхъ операціяхъ потеряно денегъ—не поддается точному учету; во всякомъ случаѣ, занятыми по краткосрочнымъ обязательствамъ деньгами государство не воспользовалось. Оно уплатило только за право считать розданное банкирами по своимъ частнымъ операціямъ золото въ золотомъ размѣнномъ фондѣ государственнаго банка—операція нелѣпая и неслыханная въ Зап. Европѣ—придуманная доморощенными „финансистами“ изъ кредитной канцеляріи совмѣстно съ заграничными банкирами-посредниками, заинтересованными въ осуществленіи подобныхъ операцій и не обязанными заботиться объ интересахъ русскаго государственнаго казначейства“ [1]).

Средствами этими, однако, не покрывались всѣ чрезвычайные расходы. По росписи на 1906 г., „составленной со всевозможными ухищреніями и утайками расходовъ для показанія наименьшаго дефицита“, послѣдній тѣмъ не менѣе опредѣленъ былъ въ 480 милл. руб., а дѣйствительный дефицитъ проф. Мигулинымъ исчисляется въ 840 милл. руб. Правительство вело усиленные переговоры съ иностранными банкирами, спѣша заключить крупный заемъ до созыва Государственной Думы. Банкиры хорошо понимали игру правительства „и предложили за заемъ цѣну, совершенно невѣроятную по состоянію денежнаго рынка и для страны, только-что заключившей миръ и вступающей на путь конституціонализма“ (Мигулинъ). Они соглашались уплатить по 5% займу $80^1/_2$%—т. е. „на 15% ниже биржевыхъ расцѣнокъ прежнихъ 5% займовъ!“—и поставили условіемъ, чтобы погашеніе займа началось не ранѣе 1916 г. и чтобы въ те-

[1]) Мигулинъ. Тамъ же, стр. 1181.

ченіе двухъ лѣтъ не заключалось новаго займа. Эти условія были приняты 4 апрѣля 1906 г. Выпускная цѣна займа назначена 88%, и вся разница между этой цѣной и той, по которой заемъ уступленъ иностраннымъ банкирамъ, составляла доходъ этихъ послѣднихъ. Въ реализаціи займа приняли, впрочемъ, участіе также русскіе банки, и выручка по займу правительства опредѣлилась въ 704 милл. руб., что составляетъ 83 1/3% отъ нарицательной его цѣны. Дѣйствительный процентъ по этому займу не 5, а 6%!

Помимо прямого ущерба для государственнаго казначейства, заключеніе послѣднихъ займовъ изъ высокаго процента и съ большой скидкой съ нарицательной цѣны, не могло не повліять на пониженіе курса раннихъ нашихъ низкопроцентныхъ займовъ, что извѣстно каждому держателю, напр., 4% ренты, курсъ которой съ 99 1/2 руб. въ концѣ 1903 года упалъ до 70—71 руб. въ настоящее время.

Такимъ образомъ, на покрытіе военныхъ расходовъ до 1 января 1907 г. заключено займовъ на 2.386 милл. руб.; присоединяя 50 милл. руб., занятыхъ на прокормленіе голодающихъ, и выручку по вѣчнымъ вкладамъ (6 милл. руб.), получаемъ долгъ въ 2.442 милл. руб. Погашено было за этотъ періодъ времени 542 милл. руб.; приращеніе долга составляетъ 1.900 милл. руб. Къ началу даннаго періода государственный долгъ опредѣлился, какъ мы видѣли, въ 6.677 милл. руб.; теперь онъ поднялся почти до 8.580 милл. рублей.

IX.

Подведемъ теперь итогъ кредитнымъ операціямъ нашего правительства въ теченіе того 137-ми-лѣтняго періода, когда оно прибѣгало къ этому средству пріобрѣтенія чрезвычайныхъ рессурсовъ.

Согласно подсчетамъ проф. Мигулина, съ 1769 по 1906 г. правительство заключило займовъ на сумму 16.360 милліоновъ рублей, изъ коихъ 7.784 милл. руб. уже погашены. Исключая изъ счета 660 милл. руб. краткосрочныхъ обязательствъ государственнаго казначейства, выпускавшихся на нѣсколько мѣсяцевъ, и болѣе 5 милліардовъ рублей займовъ конверсіонныхъ, имѣвшихъ цѣлью не пріобрѣтеніе средствъ, а измѣненіе условій самихъ займовъ, мы увидимъ, что для удовлетворенія различныхъ государственныхъ нуждъ въ теченіе разсмотрѣннаго времени за-

нято было круглымъ счетомъ около 10,5 милліардовъ рублей. Куда были истрачены эти суммы? Для приблизительнаго хотя бы отвѣта на вопросъ слѣдуетъ быстро пробѣжать по пути образованія нашего государственнаго долга.

Екатерина II прибѣгала къ заключенію процентныхъ и безпроцентныхъ займовъ для полученія средствъ на веденіе войнъ. Съ этой цѣлью она выпустила займы на 36 милл. руб., и 17 м. р. занято для погашенія болѣе старыхъ военныхъ займовъ. Для войны же было выпущено и 157 милл. руб. ассигнацій. Количество ассигнацій при Павлѣ было увеличено на 56 м. р. для покрытія расходовъ итальянскаго похода Суворова. При Александрѣ I для военныхъ надобностей пущено въ обращеніе 620 милл. руб. ассигнацій и около 350 милл. руб. асс. занятыхъ суммъ. Такая же приблизительно сумма была занята для погашенія прежнихъ военныхъ займовъ и 240 милл. руб. для выкупа ассигнацій, выпущенныхъ для военныхъ же цѣлей. До сихъ поръ занятыя суммы расходовались, прямо или косвенно, почти исключительно на военныя нужды. При Николаѣ I такимъ образомъ были израсходованы суммы, полученныя реализаціей займовъ на 530 милл. руб. Онѣ пошли на погашеніе издержекъ турецкой, персидской, венгерской войны, польскаго возстанія и т. п.; на покрытіе дефицитовъ, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ расходамъ на усиленіе арміи; на исправленіе денежнаго обращенія, нарушеннаго обильными выпусками бумажныхъ денегъ для военныхъ цѣлей; на погашеніе долговъ, сдѣланныхъ для нуждъ военнаго же дѣла. Но въ это царствованіе появляются и крупные займы производительнаго назначенія: занято около 140 милл. руб. для сооруженія Николаевской желѣзной дороги.

Производительные расходы государства были почти пріостановлены въ періодъ времени 1853 — 60 гг., когда всѣ заботы финансоваго вѣдомства поглощены были двумя задачами: покрытіемъ расходовъ крымской войны и ликвидаціей казенныхъ кредитныхъ учрежденій. Крымская война потребовала выпуска 400 милл. руб. кредитныхъ билетовъ и на 320 милл. руб. процентныхъ займовъ. Для возврата вкладовъ въ казенные банки заключены займы на 650 милл. руб. Такъ какъ половина этихъ вкладовъ была заимствована (при Александрѣ I и Николаѣ I) для военныхъ расходовъ, то подъ данной формой займа фигурируютъ разсчеты по прежнимъ военнымъ операціямъ государства. Другая часть возвращаемыхъ вкладовъ была помѣщена въ ипотечныхъ ссудахъ. Займы пятнадцати лѣтъ сравнительно мирнаго времени, слѣдовавшаго за крестьянской реформой, носили по преимуществу

производительный характеръ. Болѣе милліарда рублей долга сдѣлано для сооруженія желѣзныхъ дорогъ и 400 милл. руб. для выкупа крестьянскихъ земель. Меньшія суммы израсходованы на операціи, прямо или косвенно относящіяся къ военному дѣлу: на подавленіе польскаго возстанія (70 милл. руб.), урегулированіе денежнаго обращенія (свыше 200 милл. руб.) и др. Турецкая война потребовала заключенія займовъ на 1.040 милл. руб. и выпуска кредитныхъ билетовъ на 400 слишкомъ милліоновъ рублей; въ періодъ 1877—80 гг. было занято еще 225 милл. руб. для желѣзнодорожнаго дѣла. Изъ 500 милл. руб. долга, сдѣланнаго Бунге, 270 милл. руб. затрачены на желѣзныя дороги, 180 милл. руб.—на регулированіе денежнаго обращенія, остальная сумма—на покрытіе дефицитовъ. Два послѣдніе расхода обязаны преимущественно военнымъ издержкамъ. При Вышнеградскомъ заключенъ лишь одинъ заемъ (не считая конверсіонныхъ) въ 150 милл. руб. для желѣзнодорожнаго дѣла. При Витте займы, не имѣющіе характера конверсій, выпущены на сумму 1.427 м. р.; большая часть занятыхъ суммъ затрачена на желѣзныя дороги, меньшая — на погашеніе долга по выпуску кредитныхъ билетовъ. Займы послѣднихъ трехъ лѣтъ, превышающіе 1,9 милліарда рублей, заключены почти исключительно для покрытія расходовъ русско-японской войны.

Изъ приведенной исторической справки читатель видитъ, что государственные займы выпускались у насъ почти исключительно для сооруженія желѣзныхъ дорогъ, для выкупа крестьянскихъ земель, для покрытія расходовъ войны и дефицитовъ государственнаго бюджета, вызванныхъ крупными текущими расходами военныхъ вѣдомствъ, для погашенія военныхъ долговъ, для исправленія денежнаго обращенія, разстроеннаго неумѣренными выпусками бумажныхъ денегъ на военныя цѣли. Государственные займы имѣли, слѣдовательно, въ виду почти исключительно оборудованіе страны рельсовыми путями сообщенія, выкупъ крестьянскихъ земель, вмѣстѣ съ погашеніемъ помѣщичьихъ долговъ старымъ казеннымъ банкамъ, и покрытіе военныхъ расходовъ или исправленіе недостатковъ, вызванныхъ расходами этого рода. Такъ какъ расходъ занятыхъ суммъ на желѣзныя дороги и выкупную операцію, равно какъ и другіе мелкіе долги—извѣстны, то представляется возможнымъ опредѣлить приблизительно и сумму займовъ, связанныхъ прямо или косвенно съ военными нуждами государства.

Желѣзнодорожные займы (вмѣстѣ съ долгами, переведенными на государственное казначейство, вслѣдствіе выкупа частныхъ

дорогъ) составляютъ сумму 3.365 милл. руб.; долги выкупной операціи (вмѣстѣ съ долгами помѣщиковъ казеннымъ банкамъ) не достигаютъ одного милліарда рублей; переведенные на государственное казначейство долги Царства Польскаго и „Общества Поземельнаго Кредита“ можно принять въ 250 милл. Всего займы названныхъ категорій составляютъ круглымъ числомъ 4,6 милліарда рублей. Вычитая эту сумму изъ 10,5 милліарда рублей общей суммы заключенныхъ государствомъ займовъ, мы увидимъ, что для операцій, прямо или косвенно связанныхъ съ военнымъ дѣломъ, въ теченіе разсматриваемаго 137-лѣтія выпущено займовъ на сумму 5,9 милліарда рублей. Военныя нужды поглотили, слѣдовательно, 56%, а всѣ прочія потребности государства—44% занятыхъ имъ суммъ.

Этотъ разсчетъ относится ко всей суммѣ долговъ, заключенныхъ на протяженіи 137 лѣтъ. Но мы можемъ дать приблизительное распредѣленіе, по различнымъ потребностямъ, долга, лежащаго на государствѣ въ настоящее время. Государственный контроль подраздѣляетъ наши долги на желѣзнодорожные и заключенные для общегосударственныхъ нуждъ. Послѣдній отчетъ государственнаго контроля относится къ 1905 г., но по подсчетамъ проф. Мигулина къ концу 1906 г. государственный долгъ, суммою въ 8.610 милл. руб., состоялъ изъ 3.155 милл. руб., принадлежащихъ къ первой категоріи, и 5.455 милл. руб., относящихся ко второй. Категорія долговъ для общегосударственныхъ нуждъ обнимаетъ, какъ намъ извѣстно, займы, заключенные для военныхъ цѣлей, долги выкупной операціи, переведенные на государственное казначейство, долги различныхъ учрежденій и т. п. Бумаги выкупной операціи замѣнены 4% рентой на сумму 470 милл. руб.; долги „Общества взаимнаго поземельнаго кредита“ составляютъ около 120 милл. руб.; пріобрѣтенныя облигаціи нѣкоторыхъ промышленныхъ предпріятій—около 20 милл. руб.; долги Царства Польскаго уже погашены. Такимъ образомъ, въ суммѣ долговъ, включенныхъ въ категорію долговъ на общегосударственныя надобности, мы насчитаемъ свыше 600 милл. руб., не связанныхъ съ военными нуждами. Сюда же слѣдуетъ отнести и около 340 милл. руб. займовъ Витте, израсходованныхъ на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ. Остальную сумму долговъ данной категоріи можно съ большой вѣроятностью считать вызванной, прямо или косвенно, военными нуждами государства. Такимъ образомъ, распредѣленіе современнаго государственнаго долга по главнѣйшимъ предметамъ назначенія занятыхъ суммъ приметъ слѣдующій видъ:

желѣзнодорожные долги . . .	3,5 милліарда руб.	40,7%
военные	4,5 „ „	52,3%
прочіе	0,6 „ „	7,0%
Итого . .	8,6 милліарда руб.	100%

Мы видимъ, что и по этому разсчету займы, заключенные для военныхъ потребностей, образуютъ болѣе половины государственнаго долга Россіи. Значеніе милитаризма въ данномъ отношеніи покажется еще значительнѣе, если принять во вниманіе, что многія желѣзнодорожныя линіи сооружались не съ коммерческими, а со стратегическими цѣлями.

Расходы по системѣ государственнаго кредита приближаются, какъ намъ извѣстно, къ 400 милл. руб. въ годъ. Не менѣе 200 милл. руб. этой суммы приходится на военные займы. Если этотъ расходъ причислить къ 470 милл. руб., назначеннымъ по смѣтамъ 1907 года на военное и морское министерства, то бремя текущихъ платежей, упавшее на государственное казначейство вслѣдствіе военныхъ затратъ прошлаго и настоящаго времени, оказывается достигшимъ 670 милл. руб., что составляетъ болѣе 30% поступленія государственныхъ доходовъ, ожидаемыхъ въ этомъ году—въ суммѣ 2.175 милл. руб. Исчисленное отношеніе не выражаетъ, однако, достаточно полно бремя военныхъ расходовъ, лежащее на бюджетѣ. Приведенная выше сумма государственныхъ доходовъ 1907 г. составляетъ простой итогъ всѣхъ поступленій, ожидаемыхъ государственнымъ казначействомъ. Ее же слѣдуетъ исправить такимъ образомъ, чтобы получить приблизительную сумму средствъ, могущихъ быть затраченными на удовлетвореніе государственныхъ потребностей. Для этого нужно изъ нея исключить 720 милл. руб. оборотныхъ суммъ, расходуемыхъ на хозяйственныя казенныя операціи (винная монополія, желѣзныя дороги и т. п.). Тогда сумма государственныхъ рессурсовъ низойдетъ до 1.455 милл. руб., и расходъ, обусловленный военными дѣлами прошлаго и настоящаго (670 милл. руб.), окажется поглощающимъ 47% средствъ, назначаемыхъ для удовлетворенія государственныхъ потребностей.

Въ началѣ настоящаго очерка мы приводили указанія историковъ на то, что военные расходы поглощали въ прежнія времена отъ 1/2 до 2/3 суммы государственныхъ доходовъ, и уже вслѣдствіе этого обстоятельства правительство Россіи давно лишено было возможности затрачивать сколько-нибудь крупныя суммы на удовлетвореніе культурныхъ потребностей страны. Сдѣланные выше разсчеты показываютъ, что таково же положе-

ніе и современнаго государственнаго бюджета. Правительство отпускаетъ на военное дѣло и нынѣ ту же половину своихъ рессурсовъ, какая расходовалась на военныя надобности при московскихъ царяхъ. Не много, поэтому, можетъ удѣлять изъ своихъ средствъ и современное государство на удовлетвореніе культурныхъ потребностей народа.

В. В.

ИЗЪ КНИГИ: „ТОСКА БЫТІЯ“.

I.

Измята жизнь сомнѣньемъ и тоскою,
Отравленъ сонъ моихъ безпечныхъ дней,
Покрыто все холодной, мертвой мглою
Въ ночной тиши больной души моей.

О, еслибъ мнѣ отраду самомнѣнья
И вѣру бодрую въ величье малыхъ дѣлъ,—
Я бъ усыпилъ безсонныя мученья,
Я бъ на землѣ счастливымъ быть съумѣлъ!

II.

О, полюби меня, хотя бы на мгновенье,
Чтобъ могъ въ твоихъ глазахъ опять прочесть я страсть,—
Объятый холодомъ безсоннаго сомнѣнья,
Я въ бездну ужаса боюсь душой упасть.

О, полюби меня, хотя бы на мгновенье,
Чтобъ свѣтлый сонъ небесъ блеснулъ въ твоихъ глазахъ,
Чтобъ къ Вѣчности во мнѣ опять зажглось стремленье,
Чтобъ на меня сошло отрадное забвенье
И отъ души отпалъ безумный смерти страхъ!

III.

Тщетною надеждой ранъ души не множь:
Въ жизни, кромѣ Смерти, все—мечта и ложь.

Все уходитъ въ вѣчность, какъ минутный бредъ,
Отъ всего навѣки угасаетъ слѣдъ.
Смерть велитъ Рожденью къ жизни насъ призвать;
Чтобъ на насъ съ рожденья наложить печать,
Чтобъ за нами всюду на землѣ слѣдить,
Чтобъ порвать навѣки жизненную нить...
Тщетною надеждой ранъ души не множь:
Въ жизни, кромѣ Смерти, все—мечта и ложь!

НАПОЛЕОНЪ.

Когда, боясь безумной власти,
Его могущества и страсти,
Предъ нимъ лежали всѣ въ пыли,
Въ своемъ мышленіи убогомъ
Онъ мнилъ себя безсмертнымъ богомъ,
Самодержавный царь земли!..

Но мигъ—и пали храма стѣны.
На островѣ Святой-Елены
Угасъ навѣкъ Наполеонъ.
Такъ гдѣ же взоры огневые,
И гдѣ дѣла его былыя,
И гдѣ же слѣдъ его, гдѣ онъ?..

О, вы, борцы за мигъ отрады,
О, вы, что лишь земному рады,
Рабы минутнаго труда!—
Поймите истину отъ вѣка:
Проходитъ племя человѣка—
И нѣтъ отъ дѣлъ людскихъ слѣда!

Д. Ратгаузъ.

МИЦКЕВИЧЪ и ПУШКИНЪ

ВЪ

НОВОМЪ ОСВѢЩЕНІИ

I.

Несмотря на то, что соединеніе именъ двухъ великихъ поэтовъ славянства не разъ служило темой для сравнительно-біографическихъ очерковъ,—каждая новая работа на эту же тему можетъ представлять глубокій интересъ. „Солнце“ новой русской поэзіи и мощный „богъ литовскихъ лѣсовъ“ были дружны между собою, ихъ соединялъ цѣлый рядъ звеньевъ, между ними много сходства и—крупная разница. Опредѣлить именно и то, и другое—такова была цѣль у проф. русской литературы краковскаго университета Іосифа Третяка, автора образцовыхъ монографій о молодыхъ годахъ Мицкевича, Словацкомъ, — множества мелкихъ изслѣдованій, собранныхъ въ двухъ томахъ „Литературныхъ эскизовъ“ и мн. др. Недавно изданная имъ книга состоитъ изъ шести частей. Двѣ изъ нихъ относятся спеціально къ Мицкевичу, двѣ—къ Пушкину, двѣ—одновременно къ обоимъ поэтамъ [1]).

Первый очеркъ посвященъ разбору „Конрада Валленрода“ (стр. 1—34), этого символическаго воплощенія идеи „мести“ за притѣсненія родного народа, идеальнаго патріота, для котораго не существуетъ личнаго счастья,—героя, способнаго на вся-

---

[1]) Józef Tretiak, „Mickiewicz i Puszkin“. Studya i szkice. Z 2-ma portretami. Варшава, 1906. Стр. 334.

кія жертвы, лишь бы возвеличить свой народъ. Внимательное изученіе психологіи Валленрода показало проф. Третяку, что герой поэмы Мицкевича—не цѣльная натура, такъ какъ Валленродъ поддается мимолетнымъ впечатлѣніямъ, а послѣднія идутъ въ разрѣзъ съ основной идеей. Онъ поддается вліянію Гальбана, который изъ второстепеннаго дѣйствующаго лица превращается въ главное, по крайней мѣрѣ, фактически,—и гибель Конрада можно объяснить, какъ результатъ дѣйствія на него стихійной натуры Гальбана. Такова главная мысль очерка „*Идея Валленрода*", и критикъ думаетъ, что въ самомъ процессѣ творчества польскій поэтъ уклонился отъ первоначальнаго замысла, такъ сказать, отнявъ у Конрада исключительно активную роль.

Второй очеркъ носитъ названіе—„*Историческій фонъ Пана Тадеуша*" (стр. 37—54). Какъ извѣстно, въ поэмѣ описанъ или же только намѣченъ рядъ историческихъ событій, имѣвшихъ глубокое значеніе для Польши, начиная съ XVI вѣка. Критикъ обращаетъ вниманіе на то, что Мицкевичъ сначала говоритъ о Польшѣ и Литвѣ, а затѣмъ—съ момента ихъ соединенія—интересуется не древней „Пястовской" Польшей, а „языческой" Литвой, почему всю поэму критикъ предлагаетъ разсматривать, какъ „результатъ литовско-русскаго элемента, сочетавшагося съ польской цивилизаціей".

II.

Спеціально Пушкина касаются двѣ статьи: „Молодость Пушкина" (стр. 57—105) и „Пушкинъ и Россія" (стр. 307—334). Въ первой — проф. Третякъ вкратцѣ пересказываетъ біографію поэта и разсматриваетъ важнѣйшія его произведенія до 1826 года, съ котораго (появленіе „Бориса Годунова"), какъ думаютъ нѣкоторые русскіе критики, начинается собственно русскій, „національный" періодъ въ творчествѣ Пушкина. Кромѣ того, въ томъ же году произошло знакомство его съ Мицкевичемъ, почему слѣдующая по мѣсту въ сборникѣ статья—„Слѣды вліянія Мицкевича въ поэзіи Пушкина"—можетъ считаться въ нѣкоторомъ родѣ продолженіемъ первой. Объ упомянутой статьѣ скажемъ ниже.

„Молодость Пушкина"—результатъ глубокихъ изученій краковскаго профессора, знакомаго съ первоисточниками не хуже многихъ нашихъ пушкинистовъ. Проф. Третякъ хорошо понимаетъ эпоху, создавшую „русскаго барда"—тотъ „жестокій вѣкъ", который своей тяжелой рукой постоянно давилъ творческую мысль

Пушкина и лучшихъ его современниковъ. Объ этомъ идетъ рѣчь и въ статьѣ „Пушкинъ и Россія". Здѣсь авторъ приводитъ всѣ біографическіе факты и отрывки изъ произведеній, которые говорятъ о томъ, что Пушкинъ боролся съ Николаевской системой, и опровергаютъ мало основательный взглядъ на Пушкина, какъ на представителя поэзіи „легкой", „искусства для искусства". Изслѣдователь понимаетъ, почему раньше Пушкина у насъ не могло быть поэта, который давалъ бы отвѣтъ на всѣ явленія русской дѣйствительности. Недаромъ Пушкинъ появился тогда, когда въ могилу сходилъ Державинъ, когда къ тому же приближался Карамзинъ, когда для уходящихъ поколѣній перепѣвалъ свои послѣднія пѣсни Жуковскій. Явился „юноша" и заговорилъ новымъ языкомъ. „То былъ новый, до тѣхъ поръ неизвѣстный языкъ настоящей поэзіи. Правда, въ первыхъ произведеніяхъ новаго поэта чувствовался еще слѣдъ образцовъ, на которыхъ онъ воспитался, но вмѣстѣ съ тѣмъ было видно, съ какой легкостью онъ опережалъ эти образцы, съ какой свободой переливалъ игру своей фантазіи въ ритмичный потокъ пѣсни. Впрочемъ, не въ одномъ этомъ состояла неслыханная новость этого явленія. Еще такъ недавно воспѣвавшій главнымъ образомъ Вакха и Киприду, чудесный юноша вдругъ настроилъ лиру на важный и грозный ладъ—и громко запѣлъ пѣснь во славу свободы" (стр. 308). Далѣе, Третякъ описываетъ то впечатлѣніе, которое произвели новые мотивы на военныхъ, долгое время стоявшихъ въ походахъ за-границей. Очевидно, здѣсь идетъ рѣчь объ одѣ „Вольность", только недавно полностью изданной въ Россіи (2-й томъ академическаго изданія). Въ этой одѣ вылился весь Пушкинъ. „Свершилось... Двадцатилѣтній смѣльчакъ бросилъ перчатку всемогущей идеѣ самодержавія. Первый разъ свобода въ Россіи нашла поэтическаго герольда. Перчатку сейчасъ же подняли, чтобы „для примѣра" наказать мальчишку,—и только благодаря вліятельнымъ друзьямъ поэта, удалось его избавить отъ суроваго заточенія въ Соловецкій монастырь и замѣнить наказаніе ссылкой въ южныя губерніи государства. Наказаніе, постигшее самонадѣяннаго юношу за гимнъ въ честь свободы въ царствѣ деспотизма, продолжалось шесть лѣтъ—до смерти Александра I и еще нѣсколько времени спустя. За это время въ самомъ Пушкинѣ произошло много перемѣнъ, но судьба его все-таки не измѣнилась... Несмотря на всѣ свои ходатайства, онъ принужденъ былъ прозябать въ своемъ имѣніи, Михайловскомъ".

Затѣмъ, проф. Третякъ говоритъ о положеніи „вольнодумца",

на котораго такъ сурово смотрѣли „сферы". „Но умираетъ императоръ Александръ I, и вскорѣ на улицахъ Петербурга возносится знамя конституціонной свободы,—то самое, которое пять лѣтъ тому назадъ поднялъ Пушкинъ въ своей „Одѣ вольности". У новаго самодержца, противъ котораго было поднято это знамя, не было недостатка въ послѣдовательности и отвагѣ; и вотъ, онъ сразу же покончилъ съ покушеніемъ, которымъ руководили какія-то неясныя мечтанія о свободѣ. Декабристы были жестоко наказаны, но Пушкинъ имѣлъ возможность убѣдиться, что если по отношенію къ декабристамъ императоръ Николай оказался неумолимымъ, то по отношенію къ нему онъ хотѣлъ быть особенно ласковымъ и снисходительнымъ. Императоръ послалъ за нимъ фельдъегеря, приказалъ привезти къ себѣ, самъ объявилъ, что даруетъ ему свободу и—неслыханная милость—отнынѣ самъ будетъ его цензоромъ. Пушкинъ былъ ослѣпленъ внезапной перемѣной своихъ отношеній къ могучему самодержцу и въ первую минуту не замѣчалъ опасностей, таящихся на пути, который открывался предъ нимъ. Ему улыбалась надежда занять высокое положеніе въ обществѣ, положеніе посредника между царемъ и народомъ, въ особенности съ той частью народа, которая отличалась либеральными стремленіями. Ему казалось, что онъ будетъ имѣть возможность стоять у трона безъ іерархическаго отличія, съ однимъ только іерархическимъ признакомъ генія на челѣ, и пѣсней дѣйствовать на душу самодержца, настраивая ее и дѣлая доступной для пробуждающихся высшихъ стремленій народа. Началась единственная въ своемъ родѣ игра: царь хотѣлъ воспитать поэта, а поэтъ хотѣлъ на свой ладъ настроить царя. Эту игру началъ царь. Съ цѣлью „испытать" поэта и сразу поставить его на новую дорогу, онъ поручилъ ему представить свои соображенія относительно тогдашняго воспитанія молодежи въ Россіи. Благодаря вмѣшательству шефа жандармовъ Бенкендорфа, изъ этого ничего не вышло. Когда Пушкинъ представилъ свой проектъ, царь поблагодарилъ, но къ „либеральнымъ" заключеніямъ отнесся недоброжелательно и далъ понять, въ какомъ направленіи надлежитъ „совершенствоваться", чтобы заслужить признательность и довѣріе правительства... Долго продолжалась неравная борьба, роковымъ образомъ клонившаяся къ тому роковому результату, къ которому должно привести единоборство свободнаго поэта съ могущественнымъ владыкой. Пушкинъ на цѣлую голову былъ выше тогдашняго свѣтскаго петербургскаго общества, ненавидѣлъ его—и оно платило ему тѣмъ же. Нужно ли удивляться, что это разногласіе

должно было имѣть какой-нибудь исходъ, долженъ былъ явиться кто-нибудь, кто „избавилъ“ бы самодовольную и пресыщенную толпу отъ смѣлыхъ пѣсенъ поэта?—Явился Дантесъ—и въ концѣ января все было кончено. Такъ закончилась трагедія жизни Пушкина, борьба поэта между высокими вдохновеніями и слабой волей, борьба съ могуществомъ русскаго самодержавія. Послѣ него оставалась поэзія. Хотя самъ Пушкинъ умеръ и уже не могъ быть ни врагомъ, ни союзникомъ самодержавія, но не только та поэзія, которая была просѣяна сквозь рѣшето цензуры, но и та, что еще скрывалась въ его бумагахъ и могла заключать въ себѣ не одинъ непріятный сюрпризъ для существующаго порядка, не была забыта Николаемъ. И когда поэтъ страдалъ въ страшныхъ предсмертныхъ мукахъ, императоръ вызвалъ къ себѣ Жуковскаго и приказалъ ему опечатать бумаги Пушкина, а затѣмъ пересмотрѣть ихъ, чтобы изъ нихъ не вырвалось на свѣтъ Божій что-нибудь „неблагопріятное по отношенію къ правительству“ (стр. 327). По этому поводу, историкъ литературы припоминаетъ сдѣланную Жуковскимъ извѣстную замѣну въ „Памятникѣ“, и приходитъ къ выводу, что Пушкинъ имѣлъ право говорить о своемъ безсмертіи за то, что „въ мой жестокій вѣкъ возславилъ я свободу“.

Особенно интересна въ этомъ очеркѣ характеристика поэта. Разсказавъ исторію борьбы великаго поэта съ окружающей его обстановкой, І. Третякъ характеризуетъ Пушкина слѣдующимъ образомъ: „Это была чудесно поющая птица, которую всю жизнь продержали въ клѣткѣ. Во второй половинѣ жизни птицы, эту клѣтку старались устроить такъ, чтобы плѣнникъ не тосковалъ по свободѣ: ему обильно сыпали зерно, дали прекрасную самку,—и онъ мирился съ прутьями своей клѣтки... Но случалось, что, услышавъ издали свободный голосъ птицъ, летающихъ среди зелени и солнца,—онъ бросался на золоченую рѣшетку, отдѣлявшую его отъ свободнаго міра, и напрасно ударялъ въ нее крыльями. Онъ и убился во время одной изъ такихъ попытокъ сломать рѣшетку“ (стр. 329).

Двѣ статьи, вошедшія въ сборникъ, посвящены и польскому, и русскому поэтамъ. Очеркъ „Мицкевичъ и Пушкинъ, какъ байронисты“ (стр. 109—185) даетъ такой выводъ. Если по степени своей силы вліяніе англійскаго поэта было одинаково у обоихъ, то въ результатахъ этого вліянія замѣтна глубокая разница. Менѣе глубокій по натурѣ и аристократъ, Пушкинъ плѣнялся въ немъ преимущественно „донжуанизмомъ“; затѣмъ онъ нашелъ въ Байронѣ нѣчто близкое себѣ въ грусти, въ разо-

чарованіи англійскаго поэта. Но того, что можно назвать „героизмомъ“ (терминъ — столь характерный для извѣстной фракціи романтизма), у Пушкина почти не найдемъ. Мицкевичъ, наоборотъ, совсѣмъ не знаетъ „донжуанизма“, свой откликъ на болѣзненную грусть онъ показалъ только въ нѣсколькихъ переводахъ; зато, „героизмомъ“ отмѣчены у него такія фигуры, какъ Фарисъ, Валленродъ, Робакъ изъ „Пана Тадеуша“ и Конрадъ изъ „Поминокъ“.

III.

„Слѣды вліянія Мицкевича на Пушкина“ (стр. 189—303)— самая большая, самая серьезная по методу и самая цѣнная по результатамъ статья проф. I. Третяка. Она носитъ характеръ изслѣдованія и нисколько не теряетъ отъ того, что авторъ часто полемизируетъ съ В. Спасовичемъ („Пушкинъ и Мицкевичъ у памятника Петра Великаго“). Опускаемъ ту часть, которая говоритъ о знакомствѣ поэтовъ, такъ какъ объ этомъ періодѣ на русскомъ языкѣ существуетъ нѣсколько статей,—конечно, разныхъ достоинствъ. Пушкинъ восторгался Мицкевичемъ, и объ этомъ вполнѣ опредѣленно говоритъ другъ польскаго поэта, Одынецъ. Проф. Третякъ припоминаетъ стихотворенія Пушкина, въ которыхъ рѣчь идетъ о Мицкевичѣ („Съ нимъ дѣлились мы и чистыми мечтами, и пѣснями“...), и даетъ мѣткую сравнительную характеристику. Прежде всего, онъ отказывается сравнивать ихъ, какъ художниковъ, потому что на высотѣ стояли и тотъ, и другой. „Оба они были великолѣпные мастера; у обоихъ слово являлось полнымъ, сильнымъ и прекраснымъ выраженіемъ мысли. По образованію они также были одинаковы. Но разница скрывалась въ темпераментѣ и воспитаніи, т.-е. въ той суммѣ, которая называется характеромъ. Мицкевичъ былъ одаренъ яркимъ темпераментомъ, такимъ, который всегда въ состояніи подчинять одни впечатлѣнія и представленія другимъ. Съ такимъ цѣльнымъ характеромъ, какой былъ у Мицкевича, людей было немного. Характеру Пушкина недоставало именно этой цѣльности. В. Спасовичъ красиво и удачно сравнилъ его съ морской волной—вѣчно подвижной и измѣняющей окраску въ зависимости отъ времени дня. Душа Пушкина была способна подниматься къ возвышеннымъ идеаламъ и обнимать ихъ, но не умѣла глубоко проникаться ими и подчиняться имъ навсегда. Своими корнями эти идеи не углублялись въ душу Пушкина и не становились его религіей прежде всего потому, что въ немъ вообще не было

религіозности, которая могла бы питать и освящать ихъ. Во-вторыхъ, очень трудно было бы обуздать силу страстей, которая волновала эту морскую волну. Такимъ образомъ, въ душѣ Пушкина происходилъ разладъ, и хотя Пушкинъ—въ силу живости разнообразныхъ страстей—легко примирялся съ жизнью, сглаживалъ или же надолго подавлялъ этотъ разладъ, тѣмъ не менѣе иногда онъ проявлялся во всей силѣ. Это бывало всякій разъ, когда подъ вліяніемъ какого-нибудь болѣе сильнаго впечатлѣнія идеалы молодости получали первоначальную свѣжую и чистую окраску".

Такова была почва, на которую могло упасть новое зерно—знакомство съ Мицкевичемъ, которое вызвало къ жизни именно то, что таилось на днѣ души русскаго поэта, и могло повести за собой новый разладъ. Пушкинъ увидѣлъ въ натурѣ Мицкевича неизвѣстную ему гармонію, и, по мнѣнію проф. Третяка, это и было то превосходство, о которомъ упомянуто раньше. И если Пушкинъ не зналъ ни гордости, ни зависти, то сознаніе собственной немощи вмѣстѣ съ неотвязчивымъ сравненіемъ самого себя съ Мицкевичемъ, быть можетъ, тяжело отзывалось въ его сердцѣ. Далѣе, изслѣдователь думаетъ, что то мрачное настроеніе, которое звучитъ въ стихотвореніяхъ „Предчувствіе", „Воспоминаніе" и „26-ое мая 1827 года", можно объяснить, какъ результатъ указаннаго сравненія, которое такъ легко и неизбѣжно должно было имѣть мѣсто въ душѣ подвижного и отзывчиваго Пушкина. Мы думаемъ, что отрицать подобное расположеніе нельзя, и о мрачномъ настроеніи Пушкина въ это именно время (зима 1828 года) говоритъ А. Кернъ; но скорѣе всего оно стоитъ въ связи съ болѣе сознательнымъ отношеніемъ Пушкина въ это время къ дѣйствительности вообще, съ другой стороны—съ особенно усилившимися придирками жандарма Бенкендорфа, съ отказами поступить на службу, выѣхать за-границу и т. д.

Согласиться съ проф. Третякомъ, и опять только въ принципѣ, можно и относительно другого его предположенія, будто фигура Мазепы въ „Полтавѣ" приняла извѣстную окраску подъ вліяніемъ Валленрода, написаннаго Мицкевичемъ въ „рембрандтовскомъ освѣщеніи". Какъ извѣстно, мысль о созданіи этой фигуры появилась у Пушкина подъ вліяніемъ нѣсколькихъ стиховъ „Войнаровскаго" Рылѣева, и едва ли въ основѣ характера гетмана лежала та же мысль, которая такъ красива и такъ цѣльна въ „Валленродѣ". Во всякомъ случаѣ, все сказанное о Мазепѣ съ точки зрѣнія „контраста", какъ художественнаго пріема (стр. 224 — 226), заслуживаетъ вниманія. Не менѣе

интересно все, что говоритъ проф. Третякъ о стихотворенiи „Анчаръ“, которое онъ считаетъ „отголоскомъ, вызваннымъ силой контраста“ между Пушкинымъ и Мицкевичемъ (стр. 222). Впрочемъ, при чтенiи этого мѣста являются сомнѣнiя: нельзя ли этотъ вопросъ разрѣшить проще и естественнѣе? Вѣдь юный Пушкинъ вращался не только среди „поклонниковъ Вакха и Киприды“—и теперь объ этомъ говорятъ все чаще и настойчивѣе. Въ кругу его знакомыхъ мы встрѣчаемъ такихъ идейныхъ людей, какъ Пущинъ, Рылѣевъ, Пестель, Чаадаевъ. Нѣкоторыхъ изъ нихъ поэтъ цѣнилъ чрезвычайно высоко до конца жизни. Мы не знаемъ въ точности содержанiе ихъ бесѣдъ, но намъ не безъизвѣстно, какихъ предметовъ касались онѣ. Вотъ, напримѣръ, что Пушкинъ писалъ между прочимъ въ своемъ кишиневскомъ дневникѣ: „Утро провелъ я съ Пестелемъ; умный человѣкъ во всемъ смыслѣ этого слова. Mon coeur est matérialiste, — говоритъ онъ,—mais ma raison s'y refuse. Мы съ нимъ имѣли разговоръ метафизическiй, политическiй, нравственный и проч. Онъ—одинъ изъ самыхъ оригинальныхъ умовъ, которые я знаю...“ По посланiямъ и стихамъ къ Чаадаеву тоже легко догадаться, что друзья его близко подходили къ той идеѣ, которая выражена въ „Анчарѣ“. Эта идея запала въ чуткую и воспрiимчивую душу поэта, и если мы повѣримъ свидѣтельству современниковъ, что для Пушкина „не пропадали на цѣлую жизнь ни одно чтенiе, ни одинъ разговоръ, ни одна минута размышленiя“,—то для насъ станетъ ясно, что эти идеи не могли зачахнуть въ душѣ поэта и при первомъ толчкѣ должны были воплотиться въ живые образы. При наличности же Николаевской „системы“, во всякаго рода „толчкахъ“ не было недостатка.

IV.

Затѣмъ, проф. Третякъ останавливается на нѣсколькихъ строфахъ стихотворенiя Мицкевича „Къ друзьямъ-москалямъ“. Поэтъ рисуетъ мрачную картину въ судьбѣ тѣхъ друзей, которыхъ онъ зналъ въ Россiи, и изъ которыхъ не одинъ теперь, какъ ему представлялось, уже заклейменъ или же промѣнялъ честь на царскую службу, унижается, словно холопъ, за деньги слагаетъ гимнъ въ честь побѣдъ и т. д. Восемь лѣтъ тому назадъ, проф. Третякъ напечаталъ первоначальную редакцiю стихотворенiя „Do przyacioł Moskali“, которая относилась къ 1830 году. На основанiи послѣдней даты было опровергнуто прежнее пред-

положеніе, будто Мицкевичъ имѣлъ въ виду Пушкина и Жуковскаго, когда съ презрѣніемъ говорилъ объ „оскорбившихъ насмѣшливымъ упрекомъ братьевъ“ и поющихъ „гимнъ побѣдъ продажнымъ языкомъ“. Очевидно, разумѣется извѣстный ихъ „патріотическій“ сборникъ. Тѣмъ не менѣе, по существу упрекъ былъ справедливъ, — и Пушкинъ имѣлъ случай убѣдиться, что его бывшій другъ, польскій поэтъ, намекаетъ на него, такъ рѣзко порвавшаго съ идеалами молодыхъ годовъ. А когда появился „Памятникъ Петра Великаго“ Мицкевича, — Пушкинъ счелъ нужнымъ отвѣтить „великому противнику“. Оставался вопросъ только въ формѣ отвѣта. Чего-нибудь вродѣ пресловутаго „Клеветникамъ Россіи“ Пушкинъ уже не могъ написать, и подъ впечатлѣніемъ этого стихотворенія Мицкевича, въ его фантазіи сложилась яркая связь между наводненіемъ Петербурга и памятникомъ его основателя. Какъ извѣстно, Мицкевичъ проводитъ мысль обратную той, которая положена въ основу Пушкинскаго „Мѣднаго Всадника“, и сопоставленіе обоихъ поэтовъ составляетъ одну изъ наиболѣе важныхъ заслугъ изслѣдованія проф. Третяка.

Для того, чтобы вполнѣ оцѣнить эту часть его работы, познакомимся вкратцѣ съ тѣмъ, что до сихъ поръ было извѣстно по означенному вопросу. Въ 68-и стихахъ „Памятника Петру Великому“ Мицкевичъ изобразилъ свою бесѣду съ Пушкинымъ, въ 1828 году, на тему о дѣятельности и личности великаго преобразователя. По мнѣнію В. Спасовича, правда и вымыселъ въ этомъ произведеніи Мицкевича тѣсно переплетаются между собой. Одинъ изъ отрывковъ эпизода „Петербурга“ („Олешкевичъ — канунъ петербургскаго наводненія 1824 г.“) основой своей имѣетъ вымыселъ, такъ какъ Мицкевичъ пріѣхалъ въ Петербургъ 8 ноября, т.-е. на другой день послѣ наводненія, и лично не видалъ катастрофы. Свою первую встрѣчу съ Олешкевичемъ Мицкевичъ описываетъ такъ. — „Морозная зима царитъ въ Петербургѣ. Одинъ изъ одиннадцати странниковъ, пилигримъ, остался на дворцовой площади и вперилъ во дворецъ быстрые взоры, словно два ножа. За нимъ слѣдилъ незнакомецъ, обратившійся къ нему со словами: „Я христіанинъ и полякъ; привѣтствую тебя знаменемъ креста и всадника“ (pogoń — государственный гербъ великаго княжества литовскаго). Въ другомъ отрывкѣ, такъ же посвященномъ Олешкевичу и отнесенному къ кануну наводненія, дѣйствуютъ тѣ же одиннадцать странниковъ. Передъ ними на замершую (!) рѣку по гранитнымъ ступенямъ спускается мистикъ „гусляръ“, съ фонаремъ и книгой въ ру-

кахъ, и затѣмъ возвращается съ грозными предсказаніями на-
устахъ. Одинъ изъ одиннадцати слѣдуетъ за Олешкевичемъ, по-
тому что его поразилъ „голосовой (?) звукъ, таинственныя слова".
Онъ тотчасъ вспомнилъ, что уже слышалъ этотъ звукъ; онъ
бѣжалъ опрометью за неизвѣстнымъ темной ночью и въ не-
настье".—И самъ Пушкинъ отмѣчалъ фактъ, что при описаніи
наводненія Мицкевичъ не слѣдовалъ дѣйствительности, а фанта-
зировалъ. Мицкевичъ изображаетъ наводненіе въ такихъ карти-
нахъ: „Небо горитъ сильнѣйшимъ морозомъ—вдругъ потускнѣло...
снѣгъ сталъ таять... вѣтры подняли головы съ полярныхъ льдовъ,
словно морскія чудовища, сѣли верхомъ на волны, сняли съ
нихъ оковы. Слышу — морская бездна разнуздана, она мечется
чрезъ водяныя удила"... „Жаль, что описаніе"—писалъ Пушкинъ
о картинѣ наводненія Мицкевича—„неточно: снѣгу не было,
Нева не была покрыта льдомъ".

Въ центрѣ „Памятника Петру Великому" Мицкевичъ сдѣ-
лалъ сопоставленіе между памятникомъ Марку Аврелію въ Римѣ
и Петру въ Петербургѣ и между ихъ личностями. Мицкевичъ пре-
клонялся передъ Маркомъ Авреліемъ—кроткимъ правителемъ, ми-
ротворцемъ, возвращающимся на Капитолій послѣ усмиренія внѣ-
шнихъ враговъ,—какъ онъ изображенъ въ статуѣ. „Прекрасенъ
ликъ его, кроткій и благородный. На лицѣ сіяетъ мысль о благѣ
государства. Одну руку онъ тихо поднялъ, словно хотѣлъ благо-
словить толпы своихъ подданныхъ. Другой рукой, опущенной на-
бразды, онъ укрощаетъ порывы своего коня. Чувствуешь, что
много народа стояло на пути, и что народъ кричалъ: „Возвра-
щается отецъ нашъ, цезарь". Цезарь желаетъ тихо проѣхать
между толпящимися и всѣхъ привѣтствовать отеческимъ покло-
номъ. Конь опустилъ гриву, мечетъ огонь изъ глазъ, но сознаетъ,
что везетъ любимѣйшаго гостя, что везетъ отца милліоновъ лю-
дей, — и самъ сдерживаетъ свою прыть и живость. Дѣтямъ по-
зволено подойти къ отцу, глядѣть на него. Конь идетъ шагомъ,
мѣрно, по ровному пути — предчувствуетъ, что идетъ къ без-
смертью"... Образъ Петра Мицкевичъ характеризуетъ не безъ
ироніи: „Царю Петру не пригодно стоять на собственной землѣ;
въ отечествѣ ему не такъ, какъ слѣдуетъ, просторно, и почву
для него рѣшено добыть заморскую. Велѣно вырыть изъ фин-
скихъ береговъ гранитный холмъ, который, по слову владычицы
Екатерины II, плыветъ по морю, бѣжитъ по сушамъ и падаетъ
навзничь въ городѣ предъ царицей... Царь Петръ опустилъ
бразды лошади,—видно, летѣлъ онъ, все топча на пути. Сразу
вскочилъ онъ на самый край скалы. Бѣшеный конь уже при-

поднялъ копыта, — царемъ не удерживаемый, конь скрежещетъ, кусая удила. Чувствуешь, что онъ полетитъ и разобьется вдребезги...“ Эту характеристику Петра Великаго, являющуюся отраженіемъ личныхъ взглядовъ Мицкевича, поэтъ вложилъ въ уста Пушкина. И Пушкинъ, подвергая критикѣ однѣ только мелкія подробности наводненія, не отрицалъ главныхъ взглядовъ, приписанныхъ ему Мицкевичемъ. Мицкевичъ сравниваетъ скачущаго, но не падающаго со скалы всадника съ замершимъ горнымъ водопадомъ, который повисъ надъ бездной. Отрывокъ заканчивается словами, съ которыми Пушкинъ никогда не могъ согласиться, которыя были той струей потока, навѣки раздѣлившей двѣ „родственныя альпійскія вершины“:

Lecz skoro słońce swobody zabłysnie,
I wiatr zachodni ogrzeje te państwa,—
I cóż się stanie z kaskadą tyraństwa?..

Знакомство Пушкина съ этими произведеніями Мицкевича, по мнѣнію прежнихъ изслѣдователей, несомнѣнно, было одной изъ причинъ, заставившихъ его создать поэму „Мѣдный Всадникъ“, гораздо болѣе крупную по размѣрамъ, чѣмъ отрывокъ польскаго поэта.

Проф. Третякъ относится къ разбираемой темѣ болѣе глубоко, и указанное раньше сопоставленіе между Мицкевичемъ и Пушкинымъ говоритъ за себя очень многое. Приводятся слѣдующіе примѣры. Описывая канунъ наводненія, Мицкевичъ говоритъ, что „ничтожные подданные, живущіе въ этихъ низкихъ домикахъ, прежде всего будутъ наказаны за него (Петра I), потому что, ударяя въ мертвыя стихіи, громъ начинаетъ съ верху, съ горы и башни; а (ударяя) въ людей, онъ прежде всего ударяетъ въ низины и раньше другихъ поражаетъ самыхъ невинныхъ“. Такимъ образомъ, это мѣсто („Олешкевичъ“) направлено противъ идеи государственности, и на первый планъ воздвигается счастье отдѣльныхъ подданныхъ. Въ концѣ концовъ Мицкевичъ рисуетъ побѣду индивидуальнаго начала надъ государственнымъ. И Евгеній въ „Мѣдномъ Всадникѣ“ сначала угрожаетъ „строителю чудотворному“ какъ разъ за то, что, выбирая мѣсто для новой столицы, Петръ имѣлъ въ виду только государственные интересы. Но дальнѣйшій ходъ темы и особенно послѣдняя сцена (сумасшедшій Евгеній), вмѣстѣ съ эпилогомъ, построены такъ, чтобы оправдать Петра и показать ничтожество отдѣльной личности и торжество идеи государственности.

Эта мысль проф. Третяка, въ свое время удачно отвѣтив-

шаго В. Спасовичу, который отрицалъ связь между разсматриваемыми произведеніями Пушкина и Мицкевича, касается только идейной стороны „Мѣднаго Всадника". Но болѣе внимательный разборъ „Памятника Петру Великому" сравнительно съ Пушкинской поэмой, какъ апологіей Петра Великаго, показываетъ, что послѣдняя—не простой отголосокъ „Олешкевича", а своего рода полемика съ „Памятникомъ" и другими шестью сюжетами, вошедшими въ составъ „Вступленія" („Wstępa"): „Дорога въ Россію", „Предмѣстья столицы", „Петербургъ", „Смотръ", „Олешкевичъ", „Къ друзьямъ-москалямъ". У Мицкевича какой-то поэтъ, который „пѣснями прославился на всемъ сѣверѣ", даетъ памятнику Петра кличку: „каскадъ тиранства".—У Пушкина, „зубы стиснувъ, пальцы сжавъ" и „злобно задрожавъ", Евгеній говоритъ „горделивому истукану": „Ужо тебѣ!".—Но мы знаемъ, какъ наказанъ Евгеній за эту угрозу. Мицкевичъ удивляется, что тысячи славянъ „пожелали забраться въ эти отдаленные уголки своихъ владѣній, только-что похищенные у моря и у чухонцевъ"... „Здѣсь (въ Петербургѣ) почва не родитъ ни плодовъ, ни хлѣба, а вѣтры приносятъ лишь снѣгъ и грязь. Здѣсь небо или черезчуръ жаркое, или черезчуръ холодное. Оно сурово и перемѣнчиво, словно состояніе духа деспота. Народъ не хотѣлъ этого. Но царь облюбовалъ эту болотистую мѣстность и велѣлъ строить не городъ для людей, а столицу для себя". У Пушкина Петръ стоитъ „на берегу пустынныхъ волнъ" и мечтаетъ заложить городъ, откуда „грозить мы будемъ шведамъ", откуда начнутся сношенія съ Европой, куда прибудутъ иностранные корабли и т. д. Онъ не думаетъ о жалкой и губительной природѣ, объ отдѣльныхъ жертвахъ и т. д.: его планы — только государственные. Мицкевичу не нравятся петербургскіе дома, которые „стоятъ, словно звѣри, за желѣзными оградами въ отдѣльныхъ клѣткахъ", а Пушкинъ любитъ „твоихъ оградъ узоръ чугунный". Столичная зима описана у польскаго поэта въ видѣ чего-то суроваго и комичнаго. „Люди здѣсь бѣгутъ, точно ихъ гонитъ морозъ. Никто не остановится, не посмотритъ, не заговоритъ. У всѣхъ прищуренные глаза, блѣдныя лица; всѣ потираютъ руки и стучатъ зубами; у всѣхъ при дыханіи идетъ изо рту паръ, и кажется, что по городу ходятъ дымовыя трубы". А Пушкинъ, словно въ отвѣтъ ему, любитъ „зимы твоей жестокой недвижный воздухъ и морозъ". Мицкевичъ смѣется надъ дамами—„бѣлыми, точно снѣгъ, румяными, точно раки". Пушкинъ продолжаетъ: „люблю дѣвичьи лица ярче розъ".

Замѣчательно, что сравненія у того и у другого взяты очень

удачно—у каждаго съ своей точки зрѣнія на „Петра творенье". Слѣдующій примѣръ, изъ „Смотра" Мицкевича, лучше всего убѣждаетъ, что рядъ восхваленій у русскаго поэта имѣетъ въ виду несомнѣнно автора „Wstępa". „Но герои такъ похожи другъ на друга, такъ *однообразны*" и т. д.—говоритъ Мицкевичъ. Пушкинъ снова любитъ „воинственную живость... пѣхотныхъ ратей и коней *однообразную красивость*". Едва ли эта игра словъ—случайность. Что же касается того, могъ ли Пушкинъ не знать этихъ именно стихотвореній, то у насъ на лицо такой краснорѣчивый фактъ противъ подобной оговорки, какъ находка въ бумагахъ русскаго поэта копіи со стихотвореній: „Do przyjaciół Moskali", „Oleszkewicz" и „Pomnik Piotra Wielkiego".

Таковы главныя черты новаго историко-литературнаго сборника статей краковскаго профессора. Хотя въ книгѣ не разъ затрагиваются больныя мѣста „стараго славянскаго спора",—но мы не могли замѣтить враждебнаго отношенія къ русскому народу, и въ этомъ отношеніи все изслѣдованіе представляетъ одно изъ счастливыхъ исключеній. Очевидно, авторъ понимаетъ, гдѣ кончается наука, и гдѣ начинается—„политика".

А. И. Яцимирскій.

УДѢЛЬНЫЯ ЗЕМЛИ

И

ИХЪ ПРОИСХОЖДЕНІЕ

I.

Удѣльныя земли и вообще удѣльныя имущества образованы имп. Павломъ—закономъ 5 апрѣля 1797 г. „объ учрежденіи императорской фамиліи". Имущества эти были составлены изъ государственныхъ простымъ выдѣленіемъ, а цѣль ихъ образованія заключалась въ помощи государственному бюджету на содержаніе императорской фамиліи при значительномъ возрастаніи числа членовъ послѣдней.

Въ ст. I этого закона говорится: „когда поколѣніе фамиліи императорской распространится до князей крови императорской (дѣти праправнуковъ императора Павла), содержаніе ея въ продолженіе времени могло бы быть государству отяготительно, ежели не взять оному нужныхъ мѣръ"... (и потому) „опредѣляемъ быть удѣльнымъ имѣніямъ, а для того назначаемъ *отдѣлить изъ государственныхъ владѣній опредѣленную одинъ разъ часть деревень* и изъ государственныхъ доходовъ ежегодно по милліону рублей". Здѣсь отмѣчается не только то, что имущества эти выдѣлены изъ государственныхъ, о чемъ въ законѣ упоминается и еще нѣсколько разъ (въ ст. 2, 5, 80 и пр.), и что они назначались только для содержанія императорской фамиліи, но и то, что такое „отдѣленіе изъ государственныхъ владѣній" для означенной цѣли должно было быть только „одинъ разъ". Это условіе, какъ увидимъ ниже, совершенно не выполнялось удѣломъ, и онъ съ первыхъ же годовъ своего существованія заботится о все новыхъ и новыхъ „отдѣленіяхъ" въ свою пользу государственныхъ земель.

Въ первый разъ по закону удѣломъ выдѣлены были „имѣнія подъ именемъ дворцовыхъ въ государственномъ исчисленіи состоящія“ (ст. 2); а именно было выдѣлено 463.793 ревиз. души и 4.162 тыс. десятинъ земли единственнаго владѣнія и кромѣ того $3^1/_2$ милл. десят. въ общемъ владѣніи съ казною и частными лицами. Хотя такое безвозмездное отдѣленіе изъ государственныхъ владѣній должно было быть только „одинъ разъ“, но черезъ столѣтіе въ вѣдѣніи удѣла было земель уже болѣе 8 милл. дес. (8.133 тыс. дес.) [1]), не считая еще $4^1/_2$ милл. десят., проданныхъ удѣломъ своимъ бывшимъ крестьянамъ при освобожденіи. Съ этой же землей у него было бы къ 1897 году (къ столѣтію его существованія) всего 12.655 тыс. десят. И изъ этой массы покупкою было пріобрѣтено удѣломъ менѣе 2 милл. десят. (1.896 тыс. дес.); слѣдовательно, остальная масса, свыше 10 милл десятинъ, пріобрѣтена безъ всякихъ затратъ со стороны удѣла. А это могло быть добыто только у казны.

И какіе способы не придумывались тогда для пріобрѣтенія себѣ изъ казны земель! Въ „Исторіи удѣловъ за столѣтіе ихъ существованія 1797 — 1897 г.“, департаментъ удѣловъ, подводя итоги земельнымъ пріобрѣтеніямъ послѣ перваго отвода (4.162 тыс. дес.), говоритъ, что „первоначальная площадь земель увеличилась за 100 лѣтъ: отъ покупокъ на 1.896 тыс. дес., отъ безмездныхъ поступленій—119 тыс. дес., отъ спеціальнаго размежеванія—2.755 тыс. дес., отъ симбирскаго обмѣна — на 1.093 тыс. десят. и отъ передачи Важской области на 1.600 тыс. дес., а всего на 7.463 тыс. дес.“ (т. I, стр. 229).

При бѣгломъ взглядѣ на эти способы пріобрѣтенія земель можно подумать, что даровыхъ пріобрѣтеній удѣломъ было сдѣлано, какъ будто бы, только всего 119 тыс. дес.; да и эти земли, по словамъ департамента, были заняты въ 1869 и 1870 г. какъ будто бы только потому, что онѣ остались „свободными“ послѣ выселенія съ Кавказа въ Турцію горцевъ. Въ дѣйствительности же, кромѣ покупки 1.896 тыс. дес., все остальное пріобрѣтено отъ казны даромъ. Важская область—болѣе чѣмъ $1^1/_2$ милл. дес.—пріобрѣтена даромъ въ 1861 и 62 гг. при генеральномъ межеваніи архангельской губ. Она передана удѣлу будто бы какъ „бывшее дворцовое“ владѣніе; но это камеральною вѣдомостью 1800 г. не подтверждается; тамъ не значится этой области даже въ неразмежеванныхъ земляхъ.

Самое наибольшее пріобрѣтеніе земли, по словамъ удѣла, произошло при размежеваніи общаго владѣнія удѣла съ казною. Этимъ путемъ удѣлъ пріобрѣлъ въ свое единственное владѣніе 2.755 тыс. дес. Хотя

[1]) Здѣсь и въ дальнѣйшемъ изложеніи подъ именемъ удѣльныхъ земель мы будемъ подразумѣвать не только 7.905 тыс. дес. удѣльныхъ, но и находящіяся въ вѣдѣніи удѣла 228 тыс. дес. въ имѣніяхъ государевыхъ, высочайшихъ особъ и дворцовыхъ.

размежеваніе само по себѣ, казалось бы, и не должно служить какимъ-либо особымъ правомъ на увеличеніе земельнаго имущества, но у удѣла „оно постоянно вело къ увеличенію площади земель единственнаго владѣнія удѣловъ, что̀ было особенно важно въ отношеніи площади лѣсовъ“ („Исторія уд.“, т. I, стр. 212). Еслибы удѣлъ и не высказывался такъ откровенно, то „важность“ дарового пріобщенія къ своимъ землямъ казенныхъ понятна сама собою, въ особенности пріобщенія богатыхъ лѣсовъ на судоходныхъ и сплавныхъ рѣкахъ. Но откуда же могъ удѣлъ отмежевать себѣ 2.755 тыс. дес., когда вся первоначальная площадь неразмежеванныхъ земель была $3^1/_2$ милл. десятинъ, т.-е. немногимъ болѣе этого? Оказывается, что уже къ началу этого размежеванія, къ 1836 г., департаментъ удѣловъ съумѣлъ увеличить площадь неразмежеванныхъ земель съ $3^1/_2$ до 6 милл. десятинъ. Какъ онъ это сдѣлалъ?

Хотя въ законѣ 1797 г. объ удѣльныхъ имуществахъ и сказано, что изъ государственныхъ владѣній удѣламъ отдѣляется только „одинъ разъ опредѣленная часть деревень“, но удѣлы уже съ первыхъ лѣтъ начали ходатайствовать предъ сенатомъ о прирѣзкѣ имъ казенныхъ земель. Поводомъ для этого имъ послужилъ законъ 11 ноября 1797 г., изданный уже послѣ закона объ удѣлахъ (5 апрѣля 1797 г.), которымъ правительство приказывало сдѣлать дополнительныя нарѣзки земли тѣмъ изъ казенныхъ крестьянъ, у которыхъ надѣлы были менѣе нормы 8 и 15 дес. на рев. душу, установленной межевою инструкціею 1766 г. Для дополнительнаго надѣла этихъ крестьянъ казна уступала имъ не только всѣ свои земельныя оброчныя статьи, но и рыбныя ловли и даже мельницы, построенныя на крестьянскихъ земляхъ и составлявшія уже оброчныя статьи казны.

Удѣлъ ухватился за этотъ законъ и, указывая, что у него болѣе 320 тыс. ревиз. душъ крестьянъ съ надѣломъ менѣе 15 десят. на душу, что имъ недостаетъ $1^1/_2$ милл. дес., — требовалъ въ 1799 г. прирѣзки казенной земли и этимъ своимъ крестьянамъ. О второй же части закона, объ отдачѣ крестьянамъ своихъ оброчныхъ земельныхъ статей, рыбныхъ ловель и мельницъ, удѣлъ писалъ, что оброчныхъ земель у него и безъ того мало (148 тыс. дес.), и что если ихъ даже и раздать крестьянамъ, то отъ этого надѣлы замѣтно не увеличатся; что же касается мельницъ и рыбныхъ ловель, то на такія статьи у крестьянъ нѣтъ доказательствъ о прежней ихъ принадлежности крестьянамъ. Въ концѣ концовъ, изъ 3.000 оброчныхъ мельницъ онъ отдалъ крестьянамъ только 5, да и то, вѣроятно, совершенно негодныхъ для себя.

Вначалѣ сенатъ, куда обращался удѣлъ, довольно рѣшительно отказывалъ ему въ его притязаніяхъ; сенатъ указывалъ, что законъ

11 ноября 1797 г. говоритъ только о казенныхъ крестьянахъ, что если и у удѣльныхъ крестьянъ недостаточны земельные надѣлы, то для дополнительныхъ нарѣзокъ удѣлъ можетъ прикупать землю, на что указано и въ ст. 116 закона объ удѣльныхъ имуществахъ.

Это не смутило удѣла, и въ 1800 г. онъ входитъ въ сенатъ съ новымъ ходатайствомъ, прося надѣлить своихъ крестьянъ до полной 15-ти-десятинной нормы, хотя бы только въ многоземельныхъ губерніяхъ. Съ одной стороны, эта настойчивость, а съ другой—исключительность положенія департамента удѣловъ, состоявшаго подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ самого государя, вынудили сенатъ 26 іюня 1801 г. согласиться на его ходатайство, и удѣльные крестьяне относительно земельныхъ надѣловъ были уравнены съ казенными въ губерніяхъ оренбургской, саратовской и симбирской (замѣтимъ, что въ числѣ этихъ тогда находились и нынѣшнія не отдѣленныя еще тогда въ особыя губерніи самарская и уфимская). Но остальнымъ губерніямъ сравнять удѣльныхъ крестьянъ съ казенными сенатъ все-таки отказалъ и теперь.

Заручившись столь важнымъ успѣхомъ, удѣлъ уже не думалъ останавливаться предъ намѣченнымъ имъ планомъ обиранія казны. Почти тотчасъ же за этимъ рѣшеніемъ сената, онъ входитъ къ нему, 11 сентября 1801 г., съ новымъ ходатайствомъ: если нельзя прирѣзать удѣлу казенныя земли безвозмездно, то не можетъ ли казна продать ему въ нѣкоторыхъ губерніяхъ свободныя земли, „такъ какъ, говоритъ онъ, покупать частныя земли медленно“ (!). На какую покупку казенныхъ земель разсчитывалъ удѣлъ, отсюда ясно само собой. Вѣроятно, уже только эта откровенная беззастѣнчивость удѣла остановила теперь сенатъ отъ удовлетворенія его новаго ходатайства. Свой отказъ сенатъ мотивировалъ тѣмъ, что въ губерніяхъ псковской и тамбовской (на которыя, между прочимъ, указывалъ удѣлъ) земель недостаетъ для надѣла и казенныхъ крестьянъ, а въ тѣхъ, гдѣ есть излишки, удѣлъ отчасти уже удовлетворенъ въ своихъ домогательствахъ. Этотъ деликатный отказъ сената не смутилъ и не остановилъ удѣла, хотя бы на время, отъ разъ намѣченнаго имъ плана. Въ томъ же 1801 г., почти тотчасъ же (11 декабря), онъ входитъ въ сенатъ съ новымъ ходатайствомъ и теперь уже болѣе опредѣленнымъ. Приглядѣвъ лакомый кусочекъ въ 44 тысячи десятинъ оброчной казенной земли въ воронежской губерніи, онъ проситъ сенатъ отдать ему хотя бы этотъ кусочекъ.

Не желая откровенно высказываться по этому новому назойливому ходатайству удѣла и, съ другой стороны, очевидно, не желая удовлетворять его, сенатъ прибѣгъ на этотъ разъ къ обычному и испытанному въ бюрократическихъ учрежденіяхъ средству,—онъ передалъ его на разсмотрѣніе въ межевой департаментъ, а этотъ, вѣроятно, пере-

далъ его въ какое-нибудь третье учрежденіе, третье — въ четвертое и т. д., и въ результатѣ получилось то, что сенатъ, повидимому, и имѣлъ въ виду,—дѣло гдѣ-то застряло и затерялось, по нему удѣломъ не было получено даже отвѣта.

Такое отношеніе не обезкураживаетъ удѣла, и онъ каждый годъ входитъ все съ новыми и новыми ходатайствами. Въ 1802 г., онъ проситъ у сената оставить у своихъ саратовскихъ крестьянъ прежніе надѣлы, по 28 дес. на каждую ревизскую душу. Такой надѣлъ этимъ крестьянамъ былъ данъ еще въ то время, когда они были казенными крестьянами—для прибылыхъ переселенцевъ. При генеральномъ межеваніи излишки противъ 15 дес. были отрѣзаны, и удѣлъ теперь проситъ возвратить ихъ для переселенія на нихъ малоземельныхъ крестьянъ изъ другихъ губерній. Сенатъ имѣлъ мужество, въ 1803 г., отказать и въ этомъ. Но удѣла это не смущаетъ, и онъ снова и снова проситъ сенатъ дать ему въ саратовской губ. земли для переселенія своихъ малоземельныхъ крестьянъ изъ губерній воронежской, тамбовской и симбирской. Эта удивительная настойчивость, наконецъ, побѣждаетъ сенатъ, и онъ въ 1805 г. соглашается на эту просьбу, а еще чрезъ нѣкоторое время, при пересмотрѣ положенія о департаментѣ удѣловъ, круто измѣняетъ свое отношеніе къ удѣльнымъ имуществамъ и въ новомъ положеніи 15 мая 1808 г. приравниваетъ всѣхъ удѣльныхъ крестьянъ, относительно надѣленія ихъ землею, съ казенными. Курьезенъ мотивъ былъ для этого уравненія; онъ состоялъ въ томъ, что удѣльные крестьяне платили одинаковыя съ казенными крестьянами подати и повинности! Но тогда нужно было надѣлять казенными землями помѣщичьихъ крестьянъ, потому что и они платили одинаковыя подати (подушную) и повинности (земскія) съ казенными крестьянами.

Вотъ какимъ образомъ очутились у удѣла тѣ лишніе милліоны десятинъ, изъ которыхъ потомъ онъ получилъ 2.755 тыс. десятинъ единственнаго владѣнія путемъ размежеванія. Но тутъ, однако, является другой вопросъ. Если удѣлъ получалъ отъ казны только дополнительныя нарѣзки до 15-ти и 8-ми-десятинной нормы крестьянскаго надѣла, то какъ могли очутиться эти прирѣзки не у крестьянъ, а у удѣла, въ числѣ его оброчныхъ статей? Подробности этого вопроса полны также глубокаго интереса. Удѣлъ, проявляя столь замѣчательное упорство въ ходатайствахъ о надѣленіи своихъ крестьянъ до 15-ти и 8-ми-десятинной нормы, въ дѣйствительности только прикрывался столь похвальными заботами о своихъ крестьянахъ. На самомъ дѣлѣ онъ не только не отдавалъ полученныя отъ казны земли въ дополнительный надѣлъ своимъ крестьянамъ, но уже въ концѣ двадцатыхъ годовъ началъ изыскивать способы къ сокращенію даже суще-

ствующихъ крестьянскихъ надѣловъ, отрѣзки отъ которыхъ, какъ и казенныя земли, обращалъ въ свои оброчныя статьи. И въ этомъ отношеніи онъ проявилъ неменьшую настойчивость и искусство, чѣмъ и въ эксплоатированіи казны.

II.

Впрочемъ, прежде чѣмъ перейти къ описанію любопытнаго способа обиранія удѣломъ своихъ крестьянъ, мы въ цѣляхъ послѣдовательности закончимъ описаніе способовъ эксплоатированія казны еще однимъ, которымъ удѣлъ съумѣлъ отхватить отъ казны болѣе милліона десятинъ. Онъ состоялъ въ обмѣнѣ удѣльныхъ имѣній на казенныя. Удѣлъ, оказывается, зорко слѣдилъ за казенными землями не только оброчными и незаселенными, но также и заселенными. На болѣе богатыя изъ нихъ онъ вскорѣ же и открылъ свой походъ. Для этого онъ прежде всего добился въ 1810 г. изданія закона, по которому возможенъ былъ обмѣнъ удѣльныхъ крестьянъ на казенныхъ, хотя это и противорѣчило общимъ законамъ, по которымъ, съ воцаренія Александра I-го, воспрещалась передача или обмѣнъ казенныхъ крестьянъ, какъ принадлежащихъ къ свободному сословію, на крестьянъ крѣпостныхъ. Удѣльные крестьяне были тѣ же крѣпостные. Затѣмъ, въ видѣ опыта производится обмѣнъ 197 удѣльныхъ крестьянъ изъ тогдашнихъ малороссійской и новороссійской губерній на такое же число казенныхъ крестьянъ воронежской губ. Мотивировался этотъ обмѣнъ желаніемъ удѣла соединить въ крупныя селенія „разсѣянныя самомалѣйшими частями отъ 12-ти до 4 и до 1 души". Дѣйствительная же подкладка была иная. Прежде всего, воронежскіе крестьяне имѣли бо̀льшіе противъ малороссійскихъ и новороссійскихъ крестьянъ земельные надѣлы; во-вторыхъ, были богаче ихъ и, какъ результатъ этого, платили казнѣ больше оброчной подати, чѣмъ оброковъ удѣльные крестьяне своему удѣлу. О разницѣ этихъ платежей можно было судить хотя бы по окладамъ за 1800 г. удѣльныхъ крестьянъ, съ одной стороны, въ малороссійской и новороссійской губерніяхъ, гдѣ оброкъ взимался по 3-му классу и всего 2 р. 4 к. асс. съ души, съ другой — по воронежской губ., которая была причислена къ 1-му классу, съ окладомъ въ 5 р. 10 к. Слѣдовательно, разница въ платежахъ съ 1 ревиз. души достигала 3 руб.

Отъ этого незначительнаго, но, какъ видимъ, не безвыгоднаго опыта, въ концѣ 20-хъ годовъ удѣлъ рѣшилъ перейти къ обмѣну въ широкихъ размѣрахъ. Предполагалось, вмѣсто 36 губерній, въ которыхъ были разбросаны удѣльныя имѣнія, избрать всего 11 наиболѣе промышленныхъ и богатыхъ губерній, а именно промышленнаго района:

московскую, владимірскую и петербургскую губерніи и остальныя 8 губерній приволжскихъ и прикамскихъ, и здѣсь сосредоточить всѣ удѣльныя имѣнія.

При размѣнѣ „должно принимать не число душъ,—писалъ удѣлъ,— а количество платимаго крестьянами по классамъ губерній оброка, чтобы казна отъ вымѣниваемыхъ удѣльныхъ крестьянъ получила тотъ же доходъ, какого лишится она съ уступкою казенныхъ". Для удѣла, какъ видимъ, интересы казны были на первомъ мѣстѣ! А гдѣ они оказывались въ дѣйствительности, мы отчасти уже видѣли, да и сейчасъ увидимъ. Вѣроятно, для соблюденія все тѣхъ же интересовъ казны, къ вышеприведенному условію добавлялось еще, что „имѣнія переходили со всѣми землями, лѣсами, оброчными статьями и прочими угодьями, какими каждое изъ нихъ владѣло", и притомъ—„въ какомъ бы количествѣ тѣ и другія ни заключались". Такъ какъ удѣльныя имѣнія были малоземельныя, въ большинствѣ губерній въ нихъ почти совсѣмъ не было лѣсовъ, вымѣнивать же ихъ предполагали на казенныя многоземельныя имѣнія лѣсныхъ губерній, гдѣ у крестьянъ съ казною въ большинствѣ случаевъ земли были даже не размежеваны, то очевидно, что и это условіе клонилось только къ вящему обезпеченію интересовъ казны. „Планъ размѣна" и эти условія наконецъ были утверждены высочайшею властью 27 января 1830 года.

Такимъ образомъ, постановлено мѣняться не по количеству людей или земли, а по доходу имѣній. Въ казнѣ этотъ доходъ опредѣлялся оброчною податью, каждое повышеніе или измѣненіе которой опредѣлялось законодательною властью. И въ удѣлѣ почти до послѣдняго времени оброкъ съ подраздѣленіемъ губерній на классы въ большинствѣ случаевъ соотвѣтствовалъ той же казенной оброчной подати, и также одновременно съ нею утверждался законодательною властью. Исключенія въ сторону увеличенія оброка были рѣдки. Только съ 1823 года удѣльный оброкъ былъ повышенъ безъ одновременнаго повышенія оброчной подати у государственныхъ крестьянъ. Однако, еслибы доходъ казны и удѣла опредѣлялся даже и этими нѣсколько неравными окладами казенной оброчной подати (послѣднее повышеніе которой было въ 1812 г.) и удѣльными оброками (послѣднее увеличеніе было въ 1823 г.), то интересы казны хотя бы и пострадали, но не чрезвычайно. Но удѣлъ начиналъ всю эту кампанію „обмѣна" съ мыслью о болѣе серьезныхъ пріобрѣтеніяхъ. Съ этою цѣлью одновременно онъ задумываетъ ввести въ своихъ имѣніяхъ податную реформу, по которой душевой сборъ оброка замѣнялся бы поземельно-доходнымъ. Оффиціальный мотивъ этой реформы былъ—достиженіе большей справедливости и равномѣрности въ обложеніи крестьянъ,—а настоящій мотивъ заключался, конечно, въ повышеніи оброчнаго дохода.

Это повышеніе, въ виду задуманнаго обмѣна крестьянами, имѣло двоякое значеніе: съ одной стороны, увеличивался доходъ, съ другой, чрезъ повышеніе оцѣнки своего имѣнія удѣлъ получалъ при обмѣнѣ отъ казны больше, чѣмъ давалъ самъ: мѣнялись не по числу крестьянъ или количеству земли, а по доходу, который удѣлъ теперь произвольно поднималъ настолько, насколько хотѣлъ самъ. Предѣловъ тутъ не было никакихъ. Итакъ, подъ видомъ справедливости задуманъ новый походъ на казну, который, если бы онъ удался въ полной мѣрѣ, далъ бы удѣлу громадное количество казенной земли. Пока же было разрѣшено вымѣнять ему одну симбирскую губернію на свои мелкіе клочки, разбросанные въ 18 губерніяхъ. Однако и здѣсь ему удалось получить отъ казны 2 милл. 711 тыс. дес. земли взамѣнъ своихъ только 745 тыс. дес. единственнаго владѣнія, т.-е. едва не вчетверо болѣе. Если къ этимъ 745 тыс. дес. причислить полностью даже и 873 тыс. дес., которыя считались въ общемъ владѣніи удѣла съ казною, и которыя удѣлъ при обмѣнѣ считалъ уже за свою собственность, то и тогда окажется, что отъ одного симбирскаго обмѣна получено имъ лишнихъ болѣе милліона десятинъ земли (1.093 тыс. дес.); вѣрнѣе же всего, что имъ получено болѣе $1^1/_2$ милл. десят. (если изъ 873 тыс. дес. общаго владѣнія на долю удѣла принять половину). Здѣсь обирали казну безъ всякаго зазрѣнія совѣсти; мѣнялись хотя и по доходу, но въ дѣйствительности было далеко не такъ. Самъ удѣлъ замѣчаетъ: „въ дѣйствительности доходъ съ лѣсовъ почти вовсе не былъ принятъ въ разсчетъ; а) казенныхъ лѣсовъ въ симбирской губ. числилось 860 тыс. дес., удѣльныхъ же по 18 губерніямъ только 213 тыс. дес.“ („Истор. уд.“, т. I, стр. 220). Да развѣ и можно было сравнивать только числившіеся на бумагѣ у удѣла лѣса какой-нибудь черниговской, харьковской, тульской, калужской, орловской, курской и прочихъ губерній—съ богатыми еще тогда лѣсами симбирской губ., среди которыхъ были корабельныя рощи! Однако, удѣлъ не удовольствовался и этимъ; при разсчетѣ оказывалось, что даже только-что повышенная доходность удѣльныхъ имѣній въ 18 губерніяхъ давала казнѣ оброка всего 1.856 тыс. дес., тогда какъ отъ казны удѣлу переходило оброчныхъ податей (даже по старымъ окладамъ 1812 г.) и оброчныхъ статей на 2.206 тыс. руб., т.-е. на 350 тыс. р. болѣе. Эту сумму предстояло удѣлу ежегодно доплачивать казнѣ, но онъ съумѣлъ избѣжать и этого. Онъ доказалъ казнѣ, что она отъ удѣльныхъ крестьянъ, при нарѣзкѣ имъ дополнительныхъ надѣловъ, можетъ получать оброчныхъ податей больше того, что получалъ отъ нихъ онъ самъ на 266 тыс. руб.; и если ужъ доплачивать, то онъ согласенъ только недостающіе до 350 тыс. руб. всего 85 тыс. руб., но и на это онъ предлагалъ новый обмѣнъ крестьянами. Это новое

и столь безцеремонное покушеніе удѣла на интересы казны истощило терпѣніе казеннаго вѣдомства, и оно въ лицѣ только-что назначеннаго тогда министромъ государственныхъ имуществъ графа Киселева отказалось отъ обмѣна крестьянъ на 85 тыс. руб., а 266 тыс. руб. такъ и остались въ пользу удѣла. Графъ Киселевъ добился высочайшаго указа о томъ, чтобы съ этого времени были прекращены вообще всякіе обмѣны удѣла съ казной, намѣченные „планомъ размѣна" 1830 г.

Для характеристики отношеній удѣла къ казнѣ не мѣшаетъ упомянуть здѣсь о томъ, что предъ симбирскимъ обмѣномъ удѣлъ въ 1829 г. проектировалъ получить отъ казны всѣ земли и государственныхъ крестьянъ симбирской губ. совершенно безплатно и безъ всякаго обмѣна на своихъ крестьянъ; но этотъ планъ, послѣ замѣчанія министра финансовъ, что при такой экспропріаціи казна лишится ежегоднаго дохода болѣе чѣмъ на $1^1/_2$ милл. руб., не удостоился высочайшаго утвержденія.

III.

Теперь перейдемъ къ пріобрѣтенію, или, вѣрнѣе, отнятію удѣломъ земли у своихъ же собственныхъ крестьянъ. Отнятіе земли у своихъ крестьянъ,—скажутъ,—это какая-то нелѣпость, хозяйственная несообразность: вѣдь въ прежнее время удѣльные крестьяне могли приносить доходъ удѣлу только обработкой земли; и чѣмъ больше этой земли у нихъ было, тѣмъ въ большей степени могли быть использованы физическія силы крестьянъ и, слѣдовательно, больше дохода могъ получить удѣлъ, и обратно. Да, наконецъ, кто же тогда, кромѣ крестьянъ, могъ обработывать эту землю?

Дѣло въ томъ, что удѣльные крестьяне, какъ бывшіе государственные, считали земли, съ которыми они перешли къ удѣлу, своими. Да такой взглядъ на землю, какъ на свою крестьянскую, былъ общимъ не у однихъ государственныхъ или удѣльныхъ крестьянъ; онъ былъ распространенъ и среди помѣщичьихъ крестьянъ, въ особенности среди тѣхъ, которые еще помнили свое свободное состояніе въ качествѣ государственныхъ или казенныхъ крестьянъ. Въ началѣ XIX-го столѣтія, вѣроятно, было много еще въ живыхъ изъ тѣхъ крестьянъ, которые раздавались помѣщикамъ императрицею Екатериною II (всего ею роздано болѣе 400 тыс. рев. муж. душъ), Петромъ III-мъ (около 40 тыс. рев. муж. душъ) и даже Елизаветою Петровною (болѣе 14 тыс. рев. муж. душъ). Помѣщичьи же крестьяне (около 265 тыс. рев. душъ) Павловскихъ раздачъ, вѣроятно, были живы почти всѣ. Крестьяне

говорили: „люди барскіе, а земли крестьянскія". Этотъ взглядъ получалъ нѣкоторое основаніе и въ томъ, что при Екатеринѣ II и Павлѣ I помѣстья раздавались по числу крестьянскихъ душъ или цѣлыхъ деревень, а не по земельной площади, которая въ большинствѣ была и необмежевана у отдѣльныхъ селеній. Жаловалось столько-то душъ, а не десятинъ.

Во время полнаго господства крѣпостного права взгляды крестьянъ на землю, какъ на свою, не могли безпокоить душевладѣльцевъ; съ одной стороны, послѣдніе чувствовали себя еще слишкомъ сильными, а съ другой—такое убѣжденіе крестьянъ дѣлало ихъ самыми вѣрными и безкорыстными стражами помѣщичьей земли. Такіе стражи скорѣе сами захватывали чужія земли, чѣмъ упускали помѣщичьи, которыя считали своими.

Съ теченіемъ времени, особенно же послѣ декабристовъ, взглядъ на крѣпостныхъ, какъ на священную собственность помѣщика, сталъ сильно колебаться въ русскомъ обществѣ, и мысль о скоромъ концѣ крѣпостного права пріобрѣтала себѣ адептовъ среди здравыхъ членовъ общества, далеко не принадлежавшихъ къ идеалистамъ и идейнымъ противникамъ рабства. Для многихъ и не сторонниковъ эмансипаціи становилось яснымъ, что „не все будетъ коту масляница, а придетъ и великій постъ". Чтобы избѣжать этого поста, нѣкоторые еще задолго до слуховъ о приступѣ къ реформѣ начали проявлять свое „человѣколюбіе", освобождая крѣпостныхъ безъ земли; другіе переводили крестьянъ съ хорошихъ земель на худшія и почти всѣ, когда началась реформа, уменьшали надѣлы у своихъ крѣпостныхъ крестьянъ.

Удѣльное вѣдомство, какъ имѣвшее непосредственныя связи и руководимое самыми верхами нашей политики, должно было чувствовать сильнѣе помѣщиковъ и понять скорѣе ихъ близость конца крѣпостной драмы. Вотъ почему оно съ первыхъ же годовъ своего существованія дѣятельно заботится о пріумноженіи именно земель, а не крестьянъ. О землѣ оно ходатайствовало безсчетное число разъ, а о прибавкѣ крестьянъ только разъ—въ 1834 г. (о симбирской губ.). Точно также хотя всѣ ходатайства удѣла о землѣ мотивировались необходимостью увеличенія надѣла крестьянъ, эти послѣдніе не получали дополнительныхъ надѣловъ; а получаемыя удѣломъ казенныя земли поступали въ число его оброчныхъ статей, которыми пользовались хотя тѣ же крестьяне, но за особую арендную плату.

Благодаря этому и произошло то, что удѣлъ, получивъ безвозмездно разными способами отъ казны около 6 милл. дес., кромѣ 4,2 милл. дес. первоначальныхъ, въ единственное владѣніе, при отпускѣ крестьянъ на волю уступилъ имъ въ надѣлъ, и притомъ за выкупъ и на тяжелыхъ банковыхъ условіяхъ, только то, что у нихъ предъ этимъ было

въ пользованіи за оброчную плату 3.983 тыс. дес., т.-е. менѣе даже того, что̀ отведено было удѣлу при его учрежденіи. Между тѣмъ, крестьянъ вначалѣ удѣлу было выдѣлено 463½ тыс. рев. душъ, а освобождалъ онъ уже болѣе 825 тыс. рев. душъ. Если при началѣ удѣльные крестьяне имѣли душевые надѣлы почти въ 11 дес., то при выходѣ на волю по уставнымъ грамотамъ—всего 4,78 дес.

Несмотря на категорическое заявленіе закона 5 апрѣля 1797 г., что „имѣнія на удѣлы опредѣленныя, выходя изъ класса имѣній государственныхъ, *хотя въ число помѣщичьихъ не поступятъ*, и названіе имѣютъ удѣльныхъ“ (ст. 5), но удѣльное вѣдомство уже давно начало смотрѣть на нихъ, какъ на помѣщичью или частную собственность; поэтому оно рѣшительно вступило въ борьбу со взглядомъ крестьянъ на надѣльныя земли, какъ на крестьянскую собственность. Задумавъ въ концѣ 20-хъ годовъ реформу оброчной платы (съ подушнаго сбора на поземельный) въ цѣляхъ, съ одной стороны, прямого повышенія оброковъ, съ другой—для новаго пріобрѣтенія земли при обмѣнѣ съ казною крестьянъ, удѣлъ считалъ, что введеніемъ поземельнаго сбора „всего важнѣе было уничтожить ошибочное представленіе крестьянъ, будто бы угодья, находившіяся въ ихъ пользованіи, составляли ихъ собственность“ („Ист. уд.“, т. II, стр. 126).

Рѣшено было подушный сборъ оброка обратить „для равномѣрнаго и справедливаго обложенія“ въ поземельно-подоходный. Мысль прекрасная. Она была подсказана еще и въ самомъ законѣ объ удѣлахъ (стр. 116). Но выполненіе ея говоритъ уже о другихъ намѣреніяхъ. Сущность новой податной системы заключалась въ слѣдующемъ: земля каждаго селенія дѣлилась на тягловые и полутягловые участки, примѣнительно къ наличному населенію, причемъ получалось не болѣе 10 дес. на тягло (кромѣ усадьбы и выгона), въ малоземельныхъ же селеніяхъ даже и до 1 дес.; въ тяглѣ заключалось двѣ рев. муж. души. Послѣ такого раздѣла на тягла, если являлась излишняя земля, она отрѣзывалась и составляла оброчную статью удѣла. За коренные тягловые участки оброкъ опредѣлялся по слѣдующему произвольному разсчету, который былъ найденъ, будто бы, какими-то „извѣстнѣйшими экономическими писателями“: „Доходъ съ земельнаго участка раздѣляется на 5 частей, изъ которыхъ одна предоставляется арендатору или крестьянину, какъ процентъ на затраченный капиталъ, двѣ части предоставляются имъ же, какъ плата за трудъ, обезпечивающій содержаніе ихъ семей, а оставшіяся ²/₅ части валового дохода составляютъ долю владѣльца земли, изъ которой должны быть выплачиваемы всѣ государственныя и земскія повинности“ (ibid., т. II, стр. 103). Вся суть системы заключалась, конечно, не въ этихъ курьезныхъ доляхъ участія въ доходѣ, а въ опредѣленіи самого дохода. Для этого

по инструкціи требовались громадныя статистическія работы, точныя свѣдѣнія о количествѣ земли, о среднихъ урожаяхъ разныхъ хлѣбовъ и цѣнъ на нихъ за цѣлыя десять послѣднихъ лѣтъ и пр. На дѣлѣ же вся эта работа свелась на подтасовку цифръ. Работу „изслѣдованій" на мѣстахъ удѣлъ произвелъ въ теченіе какихъ-нибудь двухъ мѣсяцевъ и притомъ всего чрезъ одного своего департаментскаго чиновника! Этотъ первый и знаменитый русскій статистикъ (Коваленскій) лѣтомъ 1830 г. побывалъ въ нѣсколькихъ селеніяхъ удѣльнаго казанскаго имѣнія и на основаніи собранныхъ имъ какихъ-то свѣдѣній опредѣлилъ, что средняя или обычная валовая доходность всякаго тягла (2 рев. души) вездѣ должна равняться 75 рублямъ, $^2/_5$ которыхъ, или 30 руб., должны идти на подати. Любопытенъ самый порядокъ этого „изслѣдованія". „Коваленскій для начала выбиралъ въ каждомъ приказѣ селеніе малоземельное и подробнымъ разборомъ всѣхъ источниковъ его дохода доказывалъ крестьянамъ, что, несмотря на ихъ малоземелье, существовавшій окладъ подати нисколько для нихъ не отяготителенъ. Послѣ этого Коваленскій переходилъ къ другимъ селеніямъ, и если оказывалось, что доходъ съ состоявшихъ въ ихъ пользованіи земель, по принятой оцѣнкѣ, превышаетъ 75 руб., онъ назначалъ часть земли къ отрѣзкѣ, предлагая предварительно крестьянамъ „взять ее въ пользованіе изъ платежа оброка" (ibid., т. II, стр. 104). На основаніи такихъ-то „изслѣдованій" сумма 75 руб. и была принята за норму доходности тягла и не въ одномъ казанскомъ имѣніи, но и во всѣхъ удѣльныхъ имѣніяхъ 36-ти губерній. Мѣстныя удѣльныя власти должны были по количеству земли, среднимъ цѣнамъ на хлѣбъ и урожаямъ опредѣлять дѣйствительный доходъ тягла въ каждомъ селеніи. Если онъ оказывался выше этихъ 75 руб., то у селенія соотвѣтственная часть земли отрѣзывалась, если же меньше—чиновники должны были подгонять цифры урожаевъ и цѣнъ такъ, чтобы получалось именно 75 руб. Въ инструкціи говорилось только о повышеніи налога, но ничего о пониженіи.

Эта двойственная система давала возможность удѣлу пользоваться подоходнымъ и подушнымъ обложеніемъ произвольно, смотря по тому, когда и что выгоднѣе. Объявивъ, что крестьяне „облагаются податями не по числу душъ, но по количеству и добротѣ земли", и произведя въ 1831—33 годахъ первый опытъ своего „поземельнаго" налога, удѣлъ уже въ 1834 г., послѣ восьмой ревизіи задумалъ воспользоваться и прибылыми душами для увеличенія своихъ оброковъ, что, очевидно, уже не вязалось съ подоходною системою, гдѣ принимаются во вниманіе только „количество и доброта земли". Теперь для опредѣленія доходности предписано было взять хлѣбныя цѣны десятилѣтія 1822—1831 гг., когда онѣ были очень высоки, отчего только-что вы-

численная доходность вновь чрезвычайно повышалась („почти вдвое“). По принятой системѣ, она, однако, должна была оставаться постоянной, 75 руб. на тягло, а измѣняться долженъ былъ земельный надѣлъ. Такимъ образомъ, предстояло новое уменьшеніе крестьянскаго надѣла, которое въ натурѣ, конечно, не производилось, а замѣнялось прибавкой арендной платы къ коренному налогу за излишнія тягловыя земли. Населеніе, конечно, не разбиралось, за что̀ оно платитъ. Новую прибавку оно считало прибавкой все къ той же подати — оброку, и такъ какъ въ окладъ включались всѣ прибылыя души, то и подати эти считало не поземельными, а подушными. Въ окладныхъ же книгахъ крестьянскій надѣлъ уменьшался, прибавлялось число душъ и увеличивалась арендная сумма.

Прибылыми душами удѣлъ захотѣлъ воспользоваться и послѣ 9-й ревизіи, въ 1850 г., но теперь онъ встрѣтился со слѣдующимъ затрудненіемъ: теперь цѣны послѣдняго десятилѣтія давали доходъ значительно ниже прежняго, и, слѣдовательно, предстояло или сбавлять оброки, или прибавлять крестьянамъ земли. Но ни того, ни другого инструкціи, разумѣется, не допускали. Переписка объ этомъ управляющихъ имѣніями съ департаментами обнаруживаетъ всю комедію этого знаменитаго удѣльнаго кадастра. „Средняя цѣна ржи за истекшее десятилѣтіе,—писалъ управляющій вятскимъ имѣніемъ,—оказалась ниже той, какая принята при исчисленіи поземельнаго сбора по душамъ 8-й ревизіи, отчего оклады должны значительно уменьшиться“; потому онъ предположилъ, согласно правиламъ 1834 г., „повысить доходъ съ десятины ржи соразмѣрно обнаруженному переписью приросту населенія“. Нижегородскій управляющій Даль (извѣстный писатель) уже совсѣмъ откровенно писалъ, что „при первоначальномъ введеніи въ нижегородскомъ имѣніи поземельнаго сбора и при послѣдующемъ его измѣненіи, управляющіе, производя оцѣнку земли поступали прямо обратно тому, что̀ предписывалось правилами. Заранѣе было принято, что тягловый участокъ, при данномъ количествѣ земли, непремѣнно долженъ былъ приносить 75 руб. дохода, $^2/_5$ котораго должны были быть обращены въ подати, и уже послѣ и соотвѣтственно этому назначались мнимый урожай зерна и мнимая его цѣна“ (ibid., т. II, стр. 125). А такъ какъ, по его мнѣнію, и нынѣ „нѣтъ никакихъ основаній предполагать“, чтобы была принята другая система, то онъ предлагалъ „вмѣсто производства сложныхъ вычисленій прямо обложить прибылыя тягла существовавшимъ окладомъ“ Многіе и другіе управляющіе понимали дѣло также, но откровенничать боялись. Удѣлъ согласился съ предложеніемъ Даля только по отношенію малоземельныхъ и захудалыхъ селеній, гдѣ отъ правильной оцѣнки тяглового дохода могло произойти уменьшеніе доходно-

сти. А въ прочихъ селеніяхъ оставалась прежняя система. И въ общемъ, разумѣется, оброки снова увеличились и, притомъ, значительно. Въ самомъ дѣлѣ, до реформы удѣлъ получалъ въ 1830 г. подушнаго оброка 1.460 т. р.; послѣ реформы—сначала 1.725 т. р., еще черезъ годъ—уже 1875 т., а когда вторая прибавка закончилась, то въ 1842 г.—уже 2.275 т. р.; наконецъ, послѣ 50-хъ годовъ, поземельный и подушный налогъ достигалъ уже 2.850 т. руб. И такъ какъ, по словамъ самого удѣла, эта система вводилась не для одного уравненія крестьянъ въ платежахъ, но „*также и для сокращенія крестьянскаго надѣла* и для увеличенія общей суммы платежей" (ib., т. II, стр. 110), то эта реформа дала удѣлу значительное приращеніе оброчныхъ земельныхъ статей и даже въ малоземельныхъ селеніяхъ. Такъ уже послѣ перваго же опыта реформы въ московскомъ имѣніи, въ дер. Ногаткиной, изъ прежняго надѣла 120 дес. пашни отрѣзаны, какъ лишнія, 113 дес., въ дер. Новинкахъ изъ 111 дес. отрѣзано 87 дес., въ дер. Кожуховѣ изъ 219 дес.—57 дес. и т. д. Въ многоземельныхъ губерніяхъ эти отрѣзки были массовые; такъ въ саратовской губ. изъ всѣхъ 125 тыс. дес. крестьянскихъ надѣловъ отрѣзано болѣе половины (65 тыс. дес.), которыя и сданы въ аренду. Благодаря этому, здѣсь доходъ удѣла со 100 тыс. руб. поднялся до 240 тыс. руб. въ годъ; изъ нихъ 130 тыс. руб. получены за отрѣзки, а 10 тыс. руб.—отъ увеличенія прежнихъ окладовъ. Въ нижегородскомъ имѣніи доходъ увеличился со 180 до 270 тыс. руб., причемъ 58 тыс. получились отъ однихъ только отрѣзковъ.

Разумѣется, отрѣзки въ натурѣ, какъ уже сказано было ранѣе, производились весьма рѣдко и то лишь въ многоземельныхъ имѣніяхъ; въ большинствѣ же случаевъ излишки шли въ надѣлъ прибылымъ душамъ, и это производилось самими общинами путемъ передѣловъ земли, безъ всякаго участія удѣла. А гдѣ и затѣмъ еще оставались излишки (противъ тягловой доходности въ 75 руб.), тамъ они поступали и опять безъ выдѣленія же въ натурѣ въ число оброчныхъ статей удѣла и сдавались тѣмъ же крестьянскимъ общинамъ въ аренду по разсчету того же поземельнаго оброка. Эта аренда, платимая одновременно съ оброками, въ сущности не различалась крестьянами отъ оброка, и они не знали, какая часть находящейся у нихъ земли составляетъ надѣлъ и какая—оброчную статью. Прибавка къ оброку арендной платы ими считалась простымъ увеличеніемъ оброка. Понять хитросплетенную систему обложенія крестьяне, конечно, не могли. Только эмансипація съ выкупомъ и съ дѣйствительными отрѣзками земли въ натурѣ отъ крестьянскихъ надѣловъ раскрыла крестьянамъ глаза: то, что они считали своими надѣльными землями, удѣлъ считалъ своими оброчными землями. Только теперь,

когда начали у нихъ отрѣзывать искони принадлежавшія имъ земли, они начали протестовать, волноваться, начали не принимать уставныхъ грамотъ,—но было уже поздно. И несмотря на это отрѣзыванье, удѣлъ съ гордостью могъ заявлять, что имъ отданы крестьянамъ „всѣ земли, состоящія въ пользованіи ихъ, *за исключеніемъ излишковъ противъ показанныхъ въ табеляхъ* поземельнаго сбора тягловыхъ и запасныхъ земель". При хитроумной податной системѣ эти „излишки" только и могли значиться въ податныхъ табеляхъ, но крестьяне о нихъ ничего не знали. Такимъ-то образомъ, удѣльные крестьяне и оказались одновременно и облагодѣтельствованными (получили „всю землю"!), и обдѣленными (не получили даже того, что̀ имѣли ранѣе на вдвое меньшее число рев. душъ)!

IV.

Если удѣлъ съумѣлъ извлекать особыя выгоды косвенными путями даже изъ податного дѣла, которое и само по себѣ непосредственно служило ему главнымъ источникомъ дохода, то что̀ же сказать про остальныя стороны крестьянской жизни, которая находилась всецѣло въ его рукахъ? Помимо своего хозяйства, удѣлъ считалъ обязанностью вмѣшиваться въ хозяйственную жизнь и своихъ крестьянъ. Только одно перечисленіе крестьянскихъ капиталовъ, образованныхъ имъ съ разными цѣлями, показываетъ, насколько широко было это вмѣшательство удѣла въ хозяйственную жизнь своихъ крестьянъ. Такъ, были образованы капиталы: 1) вспомогательный, изъ 251 тыс. руб., полученныхъ въ 1827 г. изъ казны въ возвратъ продовольственныхъ сборовъ съ удѣльныхъ крестьянъ; 2) штрафной, образовавшійся изъ штрафовъ за несвоевременный взносъ оброковъ и другихъ платежей, котораго уже къ 1829 г. было 328 тыс. руб.; 3) хлѣбный, образованный отъ продажи продовольственнаго хлѣба съ общественныхъ запашекъ, котораго къ 1833 г. было уже 2 милл. 489 тыс. руб.; наконецъ, капиталы 4) складочные, образованные сборомъ съ крестьянъ для помощи на случай экстренныхъ невзгодъ; къ 1865 г. наличность ихъ состояла изъ 146.987 руб.; 5) страховой къ 1865 г.—29.242 руб.; 6) пенсіонный—91.090 руб. (къ 1865 г.), и 7) банковые для устройства сельскихъ банковъ, которыхъ на лицо къ 1864 г.—времени сдачи удѣльныхъ крестьянъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ—было 104.455 руб. въ 129 сельскихъ банкахъ, и въ ссудахъ за крестьянами—848.764 руб.

Всѣ эти капиталы и все завѣдываніе разными отраслями хозяйственной жизни находилось, разумѣется, въ рукахъ удѣльной адми-

нистраціи и было, конечно, не безвыгодно не только для этой администраціи, но даже и для самого удѣла. Насколько это хозяйственное вмѣшательство въ крестьянскую жизнь было выгодно и для самого удѣла, мы представимъ вкратцѣ организацію общественныхъ запашекъ, устроенныхъ въ 1827 г., и сельскихъ хлѣбозапасныхъ магазиновъ продовольственнымъ хлѣбомъ, который въ случаѣ неурожаевъ выдавался нуждающимся въ ссуду.

Эта продовольственная организація удѣла, основанная на принудительномъ трудѣ, ничѣмъ не отличавшемся отъ барщины, въ свое время надѣлала много шума. Удѣльныя общественныя запашки ставили примѣромъ, по которому желали перестроить систему продовольственной помощи и у государственныхъ крестьянъ; про нее вспоминали даже и въ недавнее пореформенное время крѣпостническіе элементы въ нѣкоторыхъ дворянскихъ земствахъ. Но эта гордость удѣла среди самихъ удѣльныхъ крестьянъ пользовалась такой ненавистью, что еще задолго предъ освобожденіемъ крестьянъ многіе управляющіе удѣльными имѣніями ходатайствовали прежде всего объ отмѣнѣ именно этой ненавистной всѣмъ общественной запашки. „Для предупрежденія опасности силою удерживать удѣльныхъ крестьянъ въ повиновеніи,—писалъ самарскій управляющій Рихтеръ,—было бы умѣстно открыть естественный исходъ сдерживаемому съ давнихъ поръ неудовольствію народа противъ запашекъ". И онѣ въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ были отмѣнены еще въ концѣ 50-хъ годовъ, въ другихъ—въ 60-мъ, а повсюду—съ 5 марта 1861 г.

Общественныя запашки устраивались вмѣсто обязательнаго продовольственнаго взноса 25 коп. на пополненіе хлѣбозапасныхъ магазиновъ. Для нихъ въ каждомъ полѣ отрѣзывалась изъ крестьянскихъ пашенъ въ близкомъ разстояніи отъ селенія площадь въ размѣрѣ $^1/_{16}$ десят. въ многоземельныхъ и $^1/_{32}$ десят. въ малоземельныхъ селеніяхъ на каждую рев. душу. Это въ одномъ полѣ, а во всѣхъ—$^3/_{16}$ и $^3/_{32}$ десят. Для наблюденія за обработкой этихъ запашекъ нанимался особый смотритель, который, по значительной предоставленной ему власти, игралъ въ прежнее время громадную роль. Сборъ съ этихъ запашекъ поступалъ частью въ хлѣбозапасные магазины, для выдачи ссудъ нуждающимся, а большая часть шла на продажу, и деньги обращались въ такъ-называемый хлѣбный капиталъ, изъ котораго брали на все—и на улучшеніе въ удѣльныхъ имѣніяхъ сельскаго хозяйства, и на школы и больницы, и на капиталы для учрежденія сельскихъ банковъ и для устройства образцовыхъ хозяйствъ и даже цѣлыхъ селеній (Царево-Николаевское село). Въ хлѣбозапасные магазины отчислялось немного потому, что они въ большинствѣ случаевъ были полны, а полны были потому, что изъ нихъ нуждающіеся почти

совсѣмъ не брали ссудъ, потому что эти послѣднія, въ противоположность продовольственной помощи у государственныхъ крестьянъ, были не безпроцентны, а напротивъ, оплачивались огромнымъ процентомъ: $^1/_2$ гарнца на четверикъ ссуды, или $6^1/_3$%.

Такимъ образомъ, общественная запашка съ барщинной обработкой служила къ накопленію такъ называемаго хлѣбнаго капитала. За все время существованія запашекъ, съ 1829 по 1861 г., отъ продажи хлѣба выручено, приблизительно, 14 милл. руб. сер. И вотъ распредѣленіе этихъ денегъ показываетъ, для чего собственно служили эти запашки. Наибольшая сумма изъ этого капитала, а именно, 6 милл. руб. издержано на администрацію. Бѣшеныя суммы получали нѣкоторые управляющіе изъ этихъ капиталовъ. Такъ, въ 1834 г. управляющій саратовскою конторою получилъ 11.018 руб., кромѣ своего жалованья, только за одно завѣдываніе запашками! Управляющій костромской конторой получилъ этого вознагражденія въ 1836 г.—19.000 руб., а въ 1837 г.—24.390 руб., и т. д. Такія награды показались даже и удѣлу чрезмѣрными, и онъ, въ видахъ уравненія ихъ, измѣнилъ систему вознагражденія мѣстной администраціи и назначилъ его не изъ излишковъ отъ нормальнаго урожая, какъ прежде, а установилъ постоянные оклады: управляющему 5.800 руб. сер., помощнику 1.500 руб., столоначальнику 400 руб., его помощнику 250 руб., чиновнику, надзирающему за запашкой, 600 руб., приказному головѣ 300 руб., и смотрителю общ. запашки 150 руб. За послѣднія пять лѣтъ предъ отмѣной запашекъ общая сумма вознагражденій всѣхъ чиновъ составляла, въ среднемъ, 365 тыс. руб. въ годъ и распредѣлялась такъ: смотрителя получали 86.200 руб., приказные головы 42.200 руб., чиновники удѣльн. конторы 120.200 руб., и чиновники департамента 116.700 руб.; словомъ, кто дальше стоялъ отъ дѣла, тотъ получалъ больше—и обратно.

Слѣдующій расходъ изъ 14 милл. руб. хлѣбнаго капитала—5 м. р. употреблены на уплату земскихъ денежныхъ сборовъ за тѣ селенія, гдѣ вмѣсто подушнаго оброка былъ введенъ поземельный и гдѣ платить эти сборы обязанъ былъ удѣлъ. Такимъ образомъ, и эти 5 милл. руб. были заплачены за удѣлъ же.

Слѣдующій расходъ изъ этого капитала будетъ 1 милл. 350 т. р., поступившіе уже непосредственно въ удѣлъ, въ видѣ 10-процентнаго налога, установленнаго имъ съ запашекъ, имѣвшихъ первоначальное назначеніе кормить голодныхъ.

Такимъ образомъ, изъ 14 милл. руб. затрачено 12 мил. 350 т. р. на удѣлъ или непосредственно, или косвенно, напр. въ уплату за него земскихъ сборовъ. Только остатокъ—1 милл. 650 руб.—израсходованъ на разныя полезныя для крестьянъ начинанія: 660 тыс. руб. на

земледѣльческое училище, а на остальные уже гроши—около 75 т. р. на улучшеніе крестьянскаго скотоводства, 72 тыс. руб. на улучшеніе матеріальнаго положенія чувашей въ симбирской губ., 200 тыс. руб. на устройство образцовыхъ усадебъ, около 100 тыс. руб, на общественные кирпичные заводы, 100 тыс. руб. на капиталъ для выдачи пособій крестьянамъ.

Все это израсходовано удѣломъ въ теченіе 32 лѣтъ—почти на 2-хъ-милліонное свое населеніе. Нынѣ нѣкоторыя земства,—напримѣръ, вятское,—затрачиваютъ для своего населенія на тѣ же отрасли хозяйства значительно большія суммы въ теченіе одного года. Таковы попеченія удѣла и полезныя его начинанія для своихъ крестьянъ, о чемъ такъ много говорилось въ прежнее время и за что удѣлъ выставлялся всегда какъ образецъ рачительнаго и добраго хозяина.

V.

Въ своей исторіи („Столѣтіе удѣловъ") удѣлъ съ гордостью заявляетъ, что при эмансипаціи онъ отдалъ на выкупъ своимъ крестьянамъ не только все то, что слѣдовало имъ по положенію 26 іюня 1863 г. о землеустройствѣ и выкупѣ удѣльныхъ крестьянъ,—т.-е. всѣ тягловые надѣлы, площадь которыхъ къ тому времени ему удалось путемъ хитроумной податной системы довести уже до 3.353 тыс. дес., вмѣсто даже первоначально бывшихъ у удѣльныхъ крестьянъ въ надѣлѣ 4.126 тыс. дес. (причемъ тогда этотъ надѣлъ былъ на 463 тыс. ревиз. душъ, а теперь на 825 тыс. душъ), не говоря уже о позднѣйшихъ прирѣзкахъ отъ казны до 5 — 6 милл. дес.,—но онъ отдалъ будто бы на выкупъ и всѣ запасныя земли, находившіяся у крестьянъ въ арендѣ. Это доказываетъ удѣлъ тѣмъ, что крестьянамъ отдано на выкупъ всего 3.983 тыс. дес., тогда какъ тягловой земли было къ этому времени всего 3.353 тыс. дес. Для такого заявленія у удѣла совершенно не было основаній. Нужно ли говорить, что эти „благодѣянія" были лишь цифровые фокусы?

Прежде всего нужно замѣтить, что выходъ удѣльныхъ крестьянъ на выкупъ, а главное — выдача уставныхъ грамотъ—сопровождались не только ропотомъ во всѣхъ имѣніяхъ, но и большими безпорядками въ имѣніяхъ саратовской, самарской и вятской губ., гдѣ для усмиренія приходилось прибѣгать къ войскамъ. Если бы крестьянамъ было выдано все, чѣмъ они до того пользовались, то очевидно, что для безпорядковъ не было бы причинъ. Не было же безпорядковъ въ 1858 г. при объявленіи крестьянъ свободными поселянами. Что причина этихъ безпорядковъ заключалась именно въ уставныхъ грамо-

тахъ, повидимому, сильно сокращавшихъ прежнее крестьянское землепользованіе, объ этомъ говоритъ и та боязнь, съ которой былъ опубликованъ законъ 26 іюня 1863 г. Закону этому слѣдовало бы появиться много ранѣе манифеста 19 февраля 1861 г., такъ какъ удѣльные крестьяне были освобождены еще въ декабрѣ 1858 г., и выкупъ ихъ земель не представлялъ тѣхъ трудностей, что было у помѣщичьихъ крестьянъ; между тѣмъ, этотъ законъ явился почти только чрезъ $2^1/_2$ года, послѣ 19 февраля 1861 г., а за мѣсяцъ передъ его опубликованіемъ удѣлъ колебался, не отложить ли опубликованіе еще на годъ или болѣе. Удѣлъ говоритъ, что отъ крестьянскихъ надѣловъ отрѣзано всего только 70 тыс. дес., да 100 тыс. изъ-подъ общественныхъ запашекъ. Эти послѣднія земли считались самыми цѣнными, потому что были наиболѣе унавожены и находились ближе другихъ къ селеніямъ.

Мы утверждаемъ, что количество отрѣзанной земли, находившейся подъ тѣмъ или инымъ видомъ (т.-е. тягловой или оброчной) въ пользованіи крестьянъ, было значительно больше 170 тыс. дес., признаваемыхъ и самимъ удѣломъ. Наше утвержденіе основывается на слѣдующихъ данныхъ. До начала реформы общая площадь оброчныхъ земельныхъ статей удѣла была невелика; даже въ 1860 г., до первыхъ отрѣзковъ (въ 1861 г.) земли изъ-подъ общественныхъ запашекъ, оброчныхъ земель было всего около 600 тыс. дес.; но уже чрезъ десять лѣтъ, въ 1870 г., эта площадь сразу достигла 1.633 тыс. дес., т.-е. едва не утроилась. Увеличилось и число рыбныхъ ловель на 200. Откуда же такое приращеніе? Казна уже давно не давала удѣлу оброчныхъ статей, а переданная въ 1861—1862 годахъ Важская область (1.600 тыс. дес.) состояла только изъ лѣсовъ (архангельской губ.).

Быстрое приращеніе своихъ оброчныхъ статей удѣлъ объясняетъ „покупкой, размежеваніемъ и расчистками изъ-подъ лѣса". Но это не подтверждается отчетными данными. Купленныхъ за все десятилѣтіе 1861—1870 г. было только 245 тыс. дес., и изъ нихъ большая часть тоже лѣса. Размежеваніе (изъ общихъ съ казною владѣній) давало по преимуществу также лѣсную площадь, да и въ 60-хъ годахъ, по словамъ самого удѣла, размежеваніе энергично пошло только съ 1868 г., къ которому площадь оброчныхъ статей у удѣла составляла уже около 1 милл. дес. Говорить о серьезной прибыли оброчныхъ земель отъ расчистокъ и совсѣмъ не приходится. Прежде всего, отъ нихъ приростъ площади земельныхъ угодій слишкомъ малъ; за цѣлое двадцатилѣтіе съ 1840-го по 1860-ый годъ расчистки не дали даже и 30 тыс. дес. угодій, и это—при обязательномъ трудѣ крестьянъ. Въ пореформенное время, при измѣнившихся отношеніяхъ и дороговизнѣ свободнаго труда, расчистки могли и совсѣмъ сократиться. Если ко

всѣмъ этимъ соображеніямъ добавить, что послѣ десятилѣтія 1861—1870 гг., когда происходило и закончилось землеустройство удѣльныхъ крестьянъ, приростъ площади оброчныхъ земель удѣла снова и чрезвычайно упалъ, дойдя за все послѣдующее 25-ти-лѣтіе—съ 1871 по 1896 гг.—до 276 тыс. дес., т.-е. опять пошелъ такъ же, какъ было и въ послѣднее 25-ти-лѣтіе предъ реформой, когда приростъ этотъ выражался въ 300 тыс. дес.,—то станетъ очевиднымъ, что изъ всего прироста въ 1.033 тыс. дес. за десятилѣтіе 1861—1870 гг., если не весь милліонъ, то значительно больше половины его удѣломъ отхвачено отъ земель, находившихся до того въ пользованіи крестьянъ. И произведено это, очевидно, подъ покровомъ пресловутой „поземельной" системы оброковъ, которая до конца оставалась непонятной для крестьянъ. Тягловыя и оброчныя земли до самой эмансипаціи не находились въ отдѣльныхъ отрубахъ; онѣ числились только по „окладнымъ вѣдомостямъ" въ отдѣльныхъ графахъ; крестьяне же пользовались ими какъ общимъ *своимъ* надѣломъ, и только тогда поняли эти хитросплетенія, когда послѣ эмансипаціи у нихъ начали дѣлать отрѣзки отъ надѣловъ въ натурѣ. До какой степени удѣлъ не церемонился съ захватомъ крестьянскихъ земель, говорятъ не-единичные факты присвоенія имъ себѣ даже купчихъ крестьянскихъ земель. По закону удѣльные крестьяне могли покупать земли для себя только на имя удѣла. И вотъ теперь имъ приходилось уже чрезъ судъ оттягивать у удѣла свою собственность („Исторія удѣловъ" т. I, стр. 665—666).

Нужно ли прибавлять, что всѣ лѣса, даже среди крестьянскихъ надѣловъ, за исключеніемъ мелкаго кустарника, всѣ земельныя оброчныя статьи, рыбныя ловли, базарныя площади, вѣсы и проч.—все это удѣлъ взялъ себѣ.

Свои благодѣянія для крестьянъ удѣлъ видитъ особенно въ пониженіи выкупной цѣны на землю. Въ среднемъ, она опредѣлилась въ 12 руб. 44 коп. за десятину. Противъ выкупной цѣны 14 р. 29 к. у государственныхъ крестьянъ 9-ти западныхъ губерній, вышедшихъ на выкупъ немного позднѣе (въ 1867 г.),—это, пожалуй, будетъ и не особенно низкая цѣна, а противъ цѣны въ 15 р. 95 коп., опредѣленной чрезъ двадцать лѣтъ потомъ, при переходѣ въ 1887 г. на выкупъ остальныхъ государственныхъ крестьянъ въ Европейской Россіи, цѣна удѣльныхъ земель и совсѣмъ уже не низкая. Противъ выкупной цѣны помѣщичьихъ земель (27 руб. 3 коп.) удѣльныя цѣны, пожалуй, могутъ показаться и очень низкими, но, по нашему мнѣнію, выкупная операція помѣщичьихъ земель здѣсь не можетъ идти для сравненія. Теперь уже достаточно выяснено, да это открыто говорилось и въ главномъ выкупномъ учрежденіи еще въ 1881 г. (докладъ Абазы),

БИБЛИОТЕКА ДОМА ... ПЕТРА ВЕЛИКАГО

что помѣщики при продажѣ земли съумѣли выкупить и души. По разницѣ между выкупной цѣной и существовавшей въ концѣ пятидесятыхъ годовъ въ вольной продажѣ на земли, А. Лосницкій сдѣлалъ опытъ точнаго учета той преміи, которую взяли помѣщики за выкупленныя души. Цѣнность земель (безъ 9 западныхъ губерній) по выкупнымъ сдѣлкамъ опредѣляется въ 684 милл. руб., а по продажнымъ цѣнамъ въ тѣхъ же губерніяхъ въ 374 милл. руб.; слѣдовательно, излишекъ, составляющій не что иное, какъ выкупъ крестьянскихъ душъ, равняется 310 милл. руб.

Для повышенія цѣны на землю предъ выкупомъ удѣломъ были приняты всѣ мѣры. Для этого онъ воспользовался и послѣднею 10-ю ревизіею, чтобы снова повысить оброки съ своихъ крестьянъ. Предъ этимъ министромъ двора и удѣловъ сдѣлался графъ Муравьевъ, бывшій министръ государственныхъ имуществъ, который, по уходѣ отсюда графа Киселева, совсѣмъ измѣнилъ начатый имъ для уравненія оброчной подати у государственныхъ крестьянъ кадастръ въ цѣляхъ одного фиска—для увеличенія обложенія. Сдѣлавшись министромъ удѣловъ, онъ рѣшилъ произвесть подобный же кадастръ и здѣсь по той же системѣ и съ тою же цѣлью еще большаго увеличенія оброковъ удѣла. Въ основу было положено опредѣленіе чистаго дохода (прежде опредѣлялся только валовой) отъ земли на основаніи урожая ржи, цѣнъ ея и расходовъ производства; оброкъ предположенъ въ размѣрѣ $^1/_3$ части чистаго дохода. „Опредѣленная такимъ образомъ доля удѣловъ значительно превышала прежніе оброки удѣльныхъ крестьянъ. Такъ, въ симбирскомъ имѣніи сборъ съ крестьянъ повышался согласно новымъ оцѣнкамъ съ 3 р. 65 к. до 6 р. 58 к. съ души; въ самарскомъ—съ 3 р. 72 к. до 4 руб. 7 к.; въ сызранскомъ—съ 3 руб. 69 коп. до 7 р. 12 к.; въ красносельскомъ имѣніи прежніе оброки колебались по приказамъ между 5 р. 18 к. и 7 р. 96 к., а новые—между 9 р. 78 коп. и 12 р. 70 к. с. на душу. Въ виду столь значительнаго повышенія платежа, принято было увеличивать старые оклады не сразу, а въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ“ (ibid., т. II, стр. 137).

Въ дальнѣйшемъ, опредѣленіе выкупной суммы за удѣльныя земли производилось такъ же, какъ и у помѣщиковъ чрезъ капитализацію изъ 6% оброка крестьянъ. Такимъ образомъ, удѣлъ сдѣлалъ все, чтобы, не забывая своихъ интересовъ, не сбить цѣну и для помѣщичьихъ земель. И если, тѣмъ не менѣе, эти послѣдніе, кромѣ „справедливой“ цѣны на землю, вытребовали себѣ еще уплату и за крестьянскія души, поднявъ въ общей сложности выкупную цѣну земли до 27 руб. 3 коп. за десятину, то въ этомъ, разумѣется, человѣколюбіе удѣла было совершенно не повинно. Ему нельзя уже было послѣ только-что произведеннаго кадастра и „значительнаго повышенія“

оброка снова повышать его и даже больше чѣмъ вдвое; нельзя было хотя бы уже потому, что отчетность объ удѣльныхъ оброкахъ и вообще доходахъ не составляла, какъ у помѣщиковъ, тайны, а иногда публиковалась даже въ печати.

Что при выкупѣ удѣлъ не проявилъ какой-либо слабости, не говоря уже о человѣколюбіи, на это указываетъ и опредѣленіе выкупного платежа. Какъ и у помѣщичьихъ крестьянъ, уплата выкупного долга распредѣлялась на 49 лѣтъ, причемъ на каждые 100 руб. долга платилось ежегодно 6 руб.; но помѣщики, получивъ выкупной долгъ свидѣтельствами, изъ этихъ 6 руб. получали лишь 5 руб., и только около четверти процентныхъ выкупныхъ бумагъ (рента стараго образца, „письма") давали $5^1/_2$%. Удѣлъ же взялъ себѣ все изъ этихъ 6 руб., предоставивъ казнѣ безплатныя хлопоты по взиманію съ крестьянъ выкупныхъ платежей и недоимки по нимъ. Удѣлъ, не желая терять на процентныхъ бумагахъ, вслѣдствіе колебанія ихъ курса, рѣшилъ получать выкупной долгъ изъ казны не въ разъ, а ежегодно деньгами въ той суммѣ (3.074 тыс. руб.), какую онъ получалъ въ видѣ оброка съ крестьянъ (2.920 тыс. руб. собственно съ удѣльныхъ и 154 тыс. р. съ крестьянъ государевыхъ и дворцовыхъ). При выкупной операціи помѣщичьихъ крестьянъ изъ каждыхъ 6 руб. выкупного платежа по сложнымъ процентамъ на погашеніе отчислялось только $^1/_2$ руб.; остальные $^1/_2$ рубля шли на содержаніе главнаго выкупного учрежденія и на составленіе запаснаго капитала. При выкупѣ удѣльныхъ земель никакого выкупнаго учрежденія не было, казнѣ за посредничество также ничего не платилось; не было и самаго займа, по которому бы приходилось платить 5% интереса, и тѣмъ не менѣе съ крестьянъ взыскивались съ каждой сотни руб. долга всѣ 6 руб. Если здѣсь не было расходовъ на выкупное управленіе, какъ у помѣщичьихъ крестьянъ въ выкупѣ, то, слѣдовательно, здѣсь на погашеніе шло не $^1/_2$ руб. изъ 6 руб., а весь рубль. Тогда получаются совсѣмъ другіе результаты. Весь выкупной долгъ удѣльныхъ крестьянъ составлялъ 51.231 тыс. руб., который при уплатѣ 5% интереса и 1% погашенія уплачивается—по банковымъ правиламъ—не въ 49 лѣтъ, а всего въ 37, причемъ крестьянамъ, а за нихъ казнѣ, пришлось бы въ этомъ случаѣ переплатить удѣлу не 150,6 милл. руб., а всего 113,2 милл., т.-е. на 37,4 милл. руб. менѣе. Слѣдовательно, уже теперь съ удѣла слѣдуетъ возвратъ болѣе 10 милл. руб. И это еще при ростовщическомъ ростѣ на капиталъ 5%. Съ 1891 г. у насъ 5-ти и $5^1/_2$-процентныя бумаги конвертированы въ 4-хъ-процентную ренту; такимъ образомъ, уплату долга нужно считать съ этого времени уже по разсчету 4% интереса и 2% погашенія, а это еще больше сократитъ срокъ уплаты, а слѣдовательно и самую сумму выкупныхъ пла-

тежей. Такіе разсчеты удѣла мало вяжутся не только съ человѣколюбіемъ, но даже съ простой справедливостью. Чтобы составить себѣ капиталъ (62 милл. руб.), который, по окончаніи выкупного срока, могъ бы процентами своими давать удѣлу опять тотъ же непрерывный ежегодный доходъ въ 2.920 тыс. руб., ему приходится изъ всей суммы выкупныхъ платежей ежегодно отчислять и класть въ банкъ изъ сложныхъ процентовъ всего только $^1/_{10}$ часть годовой суммы выкупныхъ платежей, т.-е. всего 292 тыс. руб.

Нѣкоторые помѣщики были недовольны эмансипаціей. Могъ ли быть доволенъ ею удѣлъ? Что касается оброка съ крестьянъ, то онъ сдѣлалъ его непрерывнымъ на вѣчное время. Благодаря же эмансипаціи, и размежеванію съ крестьянами, ему удалось площадь своихъ оброчныхъ земельныхъ статей увеличить на счетъ крестьянъ почти втрое. Это обстоятельство, а также и то, что уменьшилось у удѣльныхъ крестьянъ количество земельныхъ надѣловъ—все это было причиной, что доходы отъ оброчныхъ статей удѣла возросли въ чрезвычайной степени. Въ 1860 г. этотъ доходъ измѣрялся цифрой 475 тыс. руб., а въ 1870 г.—уже 2.130 тыс. руб.; еще чрезъ десятилѣтіе онъ былъ 3.360 тыс. руб., а въ 1896 г. — уже 5.807 тыс. руб. Въ еще большей степени возросли доходы съ лѣсовъ; въ 1860 г. они давали дохода только 325 тыс. руб., а въ 1870 г.—900 тыс., въ 1890 г.—2.700 тыс. руб., а чрезъ 6 послѣднихъ лѣтъ, въ 1896 г., почти снова удвоились и составляли уже 5.175 тыс. руб. Другія промышленныя отрасли хозяйства (винодѣліе, сахароваренiе и прочіе заводы), возникшія только въ пореформенное время, даютъ доходъ, возрастающій еще быстрѣе: въ 1860 г. отъ нихъ не было доходовъ; въ 1870 г.—только 25 тыс. руб.; въ 1880 г.—50 тыс. руб.; въ 90 г.—уже 1.350 тыс. руб., а въ 1896—5 милл. руб.! Весь доходъ удѣла въ 1896 году превышалъ уже $20^1/_2$ милл. руб., а въ началѣ эмансипаціи въ 1864 г. онъ былъ только 4.725 тыс. руб., въ дореформенное же время, конечно, и того меньше; въ 1830 г. онъ достигалъ 1.780 тыс. руб., а въ 1850 г.—$3^1/_2$ милл. руб.

Очевидно, что эмансипація доставила удѣлу такія выгоды и доходы, о которыхъ онъ, пользуясь трудомъ своихъ крѣпостныхъ крестьянъ, не могъ никогда даже и мечтать въ дореформенное время. За столѣтіе своего существованія удѣломъ собрано разныхъ доходовъ и сборовъ всего 439 милл. руб. сер., но изъ нихъ не придется и $^1/_3$ на дореформенное время, продолжавшееся $^2/_3$ этого столѣтія,—слѣдовательно, значительно большая часть доходовъ собрана уже послѣ освобожденія крестьянъ. Очевидно, удѣлъ не могъ быть недоволенъ эмансипаціей.

А крестьяне? — То, что получили крестьяне съ эмансипаціей — мы уже видѣли. Имѣя при переходѣ въ удѣлъ 4.612 тыс. десят. земли

на 463 тыс. рев. душъ, или по 10 дес. на душу, они, по выходѣ на свободу, получили всякой земли (и тягловой, и запасной) всего только 3.983 тыс. дес. и притомъ уже на 825 тыс. муж. рев., душъ или по 4,8 дес. на душу. Какъ подготовлялъ ихъ удѣлъ къ этому оббеземенѣнію, мы тоже видѣли. Находясь въ удѣлѣ, крестьяне, однако, широко пользовались запасными землями за уплату аренды-оброка, не подозрѣвая, что это не надѣльныя земли. Они узнали это только тогда, когда при эмансипаціи отъ нихъ отрѣзали около милліона десятинъ и стали сдавать имъ въ аренду уже не по прежнему разсчету тягловаго оброка, а по вольной арендѣ, устанавливаемой на торгахъ и при конкурренціи массы нуждающихся въ той же землѣ крестьянъ. Благодаря этому, аренда на землю страшно возросла и продолжаетъ все сильнѣе и сильнѣе рости отъ измельчанія полученныхъ крестьяниномъ надѣловъ, вслѣдствіе прироста населенія. А съ уменьшеніемъ надѣловъ неразрывно связано паденіе и экономическаго благосостоянія. Какъ показатель этого паденія—можетъ служить податная недоимочность удѣльныхъ крестьянъ. Въ дореформенное время, начиная со средины 30-хъ годовъ и вплоть до начала выкупа, они почти совсѣмъ не знали такихъ недоимокъ, если не считать отъ 20 до 65 тыс. руб., накопленныхъ въ неурожайные періоды 1862 и 1864 годовъ. Въ концѣ 60-хъ годовъ недоимки достигаютъ 300 тыс. руб., а въ десятилѣтіе 70-хъ годовъ крестьяне вступили уже съ 374 тысячами ея; въ 80-е годы они вступаютъ уже почти съ полтора-милліонной недоимкой (1.314 тыс. руб. въ 1881 г.), а въ концѣ 1891 г. она была уже свыше $2^1/_2$ милл. руб.; но даже и эта недоимка, явившаяся послѣ чрезвычайнаго неурожая, составляла только половину того, что удѣльные крестьяне имѣли въ 1903 г., предъ начавшимся у нихъ сложеніемъ недоимокъ при разсрочкѣ и отсрочкѣ выкупного долга; къ 1904 году они имѣли недоимки почти 5 милл. руб. (4.954 тыс. руб.), что составляло уже 176% къ окладу! Такого процента къ окладу недоимка не составляла ни у помѣщичьихъ, ни у государственныхъ крестьянъ. Несомнѣнно, что послѣ эмансипаціи благосостояніе удѣльныхъ крестьянъ падало все ниже и ниже, и основная причина этого, конечно, малоземелье, которымъ наградилъ ихъ удѣлъ.

Поправить это дѣло теперь рѣшено продажей оброчныхъ земель удѣла (около 2 милл. дес.) крестьянамъ чрезъ крестьянскій банкъ. Не говоря уже о томъ, что этой продажей при вздутыхъ банкомъ цѣнахъ на землю, въ среднемъ до 126 и 132 руб. за десятину, крестьяне, разорившіеся при прежнемъ выкупѣ земли по цѣнѣ въ 10 разъ меньшей противъ этого, еще болѣе разорятся,—самая продажа удѣльныхъ земель на частно-правовыхъ основаніяхъ, какъ земель въ сущности государственныхъ, глубоко несправедлива и неправильна. Госу-

дарственныя, удѣльныя, кабинетскія, церковныя и монастырскія земли, какъ не-частная собственность, должны представлять изъ себя фондъ для надѣленія безвозмездно только нуждающихся безземельныхъ и малоземельныхъ земледѣльцевъ, обработывающихъ землю силами своей семьи. Что же касается другой стороны въ этомъ вопросѣ, а именно права удѣла продавать землю, какъ свою собственность, то и съ этой стороны удѣлъ долженъ встрѣтиться и съ закономъ 1797 г., и съ тѣми условіями, на которыхъ онъ пріобрѣлъ эти земли. Мы уже говорили, что ст. 5-ая этого закона прямо говоритъ, что „имѣнія, на удѣлъ опредѣленныя... въ число помѣщичьихъ не поступятъ". Далѣе, ст. 49-я говоритъ: „Удѣльныя недвижимыя имѣнія, бывъ отъ насъ даны въ наслѣдства для поколѣнія того, кому удѣлъ слѣдуетъ, законно почитаемъ, промѣръ и поступку оныхъ запретить. Только съ прочими благопріобрѣтенными землями (купленными за личный счетъ члена царской фамиліи) можно поступать свободно". Такихъ земель въ вѣдѣніи удѣла нѣтъ; купленныя же удѣломъ земли 1.896 тыс. дес. пріобрѣтены не на личные, а на общіе удѣльные капиталы. Да наконецъ, если распространить и на нихъ право продажи, то удѣлъ при эмансипаціи уже давно продалъ крестьянамъ больше того, что имъ было куплено.

Всѣ состоящія теперь въ вѣдѣніи удѣла земли даны ему отъ казны въ разное время, но при одномъ условіи и цѣли—для надѣленія малоземельныхъ крестьянъ. Въ прежнее, дореформенное время удѣлъ этого не сдѣлалъ,—напротивъ, онъ отрѣзывалъ у крестьянъ, путемъ внѣдренія въ сельскія общества прибылыхъ тяголъ, и тѣ земли изъ крестьянскихъ прежнихъ надѣловъ, которыя оказывались излишними противъ нарочно для этого измышленныхъ имъ поземельно-податныхъ нормъ. Несомнѣнно, что если принадлежащія нынѣ удѣлу земли почему-либо не были отданы прежде, и если бывшіе удѣльные крестьяне нуждаются въ нихъ, то земли эти должны отойти къ этимъ крестьянамъ, какъ отрѣзанныя отъ казны спеціально для увеличенія ихъ надѣла. Такимъ образомъ, ни законъ, ни условія пріобрѣтенія удѣломъ земель отъ казны не даютъ ему права продавать ихъ, какъ свою собственность.

П. Голубевъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 октября 1907.

Ретроспективный взглядъ на истекшіе полтора года. — Новое изданіе, бросающее яркій свѣтъ на первую Государственную Думу. — Историческая роль партіи „народной свободы". — Избирательныя платформы „союза 17-го октября" и партіи „мирнаго обновленія". — Архипастырское посланіе и близкія къ нему газетныя стихіи. — Второй общеземскій съѣздъ. — Задачи третьей Думы. — Успокоительные факты. — Рижскій процессъ.—Клевета на умершаго.

Приближается открытіе третьей Государственной Думы... *Третьей* Думы! Какъ странно звучатъ эти слова, если вспомнить, что не прошло еще и полутора года съ тѣхъ поръ, какъ въ первый разъ осуществлено было въ русской жизни начало народнаго представительства! Такихъ быстрыхъ перемѣнъ не происходило на Западѣ даже въ самыя бурныя эпохи. Первое французское учредительное собраніе существовало болѣе двухъ лѣтъ, слѣдовавшее за нимъ законодательное собраніе — около года, національный конвентъ — болѣе двухъ лѣтъ. Въ 1848-49 г. учредительное собраніе во Франціи засѣдало около года, франкфуртскій парламентъ — также; берлинское національное собраніе работало около пяти мѣсяцевъ, первый австрійскій парламентъ—болѣе полугода. Продолжительность обѣихъ сессій нашей Государственной Думы, вмѣстѣ взятыхъ, не составляетъ и шести мѣсяцевъ, а оба междудумья обнимаютъ собою слишкомъ годъ. Глубоко ненормально отношеніе этихъ двухъ цифръ. Когда страна, пораженная внѣшними и внутренними бѣдствіями, поставленная на край гибели, вступаетъ на единственный путь, обѣщающій ей спасеніе—*единственный*, потому что всѣ другія средства уже испытаны и оказались недѣйствительными, — необходимы возможно продолжительные періоды усиленной работы надъ обновленіемъ государственнаго и общественнаго строя,—возможно короткіе періоды остановки

или замедленія преобразовательной дѣятельности. Первые изъ этихъ періодовъ совпадаютъ съ законодательными сессіями, вторые—съ промежутками между ними. У насъ, наоборотъ, междудумье было до сихъ поръ скорѣе общимъ правиломъ, чѣмъ исключеніемъ. И какое междудумье! Смотрящее не впередъ, а назадъ, возвращающееся къ порядкамъ и пріемамъ, безповоротно осужденнымъ и нашимъ, и чужимъ опытомъ. Если послѣ роспуска первой Думы министерствомъ и заготовлялись, въ большомъ числѣ, законопроекты, то, во-первыхъ, это былъ трудъ въ значительной степени излишній, такъ какъ по многимъ вопросамъ имѣлись уже всесторонне обдуманныя и хорошо исполненныя работы думскихъ коммиссій, а во-вторыхъ—гораздо больше вниманія удѣлялось неудачнымъ попыткамъ законодательствованія не столько на основѣ, сколько вопреки пресловутой 87-ой статьѣ, и созданію обстановки, отъ которой ожидался благопріятный для власти исходъ выборовъ. Второе междудумье, начавшись съ изданія новаго избирательнаго закона, характеризуется полнѣйшимъ затишьемъ правительственной дѣятельности, за исключеніемъ тѣхъ сторонъ ея, которыя направлены — по прежнему безуспѣшно — къ возстановленію, путемъ репрессій, общественнаго спокойствія.

А между тѣмъ, при другомъ ходѣ дѣла, какъ велика могла бы быть уже теперь сумма производительной работы, какъ велико число задачъ первостепенной важности, исполненныхъ или близкихъ къ исполненію! Не говоримъ уже о времени, потерянномъ раньше; не говоримъ о томъ, чѣмъ могла бы быть Россія, еслибы не остановка реформъ во второй половинѣ царствованія Александра II-го, еслибы не движеніе назадъ при Александрѣ III-мъ, еслибы не чередованіе реакціи и застоя въ слѣдующее затѣмъ десятилѣтіе, еслибы не колебанія и полумѣры, знаменующія собою періодъ управленія двухъ первыхъ преемниковъ Плеве. Представимъ себѣ, что манифестъ 17-го октября, хотя и запоздалый, былъ бы осуществленъ во всемъ его объемѣ и вполнѣ согласно съ его духомъ; представимъ себѣ, что послѣ его обнародованія дѣйствительно не было бы издано ни одного закона безъ одобренія Думы, не была бы, слѣдовательно, образована такая вторая палата, какъ нынѣшній Государственный Совѣтъ, не былъ бы предпринятъ поспѣшный и односторонній пересмотръ основныхъ законовъ, не была бы до крайности стѣснена свобода собраній и союзовъ, не была бы парализована свобода печати, а изъ положенія о Государственной Думѣ были бы устранены ограниченія, предназначенныя для законосовѣщательнаго учрежденія, но неумѣстныя по отношенію къ законодательному собранію; представимъ себѣ, наконецъ, что лицомъ къ лицу съ народнымъ представительствомъ было бы поставлено министерство, не солидарное съ отжив-

шимъ режимомъ, способное и готовое примѣниться къ требованіямъ времени. Не инымъ ли было бы, при такихъ условіяхъ, развитіе русской политической жизни? Не нашлось ли бы въ первой Государственной Думѣ достаточно силъ, чтобы совершить, спокойно и мирно, переходъ къ конституціонному строю, къ свободѣ и равноправію гражданъ? И не стояли ли бы мы теперь прочно и твердо на пути, ведущемъ къ общему благу?

Утвердительный отвѣтъ на эти вопросы вытекаетъ самъ собою изъ недавно вышедшей книги: „Первая Государственная Дума" (изданіе А. А. Муханова и В. Д. Набокова). Къ сборнику статей, написанныхъ выдающимися представителями конституціонно-демократической партіи (бо̀льшею частью—бывшими членами Думы), приложенъ текстъ важнѣйшихъ законопроектовъ, внесенныхъ или имѣвшихъ быть внесенными въ Думу отъ имени партіи. Они касаются, между прочимъ, неприкосновенности личности, свободы печати, свободы совѣсти, свободы союзовъ и собраній, земскаго и городского самоуправленія. Можно находить въ нихъ тѣ или другіе частные недостатки, но, становясь на сколько-нибудь прогрессивную точку зрѣнія, нельзя не признать, что осуществленіе ихъ было бы громаднымъ пріобрѣтеніемъ для русскаго государства и русскаго общества. Они намѣчаютъ собою именно ту линію, которая отдѣляетъ созидательную работу отъ разрушительной; они гарантируютъ свободу, не угрожая порядку. Тѣмъ же характеромъ отличаются предположенія конституціонно-демократической партіи—и близкой къ ней партіи демократическихъ реформъ [1]),—по земельному вопросу, остающіяся до сихъ поръ, за роспускомъ обѣихъ Думъ и перерывомъ занятій обѣихъ аграрныхъ коммиссій, не облеченными въ форму законопроекта. Настоящимъ бѣдствіемъ для Россіи были тѣ обстоятельства, которыя два раза остановили, въ самомъ началѣ, такъ много обѣщавшее движеніе.

На свойство этихъ обстоятельствъ, въ той мѣрѣ, въ какой они касаются первой Думы, названная нами книга также бросаетъ весьма яркій свѣтъ. Она подтверждаетъ съ полною достовѣрностью тотъ выводъ, къ которому давно уже приходили всѣ безпристрастные наблюдатели: первая Государственная Дума соединяла въ себѣ всѣ данныя, необходимыя для плодотворной законодательной дѣятельности. Шероховатости, неизбѣжныя въ первомъ фазисѣ новаго и

---

[1]) По справедливому замѣчанію А. Д. Кауфмана, статья котораго: „Аграрный вопросъ" помѣщена въ третьемъ выпускѣ „Первой Государственной Думы", аграрная программа партіи демократическихъ реформъ стоитъ ближе къ лѣвому, чѣмъ къ правому флангу конституціонно-демократической партіи. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что аграрная программа партіи дем. реф. не осталась безъ вліянія на переработку соотвѣтствующаго отдѣла „кадетской" программы.

сложнаго дѣла, постепенно смягчались и сглаживались. Неуклонная послѣдовательность, съ которою партія народной свободы и ея обычные союзники держались строго-конституціоннаго образа дѣйствій, начинала приносить свои плоды. Трудовая группа, соединявшая въ себѣ первоначально представителей весьма различныхъ направленій, уменьшалась въ своемъ составѣ выдѣленіемъ изъ нея не только соціалъ-демократовъ, но и людей сравнительно-умѣреннаго образа мыслей. По словамъ Н. А. Бородина, автора интересной статьи о личномъ составѣ первой Думы, передъ самымъ роспускомъ Думы крестьяне-трудовики, въ числѣ сорока человѣкъ, рѣшили выйти изъ трудовой группы и, присоединивъ къ себѣ часть безпартійныхъ, образовать самостоятельную крестьянскую партію. Между этой новой партіей и могущественнымъ центромъ установилось бы, по всей вѣроятности, прочное общеніе, на почвѣ котораго, не встрѣчая непреодолимыхъ препятствій въ самой Думѣ, могла бы совершаться законодательная работа. И раньше вопросы, спорные между крайней лѣвой и центромъ, разрѣшались почти всегда въ пользу послѣдняго. Любопытный перечень ихъ даетъ статья М. М. Винавера: „Конфликты въ первой Думѣ". Сдерживающее, умѣряющее вліяніе партіи народной свободы проявилось уже наканунѣ открытія сессіи: „кадетамъ" удалось устранить сомнѣнія, существовавшія въ средѣ трудовой группы относительно „торжественнаго обѣщанія", которое должны были подписать члены Думы. Въ такомъ же смыслѣ и съ такимъ же успѣхомъ „кадеты" дѣйствовали и тогда, когда воспослѣдовалъ отказъ въ личномъ принятіи адреса, когда съ лѣвой стороны сдѣланы были попытки не стѣсняться сроками, установленными для приступа къ обсужденію вносимыхъ членами Думы законопроектовъ, когда сдѣлано было извѣстное предложеніе 34 членовъ трудовой группы по аграрному вопросу. Много способствовалъ этому личный авторитетъ, которымъ пользовались въ глазахъ большинства трудовой группы нѣкоторые изъ лидеровъ партіи народной свободы (напр., какъ видно изъ статьи М. М. Винавера, не принадлежавшій къ числу членовъ Думы П. Н. Милюковъ), а также выдающіеся члены партіи демократическихъ реформъ—М. М. Ковалевскій и В. Д. Кузьминъ-Караваевъ. Для спокойнаго теченія думской жизни недоставало только министерства, которое бы шло рука объ руку съ Думой или, по меньшей мѣрѣ, не подбрасывало бы палокъ подъ ея колеса. До какой степени кабинетъ И. Л. Горемыкина былъ далекъ отъ пониманія обязанностей, которыя возлагалъ на него новый государственный строй — это показываетъ наглядно печатаніе въ оффиціальномъ органѣ адресовъ и телеграммъ, порицавшихъ, въ рѣзкой, иногда неприличной формѣ, дѣятельность Думы. Почти вовсе избѣгать открытаго обмѣна мыслей

съ народнымъ представительствомъ и въ то же время поднимать противъ него разныя темныя, искусственно организованныя силы — это своеобразная политика, другой примѣръ которой едва ли сыщется въ исторіи конституціонныхъ государствъ. Изъ того же источника вытекло и правительственное сообщеніе по земельному вопросу — сообщеніе, прямо направленное противъ Думы и вызывавшее ее на отвѣтъ, который ей же былъ поставленъ въ вину и послужилъ однимъ изъ поводовъ къ ея роспуску. Нужно помнить, что и въ эту послѣднюю минуту существованія Думы господствовавшая въ ней партія оставалась вѣрна самой себѣ: если противъ проекта обращенія къ народу, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ принятъ, подали голосъ соціалъ-демократы, если воздержалась отъ голосованія трудовая группа, то именно потому, что въ немъ содержался призывъ „спокойно и мирно ждать окончанія работъ по изданію земельнаго закона". Партія народной свободы и ея союзники держались до конца на той конституціонной почвѣ, которой такъ быстро измѣнилъ кабинетъ Витте-Дурново и на которую вовсе не вступалъ кабинетъ И. Л. Горемыкина. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что именно сознаніе глубокой несправедливости, какою былъ, по отношенію къ думскому большинству, роспускъ Думы, привело партію народной свободы къ подписанію выборгскаго воззванія, такъ мало гармонирующаго съ прежней—и послѣдующей—дѣятельностью этой партіи. Это была ошибка, но ошибка въ извѣстной степени вынужденная и уже по тому одному не составляющая преступленія. Если она и должна быть отнесена къ пассиву партіи, то во всякомъ случаѣ ее далеко перевѣшиваетъ активъ, въ составъ котораго входятъ лучшія страницы исторіи первой Думы.

Стремленіямъ и запросамъ народнаго представительства сразу было противопоставлено „non possumus", основанное не на чрезмѣрности или неисполнимости требованій, а на нежеланіи порвать съ прошлымъ, которому всецѣло принадлежали симпатіи кабинета. Потерянъ былъ, такимъ образомъ, исключительно благопріятный шансъ соглашенія, которое, не устраняя, конечно, всѣхъ трудностей положенія, подготовило бы мирный изъ нихъ выходъ. Распущена была Дума, которая, соединяя въ себѣ представителей самыхъ различныхъ классовъ и самыхъ различныхъ взглядовъ, не была расположена отдаться во власть революціонныхъ или реакціонныхъ настроеній. Соглашеніе со второю Думой также было возможно, но уже гораздо болѣе затруднительно. Политика ничѣмъ не сдерживаемыхъ репрессій, практиковавшаяся въ теченіе семи мѣсяцевъ, повлекла за собою быстрое усиленіе крайнихъ партій, какъ справа, такъ и слѣва. Рѣшающее слово и во второй Думѣ часто исходило отъ конституціонно-

демократической партіи; но, значительно ослабѣвъ численно, она была окружена непримиримыми врагами. Съ теченіемъ времени ей удалось бы, быть можетъ, сдѣлаться средоточіемъ прочнаго, сильнаго центра и провести реформы, намѣченныя ею въ первой Думѣ; но усилія ея въ этомъ смыслѣ опять были прерваны въ самомъ началѣ. Будутъ ли они возобновлены въ третій разъ, и при какой обстановкѣ—это зависитъ отъ результата предстоящихъ выборовъ. Мы не теряемъ надежды, что, несмотря на новый избирательный законъ и на всѣ невыгодныя послѣдствія нелегализованнаго положенія, конституціонно-демократическая партія пріобрѣтетъ такое число голосовъ, которое позволитъ ей сыграть въ третьей Думѣ не менѣе выдающуюся роль, чѣмъ въ двухъ первыхъ.

Рѣшающимъ аргументомъ въ пользу конституціонно-демократической партіи служитъ, въ нашихъ глазахъ ожесточенная вражда, съ которой относятся къ ней крайнія партіи, правыя и лѣвыя. Лютую злобу тѣхъ, кто стоитъ за возвратъ къ старому режиму, она возбуждаетъ своею непоколебимою преданностью основамъ новаго государственнаго и общественнаго строя; сторонникамъ насильственнаго, внезапнаго переворота ненавистна ея сдержанность, не допускающая ни „скачковъ въ темноту", ни обращенія къ грубой силѣ. И то, и другое совершенно понятно; но какъ объяснить ожесточеніе, съ которымъ набрасывается на „кадетовъ" партія, провозглашающая себя конституціонною? Избирательная платформа союза 17-го октября (см. № 11304 „Новаго Времени"), направленная почти всецѣло противъ партіи народной свободы, не останавливается даже передъ явнымъ искаженіемъ фактовъ. По ея словамъ, „господство кадетъ, трудовиковъ и разныхъ инородческихъ группъ въ первой и второй Государственной Думѣ только усилило смуту въ странѣ и *остановило на два года всю законодательную дѣятельность*, столь необходимую Россіи... При незначительномъ числѣ голосовъ, принадлежащихъ избирателямъ правыхъ партій, союзу въ С.-Петербургѣ придется главнымъ образомъ бороться съ конституціонно-демократической партіей, *пагубное вліяніе которой въ Думѣ пріостановило нормальное законодательство*". На протяженіи немногихъ строкъ здѣсь дважды допущено отступленіе отъ правды. Всѣ усилія конституціонно-демократической партіи, какъ въ первой, такъ и во второй Думѣ, были направлены именно къ тому, чтобы организовать и двинуть впередъ законодательную работу. На этой почвѣ „кадеты" боролись въ первой Думѣ—съ трудовиками, во второй Думѣ—съ лѣвыми партіями; на этой почвѣ они обнаружили необыкновенную энергію, составивъ цѣлый рядъ законопроектовъ, усиленно трудясь надъ ними въ думскихъ коммиссіяхъ, отражая постоянно повторявшіяся попытки обратить Думу въ агитаціонный ми-

тингъ. Какимъ же образомъ можно возлагать на „кадетовъ“ отвѣтственность за „пріостановку нормальнаго законодательства“? Какимъ образомъ партія, мнящая себя конституціонной, можетъ забывать, что настоящими виновниками этой пріостановки были министры, почти ничего, въ области законодательства, не приготовившіе для первой Думы, въ междудумье законодательствовавшіе „ненормально“ и не сдѣлавшіе ни шагу къ соглашенію со второю Думой? Какимъ образомъ можно соединять въ одномъ общемъ приговорѣ — все равно, обвинительномъ или оправдательномъ—„кадетовъ“ и „трудовиковъ“, столь рѣзко отличающихся другъ отъ друга, преслѣдующихъ столь различныя цѣли и шедшихъ, бо̀льшею частью, столь различными дорогами? А постановка на одну доску съ „кадетами“ „разныхъ инородческихъ группъ“ не сближаетъ ли союзъ 17-го октября съ союзомъ русскаго народа, любимой темой котораго служитъ обвиненіе конституціонно-демократической партіи въ измѣнѣ русскимъ интересамъ и идеаламъ?.. Союзъ 17-го октября ставитъ себѣ въ заслугу, что онъ „одинъ изъ всѣхъ политическихъ партій всегда твердо стоялъ на почвѣ великаго манифеста и всегда отвергалъ всякое сочувствіе революціи и реакціи“. На самомъ дѣлѣ, гораздо болѣе вѣрной духу манифеста 17-го октября была партія народной свободы, въ пассивѣ которой нѣтъ ни оправданія военно-полевыхъ судовъ, ни колеблющагося отношенія къ избирательному закону 3-го іюня, ни избирательныхъ сдѣлокъ съ крайними правыми.

Совершенно иначе относится къ предстоящимъ выборамъ партія „мирнаго обновленія“. Главную свою задачу она видитъ не въ противодѣйствіи тѣмъ, кто стоялъ и стоитъ за конституцію, за свободу и за демократическія реформы, а въ борьбѣ за конституціонный строй, которому грозитъ серьезная опасность. Эту опасность увеличиваетъ избирательный законъ 3-го іюня; не говоря уже о способѣ его изданія, онъ „обостряетъ классовый и національный антагонизмъ“ и создаетъ тѣмъ самымъ новое препятствіе для мирнаго обновленія родины. Ошибается партія мирнаго обновленія только въ оцѣнкѣ союза 17-го октября, причисляя его къ конституціоннымъ партіямъ и не находя, съ этой точки зрѣнія, существеннаго различія между нимъ и партіей народной свободы. Объясненіе этой ошибки мы видимъ въ томъ, что декларація партіи мирнаго обновленія состоялась раньше обнародованія избирательной платформы союза 17-го октября. Намъ также еще недавно казалось, что роспускомъ второй Думы и изданіемъ новаго избирательнаго закона создана почва, на которой, во время выборовъ, возможна совмѣстная дѣятельность конституціонно-демократической партіи и союза 17-го октября, если только послѣдній совершитъ требуемый обстоятельствами поворотъ влѣво. Мы имѣли

наивность думать, что на защиту конституціи станутъ всѣ носящіе ея знамя. Случилось иное: союзъ 17-го октября забылъ объ ударахъ, нанесенныхъ и наносимыхъ „великому манифесту"; онъ не понялъ, что, объявивъ войну наиболѣе сильной конституціонной партіи, онъ сталъ тѣмъ самымъ, de facto, на сторону враговъ новаго строя и подалъ руку крайнимъ правымъ, открещивающимся отъ всякой солидарности съ „умѣренными".

Посмотримъ теперь, что дѣлается въ станѣ ликующихъ и торжествующихъ. Сотрудниковъ онъ находитъ въ такой средѣ, отъ которой можно было бы ожидать если не политическаго нейтралитета, то по меньшей мѣрѣ, крайней сдержанности въ выступленіяхъ на политическую почву. Два мѣсяца тому назадъ мы отмѣтили ошибку, сдѣланную реакціонной газетой въ первоначальной редакціи обращенія къ избирателямъ-крестьянамъ: къ участію въ волостныхъ выборахъ приглашались ею „всѣ крестьяне, имѣющіе свою усадьбу и живущіе въ ней не менѣе одного года", тогда какъ по закону въ этихъ выборахъ участвуютъ только члены волостного схода. На слѣдующій день эта ошибка была хотя и не оговорена, но фактически исправлена: въ новой редакціи обращенія шла рѣчь уже о выборныхъ волостного схода. Теперь ту же ошибку мы находимъ... въ архипастырскомъ посланіи епископа вологодскаго и тотемскаго [1]). „Выбирайте"—говоритъ преосвященный Никонъ, обращаясь къ своей паствѣ,—„выбирайте только тѣхъ, кто стоитъ за царя самодержавнаго и *неограниченнаго*, за вѣру православную и за русскій народъ. А выбирать такихъ людей слѣдуетъ такъ: когда въ деревнѣ начальство назначитъ день выборовъ, то въ этотъ день *всѣ крестьяне, имѣющіе свою усадьбу и живущіе въ ней не менѣе года, всѣ до единаго* должны идти въ волостное правленіе и тамъ на волостномъ сходѣ выбрать изъ своей среды двоихъ, крѣпко стоящихъ за вѣру, царя и отечество". Вотъ къ чему ведетъ вмѣшательство въ дѣло, съ которымъ кто не знакомъ и къ участію въ которомъ не призванъ! Хорошъ былъ бы порядокъ на вологодскихъ волостныхъ выборахъ, еслибы крестьяне послѣдовали совѣту преосвященнаго Никона! Епископъ не обязанъ знать избирательный законъ, но обязанъ не говорить о томъ, чего не знаетъ... Еще важнѣе, чѣмъ ошибка въ толкованіи избирательныхъ порядковъ, другіе дефекты архипастырскаго посланія. Носитель высокаго церковнаго сана, по условіямъ русской жизни близко соприкасающійся съ свѣтской іерархіей, не въ правѣ идти въ разрѣзъ съ основными государственными

---

[1]) См. № 190 „Московскихъ Вѣдомостей".

законами, не въ правѣ взывать къ поддержкѣ отмѣненной ими *неограниченности* царской власти. Служитель алтаря не въ правѣ повторять измышленія низменной прессы, не въ правѣ говорить свойственнымъ только ей языкомъ („ужели опять выберемъ этихъ *льстецовъ и разныхъ обманщиковъ*, именующихъ себя разными кличками, въ родѣ членовъ партіи народной свободы?.. Вѣдь тогда эти отъявленные враги наши подѣлятъ землю нашу русскую между разными инородцами. И *станутъ тогда русскіе люди рабами этихъ инородцевъ*, и снова на Руси настанутъ времена злой татарщины").

Если до такихъ крайностей слова и мысли доходитъ посланіе епископа, то нетрудно себѣ представить, что за рѣчи льются изъ устъ ничѣмъ не сдерживаемыхъ фанатиковъ регресса. Ограничимся двумя примѣрами, заимствуемыми изъ одной и той же статьи (въ № 193 „Московскихъ Вѣдомостей"): они покажутъ, *какъ* реакціонная пресса говоритъ о лицахъ и о дѣлѣ. О Н. Н. Львовѣ, одномъ изъ самыхъ уважаемыхъ земскихъ дѣятелей и видномъ членѣ первой Думы, авторъ статьи выражается такъ: „Львовъ—не кто иной, какъ организаторъ бунта въ саратовской губерніи. Онъ сжегъ губернію. Губернаторы позволяли ему все. Связи его спасли отъ связокъ. Человѣкъ безъ крови, а съ какою-то слизью"... Дальше мы читаемъ, что къ ниспроверженію государственнаго строя, къ возстанію призывалъ еще недавно (въ статьяхъ, напечатанныхъ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" и въ „Новомъ Времени"!!) и А. А. Столыпинъ; „теперь онъ перевернулся и смѣетъ проповѣдывать правду"... „Разсказать ли вамъ"—продолжаетъ безцеремонный авторъ—„исторію дѣятельности А. А. Столыпина, до поступленія въ наемъ печати? Не стоитъ, въ другой разъ [1]). Эти *типы дегенератовъ*, полнѣйшаго дѣлового ничтожества, въ силу своей наглости и рабства общества, заняли какія-то передовыя мѣста. Ни одно правительство, ни одно общество, кромѣ нашего, не потерпѣло бы *безнаказанности* этихъ *измѣнниковъ* и подстрекателей"... Несомнѣнно, будучи смѣшнымъ, обвиненіе А. А. Столыпина въ измѣнѣ тѣмъ не менѣе не перестаетъ быть гнуснымъ. За частными нападками слѣдуетъ общій выводъ: „пока не будетъ взята и уничтожена старая шайка общественныхъ заговорщиковъ, страна не успокоится". Не разсчитывая *пока* на власть, реакціонный Фукье-Тенвилль взываетъ къ народу: „Пора къ разсчету; пора самому народу найти пути прекращенія безсовѣстной междоусобной войны... Точить надо плужный лемехъ и мечъ—и отточить ихъ пускай самъ народъ, не надѣясь на черную, приморскую столицу. Призывный кличъ

[1]) Можно ли себѣ представить что-либо худшее, чѣмъ этотъ пріемъ—на что-то очень нехорошее намекнуть и потомъ ровно ничего не сказать, открывая тѣмъ самымъ широкій просторъ для всякихъ догадокъ?

народу раздается изъ бѣлой Москвы: теперь—къ плугу, а *когда надо будетъ—къ оружію*"! Опасаться, что этотъ кличъ будетъ услышанъ, нѣтъ повода: слишкомъ ничтожны кличущіе, слишкомъ хорошо извѣстны истинныя ихъ чувства къ народу, по ихъ винѣ такъ долго остававшемуся въ безправіи и невѣжествѣ. Напрасно стараясь вызвать гнѣвъ толпы, они обнаруживаютъ только всю глубину своей злобы и своего безсилія.

Поднимемся на одну, очень невысокую ступень. Что предлагаетъ печать, близко стоящая къ „октябристамъ"? Въ статьѣ, озаглавленной: „Подъемъ власти" („Новое Время" № 11295), проводится мысль о необходимости усилить правительственную власть и предлагается рядъ мѣръ, направленныхъ къ этой цѣли. Прежде всего, должно быть установлено полнѣйшее единство въ средѣ министерства, въ которомъ теперь „представлены по меньшей мѣрѣ три партіи (?), и вѣдомство, важнѣйшее въ борьбѣ со смутой, отдано кадетамъ" [1]). Нужно, далѣе, „чтобы прокуроры и судьи были дѣйствительно прокурорами и судьями, а не казенной организаціей, служащей кое-гдѣ для защиты преступниковъ отъ закона"; нужно, „чтобы ссылки были дѣйствительно ссылками, т.-е. мѣстами изоляціи преступнаго элемента, а не очагами распространенія смуты"; нужно, „чтобы надзоръ надъ революціонной печатью былъ не мнимымъ, а дѣйствительнымъ"; нужно, „чтобы инспекція и полиція всѣхъ видовъ были приведены въ соотвѣтствіе не съ тѣмъ состояніемъ, въ которомъ Россія находилась полстолѣтія назадъ, а съ современнымъ ея состояніемъ"; нужно, „чтобы во главѣ казенно-революціонныхъ заведеній, каковы среднія и низшія школы, были поставлены люди не сочувствующіе революціи, чтобы былъ тщательно провѣренъ учительскій персоналъ, отмѣнена автономія и распущенъ академическій союзъ профессоровъ"; нужно, наконецъ, „поставить инородцевъ, служебную интеллигенцію и воюющій народъ въ условія, при которыхъ война съ правительствомъ была бы для нихъ затруднительной". Какъ осуществить послѣднее требованіе — это признается „вопросомъ политическаго искусства" и оставляется безъ ближайшаго разъясненія: указывается только на необходимость положить конецъ „передачѣ цѣлыхъ вѣдомствъ въ руки поляковъ и евреевъ и содержанію на службѣ десятковъ тысячъ кадетовъ и эсъ-дековъ".

По истинѣ, поразительно сходство этой программы съ тою, которую мы не разъ встрѣчали на страницахъ откровенно реакціонныхъ

---

[1]) Важнѣйшая роль въ борьбѣ со смутой принадлежитъ, безъ сомнѣнія, министерству внутреннихъ дѣлъ. „Кадетомъ", слѣдовательно, является П. А. Столыпинъ? Не слишкомъ ли ужъ явно нарушается здѣсь правило о знаніи мѣры?

газетъ: то же враждебное отношеніе къ суду и къ профессорамъ, та же вѣра въ тюрьму и ссылку, въ разные виды административныхъ репрессій, то же безсиліе, когда дѣло доходитъ до обнаруженія „политическаго искусства". И такія рѣчи ведутся въ газетѣ, относимой и относящей себя къ сонму „умѣренныхъ", пожалуй, даже конституціонныхъ! Она не замѣчаетъ или не хочетъ замѣтить, что все предлагаемое ею уже было испытано, въ значительной мѣрѣ испытывается и до сихъ поръ, отнюдь не усиливая правительственную власть. Неужели все еще мало доказательствъ тому, что наши судьи грѣшатъ скорѣе излишнею строгостью, чѣмъ излишнею снисходительностью, что ограниченія свободы печати на каждомъ шагу переходятъ въ совершенное ея отрицаніе, что циркуляры о несовмѣстимости государственной службы съ принадлежностью къ „нелегализованнымъ" партіямъ не остаются мертвой буквой? Напрасно авторъ программы увѣряетъ, что стоитъ за дарованіе обществу и народу политическихъ правъ, за правильную работу народнаго представительства. Фикціей или насмѣшкой было бы такое представительство, еслибы были приняты мѣры противъ проникновенія въ его составъ „портящихъ его элементовъ—инородцевъ, революціонеровъ и невѣжественной черни". Исполняя отводимую ему въ программѣ роль — „усиливать способность власти достигать своихъ цѣлей", — оно служило бы декораціей (едва ли особенно красивой), ничего, въ сущности, не измѣняя къ лучшему въ положеніи страны [1]).

Безсиліе—отличительная черта не однѣхъ только газетныхъ программъ, реакціонныхъ и мнимо-умѣренныхъ: оно характеризуетъ собою и другія проявленія тѣхъ же политическихъ теченій. Яркимъ примѣромъ служитъ августовскій общеземскій съѣздъ, малочисленный, вовсе даже не приступившій къ своей главной задачѣ (критикѣ правительственнаго проекта земской реформы) и безплодно потратившій нѣсколько дней на обсужденіе вопроса о мелкой земской единицѣ. Мы говоримъ: *безплодно*, потому что въ концѣ концовъ введеніе или невведеніе мелкой единицы съѣздъ призналъ факультативнымъ, т.-е. зависящимъ отъ усмотрѣнія губернскихъ земскихъ со-

---

[1]) Хорошей иллюстраціей къ требованіямъ защитника „сильной власти" можетъ служить фактъ, приводимый имъ въ подтвержденіе „слабости" суда: предсѣдатель суда „торжественно вручилъ оправданному бунтарю револьверъ, снятый со стола вещественныхъ доказательствъ". Кто оправданъ по обвиненію въ бунтѣ, тотъ уже не можетъ считаться „бунтаремъ"; по отношенію къ нему вступаетъ въ силу общій законъ, и предсѣдатель суда не только имѣлъ право, но былъ обязанъ возвратить ему его собственность. Вновь отнять у него револьверъ могли бы развѣ агенты „охраны", съ которыми не должны имѣть ничего общаго представители правосудія.

браній. Постановляя такое рѣшеніе (большинствомъ 31 голоса противъ 12), съѣздъ очень хорошо понималъ, что оно равносильно отрицательному отвѣту, отличаясь отъ него только недостаткомъ откровенности и прямоты. „Введите мелкую единицу всюду"—говорилъ на съѣздѣ представитель костромского съѣзда, г. Соколовъ,—„введите ее даже тамъ, гдѣ крестьяне понятія не имѣютъ о самоуправленіи: они выучатся ею владѣть, хотя бы и послѣ ошибокъ, и оцѣнятъ ее. Мелкая земская единица—коренное государственное установленіе, а не какія-нибудь кассы или эмеритуры, которыя можно вводить факультативно. При факультативности это учрежденіе будетъ подрѣзано въ корнѣ. Тогда незачѣмъ намъ было и собираться, незачѣмъ говорить о своей будущей работѣ въ Государственной Думѣ". Убѣдительность этихъ доводовъ не подлежитъ никакому сомнѣнію; отвергнувъ ихъ, съѣздъ доказалъ еще разъ, что ему дороги интересы крупныхъ землевладѣльцевъ, а не массы населенія... Достойнымъ финаломъ печальнаго зрѣлища послужила попытка 34 членовъ съѣзда, съ гр. В. А. Бобринскимъ во главѣ, поколебать довѣріе къ общеземской организаціи помощи голодающимъ. Возбужденный ими вопросъ переданъ съѣздомъ на заключеніе земскихъ собраній.

Постановленія общеземскаго съѣзда, какъ и платформы правыхъ и почти правыхъ партій, какъ и статьи правыхъ и почти правыхъ газетъ, даютъ понятіе о томъ, чѣмъ будетъ третья Государственная Дума, если рѣшительное преобладаніе въ ней, благодаря новому избирательному закону, получатъ представители реакціонныхъ и консервативныхъ теченій. Неосуществимыми окажутся даже такія скромныя реформы, какъ переустройство, на широкихъ началахъ, земскаго и городского самоуправленія, какъ возстановленіе выборнаго мирового суда, какъ упраздненіе всякихъ экстраординарныхъ охранъ и всякаго гражданскаго неравенства, какъ проведеніе въ жизнь обѣщанныхъ 17-го октября свободъ, какъ обѣщанное тогда же приближеніе къ всеобщему и равному избирательному праву. Не говоримъ уже о земельномъ законѣ, сколько-нибудь пріемлемомъ для крестьянской массы; противъ него, конечно, будутъ направлены всѣ усилія побѣдоносныхъ аграріевъ. Между тѣмъ, только разностороннею и смѣлою преобразовательною дѣятельностью третья Дума можетъ искупить хоть отчасти свой первородный грѣхъ—свое происхожденіе изъ положенія о выборахъ, изданнаго внѣ законнаго порядка и приспособленнаго не къ общенароднымъ, а къ узко-классовымъ интересамъ. Ея настоящая задача—устранить все мѣшающее обновленію общества и государства. Само собою разумѣется, что для исполненія этой задачи необходимо не только думское большинство, способное отрѣшиться отъ сословнаго и національнаго эгоизма: столь же необходимо и правительство,

готовое идти рука объ руку съ прогрессивной Думой. Отъ министерства репрессій и закононарушеній нельзя ожидать перехода на другой путь, прямо противоположный. Если составъ третьей Думы не оправдаетъ надеждъ, возлагаемыхъ на нее сторонниками и полу-сторонниками прежняго режима,—логическимъ выводомъ отсюда явится перемѣна кабинета, подобно тому, какъ передъ открытіемъ первой Думы неизбѣжной оказалась отставка министерства Витте—Дурново. Нужно надѣяться, что сходство между П. А. Столыпинымъ и его преемниками будетъ гораздо меньшее, чѣмъ было сходство между И. Л. Горемыкинымъ и его предшественниками. Другими словами, перемѣниться должны не только лица: перемѣниться, и весьма существенно, должно направленіе. Согласіе между Думой и министерствомъ — согласіе на почвѣ признанія и удовлетворенія народныхъ нуждъ—одно только можетъ дать странѣ спокойствіе, котораго напрасно старались и стараются достигнуть съ помощью всемогущей полиціи и чрезвычайныхъ судовъ.

Что въ средѣ общества и народа существуетъ и усиливается жажда успокоенія—это не подлежитъ никакому сомнѣнію: именно потому такъ и желательно созданіе условій, которыя способствовали бы удовлетворенію этой жажды. Она проявляется даже тамъ, гдѣ до сихъ поръ была всего менѣе замѣтна: среди учащейся молодежи. Въ собраніи старостъ с.-петербургскаго университета, по словамъ корреспондента „Русскихъ Вѣдомостей", горячо обсуждался, 6-го сентября, вопросъ о способѣ созыва общеуниверситетскихъ сходокъ. Кадеты, меньшевики эсъ-деки и безпартійные высказались за легальный путь созыва, на основаніи правилъ 11-го іюля, а большевики и эсъ-эры—за созывъ явочнымъ порядкомъ. Послѣдніе, оставшись въ меньшинствѣ, покинули засѣданіе, при чемъ эсъ-эры заявили, что выходятъ изъ совѣта старостъ. На сходку, вслѣдъ затѣмъ созванную эсъ-эрами, собралось сначала около 1.000 студентовъ, но послѣ просьбы старостъ разойтись въ залѣ осталось не болѣе 150 человѣкъ, и сходка вскорѣ была распущена. Въ московскомъ университетѣ на первую общестуденческую сходку явилось всего двѣ тысячи студентовъ (въ прошломъ году—$4^1/_2$ тысячи), да и изъ нихъ многіе скоро ушли, а къ моменту голосованія оставалось на лицо лишь до тысячи человѣкъ, изъ которыхъ около 700 (т.-е. около одной двѣнадцатой части всего студенчества) выразили довѣріе къ центральному университетскому органу. Студенчество — говорятъ, по этому поводу, „Русскія Вѣдомости"— „стало, по видимому, равнодушнѣе къ своему центральному органу, въ которомъ многіе не признаютъ своего представителя, а нѣкоторые видятъ даже узурпатора правъ, долженствующихъ принадлежать болѣе

правильно избранному органу или всему наличному студенчеству... Студенчество опасается быть увлеченнымъ, безъ достаточнаго основанія, къ какимъ-нибудь поспѣшнымъ и необдуманнымъ рѣшеніямъ и дѣйствіямъ, способнымъ вызвать только напрасныя осложненія... Съ другой стороны, въ молодежи проявляется усиленное стремленіе къ учебнымъ занятіямъ, къ знанію, и это стремленіе, захватывающее массы, заставляетъ молодежь дорожить университетомъ". Остается только пожелать, чтобы наблюденія „Русскихъ Вѣдомостей" оказались вѣрными и чтобы новыя теченія въ средѣ студенчества не ослабѣвали, а наоборотъ, распространялись и укрѣплялись. Давно пора отказаться отъ студенческой агитаціи, потерявшей, со времени широкаго разлитія политической жизни, всякую raison d'être, и вспомнить о будущемъ, требующемъ непрерывнаго роста высшаго образованія. Помѣшать торжеству новыхъ теченій и отбросить студенчество назадъ, въ бурную политическую атмосферу, очень легко: стоитъ только, согласно съ мнѣніемъ такихъ совѣтчиковъ, какъ защитникъ „подъема власти" въ „Новомъ Времени", отмѣнить автономію высшей школы и приступить къ „очисткѣ" профессорскаго персонала. Брошенная на едва потухшій или тлѣющій еще костеръ, искра быстро разгорится въ огонь и уничтожитъ плоды самоотверженныхъ усилій выборныхъ ректоровъ и совѣтовъ высшихъ учебныхъ заведеній... Странно было бы, еслибы правильно организованное студенчество продолжало отвлекаться отъ научной работы, въ то самое время, когда такъ пламенно стремятся къ ней массы людей, не прошедшихъ черезъ среднюю школу. Не даромъ же московскій народный университетъ постоянно расширяетъ кругъ своихъ дѣйствій, приглашаетъ новыхъ лекторовъ, устраиваетъ новые курсы, открываетъ чтенія на окраинахъ города, предназначенныя, главнымъ образомъ, для живущихъ тамъ рабочихъ и торговыхъ служащихъ [1]). Потребность въ серьезномъ образованіи живо и глубоко чувствуется всѣми—чувствуется, конечно, и университетскою молодежью. Нужно только, чтобы ничто, ни извнѣ, ни изнутри, не мѣшало возобновленію правильныхъ занятій въ высшей школѣ. Слишкомъ долго было бы ждать, для этого, окончательнаго перехода Россіи на путь мирнаго развитія.

Недавно окончился въ Ригѣ колоссальный процессъ по обвиненію шестидесяти подсудимыхъ — по большей части латышей-крестьянъ— въ образованіи сообщества съ цѣлью водворенія въ лифляндской губ.

---

[1]) См. интересную статью г. Б. Сыромятникова въ № 199 „Русскихъ Вѣдомостей".

латышской соціалъ-демократической республики. Какъ и многія другія судебныя дѣла послѣдняго времени, онъ дастъ, когда станетъ достояніемъ гласности, богатый матеріалъ для исторіи переживаемой нами смутной эпохи. Интересны уже и тѣ скудныя свѣдѣнія, которыя сообщаетъ о немъ корреспондентъ „Новаго Времени" (№ 11305). По его словамъ, „еще въ началѣ 1905-го года въ Лифляндіи встрѣчались единичные случаи нападеній, грабежей, поджоговъ и убійствъ, производившихся видимо пришлымъ элементомъ. Преступленія эти къ лѣту 1905 г. значительно участились. По просьбѣ многихъ помѣщиковъ, были присланы небольшіе отряды войска, расквартированные по нѣскольку солдатъ у помѣщиковъ. Одновременно сами нѣмецкіе помѣщики организовали самооборону (Selbstschutz) по отдѣльнымъ замкамъ. Составъ такихъ отрядовъ самообороны былъ весьма разнообразенъ: были и наемники, были и добровольцы, какъ, напримѣръ, въ отрядѣ пастора Штоля оказался одинъ прусскій отставной офицеръ. Многіе изъ самихъ помѣщиковъ вступили въ число полицейскихъ чиновъ, присвоивъ себѣ наименованіе „почетныхъ полицейскихъ". Однако самооборона перешла и въ наступленіе. Пользуясь званіемъ полицейскихъ, члены самообороны безпрепятственно разъѣзжали по Лифляндіи, чиня самоуправный судъ и расправу. Экзекуція мирныхъ жителей стала постояннымъ явленіемъ. При существующей въ Лифляндіи розни между крестьянами и помѣщиками на экономической почвѣ, такія дѣйствія самозванной самообороны сильно возбуждали населеніе. Былъ случай нападенія шайки, дѣйствіями которой распоряжался солдатъ; были даже случаи убійства со стороны нѣсколькихъ пьяныхъ солдатъ... Всѣ подобные факты сильно волновали населеніе и возбуждали его противъ помѣщиковъ. Въ народѣ появился слухъ, что всѣ безобразія и нападенія учиняются какой-то черной сотней. Не будучи въ состояніи представить себѣ, чтобы въ преступленіяхъ могли участвовать солдаты, слуги Государя, народъ относилъ и нижнихъ чиновъ, квартировавшихъ по имѣніямъ, къ составу черной сотни. Боязнь черной сотни дошла до того, что дворохозяева отдѣльныхъ мѣстечекъ постановили организовать самооборону для постояннаго дежурства и охраны ночью отъ черной сотни. Эта служба неслась какъ дворохозяевами, такъ и батраками". Такова была почва, на которой, осенью 1905-го г., вспыхнуло революціонное движеніе. Красному террору предшествовалъ черный. Не оправдывая перваго, послѣдній въ значительной мѣрѣ его объясняетъ. Насильственныя дѣйствія революціонеровъ были направлены, бо́льшею частью, именно противъ тѣхъ лицъ, которыя съиграли выдающуюся роль во время господства „черной сотни" (помощникъ начальника рижскаго уѣзда фонъ-Геннингсъ, письмоводитель его Максимовичъ, пасторъ Штоль, почетный полицейскій фонъ-

Петерсонъ). Были ли привлечены къ отвѣтственности руководители и участники помѣщичьихъ „экзекуцій"—изъ приводимыхъ въ „Новомъ Времени" данныхъ не видно... Можно предполагать, что усиленію однажды начавшейся смуты содѣйствовала и растерянность мѣстныхъ властей: такъ, напримѣръ, проектированное съ цѣлью пріисканія мѣръ къ успокоенію населенія, собраніе волостныхъ старшинъ и писарей рижскаго уѣзда было сначала разрѣшено, потомъ запрещено. Заслуживаетъ вниманія, далѣе, тотъ раскрытый на судѣ фактъ, что интеллигентные руководители движенія—почтовый чиновникъ Пегазъ, учитель Малта, волостной писарь Кродеръ,—являлись горячими защитниками жизни и имущества помѣщиковъ и пасторовъ.

Мы никогда не были безусловными сторонниками правила: „de mortuis aut bene, aut nihil"; но намъ всегда казалось, что въ разсказахъ объ умершихъ обязательна величайшая осторожность, въ сужденіяхъ о нихъ—строгая сдержанность и правдивость. Непозволительно приводить ничѣмъ недоказанные и недопускающіе провѣрки разговоры съ умершимъ, выставляющіе его въ неблагопріятномъ свѣтѣ; непозволительно искажать его нравственную физіономію, приписывая ему чуждыя ему стремленія и взгляды. Глубокое негодованіе возбудили въ насъ, поэтому, выходки противъ покойнаго Г. Б. Іоллоса, помѣщенныя въ статьѣ нѣкоего г. Сибиряка: „О лейбъ-евреяхъ" („Новое Время", № 11295). Въ самомъ ихъ тонѣ слышится личное раздраженіе, неулегшееся даже въ виду могилы. „Главной задачей своего корреспондентства въ *профессорской* газетѣ",—пишетъ г. Сибирякъ,—„Іоллосъ считалъ постепенное *воспитаніе русской молодежи къ воспріятію идей революціи* [1]) и пожалъ потомъ то, что самъ сѣялъ: былъ убитъ въ разгаръ революціонныхъ броженій. Свои корреспонденціи въ двѣ русскія газеты и свои агентскія телеграммы онъ *строчилъ*, читая нѣмецкія газеты въ ресторанѣ Romanisches Café". Дальше идетъ передача разговора, который авторъ будто бы имѣлъ съ Г. Б. Іоллосомъ и въ которомъ послѣдній будто бы сказалъ, что своими телеграммами онъ служитъ перевоспитанію Россіи. Сотрудничество Г. Б. Іоллоса въ оффиціозномъ правительственномъ агентствѣ выставляется какъ бы измѣной его образу мыслей, въ подтвержденіе чего дѣлается ссылка на Бебеля, обвинившаго Іоллоса, въ „Vorwärts", въ невѣрной передачѣ какой-то парламентской рѣчи и отказавшагося отъ всякаго дальнѣйшаго общенія съ нимъ.

---

[1]) Эти слова поставлены въ кавычкахъ, какъ будто бы они принадлежали самому Г. Б. Іоллосу.

Фактическая часть навѣтовъ г. Сибиряка опровергнута сыномъ Г. Б. Іоллоса, въ письмѣ, напечатанномъ въ № 197 „Русскихъ Вѣдомостей". „С.-Петербургское телеграфное агентство"—говоритъ г. А. Іоллосъ,—„сотрудничество въ которомъ ставится въ вину моему отцу, было основано въ свое время съ цѣлью противодѣйствія тенденціозно окрашеннымъ сообщеніямъ тогдашняго оффиціальнаго *Россійскаго Телеграфнаго Агентства*. Не преувеличеніемъ однихъ фактовъ и замалчиваніемъ другихъ, а объективной передачей *всѣхъ* фактовъ заграничной жизни мой отецъ имѣлъ въ виду оказать извѣстную пользу. Онъ отказался отъ сотрудничества, какъ только усмотрѣлъ нѣкоторое измѣненіе въ направленіи *С.-Петербургскаго Агентства*. На основаніи невѣрнаго перевода статьи моего отца, помѣщенной въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*, Бебель, до того лично его совсѣмъ не знавшій, дѣйствительно обвинилъ его въ намѣренномъ извращеніи фактовъ, но, убѣдившись въ неосновательности обвиненія, публично отказался отъ него въ той же газетѣ, за полной своей подписью". Намъ остается только прибавить, что ничего похожаго на правду нѣтъ и въ общей характеристикѣ дѣятельности Г. Б. Іоллоса, которую не столько высказываетъ, сколько инсинуируетъ г. Сибирякъ. Кто слѣдилъ за письмами Г. Б. Іоллоса изъ Берлина, въ теченіе многихъ лѣтъ составлявшими одно изъ лучшихъ украшеній „Русскихъ Вѣдомостей", кто перечиталъ ихъ, когда они, года три тому назадъ, были изданы особой книгой, тотъ знаетъ, что покойный не былъ зауряднымъ „строчилой", заимствующимъ матеріалъ для своихъ корреспонденцій изъ мѣстныхъ газетъ. Широко образованный публицистъ и экономистъ, которому только господствовавшій у насъ еще недавно анти-еврейскій предразсудокъ помѣшалъ занять профессорскую каѳедру, онъ былъ лично знакомъ со многими представителями германскаго политическаго и научнаго міра, лично наблюдалъ за теченіемъ германской жизни и передавалъ, въ легкой формѣ, результатъ далеко не легкихъ изученій. Ему дѣйствительно было дорого „воспитаніе русской молодежи" и русскаго общества, но не въ революціонномъ, а въ конституціонномъ духѣ, въ любви къ свободѣ, въ преданности интересамъ народной массы. Пишущій эти строки хорошо помнитъ, съ какою радостью Г. Б. Іоллосъ, въ бесѣдахъ съ нимъ, подчеркивалъ ростъ мирнаго настроенія въ средѣ нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ, объясняя его, главнымъ образомъ, отмѣной исключительныхъ законовъ.

Поразительная съ перваго взгляда, ожесточенная травля такихъ людей, какъ Г. Б. Іоллосъ и М. Я. Герценштейнъ, объясняется, въ сущности, весьма просто. Наши антисемиты—все равно, дѣйствуютъ ли они подъ вліяніемъ искренняго фанатизма, или холоднаго разсчета—

никакъ не хотятъ допустить, что евреи способны быть хорошими русскими гражданами, честными русскими дѣятелями. Встрѣчаясь съ фактомъ, подтверждающимъ эту возможность, они его отрицаютъ или извращаютъ; встрѣчаясь съ человѣкомъ, служащимъ живымъ доказательствомъ ея, они на него клевещутъ — или вѣрятъ взводимой на него клеветѣ. Примѣръ Г. Б. Іоллоса и М. Я. Герценштейна даетъ понятіе о томъ, сколько пользы евреи могутъ принести Россіи, когда они перестанутъ быть ея пасынками. Этого имъ не прощаютъ; этого не можетъ заставить забыть даже ихъ трагическая кончина.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 октября 1907.

I.

— Н. Павловъ-Сильванскій. Декабристъ Пестель предъ Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ. 1907. Стр. 174.

Книга г. Павлова-Сильванскаго принадлежитъ къ числу важнѣйшихъ работъ по исторіи декабрьскаго возстанія, какія мы имѣемъ. Въ ней данъ полный текстъ показаній Пестеля „Слѣдственному Комитету" 1826 г., систематически дополненный его отдѣльными отвѣтами и протоколами очныхъ ставокъ; впереди приложенъ прекрасный очеркъ жизни Пестеля, въ концѣ—различные матеріалы, уясняющіе роль Пестеля въ Тайномъ обществѣ и его личность. Такимъ образомъ, въ основной своей части эта книга—первоисточникъ. Въ послѣднее время профессоромъ Довнаръ-Запольскимъ и другими опубликованы показанія многихъ декабристовъ; но ни одно изъ нихъ, ни всѣ они въ совокупности, не могутъ сравниться по важности съ показаніями Пестеля, какъ потому, что онъ являлся безспорно крупнѣйшей личностью между заговорщиками, такъ и потому, что ничьи показанія не были такъ полны, такъ добросовѣстны и не захватывали такъ глубоко сущность дѣла. Они не проливаютъ новаго свѣта на движеніе двадцатыхъ годовъ—въ этомъ отношеніи все главное уже извѣство и новыхъ открытій трудно ждать; но они разъясняютъ множество подробностей, устанавливаютъ правильную перспективу (напримѣръ, для исторіи развитія республиканской идеи въ кругу декабристовъ), а главное—они впервые непосредственно знакомятъ насъ съ Пестелемъ, впервые позволяютъ намъ взглянуть ему въ лицо, услышать его голосъ. Какъ ни важна исторія общественныхъ идей и настроеній,—самымъ цѣннымъ и самымъ любопытнымъ въ ней все-таки остается живая личность,

носительница этихъ идей, да и самый процессъ развитія общественной мысли мы по существу можемъ изучить только въ его индивидуальныхъ проявленіяхъ, въ той сложной игрѣ личныхъ чувствъ, мыслей, стремленій, изъ которой рождается общее умонастроеніе. Надо признать, что съ этой стороны декабристы еще мало изучены. Мы хорошо знаемъ исторію ихъ заговора, мы до мелочей изслѣдовали ихъ политическія воззрѣнія, но какъ они человѣчески росли и жили, какъ образовался типическій душевный складъ декабриста, какъ ихъ мысль выростала изъ личнаго опыта,—объ этомъ мы почти ничего не знаемъ. Они остаются для насъ дѣятелями, и мы не видимъ людей. Отчасти виною этому свойство нашихъ матеріаловъ. Свѣдѣній, современныхъ движенію, сохранилось чрезвычайно мало, и почти всѣ они касаются организаціи и общихъ идей; „человѣческихъ документовъ", которые позволили бы заглянуть въ интимную жизнь личности, среди нихъ нѣтъ почти вовсе. Нравственный обликъ декабриста приходится возстановлять либо по косвеннымъ указаніямъ, либо по матеріаламъ позднимъ и невѣрнымъ, каковы ихъ показанія на слѣдствіи и старческія воспоминанія. Тѣмъ съ большей жадностью мы вглядываемся въ каждую черту, которая можетъ уяснить намъ этотъ обликъ.

При чтеніи показаній, данныхъ декабристами „Слѣдственному Комитету", каждый разъ неотступно встаетъ вопросъ: чѣмъ объяснить ихъ откровенность, ихъ готовность разсказать судьямъ *все*, на каждомъ шагу дѣлавшую ихъ доносчиками? Молчалъ одинъ Лунинъ, мало говорилъ Якушкинъ, — всѣ остальные, и между ними люди сильнаго нравственнаго закала, точно на перебой признавались и оговаривали, напрягали память, уличали другъ друга и всячески старались ввести слѣдователей во всѣ подробности движенія. И надо замѣтить, большинство дѣлало это совершенно чистосердечно, т.-е. отнюдь не съ цѣлью обѣлить себя, по крайней мѣрѣ, безъ такого сознательнаго умысла. Въ этомъ смыслѣ процессъ декабристовъ, вѣроятно, не имѣетъ себѣ подобія въ исторіи политическихъ процессовъ. Что вопросъ, о которомъ мы говоримъ, не безразличенъ, показываетъ его постановка въ популярной литературѣ. Передъ нами второй выпускъ „Исторіи Россіи въ XIX вѣкѣ", издаваемой въ Москвѣ; онъ вышелъ этимъ лѣтомъ. Авторъ обширной статьи о декабристахъ рѣшаетъ вопросъ безъ колебаній: декабристы вели себя позорно, выдавали безъ оглядки, одни—поддавшись ловкимъ увѣщаніямъ Николая, большинство—просто изъ страха: „Животный страхъ смерти *многими* изъ декабристовъ овладѣлъ до такой степени, что жизнь себѣ они стремились купить цѣной самыхъ откровенныхъ и детальныхъ показаній не только того, что они знали, но порой и того, о чемъ ихъ не спрашивали и о чемъ они совсѣмъ не имѣли никакихъ свѣдѣній... Трубецкой и *многіе другіе*

въ своихъ показаніяхъ утратили всякую мѣру нравственнаго чувства и показывали то, что свойственно лишь людямъ, страдающимъ полнымъ отсутствіемъ элементарной порядочности въ отношеніяхъ не только къ близкимъ, но и вообще къ людямъ". Въ заключеніе, авторъ считаетъ нужнымъ обобщить эту оцѣнку: „Однимъ словомъ—декабристы во время дознанія съ головой повыдавали другъ друга и проявили слишкомъ мало самой простой человѣчности и порядочности". И тутъ же авторъ изъ всѣхъ выдѣляетъ Пестеля, который-де, хотя тоже всѣхъ выдалъ, но выдавалъ спокойно и съ достоинствомъ.

Не говоря уже о нелѣпости этой огульной оцѣнки, естественно было спросить себя: если „всѣ" выдавали изъ животнаго страха смерти, то почему выдавалъ Пестель, который, по собственному признанію автора, былъ чуждъ всякаго страха, не заискивалъ и не раскаявался? Дѣйствительно, примѣръ Пестеля имѣетъ въ данномъ случаѣ показательное значеніе. Пусть нѣкоторые изъ декабристовъ въ самомъ дѣлѣ признавались изъ трусости, но вотъ человѣкъ, не боявшійся кары,—и онъ оказался откровеннѣе всѣхъ (какъ извѣстно, „Донесеніе слѣдственной коммиссіи" основано главнымъ образомъ на показаніяхъ Пестеля); значитъ, былъ же какой-то другой могучій стимулъ, кромѣ трусости, побуждавшій декабристовъ быть откровенными, а если такъ, то этикетъ трусости надо оставить въ сторонѣ или, по крайней мѣрѣ, обращаться съ нимъ осмотрительно. Само собою разумѣется, что не одинъ Пестель былъ свободенъ отъ „животнаго страха смерти". Пестель писалъ родителямъ изъ тюрьмы, 1 мая 1826 г.: „Не знаю, какова будетъ моя участь; ежели смерть, то приму ее съ радостью, съ наслажденіемъ: я утомленъ жизнью, утомленъ существованіемъ". То же самое еще сильнѣе высказалъ Рылѣевъ въ знаменитомъ стихотвореніи, написанномъ также въ казематѣ:

Мнѣ тошно жить, какъ на чужбинѣ!
Когда я сброшу жизнь мою?
. . . . . .
Весь міръ—какъ смрадная могила,
Душа изъ тѣла рвется вонъ,—и т. д.

Но Рылѣева авторъ цитированной выше статьи отводитъ; по его словамъ, Николай, рѣшивъ добиться откровенности Рылѣева, „сдѣлалъ это до чрезвычайности просто: Николай *купилъ* Рылѣева за 2.000 руб., которые онъ передалъ его семьѣ на содержаніе". Это дурно сказано и по существу глубоко невѣрно. Но Пестеля вѣдь нельзя заподозрить ни въ какой корысти; чѣмъ же объяснить его откровенность?

Припомнимъ исторію признанія Пестеля. На первомъ допросѣ послѣ ареста, въ Тульчинѣ, онъ отозвался полнымъ незнаніемъ:—ни къ

какому тайному обществу не принадлежу и не принадлежалъ, и ни о какомъ ничего не знаю. Это показаніе было дано 22 декабря 1825 г., когда Пестель, безъ сомнѣнія, еще не зналъ о петербургскомъ возстаніи. По пріѣздѣ въ Петербургъ, 4 января, онъ дѣлаетъ уже полное признаніе, краткое по объему, но вполнѣ откровенное, въ высшей степени содержательное и полное именъ. Это показаніе онъ кончаетъ словами: „Вотъ все, что въ теперешнее время припоминаю и могу показать; но, желая государю доказать мое искреннее чистосердечіе и признаніе, буде угодно узнать отъ меня, что, можетъ, я запомнилъ, то готовъ во всемъ сказать все, что видѣлъ и знаю". Черезъ два дня, въ собственноручномъ дополнительномъ показаніи, онъ объясняетъ, что у него плохая память на имена, такъ что въ этомъ отношеніи онъ легко могъ сдѣлать ошибки: „но ежели окажется темнота или недоумѣніе по таковому случаю, то разными другими обстоятельствами могу представить пополнительныя объясненія". Наконецъ, главныя свои показанія Пестель далъ письменно (собственноручно) въ промежутокъ времени съ 13 января по май 1826 г.; мы уже говорили объ ихъ обстоятельности: въ изданіи г. Павлова-Сильванскаго они занимаютъ около ста большихъ страницъ очень убористаго шрифта. И здѣсь, кончая свой отвѣтъ на вопросы Комитета, онъ опять заявляетъ, что всѣ ошибки, могущія встрѣтиться въ его показаніяхъ, происходятъ единственно „или отъ недоумѣнія, или отъ запамятованія", такъ какъ онъ всѣми силами старается доказать свое чистосердечіе и безпрекословно готовъ сознаться во всемъ, что до него касается.

Ясно, что Пестелемъ руководила какая-то мысль, притомъ, какъ уже сказано, — не личнаго свойства, а такъ какъ показанія многихъ другихъ декабристовъ носятъ совершенно аналогичный характеръ, то мы вправѣ заключить, что эта мысль была у нихъ общею; всѣ они старались на слѣдствіи 1) доказать свое чистосердечіе, 2) дѣйствительно, и въ подробностяхъ, ознакомить правительство съ исторіей заговора.

Мы никогда не поймемъ ихъ поведенія на слѣдствіи, если останемся на поверхности фактовъ и если будемъ оцѣнивать эти факты съ нашей, современной точки зрѣнія. Политическому дѣятелю нашихъ дней откровенность декабристовъ передъ властью не можетъ не казаться странною, и онъ естественно склоненъ отнести ее на счетъ слабости характера, личныхъ соблазновъ и пр. Но историкъ обязанъ смотрѣть глубже: здѣсь, какъ и во всемъ другомъ, онъ долженъ исходить изъ психологіи дѣйствующихъ лицъ. Міровоззрѣніе декабристовъ во многомъ отличалось отъ нашего, и одной изъ главныхъ чертъ различія является ихъ и наше отношеніе къ власти, — не къ власти

вообще, а къ русской правительственной власти. Эту демаркаціонную черту провело какъ разъ событіе 14-го декабря и его послѣдствія. Его историческое значеніе именно заключается въ томъ, что оно вскрыло противоположность интересовъ—правительства, съ одной стороны, общества—съ другой, и такимъ образомъ раздѣлило Россію на два *сознательно*-враждебныхъ лагеря. Эта катастрофа сдѣлала то, что испуганная власть, въ лицѣ императора Николая, впервые начала сознательно и систематически вырабатывать свою боевую систему, съ которою она вскорѣ сливается безраздѣльно, а это въ свою очередь повлекло за собою такое же сознательное оппозиціонное самоопредѣленіе общества. До 14-го декабря, боевой тактики не существовало ни съ той, ни съ другой стороны. Для того, чтобы родилось то острое озлобленіе противъ власти, которое укоренилось позднѣе, должно было сложиться представленіе о ея своекорыстіи,—а это представленіе было чуждо декабристамъ. Ихъ отрицательное отношеніе къ русской власти было частью идеологическаго свойства (они ненавидѣли „тиранна“ по Плутарху и французскимъ книгамъ), частью конкретнаго, поскольку они осуждали направленіе правительственной политики. Какъ разъ средняго элемента—того живого *чувства* ненависти, которое обнимаетъ равно и самый институтъ, и его временное воплощеніе,—въ декабристахъ не было. Для того, чтобы понять это, даже нѣтъ надобности вспоминать ихъ личный опытъ, — національный подъемъ двѣнадцатаго года, личность Александра, и т. п.: достаточно припомнить вообще руководящую роль русской власти въ дѣлѣ просвѣщенія на протяженіи всего предшествующаго вѣка и обусловленное этимъ фактомъ единомысліе съ нею передовыхъ круговъ общества. Этого обстоятельства не надо забывать; оно опредѣлило и политическіе взгляды Пушкина, которые тоже, какъ и поведеніе декабристовъ на слѣдствіи, внѣ этой психологической связи легко могутъ быть истолкованы ошибочно, корыстными мотивами, что̀ и дѣлалось сплошь и рядомъ.

Сообразно съ такимъ общимъ отношеніемъ къ власти, и самый заговоръ декабристовъ вовсе не былъ направленъ противъ власти, какъ таковой. Мысль о томъ, что извѣстный государственный строй по существу исключаетъ возможность глубокихъ политическихъ и соціальныхъ реформъ, о какихъ они мечтали, была чужда декабристамъ. Это обстоятельство имѣетъ капитальное значеніе. Даже Пестель, болѣе всѣхъ склонявшійся къ республикѣ, былъ увѣренъ (это его подлинныя слова), „что всѣ отрасли правленія, все устройство народа и всѣ степени правительства, исключая верховной власти, могутъ въ извѣстномъ какомъ-нибудь государствѣ быть учреждены одинаковымъ образомъ, хоть верховная власть будетъ заключаться въ самодержавномъ мо-

нархѣ, хоть въ конституціонномъ государствѣ, хоть въ избирательномъ или республиканскомъ сословіи". И мы знаемъ, что въ выборѣ формы правленія декабристы искали преимущественно удобствъ, перебирая регентство, республику, воцареніе императрицы Елизаветы Алексѣевны и пр. Въ нихъ не было принципіальной вражды къ русской государственной власти, какъ не было и личной ненависти къ ней.

Этими психологическими фактами и было обусловлено, въ общемъ, ихъ поведеніе на слѣдствіи. Они были глубоко проникнуты мыслью, что предметъ ихъ стремленій есть вмѣстѣ съ тѣмъ правильно понятый интересъ власти; они психологически отождествляли себя съ этой властью и, безъ преувеличенія можно сказать, относились къ ней съ сыновнимъ чувствомъ. Весь ихъ заговоръ представляется имъ какъ бы семейнымъ дѣломъ между ними и ею. Вотъ почему имъ и на умъ не приходило скрывать что-нибудь. Напротивъ, пусть царь знаетъ, что они—вовсе не его враги; они съ радостью разскажутъ ему все, что̀ было,—свои мысли, намѣренія и поступки,—и пусть онъ не думаетъ, что они изверги,—они благородные люди, и они докажутъ ему это полной искренностью своихъ показаній. Имъ нужно было какъ-разъ внѣдрить въ царя это чувство общаго имъ и ему интереса, они въ его руки отдавали теперь, послѣ неудачи заговора, дѣло Россіи, и они изо всѣхъ силъ старались доказать ему, что они—его друзья, и друзья, не запятнанные низостью.

Какъ извѣстно, Николай быстро уловилъ ихъ тонъ и сдѣлалъ все, чтобы поддержать это настроеніе. Они писали ему обширнѣйшія записки о недостаткахъ правленія и о нужныхъ реформахъ; онъ подолгу обсуждалъ съ ними эти вопросы; онъ говорилъ Каховскому: „Я самъ есть первый гражданинъ отечества"; онъ старательно избѣгалъ всего, что̀ могло бы показать имъ какую-нибудь принципіальную разницу между нимъ и ими. Напротивъ, онъ все время держался въ роли отца, который хочетъ того же, что̀ и они, и даже готовъ посовѣтоваться съ ними, но который долженъ наказать ихъ за ихъ своевольный и опрометчивый поступокъ. Этимъ онъ пріобрѣталъ нравственное право на ихъ откровенность. Той же цѣли служили и различныя милости отеческаго характера—двѣ тысячи рублей семьѣ Рылѣева, слова Штейнгелю: „твои дѣти будутъ мои дѣти", и пр. И въ результатѣ онъ съ избыткомъ получилъ, что̀ ему нужно было: полную откровенность всѣхъ, раскаяніе и преданность многихъ. Признаніе декабристовъ было только продолженіемъ ихъ дѣла.

II.

— С. М. Степнякъ-Кравчинскій. Собраніе сочиненій. Часть III. Библіотека „Свѣточа". Спб. 1907. Стр. 241.

Степнякъ умеръ рано, въ полномъ цвѣтѣ силъ, и неизвѣстно, во что̀ развилось бы его незаурядное дарованіе со временемъ и при болѣе благопріятныхъ условіяхъ. Что̀ онъ оставилъ, то писалось урывками, на̀скоро, среди тяжкихъ личныхъ обстоятельствъ и еще болѣе тяжкихъ думъ, наконецъ—среди непрерывной революціонной работы. Въ его собственномъ сознаніи эта работа несомнѣнно стояла на первомъ планѣ; весь преданный мысли о свободѣ родной страны, натура цѣльная и кипучая, онъ не могъ не подчинять этой мысли и своего писательства. Въ своихъ воспоминаніяхъ о Степнякѣ, приложенныхъ къ первому тому настоящаго изданія, Кропоткинъ разсказываетъ, что въ послѣдніе годы жизни Степнякъ увлекался мыслью о драмѣ, какъ средствѣ революціонной пропаганды. Писатель-революціонеръ не можетъ не быть тенденціозенъ, но надо признать, что никто и не имѣетъ бо̀льшихъ правъ на это, нежели такой человѣкъ, и не только съ психологической точки зрѣнія, но и съ художественной, потому что здѣсь тенденція какъ-разъ не является надуманной цѣлью, а сливается съ самой натурой писателя. О Степнякѣ нельзя сказать того, что̀ однажды сказалъ о себѣ Ибсенъ,—что въ пылу житейской битвы подъ нимъ палъ крылатый конь поэзіи; напротивъ, его именно борьба вдохновляла на творчество.

Степнякъ тенденціозенъ, но его тенденціозность—особаго рода. Онъ очень далекъ отъ прямой, обнаженной пропаганды революціонныхъ идей: для этого онъ слишкомъ чутокъ къ требованіямъ художественной формы. Его герои высказываются каждый разъ не больше, чѣмъ требуетъ данная ситуація, и въ ихъ рѣчахъ нѣтъ авторскаго умысла, а дышитъ живое чувство увлеченнаго своей вѣрою человѣка. Съ этой стороны Степнякъ безупреченъ. Его тенденціозность—только въ способѣ обработки его сюжетовъ.

Какъ-разъ вышедшій теперь третій томъ чрезвычайно характеренъ для него. Этотъ томъ содержитъ въ себѣ три произведенія: повѣсть „Домикъ на Волгѣ", драму „Новообращенный" и „Сказку о копѣйкѣ". О послѣдней мы не будемъ много говорить. Это—сказка для народа, написанная съ цѣлью пропаганды, и написанная мастерски. Она слишкомъ велика (въ ней около 50 страницъ), и послѣднія двѣ части ея, несмотря на нѣкоторыя удачныя подробности, слабы, растянуты и утомляютъ обиліемъ мало-художественныхъ притчъ, но пер-

вая—разсказъ о томъ, какъ мужикъ добывалъ копѣйку и какъ она, переходя отъ него къ барину, попу и пр., каждый разъ снова возвращалась къ нему, чтобы тотчасъ, накликавъ на него новую маяту, опять уйти отъ него къ барину или становому,—эта первая часть великолѣпна не только по остроумію замысла, но и по исполненію, по быстротѣ, сжатости и мѣткости разсказа. Она еще разъ показываетъ, какимъ большимъ мастеромъ слова былъ Степнякъ.

И „Домикъ на Волгѣ", и „Новообращенный" написаны приблизительно по одному плану. И тамъ, и здѣсь центральной фигурой является дѣвушка изъ буржуазнаго общества, до момента завязки чуждая всякимъ идеямъ. Это та „дѣвушка... *русская* дѣвушка", о которой говоритъ въ своемъ „Порогѣ" Тургеневъ. Обѣихъ героинь Степняка ждетъ одинаковая участь: онѣ уже сосватаны—одна за чиновника особыхъ порученій при губернаторѣ, другая—за племянника министра; и въ обоихъ случаяхъ дѣвушка какъ-разъ въ этотъ моментъ встрѣчается съ революціонеромъ, открывается низость жениха,—и въ результатѣ дѣвушка покидаетъ домъ и, рука-объ-руку съ любимымъ человѣкомъ, отдается революціонной борьбѣ: „Мирное гнѣздо было разрушено. Но въ рядахъ борцовъ за миръ и счастье милліоновъ другихъ гнѣздъ прибавилось однимъ человѣкомъ".

Какъ видитъ читатель, фабула не нова и не отличается большой сложностью. Степнякъ—не глубокій психологъ; въ изображеніи мотивовъ, которыми опредѣляются поступки его дѣйствующихъ лицъ, онъ не идетъ дальше обычнаго литературнаго шаблона, и потому онъ не съумѣлъ расцвѣтить эту старую и по существу несложную фабулу яркими чертами своеобразныхъ, глубокихъ душевныхъ переживаній. Но зато онъ постарался усложнить интригу чисто внѣшнимъ образомъ, вводя въ нее подробности одну эффектнѣе другой. И, можетъ быть, ни въ чемъ темпераментъ борца, живущаго постоянно на вулканѣ, не сказался у Степняка такъ сильно, какъ въ этомъ нагроможденіи эффектныхъ эпизодовъ. Здѣсь революціонеръ рѣшительно взялъ въ немъ перевѣсъ надъ художникомъ. Исторія русскаго освободительнаго движенія въ послѣднія тридцать—сорокъ лѣтъ дѣйствительно богата такими эффектами, но, сколько бы ихъ ни было, они всегда остаются случайными. Именно какъ художникъ, онъ долженъ былъ избѣгать этого соблазна. Излишество внѣшняго драматизма не уясняетъ, а только затемняетъ сущность изображаемой имъ душевной борьбы и придаетъ его картинамъ характеръ мелодрамы.

Вотъ, для примѣра, начало „Домика на Волгѣ". Революціонеръ, сопровождаемый жандармами въ курьерскомъ поѣздѣ, бросается на ходу изъ окна вагона и, израненный, добирается до Волги. Здѣсь дѣвушка, катающаяся въ лодкѣ, подбираетъ его; онъ признается ей

во всемъ; она везетъ его въ свой старосвѣтскій домъ, къ матери, и водворяетъ во флигелѣ. У нея есть братъ въ Петербургѣ, тоже революціонеръ, и они давно не имѣютъ о немъ извѣстій; оказывается, что гость—другъ брата и можетъ многое разсказать о немъ. Затѣмъ появляется женихъ дѣвушки—чиновникъ при губернаторѣ, карьеристъ до мозга костей. Онъ знаетъ о бѣгствѣ политическаго преступника, и сразу догадывается, что странный гость его будущей тещи—именно этотъ бѣглецъ. Онъ замѣтилъ также интимность, которая установилась между его невѣстой и гостемъ. Въ его душѣ—драма: долгъ службы и страхъ потерять невѣсту подстрекаютъ его донести, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ боится, что дѣвушка не проститъ ему такой низости. Затѣмъ слѣдуютъ обыскъ, чудесное спасеніе Муринова (революціонера), эффектное объясненіе жениха съ невѣстою (оказывается, что не онъ донесъ), еще болѣе эффектная картина ихъ вѣнчанія, гдѣ невѣста въ послѣднюю минуту на обычный вопросъ священника отвѣчаетъ: нѣтъ!—затѣмъ, ея тяжелая болѣзнь и, наконецъ, отъѣздъ въ Петербургъ, гдѣ она соединяется съ Муриновымъ и становится въ ряды борцовъ за свободу.

Такой же рядъ внѣшнихъ эффектовъ представляетъ собою и „Новообращенный", съ тою разницей, что здѣсь ихъ сцѣпленіе еще менѣе обязательно и, если можно такъ выразиться, еще сенсаціоннѣе, а слѣдовательно, еще болѣе затемняетъ идею произведенія. Къ этимъ эффектамъ нельзя не причислить и тотъ эпизодъ, по которому названа пьеса,—„обращеніе" старика-отца, обращеніе въ активнаго революціонера, мало мотивированное авторомъ и по существу совершенно неправдоподобное.

Въ итогѣ получается мелодрама, захватывающая при бѣгломъ чтеніи, но слабая въ художественномъ отношеніи. Этому способу обработки сюжетовъ вполнѣ соотвѣтствуетъ и характеристика дѣйствующихъ лицъ. И здѣсь въ Степнякѣ сказывается безсознательное стремленіе къ чрезмѣрной яркости красокъ. И въ повѣсти, и въ пьесѣ, революціонеръ — само благородство; дѣвушка, будущая революціонерка—воплощенная душевная красота; женихъ—не просто мирный обыватель, а непремѣнно изъ „правящихъ", и притомъ—либо вовсе извергъ, либо бездушный бюрократъ. Это—тоже эффектъ, разумѣется, безсознательный, и тоже крупный художественный недостатокъ, обусловленный жизнью и темпераментомъ Степняка. Эти черты, вѣроятно, типичны; такъ долженъ и такъ будетъ писать всякій активный боецъ, одаренный среднимъ художественнымъ талантомъ. То, что является самымъ цѣннымъ оружіемъ въ практической борьбѣ: кипучая дѣловая энергія и рѣзкое, контрастное мышленіе,—въ искусствѣ

всего опаснѣе, и обуздать эти наклонности можетъ развѣ только первоклассное дарованіе.

Между тѣмъ, по характеру письма Степнякъ чуждъ всякой рѣзкости; у него мягкая, почти женственная манера, въ его тонѣ много теплоты и задушевности. Такимъ рисуютъ намъ Степняка-человѣка его друзья въ своихъ воспоминаніяхъ. Всего явственнѣе отразилось на немъ вліяніе Тургенева: у него заимствовалъ онъ и этотъ обликъ русской дѣвушки, и типы стариковъ, и манеру разсказа и описанія. Въ его „Домикѣ на Волгѣ", написанномъ такъ недавно, вообще есть что-то старомодное, напоминающее пятидесятые годы, напоминающее „Корнета Отлетаева". Эта старая, мягкая манера, при рѣзкой эффектности содержанія, производитъ своеобразное впечатлѣніе и подкупаетъ читателя. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ Степнякъ достигаетъ большой силы, и это какъ-разъ тамъ, гдѣ ему приходится изображать чувство; тогда онъ умѣетъ находить слова глубокія и простыя, идущія отъ сердца къ сердцу. Сцена прощанія Кати съ Норовымъ въ „Новообращенномъ"—созданіе настоящаго художника.

III.

— Влад. Станюковичъ. Пережитое. Спб. 1907. Стр. 104.

Ужасомъ и болью полны страницы этой книги, воскрешающей въ памяти картины недавней войны. Жизнь проворно ткетъ свой цвѣтной покровъ, быстро заростаютъ травою могилы; Мукденъ, Вафаньгоу, Цусима — для насъ уже точно обрывки давняго кошмарнаго сна. Но стòитъ только коснуться этихъ воспоминаній, стòитъ какому-нибудь очевидцу заговорить о пережитомъ въ тѣ дни, — они оживаютъ въ памяти со всей яркостью незабвенныхъ образовъ, неизгладимыхъ впечатлѣній, и опять сердце сжимается ужасомъ и болью. Годъ назадъ вся читающая Россія съ содроганіемъ прочитала книгу проф. Худякова: „Путь къ Цусимѣ", одинъ изъ самыхъ потрясающихъ мартирологовъ, какой когда-либо былъ написанъ; теперь о пережитомъ на войнѣ разсказываетъ В. Станюковичъ. Это — разсказъ человѣка съ чуткимъ сердцемъ и развитымъ, художественнаго склада, умомъ. Ужасно было то, чтò видѣли и переживали всѣ, но вдвойнѣ ужасно то, чтò должны были пережить сердцемъ такіе люди, страдавшіе *нравственно*—за себя и за всѣхъ.

Невозможно сильнѣе передать впечатлѣніе, производимое этой книгой, чѣмъ это сдѣлалъ самъ авторъ своимъ эпиграфомъ. Изъ неотправленнаго письма, найденнаго въ карманѣ *убитаго*, онъ выписалъ слѣдующія слова: „Теперь могу сказать, любезнѣйшая матушка, что

глаза мои видѣли войну". Въ этой цитатѣ — весь кровавый бредъ войны. Зачѣмъ нужно было этимъ глазамъ, живымъ и любимымъ матерью, увидѣть безпредѣльный ужасъ, чтобы тотчасъ закрыться навѣки?—и цѣною какихъ страданій былъ купленъ этотъ ненужный страшный опытъ?

Г. Станюковичъ говоритъ, что онъ не участвовалъ въ битвахъ—онъ смотрѣлъ въ кровавый ликъ войны „немного сбоку"; онъ былъ, повидимому, врачомъ изъ запаса, и все время работалъ въ госпиталяхъ, въ пылу армій. Онъ видѣлъ только непосредственные плоды боя — горы труповъ и безконечныя вереницы раненыхъ. Двѣнадцать ямъ-землянокъ, похожихъ на могилы,—это госпиталь. На земляныхъ нарахъ постланы грязныя изодранныя циновки; всю ночь приливаетъ потокъ раненыхъ, искалѣченныхъ, окровавленныхъ людей; ихъ уже 600 — 700, некуда класть, врачей всего двое; „и въ этихъ темныхъ полу-могилахъ, освѣщенныхъ жидкими желтыми огоньками лампочекъ, метались мы со свѣчами, стараясь хоть что-нибудь сдѣлать, путались, забывали, терялись, а изъ темноты неслись стоны, плачъ, проклятія, молитвы и вой сквозь стиснутые зубы". Генералъ Солнцевъ, инспекторъ госпиталей, въ ночь боя при Сандепу, лежа на своей походной кровати, не спитъ и пишетъ что-то въ записной книжкѣ, и утромъ тутъ же выстрѣломъ кончаетъ съ собою: „Я не могъ принять раненыхъ такъ, какъ они того заслуживали, а потому долженъ умереть первымъ", писалъ онъ въ своей запискѣ. И молодой хорунжій, только-что вышедшій изъ военнаго училища и блестяще отличившійся въ первыхъ стычкахъ, соблазнился примѣромъ; узнавъ, что генералъ застрѣлился, онъ пошелъ посмотрѣть, долго стоялъ передъ тѣломъ и сказалъ: „Хорошо!"; ночью пилъ и билъ своего денщика, на другой день пообѣдалъ, напился, легъ въ ту же позу, какъ генералъ, и пустилъ себѣ въ сердце двѣ пули".—Авторъ участвовалъ въ отступленіи изъ-подъ Мукдена. Съ такой потрясающей картинностью оно не было описано, кажется, никѣмъ. Эти страницы книги переживаешь, какъ болѣзнь, какъ кораблекрушеніе, изъ котораго самому удалось спастись. Что перенесли при этомъ отступленіи люди, находившіеся еще въ сравнительно благопріятныхъ условіяхъ, показываетъ одинъ мелкій случай, о которомъ разсказываетъ авторъ. Во время отступленія, ночью, на привалѣ, кучка людей, сбившись въ какой-то сторожкѣ, жадно грѣлась чаемъ. Одинъ изъ врачей, старый человѣкъ, пробрался къ столу и протянулъ окоченѣвшія руки къ чайнику; онъ хотѣлъ что-то сказать, но, вмѣсто словъ, изъ его устъ вырвался жалкій, протяжный, хриплый вой. Объ одномъ своемъ товарищѣ, проспавшемъ во время этого бѣгства цѣлыя сутки въ повозкѣ, авторъ говоритъ: „Счастливецъ! Для него въ эти дни одинъ разъ не всходило солнце!"

И это—только самые выдающіеся, самые эффектные моменты войны, а за ними — какая пучина неяркихъ ежедневныхъ страданій, какія нечеловѣческія усилія и лишенія, какая нестерпимая усталость милліона отдѣльныхъ людей! Величайшій ужасъ за цѣлое столѣтіе! Черезъ тысячу лѣтъ о немъ будутъ помнить и, вспоминая, содрогаться люди чуждыхъ странъ.

IV.

— Н. Троцкій. Туда и обратно. Изд. „Шиповникъ". Спб. 1907. Стр. 123.

Имя автора этой книжки—еще у всѣхъ въ памяти: бывшій членъ петербургскаго Совѣта рабочихъ депутатовъ, онъ въ январѣ настоящаго года, вмѣстѣ съ 13 товарищами, былъ сосланъ въ Обдорскъ, но изъ Березова, не доѣзжая до мѣста назначенія, бѣжалъ и, добравшись на оленяхъ до уральскихъ заводовъ, благополучно — черезъ Петербургъ — уѣхалъ за-границу. Исторію своей ссылки и бѣгства онъ и излагаетъ въ названной книжкѣ,—излагаетъ живо и просто, прекраснымъ литературнымъ языкомъ, но безъ особенной художественности. Кто читалъ великолѣпный разсказъ о бѣгствѣ чрезъ Сибирь въ „Воспоминаніяхъ" Дебогорія-Мокріевича, тому повѣствованіе г. Троцкаго покажется слишкомъ поверхностнымъ. Оно лишено настроенія; въ немъ, правда, нѣтъ сухости, и скромность, съ которою авторъ описываетъ свое героическое бѣгство, подкупаетъ читателя, но эта простота куплена цѣною изобразительности и глубины. Это безпритязательный разсказъ болѣе о видѣнномъ, чѣмъ о пережитомъ, бѣглыя записки о необычайномъ путешествіи. Въ нихъ много любопытнаго бытового матеріала. Авторъ забавно описываетъ, съ какими предосторожностями ихъ—Совѣтъ рабочихъ депутатовъ—везли въ ссылку. Доѣхавъ до Тюмени по желѣзной дорогѣ, они двинулись дальше на лошадяхъ. Стража на 14 ссыльныхъ состояла изъ 52 конвойныхъ солдатъ, капитана, пристава и урядника. Ѣхали крайне медленно, верстъ по двадцати въ день; дѣло въ томъ, что поверстный маршрутъ былъ составленъ въ Петербургѣ, въ департаментѣ полиціи, съ такимъ разсчетомъ, чтобы везти ссыльныхъ только днемъ, во избѣжаніе побѣговъ, и конвойное начальство, повинуясь этой инструкціи, послѣ положеннаго числа верстъ останавливало партію на ночлегъ, такъ что ѣхали всего три—четыре часа въ сутки, остальное время стояли. Поѣздъ состоялъ изъ 22 саней съ 50 лошадьми; лошадей сгоняли издалека, а перегоны въ тѣхъ мѣстахъ короткіе, въ 10 — 15 верстъ; такимъ образомъ, остяку приходилось гнать свою лошадь верстъ за сто, чтобы провезти пару ссыльныхъ на протяженіи десяти верстъ, и такъ какъ время прибытія ссыльной партіи заранѣе не было извѣстно, то

иной ямщикъ ждалъ ее на пунктѣ недѣли двѣ. Везли ссыльныхъ, разумѣется, съ величайшими предосторожностями, доходившими до того, что имъ, напримѣръ, не передавали полученныя на ихъ имя телеграммы, не позволяли и самимъ писать съ дороги, не сообщали имъ, куда ихъ везутъ, и т. п.; въ Тобольскѣ, гдѣ партія должна была простоять три дня, губернаторъ даже запретилъ добровольно слѣдовавшимъ женамъ выйти изъ тюрьмы. И несмотря на всѣ предосторожности, нѣсколькимъ изъ этой партіи, какъ извѣстно, удалось бѣжать, частью въ пути, частью позднѣе. Да и вообще, по словамъ автора, побѣги политическихъ въ томъ краю—заурядное явленіе: „не бѣгутъ только лѣнивые"; изъ 450 ссыльныхъ въ одной части тобольской губерніи осталось всего около 100. Это объясняется въ значительной степени симпатіей мѣстнаго населенія къ политическимъ. Такъ, въ большомъ торговомъ селѣ Самаровѣ крестьяне отвели политическимъ безплатно цѣлый домъ и подарили первымъ пріѣхавшимъ туда ссыльнымъ теленка и два куля муки. Лавки отпускаютъ политическимъ товары дешевле, чѣмъ мѣстнымъ жителямъ, пароходы возятъ ихъ даромъ. Въ маленькомъ селѣ Бѣлогорьи, березовскаго уѣзда, при проѣздѣ той партіи ссыльныхъ, въ которой находился авторъ, группа мѣстныхъ крестьянъ въ складчину приготовила для нихъ чай и закуску и собрала для нихъ деньгами шесть рублей. И самому автору удалось бѣжать—и сравнительно очень легко—только потому, что за это взялся мѣстный купецъ изъ сочувствующихъ. Впрочемъ, за послѣднее время уровень „ссылки", по свидѣтельству автора, сильно понизился, что не можетъ не отразиться и на отношеніи къ ней мѣстнаго населенія. Въ прежніе годы ссыльные рекрутировались изъ сознательныхъ элементовъ, изъ людей, входившихъ въ революціонныя организаціи и, слѣдовательно, стоявшихъ въ умственномъ и моральномъ отношеніи на извѣстной высотѣ; въ послѣдніе же два-три года, когда движеніе приняло стихійный, массовый характеръ, въ ссылку попадаютъ сплошь и рядомъ случайные люди, „безшабашные представители ночной улицы большого города". И такъ какъ, къ тому же, наиболѣе сознательные люди бѣгутъ изъ ссылки, то остается въ ней только сѣрая масса, и при той круговой порукѣ, которою связаны морально всѣ политическіе передъ мѣстными жителями, сознательнымъ ссыльнымъ приходится, конечно, не легко.

Описаніе бѣгства автора читается съ захватывающимъ интересомъ. Въ этой поѣздкѣ на оленяхъ черезъ тайгу и тундру на протяженіи 700—800 верстъ подъ ежеминутнымъ страхомъ погони есть что-то фантастическое. Можно быть разныхъ мнѣній о той идеѣ, которой служитъ г. Троцкій, но нѣтъ сомнѣнія, что онъ весь поглощенъ ею и служитъ ей преданно. Онъ кончаетъ свое предисловіе такими сло-

вами: „Вся исторія—это огромная машина на службѣ нашихъ идеаловъ. Она работаетъ варварски-медленно, съ безчувственной жестокостью, но она дѣлаетъ свое дѣло. Мы увѣрены въ ней. И только въ тѣ минуты, когда ея прожорливый механизмъ поглощаетъ въ качествѣ топлива живую кровь нашихъ сердецъ, намъ хочется крикнуть ей изо всѣхъ силъ:—„Что дѣлаешь, дѣлай скорѣе!“ Великъ размахъ русской жизни! Этотъ человѣкъ, весь поглощенный своей идеей,—отдыхающій на своемъ невѣрномъ пути въ жалкой остяцкой юртѣ,—это два полюса русской дѣйствительности.

V.

— А. Нѣмоевскій. Изъ-подъ пыли вѣковъ. I. Сократъ. Изд. Е. и И. Леонтьевыхъ. Спб. 1907 г. Стр. 174.

Есть своеобразная прелесть въ этой картинѣ далекаго прошлаго, нарисованной со всѣмъ искусствомъ, со всей тонкостью мысли и душевной сложностью художника нашихъ дней. Аѳины временъ Перикла! Какая даль временъ, какая немеркнущая красота воспоминаній! Мы помнимъ, и не вѣримъ себѣ, мы съ дѣтства въ школѣ узнаемъ то прошлое—его поэзію, его имена, его дѣянія,—но, выросши, мы все-таки не знаемъ: было оно въ дѣйствительности, или только пригрезилась человѣчеству эта лучезарная Эллада съ ея Олимпомъ, съ ея Дельфами, со всѣми дивными подробностями ея исторіи и быта? Она окутана какой-то свѣтлой дымкой, которая мѣшаетъ намъ ощутить ея реальность, несмотря на всю осязательность мраморныхъ обломковъ и гекзаметровъ, которые дошли до насъ. Это чувство не покидаетъ даже ученаго; работая надъ источниками греческой исторіи, анализируя факты ея и характеризуя дѣятелей, онъ примѣняетъ тѣ же пріемы мышленія, какъ при изслѣдованіи любой реальной исторической эпохи; но стоитъ ему отойти на минуту и отдать себѣ отчетъ въ своихъ чувствахъ,—и впечатлѣніе сна, призрачности всего этого міра охватываетъ его неодолимо.

Эта дымка лежитъ и на картинѣ древнихъ Аѳинъ, нарисованной талантливымъ польскимъ писателемъ. Онъ точно вводитъ насъ въ какое-то волшебное царство, гдѣ каждая фигура и каждая вещь—реальна, какъ день, и гдѣ однако все въ цѣломъ призрачно и волшебно. Этого впечатлѣнія онъ достигаетъ уже первымъ своимъ эскизомъ, открывающимъ книгу. Это—ночь на Акрополѣ. Лунный свѣтъ зеленоватыми полосами ложится между колоннъ Парѳенона, лѣтняя ночь душна, вдали надъ моремъ вспыхиваютъ зарницы. Вотъ подъ колоннадой ходятъ взадъ и впередъ два человѣка: это философъ

Анаксагоръ, который по приговору народа долженъ утромъ навсегда покинуть Аѳины, и его ученикъ Сократъ. Учитель завѣщаетъ ученику свое ученіе; онъ говоритъ—и его мысль измѣряетъ небесный сводъ, вскрываетъ явленія, взвѣшиваетъ идеи; это „осень завѣщаетъ свои сѣмена веснѣ". Но вотъ, между Эрехтейономъ и Парѳенономъ, залитыя луннымъ свѣтомъ, медленно проходятъ двѣ другія фигуры, мужчина и женщина, Периклъ и Аспазія. Аспазія говоритъ; своей пластической рѣчью она строитъ будущія Пропилеи, а изъ-за каріатидъ Эрехтейона, погруженный въ тѣнь, жадно вглядывается въ ея вдохновенное лицо Фидій. Ея образъ—статуя Аѳины, еще не конченная—стоитъ въ его мастерской; онъ долго и пристально смотритъ, и вдругъ, какъ безумный, устремляется въ свою мастерскую: онъ уловилъ наконецъ эту дивную линію переносья и спѣшитъ хоть мѣломъ начертать ее на двери, чтобы утромъ исправить на статуѣ. А на южной сторонѣ Парѳенона, на мраморной террасѣ въ это время сидитъ Эврипидъ; онъ погруженъ въ творческія грезы; „то, что̀ рисуется теперь предъ его взоромъ, наполнитъ нѣкогда сцены Эллады ужасомъ и безуміемъ". Ночь проходитъ, алѣетъ небо, на востокѣ занялась заря; уже надъ Акрополемъ въ лазури звенитъ жаворонокъ. У крѣпостной стѣны стоитъ Ѳукидидъ, смотритъ, какъ, прощаясь съ друзьями, сходитъ съ Акрополя Анаксагоръ, и дрожащей рукою чертитъ на своей таблицѣ дату наступающаго дня и два слова: „Изгнанъ Анаксагоръ".

Въ этой лунной ночи есть волшебное очарованіе, и, какъ ни искусственна картина, нарисованная польскимъ художникомъ, она вѣрно воспроизводитъ и поэзію, и призрачность чувства, вызываемаго въ насъ представленіемъ объ античномъ мірѣ. И такъ, въ свѣтломъ снѣ, проходитъ передъ нами въ этой книгѣ вся исторія Сократа.

Между тѣмъ, по своему идейному содержанію книга Нѣмоевскаго—вполнѣ современная книга. Ея герой—не Сократъ; онъ только центральное лицо, въ немъ узелъ драмы. Герой Нѣмоевскаго — дэмосъ, буйный, шумливый, дурно-пахнущій дэмосъ, который живетъ единой жизнью и имѣетъ свою единую, коллективную психику. Нѣмоевскій съумѣлъ безъ символовъ олицетворить эту стихію толпы. Онъ съумѣлъ показать намъ могучія движенія ея коллективной души, подобныя извивамъ гремучей змѣи, и подъ его кистью этотъ видимый хаосъ раскрываетъ свою таинственную закономѣрность,—ту высшую гармонію, которая присуща стихіямъ. На полѣ битвы, глядя на движеніе тѣней при свѣтѣ костра, Сократъ понялъ, что въ человѣческой душѣ есть нѣчто болѣе сильное, чѣмъ „разумъ" Анаксагора.... Душа полна смятенья, полна ощущеній, предчувствій, всей неуловимой игры силъ, стремленій, призывовъ, моленій и жалобъ. Однако, если вслушаться въ это внутреннее смятеніе, вслушаться внимательно, то одинъ голосъ

царитъ надъ всѣми другими, одно вѣчное, безсмертное, всегда одно гласящее, дивное, послѣдовательное—Даймоніумъ". Но такое же „Даймоніумъ" живетъ и въ душѣ толпы, и, повинуясь ему, дэмосъ безсознательно, но неотвратимо идетъ къ своей невѣдомой цѣли, попутно выдвигая впередъ Анита и Мелета и растаптывая Сократа. Нѣмоевскій съумѣлъ показать этотъ неразумный, стихійный разумъ дэмоса, и въ этомъ—главный интересъ его книги.

Ея крупнѣйшій недостатокъ, на нашъ взглядъ,—недостатокъ интимности. Дэмосъ—не только цѣлое, онъ—и совокупность отдѣльныхъ личностей. Намъ надо было бы видѣть, какъ его коллективная воля зарождается и наростаетъ въ единицахъ, въ индивидуальномъ сознаніи человѣка изъ толпы. Этой второй половинѣ задачи авторъ удѣлилъ слишкомъ мало вниманія: онъ поглощенъ созерцаніемъ толпы, какъ цѣлаго. Только одна глава вводитъ насъ за кулисы. Правда, она великолѣпна. Надо было показать ту реакцію въ пользу Сократа, которая уже вскорѣ послѣ казни мудреца совершается въ дэмосѣ. Авторъ вводитъ насъ въ домъ одного изъ пятисотъ геліастовъ, осудившихъ Сократа. Дѣлатель сандалій Зенонъ уже цѣлый мѣсяцъ со времени суда пьянствуетъ свыше всякой мѣры. Его дочь Ассія съ того дня не здоровается съ нимъ, и Зенонъ дѣлаетъ видъ, что не замѣчаетъ этого; изъ-за пьянства онъ забросилъ свое ремесло, и жена безпрестанно попрекаетъ его. Онъ и сегодня вернулся поздно и подъ хмелькомъ. „И на этотъ разъ, при входѣ отца, Ассія не тронулась отъ своей прялки. Только лицо ея залилъ горячій румянецъ, да сурово сдвинулись брови, и съ бѣшеной быстротой завертѣвъ свою прялку, она блестящими глазами слѣдила за вьющейся нитью". Зенона что-то давитъ, какая-то мысль бьется въ его головѣ; онъ хотѣлъ бы подѣлиться ею съ кѣмъ-нибудь, но собственный домъ сталъ для него чужимъ. Пересиливъ себя, онъ наконецъ прерываетъ молчаніе: Сократъ сегодня казненъ. Ассія закрываетъ лицо и плачетъ, и самъ Зенонъ разражается рыданіемъ и бросается къ дочери: „Ассія, я не виноватъ, я не виноватъ!" и, обнявшись, они плачутъ оба. Потомъ дѣвушка начинаетъ разсказывать ему, чему училъ Сократъ, и Зенонъ съ удивленіемъ говоритъ: „Да вѣдь онъ былъ хорошій человѣкъ"—и, подумавъ немного, рѣшительно встаетъ: „Иди со мной! Пойдемъ взглянуть хоть на его останки. Луна взошла, свѣтло".

Историческая беллетристика по справедливости пользуется дурной славою. Книга Нѣмоевскаго принадлежитъ къ исключеніямъ: въ ней виденъ хотя не первоклассный, но настоящій художникъ.—М. Г.

VI.

— В. Святловскій. Профессіональное движеніе въ Россіи. Спб. 1907. Ц. 1 р. 50 к.

Участники и наблюдатели общественнаго движенія въ Россіи послѣднихъ лѣтъ рѣзко расходятся въ объясненіи сущности этого явленія. Для однихъ это *была* революція, закончившаяся, какъ и въ другихъ странахъ, провозглашеніемъ конституціонныхъ началъ, которымъ предстоитъ обновить государственные порядки Россіи. Для другихъ это—лишь прелюдія настоящей революціи, и главный ея смыслъ заключается въ развитіи политическаго самосознанія и организаціи широкихъ массъ населенія. Здѣсь не мѣсто, конечно, разбирать, кто правъ; но нельзя не замѣтить, что нѣтъ, кажется, человѣка, который бы не признавалъ огромнаго переворота, совершившагося въ теченіе разсматриваемаго періода въ воззрѣніяхъ трудящихся массъ. Внѣшнимъ признакомъ этого превращенія является хотя бы фактъ оппозиціоннаго и въ значительной мѣрѣ революціоннаго характера второй Государственной Думы, данный составъ которой опредѣлился, главнымъ образомъ, благодаря тому, а не другому настроенію избирателей-крестьянъ.

Если относительно крестьянской среды имѣются факты, неопровержимо свидѣтельствующіе о метаморфозѣ политическаго міросозерцанія, совершившейся въ описываемое время, то въ широкихъ слояхъ рабочаго класса нельзя не замѣтить вмѣстѣ съ тѣмъ и проявленій живого стремленія къ организаціи. Мы имѣемъ здѣсь въ виду не политическія партіи, намѣчающіяся въ рабочемъ классѣ, активными дѣятелями которыхъ являются пока интеллигенты и избранные изъ рабочей среды. Мы говоримъ о профессіональныхъ организаціяхъ и о стремленіи къ таковымъ, охватывающемъ самые отсталые слои рабочаго населенія. Имѣющіеся матеріалы очень недостаточны для того, чтобы очертить всю ширину профессіональнаго движенія: политическія условія ставятъ огромныя препятствія правильному его развитію, обрываютъ въ зародышѣ многія организаціи, загоняютъ въ подполье дѣйствующіе союзы,—и все это мало благопріятствуетъ систематическому сообщенію свѣдѣній о немъ въ печати. Но, несмотря на всѣ эти препятствія широкому развитію молодого движенія рабочихъ къ организаціи, фабричная инспекція насчитала все-таки 643 дѣйствующихъ разрѣшенныхъ профессіональныхъ союзовъ. А это значитъ, что можно имѣть матеріалы для характеристики если не всего движенія къ профессіональной организаціи, то тѣхъ формъ послѣдней, какія сложились подъ вліяніемъ всѣхъ условій нашего политическаго быта.

Такую характеристику пытались уже давать въ краткихъ журнальныхъ статьяхъ и брошюрахъ. Въ настоящій же моментъ появилась цѣлая книга, посвященная профессіональному движенію, составленная частью по опубликованнымъ, частью по неизданнымъ матеріаламъ. Книга эта, указанная въ заголовкѣ нашей замѣтки, принадлежитъ г. Святловскому, близко стоящему къ нѣкоторымъ профессіональнымъ союзамъ г. Петербурга.

Дѣйствующіе нынѣ профессіональные союзы среди русскихъ рабочихъ есть, собственно говоря, продуктъ послѣднихъ трехъ лѣтъ. Несмотря на такую молодость современнаго профессіональнаго движенія, оффиціальнымъ подсчетомъ установлено, какъ мы видѣли, существованіе болѣе чѣмъ 600 профессіональныхъ организацій. Такой успѣхъ молодого движенія служитъ свидѣтельствомъ того, что почва для него была хорошо подготовлена. И дѣйствительно, стачечное движеніе среди фабрично-заводскихъ рабочихъ появилось у насъ настолько давно и проявлялось съ такою силой, что только полнѣйшая невозможность открытаго существованія союзовъ объясняетъ отсутствіе организацій рабочихъ для защиты своихъ интересовъ. Вмѣсто такой организаціи рабочихъ массъ, можно было наблюдать лишь кратковременно существующіе рабочіе кружки, задававшіеся цѣлями агитаціи на экономической или политической почвѣ и игравшіе немаловажную роль во время стачекъ. Первыя же массовыя организаціи рабочихъ были созданы при участіи правительства. Мы имѣемъ здѣсь въ виду такъ называемую „зубатовщину"—систему отвлеченія рабочихъ отъ политической борьбы путемъ сосредоточенія ихъ вниманія на борьбѣ экономической,—для чего нѣкоторые представители администраціи устраивали рабочіе союзы и покровительствовали стачечнымъ движеніямъ ихъ противъ предпринимателей. Эти мѣры администраціи сыграли не послѣднюю роль въ развитіи всеобщей забастовки рабочихъ юга Россіи лѣтомъ 1903 года, послѣ чего авторъ описанной системы, чиновникъ московскаго охраннаго отдѣленія, Зубатовъ, былъ удаленъ отъ должности, а его агентъ на югѣ, Шаевичъ, сосланъ въ сѣверныя губерніи.

Вскорѣ послѣ этого, опасная для правительства затѣя заигрыванія съ рабочими была повторена въ Петербургѣ. Въ апрѣлѣ 1904 года здѣсь былъ открытъ рабочій союзъ подъ именемъ „Собранія русскихъ фабрично-заводскихъ рабочихъ г. С.-Петербурга", находившійся подъ спеціальнымъ покровительствомъ петербургскаго градоначальника. Во главѣ союза поставлено было надежное, съ полицейской точки зрѣнія, лицо, священникъ Гапонъ. Хотя цѣлью общества ставилось далеко не то, чѣмъ привлекалъ рабочихъ Зубатовъ, о боевыхъ задачахъ общества въ уставѣ его вовсе не поминалось и вмѣсто того ему пола-

талось преслѣдовать цѣль „возбужденія и укрѣпленія въ средѣ рабочихъ русскаго національнаго самосознанія, развитіе въ нихъ разумныхъ взглядовъ на обязанности и права рабочихъ",—но дѣло окончилось тѣмъ, что устроенное полиціей общество сдѣлалось иниціаторомъ забастовки, охватившей весь Петербургъ, и организаторомъ грандіозной политической манифестаціи 9-го января 1905 года.

День 9-го января будетъ фигурировать въ исторіи, какъ начало открытаго проявленія революціоннаго настроенія рабочихъ массъ. Этотъ моментъ является вмѣстѣ съ тѣмъ и поворотнымъ пунктомъ въ развитіи профессіональнаго движенія. Политическая манифестація, кровавая расправа съ рабочими и всеобщая стачка въ Петербургѣ отразились въ провинціи широкимъ стачечнымъ движеніемъ, на почвѣ котораго возникло стремленіе къ организаціи профессіональныхъ союзовъ, особенно рѣзко проявившееся въ осенніе дни 1905 года, когда населеніе пользовалось фактическою свободой собраній.

Такое значеніе дню 9-го января придаетъ и авторъ разсматриваемаго нами труда, а предшествующее рабочее движеніе играетъ въ его книгѣ роль какъ бы введенія въ исторію профессіональныхъ союзовъ послѣднихъ двухъ съ половиною лѣтъ. На страницахъ, посвященныхъ этому введенію, разсказывается, между прочимъ, со словъ рабочихъ-ближайшихъ сотрудниковъ Гапона, и исторія подготовленія манифестаціи, во многомъ противорѣчащая тому, что̀ извѣстно объ этомъ изъ другихъ источниковъ. Можно только пожалѣть, что авторъ не собралъ соотвѣтствующихъ данныхъ и отъ другихъ лицъ, напримѣръ, хотя бы отъ группы писателей, къ которой Гапонъ обратился съ просьбой принять подъ литературную защиту его общество, обвиняемое сознательными рабочими въ провокаторскихъ цѣляхъ, и которая была близкимъ свидѣтелемъ подготовки манифестаціи въ теченіе замѣчательной недѣли, предшествовавшей девятому января.

Что касается главной части труда г. Святловскаго, относящейся къ профессіональному движенію послѣднихъ трехъ лѣтъ,—она имѣетъ довольно отрывочный характеръ, что̀ отчасти по крайней мѣрѣ объясняется недостаткомъ и свойствами матеріала. Г. Святловскій начинаетъ эту часть съ исторіи профессіональнаго движенія послѣднихъ трехъ лѣтъ, причемъ сколько-нибудь подробно излагается только дѣятельность центральнаго бюро союзовъ въ Петербургѣ и Москвѣ. Затѣмъ слѣдуетъ статистика профессіональныхъ союзовъ. Въ этой главѣ приводятся разработанныя данныя о союзахъ, собранныя фабричной инспекціей (а въ „Приложеніи" и данныя, собранныя союзами) „данныя о бюджетахъ союзовъ" Петербурга и Москвы. Послѣ того разсматривается практическая дѣятельность союзовъ, въ отношеніи стачекъ, бойкота и борьбы съ безработицей — три предмета, считае-

мые авторомъ главными объектами практики союзовъ, — и затѣмъ въ отношеніи организаціи юридической и медицинской помощи рабочимъ, примирительныхъ камеръ и третейскихъ судовъ, тарифныхъ соглашеній съ предпринимателями и профессіональной прессы, — относимыхъ г. Святловскимъ къ числу второстепенныхъ задачъ союзовъ. На чемъ основано такое дѣленіе — несовсѣмъ ясно. Особая глава посвящена попыткамъ объединенія профессіональныхъ союзовъ на съѣздахъ и конференціяхъ. Очертивъ современное положеніе рабочихъ союзовъ, авторъ, въ главѣ „Общія условія дѣятельности союзовъ", касается очень поверхностно борьбы противъ союзовъ со стороны правительства и предпринимателей, несмотря на то, что въ газетахъ, по его собственнымъ словамъ, „можно найти многочисленныя свѣдѣнія различныхъ контръ-коалиціонныхъ шаговъ со стороны предпринимателей". Заканчивается разсматриваемая нами книга очеркомъ законодательства о рабочихъ союзахъ, законопроектовъ по этому же предмету нашихъ партій и союзовъ и отношеній къ профессіональному движенію различныхъ партій, преимущественно соціалъ-демократовъ.

Книга г. Святловскаго, по ея характеру, никоимъ образомъ не можетъ быть отнесена къ разряду „изслѣдованій", какъ ее называетъ авторъ въ концѣ своего труда. Ее нельзя считать и сведеніемъ матеріаловъ по данному предмету, такъ какъ ею очень мало использованъ газетный матеріалъ, а между тѣмъ, во время первыхъ шаговъ какого-либо движенія, свѣдѣній о немъ нужно искать преимущественно въ общей періодической печати. По отношенію къ разсматриваемому труду намъ кажется, впрочемъ, и излишней точная его квалификація. Движеніе рабочихъ къ организаціи составляетъ такое важное явленіе текущаго момента, а доходящія до общества свѣдѣнія о немъ настолько отрывочны, что книга, трактующая о предметѣ, пріобрѣтаетъ живой интересъ, независимо отъ тѣхъ или другихъ ея достоинствъ и недостатковъ. Не можемъ, однако, не обратить вниманія на черту, присущую чуть ли не всѣмъ произведеніямъ г. Святловскаго (о которой уже была рѣчь въ литературномъ обозрѣніи нашего журнала), проявившуюся, хотя и не въ столь замѣтной степени, и въ разсматриваемомъ трудѣ. Это — небрежность редакціи, выразившаяся въ очевидныхъ ошибкахъ (всеобщая январьская—1905 г.—забастовка отнесена къ 27 декабря 1904 г.—стр. 86), пропуски или недоконченности фразъ, отсутствіе отдѣленія цитатъ отъ словъ самого автора и др.; все это подчасъ очень путаетъ читателя. При такой небрежности редакціи въ книгѣ, совершенно естественно, отсутствуетъ и листокъ исправленныхъ опечатокъ; а между тѣмъ онъ былъ бы далеко не излишенъ.

VII.

— А. Тобинъ. Аграрный строй материковой части Лифляндской губерніи. Спб. 1906.
— В. Земцевъ. Къ аграрному вопросу въ Лифляндіи. Рига. 1907. Ц. 75 к.

Теперь, когда аграрный вопросъ такъ громко провозглашенъ для всей имперіи и будетъ разрѣшаться при участіи выборныхъ представителей народа,—свѣдѣнія объ аграрныхъ отношеніяхъ въ различныхъ областяхъ обширнаго нашего отечества представляютъ въ глазахъ общества предметъ не простой лишь любознательности, но и важнаго практическаго интереса. Двѣ названныя выше книжки—гг. Тобина и Земцева—посвящены аграрнымъ отношеніямъ одного оригинальнаго уголка Россіи и связаны между собою не только общностью темы. Г. Тобинъ сообщаетъ главнѣйшія статистическія данныя объ аграрномъ строѣ Лифляндской губерніи, причемъ высказываетъ довольно радужныя заключенія какъ относительно участія прибалтійскаго дворянства къ судьбѣ крестьянскаго сословія, такъ и относительно экономическаго положенія послѣдняго. Г. Земцевъ считаетъ эти заключенія неправильными, книжку—составленною тенденціозно, какъ будто бы „къ имѣвшимся уже наготовѣ субъективнымъ мнѣніямъ приводятся статистическія данныя, чтобы придать этимъ мнѣніямъ видъ объективныхъ сужденій". А между тѣмъ „г. Тобинъ, составивъ свою брошюру на русскомъ языкѣ, тѣмъ самымъ обращается къ русскому общественному мнѣнію, полагая, что русскому обществу, можетъ быть, неизвѣстны подробности аграрныхъ отношеній въ Лифляндской губерніи". Г. Земцевъ поставилъ себѣ задачей правильнѣе освѣтить нѣкоторыя стороны аграрныхъ отношеній Лифляндіи, пользуясь и опубликованнымъ г. Тобинымъ матеріаломъ, и нѣкоторыми другими данными. Въ своей книжкѣ онъ слѣдитъ шагъ за шагомъ за г. Тобинымъ, дополняя и исправляя его основныя цифры, разсчеты и заключенія. При бѣдности русской литературы трудами по данному предмету, обѣ книжки могутъ служить полезнымъ пособіемъ при первоначальномъ ознакомленіи съ хозяйственнымъ бытомъ прибалтійскаго края.

Прибалтійскій край и, въ частности, лифляндская губернія отличаются нѣкоторыми важными особенностями земельнаго строя отъ остальныхъ областей Россіи. Начать съ того, что здѣсь еще сохранились остатки феодальныхъ порядковъ вродѣ, напр., того, что владѣльцы бывшихъ крестьянскихъ земель, пріобрѣвшіе право собственности на свои участки по добровольному соглашенію съ помѣщиками, не имѣютъ ни права охоты на своей землѣ, ни права устраивать на ней промышленныя или торговыя заведенія. Затѣмъ, дворянская вот-

чина не можетъ дробиться на участки ниже 300 десятинъ удобной земли, и учрежденіе новыхъ дворянскихъ вотчинъ зависитъ отъ согласія ландтага (дворянскаго собранія) и утвержденія губернскаго правленія. Размѣры крестьянскихъ усадебъ ограничены опредѣленнымъ максимумомъ и минимумомъ (здѣсь идетъ рѣчь объ усадьбахъ на землѣ, искони находившейся въ пользованіи крестьянъ, выполнявшихъ барщинныя работы на поляхъ своихъ владѣльцевъ). Другой отличительной чертою данной области служатъ фактъ безземельнаго состоянія большей части, а именно 70—75% сельскаго населенія, и крупный характеръ крестьянскаго землевладѣнія, составляющаго, въ среднемъ около 40 дес. на дворъ. Такая площадь, при довольно интенсивныхъ системахъ полеводства, не можетъ быть обработана силами семьи, и потому крестьяне не обходятся здѣсь безъ найма батраковъ. Наемъ на сельско-хозяйственныя работы въ крупныя и мелкія хозяйства и служитъ главнымъ источникомъ средствъ существованія безземельнаго населенія.

Большая часть крестьянскихъ участковъ, а именно, общей площадью въ 1,4 милл. десят., принадлежитъ ихъ владѣльцамъ на правахъ собственности. Небольшая часть бывшей крестьянской земли находится еще въ арендномъ содержаніи; но помѣщики не могутъ присоединять ее къ своимъ владѣніямъ, и она, вѣроятно, тоже перейдетъ, путемъ купли-продажи, въ крестьянскія руки. Свои исконные участки крестьяне пріобрѣтаютъ въ собственность путемъ свободнаго соглашенія съ помѣщиками, по цѣнамъ, постоянно повышающимся и достигшимъ въ послѣдніе годы сотни рублей за десятину удобной земли. Принимая во вниманіе плохую почву Лифляндской губерніи, эту цѣну слѣдуетъ считать очень высокой. Крестьянинъ соглашается уплачивать высокія цѣны, чтобы освободиться, наконецъ, отъ неудобнаго и необезпеченнаго состоянія арендатора участка, который обрабатывали, можетъ быть, нѣсколько поколѣній его предковъ. Часть денегъ для пріобрѣтенія земли крестьянинъ получаетъ главнымъ образомъ въ мѣстномъ дворянскомъ земельномъ и кредитномъ обществѣ. Хотя покупка крестьянами своихъ усадебъ началась еще въ двадцатыхъ годахъ истекшаго столѣтія, но изъ общей стоимости купленной земли погашена пока лишь половина, а въ суммѣ другой половины крестьяне состоятъ должниками помѣщиковъ или банковъ. При этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ трудахъ, о которыхъ идетъ рѣчь, нѣтъ свѣдѣній о частныхъ долгахъ крестьянъ, къ которымъ они вынуждены были прибѣгать для уплаты за землю наличными деньгами, каковая уплата составляетъ 40% покупной стоимости земли. Какова, слѣдовательно, общая задолженность лифляндскаго крестьянскаго землевладѣнія и какимъ бременемъ ложится на крестьянина

пріобрѣтеніе права считаться собственникомъ участка, который обрабатывали его отцы и дѣды,—свѣдѣній, къ сожалѣнію, не имѣется. Припомнимъ, что выкупъ крестьянскихъ земель въ русскихъ губерніяхъ происходилъ на условіяхъ, установленныхъ властью, по цѣнамъ гораздо болѣе низкимъ и, притомъ, неизмѣннымъ—состоялось ли соглашеніе о выкупѣ въ 60-хъ или 80-хъ годахъ,—и посредникомъ между крестьяниномъ и владѣльцемъ по уплатѣ долга перваго второму было не коммерческое банковое учрежденіе, а правительство.

Но если лифляндскій крестьянинъ можетъ считать себя обиженнымъ тѣмъ, что ему приходится платить за обработанную имъ и приведенную въ высококультурное состояніе землю, какъ за чужую, то еще болѣе обиды долженъ чувствовать лифляндскій батракъ, также многими поколѣніями работающій на господской и крестьянской землѣ и не имѣющій никакой надежды стать когда-либо собственникомъ. Крестьянинъ, уплачивающій за свою усадьбу высокую цѣну и обязывающійся на многіе годы передъ банкомъ и частными заимодавцами, извлекаетъ средства погашенія долговъ не только изъ собственнаго труда, но и изъ работы своего батрака, который, конечно, съ избыткомъ возвращаетъ ему заработную плату. Этимъ путемъ—на счетъ своего и чужого труда—онъ пріобрѣтаетъ, наконецъ, устойчивое и независимое положеніе. Этого нельзя сказать о батракѣ—такомъ же продуктѣ прошлой исторіи, какъ и крестьянинъ-арендаторъ. И если по отношенію къ этому послѣднему новѣйшая исторія, какъ ни какъ, и исправила грѣхи прошлаго, то чего-нибудь подобнаго естественно станетъ ожидать для себя и первый. Эти ожиданія тѣмъ естественнѣе, что большая часть мѣстныхъ налоговъ, распредѣляемыхъ по душамъ (отъ 14 до 60-лѣтняго возраста), оплачивается безземельнымъ батракомъ такъ же, какъ и крестьяниномъ-усадебникомъ.

Изъ сказаннаго выше читатель можетъ убѣдиться, какъ богато удобрена въ прибалтійскомъ краѣ почва для серьезныхъ аграрныхъ „недоразумѣній". Крестьяне-собственники могутъ претендовать на уничтоженіе ограниченій ихъ права собственности и на облегченіе высокихъ платежей за землю, крестьяне-арендаторы—на облегченіе условій пріобрѣтенія ими своихъ усадебъ, батраки—на обезпеченіе ихъ землей на счетъ не только помѣщиковъ, но и наиболѣе крупныхъ усадебниковъ-крестьянъ. Если же имѣть при этомъ въ виду, что крупные землевладѣльцы прибалтійскаго края принадлежатъ къ иной націи, чѣмъ крестьяне, и являются хозяевами мѣстнаго управленія, то станетъ совершенно понятной классовая ожесточенная борьба, раздирающая нынѣ этотъ край.

VIII.

— С. Закъ. Соціально-политическія таблицы всѣхъ странъ міра. Годъ первый. 190⁷/₈. 1907. Ц. 1 р.

Въ западно-европейскихъ государствахъ, гдѣ общество давно принимаетъ участіе въ устройствѣ государственныхъ дѣлъ и живо, поэтому, интересуется даже частностями выдвигаемыхъ на очередь общественныхъ вопросовъ, большимъ распространеніемъ пользуются оффиціальные и частные ежегодники свѣдѣній по различнымъ предметамъ государственнаго быта различныхъ странъ, состоящіе или изъ однѣхъ таблицъ, или изъ таблицъ и текста. Въ Россіи, гдѣ управленіе государствомъ находилось въ рукахъ бюрократіи, общество не испытывало живой потребности въ изданіяхъ подобнаго рода, и періодическія сводки свѣдѣній по различнымъ предметамъ народнаго хозяйства одной только Россіи (не считая календаря Суворина, гдѣ статистическія свѣдѣнія фигурируютъ между прочимъ) издавались исключительно правительственными учрежденіями. Но въ самые послѣдніе годы, когда вопросъ о переустройствѣ государства сдѣлался предметомъ всеобщаго вниманія и обсужденія, стали появляться во множествѣ популярныя брошюры съ цифровыми свѣдѣніями по различнымъ вопросамъ и издаваться популярные календари съ предположеніемъ ежегодно обновлять соотвѣтствующія свѣдѣнія. Въ самые послѣдніе дни поступило въ продажу справочное статистическое изданіе подъ названіемъ: „Соціально-политическія таблицы всѣхъ странъ" съ обѣщаніемъ тоже повторяться ежегодно, не имѣющее популярнаго характера календарей, о которыхъ только-что шла рѣчь. Объ этомъ изданіи, заполняющемъ весьма важный пробѣлъ въ нашей литературѣ, мы и хотимъ сказать нѣсколько словъ.

Мы не станемъ излагать здѣсь содержаніе разсматриваемаго труда г. Зака, о которомъ имѣются подробныя объявленія въ газетахъ. Скажемъ лишь, что заглавіе книги не вполнѣ соотвѣтствуетъ содержанію, такъ какъ политикѣ отведено въ ней нѣсколько графъ, а большая часть таблицъ заполнена свѣдѣніями экономическаго характера. Мы укажемъ на нѣкоторые недостатки этого труда, объясняемые отчасти новостью у насъ такого предпріятія и неблагопріятными условіями работы въ провинціи, отчасти неясностью для автора задачи подобнаго труда и недостаточной освѣдомленностью въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ громаднаго матеріала, относящагося къ подлежащимъ предметамъ. Неясному представленію о задачахъ изданія слѣдуетъ, повидимому, приписать, напр., фактъ сообщенія свѣдѣній о распредѣленіи

землевладѣнія различныхъ странъ по размѣрамъ владѣній не въ абсолютныхъ данныхъ о числѣ владѣльцевъ и площади владѣнія каждой категоріи собственности, а въ процентномъ отношеніи къ общему числу собственниковъ и общей площади землевладѣнія (для Австраліи же и Австріи даются почему-то свѣдѣнія перваго рода) безъ указанія этихъ послѣднихъ. Вслѣдствіе отсутствія такого указанія суммъ, къ которымъ относятся приведенные проценты слагаемыхъ, читатель лишенъ возможности перейти отъ процентныхъ отношеній къ абсолютнымъ числамъ и узнать дѣйствительное число мелкихъ, среднихъ и крупныхъ собственниковъ и дѣйствительную площадь земли, принадлежащей тому или другому размѣру владѣній. Это замѣчаніе относится и къ распредѣленію самодѣятельнаго населенія по крупнымъ группамъ занятій (ч. II, отд. I), выраженному также въ процентномъ отношеніи ко всему числу самодѣятельныхъ, безъ указанія этого послѣдняго. Правда, общее число самодѣятельныхъ фигурируетъ здѣсь тоже въ видѣ процентнаго отношенія ко всему населенію, но въ тѣхъ случаяхъ (напр., для Германіи), когда приведенное въ таблицѣ число (см. часть I) населенія относится не къ году промышленной переписи (доставляющей матеріалъ для учета самодѣятельнаго населенія), мы лишены возможности исчислять и общее число самодѣятельныхъ, и число лицъ, отдающихся, напр., сельскому хозяйству.

Статистическія таблицы всѣхъ странъ міра должны доставить матеріалъ для сравненія; поэтому онѣ должны быть поставлены по возможности однородно. Между тѣмъ, данныя о внѣшней торговлѣ сгруппированы въ разныхъ странахъ неодинаково, а свѣдѣнія о числѣ промышленныхъ предпріятій и количествѣ соотвѣтствующихъ имъ рабочихъ фигурируютъ въ однѣхъ странахъ подъ наименованіемъ: „фабрично-заводская промышленность“, въ Болгаріи — просто „промышленность“, въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ— „обрабатывающая промышленность“, причемъ читателю остается неизвѣстнымъ, какого рода предпріятія (крупныя, среднія, мелкія) и какія категоріи работающихъ обнимаются этими наименованіями.

Нельзя не высказать и нѣсколько замѣчаній относительно отдѣловъ, посвященныхъ нашей странѣ. Здѣсь мы прежде всего встрѣчаемся съ недосказомъ, подобнымъ тому, о которомъ была рѣчь выше, а именно, въ погубернскихъ свѣдѣніяхъ о населеніи, занятомъ въ сельскомъ хозяйствѣ и промышленности (часть четвертая, отдѣлъ I), это населеніе выражается процентнымъ отношеніемъ къ общему числу самостоятельныхъ безъ указанія этого послѣдняго числа, что лишаетъ насъ возможности получить путемъ вычисленія дѣйствительное число земледѣльцевъ и промышленниковъ въ мѣстности, насъ интересующей. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что въ графахъ (41 и 42) этого отдѣла,

которыя, судя по заголовкамъ, должны заключать свѣдѣнія о занятомъ населеніи, на самомъ дѣлѣ помѣщены (для губерній) данныя о числѣ лицъ, составляющихъ семьи работающихъ (вмѣстѣ съ этими послѣдними), и эта ошибка послужила лишь къ пользѣ дѣла, потому что численный составъ семей участниковъ различныхъ профессій учтенъ переписью 1897 г. (откуда г. Закъ заимствовалъ свои цифры) довольно точно, а число работающихъ (самостоятельныхъ) въ сельскомъ хозяйствѣ уменьшено сравнительно съ дѣйствительностью, потому что перепись заносила въ число самостоятельныхъ въ земледѣліи не всѣхъ членовъ семьи, занимающихся этимъ промысломъ, а лишь хозяина надѣла. Вслѣдствіе такого произвольнаго пріема, не только число трудящихся земледѣльцевъ, но и общее число трудящихся (самостоятельныхъ) въ Россіи оказывается крайне низкимъ. И если естествоиспытателю (покойному Менделѣеву) до извѣстной степени простительно было не знать этого обстоятельства и высказывать заключеніе (на что̀ въ свое время было указываемо въ литературномъ обозрѣніи „Вѣстника Европы"), что главной причиной бѣдности нашей страны служитъ праздность населенія, то составитель статистическихъ таблицъ, помѣщающій въ графу (стр. 62) „самодѣятельныхъ въ процентахъ ко всему населенію" для Россіи число 26,4%, тогда какъ противъ другихъ европейскихъ странъ стоятъ цифры 39—43—50%—безъ поясненій о негодности перваго числа,—какъ бы сознательно содѣйствуетъ распространенію такого неправильнаго мнѣнія.

Данный фактъ служитъ примѣромъ механическаго, такъ сказать, отношенія составителя „Соціально-политическихъ таблицъ" къ своей задачѣ, выразившагося перенесеніемъ въ таблицы цифры оффиціальнаго источника безъ сужденія о внутреннемъ ея достоинствѣ. Если этотъ фактъ считать простымъ недосмотромъ, то нельзя уже квалифицировать такимъ образомъ другой примѣръ механическаго отношенія къ матеріаламъ. Въ „Соціально-политическихъ таблицахъ" два раза показываются заимствованныя изъ послѣдняго изданія центральнаго статистическаго комитета по статистикѣ землевладѣнія цифры распредѣленія крестьянъ, владѣющихъ надѣльною землею, по величинѣ принадлежащихъ имъ участковъ, между тѣмъ какъ изслѣдованіе центральнаго статистическаго комитета о землевладѣніи не производило подворнаго учета владѣльцевъ, и цифры, о которыхъ идетъ у насъ рѣчь, составляютъ плодъ фантазіи директора центральнаго статистическаго комитета, г. Золотарева (въ свое время это было достаточно разъясняемо въ нашемъ журналѣ). Составителю „Соціально-политическихъ таблицъ" слѣдовало бы быть болѣе освѣдомленнымъ относительно такого важнаго предмета.

Несмотря на высказанныя критическія замѣчанія, мы все-таки

считаемъ трудъ г. Зака серьезной работой, заслуживающей полнаго вниманія лицъ, не отступающихъ въ своей любознательности передъ столбцами сухихъ цифръ. Было бы очень печально, еслибы намѣреніе автора ежегодно повторять изданіе не осуществилось изъ-за равнодушія къ нему публики.—В. В.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ поступили въ Редакцію нижеслѣдующія новыя книги и брошюры:

Аничковъ, И.—Мировой судъ и преобразованіе низшихъ судовъ. Спб. 907.

Атлантикусъ.—Марксизмъ, или Теорія наивысшей производительности. Съ нѣм. рукоп. Я. Либерманъ. Спб. 907. Ц. 30 к.

Баулина, А.—Думы и Пѣсни. Спб. 907.

Бейлинъ, С. Х.—Странствующія или всемірныя повѣсти и сказанія въ древне-раввинской письменности. Иркутскъ, 907. Ц. 2 р. 50 к.

Береннштамъ, Вл.—Около политическихъ. Изъ путевыхъ впечатлѣній поѣздки въ „гиблыя" мѣста—Якутскую область. Изд. С. Бунина. Спб. 908. Ц. 1 р.

Бѣлоконскій, И. П.—Разсказы. Т. IV. Стр. 237. Ц. 85 к.

Вандаль, Ал.—Армяне и турецкія реформы. Съ франц. Алавердянцъ, М. Я. Спб. 908.

Васильевъ, Н. П.—Вторая Дума. Спб. 907. Ц. 10 к.

Васманъ, Эрихъ.—Неодарвинизмъ и христіанство. Перев. съ нѣм. С. Троицкаго. Спб. 907. Стр. 52. Ц. 30 к.

Вихертъ, Э., проф.—Введеніе въ геодезію. Перев. съ нѣм. Съ 41 рисунк. Одесса, 907. Изд. „Mathesis". Стр. 74. Ц. 35 к.

Гальціона.—Кадеты и Сергѣй Катилина. Историческія параллели. Спб. 907. Ц. 20 к.

Голиковъ, Владиміръ.—Кровь и слезы. Торжество смерти и зла. Маленькія поэмы. Спб. 907. Стр. 116. Ц. 75 к.

Гобчанскій, І.—Опытная психологія въ двухъ частяхъ. 4-ое изд. Спб. 908. Стр. 267. Ц. 1 р. 60 к.

Градовскій, А. Д.—Собраніе сочиненій. Т. восьмой. Начала русскаго государств. права. Ч. II. Органы управленія. Спб. 907. Стр. 580. Ц. 3 р.

Грушевскій, Мих., проф.—1) Про старі часи на Украини. Ц. 20 к. 2) Освобожденіе Россіи и Украинскій вопросъ. Ц. 1 р. 3) Единство или распаденіе Россіи. 4) Національный вопросъ и автономія. 5) Украинскій вопросъ. 6) Движеніе политической и общественной украинской мысли въ XIX ст. 7) Вопросъ объ украинскихъ каѳедрахъ и нужды украинской науки. 8) Изъ польско-украинскихъ отношеній Галиціи. Спб. 907.

Доманицкий, В.—Критичний розслід над текстом „Кобзаря". У Київі, 1907. Ціна 1 р. 25 к.

Езерскій, Ѳ. В.—Что дѣлаетъ человѣка честнаго нечестнымъ, нечестнаго честнымъ? Выпускъ 1. Спб., 907.

Есиповъ, В. В.—Привислянскій край.—Населеніе; аграрный вопросъ; промышленность; просвѣщеніе, нравственность; доходы и расходы, и проч. Варш., 907. Ц. 50 к.

Замуравкинъ, К.—Къ вопросу о хирургическомъ леченіи при туберкулезѣ придатка и яичка. Спб. 907.

Зомбартъ, Вернеръ.—Почему нѣтъ соціализма въ Соединенныхъ Штатахъ. Съ нѣм. М. Панинъ. Спб. 907. Ц. 50 к.

Иностранцевъ, М.—Осада Портъ-Артура. Критико-историческое изслѣдованіе, составленное Германскимъ Большимъ Генеральнымъ Штабомъ. Переводъ, съ 8 планами, 4 схемами, 3 чертеж. и 7 рисунками. Спб. 908. Ц. 2 р.

Карѣевъ, Н.—Учебная книга исторіи среднихъ вѣковъ. Съ историческими картами. Изд. 6-е. Спб. 907. Ц. 1 р. 25 к.

——— Учебная книга новой исторіи. Съ историч. картами. Изд. 8-е. Спб. 907. Стр. 350. Ц. въ перепл. 1 р. 45 к.

——— Альберъ Сорель, какъ историкъ французской революціи. Ц. 20 к. Спб. 907.

Кометсъ, К.—Самоучитель англійскаго языка. Спб. 907. Ц. 50 к.

Костомаровъ, Н.—Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей. Т. I. Господство дома св. Владиміра. X—XVI столѣтія. 5-ое изд. Спб. 907. Стр. 727. Ц. 3 р.

Краинскій, В. В.—Община и кооперація. Очерки по исторіи крестьянскаго хозяйства въ Западной Европѣ и въ Россіи. Спб. 907. Ц. 1 р.

Кутшеба, Станисл., д-ръ.—Очеркъ исторіи общественно-государственнаго строя Польши. Перев. съ польскаго Н. Ястребовъ. Спб. 907. Ц. 1 р. 50 к.

Кюрзенъ, М. Б.—Систематическій курсъ ариѳметики для среднихъ учебныхъ заведеній. Спб. 907. Стр. 442. Ц. 80 к.

Лампосъ. Идеальная система управленія. Изд. Д. Л. Фтичева. Софія (Болгарія). 1907. Стр. 94. Ц. 75 к.

Лакуръ, П., и Я. *Аппель*.—Историческая физика. Перев. съ нѣм. подъ ред. „Вѣстника опытной физики и элементарной математики". Одесса, 907. Вып. I. Стр. 144. Изд. „Mathesis". Ц. по подпискѣ за два тома 6 р. 50 к. съ перес.

Лаппо, Д.—Степное земское положеніе. Красноярскъ, 907.

Лосскій, Н.—Сборникъ элементарныхъ упражненій по логикѣ. Спб. 908. Ц. 70 к.

Луи Бланъ.—Исторія французской революціи. Тт. I, II и III. Съ франц. А. П. Рѣдкинъ. Спб. 907.

Лялина, М.—Академическая женщина во Франціи: лицеистка, курсистка, профессоръ. Составл. по книгамъ Реваль. Спб. 907. Ц. 75 к.

Милинъ, Д.—Бюрократы. I. Окольный путь. Изъ жизни одной очень сложной машины. Спб. 907.

Моревъ, Д. Д.—Очеркъ коммерческой географіи и хозяйственной статистики Россіи сравнительно съ другими государствами. Изд. 9-е. Вып. I. Спб. 907. Стр. 160. Ц. 1 р.

Николаевъ, Ник.—На старый ладъ. Стихотворенія. Спб. 907. Стр. 283. Ц. 1 р.

Нотовичъ, Н. А.—Россія и Англія. Историко-политическій этюдъ. Спб. 907.

Пильскій, Петръ.—Разсказы. Спб. 907. Ц. 1 р.

Поланъ, Фр.—Воля. Перев. съ франц. М. И. Васильевой. Спб. 907. Стр. 332. Ц. 1 р.

Попруженко, И. Г.—Къ исторіи „безумнаго года" (1848). Варшава, 907. Стр. 126. Ц. 1 р.

Пыпинъ, А. Н.—Исторія русской литературы. Т. III. Изд. 3-е, безъ перемѣнъ. Спб. 907. Стр. 543. Ц. 3 р. За четыре тома 10 р.

Роденбахъ, Жоржъ.—Покрывало. Драма. Переводъ Эллиса. М. 907. Ц. 50 коп.

Руландъ, проф.—Ученіе объ установленіи цѣнъ на хлѣбные товары. Съ нѣм. п. р. А. Ф. Волкова. Спб. 907. Ц. 2 р.

Руссо, Жанъ-Жакъ.—Объ общественномъ договорѣ (Du contrat social). Съ франц. Л. Немановъ, п. р. Д. Е. Жуковскаго. Спб. 907. Ц. 75 к.

С—въ, Н—й.—Соціалистическій и откровенный взгляды на будущій строй земной жизни. Спб. 907. Стр. 75. Ц. 50 к.

Святловскій, В. В.—Профессіональное движеніе въ Россіи. Спб. 907. Стр. 407. Ц. 1 р. 50 к.

Селивановъ, Ар.—Городъ мертвыхъ. Стихотворенія. Спб. 907. Ц. 50 к.

Смирновъ, А. И.—Цѣль жизни. Философское объясненіе догматовъ христіанской религіи. М. 907. Стр. 27. Ц. 30 к.

Соболевскій, А. И.—Русскій народъ какъ этнографическое цѣлое. Харьковъ, 907. (Оттискъ изъ журн. „Мирный трудъ"). Стр. 19.

Соколовъ, Н. М.—Центръ и окраины. Вып. 1. Общія понятія. М. 907. Ц. 15 к.

Станюковичъ, Владиміръ.—Пережитое. Спб. 907. Стр. 104. Ц. 75 к.

Степановъ, Н. В.—Новый стиль и православная пасхалія. Къ вопросу о перемѣнѣ системы времяисчисленія въ Россіи. М. 907. Ц. 1 р. 25 к.

Толстой, гр. А. К. Полное собраніе сочиненій, т. II. Стихотворенія. Съ портр. Изд. 19-е. Стр. 331. Ц. за два тома 3 р.—Т. III. Драматическая трилогія. Изд. 22-е. Стр. 559. Ц. 2 р. 50 к.

Трубецкой, кн. Сергѣй Ник.—Собраніе сочиненій. Т. I. Публицистическія статьи. Съ портретомъ. М. 907. Стр. XV+495. Ц. 2 р. 50 к.

Тулуповъ, И., и *Шестаковъ*, П.—Очерки и разсказы для первоначальнаго знакомства съ исторіей. Ч. I. 1) Изъ жизни первобытнаго человѣка. 2) Изъ исторіи русскаго народа до XIX-го вѣка. Со многими картин. и рисунками. М. 907. Ц. 50 к. 3) Новая школа. Ч. III. Ц. 60 к. М. 907.

Чистяковъ, П. С.—Рѣчи октябриста. 1905—1907 гг. Спб. 907. Стр. 91.

Чупровъ, проф. А. И.—Мелкое земледѣліе и его основныя нужды. Съ приложеніемъ: Къ вопросу о значеніи минеральныхъ удобреній въ русскихъ хозяйствахъ, особенно крестьянскихъ. Спб. 907. Ц. 1 р.

Шмидъ, Б.—Философская хрестоматія. Перев. съ нѣм. Ю. А. Говсѣева, подъ ред. и съ предисл. проф. Н. Н. Ланге. Одесса, 907. Изд. „Mathesis". Стр. 172. Ц. 1 р.

Шуфъ, Влад.—Кто идетъ? Романъ. Спб. 907. Ц. 1 р. 50 к.

Щекинъ, А. А.—Моя исповѣдь или экспропріація чужой жизни. М. 907. Стр. 46.

Щукинъ, П. И.—Персидскія вещи Щукинскаго собранія. Съ 32 фототипіями. М. 907.

Экъ, Ек.—На досугѣ. Разсказы. Т. I. М. 907. Ц. 1 р.

*** Проза въ стихахъ. М. 907. Стр. 62.

Essipof, V.—Pologne russe. Esquisse économique et statistique. Varsovie, 907. Ц. 20 к.

Wendt, W.—Die Entwicklungstendenzen und die Zukunft der Menschheit. Leipzig, 907.

Zoeller, Ludwig.—Grundzüge einer neuen Glaubens-, Seelen- und Lebenslehre. Zweibrücken, 907. Ц. 3 марки.

— „Вадемекумъ“ (Иди за (со) мной!). Сборникъ правилъ и условій поступленія въ учебныя заведенія. Вып. 1-й: а) Высшія учебныя заведенія—мужскія и женскія. б) Учебныя заведенія, требующія для себя дипломъ средней школы. М. 907. Ц. 75 к.

— Геологическія изслѣдованія въ золотоносныхъ областяхъ Сибири. Ленскій золотоносный районъ. Вып. IV. Съ 2 картами. Спб. 907. Стр. 89.

— Гомельскій процессъ. Подробный отчетъ. Спб. 907. Стр. 1204. Ц. 3 р.

— Медицинскій отчетъ по вѣдомству учрежденій имп. Маріи 1904—1905 гг. Спб. 907. Стр. 238.

— Отчетъ Имп. Росс. Историч. Музея имени Имп. Александра III въ Москвѣ, за 1906 годъ. М. 907.

— Отчетъ о состояніи народнаго здравія и организаціи врачебной помощи въ Россіи за 1905 годъ. Спб. 907.

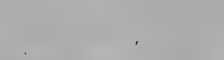
— Первая перепись предметовъ городского обложенія и другія хозяйственно-статистическія изслѣдованія, одновременныя съ переписью. Октябрь—ноябрь 1906 г. Спб. 907.

— Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій. Изданіе Великаго Князя Николая Михаиловича. Т. III, вып. 2. Спб. 1907.

— Собраніе автографовъ и факсимиле ученыхъ, художниковъ, композиторовъ, общественныхъ и политическихъ дѣятелей, артистовъ и писателей. Изд. М. И. Зензинова. М. 907. Ц. 1 р.

— Соціальное движеніе въ современной Франціи. Сборникъ статей: Берта, Лягардена, Пуже, Сореля и Эрве. Перев. съ рукоп. п. р. и съ предисловіемъ Л. Козловскаго. М. 908. Ц. 1 р.

— Энциклопедія элементарной математики, проф. H. Weber и J. Wellstein. Руководство для преподающихъ и изучающихъ элементарную математику. Въ трехъ томахъ. Перев. съ нѣм. подъ ред. и съ примѣчаніями В. Кагана. Т. I. Элементарная алгебра и анализъ. Одесса, 907. Стр. 613. Ц. 3 р. 50 к.



А. П. ЧЕХОВЪ-ПѢВЧІЙ.

Матеріалъ для его біографа.

Антонъ Павловичъ Чеховъ никогда не обладалъ выдающимся слухомъ; голоса же у него не было вовсе. Грудь тоже была не крѣпка, что̀ и подтвердилось потомъ болѣзнью, которая свела его преждевременно въ могилу. Несмотря однакоже на все это, судьба распорядилась такъ, что А. П. до третьяго и чуть ли, кажется, не до четвертаго класса гимназіи тянулъ тяжелую лямку пѣвчаго въ церковномъ хорѣ. Вспоминая впослѣдствіи, въ зрѣломъ возрастѣ, эти годы принудительнаго пѣвчества, покойный писатель не разъ говаривалъ съ грустью:

— Въ дѣтствѣ у меня не было дѣтства...

А попалъ Ант. П. въ пѣвчіе слѣдующимъ образомъ.

Павелъ Егоровичъ—отецъ писателя—съ раннихъ лѣтъ своей жизни былъ большимъ любителемъ церковнаго благолѣпія, церковныхъ службъ и въ особенности церковнаго пѣнія. Въ молодости онъ жилъ въ деревнѣ, посѣщалъ усердно сельскую церковь и выучился у мѣстнаго сельскаго священника играть на скрипкѣ по нотамъ и пѣть тоже по нотамъ. Во время церковныхъ службъ, онъ пѣлъ и читалъ въ деревнѣ на клиросѣ. Впослѣдствіи онъ былъ привезенъ своимъ отцомъ—дѣдомъ писателя—изъ деревни въ Таганрогъ и отданъ къ мѣстному богатому купцу Кобылину въ мальчики-лавочники. Пройдя здѣсь суровую школу сначала мальчика, затѣмъ „молодца", а потомъ и приказчика, Павелъ Егоровичъ къ тридцати годамъ своей жизни открылъ въ Таганрогѣ собственную бакалейную торговлю и женился. Выйдя изъ-подъ ферулы строгаго хозяина—Кобылина, Павелъ Егоровичъ почувствовалъ себя самостоятельнымъ и свободнымъ. Эта свобода дала ему возможность ходить въ церковь, когда ему вздумается и отдаваться пѣнію, сколько душѣ угодно. Перезнакомившись съ духовенствомъ мѣстныхъ церквей, Павелъ Егоровичъ сталъ пѣть и читать на клиросахъ вмѣстѣ съ дьячками, а потомъ какими-то судьбами добился и того, что сталъ регентомъ соборнаго хора, которымъ и управлялъ нѣсколько лѣтъ подъ-рядъ. Будучи человѣкомъ религіознымъ, онъ не пропускалъ ни одной всенощной, ни одной утрени и ни одной обѣдни. Въ большіе праздники онъ неукоснительно выстаивалъ двѣ обѣдни—раннюю и позднюю—и, послѣ обѣда, уходилъ еще къ вечернѣ.

Идеаломъ церковной службы была для него служба въ монастыряхъ на Аѳонѣ (о чемъ ему разсказывали заѣзжіе аѳонскіе монахи), гдѣ все читалось и пѣлось „продлинновенно, вразумительно и безъ пропусковъ“, и гдѣ, напримѣръ, всенощная начинается въ шесть часовъ вечера, а кончается въ шесть часовъ утра. Этотъ идеалъ онъ и старался осуществлять, гдѣ только было возможно. Забравшись на клиросъ къ дьячкамъ, онъ любилъ читать во время всенощной шестопсалміе и канонъ и уже читалъ такъ протяжно и длинно, что нерѣдко священникъ высылалъ изъ алтаря попросить чтеца „ускорить, не замедлять и не затягивать“. Управляя соборнымъ хоромъ, онъ такъ затягивалъ пѣніе, что прихожане роптали и не разъ тутъ же, въ церкви, обращались къ Евгеніи Яковлевнѣ—женѣ Павла Егоровича съ просьбою:

— Скажите же, наконецъ, Евгенія Яковлевна, вашему мужу, что такъ тянуть невозможно. Во всѣхъ церквахъ обѣдня давно уже отошла, а у насъ еще только „Вѣрую“ поютъ...

Но на Павла Егоровича ни увѣщанія жены, ни ропотъ прихожанъ не производили никакого дѣйствія. Онъ упрямо защищалъ „продлинновенность“ и всякій разъ ссылался на примѣръ аѳонскихъ монастырей.

— Такъ вѣдь то—на Аѳонѣ; а мы—че монахи,—возражали прихожане.

— Зато — благолѣпіе! — упрямо стоялъ на своемъ Павелъ Егоровичъ.

Кончилось однакоже тѣмъ, что, проработавъ года три или четыре въ роли регента соборнаго хора, Павелъ Егоровичъ увидѣлъ себя вынужденнымъ передать эту должность другому. Было ли это результатомъ недовольства прихожанъ, или же размолвки съ духовенствомъ—исторія умалчиваетъ. Возможно также, что и частыя отлучки изъ лавки на спѣвки и на церковныя службы вредно и убыточно отражались на торговлѣ.

Есть однакоже достаточное основаніе предполагать, что у Павла Егоровича была натура артистическая, потому что, переставъ быть регентомъ въ соборѣ, онъ почувствовалъ, что ему чего-то не хватаетъ и что пѣніе и чтеніе на лѣвомъ клиросѣ, вмѣстѣ съ дьячками, его не удовлетворяетъ. Артистическая жилка и страсть къ пѣнію подтачивали его и не давали покоя. Проведя года два или три въ вынужденномъ бездѣйствіи, Павелъ Егоровичъ задумалъ организовать свой собственный хоръ изъ добровольцевъ-любителей. И это ему удалось. Во всякомъ городѣ,—а тѣмъ болѣе въ провинціальномъ,—всегда найдется не мало любителей церковнаго пѣнія, готовыхъ пѣть гдѣ угодно, лишь бы только ихъ пускали на клиросъ. Такіе охотники-добровольцы нашлись и въ Таганрогѣ. Это были мѣстные кузнецы—дюжій, крѣпкій, мускулистый и совершенно неграмотный народъ, но народъ бого-

болѣзненный, обладавшій здоровыми глотками и еще большимъ усердіемъ. Они-то и сгруппировались около Павла Егоровича, какъ около центра. Ихъ было человѣкъ десять или двѣнадцать. Днемъ они подковывали лошадей и натягивали желѣзныя ободья на колеса чумацкихъ возовъ, а поздно вечеромъ собирались у Павла Егоровича въ лавкѣ для спѣвки.

Усердіе ихъ было въ самомъ дѣлѣ удивительное. Дѣло кузнеца, какъ извѣстно, не легкое: проработать цѣлый день у горна и наковальни тяжелымъ молотомъ — вещь не шуточная. Къ концу рабочаго дня кузнецъ—уже человѣкъ физически разбитый и до нельзя усталый. Къ тому же и кузни, вынесенныя далеко за городъ, лежали отъ лавки Павла Егоровича по меньшей мѣрѣ въ трехъ верстахъ. Но это нисколько не смущало добровольцевъ: не взирая ни на какую погоду, они аккуратно собирались въ опредѣленные дни къ десяти часамъ вечера и горланили часовъ до двѣнадцати ночи. Если прибавить къ этому, что въ тѣ времена въ Таганрогѣ не было еще ни мостовыхъ, ни фонарей, и домой пѣвцамъ приходилось возвращаться по страшной и вязкой грязи и въ полной темнотѣ, то нужно будетъ признать, что любовь ихъ къ пѣнію была дѣйствительно велика.

Этотъ „усердный" хоръ добровольцевъ ходилъ по церквамъ и пѣлъ подъ руководствомъ Павла Егоровича обѣдни, молебны, вечерни и всенощныя, нигдѣ не взимая ни гроша за свой трудъ. Хотя пѣніе красотою и стройностью и не отличалось, но духовенство и старосты приходскихъ церквей были рады и этому, потому что у нихъ отпадали расходы на обзаведеніе собственнымъ, платнымъ хоромъ. И обѣ стороны были довольны.

Весь хоръ пѣлъ грубыми мужскими голосами. Альтовъ и дискантовъ не было. Изъ всѣхъ кузнецовъ только одинъ парень среднихъ лѣтъ, нѣкій Яковъ Николаевичъ пѣлъ дискантовую партію дребезжавшимъ фальцетомъ (фистулою). Недоброжелатели хора (а они существовали!) ядовито острили, говоря, что этотъ хоръ не поетъ, а стучитъ молотками по наковальнямъ.

Павелъ Егоровичъ и самъ сознавалъ, что въ его хорѣ не хватаетъ свѣжихъ дѣтскихъ голосовъ — дискантовъ и альтовъ. Но и тутъ на выручку ему явилась судьба. Стали подростать собственныя дѣти, — и онъ, не задумываясь и не справляясь съ ихъ голосовыми средствами, тотчасъ же приспособилъ ихъ къ хору. Двоимъ старшимъ выпало на долю исполнять партію перваго и второго дисканта, а третій, младшій, только недавно поступившій въ первый классъ гимназіи, долженъ былъ волею-неволею пѣть альтомъ.

Этотъ третій—альтъ—и былъ будущій писатель Антонъ Павловичъ.

Тяжеленько приходилось бѣдному Антошѣ, только еще слагавше-

муся мальчику, съ неразвившейся еще грудью, съ плоховатымъ слухомъ и съ жиденькимъ голоскомъ... Не мало было пролито имъ слезъ на спѣвкахъ и много дѣтскаго здороваго сна отняли у него эти ночныя, позднія спѣвки. Павелъ Егоровичъ во всемъ, что̀ касалось церковныхъ службъ, былъ аккуратенъ, строгъ и требователенъ. Если приходилось въ большой праздникъ пѣть утреню, онъ будилъ дѣтей въ 2 и въ 3 часа ночи и, не взирая ни на какую погоду, велъ ихъ въ церковь. Находились сердобольные люди, которые убѣждали его, что лишать дѣтей необходимаго сна—вредно, а заставлять ихъ не по силамъ напрягать дѣтскія груди и голоса—прямо-таки грѣшно. Но Павелъ Егоровичъ былъ совсѣмъ иного мнѣнія и искренно и съ убѣжденіемъ отвѣчалъ:

— Почему же бѣгать по двору и кричать во всю глотку — не вредно, а пропѣть въ церкви обѣдню—вредно? На Аѳонѣ мальчики-канонархи по цѣлымъ ночамъ читаютъ и поютъ — и ничего имъ отъ этого не дѣлается. Отъ церковнаго пѣнія дѣтскія груди только укрѣпляются. Я самъ съ молодыхъ лѣтъ пою и, слава Богу, здоровъ. Для Бога потрудиться никогда не вредно.

Къ чести Павла Егоровича нужно сказать, что онъ искренно и глубоко вѣрилъ въ то, что̀ говорилъ. Онъ вѣрилъ въ загробную жизнь и былъ убѣжденъ въ томъ, что каждая пропѣтая его дѣтьми обѣдня или всенощная приближаетъ ихъ души къ Богу и уготовляетъ имъ царство небесное, и что всѣ спѣвки и недосыпанія „зачтутся имъ на томъ свѣтѣ". На себя же онъ смотрѣлъ, какъ на отца, который передъ самимъ Богомъ обязанъ внушать дѣтямъ благочестіе и любовь къ церкви съ самаго ранняго ихъ возраста. Онъ называлъ это: „давать дѣтямъ направленіе" и давалъ его не безъ задней, впрочемъ, мысли—что и ему самому за эти хлопоты будетъ уготовано мѣстечко въ раю.

Въ тогдашней гимназіи система преподаванія была еще толстовская, тяжелая, съ массою латыни даже въ младшихъ классахъ. Приходилъ Антоша домой съ уроковъ обыкновенно въ четвертомъ часу дня, усталый и голодный, и, послѣ обѣда, тотчасъ же принимался за приготовленіе уроковъ дома, или же въ лавкѣ, куда его чуть не каждый день посылалъ Павелъ Егоровичъ пріучаться къ торговлѣ и, главнымъ образомъ, исполнять обязанности „хозяйскаго глаза". Къ девяти часамъ вечера усталость брала свое, и измученные духъ и тѣло настойчиво требовали отдыха. Но въ дни спѣвокъ объ отдыхѣ думать было нечего. Являлись кузнецы. Вмѣстѣ съ ними являлся и посланецъ въ дѣтскую съ приказомъ:

— Папаша зоветъ на спѣвку!..

Спѣвки производились въ большой комнатѣ, примыкавшей къ лавкѣ.

Кузнецы усаживались вокругъ круглаго стола на табуреткахъ и ящикахъ изъ-подъ мыла и изъ-подъ стеариновыхъ свѣчей. На такую же мебель усаживались и дремавшіе гимназисты. Павелъ Егоровичъ вооружался скрипкой, которую „по старинѣ“ прижималъ не къ подбородку, а къ лѣвой сторонѣ груди,—и спѣвка начиналась. Передъ пѣвцами лежатъ раскрытыя нотныя тетради, но онѣ лежатъ только для проформы, потому что ни одинъ изъ нихъ не грамотенъ и всѣ до единаго поютъ „на слухъ“, а слова пѣснопѣній просто заучиваютъ наизусть. Для нихъ названія нотъ: до, ре, ми... — пустой звукъ, а діезы и бемоли — что-то вродѣ жупела. Иной разъ басъ или теноръ начинаютъ фальшивить, и Павелъ Егоровичъ, забывшись, вскрикиваетъ съ сердцемъ:

— Ну, что вы, Иванъ Дмитричъ, врете? Смотрите въ ноты: вѣдь тамъ стоитъ до-діезъ!..

— Да вѣдь я же, Павелъ Егорычъ, неграмотный! — конфузливо защищается кузнецъ.—Вы лучше проиграйте мнѣ это мѣсто еще разъ на скрипкѣ...

Павелъ Егоровичъ начинаетъ досадливо водить смычкомъ по струнамъ. Кузнецъ старается изо всѣхъ силъ прислушиваться, но схватываетъ туго. А время все идетъ да идетъ. У Антоши давно уже слипаются глаза и голова отяжелѣла. Но уйти и лечь спать онъ не смѣетъ. Когда же около полуночи пѣвчіе, одолѣвъ съ грѣхомъ пополамъ „Всемірную славу“ или „Чертогъ Твой, Спасе“, прощаются и расходятся, — у Антоши едва хватаетъ силъ добраться до постели. Случается засыпать и въ платьѣ. То же происходитъ и съ его старшими братьями... А завтра въ семь часовъ утра уже надо вставать въ гимназію...

Пѣли главнымъ образомъ въ монастырѣ и во „Дворцѣ“.

Монастырь — до извѣстной степени церковь историческая. Принадлежитъ онъ, кажется, іерусалимскому патріарху. Штатъ его составляютъ греческій архимандритъ и нѣсколько греческихъ іеромонаховъ и діаконовъ, присылаемыхъ изъ Іерусалима. Служба производится на греческомъ языкѣ. Извѣстно, что императоръ Александръ I послѣдніе годы своей жизни провелъ въ Таганрогѣ и тамъ же и умеръ. Гробъ съ его бренными останками, по какимъ-то, доселѣ никому неизвѣстнымъ соображеніямъ, былъ поставленъ не въ соборѣ и не въ какой-либо русской церкви, а именно въ этомъ греческомъ монастырѣ. Тутъ онъ и стоялъ на катафалкѣ среди храма довольно долгое время, до перевозки въ Петербургъ. Мѣсто, гдѣ стоялъ гробъ, обнесено внутри церкви металлической рѣшеткой, охватывающей вдѣланную въ полъ мраморную плиту, съ мраморнымъ же крестомъ. Въ головахъ этой плиты поставлена вызолоченная колонна съ врѣзанною

въ нее иконою, передъ которою Александръ Благословенный, по преданію, имѣлъ обыкновеніе молиться. Насколько это преданіе вѣрно—неизвѣстно. На площади, передъ фасадомъ монастыря стоитъ памятникъ работы скульптора Мартоса, изображающій императора съ протянутой впередъ правою рукою. Въ рукѣ — свитокъ, свернутый въ трубку. Памятникъ обнесенъ чугунной оградой изъ цѣпей и нынѣ такъ заросъ густыми акаціями, что почти не виденъ изъ-за ихъ зелени.

Въ монастырѣ—три престола: главный и два боковыхъ. Доходы монастыря, собираемые съ прихожанъ-грековъ, были не велики; русскіе же люди посѣщали эту церковь неохотно, потому что не знали греческаго языка. Чтобы поднять доходы, архимандритъ и іеромонахи придумали открыть богослуженіе на русскомъ языкѣ. Но чтобы не умалять значеніе своего монастыря, какъ греческаго, рѣшили служить по воскресеньямъ и большимъ праздникамъ раннія обѣдни въ одномъ изъ боковыхъ придѣловъ, оставляя главный престолъ исключительно для службъ греческихъ. Іеромонахи и діаконы — народъ, нужно правду сказать, достаточно малограмотный—вызубрили русскій текстъ обѣдни не безъ труда и произносили русскія слова довольно уродливо. Но это дѣлу не помѣшало: русскіе богомольцы стали посѣщать эти раннія обѣдни охотно, и тарелочный сборъ монастыря возросъ ощутительно. Къ этимъ-то раннимъ обѣднямъ и пристроился Павелъ Егоровичъ со своимъ хоромъ изъ кузнецовъ и трехъ дѣтей-гимназистовъ. Пѣли здѣсь, кажется, года три. Для монаховъ же этотъ даровой любительскій хоръ былъ сущимъ кладомъ. Они пользовались его услугами безъ церемоніи, самымъ увѣреннымъ тономъ поощряли обѣщаніями щедрой награды на томъ свѣтѣ, на небесахъ и только къ концу третьяго года преподнесли въ конвертѣ тридцать рублей, что́ составило менѣе двухъ рублей на пѣвческую душу.

Антонъ Павловичъ пѣлъ въ монастырѣ альтомъ, и его, какъ и слѣдовало ожидать, почти не было слышно. Мужскіе сильные голоса подавляли слабые звуки трехъ дѣтскихъ грудей. Но Павелъ Егоровичъ не принималъ этого въ разсчетъ, и раннія обѣдни пѣлись аккуратно и безъ пропусковъ, не взирая ни на морозъ, ни на дождь, ни на слякоть и глубокую, вязкую грязь немощеныхъ таганрогскихъ улицъ. А какъ тяжело было вставать по утрамъ для того, чтобы не опоздать къ началу службы!..

Единственнымъ развлеченіемъ мальчиковъ во время обѣдни въ лѣтнее время было—слѣдить за жизнью и работою кобчиковъ. Съ хоръ, на которыхъ помѣщались пѣвчіе, были видны небольшія круглыя окна второго яруса въ стѣнахъ церкви. Просвѣты этихъ оконъ были задѣланы рѣшетками, и тутъ, въ петляхъ этихъ рѣшетокъ, кобчики-хищники вили свои гнѣзда и выводили птенцовъ. Птенцы обык-

новенно сидѣли въ гнѣздахъ смирно, но когда родители, прилетая съ лова, приносили въ клювахъ мышь или какого-нибудь другого мелкаго звѣрька, то они поднимали рѣзкій и непріятный пискъ и принимались терзать своими хищными клювами принесенную добычу. Эти сцены, отъ наблюденія которыхъ, пожалуй, не отказался бы и Брэмъ, нѣсколько разнообразили монотонность и скуку подневольнаго пѣнія.

По возвращеніи отъ обѣдни домой, пили чай. Затѣмъ Павелъ Егоровичъ собиралъ всю семью передъ кіотомъ съ иконами и начиналъ читать акаѳистъ Спасителю или Богородицѣ, причемъ дѣти должны были пѣть послѣ каждаго икоса:—„Іисусе сладчайшій, спаси насъ“ и послѣ каждаго кондака:—„Аллилуія“. Къ концу этой домашней молитвы уже начинали звонить въ церквахъ къ поздней обѣднѣ. Одинъ изъ сыновей-гимназистовъ—по очереди, или же по назначенію отца—отправлялся вмѣстѣ съ „молодцами“ въ качествѣ хозяйскаго глаза отпирать лавку и начинать торговлю, а прочія дѣти должны были идти вмѣстѣ съ Павломъ Егоровичемъ къ поздней обѣднѣ. Воскресные и праздничные дни для дѣтей Павла Егоровича были такими же трудовыми днями, какъ и будни, и Антонъ Павловичъ не безъ основанія не разъ говаривалъ братьямъ:

— Господи, что мы за несчастный народъ! Всѣ товарищи-гимназисты по воскресеньямъ гуляютъ, бѣгаютъ, отдыхаютъ и ходятъ въ гости, а мы должны ходить по церквамъ!..

Разъ въ году, на первый день Троицы, Антонъ Павловичъ и его братья принимали участіе въ монастырскомъ праздникѣ. Это былъ престольный праздникъ главнаго придѣла, и, послѣ торжественной греческой службы, въ покояхъ архимандрита собирались почетные прихожане-греки съ поздравленіями. Въ качествѣ почетнаго гостя ходилъ и Павелъ Егоровичъ съ дѣтьми. Поздравленіе заключалось въ четырехъ-голосномъ пѣніи тропаря: „Благословенъ еси, Христе Боже нашъ, иже премудры ловцы явлей“... Послѣ обычныхъ монастырскихъ оффиціальностей, открывалась дверь въ сосѣдній большой покой и почетные гости приглашались туда къ торжественной трапезѣ, состоявшей изъ водокъ, сантуринскихъ винъ и разныхъ греческихъ соленыхъ закусокъ и національныхъ блюдъ. Эти-то рѣдкія греческія соленыя рыбки, маслины, иностранная снѣдь и сласти и составляли главную приманку для пѣвчихъ. Въ этотъ день греки—и духовные, и свѣтскіе—кутили изрядно и добросовѣстно и, въ перемежку съ духовнымъ греческимъ пѣніемъ, вспоминали свою далекую Элладу и цѣлый лабиринтъ окружающихъ ее острововъ...

Всему бываетъ конецъ. Прекратились и раннія обѣдни въ монастырѣ. Прекратились, кажется, оттого, что іеромонаха, умѣвшаго слу-

жить по-русски, убрали въ Іерусалимъ, а на смѣну ему прислали другого, говорившаго только на своемъ родномъ языкѣ. Хоръ Павла Егоровича остался, такъ сказать, безъ дѣла и безъ мѣста. Но Павелъ Егоровичъ нашелся и тутъ. Отстроилась долго стоявшая впустѣ Митрофаніевская церковь. Онъ перекочевалъ въ нее. Но тутъ уже не было прежняго широкаго раздолья и почета: въ церкви былъ собственный, платный хоръ, и Павлу Егоровичу пришлось ютиться съ грѣхомъ пополамъ на лѣвомъ клиросѣ, вмѣстѣ съ дьячками, смотрѣвшими довольно косо. Кузнецы, видя такой далеко не дружественный пріемъ, мало-по-малу разбрелись. Остался только одинъ неутомимый регентъ съ дѣтьми, которыя, къ своему великому горю, не могли и не смѣли разбрестись и должны были все-таки пѣть и подтягивать дьячкамъ.

Антонъ Павловичъ на этомъ клиросѣ не разъ писалъ бабамъ на бумажкахъ и на просфорахъ для проскомидіи „о здравіи" и „за упокой" и это записываніе именъ для поминовенія послужило ему впослѣдствіи темою для его разсказа „Канитель", въ которомъ старуха путаетъ имена своихъ здравствующихъ и умершихъ родственниковъ.

Хоръ однакоже не распался. Судьба готовила ему новое поприще для приложенія его „усердія"—и это былъ самый ужасный, самый тяжелый и самый утомительный періодъ для Антона Павловича. Это было то время, когда въ подростающемъ мальчикѣ начинаетъ развиваться самолюбіе и когда каждый ложный шагъ, каждая ошибка и каждый косой взглядъ кажутся преувеличенными и очень больно терзаютъ молодую душу.

Въ Таганрогѣ существуетъ домъ, называемый Дворцомъ. Это—большой, угловой, одноэтажный домъ съ садомъ, принадлежавшій нѣкогда—какъ гласитъ преданіе—частному лицу,—кажется, генералу Папкову. Въ этомъ домѣ жилъ и умеръ Александръ I. Съ тѣхъ поръ онъ и сталъ называться Дворцомъ, и по его панелямъ и днемъ, и ночью расхаживаютъ взадъ и впередъ съ шашками на-голо часовые—казаки. Одна изъ комнатъ въ этомъ домѣ обращена въ домовую церковь императора. Церковь—замѣчательно скромна и проста. Иконостасъ въ ней—полотняный и такой зыбкій, что когда отворяются царскія врата, то онъ весь волнуется и дрожитъ. Онъ дѣлитъ комнату на двѣ части, въ одной изъ которыхъ помѣщается алтарь, а другая отведена для молящихся. Полъ устланъ старыми, потертыми коврами. Церковь эта очень долго стояла запертою, и ключъ отъ нея хранился у смотрителя Дворца. Какими-то судьбами и ходатайствами ее приписали къ собору и отдали въ распоряженіе соборнаго протоіерея. Послѣдній отрядилъ туда одного изъ соборныхъ же іереевъ и открылъ въ ней богослуженіе.

Службы происходили по большимъ праздникамъ и по постамъ. Особенно тяжелы были онѣ въ Великомъ посту, на Страстной недѣлѣ. Въ дворцовую церковь ѣздила говѣть городская знать во главѣ съ градоначальникомъ (Таганрогъ тогда былъ градоначальствомъ). Публика была все отборная, аристократическая, и Павлу Егоровичу очень хотѣлось прихвастнуть передъ нею и своимъ хоромъ, и умѣньемъ дирижировать, а главное, — умѣньемъ воспитывать своихъ дѣтей не какъ-нибудь, а въ страхѣ Божіемъ. Поэтому онъ всячески старался выдвигать ихъ и этимъ — самъ того не подозрѣвая — причинялъ имъ много огорченій. Въ великопостной службѣ есть красивое тріо: „Да исправится молитва моя". Поется эта молитва обыкновенно среди церкви, на виду у всѣхъ молящихся, и исполненіе ея, чтобы оно было хоть сколько-нибудь сносно, требуетъ непремѣнно хорошихъ голосовъ. Голосами своихъ чадъ Павелъ Егоровичъ прихвастнуть не могъ и зналъ это, но болѣзненное самолюбіе и желаніе показать себя передъ аристократіей были въ немъ въ этомъ случаѣ непобѣдимы. Онъ заставилъ своихъ троихъ сыновей-гимназистовъ разучить это пѣснопѣніе и неумолимо выводилъ ихъ на середину церкви.

Понять психику Антона Павловича въ эти мгновенія не трудно. Неувѣренность въ своихъ силахъ, свойственныя дѣтскому возрасту робость и боязнь взять фальшивую ноту и осрамиться—все это переживалось имъ и дѣйствовало на него угнетающимъ образомъ. Само собою понятно, что при наличности такихъ ощущеній голоса доморощеннаго тріо дрожали, пѣніе путалось и торжественное „Да исправится" не менѣе торжественно проваливалось. Къ тому же заключительный куплетъ приходилось исполнять обязательно на колѣняхъ, и строгій регентъ требовалъ этого, забывая, что на ногахъ дѣтей сапоги страдаютъ недочетами въ подметкахъ и каблукахъ. А выставлять на показъ публично протоптанную, дырявую грязную подошву — какъ хотите — обидно, особенно же для гимназиста, котораго могутъ засмѣять товарищи и который уже начинаетъ помышлять о томъ, чтобы посторонніе были о немъ выгоднаго мнѣнія...

Антонъ Павловичъ всякій разъ краснѣлъ и блѣднѣлъ отъ конфуза, и самолюбіе его страдало ужасно. Дома же, послѣ неудачнаго тріо, всѣмъ троимъ пѣвцамъ приходилось выслушивать отъ строгаго отца и оскорбленнаго въ своихъ лучшихъ ожиданіяхъ регента внушительные упреки за то, что его осрамили собственныя дѣти...

Великопостныя службы на Страстной недѣлѣ длинны и утомительны. Если только выстаивать ихъ отъ начала до конца утомительно, то пѣть ихъ — утомительнѣе вдвое. Дѣтямъ Павла Егоровича и его хору приходилось являться въ церковь раньше всѣхъ и ухо-

дить позже всѣхъ. Тягота къ концу недѣли становилась еще тѣмъ ощутительнѣе, что послѣ долгихъ службъ и позднихъ всенощныхъ не было возможности отдохнуть: хоръ прямо изъ церкви собирался на спѣвки—репетировать предстоящую пасхальную службу. Къ концу Страстной недѣли Антонъ Павловичъ уже чувствовалъ себя переутомленнымъ и нѣсколько напоминалъ бродячую тѣнь.

Пасхальная служба была много веселѣе. И мотивы пасхальнаго канона веселы, и кончается она скоро. Во Дворцѣ хоръ начиналъ утреню въ полночь, и въ три часа утра былъ уже свободенъ. Первымъ днемъ Пасхи и кончалось принудительное пѣніе. Дворцовая церковь запиралась. Антонъ Павловичъ и его братья однакоже были обязаны ходить всю Свѣтлую недѣлю въ другія церкви — не пѣть, а просто молиться, или, какъ говорилъ Павелъ Егоровичъ, не пропускать церковной службы. Но это уже не было такъ утомительно. Все-таки отдыхали... до Ѳоминой, а тамъ опять начинались праздничныя и воскресныя службы съ пѣніемъ на разныхъ клиросахъ.

Благодаря великопостному пѣнію, Антону Павловичу приходилось испытывать и еще одно неудобство. Гимназическіе педагоги задавали на праздники много работъ на домъ, а выполнять ихъ при такомъ ходѣ жизни не было ни времени, ни возможности. Получались нагоняи и съ этой стороны. Куда ни кинь—все клинъ.

Хоръ однакоже все-таки распался. Антонъ Павловичъ въ это время переходилъ, кажется, уже въ четвертый классъ гимназіи. Въ силу житейскихъ обстоятельствъ Павелъ Егоровичъ перекочевалъ на жительство въ Москву — и пѣніе прекратилось, оставивъ по себѣ въ душѣ покойнаго писателя то безотрадное воспоминаніе, которое давало ему право въ зрѣлые годы съ грустью говорить, что „въ дѣтствѣ у него не было дѣтства"...

А. С—ой.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 октября 1907 г.

Англо-русская конвенція.—Отдѣльныя соглашенія относительно Персіи, Афганистана и Тибета.—Нѣкоторыя особенности договора о „сферахъ вліянія“ въ Персіи.—Значеніе конвенціи съ точки зрѣнія либеральныхъ принциповъ.—Странные проповѣдники англо-русскаго союза.—Конецъ парламентской сессіи въ Англіи.

Англо-русское соглашеніе, доведенное до конца послѣ долгихъ переговоровъ при косвенномъ содѣйствіи Франціи, представляетъ собою несомнѣнно крупнѣйшее политическое событіе послѣдняго времени. Оно вноситъ важный элементъ мира въ общее международное положеніе, устраняя со сцены постоянный источникъ тревожныхъ опасеній и замѣшательствъ, связанныхъ съ средне-азіатскимъ вопросомъ. Оно служитъ какъ бы естественнымъ дополненіемъ и завершеніемъ англо-французскаго сближенія, подготовляя почву для образованія новаго тройственнаго союза, способнаго обезпечить Европу отъ односторонняго преобладанія Германіи.

Конвенція подписана 18 (31) августа въ Петербургѣ уполномоченными представителями обѣихъ сторонъ, русскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, А. П. Извольскимъ, и британскимъ посломъ при русскомъ дворѣ, сэромъ Артуромъ Никольсономъ; содержаніе ея было сообщено остальнымъ державамъ, и обмѣнъ ратификацій состоялся 10 (23) сентября, послѣ чего текстъ былъ оффиціально обнародованъ одновременно въ Лондонѣ и Петербургѣ. Оба правительства, какъ сказано въ конвенціи, „воодушевленныя искреннимъ желаніемъ уладить по взаимному согласію различные вопросы, касающіеся интересовъ ихъ государствъ на азіатскомъ материкѣ, рѣшили заключить соглашенія, предназначенныя предупреждать всякій поводъ къ недоразумѣніямъ между Россіей и Великобританіей въ отношеніи сказанныхъ вопросовъ“. Первое изъ этихъ соглашеній касается Персіи—государства, повидимому, вполнѣ самостоятельнаго, но фактически находящагося подъ непосредственнымъ промышленно-политическимъ вліяніемъ двухъ могущественныхъ сосѣдей—Россіи и Англіи.

„Правительства Россіи и Великобританіи,—говорится въ этомъ документѣ — взаимно обязавшись уважать цѣлость и независимость Персіи и желая искренне сохраненія порядка на всемъ протяженіи этой страны и ея мирнаго развитія, равно какъ и постояннаго установленія одинаковыхъ преимуществъ для торговли и промышленности

всѣхъ другихъ народовъ; принимая во вниманіе, что каждое изъ нихъ имѣетъ, по причинамъ географическаго и экономическаго свойства, спеціальный интересъ въ поддержаніи мира и порядка въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Персіи, смежныхъ или сосѣднихъ съ русской границей, съ одной стороны, и съ границами Афганистана и Белуджистана, съ другой; и желая избѣжать всякаго повода къ столкновенію между ихъ взаимными интересами въ персидскихъ провинціяхъ, о которыхъ было упомянуто выше,—согласились о нижеслѣдующихъ положеніяхъ:

I. Великобританія обязуется не домогаться для самой себя и не поддерживать въ пользу британскихъ подданныхъ, равно какъ и въ пользу подданныхъ третьихъ державъ, какихъ-либо концессій политическаго или торговаго свойства, какъ-то: концессіи желѣзнодорожныя, банковскія, телеграфныя, дорожныя, транспортныя, страховыя и т. д.— по ту сторону линіи, идущей отъ Каср-и-Ширина черезъ Исфаганъ, Іездъ, Хаккъ (Кахкъ) и оканчивающейся въ точкѣ на персидской границѣ при пересѣченіи границъ русской и афганской, и не противиться, ни прямо ни косвенно, требованіямъ подобныхъ концессій въ этой области, поддерживаемыхъ россійскимъ правительствомъ. Считается, конечно, условленнымъ, что мѣстности, упомянутыя выше, входятъ въ область, гдѣ Великобританія обязуется не домогаться вышесказанныхъ концессій.

II. Россія со своей стороны обязуется не домогаться для самой себя и не поддерживать въ пользу россійскихъ подданныхъ третьихъ державъ какихъ-либо концессій политическаго или торговаго свойства, какъ-то: концессіи желѣзнодорожныя, банковскія, телеграфныя, дорожныя, транспортныя, страховыя и т. д.—по ту сторону линіи, идущей отъ Афганской границы черезъ Газикъ, Биржандъ, Керманъ и оканчивающейся въ Бендеръ-Аббасѣ, и не противиться, ни прямо ни косвенно, требованіямъ подобныхъ концессій въ этой области, поддерживаемымъ британскимъ правительствомъ. Считается, конечно, условленнымъ, что мѣстности, упомянутыя выше, входятъ въ область, гдѣ Россія обязуется не домогаться вышесказанныхъ концессій.

III. Россія обязуется со своей стороны не противиться, не уговорившись предварительно съ Англіей, тому, чтобы какія-нибудь концессіи были выдаваемы британскимъ подданнымъ въ областяхъ Персіи, расположенныхъ между линіями, упомянутыми въ статьяхъ I и II. Великобританія принимаетъ тождественное обязательство въ томъ, что касается концессій, могущихъ быть выданными русскимъ подданнымъ въ тѣхъ же областяхъ Персіи. Всѣ концессіи, существующія нынѣ въ областяхъ, указанныхъ въ статьяхъ I и II, сохраняются.

IV. Условлено, что доходы всѣхъ персидскихъ таможенъ, за исключеніемъ таможенъ Фарсистана и Персидскаго залива, доходы, обезпе-

чивающіе погашеніе и проценты по займамъ, заключеннымъ правительствомъ шаха въ учетно-ссудномъ банкѣ Персіи до дня подписанія настоящаго соглашенія, будутъ обращаемы на тотъ же предметъ, что и въ прошломъ. Равнымъ образомъ, условлено, что доходы персидскихъ таможенъ Фарсистана и Персидскаго залива, равно какъ и доходы рыбныхъ ловель на персидскомъ побережьи Каспійскаго моря, а также почтъ и телеграфовъ, будутъ обращаемы, какъ и въ прошломъ, на платежи по займамъ, заключеннымъ правительствомъ шаха у персидскаго шахиншахскаго (императорскаго) банка до дня подписанія соглашенія.

V. Въ случаѣ неисправностей въ погашеніи или уплатѣ процентовъ по персидскимъ займамъ, заключеннымъ въ учетно-ссудномъ банкѣ Персіи и въ персидскомъ шахиншахскомъ (императорскомъ) банкѣ до дня подписанія настоящаго соглашенія, и если представится необходимость для Россіи установить контроль надъ источниками доходовъ, обезпечивающими правильное поступленіе платежей по займамъ, заключеннымъ въ первомъ изъ сказанныхъ банковъ, и расположенными въ области, упомянутой въ статьѣ II настоящаго соглашенія, или же для Великобританіи установить контроль надъ источниками доходовъ, обезпечивающими правильное поступленіе платежей по займамъ, заключеннымъ во второмъ изъ сказанныхъ банковъ, и расположенными въ области, упомянутой въ статьѣ I настоящаго соглашенія—правительства россійское и англійское обязуются войти предварительно въ дружественный обмѣнъ мыслей въ видахъ опредѣленія по взаимному согласію означенныхъ мѣръ контроля и избѣжанія всякаго вмѣшательства, которое не было бы согласно съ принципами, служащими основаніемъ настоящему соглашенію".

Вопросъ о Персидскомъ заливѣ оставленъ при этомъ въ сторонѣ по причинамъ, которыя объяснены въ приложенномъ къ тексту конвенціи письмѣ британскаго министра иностранныхъ дѣлъ, сэра Эдуарда Грея, къ сэру Никольсону, отъ 29 (16) августа: „Соглашеніе относительно Персіи ограничено областями этой страны, прилегающими къ азіатскимъ границамъ Великобританіи и Россіи; Персидскій заливъ не входитъ въ эти области и только отчасти находится въ предѣлахъ персидской территоріи. Поэтому признано было неудобнымъ включать въ конвенцію положительное заявленіе о спеціальныхъ интересахъ, принадлежащихъ Великобританіи въ означенномъ заливѣ и составляющихъ результатъ британской дѣятельности въ этихъ водахъ болѣе чѣмъ за сто лѣтъ. Правительство его величества имѣетъ основаніе полагать, что этотъ вопросъ не возбудитъ затрудненій между обоими правительствами, если возникнутъ обстоятельства, которыя сдѣлаютъ необходимымъ дальнѣйшее обсужденіе, затрогивающее бри-

БИБЛІОТЕКА ДОМА НАРОДА ПЕТРА ЛАВРОВА

танскіе интересы въ Персидскомъ заливѣ. Ибо русское правительство, въ теченіе переговоровъ, приведшихъ къ настоящему соглашенію, положительно заявило, что оно не отрицаетъ спеціальныхъ интересовъ Великобританіи въ Персидскомъ заливѣ, и это заявленіе было формально принято къ свѣдѣнію правительствомъ его величества. Чтобы сдѣлать вполнѣ яснымъ, что настоящее соглашеніе не имѣетъ въ виду коснуться положенія дѣлъ въ указанномъ заливѣ и не влечетъ за собой никакой перемѣны въ политикѣ, относящейся къ этой части Великобританіи, правительство его величества считаетъ желательнымъ обратить вниманіе на предшествующія декларацiи британской политики и въ общемъ подтвердить прежнія заявленія относительно британскихъ интересовъ въ Персидскомъ заливѣ и важности поддержанія ихъ. Правительство его величества будетъ по прежнему направлять всѣ свои усилія къ сохраненію status quo въ заливѣ и къ поддержанію британской торговли, и, дѣйствуя такимъ образомъ, оно не имѣетъ желанія исключить законную торговлю какой-либо другой державы".

Второе соглашеніе — относительно Афганистана — имѣетъ цѣлью „обезпеченіе совершенной безопасности на обоюдныхъ границахъ въ Средней Азіи и поддержаніе въ этихъ областяхъ прочнаго и продолжительнаго мира". Текстъ этого соглашенія,—названнаго уже „конвенціею", а не „Arrangement", какъ относительно Персіи и Тибета,— изложенъ въ пяти статьяхъ:

I. Правительство его британскаго величества объявляетъ, что оно не имѣетъ намѣренія измѣнить политическое положеніе Афганистана. Правительство обязуется, кромѣ того, осуществлять свое вліяніе въ Афганистанѣ только въ миролюбивомъ смыслѣ, и оно не приметъ само въ Афганистанѣ и не будетъ поощрять Афганистанъ принимать мѣры, угрожающія Россіи. Съ своей стороны Россійское Императорское правительство объявляетъ, что оно признаетъ Афганистанъ находящимся внѣ сферы русскаго вліянія; и оно обязуется пользоваться для всѣхъ своихъ политическихъ сношеній съ Афганистаномъ посредствомъ правительства его британскаго величества; оно обязуется также не посылать никакихъ агентовъ въ Афганистанъ.

II. Такъ какъ правительство его британскаго величества объявило въ договорѣ, подписанномъ въ Кабулѣ 21 марта 1905 г., что оно признаетъ соглашеніе и обязательства, заключенныя съ покойнымъ эмиромъ Абдуръ-Рахманомъ, и что оно не имѣетъ никакого намѣренія вмѣшиваться во внутреннее управленіе Афганской территоріей, Великобританія обязуется не присоединять или занимать, въ противность сказанному договору, какой-либо части Афганистана и не вмѣшиваться во внутреннее управленіе этой страной, съ оговор-

кой, что эмиръ будетъ исполнять обязательства, уже принятыя имъ по отношенію къ правительству его британскаго величества въ силу вышеупомянутаго договора.

III. Русскія и афганскія власти, особо къ тому назначенныя, на границѣ или въ пограничныхъ провинціяхъ, могутъ впредь установить непосредственныя взаимныя сношенія, чтобы улаживать мѣстные вопросы не-политическаго характера.

IV. Правительства Россіи и Великобританіи объявляютъ, что они признаютъ по отношенію къ Афганистану принципъ торговаго равноправія и соглашаются въ томъ, что всѣ облегченія, которыя были или будутъ пріобрѣтены впредь для торговли и торговцевъ англійскихъ и англо-индійскихъ, будутъ равнымъ образомъ примѣняемы къ торговлѣ и торговцамъ русскимъ. Если развитіе торговли укажетъ на необходимость въ торговыхъ агентахъ, оба правительства условятся о мѣрахъ, какія слѣдуетъ принять, взявъ, конечно, во вниманіе верховныя права эмира.

V. Настоящія соглашенія войдутъ въ силу лишь съ момента, когда британское правительство заявитъ Россійскому правительству о согласіи эмира на условія, выше постановленныя".

Третье соглашеніе касается Тибета. Обѣ державы, „признавая сюзеренныя права Китая надъ Тибетомъ и принимая во вниманіе, что вслѣдствіе своего географическаго положенія Великобританія имѣетъ спеціальный интересъ въ томъ, чтобы видѣть существующій порядокъ внѣшнихъ сношеній Тибета сохраненнымъ полностью", условились о нижеслѣдующемъ:

I. Обѣ высокія договаривающіяся стороны обязуются уважать территоріальную цѣлость Тибета и воздерживаться отъ всякаго вмѣшательства въ его внутреннее управленіе.

II. Сообразуясь съ признаннымъ принципомъ сюзеренитета Китая надъ Тибетомъ, Россія и Великобританія обязуются сноситься съ Тибетомъ только черезъ посредство китайскаго правительства. Это обязательство не исключаетъ однако непосредственныхъ сношеній англійскихъ коммерческихъ агентовъ съ тибетскими властями, предусмотрѣнныхъ ст. 5 конвенціи 7 сентября 1904 года между Великобританіей и Тибетомъ и подтвержденныхъ конвенціей 27 апрѣля 1906 года между Великобританіей и Китаемъ; оно не измѣняетъ также обязательствъ, принятыхъ на себя Великобританіей и Китаемъ въ силу статьи I сказанной конвенціи 1906 года. Считается, конечно, условленнымъ, что буддисты, какъ русскіе, такъ и британскіе подданные, могутъ входить въ непосредственныя сношенія, на почвѣ исключительно-религіозной, съ Далай-Ламой и другими представителями буддизма въ Тибетѣ; правительства Россіи и Великобританіи обязуются,

насколько отъ нихъ будетъ зависѣть, не допускать, чтобы эти сношенія могли нарушить постановленія настоящаго соглашенія.

III. Россійское и великобританское правительства обязуются, каждое за себя, не посылать представителей въ Лхассу.

IV. Обѣ высокія стороны обязуются не домогаться или пріобрѣтать, ни за свой собственный счетъ, ни въ пользу подданныхъ, никакихъ концессій желѣзнодорожныхъ, дорожныхъ, телеграфныхъ и горныхъ, ни другихъ правъ въ Тибетѣ.

V. Оба правительства согласны въ томъ, что никакая часть доходовъ Тибета, ни въ натурѣ, ни деньгами, не можетъ быть заложена или предоставлена, какъ Россіи и Великобританіи, такъ и ихъ подданнымъ".

Къ соглашенію о Тибетѣ приложены еще три документа—заявленіе объ обязательствѣ Великобританіи очистить занятую британскими войсками долину Чумби подъ условіемъ уплаты 25 милліоновъ рупій въ три года и дѣйствительнаго открытія упомянутыхъ въ конвенціи тибетскихъ рынковъ, и затѣмъ двѣ ноты, которыми обмѣнялись обѣ стороны по вопросу о научныхъ экспедиціяхъ въ Тибетѣ. Британское правительство обязалось, „поскольку отъ него будетъ зависѣть, не допускать — кромѣ какъ по предварительному соглашенію съ Россійскимъ правительствомъ, — въ теченіе трехъ лѣтъ со дня настоящаго сообщенія, доступа въ Тибетъ какой-либо научной экспедиціи, подъ условіемъ однако, чтобы подобное же завѣреніе было дано со стороны Россійскаго Императорскаго правительства. Британское правительство предполагаетъ, кромѣ того, обратиться къ китайскому правительству съ цѣлью побудить послѣднее принять на себя подобное же обязательство на соотвѣтствующій срокъ; само собою разумѣется, что таковой шагъ будетъ принятъ Россійскимъ правительствомъ. По истеченіи трехлѣтняго срока, приведеннаго (т.-е. упомянутаго) выше, британское правительство обсудитъ, по взаимному согласію съ Россійскимъ правительствомъ, вопросы о желательности, если къ тому представится надобность, принятія дальнѣйшихъ мѣръ въ отношеніи научныхъ экспедицій въ Тибетъ". Аналогичное заявленіе сдѣлано и русскимъ правительствомъ.

Въ печати высказаны были двоякаго рода принципіальныя возраженія противъ англо-русской конвенціи. Во-первыхъ, многіе находятъ страннымъ и неумѣстнымъ заключеніе сдѣлки относительно Персіи, которая все-таки имѣетъ значеніе самостоятельнаго государства и не можетъ разсматриваться какъ объектъ соглашеній между посторонними державами. Персія пробуждается теперь къ новой сознательно-національной жизни; она добилась конституціи и правильнаго народнаго

представительства, и иностранные кабинеты должны уже считаться не только съ придворными совѣтниками и фаворитами шаха, но и съ общественнымъ мнѣніемъ страны. Не вправѣ ли возмутиться персидскій парламентъ, „меджилисъ", узнавъ, что Персію откровенно дѣлятъ между собою иноземныя правительства? Правда, рѣчь идетъ пока только о „сферахъ вліянія", но оффиціально устанавливать какое-то право постороннихъ державъ пользоваться исключительнымъ вліяніемъ на чужой территоріи—значитъ, очевидно, посягать на ея неприкосновенность, вопреки принципу, провозглашенному въ той же конвенціи. Однако, въ дѣйствительности, Персія находится въ такомъ положеніи, что она не можетъ обойтись безъ иностраннаго участія и вліянія въ ея экономическихъ и народно-хозяйственныхъ дѣлахъ; она уже подчинена чужому финансовому контролю, благодаря необходимости регулярно уплачивать проценты по крупнымъ государственнымъ займамъ, заключеннымъ ея самодержавными шахами. Персія не имѣетъ ни капиталовъ, ни предпринимателей, ни научно-подготовленныхъ спеціалистовъ, необходимыхъ для сооруженія желѣзныхъ дорогъ, проведенія телеграфныхъ линій, устройства банковъ, транспортныхъ, страховыхъ и тому подобныхъ учрежденій; она вынуждена поэтому пользоваться содѣйствіемъ другихъ государствъ и ихъ подданныхъ для того, чтобы дать надлежащее развитіе своимъ производительнымъ силамъ и превратиться въ культурную страну современнаго промышленнаго типа. Если же это участіе иностранцевъ неизбѣжно и желательно въ интересахъ экономическаго возрожденія и подъема самой Персіи, то нѣтъ для нея ничего обиднаго въ томъ, что сосѣднія державы заранѣе распредѣляютъ между собою районы своихъ вспомогательныхъ дѣйствій на ея территоріи, для избѣжанія взаимныхъ пререканій и столкновеній. Въ конвенціи говорится именно о желѣзнодорожныхъ, телеграфныхъ, банковыхъ и прочихъ концессіяхъ, имѣющихъ промышленное, а не политическое значеніе,—такъ что упомянутое распредѣленіе касается въ сущности лишь матеріальныхъ выгодъ этихъ предпріятій; связанное же съ послѣдними политическое вліяніе будетъ уже зависѣть отъ тѣхъ условій, на какихъ будутъ даваться концессіи персидскимъ правительствомъ, и слѣдовательно, государственная самостоятельность Персіи останется нетронутою.

Нѣкоторый намекъ на возможность вмѣшательства во внутреннія дѣла страны можно видѣть только въ указаніи на то, что каждое изъ договаривающихся правительствъ „имѣетъ спеціальный интересъ въ поддержаніи мира и порядка" въ пограничныхъ или сосѣднихъ провинціяхъ Персіи; но эти слова вполнѣ соотвѣтствуютъ обстоятельствамъ, такъ какъ отсутствіе регулярной арміи и прочной административной организаціи поддерживаетъ хроническую анархію

въ персидскихъ областяхъ, допуская безнаказанные набѣги курдовъ въ сосѣднія владѣнія и вызывая этимъ необходимость самостоятельныхъ военныхъ мѣръ со стороны заинтересованныхъ государствъ. Въ послѣдніе мѣсяцы постоянно повторялись вторженія небольшихъ турецкихъ отрядовъ въ предѣлы персидской территоріи, и Персія безплодно обращалась по этому поводу съ робкими жалобами въ Константинополь; она не могла и не можетъ защитить свои границы собственными средствами, и потому нельзя отрицать право заинтересованныхъ государствъ заботиться о „поддержаніи мира и порядка" въ пограничныхъ персидскихъ земляхъ. Эти опекунскія заботы сосѣдей отпадутъ сами собою, когда Персія установитъ у себя разумный государственный порядокъ, устроитъ на новыхъ началахъ свое управленіе и обезпечитъ жителей отъ произвола и насилія. Конституція открываетъ Персіи путь къ лучшему будущему, но не избавляетъ ее отъ послѣдствій вѣковыхъ беззаконій и неурядицъ; пройдетъ еще не одно десятилѣтіе, пока исчезнутъ въ ней печальные плоды стараго режима, а до тѣхъ поръ приходится персамъ поневолѣ мириться съ положеніемъ, которое давно уже стало нормальнымъ относительно Турціи и Китая.

Съ Китаемъ принято почему-то поступать вполнѣ безцеремонно: въ тибетскомъ соглашеніи далеко не соблюдается даже та степень уваженія къ чужимъ правамъ, какая допущена въ примѣненіи къ Персіи. Державы признаютъ верховную власть Китая надъ Тибетомъ, и въ то же время устанавливаютъ для Китая такія же ограниченія по отношенію къ Тибету, какъ и для постороннихъ государствъ: Китаю предлагаютъ отказаться отъ права посылать научныя экспедиціи въ Тибетъ на томъ основаніи, что отъ этого права отказываются Англія и Россія. Но если Китай уравнивается въ этомъ пунктѣ съ Россіею и Англіею, то въ чемъ же выражается китайскій „сюзеренитетъ надъ Тибетомъ"? Предположеніе „побудить китайское правительство" къ извѣстному самоограниченію принимается заранѣе какъ нѣчто равносильное достигнутому уже результату: не допускается и мысли о томъ, что Китай можетъ не согласиться съ „побудительными" доводами державъ, — какъ будто китайское правительство формально лишено самостоятельности и обязано подчиняться каждому желанію постороннихъ государствъ. А Китайская имперія покрупнѣе Персіи!

Нѣкоторыя англійскія газеты отнеслись къ конвенціи неодобрительно по мотивамъ международнаго либерализма: говорятъ, что либеральному британскому кабинету не подобало сближаться и устраивать политическое соглашеніе съ реакціоннымъ правительствомъ, поглощеннымъ борьбою съ своимъ собственнымъ народомъ. Проявленіе

дружбы и довѣрія къ оффиціальной Россіи могло въ данный моментъ оказать поддержку „врагамъ русской конституціи“ и ослабить шансы торжества конституціоннаго строя въ нашемъ отечествѣ. Подобныя соображенія кажутся намъ неправильными по существу и совершенно непримѣнимыми къ настоящему случаю: дѣло шло не объ укрѣпленіи позиціи русскаго правительства, не объ усиленіи его средствъ для внутренней борьбы и не о возвышеніи его авторитета или престижа, а о дипломатическомъ соглашеніи съ Россіею, какъ великою державою, занимающею свое мѣсто въ мірѣ внѣ всякой зависимости отъ того или другого ея правительства или министерства. Такой международный актъ, какъ англо-русская конвенція, разсчитанъ на прочное существованіе и примѣненіе въ теченіе многихъ лѣтъ; онъ не можетъ связываться съ перемѣнчивыми обстоятельствами текущаго момента и не имѣетъ вовсе никакого отношенія къ заботамъ и вопросамъ внутренней политики. Трудно даже понять, въ какомъ смыслѣ англо-русская конвенція способна была бы повліять на печальный ходъ нашихъ внутреннихъ дѣлъ. Международная дипломатія составляетъ особую область, довольно отдаленную отъ партійныхъ или узко-полицейскихъ соображеній; дипломатическое вѣдомство поневолѣ говоритъ и дѣйствуетъ отъ имени Россіи, какъ цѣлаго, и оно часто вынуждено говорить и дѣйствовать въ духѣ прямо противоположномъ тому, который оффиціально господствуетъ въ отечествѣ. Въ эпоху непреклоннаго самодержавія заключенъ былъ союзъ съ французскою республикою, и марсельеза, строго запрещенная для внутренняго употребленія, выслушивалась у насъ въ извѣстныхъ случаяхъ почтительно, съ непокрытыми головами, подобно національному гимну. Нашимъ дипломатамъ случалось усердно насаждать въ чужихъ странахъ конституцію въ такое время, когда самое слово „конституція“ считалось у насъ запретнымъ или предосудительнымъ. Успѣхъ международной дипломатіи не можетъ ни въ чемъ улучшить или усилить у насъ общее положеніе правительства уже потому, что министерство иностранныхъ дѣлъ стоитъ въ сторонѣ отъ остальныхъ вѣдомствъ и не подчинено контролю главы кабинета, а все правительство сосредоточивается въ сущности въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. И при конституціонномъ строѣ дипломатія, вѣроятно, сохранитъ у насъ свою самостоятельность, и ея спеціальные успѣхи и неудачи едва ли будутъ отражаться на судьбѣ министерствъ и на отношеніи къ нимъ народнаго представительства.

Впрочемъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что англо-русская конвенція, при всей ея желательности и благотворности для интересовъ общаго мира, можетъ считаться положительнымъ успѣхомъ, въ обычномъ значеніи этого слова, только для Англіи, а никакъ не для

Россіи. Для Россіи это есть актъ отреченія отъ многолѣтнихъ завоевательныхъ плановъ и иллюзій, направлявшихъ ея внѣшнюю политику на пагубный и разорительный путь; для Англіи это — пріобрѣтеніе безопасности и спокойствія на границахъ Индіи, избавленіе отъ постоянныхъ тревогъ и конфликтовъ въ Средней Азіи, огромное облегченіе финансовыхъ и военныхъ усилій, затрачиваемыхъ на защиту и охрану британскаго владычества и британскихъ интересовъ на азіатскомъ материкѣ. Россія ничего не пріобрѣтаетъ вновь, а только сдаетъ нѣкоторыя изъ своихъ позицій, отрекается отъ попытокъ самостоятельныхъ сношеній и связей съ Тибетомъ и Афганистаномъ, признаетъ Афганистанъ входящимъ всецѣло въ кругъ британскаго вліянія, отказывается отъ всякихъ мечтаній объ Индіи и вообще отъ дальнѣйшаго наступательнаго движенія въ Средней Азіи. И этотъ отказъ отъ прежней неопредѣленной, неограниченно-широкой и заманчивой для патріотовъ азіатской программы вызванъ, къ несчастью, не сознательною перемѣною политическихъ взглядовъ, не мудрою разсчетливостью дипломатіи, а тяжкими внѣшними ударами, постигшими Россію на Дальнемъ Востокѣ. Тутъ нѣтъ ни успѣха, ни заслуги со стороны нашего правительства; фактически мы и безъ того потеряли возможность держаться на прежнихъ позиціяхъ, и для всѣхъ было ясно, что нашей безцѣльной военной предпріимчивости въ отдаленныхъ краяхъ положенъ конецъ на многіе годы. Событія сами привели къ тому повороту нашей политики, который соотвѣтствуетъ либеральнымъ и прогрессивнымъ, а не реакціоннымъ идеямъ; этого спасительнаго поворота мы долго и тщетно домогались, доказывая его безусловную необходимость для общихъ интересовъ страны и народа, и съ нашей точки зрѣнія англо-русская конвенція запоздала по меньшей мѣрѣ на тридцать лѣтъ, благодаря отсутствію у насъ отвѣтственной, сознательно-разсчетливой національной политики. Если желанный результатъ достигнутъ при министерствѣ, не отличающемся миролюбіемъ и закономѣрностью дѣйствій во внутреннихъ дѣлахъ, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что онъ подлежитъ осужденію или отрицанію; польза заключеннаго соглашенія достанется все-таки Россіи, русскому государству и народу, а не данному правительству.

Въ Англіи вообще очень трезво оцѣниваютъ реальное значеніе конвенціи. Господствующая нота въ англійскихъ сужденіяхъ по этому поводу — чувство удовлетворенія и успокоенія, соединенное съ перспективою сокращенія военныхъ расходовъ на внѣшнюю охрану Индіи. Въ виду этой главной цѣли можно было легко согласиться на предоставленіе Россіи нѣкоторыхъ преимуществъ въ Персіи и на признаніе преобладающаго русскаго вліянія въ значительнѣйшей части

персидской территоріи, со включеніемъ столицы; такая уступка, какъ объясняетъ „Times“, подтверждала лишь фактическое положеніе вещей, ибо въ дѣйствительности русская дипломатія не только успѣла обезпечить себѣ преобладаніе въ сѣверныхъ провинціяхъ и въ Тегеранѣ, но еще настойчиво проводила и поддерживала русскіе промышленные интересы въ южныхъ областяхъ, гдѣ ея „интриги“ были особенно опасны для Англіи, въ виду ближайшаго сосѣдства Индіи и Персидскаго залива. Формальное включеніе этихъ областей въ сферу британскаго вліянія представляетъ, по словамъ „Times“, громадную важность для англичанъ, съ точки зрѣнія безопасности Индіи и Персидскаго залива. Однако, дѣловое соглашеніе по отдѣльнымъ вопросамъ не есть еще внутреннее сближеніе: „когда измѣнятся внутренніе порядки Россіи согласно западнымъ идеямъ,—заключаетъ консервативный „Times“, — взаимныя отношенія обѣихъ націй, независимо отъ отношеній между правительствами, будутъ несомнѣнно все болѣе и болѣе дружественными“...

Мысль о сближеніи и союзѣ между Англіею и Россіею стала особенно популярна въ англійскомъ обществѣ подъ вліяніемъ опасеній, вызванныхъ морскими и колоніальными замыслами Вильгельма II. Смѣлыя попытки германскаго соперничества въ разныхъ частяхъ свѣта побуждали англичанъ стремиться къ новымъ международнымъ комбинаціямъ, въ которыхъ центральное мѣсто принадлежало Франціи. Англо-французская дружба установилась на прочныхъ началахъ; близкимъ русско-британскимъ отношеніямъ мѣшаетъ глубокое недовѣріе къ нынѣшней оффиціальной Россіи, въ связи съ безспорными антипатіями къ ея внутренней политикѣ.

Между тѣмъ въ нашей печати чаще всего хлопочутъ о дружбѣ съ Англіею представители именно того направленія, къ которому англичане не могутъ относиться иначе какъ отрицательно. Въ іюльской книгѣ журнала за прошлый годъ мы упоминали о французской книгѣ г. Ник. Нотовича, посвященной вопросу объ англо-русскихъ отношеніяхъ. Теперь эта книга, съ нѣкоторыми измѣненіями, вышла и на русскомъ языкѣ. Авторъ, съ одной стороны, удивляетъ читателей крайностями своего „черносотеннаго“ патріотизма, а съ другой—необыкновенною легковѣсностью и развязностью своихъ сужденій. Книга, какъ отмѣчено на обложкѣ, напечатана въ „государственной типографіи“, и это обстоятельство, въ связи съ „дипломатичностью“ сюжета, можетъ дать поводъ къ предположенію объ оффиціозномъ источникѣ и характерѣ трактата г. Ник. Нотовича. Автору кажется, что всѣ заботы дипломатіи должны быть направлены къ ограниченію

и обузданію предпріимчивости германскаго императора. Пора было подумать, говоритъ онъ, „не о желтой опасности, которую муссировалъ германскій императоръ, толкавшій Европу на Дальній Востокъ, чтобы облегчить себѣ хозяйничанье въ Европѣ, а объ опасности уже чисто-германской,—и англо-русское соглашеніе завершитъ рядъ соглашеній, изолирующихъ черезчуръ смѣлые, широкіе и заносчивые размахи германской политики“.

Рѣзкія выходки автора противъ Вильгельма II и всей нѣмецкой націи большею частью настолько нелѣпы и безсмысленны, что не стоитъ на нихъ останавливаться. Достаточно привести лишь нѣкоторые образчики „патріотическаго“ краснорѣчія г. Ник. Нотовича. Въ нашихъ пораженіяхъ, конечно, виноваты, между прочимъ, нѣмцы. „Всячески увѣряя насъ въ своей дружбѣ, они въ то же время пользовались нашимъ разстройствомъ, нарушали законы нейтралитета и старались, насколько они были въ силахъ, способствовать нашей гибели. Но мы далеко не уничтожены,—разсуждаетъ г. Ник. Нотовичъ,—и Вильгельмъ хотѣлъ бы, безъ сомнѣнія, докончить внутри то, что начато врагомъ всего христіанскаго. Развѣ онъ не старался убѣдить своего державнаго брата, что мятежи усмиряются только митральезами,—развѣ онъ не уговаривалъ его потопить въ крови всѣхъ недовольныхъ, хотя требованія нѣкоторыхъ изъ нихъ законны? Но у нашего Государя не Гогенцоллернская душа. Пусть Гогенцоллернъ безъ жалости крошитъ прусской саблей порабощенные народы (?!); пусть онъ приказываетъ избивать массы школьниковъ (?), чтобы научить ихъ пѣть нѣмецкіе гимны, а также матерей (?) этихъ несчастныхъ дѣтей,—Николай II знаетъ, что подобные проступки посѣваютъ лишь сѣмя ненависти, а ненависть рано или поздно разразится дождемъ проклятій. Благодаря Бога, русскіе мятежники—не рабы, старающіеся разбить свои оковы; это—идеалисты и теоретики, и ихъ не ведутъ на избіеніе... Въ этомъ отношеніи Вильгельмъ II ошибся, если онъ разсчитывалъ ослабить Россію тѣмъ, что онъ будетъ разжигать въ ней гражданскую войну и превратитъ ее на неопредѣленное время въ безграничное поле сраженія. Въ результатѣ получилось бы то, что самодержавіе, которое въ концѣ концовъ одержало бы верхъ, превратилось бы само собою въ тиранію, ненавистную внутри страны и безсильную во внѣшней политикѣ“. Дальше говорится уже о „высокомѣріи невѣжества“, о „наглой“ и „ребяческой провокаціи“, о „пиратѣ и притомъ дерзкомъ“ и т. п.

Въ другомъ мѣстѣ авторъ обвиняетъ нѣмцевъ въ томъ, что они завладѣли русскою политикою, какъ внутреннею, такъ и внѣшнею. „Мы (?), какъ послушные простаки, еще такъ недавно назначали нашихъ министровъ, полководцевъ, посланниковъ, государственныхъ дѣя-

телей и членовъ высшаго правительства по указаніямъ и совѣтамъ Германіи,—и всегда лицъ нѣмецкаго происхожденія и съ нѣмецкими взглядами и воспитаніемъ". Въ порывѣ своего благонамѣреннаго усердія г. Ник. Нотовичъ забываетъ, кто эти „мы", назначающіе нашихъ министровъ, полководцевъ, посланниковъ и членовъ правительства по указаніямъ Германіи,—и кого онъ, слѣдовательно, назвалъ „послушными простаками". Но англичане не должны тревожиться: полководецъ съ чисто-русской фамиліей и русскими взглядами, генералъ Куропаткинъ, много разъ высказывался противъ идеи похода на Индію и признавалъ солидарность интересовъ между Россіею и Англіею. „Теперь, наконецъ, Англія можетъ совершенно успокоиться,—заключаетъ авторъ:—въ лицѣ генерала Куропаткина она всегда неизмѣнно имѣла не врага, а самаго искренняго сторонника сближенія ея съ Россіею". Можно поэтому надѣяться на будущее „заключеніе англо-франко-русскаго союза, который будетъ способствовать неразлучности трехъ народовъ на пути ихъ соціальныхъ и экономическихъ успѣховъ"; ибо, сверхъ всего прочаго, „необходимо обуздывать со дня на день увеличивающееся надменное честолюбіе нѣмецкаго императора". Пусть „онъ хорошо знаетъ, что взоры всѣхъ слѣдятъ за всѣми его движеніями, но не для того, чтобы имъ удивляться, а для того, чтобы сдѣлать ихъ безвредными", и т. д.

Рѣшительно непонятно, для кого и для чего печатается подобный вздоръ въ „государственной типографіи". Еслибы идея англо-русскаго союза имѣла только такихъ приверженцевъ, какъ г. Ник. Нотовичъ, она, конечно, обречена была бы на безсиліе и ничтожество, и никто не сталъ бы серьезно съ нею считаться; теперь же проповѣдь его напрасно лишь компрометируетъ самую мысль, обставляя ее совершенно невѣроятными аргументами и фантазіями. Все содержаніе книги, состоящее изъ бѣглыхъ и поверхностныхъ историческихъ очерковъ, перемѣшанныхъ съ явно безсмысленными предположеніями и выводами, неопровержимо свидѣтельствуетъ въ пользу того, что этотъ „трудъ", хотя и изданный подъ фирмой „государственной типографіи", не имѣетъ и не можетъ имѣть ничего общаго съ политическими взглядами какого бы то ни было оффиціальнаго вѣдомства.

Парламентская сессія въ Англіи закончилась 28-го (15-го) августа обычною тронною рѣчью при совершенно спокойномъ настроеніи, безъ всякихъ намековъ на недавніе еще шумные споры по поводу открытаго антагонизма между обѣими палатами парламента.

Казалось, что протесты противъ лордовъ, систематически отвергавшихъ или измѣнявшихъ законопроекты, принятые палатою общинъ,

никогда еще не выражались съ такимъ рѣшительнымъ единодушіемъ, и вопросъ о коренной реформѣ верхней палаты, оффиціально поставленный на очередь главою кабинета, сэромъ Кемпбеллемъ-Баннерманомъ, предвѣщалъ серьезный конституціонный конфликтъ, для разрѣшенія котораго пришлось бы прибѣгнуть къ новымъ парламентскимъ выборамъ. Важные билли о мелкой земельной арендѣ и о раздачѣ поземельныхъ участковъ въ Англіи и Уэльсѣ, о мелкихъ арендаторахъ и объ оцѣнкѣ земель въ Шотландіи, и о поземельномъ устройствѣ изгнанныхъ фермеровъ въ Ирландіи, не были одобрены палатою лордовъ въ томъ видѣ, какъ они приняты были нижнею палатою. Шотландскій билль объ оцѣнкѣ земель былъ прямо отвергнутъ, а другой — о мелкой арендѣ — былъ настолько передѣланъ и исправленъ, что правительство нашло себя вынужденнымъ отказаться отъ него; остальные земельные билли—англійскій и ирландскій—подверглись также весьма значительнымъ измѣненіямъ, послѣ чего были вновь подробно разсмотрѣны въ палатѣ общинъ и затѣмъ вторично внесены въ палату лордовъ съ соотвѣтственными поправками, возстановлявшими отчасти первоначальный текстъ; верхняя палата опять горячо обсуждала спорные законопроекты, но уже въ духѣ компромисса, и въ концѣ концовъ, послѣ нѣкоторыхъ уступокъ со стороны правительства, приняла оба билля въ такой формѣ, которая признана была пріемлемою для палаты общинъ. Такимъ образомъ получилъ силу закона новый земельный билль для Англіи, допускающій въ широкихъ размѣрахъ принудительное отчужденіе земель подъ руководствомъ особыхъ мѣстныхъ совѣтовъ и правительственныхъ земельныхъ коммиссаровъ; точно также сдѣлался закономъ билль о надѣленіи арендными участками бывшихъ ирландскихъ фермеровъ, выселенныхъ изъ своихъ фермъ судебно-полицейскимъ порядкомъ по требованіямъ или жалобамъ лэндлордовъ. Оба закона одинаково направлены къ расширенію площади мелкаго землевладѣнія и представляютъ собою дальнѣйшій шагъ къ постепенной законодательной реформѣ устарѣлаго землевладѣльческаго строя, сохранившаго отчасти еще средневѣковый характеръ.

Обѣ стороны—либеральное правительство, опирающееся на палату общинъ, и палата лордовъ, подчиняющаяся руководству вождя консервативной оппозиціи,—остались при своихъ принципіальныхъ взглядахъ, но обнаружили на практикѣ готовность къ мирному соглашенію и отказались на время отъ рѣзкихъ пріемовъ борьбы; самый вопросъ объ ограниченіи правъ верхней палаты отодвинулся какъ будто въ сторону и вышелъ опять изъ круга текущей практической политики. Въ засѣданіи палаты общинъ, 22 августа, премьеръ повторялъ еще свои аргументы противъ злоупотребленій лордовъ и грозилъ вто-

рично внести въ слѣдующую сессію отвергнутый ими билль о мелкой арендѣ въ Шотландіи, съ тѣмъ, чтобы заставить верхнюю палату или честно отвергнуть его цѣликомъ, или внести въ него только такія поправки, которыя совмѣстимы съ его сущностью; но эти заявленія по адресу лордовъ не имѣли уже прежняго воинственнаго оттѣнка и не предвѣщали никакого конституціоннаго кризиса.

Такая перемѣна настроенія произошла по одной, повидимому, незначительной, но для англичанъ весьма важной причинѣ: самый выдающійся изъ либеральныхъ лордовъ, графъ Розбери, неожиданно выступилъ въ верхней палатѣ съ рѣшительными и крайне ядовитыми возраженіями противъ того именно шотландскаго земельнаго билля, изъ-за котораго премьеръ предпринялъ свой походъ противъ лордовъ. Своимъ непредвидѣннымъ вмѣшательствомъ лордъ Розбери, можно сказать, сорвалъ весь вопросъ о конфликтѣ: если такой авторитетный либеральный дѣятель, бывшій премьеръ, оказывается въ данномъ случаѣ солидарнымъ съ палатою лордовъ и съ консервативною оппозиціею, то, очевидно, забракованный имъ законопроектъ не можетъ служить подходящимъ поводомъ къ принципіальному конституціонному спору. Отвергая правительственный билль по спеціальнымъ экономическимъ и техническимъ причинамъ, какъ знатокъ шотландскаго землевладѣнія и самъ крупный лэндлордъ, Розбери въ то же время въ одной изъ своихъ позднѣйшихъ рѣчей высказался за реформу верхней палаты и въ этомъ отношеніи остался вѣренъ своимъ общимъ либеральнымъ принципамъ. Но подобныя реформы не предпринимаются въ Англіи въ силу однихъ отвлеченныхъ логическихъ соображеній, и нуженъ еще серьезный практическій конфликтъ, для котораго пока не нашлось соотвѣтственнаго матеріала. Тѣмъ временемъ и лорды постарались ограничить себя при обсужденіи прочихъ спорныхъ биллей, такъ что кропотливая законодательная работа правительства и палаты общинъ не могла уже считаться безплодною. Въ числѣ утвержденныхъ законопроектовъ обращаетъ на себя вниманіе билль военнаго министра Гальдэна о новой организаціи регулярныхъ и вспомогательныхъ войскъ.

ИЗЪ ЖИЗНИ ВЪ ПОЛЬШѢ

1879—1885 гг.

По личнымъ воспоминаніямъ.

...Въ началѣ 1879 года, мнѣ было предложено занять должность предсѣдателя плоцкаго окружнаго суда, въ варшавскомъ округѣ. На первыхъ порахъ это предложеніе ставило меня въ затрудненіе. Предшествующая жизнь и служба моя протекла внутри Россіи, съ Петербургомъ я былъ связанъ семейными отношеніями, и приходилось ѣхать въ край почти чужой, надъ которымъ еще носились тучи недавней непогоды. Но многое побуждало и принять предложеніе. Лишь незадолго передъ тѣмъ, въ 1876 году, была введена въ царствѣ польскомъ судебная реформа, приблизительно по типу судебныхъ уставовъ 1864 года. Личныя назначенія производились съ большимъ выборомъ, считалось честью войти въ составъ тамошняго суда. Желалось болѣе широкой сферы послѣ двадцати слишкомъ лѣтъ занятій чисто судебнымъ дѣломъ, въ томъ числѣ болѣе десяти— въ должности члена судебной палаты, московской и петербургской, гдѣ масса гражданскихъ дѣлъ, хотя привлекательныхъ по серьезности и разнообразію вопросовъ, порой подавляла непрерывностью и срочностью. Привлекала перспектива суда на основаніи кодекса Наполеона, лучшаго въ то время изъ уложеній, приспособленныхъ къ современному строю общества,—примѣненія ипотечнаго порядка, съ которымъ я имѣлъ случай познакомиться при существовавшемъ тогда предположеніи о введеніи его въ Россіи. Меня не пугали совмѣстныя занятія съ инородцами въ учрежденіи, на половину составленномъ, по принятому правилу, изъ лицъ польскаго происхожденія. Съ молодыхъ лѣтъ, въ школѣ, въ общественной жизни, на службѣ мы привыкли

видѣть поляковъ, преимущественно уроженцевъ западныхъ губерній, въ числѣ товарищей, воспитателей, профессоровъ, сослуживцевъ, оставлявшихъ по себѣ наилучшую память. Продолжительная судебная практика, укрѣпивъ сознаніе благодѣтельности строя, обезпечивающаго незыблемость основъ гражданственности, даже влекла къ странѣ, издавна подвергшейся воздѣйствію западной культуры.

Возникавшія у меня сомнѣнія, во всякомъ случаѣ, не могли устоять предъ различными доводами, приведенными тогдашнимъ министромъ юстиціи Д. Н. Набоковымъ. Незадолго предъ тѣмъ, въ половинѣ 1878 года, г. Набоковъ замѣнилъ бывшаго дотолѣ министра, графа К. И. Палена. Перемѣна эта совпала съ общимъ, чувствовавшимся въ то время въ правительственныхъ сферахъ утомленіемъ отъ продолжительнаго дѣйствія искусственной системы, имѣвшей въ виду, на ряду съ сохраненіемъ и даже поддержаніемъ внѣшняго блеска введенныхъ реформъ, ослабленіе самостоятельности новыхъ учрежденій путемъ детальныхъ ограниченій и вліянія на ихъ личный составъ. Графъ Паленъ, при всѣхъ личныхъ достоинствахъ, былъ типичнымъ представителемъ этой системы, вмѣстѣ съ министрами П. А. Валуевымъ и графомъ Д. А. Толстымъ. Такою же двойственностью было запечатлѣно и положеніе 19 февраля 1875 года о примѣненіи къ царству польскому судебныхъ уставовъ 1864 года. Исходя, въ первоисточникѣ, изъ предположенія московскихъ теоретиковъ обрусить Польшу, какъ одинъ изъ способовъ достиженія этой цѣли,—упомянутое положеніе, помимо добраго намѣренія ввести лучшій порядокъ судоустройства и судопроизводства, имѣло въ виду лишить судъ народной окраски, устранивъ изъ него мѣстный языкъ и общественные элементы. Этотъ характеръ закона заранѣе не сулилъ ему прочнаго успѣха, несмотря на всѣ старанія власти, на первыхъ порахъ, привлечь сюда лучшія русскія силы.

Полную противоположность графу Палену представлялъ, во многихъ отношеніяхъ, Д. Н. Набоковъ. Скромный юристъ-практикъ, прошедшій суровую школу сенатской канцеляріи, видѣвшій нужду, Д. Н., какъ судья и сановникъ, не увлекался какимъ-либо яркимъ направленіемъ и выше всего цѣнилъ точное исполненіе закона. Отношеніе его къ дѣламъ Польши и, въ частности, къ ея суду было нѣсколько своеобразное. Еще въ молодыхъ лѣтахъ, Д. Н. имѣлъ случай познакомиться съ польской жизнью, занимая должность при дворѣ в. к. Константина Николаевича, въ бытность его, въ началѣ 60-хъ годовъ, намѣстникомъ царства. Повидимому, этому обстоятельству слѣдуетъ приписать приглашеніе его впослѣдствіи, послѣ усмиренія мятежа и предпринятыхъ въ Варшавѣ учредительныхъ работъ, къ участію въ обсужденіи этихъ трудовъ въ Петербургѣ, и назначеніе его статсъ-

секретаремъ по дѣламъ царства польскаго (послѣднимъ, предъ упраздненіемъ автономныхъ учрежденій). Такъ какъ общее направленіе преобразовательной политики было предрѣшено, то на Д. Н. легла собственно подробная выработка новыхъ узаконеній. Но вмѣстѣ съ тѣмъ занятія эти доставили ему случай подробнѣе ознакомиться съ прежними порядками края, съ его прежнимъ судебнымъ устройствомъ, хотя обветшалымъ, лишеннымъ надлежащей публичности и зависимымъ отъ администраціи, однако сохранившимъ нѣкоторыя хорошія стороны западно-европейскаго суда, а также узнать лучшихъ представителей тамошняго суда, людей науки и практики, которыхъ онъ и цѣнилъ по достоинству. Передавая взглядъ свой на мѣстный персоналъ, унаслѣдованный новыми судами варшавскаго округа отъ прежней магистратуры, Д. Н. Набоковъ, въ послѣдней бесѣдѣ съ нами, отзывался съ большой похвалой и о блестящемъ русскомъ составѣ ихъ, организованномъ его предшественникомъ, но при этомъ особенно останавливался на преимуществѣ варшавскаго округа предъ прочими округами въ удовлетворительности личнаго состава младшихъ судебныхъ органовъ, адвокатуры и нотаріата, которыми грѣшатъ вообще провинціальные суды. Въ его словахъ проглядывала даже забота, какъ бы пріѣзжій элементъ суда въ Польшѣ, неосторожнымъ отношеніемъ, не нарушилъ существующей тамъ доброй традиціи.

Проѣздомъ чрезъ Варшаву я представился старшему предсѣдателю судебной палаты, въ то время Н. Н. Герарду, который съ своей стороны нашелъ нужнымъ указать на затрудненія, ожидающія новаго судебнаго дѣятеля въ особыхъ условіяхъ края. Онъ не скрылъ, что судебная реформа въ Польшѣ уже пережила тогда медовый мѣсяцъ своего дѣйствія. Встрѣченная сочувствіемъ лучшей части правительственныхъ лицъ и мѣстнаго общества, привѣтствовавшихъ установленіе въ краѣ болѣе самостоятельнаго, прочнаго порядка обезпеченія закона и правъ населенія, она въ теченіе трехлѣтія не могла не затронуть привычки къ произволу, укоренившейся въ администраціи со дней усмиренія мятежа, а также опечалить мѣстную интеллигенцію выяснившимся устраненіемъ послѣдней отъ участія въ дѣлѣ суда. Отсюда стремленіе къ пререканіямъ съ судомъ и даже къ интригамъ противъ него со стороны первой и къ злорадству со стороны оставшихся за бортомъ прежнихъ судебныхъ дѣятелей и печати, въ случаяхъ неизбѣжныхъ ошибокъ суда. Особенно удручали Н. Н. дѣйствія спеціальныхъ полицейскихъ органовъ, которые, не находя себѣ матеріала въ успокаивающемся національномъ настроеніи населенія и въ отсутствіи у него склонности къ соціалистическимъ стремленіямъ, обратили остріе праздныхъ доносовъ противъ новаго судебнаго персонала, преувеличивая малѣйшіе неудачные инциденты. Въ заклю-

ченіе, Н. Н. Герардъ мѣтко прибавилъ, что „мы обыкновенно находимъ враговъ не тамъ, гдѣ ихъ ищемъ“.

Слышанное мною вполнѣ совпадало съ моими давними мыслями и предрасположеніемъ. Привыкнувъ къ занятіямъ въ коллегіи, гдѣ успѣхъ дѣла зависитъ столько же отъ знаній сотрудниковъ, сколько и отъ общности ихъ воззрѣній по вопросамъ нравственнаго свойства, имѣющимъ, повидимому, лишь косвенное отношеніе къ предмету занятій, я, по пріѣздѣ въ г. Плоцкъ и послѣ перваго знакомства съ личнымъ составомъ суда, русскимъ и польскимъ, нашелъ умѣстнымъ подѣлиться съ товарищами нѣкоторыми общими соображеніями, которыя, по моему мнѣнію, слѣдовало положить въ основу предстоящей совмѣстной дѣятельности. Мнѣ казалось это тѣмъ болѣе нужнымъ, что время наступало серьезное, въ виду развивавшейся въ отечествѣ преступной пропаганды и все учащавшихся случаевъ покушеній.

Въ обращеніи къ гг. членамъ окружнаго суда, произнесенномъ въ распорядительномъ засѣданіи общаго собранія суда, останавливаясь на характерѣ введеннаго въ Польшѣ послѣдними реформами строя, основаннаго на преобладаніи русской государственности, я говорилъ, что строй этотъ не исключаетъ, со стороны однихъ, любви къ родинѣ, какъ наилучшаго основанія любви къ отечеству, ее оберегающему, и со стороны другихъ — уваженія къ индивидуальности и культурѣ страны: къ мѣстному языку, литературѣ, добрымъ нравамъ и вѣковой сокровищницѣ знаній, во всей широкой сферѣ общественныхъ отношеній, не затрогивающихъ государственнаго интереса. Что касается соціальнаго движенія, отъ котораго не свободно ни одно современное государство, то я указывалъ на уваженіе къ религіи, семейству и собственности, какъ на лучшій способъ выработки себѣ въ этомъ отношеніи правильныхъ и твердыхъ основъ. Объ уваженіи къ религіи я считалъ излишнимъ распространяться: слишкомъ извѣстна крѣпость религіознаго чувства въ русскомъ и польскомъ народѣ; я пожелалъ только—русскимъ уроженцамъ—чтобы это чувство не высказывалось у нихъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ важныхъ событій, а проникало собою всю обыденную жизнь, и—польскимъ уроженцамъ—чтобы они оберегали религіозность отъ воздѣйствія чрезъ нее постороннихъ вліяній.

„Крѣпость семейнаго строя, — говорилъ я далѣе, — глубоко вкоренена въ здѣшнихъ нравахъ. Примыкая къ Западной Европѣ, вы, гг. мѣстные уроженцы, смотрите на семейство, какъ на учрежденіе въ нѣкоторомъ смыслѣ общественное. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда

семейство, со смертью его главы, должно бы распасться, оно возрождается у васъ въ видѣ какъ бы правительственнаго учрежденія, семейнаго совѣта. Дорожите, господа, этой выработанностью семейственной формы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, продолжайте вливать въ нее теплоту чувства взаимныхъ отношеній супруговъ, родителей, не переставайте вселять въ сердца вашихъ дѣтей любовь къ родинѣ, преданность отечеству, уваженіе къ просвѣщеннымъ порядкамъ, въ которыхъ вы сами имѣете долю участія. Намъ, русскимъ, приходится также остановиться на этомъ предметѣ. Общеизвѣстная горячность, порывистость нашего чувства, влечетъ къ тому, что на ряду съ высокими примѣрами супружескаго и семейнаго самоотверженія тамъ, гдѣ это чувство существуетъ, мы видимъ печальные примѣры распаденія семейныхъ узъ, когда это чувство случайно погасло. Будемъ всѣ мы помнить, что семья есть первая бытовая ячейка, изъ которой образуется общественный и государственный строй. Если крѣпокъ и разуменъ этотъ первый человѣческій кружокъ, то будетъ твердъ и цѣлесообразенъ весь остальной строй.

„Настаивать передъ юристами на уваженіи къ праву собственности, на первый взглядъ, казалось бы излишнимъ. Дѣятельность юриста-практика заключается преимущественно въ возстановленіи нарушеннаго права собственности и наложеніи взысканія за присвоеніе чужого имущества. Однако, погруженные въ разрѣшеніе дробныхъ дѣлъ, мы рѣдко имѣемъ возможность восходить къ общимъ соображеніямъ о святости начала собственности. И въ этомъ отношеніи приходится съ сочувствіемъ остановиться на вѣковой выясненности здѣсь права частной собственности и на существующемъ здѣсь ипотечномъ порядкѣ, котораго еще ожидаютъ другія мѣстности отечества. Едва ли не обратное явленіе замѣчается въ нашей полу-патріархальной Руси. Право собственности, можно сказать, у насъ еще юно. Самое слово „собственникъ“ еще не вошло въ обыденное употребленіе и составляетъ пока научный терминъ. Понятіе „владѣлецъ“ не обнимаетъ всего состава права собственности. Для означенія сельской поземельной собственности мы привыкли употреблять старинное слово—„помѣстье“ — синонимъ аренды казенной собственности, предоставлявшейся въ пользованіе лицъ, обязанныхъ тою или другою службою государству. Нельзя сказать, чтобы при недостаточной еще опредѣленности у насъ въ техническомъ отношеніи права собственности, не была горяча у насъ любовь къ родной землѣ и готовность къ ея защитѣ. Но въ обычное, спокойное время мы легко поддаемся мечтамъ объ иномъ, болѣе счастливомъ для всѣхъ соціальномъ строѣ, — мечтамъ, которыя, помимо нашей воли, подготовляютъ лишь почву для предосудительной дѣятельности заблуждающихся фанатиковъ.

„Будемъ всѣ мы, гг. члены, помнить, что право собственности есть единственная форма имущественныхъ отношеній, на которой могло остановиться человѣчество въ тысячелѣтнихъ стараніяхъ о своемъ благѣ,—что оно составляетъ для отдѣльныхъ лицъ наилучшій стимулъ къ трудовой дѣятельности, а слѣдовательно, лучше всякой иной формы ведетъ къ частному и общему благу. Не забудемъ, что если суровость права собственности влечетъ иногда къ печальнымъ явленіямъ незаслуженной бѣдности, то общественная жизнь нашего времени приходитъ на помощь разнообразіемъ благотворительныхъ учрежденій, а болѣе того—широко распространяющимся достаткомъ вслѣдствіе улучшенія путей сообщенія, усовершенствованія пріемовъ земельнаго пользованія, развитія промышленности и открытія новыхъ рынковъ сбыта. Все это мы осязательно видимъ въ здѣшней мѣстности".

Хотя я принялъ всѣ мѣры, чтобы сказанное осталось между сослуживцами, однако слова мои получили болѣе широкое распространеніе. Какъ ни старался я выдержать въ нихъ равновѣсіе между обѣими сторонами, но не могло не выйти наружу сочувствіе къ новому окружавшему меня міру, привлекавшему меня особенностями, не всегда находившими оцѣнку у болѣе сильной стороны. Соотечественники мои, видимо, отнеслись критически къ моимъ взглядамъ, нѣкоторые даже обидѣлись и вскорѣ предпочли оставить плоцкій судъ, перейдя въ варшавскія мировыя учрежденія. Зато, со стороны польскихъ уроженцевъ, слова мои были встрѣчены съ признательностью и, достигнувъ дальнѣйшихъ мѣстныхъ круговъ, создали мнѣ, съ первыхъ же шаговъ, ту атмосферу взаимнаго пониманія и расположенія, безъ которой едва ли возможна полезная дѣятельность должностного лица. Пришлось сообщить изложеніе рѣчи высшимъ инстанціямъ. Въ судебныхъ кругахъ Варшавы она встрѣтила приблизительно такое же отношеніе къ себѣ, какъ въ Плоцкѣ. Только Н. Н. Герардъ, сохраняя обычную привѣтливость, видимо уклонялся отъ разговора о ней. Воспользовавшись лѣтнимъ временемъ, я побывалъ въ Петербургѣ и при представленіи министру юстиціи нашелъ случай, въ разговорѣ, пожалѣть, что, быть можетъ, во вступительныхъ словахъ перешелъ границу, касаясь общихъ вопросовъ. „Отчего же, нѣтъ, — отвѣтилъ Д. Н. Набоковъ, — вы хорошо говорили; конечно, было бы лучше не говорить: вѣдь у насъ разныя вѣдомства различно смотрятъ на эти вопросы". Этимъ инцидентъ съ рѣчью былъ оконченъ.

Въ августѣ 1879 года, императоръ Александръ II посѣтилъ Варшаву, въ первый разъ послѣ печальныхъ событій 60-хъ годовъ. Предположеніе объ этой поѣздкѣ стало извѣстно заранѣе, и Д. Н.

Набоковъ испросилъ разрѣшеніе сопровождать государя, желая познакомить его съ новыми судебными учрежденіями въ Польшѣ, а главное, помочь судамъ въ случаѣ какихъ-либо наговоровъ на нихъ и столкновеній между властями. Императоръ пробылъ въ Варшавѣ недѣлю, производилъ обычные смотры и пріемы, посѣтилъ судебныя учрежденія, оказавъ знаки вниманія ихъ высшему персоналу, удостоилъ присутствіемъ данный генералъ-губернаторомъ балъ, на который отозвались и лица мѣстной аристократіи, и вообще чувствовалъ себя спокойно послѣ недавно пережитыхъ испытаній въ столицѣ, въ чемъ не скрывалъ удовольствія отъ окружающихъ. Министръ юстиціи, съ своей стороны, ближе знакомился съ личнымъ составомъ суда, собиралъ у себя предсѣдателей судовъ округа, велъ болѣе продолжительныя бесѣды съ судьями и прокуратурой у гостепріимнаго Н. Н. Герарда, дѣлясь свѣдѣніями о тѣхъ соображеніяхъ, которыя послужили основой узаконеніямъ, возбуждавшимъ на практикѣ недоразумѣнія. Изъ постороннихъ разговоровъ Д. Н. припоминается мнѣ, между прочимъ, то, что̀ имъ было разсказано о графѣ Лорисъ-Меликовѣ, приближавшемся въ то время къ центру управленія. Незадолго до отъѣзда Д. Н. Набокова въ Варшаву, его посѣтилъ графъ Лорисъ-Меликовъ, прибывшій въ Петербургъ послѣ объѣзда харьковскаго генералъ-губернаторства, и, передавая впечатлѣнія, вынесенныя изъ этой поѣздки, отозвался, что, „правду говоря, встрѣтилъ живыхъ людей только въ судебномъ вѣдомствѣ“.

Подъ вліяніемъ добраго настроенія императора, впечатлительное польское общество стало поговаривать о предстоящемъ возвращеніи автономіи царству, но слухъ этотъ, конечно, не оправдался, какъ возникшій въ кругахъ неосвѣдомленныхъ со всею громадностью арсенала мѣстныхъ ограничительныхъ постановленій и тяжеловѣсностью нашего законодательнаго механизма. Во всякомъ случаѣ, посѣщеніе Варшавы 1879 года имѣло долю вліянія на послѣдовавшее вскорѣ назначеніе въ Польшу генералъ-губернаторомъ генерала Альбединскаго, пользовавшагося въ Западномъ краѣ расположеніемъ мѣстныхъ жителей. На скромномъ плоцкомъ судѣ оно отразилось тѣмъ, что Д. Н. Набоковъ исходатайствовалъ назначеніе польскаго уроженца на открывшуюся вакансію русскаго члена, и не было встрѣчено препятствія къ назначенію прокуроромъ суда лица хотя русскаго происхожденія, но католическаго исповѣданія.

Невольно припоминается мнѣ одинъ эпизодъ, относящійся ко времени того же пребыванія государя Александра II въ Варшавѣ. Какъ извѣстно, за годъ до него состоялся берлинскій конгрессъ, а предъ самымъ посѣщеніемъ, между германскимъ и австрійскимъ правительствами происходили переговоры о заключеніи союза, получившаго впослѣдствіи

названіе тройственнаго, за присоединеніемъ къ нему Италіи. Хотя, по обычаю, для привѣтствія государя былъ присланъ изъ Берлина генералъ Мантейфель, бывшій намѣстникъ Эльзасъ-Лотарингіи, но, должно быть, германское правительство, по важности предшествовавшихъ событій, нашло присутствіе его одного недостаточнымъ, тѣмъ болѣе, что по особому желанію государя былъ приглашенъ сопровождать его въ поѣздкѣ тогдашній французскій посолъ, генералъ Шанзи, который и оставался въ Варшавѣ все время высочайшаго присутствія. Внезапно было получено извѣстіе о желаніи императора Вильгельма лично свидѣться съ государемъ на пограничной станціи Александрово. Государь императоръ тотчасъ отозвался на это предложеніе, и свиданіе состоялось. Чрезъ нѣкоторое время, случилось намъ быть въ Александровѣ, и, ожидая поѣзда, мы поинтересовались осмотрѣть станцію, особенно императорскія комнаты, во второмъ этажѣ зданія, приспособленныя тамъ для болѣе продолжительнаго пребыванія. Бодрый старикъ-сторожъ, украшенный военными отличіями, вызвался намъ показать. На вопросъ, видѣлъ ли онъ что-либо во время свиданія императоровъ, сторожъ съ чувствомъ гордости отвѣтилъ, что сначала его было отстранили пріѣхавшія съ государемъ лица, но когда наступилъ вечеръ, и императоры, повидимому, пожелали переговорить между собою въ полномъ уединеніи, государь Александръ II, выйдя въ переднюю и осмотрѣвъ находившихся, отпустилъ ихъ, а ему приказалъ остаться при дверяхъ на случай надобности. Затѣмъ онъ разсказалъ, что государи долго, долго разговаривали. „Было слышно, что нашъ горячился, безпрестанно брался за стаканъ и пилъ воду,—два раза вызывалъ перемѣнить графинъ. Я тихонько входилъ и выходилъ; что они говорили — я не понималъ, не зная по-нѣмецки, но чувствовалъ, что Александръ Николаевичъ—то что-то объяснялъ старику, то будто просилъ его, то даже упрекалъ. Сначала и старикъ говорилъ, потомъ меньше, а подъ-конецъ ужъ совсѣмъ пересталъ говорить. Было за́полночь, когда государи встали съ дивана и разошлись по спальнымъ покоямъ, а меня отпустили. Поутру они разстались".—Этотъ безхитростный разсказъ освѣтилъ намъ современное положеніе лучше, чѣмъ десятки передовицъ о свиданіи въ Александровѣ, посыпавшихся въ политической прессѣ.

Въ продолженіе всѣхъ шести лѣтъ моей службы въ Плоцкѣ, личный составъ окружнаго суда оставался почти тотъ же самый. Слѣдуетъ отдать справедливость нашимъ соотечественникамъ, что они не переставали проявлять всѣ тѣ свѣтлыя способности, трудолюбіе и горячность, которыя составляли отличительную черту нашихъ молодыхъ юристовъ въ эпоху судебной реформы и помогали имъ справляться

съ непосильнымъ подчасъ бременемъ занятій и житейскими невзгодами. Въ свою очередь, мѣстные уроженцы отличались основательнымъ знаніемъ законодательства, опытностью, умѣньемъ считаться съ новыми порядками и проводить ихъ въ жизнь съ точностью и безобидно для населенія. Образованіе, полученное въ русскихъ университетахъ и варшавской главной школѣ 60-хъ годовъ, помогало установленію между тѣми и другими единства воззрѣній и дѣйствій и какъ бы сливало ихъ въ одну семью, соревновавшую въ исполненіи обязанностей. Насколько дозволялъ законъ, судъ старался не затруднять дѣлопроизводства стѣсненіемъ мѣстнаго языка. Судьи и прокуратура, зная польскій языкъ, рѣдко обращались къ переводу свидѣтельскихъ показаній и документовъ. При такихъ условіяхъ судъ шелъ стройно и безъ замедленія. Адвокатура и нотаріатъ, дѣйствительно, имѣли при плоцкомъ судѣ прекрасныхъ представителей, оправдывавшихъ сочувственный отзывъ Д. Н. Набокова. Здѣсь были и серьезные юристы прежняго строя, и защитники современной марки, болѣе отзывчивые на тонкіе вопросы вмѣненія, и молодыя силы, замѣчательныя по теплотѣ чувства и поэтической образности выраженія, порой припоминавшія лучшихъ столичныхъ товарищей. Въ числѣ присяжныхъ повѣренныхъ было, между прочимъ, одно лицо, которое нѣкогда состояло членомъ сената вольнаго города Кракова и, по присоединеніи его въ 1848 году къ Австріи, предпочло найти убѣжище въ русской Польшѣ. Что касается нотаріусовъ, то серьезное отношеніе ихъ къ дѣлу можетъ характеризовать хотя бы тотъ фактъ, что нѣкоторые изъ нихъ, въ затруднительныхъ случаяхъ, не тяготились поѣздками въ Варшаву для окончательнаго разъясненія встрѣчавшихся сомнѣній, ища совѣта у извѣстныхъ юристовъ, какъ проф. Голевинскій и Спасовичъ. Вообще мы встрѣтили въ Плоцкѣ типъ того западно-европейскаго нотаріуса, который, заслуживъ знаніемъ и добросовѣстностью довѣріе обывателя, становится хранителемъ его имущественныхъ интересовъ, совѣтчикомъ семейныхъ дѣлъ, и полезнымъ посредничествомъ наиболѣе сближаетъ населеніе съ законнымъ строемъ, подъ которымъ оно живетъ.

Общественная жизнь г. Плоцка, въ наши дни, сосредоточивалась только въ городскомъ театрѣ и мѣстномъ клубѣ, такъ называемой „ресурсѣ". Усвоившія польскій языкъ должностныя лица и ихъ семейства имѣли возможность слышать въ театрѣ незаурядное исполненіе, какъ мѣстною, такъ и пріѣзжею познанскою труппами, серьезныхъ оригинальныхъ и переводныхъ пьесъ, а также общественныхъ итальянскихъ оперъ. Въ клубѣ бывали концерты съ участіемъ любительскихъ силъ и гастролеровъ, собиравшіе представителей всѣхъ слоевъ общества. Правда, окрестные землевладѣльцы рѣдко посѣщали клубъ, да и мало привлекательнаго было въ немъ для этихъ, въ большинствѣ,

упорныхъ тружениковъ, поглощенныхъ заботами веденія хозяйства. Въ плоцкой губерніи — прежней Мазовіи — мало крупныхъ землевладѣльцевъ, а такихъ обширныхъ частныхъ владѣній, какія встрѣчаются въ Западномъ краѣ, вовсе нѣтъ. Основной типъ землевладѣнія—средній, не знающій абсентеизма владѣльцевъ и цѣлой арміи посредниковъ между ними и рабочимъ людомъ, и какъ нельзя болѣе подходящій къ демократическимъ нормамъ гражданскаго кодекса. Тѣмъ не менѣе и въ этой средѣ встрѣчались люди образованные, освѣдомленные въ нашихъ и европейскихъ дѣлахъ, понимающіе трудность положенія не только мѣстнаго населенія, но и его невольныхъ сожителей, и самого правительства, которому выпалъ жребій вѣдать краемъ. Вообще, живя въ Плоцкѣ, можно было познакомиться со всѣми партіями — лучше сказать, настроеніями даннаго общества. Встрѣчались и немногіе вздыхатели по сѣдой старинѣ, и скромные чиновники Николаевскаго періода, перенесшіе на своихъ плечахъ, въ отсутствіе болѣе крѣпкихъ народныхъ силъ, его тяжелыя условія, находя себѣ утѣшеніе лишь въ возможности слышать, въ дѣловой жизни, родную рѣчь. Встрѣчались и свѣтлые, мужественные дѣятели переходныхъ лѣтъ половины вѣка, времени мимолетнаго возрожденія болѣе свободныхъ учрежденій подъ властною рукою графа Велепольскаго (маркиза Гонзаго-Мышковскаго), попадавшіе впослѣдствіи подъ усиленный надзоръ администраціи въ награду, должно быть, за стойкость въ защитѣ программы примиренія предъ напоромъ крайняго націонализма. Немалую роль играла въ обществѣ и современная молодежь — польская и еврейская — съ нравственными основами, какъ бы расшатанными противорѣчіемъ между традиціями дома и родины и результатами образованія въ гимназіяхъ и университетѣ новаго склада. Она видимо томилась отъ избытка силъ и желанія служить народу, трудно находившихъ примѣненіе при неравной конкурренціи съ пріѣзжимъ элементомъ. Для дѣятеля новаго суда, общеніе съ мѣстнымъ кругомъ, даже поверхностное, получало особую цѣну при уваженіи, которымъ изстари пользовался въ Польшѣ судебный персоналъ, въ виду нерѣдкихъ перемѣнъ не только административныхъ системъ, но и самаго подданства, содѣйствовавшихъ укрѣпленію въ населеніи сознанія незыблемости судебной власти.

При неоднородности состава общества въ г. Плоцкѣ, какъ и всякомъ другомъ губернскомъ городѣ Польши, посѣщеніе его въ свободное время не могло быть отдыхомъ, побуждая быть всегда на сторожѣ въ обращеніи. Тѣмъ дороже былъ отдыхъ въ тѣсномъ кругу сослуживцевъ, и невольно чувствовалась потребность привѣта тѣмъ изъ нихъ, кто добрымъ общеніемъ сотоварищей, безъ различія происхожденія, старался взаимно поддержать какъ пришельцевъ въ чужой край, такъ и коренныхъ его жителей, въ новой для нихъ обстановкѣ. При-

вѣтъ ихъ семействамъ, прилагавшимъ сердечную заботу, чтобы скрасить это общеніе всѣмъ тѣмъ, что выработала у каждаго родная традиція! Привѣтъ и природѣ, одарившей Польшу счастливыми климатическими условіями, дающими возможность забывать тревоги и заботы въ прогулкахъ, будь то въ ея прекрасную продолжительную весну, или умѣренное, никогда не лишенное влаги, лѣто, даже ея сухую осень, среди разнообразной растительности, питающей трудъ въ теченіе большей части года, и живописныхъ видовъ гористаго вислинскаго прибрежья! Одна только зима бывала тяжела для жителя сѣвера или степняка,—правда, короткая, но темная и сырая, лишенная прочнаго саннаго пути. Въ ея туманные, не то снѣжные, не то дождливые дни, жителю окраины города оставалось смотрѣть на зданіе тюрьмы, построенной еще во времена прусскаго господства (1795—1807 г.), и перечитывать надпись на воротахъ ея ограды: „Postrach rzuca na niecnych, dobrych ubezpiecza tym domem Frederyk Wilhelm III". Въ переводѣ: „Навелъ страхъ на негодныхъ, а добрыхъ охранилъ этимъ домомъ Фридрихъ Вильгельмъ III".

Въ 1880 году, въ памятные дни преобладающаго вліянія графа М. Т. Лорисъ-Меликова на внутреннее управленіе Россіи, населеніе Польши, чуткое ко всему, что могло отозваться на его ближайшихъ дѣлахъ, видимо сочувствовало настроенію правительства и ожидало отмѣны исключительнаго положенія, вызваннаго событіями 1863 года. Все это благопріятно отражалось и на отношеніяхъ его къ русскому составу суда. Такъ продолжалось и послѣ кончины императора Александра II, въ первый годъ царствованія его преемника, несмотря на знаменательное заявленіе въ манифестѣ 1881 года. Загадочный характеръ политики графа Н. П. Игнатьева, слухи о земскомъ соборѣ, продолжавшіяся чрезвычайныя ревизіи сенаторовъ, работы коммиссіи по реформѣ мѣстнаго управленія, поддерживали въ полякахъ надежду на возстановленіе болѣе нормальнаго строя и въ царствѣ польскомъ. Возвращеніе графа Толстого, въ 1882 году, къ активной дѣятельности, назначеніе его министромъ внутреннихъ дѣлъ, закрытіе кахановской коммиссіи и оставленіе наиболѣе яркаго обрусителя, Апухтина, руководителемъ учебной части въ краѣ, сразу положили конецъ мечтамъ. При всей личной благосклонности императора Александра III къ окружающимъ во время пребыванія въ новой резиденціи близъ Скерневицъ, уже не могло быть заблужденія въ возможности, въ близкомъ будущемъ, снесенія тяготѣвшихъ надъ краемъ обрусительныхъ порядковъ. Приговоръ судьбы былъ косвенно подтвержденъ свиданіемъ трехъ императоровъ. Утѣшеніемъ для населенія оставались

лишь продолжавшіеся переговоры съ папскимъ престоломъ о каноническомъ замѣщеніи епископскихъ каѳедръ, считавшихся вакантными со времени событій 60-хъ годовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, со смертью въ 1883 году генералъ-губернатора Альбединскаго и съ назначеніемъ на его мѣсто фельдмаршала Гурко, обострился характеръ ближайшей администраціи, значительно смягченный въ предшествующіе годы. Смѣнялись начальники губерній, въ томъ числѣ плоцкій губернаторъ С. И. Толстой, пятилѣтнее управленіе котораго оставило по себѣ добрую память. Какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, подняла голову темная служебная мелкота разныхъ наименованій, которой привольно лишь во мракѣ наговоровъ и репрессій.

Въ судебномъ вѣдомствѣ округа также произошли перемѣны. Н. Н. Герардъ въ концѣ 1882 года получилъ высшее назначеніе. Рѣдѣли случаи назначенія мѣстныхъ уроженцевъ на открывавшіяся вакансіи, пока они почти вовсе не прекратились, къ ущербу подготовленнаго варшавскимъ университетомъ значительнаго контингента юристовъ. Отнынѣ этимъ лицамъ, при желаніи посвятить себя государственной службѣ, оставалось или безсрочно прозябать въ званіи кандидатовъ и на канцелярскихъ должностяхъ, или принимать назначенія въ невѣдомыя страны восточныхъ округовъ, часто къ огорченію семействъ и вреду имущественныхъ интересовъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ отношеніе мѣстнаго общества къ русскимъ дѣятелямъ и судьямъ видимо измѣнилось: какъ улитка, вошло оно въ свою скорлупу, до наступленія болѣе свѣтлыхъ временъ. Съ своей стороны, и русское общество замкнулось въ тѣсный кругъ личныхъ дѣлъ. Въ началѣ 1885 года, я получилъ назначеніе въ Петербургъ и простился съ Плоцкомъ. Въ томъ же году Д. Н. Набоковъ оставилъ постъ министра юстиціи.

„On nous a surpassé, marquis“,—насъ превзошли, насъ преодолѣли,—такъ выразился императоръ Александръ II при встрѣчѣ съ графомъ Велепольскимъ въ 70-хъ годахъ въ Берлинѣ, характеризуя результатъ предпринятой нѣкогда попытки установить въ царствѣ польскомъ строй, который согласилъ бы законные интересы обѣихъ сторонъ,—попытки, рушившейся подъ напоромъ несовмѣстимыхъ требованій крайнихъ партій. Слова эти могли бы быть примѣнены не къ одному изъ дѣятелей послѣдующихъ лѣтъ, стремившихся къ той же цѣли и встрѣтившихъ на своемъ пути преграду какъ въ недостаточной еще распространенности сознанія ея благотворности, такъ и въ неискреннемъ характерѣ самыхъ учрежденій. Будущему предстоитъ сказать свое вѣское слово. Добрымъ подспорьемъ внѣшнихъ мѣръ здѣсь могло бы послужить стараніе о прекращеніи внутренней, неразумной вражды между братьями, забвеніе тѣхъ излишествъ, которыя были допущены

обѣими сторонами въ пылу борьбы и, къ сожалѣнію, повели къ установленію преувеличенныхъ воззрѣній и мѣропріятій, не отвѣчавшихъ дѣйствительности. Намъ припоминается разсказъ, переданный лицомъ, заслуживающимъ полнаго довѣрія, со словъ католическаго епископа Бересневича, знакомящій съ настроеніемъ императора Александра II, въ этомъ отношеніи, за нѣсколько дней до его кончины. 26-го февраля 1881 г. епископъ литовскій Бересневичъ представлялся государю по случаю перемѣщенія его на калишскую каѳедру. Государь удостоилъ его болѣе продолжительною бесѣдою, спрашивалъ о политическомъ настроеніи духовенства и дворянства въ литовскомъ краѣ. Епископъ успокаивалъ монарха, говоря, что наученное горькимъ опытомъ духовенство заботится лишь объ исполненіи прямыхъ обязанностей, а дворянство всецѣло обратилось къ сельско-хозяйственнымъ занятіямъ. Затѣмъ, ободренный высокимъ вниманіемъ, онъ, вставъ съ кресла, осмѣлился сказать: „Ваше величество, забудьте все прошлое". Легкая улыбка проскользнула тогда на устахъ императора, на глазахъ его показались слезы, и, взявъ старца за руки, онъ взволнованнымъ голосомъ отвѣтилъ: „Я и самъ думаю забыть".

С. Раевскій.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 октября 1907.

Начало выборовъ въ третью Думу. — Роль православнаго духовенства на выборахъ и вѣроятная—въ Думѣ.—Дѣйствительно ли вторая Дума была неработоспособна? — Составъ предстоящаго церковнаго собора.—Л. Н. Толстой объ убійствахъ.—Post-Scriptum.

Когда читатели „Вѣстника Европы" будутъ имѣть передъ собою настоящую хронику, уже извѣстны станутъ результаты избранія выборщиковъ. Когда мы ее пишемъ, завершилась лишь предварительная стадія выборовъ—избраніе уполномоченныхъ отъ волостей и отъ мелкихъ собственниковъ. На основаніи данныхъ, касающихся этой стадіи, ничего положительнаго о составѣ третьей Думы сказать нельзя, ибо не только уполномоченные отъ волостей, но и избранные ими выборщики по новому закону будутъ имѣть въ дальнѣйшемъ ходѣ выборовъ весьма ограниченное значеніе, а уполномоченные отъ мелкихъ собственниковъ сольются въ уѣздныхъ съѣздахъ съ собственниками крупными. Но если, такимъ образомъ, прошедшая уже предварительная стадія выборовъ не поднимаетъ завѣсы надъ практическимъ результатомъ третьяго обращенія къ населенію, то она даетъ рельефную картину господствующаго въ данный моментъ настроенія тѣхъ слоевъ народа, которые составляютъ главную численную массу.

Можно считать общими для всей Россіи—по крайней мѣрѣ центральной—два явленія, сопровождавшіе выборы уполномоченныхъ. Во-первыхъ, исключительно низкій процентъ являвшихся осуществлять свое избирательное право по отношенію къ общему числу имѣвшихъ его. Во многихъ уѣздахъ не состоялись выборы отъ нѣкоторыхъ волостей за неприбытіемъ на сходы законнаго числа десятидворныхъ, или въ виду упорнаго отказа избирателей произвести выборы,—какъ сообщалось въ одной изъ теллеграммъ. Еще въ бо̀льшемъ числѣ уѣздовъ не состоялись предварительные съѣзды самыхъ мелкихъ владѣльцевъ — собственниковъ менѣе одной пятой ценза. И едва ли будетъ ошибкою сказать, что повсемѣстно даже на съѣзды владѣльцевъ пятой части ценза избиратели являлись въ такомъ маломъ числѣ, что вмѣсто десятковъ уполномоченныхъ избирали одного, двухъ или трехъ. Только представители церковнаго имущества широко использовали — опять-таки почти повсемѣстно — свое право по-

сылать особыхъ уполномоченныхъ. Другое явленіе — болѣе чѣмъ скромное число попавшихъ въ уполномоченные, какъ по крестьянской, такъ и по рабочей куріямъ, представителей правыхъ политическихъ партій.

Въ уѣздѣ, въ которомъ мы принимали участіе въ первыхъ и вторыхъ выборахъ и принимаемъ—въ третьихъ, предварительные съѣзды прошли типично и характерно. Согласно распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, съѣздъ былъ раздѣленъ на три самостоятельныхъ: представителей церквей и монастырей, владѣльцевъ отъ 45 до 225 десятинъ и владѣльцевъ менѣе 45 десятинъ. Всѣ три съѣзда происходили въ одинъ день и въ одномъ мѣстѣ — въ уѣздномъ городѣ. На первый—изъ 109 занесенныхъ въ списки настоятелей явилось 90 съ правомъ избрать 29 уполномоченныхъ. На второй—изъ 71 избирателя прибыло и приняло участіе въ баллотировкѣ 5, имѣвшихъ право избрать, по суммѣ десятинъ принадлежащей имъ земли, всего одного уполномоченнаго. На третій—изъ 1.114 избирателей явилось 10, и такъ какъ сумма десятинъ принадлежащей явившимся земли оказалась менѣе полнаго ценза, то съѣздъ былъ объявленъ несостоявшимся. Всего, такимъ образомъ, мелкое землевладѣніе получило представительство на совмѣстномъ съ крупными собственниками уѣздномъ съѣздѣ въ лицѣ 30 уполномоченныхъ вмѣсто 93. Самое дробное землевладѣніе, т.-е. въ громадномъ большинствѣ распредѣляющееся между лицами, которыя своимъ трудомъ обрабатываютъ землю, вмѣсто 27— ни одного. Среднее вмѣсто 31 — одного. Церковное вмѣсто 35 — 29 (послѣ „разъясненія“ осталось 26). Насколько измѣнилось соотношеніе классовыхъ силъ, сравнительно со вторыми выборами, показываютъ слѣдующія цифры: тогда въ съѣздѣ уѣздныхъ землевладѣльцевъ фактически приняли участіе 38 крупныхъ собственниковъ и 63 уполномоченныхъ; въ числѣ послѣднихъ было 5 священниковъ и 58 крестьянъ.

Кстати. На предварительномъ съѣздѣ среднихъ собственниковъ имѣлъ мѣсто эпизодъ, рельефно показывающій одну изъ техническихъ несообразностей дѣйствующаго избирательнаго закона. По смыслу избирательнаго права само собою разумѣется, что участіемъ въ голосованіи избиратель можетъ дѣйствовать только въ пользу своихъ политическихъ воззрѣній или своей политической партіи. Участіе же во вредъ себѣ и въ пользу своихъ противниковъ есть, конечно, совершенный абсурдъ, о которомъ нечего, казалось бы, и говорить. Между тѣмъ, система опредѣленія числа подлежащихъ избранію уполномоченныхъ суммою десятинъ земли, принадлежащей явившимся, приводитъ именно къ возможности такого абсурда. Въ сущности на съѣздъ прибыло не 5 лицъ, а 6. Изъ нихъ пять однородныхъ политическихъ убѣжденій, а шестой — рѣзко отличныхъ. Этотъ шестой,

какъ владѣлецъ 204 десятинъ, своимъ участіемъ далъ бы право съѣзду избрать второго уполномоченнаго. Быть избраннымъ самому онъ не имѣлъ никакихъ шансовъ. Также онъ былъ безсиленъ оказать какое бы то ни было вліяніе на выборы. При его участіи вся разница въ результатѣ состояла бы лишь въ томъ, что оба уполномоченные получили бы по одному шару налѣво противъ четырехъ — направо (не считая своихъ). Но при избраніи выборщиковъ его единомышленники имѣли бы лишній противъ себя голосъ. Иными словами, своей явкой онъ не только не оказалъ бы имъ никакого содѣйствія, но причинилъ бы и имъ, и своимъ политическимъ убѣжденіямъ, прямой вредъ. Сообразивъ эту простую комбинацію, онъ предпочелъ—до оффиціальнаго открытія съѣзда—уйти и отказаться отъ исполненія своего гражданскаго долга. Полагаемъ, что по совѣсти онъ не могъ поступить иначе.

Абсентеизмъ избирателей при выборахъ въ третью Думу не есть явленіе неожиданное. Напротивъ, его и можно, и должно было ожидать. Какъ внѣшній показатель, напомнимъ хотя бы крайнюю пассивность городскихъ избирателей къ занесенію своихъ именъ въ списки. Избиратели внѣ-городскіе не обязаны сами заботиться о включеніи въ списки; но если городъ сталъ политически пассивнымъ, то и безъ особыхъ показателей нельзя было не ожидать, что тонъ интереса къ выборамъ не менѣе упадетъ въ деревнѣ. Помнится, намъ случилось услышать отъ одного крестьянина такое разсужденіе. „Зачѣмъ я пойду въ уполномоченные? Дума будетъ правая. Но вѣдь ее тоже скоро разгонятъ. А тогда ужъ меня крестьяне ни за что больше выбирать не будутъ. Скажутъ, что я, хоть мало, да участвовалъ въ выборахъ правой Думы“. Это объясненіе, если не бойкота, то абсентеизма, весьма характерно: населеніе приняло выжидательное положеніе, и третья Дума въ его глазахъ дискредитирована. Съ другой стороны, деревенское населеніе не могло не оцѣнить ничтожности конечнаго значенія отведенной ему роли при выборахъ. Передъ изданіемъ закона 11-го декабря, какъ извѣстно, и въ правительственныхъ сферахъ были сторонники системы всеобщаго голосованія. На основѣ этой системы былъ даже изготовленъ законопроектъ. Совѣщаніе его отвергло, и при этомъ однимъ изъ наиболѣе сильныхъ аргументовъ противъ всеобщаго голосованія выставлялась опасность, что крестьяне отвѣтятъ аграрными безпорядками на отнятіе отъ нихъ сословно-привилегированнаго участія въ выборахъ, дарованнаго имъ положеніемъ 6-го августа. Такое отнятіе совершилось и даже больше: привилегированное участіе замѣнено не равноправнымъ съ другими классами, а пониженнымъ. Аграрными безпорядками крестьяне на него не отвѣтили, какъ не отвѣтили бы и на всеобщее голосованіе въ первую

избирательную кампанію. Но эта сторона закона 3-го іюня не могла остаться не отмѣченной въ ихъ сознаніи. Вовсе не такъ ужъ трудно додуматься до печальной для крестьянъ мысли: выбирай—не выбирай уполномоченныхъ, все равно выбирать членовъ въ Думу будутъ помѣщики—господа.

Есть и глубокая внутренняя причина абсентеизма—утрата вѣры въ конституціонную идею. Любопытно трактуетъ эту причину „Русское Знамя“: „Доморощенные россійскіе конституціоналисты—писала, какъ-то, газета—повѣсили носъ: повсюду, гдѣ только были выборы въ третью Государственную Думу, масса населенія отнеслась къ идеѣ народнаго управленія съ глубокимъ презрѣніемъ. На выборы явилось такое ничтожное число избирателей, что во многихъ мѣстахъ поднимались вопросы, можно ли считать такіе выборы правильными. Во многихъ уѣздахъ выборы даже и не состоялись, такъ какъ изъ избирателей на выборы не явился никто. Вотъ какъ отвѣчаетъ русскій народъ на насильно ему навязанную и чуждую ему форму управленія страною“. Объясненіе „Русскаго Знамени“, конечно, вздорное. Абсентеизмъ избирателей, конечно, и тѣни не имѣетъ презрительнаго отвѣта на „насильно навязанную форму управленія страною“. Не потому утратилась вѣра въ конституціонную идею, что она сама по себѣ „претитъ духу русскаго народа“—тогда ее не было бы ни при вторыхъ, ни при первыхъ выборахъ. Объясненіе лежитъ въ томъ, о чемъ мы писали и въ прошломъ, и въ позапрошломъ мѣсяцахъ. Но фактъ остается фактомъ, съ которымъ предстоитъ считаться и который впредь должны всегда помнить, какъ третья Дума, такъ равно и правительство. За третьей Думой будутъ стоять съ особой политической физіономіей не представляемыя Думою и лишенныя прямого пути для выраженія желаній, воли и настроенія народныя массы.

„Петербургское телеграфное агентство“ ежедневно оповѣщало о ходѣ выборовъ уполномоченныхъ съ указаніемъ ихъ партійнаго распредѣленія, но съ осторожными, впрочемъ, вставками, вродѣ: „причисляютъ себя“, „называютъ“ или „считаютъ“. Беремъ на выдержку сводку данныхъ изъ телеграммъ о выборахъ за 16-е сентября. По десяти губерніямъ въ этотъ день было избрано крестьянами 1.215 уполномоченныхъ. Изъ нихъ соціалъ-демократовъ—1, лѣвыхъ—109, кадетовъ—21, партіи реформъ—33, умѣренныхъ—8, октябристовъ—21, безпартійныхъ — 631, неизвѣстныхъ — 132, монархистовъ — 12, правыхъ—255, союза русскаго народа—1. Рабочими въ тотъ же день были избраны 108 уполномоченныхъ: соціалъ-демократовъ—20, лѣвыхъ—22, безпартійныхъ—24, неизвѣстныхъ—26, правыхъ—20. Отъ съѣздовъ землевладѣльцевъ—397: соціалъ-демократовъ—2, кадетовъ—40, умѣренныхъ—7, октябристовъ—1, монархистовъ—1, правыхъ—119,

неизвѣстныхъ—50, безпартійныхъ—186. Отъ духовенства—364: лѣвыхъ—12, кадетовъ—13, прогрессистовъ—34, правыхъ—103, неизвѣстныхъ—202. Приведенныя цифры проблематичны, но несовсѣмъ. По условіямъ, въ которыхъ оффиціальное агентство собираетъ свѣдѣнія, они въ отношеніи легализованныхъ партій представляются если не точными, то въ сторону преувеличенія. А въ отношеніи партій не-легализованныхъ—наоборотъ. Даже въ первой Думѣ—припоминается намъ—когда секретаріатъ собиралъ отвѣты о принадлежности къ партіямъ, соціалисты-революціонеры по убѣжденіямъ не всегда называли себя таковыми. Кто же повѣритъ, что уполномоченные, которымъ предстоитъ—послѣ дня избранія выборщиковъ—вернуться домой, подъ бдительное око урядниковъ, становыхъ и земскихъ начальниковъ, станутъ всѣ поголовно откровенно называть себя начальству лѣвыми или хотя бы кадетами? Вся масса „безпартійныхъ", „умѣренныхъ", а пожалуй и „неизвѣстныхъ", можно сказать съ увѣренностью, принадлежитъ къ оппозиціи. Изъ крестьянъ они, по всей вѣроятности—трудовики, которыхъ, кстати сказать, по номенклатурѣ агентства будто бы вовсе не существуетъ. Словомъ, цифры октябристовъ, монархистовъ и правыхъ ни въ какомъ случаѣ не выше дѣйствительныхъ. А оказывается, что всѣхъ такихъ уполномоченныхъ 16-го сентября избрано: по крестьянской куріи 289 изъ 1.215; по рабочей—20 изъ 108; по мелко-землевладѣльческой—121 изъ 397, и даже отъ духовенства—103 изъ 364. Результатъ политики „успокоенія" поистинѣ разительный! Изъ частностей стоитъ отмѣтить: октябристовъ 16-го сентября по всѣмъ куріямъ избрано 22, членовъ союза русскаго народа—1. Мы не выдаемъ итоговъ одного дня за общіе. Но общіе если и отличаются отъ нихъ, то не въ пользу реакціи.

Неширокое использованіе министромъ внутреннихъ дѣлъ въ центральныхъ губерніяхъ права дѣлить съѣзды, сравнительно съ предѣлами, предоставленными его усмотрѣнію, о чемъ мы писали мѣсяцъ назадъ, выдвинуло, однако, на первое мѣсто въ лицѣ православныхъ священниковъ новый политическій элементъ. Въ рядахъ, какъ первыхъ, такъ и вторыхъ народныхъ представителей, православныхъ священниковъ было, вообще говоря, немного. Небольшой процентъ они составляли также среди выборщиковъ и участниковъ уѣздныхъ съѣздовъ—во всякомъ случаѣ, не такой, чтобы, соединившись, они могли гдѣ-либо играть рѣшающую роль и диктовать условія землевладѣльцамъ. Причина коренилась въ томъ, что, при территоріальномъ дѣленіи общихъ по размѣру и роду цензовъ предварительныхъ съѣздовъ, они въ каждомъ отдѣленіи съѣзда являлись единицами, имѣя противъ себя десятки, если не сотни, мелкихъ собственниковъ-крестьянъ. Теперь обстоятельства совершенно измѣнились. Въ нашемъ,

напримѣръ, уѣздѣ трудно ожидать, чтобы на уѣздный съѣздъ явилось болѣе 30—35 землевладѣльцевъ. Если бы они были однородны, то 26 голосовъ священниковъ ничего не могли бы подѣлать. Но въ томъ-то и дѣло, что во всѣхъ земскихъ губерніяхъ землевладѣльцы дѣлятся на два непримиримыхъ лагеря: на земскихъ „правыхъ" и земскихъ „лѣвыхъ". Въ сущности, партійныя дѣленія на кадетовъ, октябристовъ и т. п. въ землевладѣльческую среду проникли далеко не такъ, какъ это можетъ казаться изъ Петербурга. Какъ показали земскіе выборы прошлаго и нынѣшняго годовъ, а также іюньскій и августовскій земскіе съѣзды, старое дѣленіе, слагавшееся въ теченіе сорока лѣтъ,—и сильно, и непереходимо. На земскихъ выборахъ побѣда осталась за „правыми". Однако, нельзя забывать, что въ земскихъ выборахъ участвуютъ одни дворяне, что отъ нихъ не устранены военнослужащіе и что на нихъ играютъ роль довѣренности землевладѣлицъ, создающія для многихъ двойные голоса. При предстоящихъ выборахъ въ Государственную Думу „правая" и „лѣвая" группы землевладѣльцевъ будутъ, вѣроятно, почти равны силами,—пожалуй, съ самымъ незначительнымъ перевѣсомъ для „правой". А если такъ, то рѣшеніе всѣхъ вопросовъ будетъ цѣликомъ принадлежать духовенству. Конечно, и среди духовенства существуютъ различныя политическія теченія. Но насколько различіе ихъ реально—не идейно—глубоко, судить объ этомъ нѣтъ данныхъ. Во всякомъ случаѣ, оно не настолько глубоко, какъ между „правыми" и „лѣвыми" земцами.

Чѣмъ объяснить поражающую аккуратность явки православнаго духовенства къ избирательнымъ урнамъ? Съѣздъ происходилъ въ воскресенье. Въ трехъ четвертяхъ селъ уѣзда не служились, слѣдовательно, обѣдни. Мало того: какъ извѣстно, начало сентября есть время, когда священники обходятъ приходы и собираютъ „осенщину"—зерно, ленъ и проч. Думаемъ, что безъ начальственнаго воздѣйствія дѣло не обошлось. Но если такъ, то не ошиблось ли начальство? Наши впечатлѣнія скорѣе говорятъ—да, чѣмъ нѣтъ. На „правыхъ" земцевъ избраніе такой массы священниковъ-уполномоченныхъ произвело удручающее дѣйствіе. Для нихъ отвѣтственность министерства, исключительныя положенія и даже амнистія — вопросы второстепенные. Ихъ главная мечта минуты—какъ можно дороже продать землю. Въ земельномъ же вопросѣ—они этого не могутъ не знать — священникъ, по классовымъ интересамъ и по своимъ симпатіямъ, гораздо ближе къ мужику, чѣмъ къ барину. На предвыборное собраніе, состоявшееся въ самый день избранія уполномоченныхъ, землевладѣльцевъ явилось немного, изъ священниковъ же не пришли только старики—протоіереи и еще два-три завѣдомыхъ черносотенца. Собраніе прошло оживленно и весьма интересно. Священники больше спрашивали, нежели гово-

рили. И центральнымъ вопросомъ бесѣды былъ тотъ вопросъ, который въ прошлые и позапрошлые выборы почти нигдѣ не поднимался,—вопросъ церковный. Чувствовалось, что духовенство сознало и поняло свою силу, и что вопросъ объ отношеніяхъ между пастырями и паствою оно отнюдь не намѣрено замалчивать. „Помірушеченье" намъ надоѣло,—повторяли сельскіе батюшки,—духовенству надо положить жалованье. Одинъ ораторъ, изъ священниковъ, прямо говорилъ о неудовлетворительности, съ точки зрѣнія церковнаго вопроса, рѣшительно всѣхъ программъ и о необходимости для православнаго духовенства образовать въ Думѣ самостоятельную фракцію. Въ томъ, что онъ намѣчалъ, однако, и намека не было на идеалы такъ-называемыхъ монархистовъ и даже октябристовъ современнаго типа. Гораздо явственнѣе слышались противоположные звуки. Не загадывая впередъ, мы пока отмѣчаемъ фактъ: въ третьей Думѣ будутъ десятки Тихвинскихъ, Архиповыхъ, Колокольниковыхъ, Огневыхъ и Афанасьевыхъ, но уже не трудовиковъ, кадетовъ и соціалистовъ, а въ лицѣ самостоятельной оппозиціонной группы... Во время того же предвыборнаго собранія дворянинъ-землевладѣлецъ, изъ косноязычныхъ—ярый „столпъ отечества"—всѣмъ надоѣдалъ длиннымъ разсказомъ о томъ, какъ онъ запродалъ-было землю, но пріѣхавшій управляющій отдѣленіемъ крестьянскаго банка „взбунтовалъ" крестьянъ, которые теперь соглашаются уже дать только по 90 рублей за десятину, вмѣсто 150. Чего онъ не говорилъ! И объ исторической роли дворянства, и о гнилой бюрократіи, и о священномъ правѣ собственности, и т. д., и т. д. Онъ все спрашивалъ совѣта: послать ли ему телеграмму П. А. Столыпину, или нѣтъ. Видно было, что ему и денегъ получить побольше хочется, и страшно...

Неработоспособность второй Думы еще до роспуска ея какъ-то сразу стала общимъ мѣстомъ. Такъ всѣ рѣшили, и противъ этого даже тогда почти не спорили, а теперь не спорятъ—подавно. Доказательствъ въ защиту категоричнаго утвержденія, однако, не приводятъ. А между тѣмъ, если вдуматься въ него, то нельзя по крайней мѣрѣ не усомниться въ его правильности. Чѣмъ и въ чемъ вторая Дума обнаружила неспособность исполнять работу, которая для нея очерчена закономъ? Въ какой мѣрѣ возможно и справедливо требовать способность къ сложной и трудной законодательной работѣ отъ народнаго представительства, не имѣющаго опыта въ прошломъ? Была ли вторая Дума неработоспособна въ предѣлахъ справедливыхъ требованій? Наконецъ, что значитъ работоспособность законодательнаго учрежденія вообще, и что должно принимать показателями ея?

Всѣ эти вопросы отнюдь не получили столь опредѣленныхъ отвѣтовъ, чтобы неработоспособность второй Думы дѣйствительно могла считаться истиной, не требующей доказательствъ. Имъ слѣдовало бы еще предпослать оговорку объ условіяхъ революціонной эпохи. Но попытаемся въ нихъ разобраться на чисто дѣловой почвѣ, безъ этой оговорки, игнорируя боевой подъемъ настроенія въ населеніи и духъ протеста, руководившіе выборами. Дума прожила сто-четыре дня и къ моменту роспуска не окончила разсмотрѣнія ни одного существенно важнаго изъ внесенныхъ министерствомъ законопроектовъ, а главное—бюджета. Вмѣсто того—она занималась запросами и програмными рѣчами на общія темы. Въ составѣ Думы была значительная часть членовъ, изъ которыхъ одни не желали заниматься дѣловой работой, а другіе явно не умѣли. Въ Думѣ не было сплоченнаго устойчиваго большинства. Вотъ ходячія положенія, изъ которыхъ дѣлается заключеніе: Дума была неработоспособна.

Что въ Думѣ было нѣсколько десятковъ членовъ слѣва и около десятка—справа, которые отвергали дѣловую работу (почему и насколько имѣли для того основанія—стоитъ за предѣлами принятой постановки вопроса) и сознательно стремились сводить засѣданія на митинги—это вѣрно. Но развѣ можно мыслить о представительствѣ, въ которомъ вовсе не было бы членовъ, отрицающихъ законный смыслъ парламентской работы и ставящихъ своей задачей дѣйствовать черезъ стѣны палатъ? Что же, однако, отсюда слѣдуетъ? Еслибы такіе члены Думы составляли большинство, то, конечно, для вывода было бы основаніе. Этого не было, и можно лишь сказать, что Дума имѣла тормазъ, сильно мѣшавшій дѣловой работѣ,—мѣшавшій работѣ, но не останавливавшій ее. Что въ Думѣ была цѣлая половина, если не больше, членовъ, совершенно не подготовленныхъ къ законодательной дѣятельности—тоже вѣрно. Но, опять, что слѣдуетъ отсюда? Только то, что трудъ въ Думѣ распредѣлялся неравномѣрно и всей тяжестью своей падалъ не на пятьсотъ человѣкъ, а, можетъ быть, всего на сто. Скажемъ больше: и эти сто человѣкъ во второй Думѣ были не сплошь сильные для работы люди. Россія не богата такими людьми, и лишеніе ста-восьмидесяти членовъ первой Думы права возобновить полномочія не могло не отозваться. Еслибы въ составѣ второй Думы было не двадцать-шесть только вторично избранныхъ членовъ и не сотни такихъ, для которыхъ еще предстояло учиться работѣ, то дѣло бы шло несомнѣнно успѣшнѣе. Успѣшнѣе—не значитъ, однако, что безъ этого условія дѣло не шло вовсе и, тѣмъ болѣе, что оно не могло идти въ будущемъ, если не съ полнымъ успѣхомъ, то съ нѣкоторымъ.

Одинаково вѣрно, что въ Думѣ не было устойчиваго большинства. Но что оно не могло образоваться—судить къ моменту роспуска было

преждевременно. Насколько припоминается, всего одинъ разъ—по поводу отвѣта на запросъ министра юстиціи—было принято случайное рѣшеніе. Вообще составъ членовъ Думы дѣлалъ ходъ работы чрезвычайно затруднительнымъ—противъ этого спорить нельзя. Но съ исключительно большимъ напряженіемъ силъ со стороны дѣловыхъ работниковъ, которые были во всѣхъ національныхъ и территоріальныхъ группахъ и партіяхъ, кромѣ, пожалуй, соціалъ-демократовъ и крайнихъ правыхъ,—работу, все-таки, вести удавалось. Съ этой точки зрѣнія, въ лицахъ, близко стоявшихъ къ думскому дѣлу, успѣло сложиться убѣжденіе, что Дума, какъ говорятъ въ деревнѣ, „образуется".

По поводу существа вносившихся и принимавшихся Думою запросовъ, конечно, могутъ быть разныя мнѣнія. Но законъ, который далъ Думѣ право запросовъ, тѣмъ самымъ возложилъ на нее обязанность примѣнять этотъ способъ надзора за закономѣрностью дѣйствій органовъ исполнительной власти. Предъявленіе запросовъ—такая же функція Государственной Думы, какъ разсмотрѣніе законопроектовъ. А потому болѣе, чѣмъ странно, выводить неработоспособность Думы изъ того, что она удѣляла время запросамъ. Вотъ если бы она вовсе запросовъ не дѣлала, тогда можно было бы говорить о ея неработоспособности, по крайней мѣрѣ въ этой отрасли возложенныхъ на нее задачъ. Чтобы устранить подозрѣніе въ отсутствіи объективности, можно признать, что среди запросовъ были и слабо въ дѣловомъ отношеніи обоснованные. Допустимъ даже, что такихъ запросовъ было много. Но можно ли забывать, напримѣръ, запросъ по дѣлу Кобловыхъ и Тараканниковыхъ, который по силѣ дѣлового освѣщенія одинъ покрываетъ недочеты всѣхъ необоснованныхъ?

Близко къ дѣятельности по надзору стоитъ возложенная на Думу обязанность по повѣркѣ отчета по исполненію росписи. Въ Думу былъ внесенъ отчетъ за 1905 годъ, который, какъ и бюджетъ на 1907 г., остался неразсмотрѣннымъ. Многимъ ли, однако, извѣстно, что такое отчетъ и въ какихъ условіяхъ предстояло произвести его повѣрку? Коммиссіей, избранной Думою, по этому предмету былъ выработанъ докладъ, но, къ сожалѣнію, до 3-го іюня коммиссія не успѣла его представить. Отчетъ—это нѣсколько томовъ сплошныхъ цифръ, безъ всякаго объяснительнаго и руководящаго при повѣркѣ матеріала. Разобраться въ отчетѣ, не имѣя заключеній спеціально для даннаго дѣла существующаго учрежденія—государственнаго контроля,—совершенно немыслимо. Коммиссія просила сообщить заключенія—получила отказъ. Ей объявили, что заключенія для нея не нужны. Въ чемъ же должна состоять работа Думы по повѣркѣ отчета, спрашивали члены коммиссіи, и какъ повѣрялъ отчетъ въ до-конституціонное время старый Государственный Совѣтъ? Имъ дали отвѣтъ на вторую поло-

вину вопроса, предоставляя самимъ догадываться объ отвѣтѣ на первую. Государственный Совѣтъ никогда отчета не разсматривалъ, а просто принималъ къ свѣдѣнію. Вѣроятно, такую же „работоспособность" желательно было видѣть и въ Думѣ!

Въ оцѣнкѣ законодательной дѣятельности Думы намѣренно игнорируется, что по закону эта ея функція состоитъ не только въ разсмотрѣніи министерскихъ законопроектовъ, но также и въ осуществленіи права (слѣдовательно, и обязанности) законодательной иниціативы. Министрамъ, внесшимъ въ Думу до двухъ аршинъ печатныхъ законопроектовъ (по вѣсу—до шести пудовъ на каждаго члена Думы), естественно было считать, что они вполнѣ использовали законодательную иниціативу. Но законъ смотритъ на дѣло иначе. А потому самостоятельное внесеніе членами Думы въ значительномъ числѣ предположеній и проектовъ, ни въ какомъ случаѣ, не можетъ быть принимаемо за показатель неработоспособности. Какъ и по поводу запросовъ, здѣсь могутъ быть разныя мнѣнія по существу. Въ отношеніи же вывода о способности къ работѣ, здѣсь едва ли возможно найти основанія не только для разныхъ, но и для двухъ мнѣній.

Далѣе, въ учетѣ дней работы берется полный срокъ — съ 20-го февраля до 3-го іюня, т.-е. почти треть года, и ничто не исключается. Въ дѣйствительности же необходимо исключить весьма много рабочихъ дней. Во-первыхъ, перерывъ вслѣдствіе обвала потолка, продолжавшійся около двухъ недѣль. Такого долгаго перерыва собственно думскихъ засѣданій не было. Но вся дѣловая, черная работа неизбѣжно остановилась на все время, пока члены Думы не могли заниматься въ Таврическомъ дворцѣ. Во-вторыхъ, перерывъ, тоже около двухъ недѣль, пасхальнаго отдыха. Скажутъ, пожалуй, что отдыхъ былъ выдуманъ нарочно, чтобы лѣвые члены Думы могли уѣхать для революціонной пропаганды на мѣстахъ избранія. Этому противопоставимъ, что разъѣхались наиболѣе сплошной массой и ранѣе всѣхъ представители именно тѣхъ политическихъ направленій, откуда идутъ упреки въ неработоспособности Думы. Уже съ половины шестой недѣли поста скамьи октябристовъ и правыхъ были на три четверти пусты. А въ первые дни страстной—на нихъ сидѣло не болѣе 10—15 человѣкъ. Независимо отъ этого, какой добросовѣстный человѣкъ возьметъ на себя смѣлость утверждать, что послѣ двухъ мѣсяцевъ невѣроятнаго нервнаго напряженія члены Думы не имѣли права отдохнуть? Наконецъ, въ-третьихъ, необходимо исключить все время, потраченное на работу организаціонную—на мѣшкотную процедуру избранія президіума и до двадцати коммиссій, на повѣрку полномочій, на составленіе и разсмотрѣніе наказа и на выработку штатовъ канцеляріи. Одна повѣрка полномочій отняла огромное количество вре-

мени и силъ. Что этого не могло не быть—достаточно вспомнить условія, въ которыхъ происходили выборы, циркуляры, разъясненія, и т. д., и т. д. Если сдѣлать необходимыя исключенія, то окажется, что Дума не окончила разсмотрѣнія бюджета и главныхъ министерскихъ законопроектовъ не въ сто-четыре дня, а въ срокъ гораздо меньшій. И если есть чему удивляться, то не тому, чего вторая Дума не сдѣлала, а тому, что она успѣла сдѣлать.

То, что прошло черезъ общія засѣданія Думы, извѣстно. Но выразилась работа Думы—и если не работоспособность, какъ положительный фактъ, то несправедливость обратнаго утвержденія,—главнымъ образомъ, въ работахъ коммиссій. Туго она началась, туго шла вначалѣ, но къ концу стала налаживаться и въ нѣкоторыхъ изъ коммиссій успѣла наладиться, несмотря на противодѣйствіе членовъ Думы, отвергавшихъ дѣловую дѣятельность, и на совершенно безобразную внѣшнюю ея обстановку.

Что это были за внѣшнія условія—достойно вниманія. Только двѣ коммиссіи—бюджетная и по повѣркѣ отчета—имѣли свои постоянныя помѣщенія. Всѣмъ остальнымъ приходилось кочевать, отыскивая свободную комнату. Нерѣдко можно было встрѣтить въ залахъ дворца путешествующую коммиссію съ книгами, бумагами, чернильницами и перьями въ рукахъ. Министерская строительная коммиссія имѣла въ распоряженіи три комнаты, буфетъ—рядъ залъ, бюро печати и фракціи—отдѣльныя изолированныя помѣщенія, стенографисты и переписчицы—тоже, а думскія коммиссіи могли засѣдать тамъ, куда ихъ изъ любезности пускали. Юридическая коммиссія, разсматривавшая законопроектъ о неприкосновенности личности, только за двѣ недѣли до роспуска Думы получила экземпляръ свода законовъ. Собранія узаконеній—не было. Дѣлопроизводителей приходилось учить азбукѣ. Пусть бы другое учрежденіе, не состоящее изъ людей, посланныхъ народомъ и проникнутыхъ идеей народнаго представительства, попробовало работать въ такихъ условіяхъ!

Перечень всѣхъ законопроектовъ, разсмотрѣніе которыхъ въ коммиссіяхъ было къ 3-му іюня завершено или подготовлено, составилъ бы объемистый списокъ. Между прочимъ, Думу упрекаютъ, что она отклонила предложеніе, исходившее отъ октябристовъ, образовать особую коммиссію для разсмотрѣнія дѣловыхъ законопроектовъ второстепеннаго значенія и тѣмъ остановила текущую законодательную дѣятельность. Но кто работалъ бы въ такой коммиссіи, требовавшей отъ ея членовъ большой технической подготовки? Передъ Думой была альтернатива: или отдаться всецѣло текущему законодательству, или выдвинуть впередъ вопросы первостепенной важности. Она избрала

второй исходъ, но дѣлала постоянныя отступленія, если они вызывались необходимостью.

Такъ, по внесеніи военнымъ министромъ законопроекта о контингентѣ новобранцевъ, и коммиссія, и Дума срочно его разсмотрѣли въ четыре дня. Такъ, срочно же были выдѣлены законопроекты о пароходствѣ на Дальнемъ Востокѣ, 28 законопроектовъ министерства народнаго просвѣщенія и немало другихъ. Изъ законопроектовъ первостепеннаго значенія, спеціальной коммиссіей Думы былъ вполнѣ законченъ проектъ закона о неприкосновенности личности. Насколько усердно и „работоспособно" занималась коммиссія, будетъ судить тотъ историкъ русскаго права, который посвятитъ себя изученію этого больного вопроса нашего законодательства. Онъ навѣрное не остановится въ сомнѣніи, чьему проекту отдать предпочтеніе даже со стороны технической—думской ли коммиссіи, или междувѣдомственнаго совѣщанія. Исполнить работу болѣе полно и болѣе скоро—физически было невозможно.

Работу бюджетной коммиссіи роспускъ Думы оборвалъ на второй половинѣ, когда готовъ былъ исчезнуть митинговый характеръ засѣданій. И въ отношеніи бюджета первый же приступъ къ дѣлу показалъ, что еслибы Дума или ея коммиссія пошли по системѣ работы стараго Государственнаго Совѣта, то онѣ не были бы достойны довѣрія, вотированнаго членамъ Думы на выборахъ. Нашъ бюджетъ—не лѣсъ, а непроходимыя дебри, въ теченіе вѣковъ заросшія ползучими порослями, которыя отъ времени обратились въ могучіе стволы. Каждая страница смѣтъ раскрывала совершенно неожиданные пріемы веденія бюджетнаго хозяйства и заставляла останавливать вниманіе на томъ, что̀ по первому впечатлѣнію кажется безспорнымъ. Если не каждая страница, то каждый десятокъ страницъ раскрывалъ курьёзы, вродѣ жалованья, неизвѣстно за что̀ получаемаго болѣе сорока лѣтъ титулованнымъ публицистомъ.

Коммиссія далека была отъ мысли сразу все упорядочить въ бюджетѣ. Но она обязана была дать по бюджету заключеніе и хотя грубо отдѣлить, что̀ подлежитъ утвержденію и что̀ не подлежитъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ на ней лежалъ долгъ намѣтить основные принципы финансовыхъ реформъ. Не знаемъ, какое представительство въ силахъ было бы справиться съ задачей менѣе чѣмъ въ полгода. Германскій рейхстагъ имѣетъ тридцать-пять лѣтъ непрерывнаго прошлаго. И то онъ закончилъ разсмотрѣніе бюджета на 1907 г. только въ апрѣлѣ.

За всѣмъ сказаннымъ, однако, работоспособность второй Думы, конечно, стояла неизмѣримо ниже работоспособности и англійскаго парламента, и германскаго рейхстага, и французской палаты депутатовъ. Но возможно ли дѣлать сопоставленіе нашей практики представитель-

ства съ западной? Не лучше ли поискать сопоставленіе поближе, и за мѣрило работоспособности Думы взять свое учрежденіе, имѣющее тѣ же функціи?

Наша верхняя палата—преобразованный Государственный Совѣтъ возобновилъ свою дѣятельность въ одинъ день съ созывомъ Думы и „работалъ" одинаковое число дней. Потолокъ въ залѣ засѣданій Совѣта не проваливался, президіума Совѣтъ не выбиралъ, наказъ имѣлъ готовый, повѣрялъ полномочія пяти или шести лицъ, а не пятисотъ. Бѣгать по заламъ Маріинскаго дворца, отыскивая свободную комнату, членамъ совѣтскихъ коммиссій не приходилось. По каждому законопроекту Совѣтъ имѣлъ детальную „справку" своей богато обставленной канцеляріи. Въ составѣ Совѣта не было ни одного представителя лѣвыхъ политическихъ теченій. Половина его членовъ были люди долгаго государственнаго опыта. Другая половина—люди тоже долгаго опыта общественной дѣятельности. Что же сдѣлалъ въ теченіе 104 дней Государственный Совѣтъ? Какую проявилъ степень работоспособности?

Запросъ въ Совѣтѣ обсуждался одинъ, и тотъ большинствомъ голосовъ былъ отвергнутъ. Къ повѣркѣ отчета Совѣтъ не приступалъ вовсе. Право законодательной инициативы осуществлено не было ни разу. Группа членовъ Совѣта пыталась возбудить вопросъ о реформѣ сената, но потерпѣла неудачу. Когда среди той же группы явилась мысль поставить на очередь вопросъ о введеніи въ дѣйствіе уголовнаго уложенія въ полномъ объемѣ, то одинъ изъ наиболѣе видныхъ членовъ Совѣта по назначенію обратился съ этой цѣлью къ членамъ Думы. Онъ откровенно говорилъ: „У насъ (т.-е. въ Совѣтѣ) ничего сдѣлать нельзя".

Законопроектъ о контингентѣ новобранцевъ Совѣтъ дѣйствительно принялъ ровно во столько времени, сколько понадобилось на голосованіе. Но полагаемъ, что такую „работоспособность" можно ставить въ активъ Совѣту только въ такомъ случаѣ, если подъ способностью работать разумѣть способность принимать законопроекты на вѣру. Въ проектѣ штатовъ канцеляріи Думы совѣтская коммиссія безнадежно зарылась и такъ и не вынырнула до 3-го іюня изъ пучины редакціонныхъ поправокъ. Что сдѣлала бюджетная коммиссія Совѣта — не знаемъ. Во всякомъ случаѣ, не болѣе, чѣмъ коммиссія Думы, ибо работы тоже не окончила.

Скажутъ, пожалуй, что Государственный Совѣтъ намѣренно не дѣлалъ запросовъ и не пользовался правомъ законодательной инициативы. А было ли это согласно съ закономъ, который даетъ учрежденіямъ права не для того, конечно, чтобы учрежденія оставляли ихъ втунѣ? Было ли это въ соотвѣтствіи съ условіями пережи-

ваемаго времени? Кто не хочетъ работать или въ глубинѣ души сознаетъ, что работать не можетъ, тому всегда легко найти отговорку, оправдывающую въ глазахъ другихъ и въ своихъ собственныхъ...

Не въ „неработоспособности“ второй Думы дѣло, а въ томъ содержаніи, которое она вкладывала въ работу. Это и есть причина обвиненій въ „неработоспособности“. За ними явственно слышится: „тотъ способенъ работать, кто дѣлаетъ то, что „я“ хочу, чтобы „онъ“ дѣлалъ“...

Если выборы, въ концѣ концовъ, дадутъ значительное число членовъ Думы изъ православныхъ священниковъ, если въ Думѣ они образуютъ самостоятельную фракцію и если ихъ фракція представитъ хоть нѣсколько внушительную силу,—то неизбѣжно въ свѣтскомъ законодательномъ учрежденіи, а за нимъ и въ свѣтской общественной мысли повысится интересъ къ церковнымъ вопросамъ. Тогда, надо думать, въ стѣнахъ Таврическаго дворца, такъ или иначе, подвергнутся обсужденію опубликованныя 15-го сентября „Положенія о составѣ предстоящаго чрезвычайнаго собора русской церкви и о порядкѣ производства дѣлъ на ономъ“.

О церковномъ соборѣ заговорили одновременно съ толками о соборѣ земскомъ, т.-е. въ концѣ 1904 года. Сначала вопросъ приковывалъ всеобщее вниманіе. Затѣмъ о немъ то забывали, то вспоминали, но въ общемъ интересъ къ нему постепенно ослабѣвалъ. Русскимъ гражданамъ, захваченнымъ борьбой за осуществленіе возвѣщеннаго 17-го октября новаго политическаго строя, пережившимъ два раза выборы, два раза роспускъ Думы, два краткихъ думскихъ періода, казни, экспропріаціи и военно-полевые суды, было не до церковныхъ вопросовъ. За работами предсоборнаго присутствія не слѣдили, и какія среди членовъ присутствія были теченія—оставалось для большой публики неизвѣстнымъ. Весной мелькомъ прошло сообщеніе о томъ, что присутствіе закончило занятія. Но едва ли кому приходило въ голову, что тогда же, 25-го апрѣля, только теперь распубликованныя положенія были утверждены. Любопытно отмѣтить, что сенатъ получилъ текстъ положеній отъ синода еще 15-го мая и ровно четыре мѣсяца медлилъ съ опубликованіемъ. Если столь неторопливо дѣло пойдетъ дальше, то, пожалуй, ждать созыва собора придется цѣлые годы. „Московскія Вѣдомости“ этого и требуютъ. „Приходится пожелать,—пишетъ газета, — чтобы недостатки правилъ (конечно, не тѣ, которые мы имѣемъ въ виду) были восполнены осторожностью въ выборѣ времени созыва собора. Нужно, чтобы оно перестало быть столь тревожнымъ, нужно, чтобы умы болѣе умиротворились, и чтобы православные полнѣе разобрались въ еретическихъ и революціонныхъ

стремленіяхъ, которыми люди неблагонамѣренные могутъ замутить соборныя засѣданія"...

Положенія чрезвычайно кратки. Въ нихъ трактуется въ самыхъ общихъ чертахъ порядокъ выборовъ и веденія дѣлъ. Выборный элементъ будетъ имѣть въ соборѣ, мало сказать, второстепенное значеніе. Это будутъ свѣдущіе люди, призванные отражать голосъ бѣлаго духовенства и мірянъ передъ лицомъ епископовъ. Епархіальные епископы — обязательные члены собора, и имъ однимъ принадлежитъ право рѣшающаго голоса. О клирикахъ и мірянахъ законъ говоритъ, что они „приглашаются" на соборъ. Статья 4-я редактирована такъ: „Клирики и міряне, приглашенные на соборъ, участвуютъ въ обсужденіи всѣхъ соборныхъ дѣлъ и вопросовъ, но соборныя опредѣленія и постановленія составляются и подписываются одними епископами или замѣстителями ихъ". Въ рѣшеніи и голосованіи вопросовъ ни клирики, ни міряне, слѣдовательно, участія принимать не будутъ. Право иниціативы за ними также не признано. Но самое главное—не въ этомъ. Существеннѣе всего то, что сложный порядокъ избранія— двухстепенный для клириковъ и трехстепенный для мірянъ — завершается утвержденіемъ изъ трехъ клириковъ и изъ трехъ мірянъ по одному представителю въ каждой епархіи епархіальнымъ епископомъ. Составители положенія весьма характерно опредѣлили свой взглядъ на выборы, какъ на средство оказать содѣйствіе духовной власти, отъ которой они вовсе не хотѣли отнимать „заботу" о составѣ собора. Такъ, напримѣръ, отъ придворнаго и военнаго духовенства и отъ прихожанъ церквей, состоящихъ въ вѣдѣніи этого духовенства, никакихъ выборовъ производиться не будетъ, а будутъ назначены на соборъ „по два члена: одинъ изъ священниковъ и одинъ изъ церковныхъ ктиторовъ, по избранію протопресвитеровъ". Равнымъ образомъ „по усмотрѣнію святѣйшаго синода", на правахъ членовъ, будутъ на соборѣ: „представители отъ единовѣрія, монастырей, духовныхъ академій и иныхъ церковныхъ учрежденій, а равно и частныя лица, извѣстныя своею богословскою ученостью или любовью къ церковному просвѣщенію, и вообще своимъ усердіемъ къ церкви". Словомъ, выборы на соборъ получили характеръ какой-то декораціи. Въ дѣйствительности, „чрезвычайный соборъ русской церкви" будетъ расширеннымъ въ составѣ, но въ сущности такимъ же собраніемъ высшихъ іерарховъ, какъ синодъ. Публичность засѣданій, само собою разумѣется, не измѣняетъ существа постановки дѣла. Газета г. Грингмута находитъ, что, „къ сожалѣнію", епископъ не получилъ власти „не утвердить ни одного изъ кандидатовъ, если они явно негодны"; точно также — что „не установлено право епископовъ удалять изъ собора и лишать членскихъ правъ за непристойное или явно ере-

тическое поведеніе". Мы думаемъ, что и данныхъ монашествующимъ іерархамъ церкви правъ болѣе чѣмъ достаточно для искусственности представительства клириковъ и мірянъ.

Соборъ подобнаго состава, внѣ сомнѣнія, не удовлетворитъ возлагавшихся на него и все еще возлагающихся ожиданій. Голосу сторонниковъ коренного возрожденія православно-русской церкви едва ли удастся даже прозвучать на соборѣ. Но если бы онъ и прозвучалъ, звукъ останется безрезультатнымъ, если епископы не обнаружатъ склонности ему внять. Перечня вопросовъ, которые предполагается внести для обсужденія на соборѣ, не опубликовано. Въ газетахъ появилась на дняхъ замѣтка, что одинъ изъ наиболѣе жизненныхъ вопросовъ, особенно болѣзненно захватывающій интересы крестьянской деревни и сельскаго духовенства — о приходѣ — предположено на обсужденіе не вносить. Если такъ, то тѣмъ болѣе неутѣшительныя предсказанія напрашиваются сами собой.

8-го сентября, одновременно въ Россіи и за-границей, появилась статья Л. Н. Толстого—„Не убій никого". „Вся Россія — пишетъ Л. Н.—стонетъ отъ ужаса вырвавшихся наружу, ничѣмъ не сдерживаемыхъ звѣрскихъ инстинктовъ, побуждающихъ людей совершать самыя ужасныя безсмысленныя убійства". Дѣйствительно, если отрѣшиться отъ выборовъ, отъ аграрнаго вопроса, отъ произвольныхъ дѣйствій администраціи и отъ предположеній о тѣхъ или другихъ реформахъ, словомъ, если подняться надъ тѣмъ, что волнуетъ гражданъ, заботящихся о будущихъ судьбахъ родины, то фактъ какого-то сплошного озвѣрѣнія предстанетъ во всей своей ужасной наготѣ. И въ такое-то время, какъ справедливо продолжаетъ Л. Н., люди стѣснены въ проповѣди добра и отрицанія убійствъ. Внѣшнимъ поводомъ статьи послужило то, что въ іюлѣ нынѣшняго года было посажено въ тюрьму лицо, признанное виновнымъ въ распространеніи написанной Л. Н. Толстымъ нѣсколько лѣтъ назадъ брошюры—„Не убій". Статья напечатана въ „Рѣчи" съ выразительными многоточіями и снабжена характернымъ для свободы печати редакціоннымъ примѣчаніемъ: „Мы получили экземпляръ новой статьи Л. Н. Толстого — „Не убій никого", съ просьбой напечатать ее сегодня, 8 сентября, въ день, назначенный для одновременнаго появленія ея въ Россіи и за-границей. Левъ Николаевичъ выразилъ пожеланіе, чтобы статья была напечатана цѣликомъ, безъ пропусковъ. Къ сожалѣнію, мы лишены возможности исполнить желаніе великаго писателя земли русской. При нашихъ условіяхъ, мы можемъ печатать новое произведеніе Льва Николаевича только съ урѣзками".

Вѣроятно, этими „урѣзками“ объясняется, почему статья не производитъ того сильнаго впечатлѣнія, какого отъ нея можно было ожидать. Толстой въ крайнемъ упадкѣ нравственнаго и религіознаго чувства видитъ одно утѣшеніе, — „что этотъ ужасный упадокъ есть признакъ послѣдней степени развращенія, при которой должно наступить пробужденіе“. Онъ вѣритъ, что „теперешняя русская революція“ приведетъ насъ къ этому пробужденію. Мы тоже вѣримъ въ конечное торжество идеаловъ любви и добра. Но неужели еще долго предстоитъ жить въ омутѣ разгула низменныхъ страстей? Неужели еще долго человѣческая жизнь не будетъ ставиться ни во что революціей и борющейся съ нею властью?..

Post-Scriptum.—Мы, какъ и оговаривались вначалѣ, писали хронику до періода избранія выборщиковъ въ землевладѣльческихъ съѣздахъ. 23-го сентября, происходилъ съѣздъ въ уѣздѣ, о которомъ мы упоминали. Наканунѣ стало извѣстно, что министръ внутреннихъ дѣлъ раздѣлилъ съѣздъ—изъ всей губерніи только въ одномъ этомъ уѣздѣ—на два отдѣленія, съ отнесеніемъ къ одному священниковъ, а къ другому—крупныхъ землевладѣльцевъ и уполномоченнаго отъ мелкихъ, и съ предоставленіемъ первому избрать одного выборщика, а второму—шестерыхъ. На второй—прибыло 32 лица, которыя выбрали крайнихъ реакціонеровъ. Такимъ образомъ, въ послѣдній передъ выборами день министръ вн. дѣлъ въ рѣшительной формѣ использовалъ свое право воздѣйствія на индивидуальныя кандидатуры. Мы не знаемъ, во многихъ ли уѣздахъ повторилось подобное дѣленіе вопреки циркуляру, о которомъ мы писали въ прошломъ мѣсяцѣ.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

ИЗВѢЩЕНІЯ

I. — Отъ душеприказчиковъ В. Д. Спасовича.

Душеприказчики по духовному завѣщанію бывшаго профессора С.-Петербургскаго университета, присяжнаго повѣреннаго Владиміра Даніиловича *Спасовича*, объявляютъ во всеобщее свѣдѣніе, что ст. 6 означеннаго завѣщанія гласитъ слѣдующее: „Авторскими правами на сочиненія мои на польскомъ и русскомъ языкахъ я распоряжаюсь такимъ образомъ, что они прекращаются съ момента моей смерти. Предоставляю право перепечатыванія моихъ произведеній каждому желающему".

Душеприказчики покорнѣйше просятъ редакціи другихъ изданій не отказать въ перепечатаніи настоящаго сообщенія.

II. — Отъ Комитета по оказанію помощи голодающимъ, состоящаго при И. В. Э. Обществѣ.

Голодная деревня доживаетъ передъ новымъ урожаемъ наиболѣе тяжкіе свои мѣсяцы. Все съѣдено, все, что можно было продать, продано, и въ то самое время, когда необходимо чрезвычайное напряженіе силъ для полевыхъ работъ, изнуреніе послѣ долгихъ мѣсяцевъ голода дошло до крайней степени. Отовсюду идутъ тревожныя вѣсти о растущей нуждѣ и объ увеличившейся заболѣваемости населенія, а изъ Уфимской, Самарской и Оренбургской губерній, кромѣ того, объ огромномъ распространеніи тифа и цынги. Цынга начала свое ужасное дѣло теперь въ Казанской губерніи и коснулась уже Саратовской. И при недостаточности и неурядицахъ продовольственнаго дѣла совершенно необходима для наиболѣе обезсиленной части населенія помощь общественная.

Состоящій при Вольномъ Экономическомъ Обществѣ Комитетъ оказываетъ помощь голодающимъ черезъ образованныя изъ мѣстныхъ общественныхъ дѣятелей Отдѣленія, которыя въ настоящее время дѣйствуютъ въ 11 губерніяхъ: Самарской, Уфимской, Казанской, Оренбургской, Саратовской, Симбирской, Нижегородской, Воронежской, Пензенской, Костромской и Области Войска Донского. Отдѣленія организуютъ помощь главнымъ образомъ на средства, собираемыя Комитетомъ В. Э. Общества (нѣкоторыя изъ нихъ также частью на средства Комитета Московскаго Пироговскаго Общества). Къ работѣ привлечены наиболѣе живые мѣстные люди; они коллективно вырабатываютъ правильные пути и раціональныя формы помощи, опредѣляя предварительными изслѣдованіями болѣе всего нуждающіяся въ помощи мѣста. Создана такимъ образомъ обширная организація общественнаго характера, у котораго лежитъ на рукахъ большое дѣло.

Силами этой соединенной организаціи прокармливается въ настоящее время свыше 118 тысячъ человѣкъ. По послѣднимъ свѣдѣніямъ, Казанскимъ Отдѣленіемъ (совмѣстно съ мусульманскимъ его подотдѣломъ) открыто 180 столовыхъ и 105 пекаренъ, которыя кормятъ 32 тысячи чел.; въ 75 столовыхъ Самарскаго Отдѣленія продовольствуется до 20 тыс. чел., у Саратовскаго Отдѣленія 122 столовыхъ съ 20.500 тыс. столующихся, у Нижегородскаго—32 столовыхъ съ 6.160 чел., Уфимскаго—194 столовыхъ и 9.613 кормящихся, и кромѣ того, Уфимское Отдѣленіе прокармливаетъ въ Оренбургской губ. до 8.000 чел., Симбирское продовольствуетъ свыше 6 тыс. чел., въ Пензенскомъ 19 столовыхъ и 1.542 чел., и кромѣ того—20 столовыхъ въ Керенскомъ у. Въ Области Войска Донского продовольствовалось до 13 тыс. чел. (въ настоящее время помощь администраціей прекращена); въ Задонскомъ уѣздѣ Ворон. губ. 1 столовая съ 400 чел. кормящихся; кромѣ того, въ Орловской губ. 1 столовая на 100 чел. О числѣ получающихъ помощь въ Воронежскомъ уѣздѣ и Костромской губерніи, гдѣ дѣло организовано недавно, свѣдѣній у Комитета пока еще нѣтъ.

Дѣло помощи вездѣ расширяется подъ давленіемъ растущей нужды. И для того, чтобы его поддержать, необходимы большія средства. Между тѣмъ, въ настоящее время кромѣ тѣхъ по большей части незначительныхъ суммъ, которыя имѣются въ Отдѣленіяхъ, Комитетъ располагаетъ всего лишь около 17 тыс. рублей. Положеніе создалось чрезвычайно тревожное. Если не увеличится значительно притокъ пожертвованій въ Комитетъ, то придется закрывать дѣйствующія теперь столовыя и пекарни, отказывая въ помощи въ самое тяжелое время самой вопіющей нуждѣ. Поэтому Комитетъ снова обращается съ призывомъ къ обществу о пожертвованіяхъ для поддержанія дѣятельности организаціи, работающей исключительно на общественныя средства и общественными силами и осуществляющей въ себѣ чисто общественныя начала.

Съ благодарностью Комитетъ считаетъ своимъ долгомъ отмѣтить слѣдующія наиболѣе крупныя пожертвованія единовременныя, поступившія къ нему: изъ Нью-Іорка отъ американскаго комитета по оказанію помощи голодающимъ въ Россіи 103.750 франковъ, изъ Норвегіи черезъ ред. газеты „Morgenblaten“ 2.250 р., отъ 2-го Спб. Общества Взаимнаго Кредита 12.453 р., отъ А. Н. Пушечникова 5.200 р., съ вечера въ Одессѣ 5.439 р., г-жи Панкѣевой изъ Херсона 5.000 р., г. Гофмана съ концерта 4.888 р., отъ Одесскаго Взаимнаго Кредита 3.000 р., Торговаго дома Нейшеллеръ 3.000 р., служащихъ въ Спб. Технологич. Институтѣ 2.200 р., Спб. скотопромышленной и мясной биржи 2.000 р., Одесскаго Гор. Кредитнаго Общества 2.000 р., гг. Мотовиловыхъ 2.000 р., Тов. бр. Нобеля, кромѣ 9 тыс. пуд. керосина, 2.000 р., отъ Кіевской конторы сахарозаводчиковъ два вагона сахара и др.

Пожертвованія принимаются въ Императорскомъ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ (Спб., Забалканскій, 33) ежедневно, за исключеніемъ воскресныхъ и праздничныхъ дней, отъ 11 час. утра и до 6 час. вечера.

Предсѣдатель *Л. Ю. Явейнъ*.—Казначей *А. М. Безбородовъ*.

III. — Отъ Международнаго Комитета для помощи безработнымъ рабочимъ Россіи.

Международный Комитетъ для помощи безработнымъ Россіи предпринялъ изданіе литературно-художественнаго сборника, посвящаемаго въ Россіи памяти Александра Ивановича Герцена.

Обращаясь къ художникамъ и литераторамъ всѣхъ странъ, Комитетъ пытается образовать цѣнный вкладъ въ сокровищницу всемірной литературы и искусства и создать этимъ памятникъ великому борцу за соціальное освобожденіе—рабочему классу всѣхъ странъ.

Сборникъ этотъ будетъ, конечно, безпартійнымъ, но объединяющимъ произведенія какъ свободной отъ партійности художественной, критико-публицистической и научной литературы, такъ и произведенія партійныхъ литераторовъ, посвященныя нуждамъ рабочаго класса и объективнымъ вопросамъ политической и соціальной жизни.

Сборникъ будетъ издаваться въ Россіи и за-границей.

Питая глубокую надежду, что многіе придутъ на помощь Международному Комитету въ осуществленіи этой цѣли, Правленіе Комитета проситъ обращаться за справками и высылать рукописи по адресу: M-r N. Herzen, prof., Lausanne. Suisse. Avenue de Rumine 57.

Между прочимъ, въ сборникѣ будутъ напечатаны неизданная статья А. И. Герцена „Мѣсто человѣка въ природѣ“ и письма къ нему Карла Фогта, Карлейля и польскихъ повстанцевъ 1862 г.

Предсѣдатель проф. *Н. Герценъ.*
Секретарь *К. Злинченко.*

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЯТАГО ТОМА

Сентябрь — Октябрь, 1907.

Книга девятая. — Сентябрь. стр.

Слѣпой Ивка.—Разсказъ.—I-IX.—ВСЕВОЛОДА РЯЗАНЦЕВА 5

Херсонесъ Таврическій и его историческая судьба. — Очеркъ. — I-XIII. — ЕВГ. Э. ИВАНОВА 59

Пустой случай.—Разсказъ.—МИХАИЛА ЧЕХОВА 110

По Ирландіи.—Замѣтки и наблюденія.—Окончаніе.—VI-VIII. — С. И. РАПОПОРТА 121

Два разсказа.—I. Подъ игомъ рефлексіи.—I-XX.—II. „По Крафтъ-Эбингу".—I-XI.—Н. СѢВЕРОВА. 147

Далекій горизонтъ. — Романъ Люкаса Малета. The far horizon. By Lucas Malet. — I-IX.—Съ англ. О. Ч. 202

Ростъ государственнаго долга Россіи.—1769-1906.—I-IV.—В. В. 245

Память сердца.—Эскизъ по роману Michel Corday: „La Mémoire de Coeur".—Съ франц. З. В. 268

Элиза Ожешко.—Литературная характеристика.—I-II. — Л. ШЕПЕЛЕВИЧА. 326

Хроника. — Внутреннее Обозрѣніе. — Теоретикъ обскурантизма и конституція 1906-го года.—Реформа, революція или государственный переворотъ?—Мнимая вина „кодификаторовъ". — Возможна ли неизмѣняемость верховной власти?—Сложная верховная власть и ея факторы.—Предстоящій процессъ о выборгскомъ воззваніи. — Движеніе законодательныхъ работъ прежде и теперь.—В. А. Половцовъ † 347

Литературное Обозрѣніе..—I. Н. Котляревскій. Старинные портреты.—II. Литературно-художественные альманахи изд. „Шиповникъ". Кн. II.—III. Петрашевцы. Изд. В. М. Саблина.—IV. Д-ръ Н. Г. Котикъ. Эманація психофизической энергіи.—V. С. Рафаловичъ. Отвергнутый Донъ-Жуанъ. — М. Г. — VI. Три мѣсяца фабричнымъ рабочимъ. П. Гёре.—VII. Н. Новомбергскій. Врачебное строеніе въ до-Петровской Руси.—VIII. Н. И. Сувировъ. Безработица и страхованіе отъ ея послѣдствій въ западной Европѣ.—В. В.—Новыя книги и брошюры 365

Иностранное Обозрѣніе.—Новыя международныя соглашенія.—Двѣ конвенціи—русско-японская и англо-русская.—Дипломатія короля Эдуарда VII.—Македонскій вопросъ и марокккскія дѣла.—Международный съѣздъ соціалистовъ.—Болгарскій юбилей 397

Новости Иностранной Литературы.—Bernard Shaw. „John Bull's other Island" and „Major Barbara".—З. В. 411

Изъ Общественной Хроники. — О политическомъ утомленіи и политическомъ отдыхѣ.—Вѣрно ли опредѣленіе: „страна отдыхаетъ"?—Неуспѣшность проведенія въ жизнь закона о самоупраздненіи крестьянской общины.—Перемѣна ролей въ вопросѣ объ общинѣ.—Неудачныя усилія землеустроительныхъ коммиссій. — Циркуляръ о раздѣленіи избирательныхъ съѣздовъ. 421

Библіографическій Листокъ. — Собраніе сочиненій кн. Сергѣя Николаевича Трубецкого. Т. I. Публицистическія статьи.—Лампосъ. Идеальная система управленія. — С. В. Венгеровъ. Очерки по исторіи русской литературы.—Н. М. Гутьяръ. Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ.

Объявленія.—I-VIII.

Книга десятая.—Октябрь. стр.

Церковь, папство и государство въ IV-мъ вѣкѣ.—I-V.—В. И. ГЕРЬЕ. . . . 441

„Донъ-Жуанъ" графа Алексѣя Толстого. — Историко-литературный этюдъ. — I-XV.—МАРГАРИТЫ САЛОМОНЪ. 483

Московскій „американецъ".—Разсказъ.—I-XI.—С. ВАСЮКОВА. 520

Стихотворенія.—У озера: I. Водяныя лиліи.—II. Слезы весны.—О. ЧЮМИНОЙ. 554

Херсонесъ Таврическій и его историческая судьба. — Очеркъ. — XIV-XXI. — ЕВГ. Э. ИВАНОВА 556

Далекій горизонтъ.—Романъ Люкаса Малета. The far horizon. By Lucas Malet.—X-XVII. — Съ англ. О. Ч. 612

Н. П. Огаревъ и его любовь.—1-12.—Сообщилъ М. О. ГЕРШЕНЗОНЪ . . 650

Толедскій соборъ.—Повѣсть.—Vicente Blasco Ibañez. La Catedral. Novela.— I-II. — Съ испанск. З. В. 682

Ростъ государственнаго долга Россіи.—1769-1906.—Окончаніе.—V-IX.—В. В. 715

Изъ книги „Тоска бытія": I-III.—Наполеонъ.—Стих. Д. РАТГАУЗА . . . 737

Мицкевичъ и Пушкинъ въ новомъ освѣщеніи.—I-IV.—А. И. ЯЦИМИРСКАГО. 739

Хроника.—Удѣльныя земли и ихъ происхожденіе.—I-V. — П. ГОЛУБЕВА. . 752

Внутреннее Обозрѣніе.—Ретроспективный взглядъ на истекшіе полтора года.— Новое изданіе, бросающее яркій свѣтъ на первую Государственную Думу.—Историческая роль партіи „народной свободы". — Избирательныя платформы „союза 17-го октября" и партіи „мирнаго обновленія".— Архипастырское посланіе и близкія къ нему газетныя стихіи.—Второй общеземскій съѣздъ.—Задачи третьей Думы.—Успокоительные факты.— Рижскій процессъ.—Клевета на умершаго. 777

Литературное Обозрѣніе. — I. Н. Павловъ-Сильванскій. Декабристъ Пестель предъ Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ.—II. С. М. Степнякъ-Кравчинскій. Собраніе сочиненій. Ч. III. — III. Влад. Станюковичъ. Пережитое. — Н. Троцкій. Туда и обратно. — А. Нѣмоевскій. Изъ-подъ пыли вѣковъ. I. Сократъ. — М. Г. — VI. В. Святловскій. Профессіональное движеніе въ Россіи. — VII. А. Тобинъ. Аграрный строй материковой части Лифляндской губерніи. — В. Земцевъ. Къ аграрному вопросу въ Лифляндіи. — VIII. С. Закъ. Соціально-политическія таблицы всѣхъ странъ міра. Годъ первый. 1907-1908.—В. В.—Новыя книги и брошюры. 795

А. П. Чеховъ-пѣвчій.—Матеріалъ для его біографа. — А. С—ОЙ. 825

Иностранное Обозрѣніе. — Англо-русская конвенція. — Отдѣльныя соглашенія относительно Персіи, Афганистана и Тибета.—Нѣкоторыя особенности договора о „сферахъ вліянія" въ Персіи.—Значеніе конвенціи съ точки зрѣнія либеральныхъ принциповъ.—Странные проповѣдники англо-русскаго союза.—Конецъ парламентской сессіи въ Англіи 835

Изъ жизни въ Польшѣ. — 1879-1885 гг. — По личнымъ воспоминаніямъ. — С. РАЕВСКАГО. 850

Изъ Общественной Хроники.—Начало выборовъ въ третью Думу.— Роль православнаго духовенства на выборахъ и вѣроятная — въ Думѣ. — Дѣйствительно ли вторая Дума была неработоспособна? — Составъ предстоящаго церковнаго собора.—Л. Н. Толстой объ убійствахъ.—PS. . 863

Извѣщенія. — I. Отъ душеприказчиковъ В. Д. Спасовича.—II. Отъ Комитета по оказанію помощи голодающимъ, состоящаго при И. В. Э. Обществѣ.— III. Отъ Международнаго Комитета для помощи безработнымъ рабочимъ Россіи 880

Библіографическій Листокъ. — Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій. Изд. В. Кн. Николая Михаиловича. Т. III, вып. 2. — Луи Бланъ. Исторія французской революціи. Т. I, II и III, перев. А. Рѣдкинъ. — Около политическихъ. Вл. Беренштама. — Собраніе сочиненій А. Д. Градовскаго. Т. VIII, ч. 2-я: Органы управленія. — Осада Портъ-Артура, переводъ М. Иностранцева.

Объявленія.—I-VIII.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

БИБЛИОТЕКА
ДОМА ЦАРЯ
ПЕТРА ВЕЛИКОГО

3